

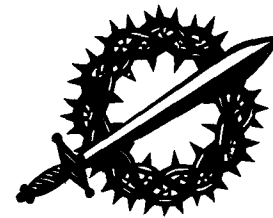


ВОСТОЧНЫЙ  
ФРОНТ  
АДМИРАЛА  
КОЛЧАКА





# ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА



Москва  
ЦЕНТРОЛИГРАФ  
2004



Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта  
Валентины Алексеевны БЛАГОВО  
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,  
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

**В78 Восточный фронт адмирала Колчака / Состав-**  
ление, научная редакция, предисловие и комментарии  
доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.: ЗАО  
Центрполиграф, 2004. — 651 с.

ISBN 5-9524-0959-8

Книга посвящена описанию боевых действий армий Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака на Востоке России с осени 1918-го по ноябрь 1919 года, то есть от вступления Колчака в должность Верховного правителя России до начала Великого Сибирского Ледяного похода.

Среди авторов этого тома — генералы П.П. Петров и К.В. Сахаров, в воспоминаниях которых наряду с описанием боевых операций дается анализ политических и революционных ситуаций того времени и анализ причин поражения Белого Дела.

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями. Книга входит в издательский проект «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественных деятелей, причастных к формированию духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, 2004  
© Художественное оформление серии,  
ЗАО «Центрполиграф», 2004  
© ЗАО «Центрполиграф», 2004

ISBN 5-9524-0959-8



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Деятнадцатый том серии «Белое движение в России» посвящен Белой борьбе на Востоке России под руководством адмирала А.В. Колчака. Хронологически он охватывает время с отхода белых войск от Волги к Уфе осенью 1918 года и вступления в верховное командование ими адмирала Колчака до оставления Омска и начала Великого Сибирского Ледяного похода, то есть с осени 1918-го по середину ноября 1919 года.

К осени 1918 года в состав белых сил на Востоке входили действующие самостоятельно Народная (Комуча) и Сибирская (Временного Сибирского правительства) армии, формирования восставших казаков Оренбургского, Уральского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского, Енисейского, Уссурийского казачьих войск, формально подчинявшиеся назначенному Уфимской директорией Верховному главнокомандующему всеми сухопутными и морскими силами России генерал-лейтенанту В.Г. Болдыреву. Прибывший 14 октября в Омск и введенный в правительство в качестве военного министра адмирал А.В. Колчак 18 ноября при полной поддержке офицерства обеих армий был провозглашен Верховным Правителем России.

В декабре 1918 года была образована Ставка Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака, которой непосредственно подчинялся штаб Верховного главнокомандующего. Сибирская и Народная армии были упразднены, и 24 декабря 1918 года войска разделены на Сибирскую, Западную и Оренбургскую (весной 1919 года из нее выделена и подчинена Западной армии Южная группа) отдельные армии, в оперативном подчинении Ставки находилась также Уральская отдельная армия. 14 июля 1919 года Восточный фронт был поделен на три не отдельные армии — 1-я и 2-я из бывшей Сибирской и 3-я (бывшая Западная); в непосредственном подчинении Ставки находились Южная армия (образованная из Оренбургской армии и Южной группы) и Уральская армия, а также Степная группа в районе Семипалатинска, войска Семиречья и внутренние антипартизанские фронты. В начале октября 1919 года Ставка была упразднена, и управление войсками осуществлялось непосредственно через штаб главнокомандующего фронтом.

Армии делились на корпуса (летом 1919 года преобразованы в группы с переменным числом дивизий), дивизии (а также двухполковые бригады) и полки с единой нумерацией и с названиями по сибирским и уральским городам. Корпусам придавались штурмовые бригады (егерские батальоны), кадровые бригады и другие части. Значительную роль играли казачьи части (и по количеству формирований, и по численности личного состава участие казачества всех восточных казачьих войск в Белом движении заметно превышало его участие в Первой мировой войне).

На Востоке России белое командование, намереваясь создать полноценную всероссийскую армию, широко прибегало к мобилизациям, дававшим вследствие хорошо поставленной большевистской агитации в тылу все менее надежный контингент. К середине ноября 1918 года на всем фронте было 43 тысячи штыков и 4,6 тысячи сабель: в результате массовых мобилизаций чрезвычайно разбухли прежде всего тыловые части и учреждения, что породило резкую диспропорцию между общим числом едоков и боевым элементом. К весне 1919 года армия увеличилась до 400 тысяч человек (в том числе 130—140 тысяч штыков и сабель на фронте), а к лету — до 500 тысяч человек. Штатное расписание планировало довести численность армии до 52,8 тысячи офицеров и чиновников и 1231,1 тысячи солдат. Однако максимальная численность как действующей армии, так и военных округов (к 1 июля 1919 г.) не превышала 19,6 тысячи офицеров и чиновников и 416,6 тысячи солдат. Но из них непосредственно на фронте в Сибирской, Западной и Южной армиях насчитывалось 94,5 тысячи штыков, 22,5 тысячи сабель, 8,8 тысячи невооруженных, при 1,4 тысячи пулеметов, 325 орудиях, 3 броневых автомобилях, примерно 10 бронепоездах и 15 самолетах. Чрезмерное увеличение численности армии имело последствием то, что офицеры, которых и так было немного, совершенно растворились в массе мобилизованных солдат. Формировавшиеся в тылу новые части комплектовались по полному штату, и после мобилизаций офицеры находились почти исключительно на командных должностях. Армия порой испытывала недостаток даже в младшем и среднем командном составе, ввиду чего в 1918—1919 годах действовало довольно много военно-учебных заведений.

В настоящем издании собраны воспоминания о борьбе в рядах белых формирований Восточного фронта, в том числе оренбургского и уральского казачества. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. В России эти воспоминания никогда не публиковались.

В большинстве случаев все публикации приводятся полностью (некоторые сокращения сделаны только за счет невоенной тематики). Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях участников событий и географических названиях; их правильное написание — в комментариях.

## ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА





**П. Петров<sup>1</sup>**

## **ОТ ВОЛГИ ДО ТИХОГО ОКЕАНА В РЯДАХ БЕЛЫХ<sup>2</sup>**

**Осень 1918 года в Уфе**

Крушение Поволжского фронта не было неожиданностью для уфимского командования, и потому там не наблюдалось какой-либо растерянности. Опасность для Уфы раньше была со стороны Мензелинска и устья Белой, так как красные после занятия Казани устремились частью сил на Ижевско-Воткинское направление, а частью по нижней Каме, принудив нашу речную флотилию зайти в реку Белую. Теперь эта опасность увеличивалась.

Нужно сказать, что в Уфимском районе с самого начала восстания на Волге настроение вообще было тверже, чем в Самаре, так как помимо городского населения, давшего значительное число добровольцев, отзывалась и часть сельского татарского населения, а также часть населения Урала.

Уфа, после освобождения, своими добровольческими частями самостоятельно выполнила задачу по очистке района от большевиков и довольно успешно боролась с появившимися на севере отрядами. Единственно, что не удалось Уфе, это отрезать отступление красных из Оренбургского района под начальством Блюхера, который провел отряд около 2000 человек недалеко от Уфы и выбрался после на Кунгур.

В Уфе был объявлен тоже призыв по мобилизации и формировался корпус. Формирование задерживалось недостатком снабжения и к моменту оставления Самары не могло быть закончено; «корпус» не представлял корпуса, а был лишь его скелетом; все же это было удачнее формирований в районе Самары именно потому, что население относилось сочувственно к борьбе с большевиками.

К моменту отхода из Самары и Симбирска Уфимская группа имела задачей обеспечение Уфимского района с севера, со стороны устья Белой, и не могла выделить сил для помощи на Симбирском или Самарском направлениях. На направлении Уфа—Бутульма—Симбирск находился Каппель<sup>3</sup> с самарскими и симбирскими частями, к которым присоединились позже через Чистополь с большими трудностями и казанские. Чехи с Симбирского направления были скоро выведены. На направлении Уфа—Самара были чехи и начавший формироваться батальон Учредительного собрания с конным дивизионом; они должны были задерживать красных у Бугуруслана.

После оставления нами Казани открывалось направление на Оренбург, который сразу не мог выдвинуть значительных сил для обеспечения себя со стороны Самары. Я настоял на посылке сызранских частей, кроме Оренбургского казачьего полка. Частям, отступавшим к Оренбургу, приказано было задерживать красных у Бузулука, но они скоро отошли несколько дальше; Оренбург остался не связанным железной дорогой с Уфой, и вообще связь с ним была затруднительна.

Значение удержания нами Уфы для Оренбурга было очевидным, а потому в Уфимский район Дутов<sup>4</sup> направил оренбургские казачьи части, принявшие затем участие во всех боях за Уфу. Будь эти части в Самаре, Самарский район не был бы оставлен так быстро. Уральские казаки оказались как бы изолированными в своей борьбе и кое-как начали налаживать снабжение из Омска. Сибирская армия<sup>5</sup> в это время вела активные бои севернее Екатеринбурга, который считался надежно обеспеченным.

Что делалось в глубокой Сибири в отношении формирований, какие задачи поставило новое правительство в создании силы, в какой срок, как выполняются задачи — нам было неизвестно. Знали только о мобилизации. Пополняли ли мобилизованные действовавшие отряды или формировались какие-то новые, точно было неизвестно; знали, что в Челябинске генерал Ханжин<sup>6</sup> формировал корпус из двух дивизий и двух кадровых бригад. Летом имелись сведения, что формирование к осени будет закончено, а несколько позже, что формирование задерживается недостатком одежды и вооружения.

В смысле политики и после избрания Директории Уфа не ушла от нее совершенно; Комитет Учредительного собрания из Самары перебрался в Уфу, а затем в Екатеринбург; в Уфе остался «Совет управляющих ведомствами территории Учредительного собрания» с уполномоченным правительства Знаменским во главе. Комитет действовал как местная краевая власть с широкими правами. Из

Екатеринбурга члены Учредительного собрания скоро были насильно удалены и часть из них с Черновым во главе привезена чехами в Уфу.

Вскоре после оставления Самары и прибытия в Уфу штаба Поволжской группы<sup>7</sup>, переименованного в штаб Самарской группы, командующим этой группой был назначен генерал Войцеховский<sup>8</sup>, работавший до этого времени на Екатеринбургском направлении, а генерал Чечек<sup>9</sup> уехал во Владивосток. Начальником 1-й Чешской дивизии должен был быть полковник Швец, но он застрелился в Белибее. Ясных причин не установлено, но самоубийство можно приписать развалу чехов, а 1-го полка в частности, так как полковник Швец тяжело переносил перемену настроений, сильно отразившихся и на взаимоотношениях. Начальником 1-й Чешской дивизии был назначен полковник Воженилек, работавший под Самарой на Николаевском направлении. Назначение генерала Войцеховского в Уфу безусловно сыграло большую роль в смысле выигрыша времени; оборона затянулась.

Надо сказать, что к этому времени чешский арьергард у Бугуруслана чуть ли не впервые получил удар от большевиков, которые устроили неожиданное нападение на них в вагонах, очевидно плохо охраняемых. Арьергард бросил вагоны и с потерями, спешно, частью по железной дороге, а частью кружными путями отошел почти к Белибею; стоило много труда заставить остановиться их у станции Абдулино и не обнажать совершенно направления. Чехи к этому времени почти требовали немедленного отступления и, когда им приказали сосредоточиться у Белибея, не желали свертывать от главной магистрали к городу Белибею. Даже такой отличный полк, как 1-й, и тот был в брожении, и только после смерти полковника Швец, произведшей большое впечатление, вопрос о сосредоточении как будто разрешился благоприятно.

Уход в это время чехов поставил бы в скверное положение группу Каппеля, действовавшую севернее в районе Бутульма — река Ик. Сменить же чехов было нечем, так как здесь из русских частей была только часть батальона Учредительного собрания да Самарский конный дивизион под начальством члена Комитета Учредительного собрания Фортунатова<sup>10</sup>. Сыровый<sup>11</sup> от Челябинска или, вернее, начальник штаба генерал Дитерихс<sup>12</sup> обещал присылку новых уральских частей в первых числах декабря. Нужно было удерживать на фронте чешские части хотя бы до 1 декабря.

Генерал Чечек уже до некоторой степени потерял влияние на своих людей и не смог объединить все силы в этом районе, совер-



шенно различные по природе. А кроме того, и политическая обстановка была весьма сложной. Генерал Войцеховский был начальником штаба 1-й Чешской дивизии еще в 1917 году; был затем командиром 3-го полка и командующим Екатеринбургской группой войск в месяцы первых наших успехов. Под его руководством было организовано выступление в Челябинске и освобожден Троицкий район. Он пользовался большой популярностью среди чехов и, получив назначение, добился переброски из-под Екатеринбурга в Уфу батальона и конной батареи. Кроме того, было обещано подчинение ему 1-го Польского полка под начальством опытного командира полковника Румша.

Сразу же по прибытии генерал Войцеховский поставил совершенно определенно вопрос об участии чехов в действиях против большевиков до 1 декабря; начальнику дивизии и всем прибывающим чешским командирам полков объявлялась предстоящая задача — о сосредоточении в Белибее с целью маневра — как дело решенное, которое никто изменить не может. И даже те командиры, которые пытались представить свое мнение о невозможности активных действий при существующем настроении, замолкали и уходили к себе, чтобы готовиться. Все это в отношении чешских частей. В остальном нужна была работа — использовать все, что возможно, для обороны.

Задача для уфимского командования была совершенно ясной: удерживать Уфу возможно дольше, чтобы дать возможность Уралу закончить работы по формированию и сосредоточить новые части в зависимости от обстановки. Удерживать активно, ибо оборона в Гражданской войне — гибель. Потеря Уфы была весьма чувствительной, особенно для Оренбургского района; решено держаться упорно, но все же местные власти были предупреждены о необходимости эвакуации всего нужного к половине декабря.

Генерал Войцеховский был встречен в Уфе русскими сначала не особенно доверчиво, но скоро все знали, что в порученном ему деле он действительно, предусмотрительный хозяин, не упустит случая для удара по большевикам и не позволит никому вмешиваться в военное дело. Хозяйственную сторону, вопросы снабжения, он поручил начальнику штаба, а сам занялся вопросами оперативными. Учет сил, обстановку на фронте во всех деталях, вопросы связи и прочее он знал хорошо; малейшие изменения докладывались ему днем и ночью немедленно; использование всяких возможностей для ударов, использование личных свойств разнородных войск и их начальников не требовало каких-либо докладов подчиненных. В свое время

получалось письменное или словесное личное распоряжение, всегда совершенно определенное. Были жалобы войск лишь на постановку задач, часто трудных, иногда непосильных.

В смысле увеличения сил он не стал на ту точку зрения, которая была в тылу, в Челябинске и Омске. Там говорили о формировании батальона Учредительного собрания, русско-чешского полка и конного дивизиона под начальством члена Учредительного собрания, эсера Б.К. Фортунатова, как о чем-то преступном, направленном во вред делу. Там довольно презрительно отозвались о Народной армии, не смотря на работу на Волге Каппеля; там признавали за единственную силу, способную что-либо сделать, новые дивизии, формируемые в тылу, под защитой Народной армии.

Фронт требовал использования всего, что брало винтовку, независимо от партийной окраски; сформированные в тылу части были еще где-то далеко, и мы в них по опыту не так верили, как в создававшие. Там не было командного состава, требуемого особыми условиями Гражданской войны. И Войцеховским было дано разрешение на формирование русско-чешского полка, так как это обещало приток добровольцев. Все части были одинаково ценными и ценимыми. В отношении гражданской власти (Совета управляющих ведомствами из членов бывшего Комуча и представителя чешского Национального Совета) генерал Войцеховский поставил себя совершенно независимо; никто из подчиненной ему группы не имеет права распоряжаться без него, без его разрешения; он же исполняет лишь приказы главнокомандующего фронтом.

Весь октябрь после оставления Самары прошел в мелких боях; в первых числах ноября группа полковника Каппеля была оттеснена красными за реку Ик и вела бои на линии примерно Белибея. Полковник Каппель задерживался, переходя в короткие контрудары, но противник был сильнее его. К этому времени красные части уже действовали в новых соединениях — дивизиях.

В распоряжение полковника Каппеля был послан только что сформированный 1-й Польский полк, прибывший броневики англичан и, сколько помнится, небольшая часть оренбургских казаков. Чехи сосредоточились в Белибее, имея авангард впереди у Абдулина. Немедленно по сосредоточении чехов было решено нанести удар красным, наступавшим от Бугульмы, с одновременными действиями вдоль Бугульминской железной дороги и от Белибея.

В десятых числах ноября генерал Войцеховский оставил часть своих сил в распоряжении начальника 1-й Чешской дивизии для обеспечения Самарского направления у Абдулина, а сам взял непо-

средственное руководство маневренной группой из семи чешских батальонов в районе Белибея. Маневр должен быть таков: полковник Каппель активно обороняется в центре на железной дороге и выделяет часть своих сил для удара в левый фланг красных с обходом их с севера. Сам генерал Войцеховский сосредоточивал чешские части в гористой местности (Верхне-Троицкий завод близ Белибея) и бил частью сил прямо в правый фланг красных, а частью сил выходил им в тыл в направлении на Бугульму. Маневр блестяще удался. Продолжался он дня четыре (все действия между 13 и 10 ноября). Красные втянулись в ловушку, ничего не зная об угрозе с юга со стороны Белибея; обойденные на обоих флангах, после упорных боев в центре, бежали, бросая пулеметы, и выбрались в сторону Бугульмы лишь благодаря условиям местности и тому, что район маневра для наших сил оказался слишком велик. Много позже мне пришлось читать разбор этого маневра в Красном военном журнале; неудача объяснялась превосходством сил белых. На самом деле это было не так. Чешские части в последний раз дрались отлично; ударному батальону в одной из деревень ночью пришлось пустить в ход ручные гранаты. Все распоряжения выполнялись точно и хорошо.

После большого успеха требовалось доконать противника — гнать его и не давать устроиться в Бугульме. Но тут-то чехи и заявили, что они согласились на наступательную операцию, выполнили ее добросовестно, а в дальнейшие действия ввязываться не желают и просят сменить их. В последние дни боев настали резкие холода, и некоторые чешские части начали страдать от холода, так как были легко одеты. Пришлось отказаться от использования в полной мере успеха боя. По опыту прежних боев нам было известно, что красные, оставленные в покое, залечат свои раны недели в две, и значит, около 1 декабря надо ожидать нового наступления. Чехи после этой операции были не защитники фронта, и поэтому началась отправка эшелонов в тыл по очереди, установленной генералом Войцеховским.

Чехи уходили, а новых сил не было. Уральцы (6-я дивизия<sup>13</sup>) еще не приходили; их обещали к 1 декабря, но они запаздывали. Приходилось оставить Самарское направление на конный дивизион Фортунатова, батальон Учредительного собрания и посылать только что сформировавшийся в несколько рот русско-чешский полк. В начале декабря начали прибывать новые уральские части — два полка 6-й Уральской дивизии. Увы, это не была дивизия, это была только часть ее, и притом, по нашей оценке, малобоеспособная; офицерский со-

став, начиная от командиров полков, был призван по мобилизации и имел все грехи мобилизованных, и главный из них — осторожность в обращении с мобилизованными солдатами, несмотря на строгие уставы. Эта осторожность сказалась и в подготовленности.

Кроме того, условия Гражданской войны в это время года требовали особых приемов для успеха. Выпал глубокий снег, начались морозы, бои стали сводиться к боям за жилье, и успех имел тот, кто был подвижнее и настойчивее. Люди прибыли без валенок, что совсем не позволяло выжидать противника. Кажется, один из полков этой дивизии был сначала послан в Бирск, так как противник угрожал Уфе с севера через этот пункт, а другой пошел на смену чехам в район Белибея, позже оба полка соединились. Чехи ушли. На фронте остались лишь русские части, английский броневик, польский полк и так называемый русско-чешский полк, в сущности русский, так как в нем были только офицеры чехи.

В первых числах декабря красные, оправившись после операции в ноябре, стали настойчиво нажимать как на Бирск, так и на Бугульминское направление. На Самарском направлении тоже началось оживление. Нужно иметь в виду, что во второй половине ноября красные снова захватили Ижевский завод и имели возможность надавить на Уфу с севера особенно сильно. Этот нажим был чувствителен особенно, так как при успехе принуждал бросать и Бугульминское, и Самарское направления.

В ноябре и декабре в районе Бирска и севернее шли ожесточенные бои с переменным успехом, кончившиеся перед оставлением Уфы занятием красными Бирска. Декабрь месяц для групп, действовавших на Бугульминском и Самарском направлениях, был временем ежедневных боев за деревни, которые часто переходили из рук в руки. На Самарском направлении молодые уральские части не выдержали хорошо экзамена, и здесь пришлось опираться на прежние части — учредильцев и русско-чешский полк, которые были слабы по численности.

Полковнику Каппелю пришлось смотреть и на юг; в первой половине декабря он два раза бил красных маневром; один раз, когда красные заняли Белибей, он оставил на своем участке часть сил и в жестокие морозы ударил польским полком на красных. Они бежали и дали некоторое время передышки на этом направлении. Выбив красных из Белибея, ему пришлось проделывать такой же маневр на север, так как оставленные им на участке части подались назад. Так шли бои в первой половине декабря, когда в тылу перематывались последствия Омского переворота в пользу адмирала Кол-



чака; когда новая власть окончательно разделялась с учредилцами, а те частью уходили в подполье, частью же начинали сговоры с большевиками.

Переворот в Омске был полной неожиданностью в Уфе; там в это время находился прибывший на несколько дней член Директории и Верховный главнокомандующий генерал Болдырев<sup>14</sup>. Как уже раньше упоминалось, части Народной армии, дравшиеся на Волге, отнеслись к избранию правительства «всей России» равнодушно. До переворота Директория ни в чем не проявила своей работы и судьба ее мало кого интересовала. В отношении армии деятельность новой власти проявилась только в некоторых производствах и во введении ношения погон. Между прочим, в Уфе было много против этой меры — даже генерал Войцеховский. Недостатки новой власти за ежедневной фронтовой работой не обсуждались. Поэтому на фронте просто удивились в первые дни переворота. Даже ярые противники эсеров говорили: «Нашли время» Помнится даже разговор по телеграфу с только что произведенным в генералы Каппелем, тот на сообщенную новость сказал что-то вроде, «что все это хорошо, но лучше бы прислали что-нибудь из тыла на фронт. А тут в своей среде еще могут быть недоразумения».

Для нас, находившихся в Уфе, первый вопрос был: надо не допустить на фронте никакой агитации, надо удержать все части на фронте. В этих целях генерал Войцеховский заявил Совету управляющих ведомствами требование не посылать никаких воззваний и не отдавать никаких приказаний помимо него. Не исполнившие будут арестовываться независимо от того, кто будет отдавать приказания. Кажется, был издан приказ. Совет управляющих ведомствами как бы подчинился этим требованиям, но пытался, конечно, разъяснить войскам «Учредительного собрания» происшедшее в своем духе. Кроме того, чехи в это время еще не ушли и была попытка произвести нажим через чехов, то есть представителя Национального Совета доктора Влассака. Попытка не увенчалась успехом, так как генералом Войцеховским было заявлено, что он исполняет указания только главнокомандующего, а чешские войска, пока они в районе Уфы, только командующего группой.

Вскоре появилось знаменитое обращение Омска ко всем, всем через головы даже старших начальников об аресте учредилцев, где бы они ни оказались. Это приказание в Уфе войскам передано не было — как вносившее раздор, а также не было сразу и исполнено. Ни Директории, ни учредилцев никто не жалел, но боялись осложнений на фронте. В то же время из Омска получались запро-

сы, что делают войска «Учредительного собрания», особенно Б.К. Фортунатов с конницей. Отвечали, что они на фронте продолжают нести боевую работу и никаких попыток уйти с фронта не имеют. Не верили и переспрашивали, ибо в Омске, по-видимому, об этом раздувались невероятные сведения.

Между тем положение, конечно, было ненормальным. Появилась новая власть, поддержанная большинством русских войск, требовавшая немедленного устранения всяких враждебных группировок; такая группировка была и в Уфе. Она не имела силы и авторитета, но все же считала себя краевой властью, не складывала оружия и взывала. В Уфе находились чехи; генерал Войцеховский был на службе чехов и просил указаний Сырового. Тот заявил о невмешательстве и их не давал, очевидно под влиянием Национального Совета. В конце концов, не получая указаний, генерал Войцеховский, кажется, заявил, что просит освободить его от чешской службы с тем, чтобы получить возможность действовать иначе. Все это разрешилось прибытием из Челябинска эшелона 41-го Уральского полка со специальной миссией арестовать всех членов Учредительного собрания, бывших в Уфе. Те, предупрежденные кем-то об опасности, большею частью скрылись. Охрана Комуча поискам не противодействовала, чехи тоже. Часть членов Учредительного собрания укрыли чехи. Так кончилась эта борьба явно, но началась тайная работа эсеров против адмирала Колчака.

Мы не отдавали, по-моему, полного отчета в последствиях происходящего — не думалось, что ушедшие и даже скрывшиеся эсеры начнут взрывать новую власть. В то же время мы видели, что новой власти будет трудно работать в среде разных сепаратистских стремлений: через Уфу проходили телеграммы оренбургские. Из них мы видели, что атаман Семенов<sup>15</sup> имеет что-то против адмирала Колчака и не желает подчиняться. Атаман Дутов убеждал его не вносить разнь.

В середине декабря, после ежедневных боев, наш фронт медленно приближался к Уфе. Мы считали, что не позже 20 декабря придется оставить Уфу. Тут имела значение и угроза с севера, а также ежедневные постепенные отходы. Решено было дать еще один бой красным с переходом в наступление, а затем действовать в зависимости от результатов. Для выполнения этого решения собрали все, что могли. К этому времени в Уфу прибыл 47-й полк 12-й Уральской дивизии<sup>16</sup>, которая должна была позже прибыть на фронт вся. В Уфе находилась только что прибывшая французская батарея из колониальных войск. Стояли жестокие морозы; прибывшие люди 47-го

полка были без теплых вещей, а французы мерзли, несмотря на шубы, теплую обувь и теплые шапки.

Операция эта была разыграна у Чишмы и не увенчалась успехом; наступление противника было несколько задержано, но чувствительного удара нанести не удалось. 47-й Уральский полк понес значительные потери обмороженными, так как, участвуя в бою первый раз, довольно долго лежал на снегу. Обвиняли Каппеля, что тот неправильно его использовал, но, вернее, виновата была неподготовленность командного состава к боям зимой. Позже в составе дивизии этот полк научился драться зимой и неоднократно заставлял красных мерзнуть на снегу под своим огнем. Французы не принесли никакой пользы, так как артиллерии вообще-то было достаточно, а в этих боях она не могла быть использована, так как в эти дни стояла морозная мгла. Каппель скоро просил освободить его от этой артиллерии, так как она требовала больших забот о ней, а пользы не приносила.

После нерешительных результатов этой операции было решено: задерживать противника насколько возможно и подготовиться к обороне фронта уже за Уфой приблизительно на линии ст. Иглино. Для обеспечения Оренбурга с севера в район Табынска отправлялась часть оренбургских казаков. На севере из района Бирска войска должны были отходить частью на восток в район Байки, частью на юго-восток, для обеспечения правого фланга войск, назначенных в район Иглина. В последних числах декабря Уфа была оставлена.

Оборона участка за Уфой была возложена на остатки 6-й Уральской дивизии, прибывшие два полка 12-й дивизии и 41-й полк 11-й дивизии<sup>17</sup>, под начальством командующего 12-й Уральской дивизией полковника Бангерского<sup>18</sup>. Правый фланг обеспечивался отрядом Молчанова<sup>19</sup>, выделенного от Бирска. Части генерала Каппеля должны были пройти в тыл для укомплектования; вслед за ними должен был отправлен к своему Уфимскому корпусу отряд Молчанова. Дальнейшее продвижение противника на Урале от Уфы должны были сдерживать мобилизованные уральские части и оренбургские казаки.

Ко времени оставления Уфы сказалась организация нового военного центра в Омске. Адмирал Колчак принял верховное командование. Из войск, действовавших на Уфимском направлении, была образована Западная армия<sup>20</sup> с генералом Ханжиным во главе. В армию входили 2-й Уфимский корпус<sup>21</sup>, 3-й<sup>22</sup> и 6-й<sup>23</sup> Уральские корпуса, около двух бригад оренбургских казаков. Правда, что в это время корпуса были корпусами только по названию; корпусами они стали более-менее только к весне, и, кроме того, они не были еще сосредоточены в своем районе. Части генерала Каппеля командование За-

падной армией хотело сначала свести в полк, но затем после длинных разговоров решено было их развернуть тоже в корпус.

Здесь следует отметить, что, несмотря на 7 месяцев героической борьбы на фронте частей генерала Каппеля, в Челябинске у нового командования, создавшего под прикрытием их свои полки, было какое-то странное к ним отношение. Заслуги их почти не ценились, а говорилось, что их надо подтянуть; офицеров, работавших в Самаре, почему-то считали эсерами; как будто лучше было бы, если бы в Самаре никто не выступал на борьбу или сразу бы заспорили о приемлемости той или иной власти. Все это потому, что новые уральские формирования, до выхода их на фронт, внешне производили хорошее, даже блестящее впечатление, походя на старую армию. Позже пришлось воспользоваться частями того же генерала Каппеля, «учредилцами», для приведения в порядок некоторых из этих челябинских формирований.

На участке за Уфой сначала были только один 41-й полк 11-й Уральской дивизии, два полка 12-й Уральской дивизии 6-го корпуса и два полка 6-й Уральской дивизии 3-го корпуса. Временно приказано было объединить все части командиру 6-го Уральского корпуса. Правый фланг по-прежнему обеспечивался отрядами Молчанова из состава 2-го Уфимского корпуса. Генерал Войцеховский получил отпуск, штаб Самарской группы расформировался; мне предложено было быть начальником штаба 6-го корпуса.

Оставление Уфы имело большое значение для Оренбурга, который открывался для действий с севера через Стерлитамак. В смысле дальнейших действий в тылу у нас был Урал с трудными проходами через него зимой и, значит, как будто удобный для обороны; но для успеха обороны вообще, а в Гражданскую войну в особенности, нужен больше всего хороший дух в войсках и активность. Дух у мобилизованных был не крепок; надо было укрепить его. Для активности местные условия были не совсем благоприятны.

Потеря Уфы на общем нашем Восточном фронте была вознаграждена взятием Сибирской армией Перми с громадным количеством запасов и пленных. Большой успех как бы покрывал неудачу; Сибирская армия ликовала. Забывалось, что надо бить врага в наиболее чувствительном для него месте. Осень и часть зимы 1918 года в Уфе вспоминается теперь как время нашей дружной работы всех войсковых частей, независимо от их партийной окраски, по удержанию фронта. Большая заслуга в этом принадлежит генералу Войцеховскому. Уфа продержалась гораздо дольше, чем мы ожидали в октябре по обстановке и у нас, и у противника.



### Зима 1918—1919 годов на Урале и весеннее наступление 1919 года

Зима 1918 года на Восточном фронте была для советской власти и для Омска временем подготовки для решительной схватки весной. От успеха зимней подготовки и весенних операций зависело все будущее. К январю месяцу чисто военная обстановка на Восточном фронте была благоприятной скорее для Омска, чем для советской власти, так как оставление Самары и Уфы на южном, левом фланге вознаграждалось крупными успехами на севере, в Пермском районе, и, кроме того, дальнейшее распространение красных на южном участке было остановлено. На Юге России тоже шла подготовка к весеннему наступлению.

Советская власть еще осенью 1918 года провела свой план организации вооруженных сил; мелкие отряды перестали существовать, появились пехотные дивизии и кавалерийские бригады. В пехотных дивизиях по плану должно было быть три бригады по два полка действующих и одному запасному. На самом деле большевики были принуждены держать на фронте все девять полков дивизии. Для управления всеми силами против нас был создан Восточный фронт во главе с Каменевым (полковник Генерального штаба, во время Германской войны был начальником оперативного отделения штаба 1-й армии, затем в 1917 году командиром 30-го полка, позже генквармом и начальником штаба 3-й армии до демобилизации). Фронт делился на несколько армий. Сведения о силах красных, организационных работах, недочетах и внутреннем состоянии у нас имелись всегда достаточные; когда же организация Советской армии вылилась в определенные формы, стало легче следить за переменами.

По этим сведениям, большевики справились с организацией пока, так сказать, наружно. Подготовка армии, ее внутреннее состояние были еще весьма плачевными. Началась работа по введению в частях коммунистических ячеек, но она еще не была проведена и не дала результатов. Мобилизованный командный состав был запуган предшествующим годом и присматривался, пассивно предоставляя комиссарам наводить порядок в частях, а иногда выжидал случая для перехода к нам. Мобилизованные солдаты воевать не хотели, так же как и у нас, и разложение частей со скандалами было явлением не редким. Советская власть широко развила пропаганду; она действовала, но не на всех.

Помнится, еще в ноябре, во время операций под Уфой, к нам привели около 200 пленных, еще не переодетых как следует. Это

была типичная деревенская молодежь, которую свободно могла использовать и та и другая сторона при соответствующей подготовке командного состава. Старая истина «Сила армии в ее командном составе», казалось, была в глаза. Советская власть уже с лета 1918 года поняла это и постепенно, насколько позволяла обстановка, начала поднимать всячески авторитет командного состава, а также заботиться о подготовке его. До благоприятного разрешения этого вопроса было еще далеко, но первые шаги были сделаны и имели значение для будущего.

О каких-либо особых мерах по подготовке командного состава в Омске для фронта мы не знали. Слышали только о какой-то образцовой школе во Владивостоке, но это было так далеко. Какие задачи ставил перед собой Омск на зиму, как и когда предполагал выполнить намеченное, какие помехи были на пути, нам на фронте было неизвестно. Задачи нам представлялись так: 1) Удержать за собой занимаемый фронт. 2) Подготовить пополнения в армейских районах для фронтовых частей. 3) Подготовить в тылу резервы на случай колебаний фронта и для удара весной. 4) Снабдить фронт и эти части всем необходимым.

Покойный адмирал Колчак неоднократно заявлял, что для него успехи на фронте — это главное, и, значит, ясно представлял, куда должны быть направлены все усилия работы. Как будто задачи понимались правильно и дело было лишь в выполнении намеченного во что бы то ни стало, и в срочном выполнении. Дальнейшее показало, что Омск к весеннему нашему выступлению, как центр военного управления, почти ничего не сделал.

Выполнение первой задачи лежало на наличных фронтовых частях. Нужно было лишь помочь им всячески в трудной работе, особенно обращая внимание на укрепление духа. Вторую задачу должны были выполнить армейские тылы под руководством командующих армиями. Для облегчения работы командующим армиями были подчинены определенные соответствующие тыловые районы, каждый во главе со своим начальником округа. Тыловые районы каждой армии простирались до Иртыша, а дальше был район военного министра. Кто знает, насколько важна подготовка пополнений, организация, отправка их в части, снабжение их, тому понятно, что эта задача требовала громадных забот и центральной власти, и армейского управления, требовала самых энергичных людей для проведения работ. Третья задача должна была выполняться под непосредственным руководством центра, будь то Ставка или военный министр. Сроки выполнения должны были быть подчинены общим предположениям о работе вес-

ной. Наконец, четвертая — снабжение — должна была служить предметом особых забот центра с главным вниманием дать прежде всего необходимое фронту и пополнениям. Дать хотя бы главное, основное: продовольствие, одежду, патроны. Какие трудности лежали на пути выполнения этих задач, нам известно было только в отношении фронта. Верилось, что к весне все будет преодолено.

Позже, летом 1919 года, мне пришлось ознакомиться с постановкой дела по подготовке пополнений в армейских районах и снабжению их. Знакомство привело к заключению, что надежды наши на фронте были слишком оптимистическими. Тыловой армейский район Западной армии не смог вовремя дать людей Волжскому корпусу Каппеля и подготовил только «курень Шевченко», сыгравший впоследствии столь печальную роль в судьбе весенних операций.

Когда я перебрался из Уфы на новое место службы (ст. Тафтиманово), где мы должны были задерживать продвижение красных на восток, то особой веры в прочность нашего положения у меня не было; не было ее и у генерала Войцеховского. Думалось, что возможен отход к проходам через Урал и что там, вероятнее всего, удастся удержать противника. Но закупорка себя в проходе была опасна тем, что не давала никаких возможностей для активных действий и ставила нас в тяжелое положение в смысле размещения. Единственный крупный пункт у входа был Аша-Балышевская, но он оказался бы почти на самом фронте. Поэтому решено было держаться возможно ближе к Уфе, а на случай вынужденного отхода были намечены 2-я и 3-я линии деревень, которые еще оставляли нам место для активной работы в течение зимы.

Мы ясно осознавали, насколько важно для общей обстановки удержаться без отходов, и потому с тревогой ожидали результатов первых столкновений с красными после оставления Уфы. Большевики в Уфе торжествовали; они засыпали фронт газетами, воззваниями. Наши добровольцы к этому времени частью уже ушли в тыл, оставались лишь части из мобилизованных. Удастся ли задержать? Только бы в первые дни успех, а там все пойдет хорошо, так как успех дает уверенность в крепости, поднимает дух!

Первые же бои показали нам, что нашу задачу выполнить будет трудно, но все же возможно. Слабые части 6-й Уральской дивизии не удержались на своем участке, несмотря на благоприятные местные условия, и отошли на намеченную ранее 2-ю линию, а два полка 12-й Уральской дивизии под начальством полковника Бангерского, один из них понесший большие потери под Уфой, при содействии артиллерии и броневиков отлично справились со своей задачей и, от-

бив наступление, нанесли большие потери красным. Севернее нас шли бои нерешительного характера; видно было, что наш северный заслон не отойдет скоро далее намеченных районов и рубежей. Раздраженные неудачей, красные неоднократно пытались добиться успеха против 12-й Уральской дивизии и оренбургских казаков, но только несли потери. Уверенность людей в себе и вера в своих начальников облегчала оборону.

Тактика такой обороны была весьма простой: снег был очень глубокий и не допускал на большом расстоянии движения вне дорог; красные подпускались к деревне на расстояние действительного огня, где их заставляли огнем развернуться в глубоком снегу и залечь. Морозы стояли сильные, и потому выдержать такое лежание долго было нельзя, а подвигаться вперед трудно. Начинался отход с большими потерями, так как артиллерия яростно преследовала огнем отступающих. В советских газетах мы читали позже измышления, что деревни, на которые вели атаки красные, были обращены чуть ли не в крепости.

К сожалению, не все части так уверенно оборонялись. Части 6-й Уральской дивизии, наоборот, потеряли всяческую уверенность в себе, и мы были принуждены вывести их в тыл для укомплектования и обучения. На место их начали прибывать остальные полки 11-й и 12-й Уральских дивизий, но не сразу, а постепенно. Первое время и у нас, и у соседей севернее (Уфимский корпус) вовсе не было резервов, так как мы отправили в тыл все части, не входившие в корпус, и потерявшую боеспособность 6-ю Уральскую дивизию. У соседей севернее части пополнялись на месте из жителей Урала. Мы принуждены были сразу же по прибытии отправлять части для усиления фронта, так как красные, не переходя в общее наступление, старались отеснить нас на восток на отдельных участках.

К концу января фронт наш как бы окончательно закрепился на известной линии. Мы имели возможность располагать все части с резервами западнее выходов из гор. Наиболее угрожаемый для нас участок был северный, так как красные при успехе ставили в затруднительное положение весь наш центр, а особенно южный участок, где были оренбургские казаки, далеко в горах, с еле проходимыми дорогами в тылу. Красные это, конечно, понимали и в феврале начали давить с севера от Красного Яра, Шады в направлении на наш ближайший тыл — Аша-Балышевская.

Несмотря на то что мы выдержали первые натиски, что закрепились на выбранном фронте, время было все еще тревожное; в завтрашнем дне уверенности не было до самого наступления в начале марта. Причин к этому было много. Главные:

1) Советская власть энергично агитировала. Помимо газет, воззваний, проникали и агитаторы. Появилось воззвание ушедших в Уфе «в подполье» или, вернее, решивших работать с советской властью некоторых членов Комуча (Веденяпин, Вольский и др.). Здесь было все: и «наемники мировой буржуазии», и «помещики, попы, капиталисты», и «белогвардейцы», и «золотопогонники» и т. д. Агитация эта на наших добровольцев не производила никакого впечатления. Мобилизованных же легко было сбить с пути, особенно в тех полках, где офицерство было пассивное, со слабым духом, вышедшее на фронт тоже по призыву, а не по собственному желанию. Почва для успеха агитации всегда была: неудача, усталость, неисправная доставка продовольствия, плохое размещение, неравномерное распределение службы, недостаток в теплых вещах и т. д. Агитаторы били в одну точку: «уйди с фронта, кончай воевать; Советская власть даст всякие блага».

Контрагитации почти не было. Первое время даже армейская газета присылалась неисправно, люди питались ориентировкой ближайших штабов. Громадное значение приобретали личные способности командиров полков и умелый подбор им помощников. Там, где в полку находилось несколько офицеров, сработавшихся в смысле контрагитации, было все хорошо; где этого не было, можно было ожидать всяких осложнений.

Трудно было внедрить в сознание массы задачи белой власти, так как сама власть не всегда одинаково о них говорила. Ясно было одно — надо бороться с большевиками, а что же дальше? Сильнейшим противогитационным средством было бы полное упорядочение снабжения фронта и наличие резервов для смены частей. Но упорядочение снабжения, несмотря на наши ежедневные вопли, шло слабо: не хватало то одного, то другого. Местных средств не было, надо было все подвозить с тыла; нуждались в подкармливании железнодорожные служащие. В башкирских деревнях трудно было выпекать хлеб. Железная дорога работала, но были большие заминки: были поэтому неисправности в доставке продовольствия. Жалованье не выплачивалось исправно: одно время присылались деньги такими крупными билетами, что их никак нельзя было раздать. Теснота размещения в большинстве была страшная; появились заболевания тифом.

Части прибывали на фронт прекрасно одетыми, но не для сибирской зимы. Нужны были валенки и полушубки, хотя бы для сторожевых постов. Все это доставлялось неисправно. Особенно трудным было снабжение оренбургских казачьих полков, действовавших в горах, где население само ничего не имело. Наконец, намеченный план прибытия на фронт частей выполнялся неисправно, почему могли быть уп-

реки в обмане: «Говорили, что смена прибует тогда-то, а ее нет». При всех этих условиях, помимо боевых случайностей, постоянно сидело в голове: выдержим ли зиму? Тревоги были не напрасными: один из полков, ранее успешно дравшийся, однажды самовольно ушел в тыл и был остановлен угрозой открытия огня броневиками. Две роты с частью пулеметной команды ушли дальше и кружным путем стали пробираться домой. Были остановлены, по приказу командира корпуса, близ Симского завода добровольцами Каппеля, арестованы и жестоко наказаны. В других полках были мелкие непорядки.

2) Неодинаковая подготовка командного состава и солдат. Одни быстро освоились с особенностями войны зимой при глубоком снеге; другие мучили себя, людей и ничего не достигали. Особенно много хлопот доставила нам 11-я Уральская дивизия, которая должна была действовать в лесистом районе. Движение было возможно только по дорогам, и, казалось бы, здесь легче обороняться; но появился жупел «лыжники», которыми люди иногда пугали себя без всяких оснований. Инструкции с указанием приемов борьбы, разъяснения — ничего не помогало. Нужно было учиться на успешных действиях и для этого создавать подходящие условия. Сверху ставились мелкие задачи, которые должны были постепенно выполнять дивизии, полки, причем для успеха требовалась самая тщательная подготовка.

12-я Уральская дивизия, оренбургские казаки на южном фланге в горах целым рядом удачных мелких действий не только расстраивали противника, но заставляли его тащить туда резервы с участков, которые намечались для удара весной. В одной из советских дивизий (20-й) началось разложение, заставившее снять ее частью с фронта. Были случаи перехода к нам целых команд из этой дивизии. Другая наша дивизия, 11-я, несмотря на то что противник перед ней был слабее, так и не сумела научиться. Одна операция на Биаз, к которой готовились чуть ли не с неделей, предпринятая с превосходными силами, кончилась неудачей, а в дальнейшем было трудно ожидать перемен к лучшему. Скоро красные, выяснив наше слабое место, начали нажим против этой дивизии и к моменту нашего перехода в наступление были близко от железной дороги, что грозило нам задержкой операции на этом участке.

13 февраля 1919 года в район корпуса прибыл Верховный Правитель адмирал Колчак; в этот день 12-я Уральская дивизия, перейдя в наступление, имела успех на фронте, захватив у красных орудия, пулеметы и пленных. Адмирал на броневике доезжал до охраняющих частей и посетил некоторые деревни вблизи от железной дороги. Просили устранить некоторые недостатки снабжения, вроде присылки денег

исключительно тысячными билетами. Последнее безусловно влияло на настроение фронта.

К концу февраля фронт у нас и у соседей севернее оставался приблизительно на прежнем месте. У нас был угрожаемый северный участок, но все же мы надеялись справиться. Противник, как уже упоминалось выше, хотя и пытался наступать, но принужден был два раза в течение последнего месяца усиливать свой участок против Уфы за счет ослабления своего северного участка, где армией предполагалось нанести главный удар весной. И тогда, и после операции было неясным для нас, знало ли красное командование о сосредоточении двух наших корпусов — 3-го Уральского и 2-го Уфимского — на севере для весеннего удара. Во всяком случае, расположение их резервов перед операцией показывало обратное: как будто они опасались наступления вдоль железной дороги или сами собирались добиться здесь успеха, прежде чем мы перейдем в наступление. О предполагаемом весной наступлении мы знали давно и к нему готовились, не знали точно только срока. Предполагалось начать его в конце февраля, но оказалось возможным только 5 марта.

В общий план весенних операций мы в корпусе посвящены не были, и мне до сих пор не ясно, чего именно хотела Ставка, какую общую идею она стремилась осуществить. По ходу событий можно предположить, что Ставка хотела бить красных, но определенной оперативной идеи сама не имела и предоставляла армиям двигаться вперед по своему усмотрению, санкционируя армейские планы.

Нам в Западной армии было ясно, что мы должны двигаться примерно в тот же район, где мы начинали борьбу, то есть в Самарский. Это отвечало и предполагаемой общей идее наступления — соединению с Деникиным. Имея эту цель, мы должны были выполнить целый ряд частных задач: разбить противника в Уфимском районе, помочь Южной армии<sup>24</sup> выйти из Уральских гор, изолировать нашим наступлением красных в Оренбургском районе и т. д. Южная армия должна была выйти южнее\*, разбив противника в Оренбургском районе и связавшись с Уральском.

Предполагая, что общая идея есть соединение с Деникиным, для чего требовался выход на Волгу южнее Симбирска, казалось, что и Сибирская армия, тогда наиболее сильная, должна будет оставить на своем северном направлении лишь заслон, а главными силами или значительной частью сил способствовать успеху на наиважнейшем направлении. Этот план, по-нашему, был наиболее целесообразным и выполнимым. На самом деле, как потом стало ясно, армии двинулись вперед изолированно, выполняя каждая свой план.

Для выполнения ближайшей задачи — овладения Уфимским районом — план в нашей армии был такой: сосредоточенные севернее железной дороги Златоуст—Уфа в районе Байки наиболее сильные части армии — 2-й Уфимский и 3-й Уральский корпуса — должны стремительно сбить красных перед собой и двигаться правым флангом на Бирск—Чишмы, а левым на Уфу. Удар был успешным. Красные начали отступать. Преследование было стремительным — на саних. Правый фланг армии начал продвигаться в день по 30—35 верст, угрожая пути отступления красных вдоль железной дороги. 7 марта тронулись и наши части в метель, по глубочайшему снегу.

13-го была занята Уфа. Противник отошел частью вдоль железной дороги, частью на юго-запад. Соприкосновение с противником местами было потеряно из-за метели, глубокого снега и трудности поддерживать связь. Перед началом операции каждый корпус, как полагается, получил свою полосу для движения и приготовился действовать. Мы должны были пройти Уфу правым флангом и дальше двигаться в общем направлении на Давлеканово.

После занятия Уфы мы перебросили на свой левый фланг 11-ю дивизию, так как ей уже нечего было делать на правом, а с другой стороны, полагали, что левый фланг нужно иметь более сильным как для развития удара, так и для обеспечения на случай контрманевра красных со стороны Оренбурга и Стерлитамака. Корпуса шли вперед на очень широком фронте, и поэтому перемена первоначального направления была трудной. После занятия Уфы командование армией вместо безостановочного преследования выделило, во-первых, себе в резерв Ижевскую бригаду<sup>25</sup> и один полк от нас, а затем распорядилось окружить группу противника близ Уфы действиями с севера от Чишмы частей 2-го корпуса и с юга нашими левофланговыми частями.

Сложные маневры вообще редко удаются; не удался и этот, и не только не удался, а части перепутались, и нужно было три дня, чтобы они были готовы для дальнейших действий. Большое значение имело в этом время года: зима, дни короткие, глубокий снег. В результате красные, принужденные к отходу маневром, но не разбитые, успели устроиться на новом фронте и начали оказывать упорное сопротивление. Завязалось длительное, на большом фронте типично армейское сражение без решительного результата, причем чем дальше затягивалось решение, тем больше выигрыш склонялся на сторону красных: им подвозились резервы, с прибытием их начинался контрманевр, к нам никаких резервов не прибывало, и, наконец, приближалось весеннее половодье. В одном месте наши правофланговые части продвинулись

вперед далеко, в другом — другие подавались назад. Выход почти в тыл красным одной из дивизий армии не сдвинул их; они начали давить с юга со стороны Оренбурга на наш левый фланг и угрожать всему нашему фронту.

К концу марта обстановка в центре армии и на левом фланге становилась даже угрожающей; в центре деревни переходили из рук в руки и был случай захвата у нас артиллерии. На левом фланге красные несколько дней подряд вели атаки на растянутую 11-ю Уральскую дивизию и оренбургских казаков; атаки отбивались, но положение было тяжелое. В конце концов армейское командование решило пустить в дело армейский резерв — ижевцев и один полк 11-й дивизии — 41-й. Наступление свежих сил — ижевцев, шедших в атаку с особенным молодечеством, повернуло в центре успех в нашу сторону; соседние с ним части тоже смогли начать продвижение.

Около 30 марта началось отступление красных на всем фронте; они пытались задерживаться, но это уже не удавалось. Мы получили задачу — повернуть часть сил на Стерлитамак, чтобы облегчить выход из гор Южной армии, перехватить отступавшие перед ней части и угрожать Оренбургу. Продвижение к Стерлитамаку шло очень быстро; 5 апреля 12-я Уральская дивизия, с приданными ей оренбургскими казаками, была уже в Стерлитамаке; южнее из гор выходили части Южной армии. В Стерлитамаке мы получили приказание спешно перебросить 11-ю Уральскую дивизию на левый фланг 3-го Уральского корпуса, то есть в прежнюю полосу корпуса, а с остальными частями двигаться на Михайловское (Шарлык) — Богородское, куда отходили красные с Уфимского фронта и из гор. Казаков приказано было двинуть рвать дорогу Оренбург — Бузулук.

Корпус разбрасывался на громадном фронте перед половодьем. Движение в новом направлении пошло тоже быстро. Красным не давали передышки посаженные на сани небольшие отряды с пулеметами. Но вскоре движение стало затруднительным. Снегу было страшно много, весна была дружной, между гор (Общий Сырт) появились заторы. Мы начали купаться; обозы и артиллерия отставали; парки совсем отстали, и мы не смогли подтянуть их к боям после Пасхи. 11-ю Уральскую дивизию на левом фланге 3-го Уральского корпуса приказано было двигать прямо на Бузулук; когда началась ростепель и было выяснено, что за дивизией не может идти ни артиллерия, ни обозы с патронами, получено указание: идти хоть без артиллерии, чтобы не отстать от соседа справа, подходившего к Бугуруслану.

14 апреля мы еле-еле перешли реку Дема и остановились в селе Богородском, откуда красные только что ушли. Дальше двигаться бы-

ло нельзя. Сообщение между частями, поддержание связи стало совершенно невозможным во время половодья. 11-я Уральская дивизия на несколько дней оторвалась. Приходилось ждать, когда спадет хоть немного вода, чтобы выправить расположение частей, подтянуть артиллерию, обозы и проч. Еще во время преследования противника, на одном из переходов по испорченным дорогам, мы встретили небольшую колонну пополнений, направленную армией за нами в корпус. Люди были большей частью в своей одежде, некоторые в валенках. Сопровождавший эту партию офицер объяснил, что ему в штабе армии дали на несколько дней денег для корма партии и указали маршрут. С большим трудом удалось пристроить этих людей к ближайшей части. Со страхом думалось, что если за этой партией следуют другие, то они просто будут болтаться в пространстве долгое время и едва ли скоро попадут куда им указано. Да и настроение у них не могло быть хорошим.

Половодье прервало на время возможность каких бы то ни было действий, по крайней мере на неделю; воды в оврагах было столько, что у нас были несчастные случаи с конными ординарцами — тонули с лошадьми. Нужно было ожидать стока воды. Половодье прекратило на время не только действия и связь; оно прекратило и подвоз продовольствия. Занятый нами район был богатый, можно было некоторое время кормиться местными средствами; крестьяне встретили нас хорошо, но через несколько дней начались жалобы на самовольство частей, неправильную разверстку требуемого и т. д., началось недовольство и сравнения с красными: «тоже требовали». Мы старались платить, но, конечно, расценка не всегда удовлетворяла крестьян. Был еще один большой вопрос: одежда и обувь. Мы начали преследование в полушубках и валенках и очутились весной в половодье далеко от железной дороги без сапог и без шинелей. Да и запасов-то в корпусе не было, так как сапоги обещали давно, но не давали. Вид людей был угнетающий. Своими средствами помочь горю не могли, несмотря на всю изобретательность некоторых войсковых начальников.

После остановки красных перед нами были сначала сведения, что они приводятся в порядок в Шарлыке (Михайловском), а затем, что туда прибывают еще части, действовавшие ранее против Оренбургской Южной армии, кажется, 24-я дивизия, без артиллерии, которая перевозилась куда-то по железной дороге. Так же как и мы, они выжидали окончания половодья, но в это время перебрасывали по железной дороге пополнения и части для контрнаступления.

Еще половодье не кончилось, как в руки к нам попали ценные документы, из которых совершенно ясны были дальнейшие планы

красного командования. На Самарском направлении предполагалось удерживать во что бы то ни стало район Кинеля, а в район Бузулука должны быть переброшены части из-под Оренбурга и Туркестанская армия для удара с юга в левый фланг наступавших. Первый удар должен был получить ослабленный 3-й Уральский корпус и наша 11-я Уральская дивизия, без артиллерии и весьма слабая к этому времени по своему численному составу. К ней направлялись пополнения, по-видимому, в том же состоянии, о которых сказано выше. Кроме того, специально для действия против нас сосредоточивалась в Михайловском (Шарлыке) особая ударная группа Павловского, сильно превосходившая нас численно, с большим количеством пулеметов и сильной конницей. Сосредоточение должно было закончиться еще раньше начала половодья, но запаздывало: некоторые части застряли в дороге.

Сведения эти с большим трудом были переданы в штаб армии и соседям. В штабе армии отнеслись, по-видимому, к этим сведениям не особенно доверчиво; очевидно, не верили в возможность организации контрудара. Мы получили приказание разбить группу Павловского, не ожидая окончания половодья. Мы были слабее, но решили выполнять приказ свыше о переходе в наступление при первой возможности, надеясь, что красные не успеют собрать все свои силы.

Наступление было неудачным и сильно подорвало дух бойцов, слабых численно и действовавших по грязи и воде, одетых во что попало. Через несколько дней попытка сбить противника была повторена, но здесь мы воочию убедились, что 24-я дивизия не разложена, богата пулеметами и что нам бороться с ней будет трудно. Немного позже начали оправдываться все полученные нами данные об организованном, общем наступлении красных. Наша разведка давала сведения о занятии красными пунктов сообразно с намеченным ранее планом контр-наступления.

Нас принудили скоро к обороне, а затем и к отходам, сначала медленным, а затем и более быстрым, так как отступление всегда расстраивает части. Все же мы еще надеялись справиться с задачами, приблизившись к железной дороге и получив подкрепления. В Бугульминском районе наша слабая 11-я Уральская дивизия, получившая задачу обеспечения левого фланга 3-го Уральского корпуса, продержалась недолго и была принуждена к отступлению. Наши правofланговые части в это время были далеко впереди и угрожали Кинелю. Момент был решительный — требовалось величайшее напряжение на всем фронте, так как в этот момент один из обходящих мог превратиться в обойденного и разгромленного.

У нашего командования крупных армейских резервов не было, чтобы противостоять маневру, продолжая свой; вбитые пополнения, подошедшие в половодье в разложенном состоянии, не могли помочь делу, а местами начали переходить к красным или даже содействовать им. Подошедший в район западнее Абдулина украинский полк «курень Шевченко» был двинут на участок 11-й дивизии, в наиболее угрожаемое место; днем этот полк был радостно встречен, как поддержка, а ночью он выставил пулеметы против своих соседей и штаба дивизии и пытался захватить насильно командный состав штаба 11-й дивизии для передачи красным. На другое утро курень был в рядах врагов. Это, конечно, страшно повлияло на дух измотанных уже частей.

Надежда на скорую поддержку или смену не оставалась. Вообще терялись надежды на тыл. Численность дошла до 200—300 человек в полку, совершенно раздетых, сменивших валенки на лапти или опорки. Мы притянули на свой левый фланг оренбургских казаков и усилили этим пехоту. Но фронт уже начал подаваться назад, и с каждым днем все быстрее. К нам прислали отряд партизан, кажется, на ст. Приютов, но в нем были элементы совершенно развращенные и непригодные для боевой работы на фронте. Это ли было причиной общего отхода, или еще были и другие, мне неизвестно, но началось общее отступление всей армии — начало общего конца всего Белого движения, крушение надежд, возлагавшихся на весну.

А ведь во время половодья корпуса получили задание — двигаться к Волге при первой возможности. Наш корпус должен был пройти через Бузулук и далее южнее Самары. Как представляла Ставка в это время свои силы и их состояние, предполагала ли пополнять их или двигать в наличном составе, мне лично неизвестно и до сих пор. Одно можно сказать, что армейское начальство своевременно получало донесение о положении. Рассчитывать на пополнение людей во время половодья можно было только при полном отсутствии ясного представления о разбросанности частей и о бездорожье. Наладить снабжение при таком состоянии дорог было тоже трудно. Значит, надеялись дойти до Волги в том виде и составе, в котором застало половодье. Какие же основания были для столь радужных надежд — сказать трудно. Единственное предположение — советские силы, энергия коммунистов в угрожаемые минуты были скинуты со счетов. Не верили, по-видимому, совершенно, что красное командование может справиться с задачами, поставленными в половодье по сосредоточению сил для противодействия нам.

Подробный разбор военных операций 1919 года когда-нибудь будет сделан; односторонне он был сделан в советских органах. В



общем, он подтверждает, с одной стороны, критическое положение красных перед половодьем и энергичную работу для спасения фронта от окончательного разгрома, пользуясь временем половодья. И у них как бы все висело на волоске; и у них были люди раздеты, а пополнения брались прямо в ряды из деревень насильно. В итоге всего приходилось думать не о развитии успехов, а о другом: надо было во что бы то ни стало, во первых, задержаться где-то и, во-вторых, собрать силы для того, чтобы взять снова в руки инициативу.

На севере в это время внешне обстояло все хорошо. Сибирская армия своими группами выдвинулась на правом фланге почти к Глазову, а южнее прогнали большевиков за Каму к реке Вятке. Что там было внутри войск, как относилось население к войскам, как пополнялись части, в каком положении они очутились весной, нам было неизвестно. Сводки говорили о продвижениях, газеты разбирали операции и делали выводы на будущее самого радужного свойства. Почему хотя бы часть Сибирской армии не была своевременно направлена для содействия Западной, так и осталось для нас неизвестным.

Примерно в Абдулине, где мы получили сведения о переходе к красным украинцев и о влиянии этого перехода на настроение наших частей, мы получили сведения о сосредоточении Волжского корпуса<sup>26</sup> Каппеля в районе Белибея для смены на Самарском направлении наших частей; узнали также о реорганизации армии и переменах в командном составе. Каппель вывел с фронта свои части в январе и после долгих прений разместил их в районе Челябинска для переформирования выведенных кадров в корпус. Кадрами он был богат, и кадрами надежными; нужно было произвести лишь некоторую чистку от элементов хулиганствующих. Как ни странно, под руководством Каппеля объединялись группы, имевшие ранее на фронте эсеровскую окраску. Корнет Фортунатов формировал конный дивизион. Стоило бы пополнить Каппеля людьми из районов, сочувствующих борьбе, дать лошадей, снаряжение — и остов мог бы превратиться в грозную силу весьма скоро. Вооружение для пехоты и артиллерии было налицо, так как Каппель вывез с фронта значительные запасы.

Не зная обстановки в тылу зимой 1919 года, трудно сказать, что тормозило работу, но, безусловно, к весне корпус готов не был. Уже на фронте я слышал лично от Каппеля, что ему сначала предполагали дать пополнения из внутренних округов Сибири, находившихся в ведении военного министра, но там затянулся призыв, и он ничего не получил. Уже потеряв надежду на получение пополнений из тыла, он поздно стал получать их в районе армии. Для укомплектования

пришлось даже прибегнуть к выбору людей среди пленных красноармейцев и вовсе не разбирать, из каких районов получены мобилизованные.

Нужно иметь в виду, что Сибирь, стоявшая далеко от фронта, была настроена вовсе не воинственно, мобилизованные если и являлись по призыву, так это не значит, что шли охотно против большевиков. Сибирь еще в большей степени, чем Поволжье, была ко времени переворотов не тронута большевиками. Еще в городах кое-кто пострадал, а деревня стояла далеко от влияния большевиков. При этих настроениях деревень уже зимой 1919 года в тылу начали создаваться внутренние фронты под влиянием агитации и различных причин. Тут были и мобилизация, и большевистская пропаганда, и работа эсеров после переворота адмирала Колчака. Все это не могло не влиять на настроения укомплектований. Внешне за время переформирования корпуса все шло хорошо, но внутри было не совсем так. Каппель надеялся, что его надежные кадры поглотят всех шатающихся и даже красноармейцев. Может быть, это и было бы так, если бы времени для работы было больше и если бы не пришлось выступать на фронт до окончания работ, частями.

Мы получили сведения, что придет корпус из трех стрелковых бригад и одной кавалерийской. На этом прибытии строились все надежды изменить положение и даже начать снова наступление, так как красные не имели большого преимущества в силах и наступали в общем вяло, а силы корпуса Каппеля расценивались высоко и по численности, и по моральному весу. Пунктом сосредоточения был назначен район Белибея; командование армией, по-видимому, рассчитывало, что успеет перевезти весь корпус в этот район до отхода. Расчет оказался неправильным. Только одна бригада успела сосредоточиться, да и то очень слабого состава; остальным частям приходилось вступать в бой немедленно по разгрузке, и потому часть корпуса начала разгружаться в других районах.

Первой прибыла на фронт Симбирская бригада<sup>27</sup>. Штаба Каппеля еще не было, и бригада временно подчинялась нам, причем ставилось условием не вводить ее в бой по частям, а использовать целиком. Мы ожидали бригаду минимум тысяч в шесть штыков и были разочарованы: насчитывалось около трех. Правда, и это было силой, так как наши пехотные части во всем корпусе насчитывали в это время гораздо меньше в двух «дивизиях». Мы решили использовать бригаду для активной задачи. Наши части к этому времени, несмотря на слабость, все же задерживали перед собой противника, главное внимание которого было устремлено на направление к Уфе,

на маневр фронтом на север с целью отрезать отход 3-го Уральского и 2-го Уфимского корпусов. Против нас действовал как бы заслон, не проявлявший в это время особой активности.

Чтобы обеспечить успех бригаде, мы сосредоточили ее полностью в тылу и назначили ей небольшой фронт для наступления; времени для разведки и ориентировки было дано достаточно. Сосредоточение бригады закончилось благополучно, и утром, кажется, 12 или 13 мая мы ждали результатов наступления. При успехе могли ожить наши части, могла быть создана угроза красным, облегчено положение войск, действовавших севернее нас, и, главное, закончено без помехи сосредоточение Волжского корпуса Каппеля.

К этому времени на фронт прибыл Каппель и принял командование на Самарском направлении всеми частями как особой группой. Наши части подчинялись ему; я временно должен был быть у него начальником штаба. Симбирская бригада поднесла нам страшный сюрприз, произведший ужасное впечатление на измотанные наши части, ожидавшие смены хоть для того, чтобы отдохнуть и одеться. Прибыла она великолепно одетой, люди выглядели хорошо, приказы выполнялись исправно — в общем, никаких подозрений. Вдруг утром приглашает меня к телефону начальник штаба бригады и встревоженным голосом говорит: «У нас несчастье, один полк целиком перешел к красным, захватив офицеров». Из наступления ничего не вышло. Это было для нас страшным ударом. Надежды на изменение положения начали колебаться. Как раз 13 мая вечером на ст. Белибей прибыл Верховный Правитель адмирал Колчак, смотравший части Казанской дивизии<sup>28</sup>, высаживающиеся из вагонов. Доложили ему. Впечатление это на него произвело тяжелое; несколько истерическим голосом он сказал Каппелю, «что не ожидал этого, но просит не падать духом». Пришлось отказаться от активности и перейти к обороне.

Казанская дивизия сосредоточивалась в районе Белибея и должна была прикрывать направление севернее железной дороги. Ее постигла неудача на первых же порах. Полки, еще не успевшие разобраться в обстановке, были сильно потрепаны конницей красных, действовавшей в этом районе особенно энергично. Начальником конницы называли Каширина, но насколько это верно, сказать трудно, так как во время отходов всегда преувеличивались не только силы красных, но и их энергия. Высадившиеся части корпуса вовлекались в общий отход к Уфе, что было совсем скверно. Из частей 12-й Уральской дивизии решено было сменить с фронта два полка — всего около 500 человек — и послать их за реку Белую на укомплектование, а осталь-

ные оставить на фронте. Эти остатки полков в 500 человек с совершенно слабым офицерским составом должны были принять чуть ли не четыре тысячи пополнений, то есть не кадры поглощали пополнения, а они поглощались сами прибывающими.

Между прочим, Верховный Правитель на ст. Белибей выразил желание видеть части 6-го Уральского корпуса. Кажется, на ст. Давлеканово ему были показаны выводимые в тыл части 12-й Уральской дивизии. Вид их был ужасный. Часть без обуви, часть в верхней одежде на голое тело, большая часть без шинелей. Прошли отлично церемониальным маршем. Верховный Правитель был страшно расстроен видом; командира корпуса после упрекали, что он сделал это нарочно, чтобы оправдать последние неудачи на фронте.

Подробностей отхода частей к реке Белой, боев на Белой и точнее я не знаю, так как скоро уехал из штаба Каппеля и получил новое назначение. Также не знаю точно, какими планами задавалось в это время армейское командование и Ставка. Но мне приходилось бывать в штабе армии в Уфе и говорить со многими ответственными лицами. Видел начштаверха генерала Лебедева<sup>29</sup>, приехавшего в Уфу, видел нового начальника штаба армии генерала Сахарова<sup>30</sup>.

Как всегда после неудач, прежде всего начинают искать виновников, а затем начинаются различные переорганизации. Получивший на Пасхе благодарность и чин за действия Западной армии весной генерал Ханжин как будто не обвинялся открыто, но ему прислали новых начальника штаба и генерал-квартирмейстера; новый начальник штаба генерал Сахаров распоряжался всем так, как будто он был командующий армией. Ясно было, что генерал Ханжин выживался, вместо того чтобы прямо сказать о недовольстве. Тот скоро и ушел — после оставления Уфы. Предположения оправдались — был назначен генерал Сахаров.

Примерно в середине мая было решено все войска на фронте реформировать в группы: Волжскую<sup>31</sup> — Каппеля, Уфимскую<sup>32</sup> — Войцеховского и Уральскую<sup>33</sup> — Голицына<sup>34</sup>. 6-й Уральский корпус расформирован с передачей дивизий в другие группы. Носилась мысль о сосредоточении сибирских казаков в районе Уфы и о направлении их в тыл красным: выводилась в районе севернее Уфы Уральская группа с 11-й дивизией для укомплектования и для перехода в наступление. Начались увольнения, перемещения. Начинался разлад между командованием на фронте и армейским, так как Каппель, Войцеховский, Голицын были на фронте с первых дней восстания, начав работу в небольших ролях, не привыкли к понуканиям и нуждались лишь в общих указаниях и ориентировке. Голицын скоро был уво-

лен. Этот период закончился попыткой армейского командования при работе нового штаба организовать сопротивление сначала западнее реки Белой, а затем на Белой.

Результаты были слабыми. В первом случае все предположения оказались необоснованными и несогласованными с временем и состоянием частей; успеха от маневра Уральской группы не получилось. Сибирские казаки под руководством генерала Волкова не оправдали возлагавшихся на них надежд. Во втором переоценили значение реки Белой как преграды. Армейское командование, видимо, подошло к этой оценке с меркой обычной войны, а не гражданской. В гражданской войне очень плохо удерживаются именно крупные пункты, хотя бы они имели хорошие укрепления или естественные преграды. На реке Белой были успешные боевые эпизоды, но, в общем, в первых числах июня Уфа была снова отдана красным — начался отход к Уралу и за Урал с мелкими ежедневными изнурительными боями.

Это было окончательной ликвидацией нашего весеннего наступления. Надежды на то, что положение скоро изменится, уже не было. В общем, все же положение всего дела не считалось безнадежно проигранным; надо было лишь принимать какой-то широкий план для дальнейшей борьбы. Где-то должны быть глубокие резервы, за Уралом громадные пространства — можно собраться с силами и ударить снова. Наступление весной показало, что отношение населения как к нам, так и к большевикам одинаковое. Нас встречали хорошо, иногда с радостью, но, увы, скоро начинались жалобы и на реквизиции, и на самоуправства, и просто на тяжесть военного постоя. На пути нашем из Уфы через Стерлитамак к Богородскому большевики при отходе безжалостно отбирали лошадей для подвод — нам ничего не оставалось. Население ругало их, проклинало; целые толпы крестьян попадались нам навстречу — они двигались за большевиками и старались вернуть лошадей. Иногда это удавалось. Там, где мы стояли долго, начинали ругать нас. Перебегали к нам крестьянские парни, только что перед нашим приходом мобилизованные в этой местности. Мы их отпускали домой, они с радостью уходили. Но когда их спрашивали, не хотят ли идти против большевиков, чистосердечно заявляли, что не хотят. Большевики в это время только что начинали вводить в деревне комбеды, которые еще не показали себя. Кажется, в Богородском приносили мне какие-то протоколы заседания сельского комбеда по вопросу об иконах. Было получено распоряжение из уезда выбросить иконы из помещений сельских советов. Какой-то комбед решил, что это исполнять не следует «по причине привычки населения к суевериям».

Какие же причины привели весной 1919 года к неудаче? Что нужно было сделать, чтобы избежать их? Какие ошибки были допущены в ведении самой операции? Одни говорят, что не надо было зарываться, а надо было ограничиться обеспечением Уфы; другие, что красных спало половодье; третьи, что плохо действовали вообще на левом фланге и т. д. Причин было много, и только по изучении всей обстановки можно ответить на эти вопросы более-менее определенно. Нельзя делать выводы о всей операции, изучая только часть. Можно сказать лишь следующее:

1. Фронт дал полную возможность высшему командованию начать операцию по намеченному плану и подготовился к ней вполне, используя все свои средства: фронт блестяще выполнил свои боевые и маневренные задачи, но истощил свои силы.

2. Армейское командование и центр не подготовили вовсе сил ни для обеспечения от неожиданностей, ни для развития удара; в нужную минуту в руках командования не оказалось резерва. Почему не подготовили, были ли к этому уважительные препоны — это вопрос другой.

3. Армейское командование не справилось с вопросом о пополнении частей и организации вообще запасных частей.

4. В самой операции план первого периода был задуман хорошо и проведен блестяще. Но почему после занятия Уфы большевики с 13 по 30 марта могли держаться близ Уфы? По изучении детальной обстановки можно будет ответить на это, но мне, по имевшимся у меня во время операции данным, представлялось, что в этой задержке мы были виноваты сами; надо было по занятии Уфы не увлекаться окружениями, а продолжать движение без перемены направлений, стремясь не давать красным передышки. Даже выделение армейского резерва в этот период может считаться неправильным. Так как все дело было в быстром использовании первого успеха. Если бы передышки дано не было, конечно, мы до половодья могли бы сделать много, а главное, не потеряли бы столько людей.

5. Раз сражение близ Уфы затянулось и было выиграно с большим трудом, нужно было уяснить состояние своих частей и найти способ подкрепить их. Нельзя было перед половодьем разбрасывать их на громадном фронте, зная, что некоторое время они будут лишены взаимной связи и всякого подвоза. Преследовать противника можно было и авангардами; успех был бы тот же.

6. Опоздав с укомплектованием корпуса Капеля и с переброской, надо было сосредоточить его полностью, выбрав для сосредоточения пункт более удаленный от фронта так, чтобы не приходилось действовать по частям.

7. Воевали на фронте все время те, кто начал операцию; прибывшие пополнения не только не помогли, а местами принесли вред. Значит, обстановка в тылу была нездоровой.

8. Всегда, во всякой войне, дух бойцов имел первенствующее значение. Выше я говорил, как мы боролись за него зимой на нашем участке. Успехи мелких действий, а затем успехи весенней операции подняли его, и мы во время наступления уже не боялись за внутреннее состояние частей. Во время операции после занятия Уфы большие потери нанесли ему ущерб, но все же он был хорош. Надо было беречь его всемерно. Первый удар был нанесен прибытием раздетых пополнений, затем недостатками в снабжении (валенки и полушубки в грязь), а затем потерей надежды на смену, когда в полках у нас оставалось по 12—15 офицеров и 200—300 солдат и когда началась передача красным пополнений, а затем и целых полков. Слухи о таких событиях разносятся страшно быстро. Начались разговоры: «Значит, остаемся без помощи, пока всех перебьют». Когда началось общее отступление, то дух, конечно, упал и в частях наиболее крепких по командному составу. Здесь я должен коснуться одного вопроса относительно духа, весьма, по-моему, печального. Весной 1919 года, кажется, были аннулированы в Сибири советские денежные знаки в 40 и 20 рублей. «Керенки». Неоднократно от начальства я слышал потом, что это отразилось на стремлении идти вперед, так как люди лишались наживы. Ведь у некоторых пленных отбирались десятки тысяч, а сибирское жалованье было слабое и иногда неисправно выплачивалось.

### Лето и осень 1919 года. От Уфы до Омска

Весенняя кампания, так блестяще начатая, кончилась проигрышем. «Порыв не терпит перерыва» — половодье остановило наше преследование, не дало нам ничего в смысле пополнений и снабжения, дало возможность советскому командованию произвести целый ряд перевозок войск с других фронтов для спасения положения, дало передышку. Экзамен нами не был выдержан; весенние операции были предприняты без достаточных сил для закрепления и развития успеха — вся тяжесть кампании легла на войска, бывшие на фронте к началу операции. Необходимость переэкзаменовки — скверная вещь вообще, а на войне в особенности. Потеряна инициатива действий, потеряно время, потеряны тысячи лучших людей, пострадала материальная часть. А самое главное — поколеблена вера в успех, подорван дух. Подорван дух

бойцов, и сразу же из всех щелей вылезают враги, до сих пор прятаясь.

После оставления реки Белой и Уфы, в первых числах июня, обстановка на всем Восточном фронте еще давала возможность высшему командованию надеяться на успешный выход из положения в течение лета. Западная армия отходила с боями, задерживаясь на каждом рубеже, а иногда нанося короткие удары; Сибирская была все еще далеко впереди — правым флангом у Глазова, а левым на Каме; дальнейший отход Западной армии мог поставить ее в скверное положение, но, если бы она своевременно пришла на помощь Западной, большевики могли быть снова побиты на главном направлении.

Южная армия отходила, равняясь на Западную, против нее не было большого нажима. В армейском тылу было много людей в кадровых частях; в более глубоком тылу должны были закончиться начатые ранее формирования. Средств в Омске было достаточно; надо было лишь заставить всех работать. Требовалось немедленное решение центра, решение крупное, на большой период; надо было принять его и проводить в жизнь с железной энергией, не останавливаясь ни перед чем. Нам не было известно, что и как решено было в Омске и вообще принималось ли решение в широком масштабе, наметен ли какой-либо определенный план на лето. Во всяком случае, события летом показывали на какую-то постоянную смену различных решений. Твердой, направляющей руки, проводящей какой-либо определенный план, видно не было.

Действительно: в начале лета Западная армия отходит, а Сибирская остается как наблюдатель; зачем-то на несколько дней Западная армия подчиняется Гайде<sup>35</sup> — лишь для того, чтобы тот в приказе выругал весь командный состав Западной армии. Если бы одновременно с подчинением Гайда выделил части своей армии для содействия или ударил вообще с севера во фланг наступающим красным, подчинение было бы понятным. Ни содействия, ни общего решения — и Сибирская армия скоро начинает отступать и быстро разваливается. Вместо помощи Западная армия скоро должна особенно внимательно смотреть за своим стыком с Сибирской армией, чтобы не попасть в скверное положение.

В общем, само собой напрашивается заключение, что Ставка в этот период не имела определенного плана, надеялась остановить красных полумерами и предоставляла армиям скакать, куда каждая хочет. Позже, с назначением генерала Дитерихса главнокомандующим, впервые как будто наметился определенный план (были све-

дения у нас). Но во время отхода Сибирской армии в намеченные районы Западная армия предпринимала самостоятельно операцию у Челябинска с использованием для нее последних резервов, причем Западная и Южная армии выходят временно из подчинения главнокомандующему.

Советская власть, оправившись от удара весной, а затем окрыленная успехами, поставила себе очевидной задачей внедрение в еще не тронутую настоящим большевистским управлением Сибирь. Не обращая особенного внимания на то, что Сибирская армия выдвинулась своим правым флангом до Глазова, она продолжала давить все более и более уверенно в главном направлении — в центре. В общей обстановке в начале лета обстоятельства ей благоприятствовали; на Южном фронте давление армии генерала Деникина еще не сказалось; в угрожающих размерах в Сибири со времени Омского переворота велась усиленная агитация против власти эсерами, которые в этом отношении сделали уже много, работая на большевиков. Требовалось решение в большом масштабе.

После неудач организации непосредственно сопротивления Западной армии на линии реки Белой нужно было думать о влиянии этих неудач как на Сибирскую армию, действовавшую на громадном фронте от Глазова до устья реки Белой, так и на Южную — в районе Южного Урала — Актюбинска. Какова была обстановка в этих армиях, нам точно не было известно, но, несомненно, обе армии ставились в тяжелое положение при дальнейшем отходе Западной. Если нельзя было использовать часть Сибирской армии для активной роли с целью восстановить положение и раз не было надежды на остановку продвижения красных, нужно было решиться на общий отход всех армий на какой-то фронт, выбранный так, чтобы сосредоточить там все возможное для перехода в наступление.

Как отходить? Можно было организовать медленный отход всех войск с задержкой противника на каждом рубеже и в это время где-то в тылу сосредоточивать войска, подготовленные для наступления. Этот образ действий мог дать наибольший выигрыш времени, но он страшно выматывал войска. В гражданскую войну отступление носит совершенно другой характер, чем вообще на войне. Здесь люди больше всего боятся быть поставленными в скверное положение при соседских неудачах и преждевременных отходах соседей — боятся попасть в плен. Ночлеги при отходах всегда тревожны, и даже случайная стрельба, особенно пулеметная, близ пункта ночлега ведет к переполоху, а иногда к спешному вступлению. Разведка противника и связь с соседями играют роль исключительную, и каждый начальник дол-

жен быть ориентирован в обстановке до мелочей. Становясь на ночлег, каждый начальник должен не по карте, а на местности изучить входы и выходы из населенных пунктов и путем самых тщательных опросов уяснить себе картину подступов к деревне. К этой, чисто военной стороне нужно прибавить еще, что отступление, понимаемое населением как неудача на фронте отступающей стороны, осложнялось иногда местными выступлениями под влиянием большевистской агитации.

Другой способ — вывод сразу из боя главной массы войск под защитой завесы, которая должна оказывать возможное сопротивление, — не давал такого выигрыша времени, как при медленном отходе, но при сплоченных частях более сохранял их, а главное, давал возможность и в пути, и по выводе лучше отдохнуть, пополниться и подготовиться. Меньший выигрыш времени получался потому, что разведка в гражданскую войну облегчена добровольными пособниками той и другой стороны, и, конечно, наступающий скоро узнавал, что перед ним. Раз завеса, начинал действовать энергичнее.

Я подчеркнул, что при этом способе сохранялись сплоченные части потому, что на несплоченные скверно влияет всякое отступление. Кроме того, нужно еще сказать, что на сохранение при отступлении всех вообще частей на Восточном фронте влияло в большей или меньшей степени, в зависимости от состояния их, то, что эти части создавались в покидаемой местности, там же пополнялись и, значит, уходили куда-то от своих домов.

При первоначальном отступлении от Белой в Западной армии, по-видимому, предполагалось задержать противника где-нибудь не далее Урала с тем, чтобы это не могло отразиться на фронте. Судить об этом можно по тому, что на ходу части продолжали пополняться и армия вела упорные бои на Урале. Когда же выяснилось, что на Урале не удержаться, по-видимому, решено было наметить какой-то пункт сосредоточения далеко в тылу и вывести части с фронта туда же. С назначением главнокомандующим генерала Дитерихса стало слышно, что будет отведена в район Тобольска—Ялаторовска Сибирская армия и что в районе Петропавловска будут сосредоточиваться как части Западной армии, отводимые с фронта, так и подвозимые из Сибири.

После оставления Уфы штаб Западной армии перешел на ст. Бердяуш. После городской суматохи можно было заняться армейскими делами более внимательно. Западная армия отходила медленно, задерживаясь везде, где можно, и переходя местами в короткое контрнаступление. Красные усиленно устремились вклиниться в расположение между Сибирской и Западной армиями и давить на наш правый

фланг, где была Уральская группа — наиболее слабая в армии. Настроение в армии во время отхода было угнетенное, но все же не плачевное. Теплые летние дни скрашивали многое. Части при отходе пополнялись из кадровых бригад. Состав части был таков, что боялись переходов к красным, перемен фронта, больше ничего. Командующий армией генерал Ханжин скоро ушел — был назначен генерал Сахаров, как и ожидали.

И в прежней роли начальника штаба, и новой командующего генерал Сахаров в общем на ближайшее время ставил в армии задачи: 1) На фронте удерживать противника, переходя в частичное контрнаступление везде, где будет возможно. Какие задания давала армии Ставка, мне неизвестно. 2) Создать армейский резерв, сформировать Егерскую бригаду, Егерский батальон и немного конницы. 3) Пополнить части, выбрав все готовое из кадровых бригад и добившись снабжения их. 4) Выхлопотать из Ставки часть дивизий, сформировавшихся в тылу для того, чтобы иметь возможность сменять части или подготовиться к наступлению. 5) Переформировать офицерские пополнения. 6) Поднять работу органов снабжения в своем тылу и добиться упорядочения подачи всего из тыла. 7) Упорядочить состояние кадровых бригад, ускорить призыв людей и наладить посылку пополнений на фронт. Наладить более тесную связь в работе всех отделов штаба и тыловых органов. 8) Поднять дело пропаганды. 9) Разгрузить железную дорогу от громадного числа эшелонов, занятых различными штабами, полками, хозяйственными органами, организациями.

Пишу этот перечень, вспоминая то, что обсуждалось тогда и что проводилось в жизнь. Программа обширная, требующая для проведения не только решительных шагов, требовательности, постоянного контроля, но еще соответственного выбора исполнителей, дружной работы всех и каждого, поддержания духа пессимистов и еще достаточного времени и достаточных материальных и человеческих ресурсов. Увы, от программы до выполнения ее очень далеко. Генералом Сахаровым была проявлена исключительная требовательность, но остальное ему удалось лишь частично; многое осталось неосуществленными бумажными пожеланиями.

Фронт продвигался медленно на восток через Урал. Были возможности для нанесения ударов при отходе, но эти возможности ни разу не были использованы с значительными результатами. Штаб армии стремился держать в своих руках всякое движение войск и своими обычными директивами «упорно удерживать», «энергично перейти в наступление», «нанести стремительный удар» и т. д. не достигал же-

лаемого. Командующие группами, по рассказам Каппеля и Войцеховского, часто не успевали даже расшифровывать директивы и отдавали свои распоряжения самостоятельно, учитывая обстановку на месте. Были неприятные случаи с выступлениями рабочих на некоторых уральских заводах. В волжских и уфимских частях такие выступления не производили большого впечатления, а Уральская группа нервничала. Эта группа, действовавшая на крайнем правом фланге, окончательно выдохлась и была для красных скорее обозначенным противником, чем действительно «упорно обороняющим» свои участки. И это имело большое значение потому, что красные всячески пытались добиться успеха, вклиняясь между Сибирской армией и Западной.

Уфимская группа была сначала отведена в резерв и пополнялась. В первых числах июля, когда Уральская группа отошла через горный проход первой гряды Урала, был организован частный контрудар, не давший результата. Волжская группа шла южнее железной дороги, задерживаясь при всякой возможности. Местами она имела большие потери. Кажется, в районе Сатки бы убит знакомый нам всем сподвижник Каппеля с первых дней его выступления на Волге, капитан-топограф Максимов, сам пожелавший командовать строевой частью.

Вторая задача — создание своими средствами армейского резерва — вовсе не удалась. Она требовала большого времени и средств. Генерал Сахаров хотел это сделать чуть ли не в две-три недели, использовать прибывших из тыла офицеров и солдат, получивших подготовку во Владивостоке. В результате были сформированы зачатки бригады и егерского батальона. При штабе армии были организованы особые курсы для офицеров, присылаемых из тыла, и пленных. Режим был в них введен строжайший; может быть, и был бы толк, если бы было достаточно времени. Начали работу, кажется, две офицерские школы для подготовки офицеров и унтер-офицеров. Пополнения на фронте шли согласно намеченной программе, но, увы, без шинелей (одеяла вместо шинелей). Недостаточно было и винтовок. Впрочем, последнее мало огорчало армейское командование, так как официальные данные о наличии оружия в частях всегда грешили в меньшую сторону и обычно люди в частях вооружались. Беда была в том, что благодаря этим утаиваниям трудно было различить, где правда, где ложь, и совершенно нельзя было точно урегулировать распределение винтовок. Кадровые бригады продолжали пополняться мобилизуемыми в прифронтовом районе, но без надежды, что они будут одеты как следует, хотя бы к окончанию срока обучения. Ставка обещала дать Сибирские дивизии на фронт в июле по особому расписанию.



Громадной работы и энергии требовала железная дорога. С одной стороны, постоянно требовались срочные перевозки, а с другой — дорогу загромождало громадное количество эшелонов, занятых различными штабами, хозорганами, организациями, беженцами, эвакуируемым имуществом. Пытались нормировать количество вагонов под крупные учреждения, принимались решительные меры для выбрасывания грузов из вагонов, а все же дорога была загромождена. И чем далее фронт продвигался к Востоку, тем положение становилось катастрофичнее.

К состоянию тылов, вопросу о пополнениях я еще вернусь; здесь же должен добавить, что при проведении в жизнь всего намеченного генералом Сахаровым и его штабом, помимо бумажности некоторых расчетов, играли большую роль личные отношения к нему командного состава армии, а также личные качества генерала Сахарова. Как будто большинство начинаний и мер были правильны, а дело шло с трудом. Ему не удавалось стать авторитетом для всех в армии. Своей манерой обращения, подчеркнутым солдатским видом, внешними приемами он часто отталкивал, восстанавливал против себя людей самых исполнительных; нужно было привыкнуть к нему, чтобы хорошо работать. К этому надо прибавить особую требовательность ко всем, чтобы все «делалось отчетливо», то есть подчеркнуто по-солдатски; чтобы армия была «регулярной».

Начавшие работу на фронте с первых дней Гражданской войны Каппель и Войцеховский относились ко многому из порядков иронически и иногда даже протестовали. Генерал Войцеховский позже даже ушел из армии Сахарова. К ушедшему генералу Ханжину относились совсем иначе; несмотря на мягкость характера, личный авторитет его стоял высоко, и командный состав как-то старался помочь ему, шел навстречу. Недостаток был скорее в определенных требованиях с его стороны. Это был свой человек, понимающий нужды фронта, личные особенности начальствующих, условия Гражданской войны, знающий историю всякой части.

Рознь эта, неприязнь, началась с самого начала появления генерала Сахарова в качестве начальника штаба и так осталась неизжитой до самого конца движения в Сибири. Корень этой неприязни лежал в том, что Войцеховский, Каппель и др. начали работу на фронте с маленькими отрядами, работали самостоятельно в самой переменной обстановке с различными силами и привыкли к тому, чтобы армейское командование было внимательно к их докладам, прислушивалось к ним. Новый командующий армией, его начальник штаба не были раньше участниками Гражданской войны и, став во главе воен-

ного управления, стали не только руководить, но и учить, понукать и даже внушать и т. д., часто совершенно не обращая внимания на особенности обстановки и смотря на все под своим углом зрения, преследующим все «нерегулярное» в армии. Кроме того, целый ряд мер нового командующего армией не встречал сочувствия, а иногда вызывал противодействие. Генерал Сахаров всячески добивался, чтобы все части армии были хорошо выправлены, внешне дисциплинированы (хорошо отдавали честь, отвечали и т. д.). Дисциплина во многих частях была своеобразно добровольческая, не поддававшаяся на понукания — в результате ряд недоразумений.

При штабе армии начал формироваться Егерский батальон, внешне страшно подтянутый, вымуштрованный, отлично певший песни — части с добровольческой закваской смотрели на все это несколько иронически. Генерал Сахаров при смотрах старался ходить так быстро, что за ним все бежали — и это считалось копировкой не кого иного, как Великого Петра.

Разросся Осведарм в дополнение к различным осведам при Ставке. К концу лета один поезд его уже не вмещал всего Осведа — столько было там людей. Это была попытка конкурировать в агитации с большевиками. Кроме агитации, Осведарм получил задачи и другие: он не только осведомлял армию и население, но имел своих агентов в частях, требовал донесений о всем происходящем вплоть до характеристики действий начальствующих. Это вызывало протесты командного состава, но безуспешно; позже мне приходилось читать характеристику моей собственной работы, штаба и командиров полков, посланную агентом Осведарма. Штаб армии хотел знать о состоянии частей не от подчиненного командного состава, а помимо, от своих агентов, предоставив им таким образом широкое поле для субъективных суждений. Если добавить, что в осведы старались пробраться эсеры, то впечатление от этой меры получалось скверное.

В Бердяуше, кажется в первой половине июля, мне пришлось быть членом военно-полевого суда по делу эвакуации Уфы. Преданы были суду интендант и два или три чиновника за бездействие власти и оставление имущества раньше времени. На общем фоне отступательной суматохи это были мелкие факты, и всякому преданному суду чину, конечно, трудно доказать невиновность при таком обвинении, как бездействие власти и упущения по службе при эвакуации. Никаких вопиющих преступлений суд не нашел — признал, что все недостаточно были тверды и решительны, волновались и заботились о вызове семейств. Основная причина неполной эвакуации имущества — запоздание с началом и затем несвоевременная подача обещан-

ных вагонов начальником военных сообщений. Последний только что принял должность и не смог выполнить своих первоначальных обязанностей. В общем, суд приговорил обвиняемых за упущения и бездействие к каторге, но постановил донести до сведения командующего армией свое особое мнение, основанное на изучении материалов, что обвиненные — стрелочники в эвакуационной неурядице; командование армией и штаб запоздали с отдачей распоряжения, штаб взял себе под эшелоны значительную часть подвижного состава и, наконец, во время самой эвакуации сменил начальствующих лиц на железной дороге. Об этом мелком факте говорю потому, что обычно во время отступления за упущения в большинстве платятся второстепенные лица.

На ст. Бердяуш мне пришлось заняться вопросами о пополнениях для армии, их подготовкой, вопросами о новых формированиях и командном составе, так как около трех недель я временно занимал должность дежурного генерала Западной армии. До сих пор, только в должности начальника штаба корпуса, приходилось иметь дело с пополнениями, но все это была обычная фронтовая работа. Более-менее ознакомившись с положением, я понял, какие непрестанные внимание и забота требовались от армейского командования зимой, чтобы вышло что-нибудь с пополнениями. На подбор людей для руководства этим делом не было обращено никакого внимания — как будто это были какие-то второстепенные вопросы.

Управление дежурного генерала — хорошо налаженная канцелярия, не более. Дежурный генерал — докладчик бумаг на подпись и исполнитель указаний начальства, никакого подлинного знакомства ни с тем, что в тылу, ни с тем, что на фронте, ни с тем, как надо организовать подачу людей на фронт. Ничего, кроме добросовестного исполнения бумаг. А между тем дежурный генерал должен быть в курсе событий на фронте в такой же мере, как и генерал-квартирмейстер. Главный начальник тылового округа в своей большой, по закону, работе был совершенно оторван от фронта и даже не был в курсе происходящего на нем. У него кадровые части, их снабжение, у него различные отделы по снабжению (заготовительные), у него в ведении различные частные организации, работающие на оборону, и он работает почти вне связи с командованием армии.

Западная армия в своих кадровых бригадах имела до 40 000 человек, призванных в начале лета, и, кроме того, люди еще прибавлялись дополнительными мобилизациями. Число людей в бригадах разное, состояние разное, снабжение не одинаковое, количество командного состава не регулируется. Нет общей программы для подготовки, не

поставлены определенные задачи со сроками и пр.; в бригадах масса нужда, дыр, без устранения которых работа идти не может. Бригадные начальники вопят о нуждах, каждый из них старается выйти из положения по-своему. В одной бригаде нет вовсе винтовок для обучения, обучаются с берданками; в другой ни одного пулемета; во всех нет совершенно шинелей — даже для обученных и отправляемых на фронт. Учет обученных и готовых к отправке слабый; боевая подготовка слабая — кончившие обучение выпустили при обучении не более 5—10 пуль в мишень. Отправка без определенного плана и иногда без предупреждения фронтовых частей о прибытии. Нет какого-нибудь выработанного порядка для посылки пополнений в части, удаленные от железных дорог. Маршевые роты испытывали иногда громадные лишения, чтобы попасть в назначенную часть. Все это, конечно, поправить в короткий срок было нельзя. Много было даже непоправимо.

Генерал Сахаров уделял тылу и пополнениям много внимания. Беда была лишь в том, что он часто нервировал людей напускной требовательностью и манерой обращения. Непривычные старались попасть в тон, чтобы считаться исправными. Но все же работа несколько оживилась, пополнения начали отправляться не случайно, а по заранее составленному плану. Между прочим, несмотря на все наши старания, так и не удалось получить и приготовить для всех маршевых рот шинели, и люди приезжали на фронт с одеялами вместо шинелей. Такие одеяла днем носили скатанными, а ночью как плащи. Вид людей был совсем не воинственным. Всего в июне было подано на фронт, кажется, до 11 тысяч человек. Люди шли в порядке — плохо было то, что они вливались во время отступления.

Отступление деморализует самые крепкие части, как же оно влияло на полки, в которые вливалось до половины людей. Еще зимой 1919 года мы хлопотали, чтобы при каждом корпусе или даже дивизии на фронте был маршевый батальон для того, чтобы можно было присмотреться к пополнениям и подготовить их к переходу в строй частей. Это был бы приемный пункт, контролирующий подготовку, располагаемый недалеко в тылу. Так мы и не добились разрешения и принуждены были затем обстановкой заводить временные маршевые батальоны. Оказывается, не мы одни просили об этом — были такие же просьбы из других корпусов. В штабе армии мне говорили, что Ставка не хотела давать штатов для таких батальонов.

Генерал Сахаров быстро провел эту меру. Организация новых частей для фронта, подготовка командного состава, специалистов тоже шли как-то случайно. Никаких резервов офицеров с отбором их не было. Это было уже совсем непоправимо. Попытки формирования

близ Бердяуша, в Сатках, Егерской бригады не дали положительных результатов. Материальную часть, хозяйство нельзя создать из ничего, несмотря на всю требовательность начальства. Нельзя скоро спать в частях людей, собранных отовсюду; люди привыкают друг к другу у котла, если они не земляки. Тылы фронтовых частей, несмотря на убыль людей в рядах, оставались большими. В обозах II разряда находились семьи. Для точного выяснения размера тыла не раз принимались ревизии; боевой состав страшно расходился с цифрой ртов. Сопоставление цифр боевого состава и числа ртов во всей армии давало еще большую разницу. На 25 000 штывков было до 140 000 кормящихся. Решено было использовать всю многочисленных чинов для поручений при штабе армии для учета тылов и для безжалостной затем урезки. К сожалению, все это было во время ежедневных отходов и не могло принести полностью хороших результатов.

В конце июня я был назначен помощником главного начальника снабжения Западной армии; моей задачей было быть при штабе армии с небольшой рабочей частью от всех органов снабжения, заботиться о том, чтобы фронту все подавалось в срок без промедления, и регулировать передвижения армейских тыловых учреждений в связи с переменами на фронте. Управление главного начальника снабжения было громоздкое, неприспособленное к фронтовой работе и отводилось в тыл, где занималось кредитами, сметами, разбором претензий, подсчетами и пр. Заготовительных функций оно не имело; их имел отчасти главный начальник тылового округа. Я не знаю, как распределялась работа по снабжению армий между военным министерством и тыловыми округами; судя по тому, что нам давалось, точного разграничения работы не было, а потому в тыловом округе занимались всем и ничем. Интендантство как будто имело свои мастерские, заводы и пр., но давало армии от своей выработки очень мало. Инженерное ведомство ведало разными артелями на местах, но у нас никогда не было достаточно повозок и телег — приходилось покупать или реквизировать. Много было «ободьев для колес» — в каждом эшелоне можно было видеть загруженные платформы.

Роль моя ограничивалась требованиями от тыла, наблюдениями за перевозкой, распределением, подачей в группы и согласованием находжений разных запасов с боевой обстановкой. Мы скоро наладили все это, но, конечно, не могли добиться получения всего необходимого вовремя и из округа, и из глубокого тыла. Я не знаю точно, как была организована заготовка снабжений в тылу, но знаю, что организация была сложной и громоздкой. При армии был представитель министерства снабжений, который должен был заботиться о подаче

продовольствия. Не будучи в курсе всего происходящего на фронте, он мало помогал и часто только создавал затруднения.

На ст. Бердяуш мы простояли целый июнь, затем в первых числах июля несколько дней стояли на ст. Миас и, кажется, около половины июля прибыли в Челябинск. Обстановка на фронте к этому времени была для нас весьма неблагоприятной. Сибирская армия отходила почти не задерживаясь через Екатеринбург на Камышлов и Шадринск и притом при отходе морально разваливалась. Большинство состава армии распылялось. 16 июля был оставлен Екатеринбург и на фронте оставлены арьергарды. Рассчитывать на какое-нибудь содействие Сибирской армии не приходилось. Наоборот, с каждым днем отхода положение становилось все более и более угрожаемым. Западная армия должна была смотреть на север.

Западная армия выходила из Уральских гор сильно ослабленной. Уральская группа существовала только на бумаге, хотя ей и ставили обычные для группы задачи. Уфимская и Волжская группы, хотя и не слабые, но все же выходили с потерями. Казачьи Оренбургские отдели не могли дать много, хотя и объявили поголовную мобилизацию. Ставка направляла к Челябинску Сибирскую дивизию и, кажется, еще одну дивизию в Южную армию, но эти дивизии имели дефекты и в снабжении (англ. артиллерия) и в личном составе. Южная армия, видимо, отбрасывалась на юг, на Орск.

При этой обстановке решено было попытаться вырвать из рук красных инициативу переходом в наступление Западной армии в районе Челябинска с расчетом, по-видимому, на полный разгром красных, бывших против Западной армии, и распространение затем успеха на север и юг в районы Сибирской и Южной армий. Одним словом, с расчетом на спасение положения силами одной Западной армии.

Если вообще можно было рассчитывать на какой-то успех, то шансов на полный разгром, с расширением влияния успеха далеко в стороны, по-моему, не было; слишком незначителен был приготовленный для удара кулак, и предположения грешили переоценкой сил своего правого фланга — Уральской группы. Если бы еще Сибирская армия давала возможность устремиться вперед, не озираясь на нее? А сведения оттуда были весьма безнадежные. Кроме того, инерция отхода была уже так велика, что повернуть части для решительного удара являлось одной из труднейших задач, требующих времени.

А раз нельзя было рассчитывать на полный успех, стоило ли начинать сражение? Думается, что не стоило. Думается, что и армейское командование должно было так смотреть на положение, но, очевидно, считало полный разгром возможным или увлекалось. «Западная армия

спасает положение, Западная армия берет в руки инициативу» — это ли не заманчиво! Я не знаю, как смотрели на эту операцию сверху. Слышал, что будто бы против нее был новый главнокомандующий генерал Дитерихс. Во всяком случае, она состоялась, причем для объединения действий Западной и Южной армий приезжал генерал Лебедев — начальник штаба Верховного главнокомандующего.

Вопрос о том, почему Челябинская операция состоялась, почему для нее были использованы давно ожидавшиеся глубокие резервы, кстати еще сырые, всегда интересовал меня, и теперь я достоверно знаю, кто является творцами ее. Оказывается, что генерал Дитерихс после назначения главнокомандующим решил оставить на фронте аррьергарды, а большую часть армии отвести за реку Ишим, там пополнить и затем примерно в первых числах августа перейти в наступление. В наступлении должны были принять участие и те дивизии, что формировались за Иртышом, кажется, три.

План был одобрен или утвержден адмиралом Колчаком, и генерал Дитерихс выехал в район бывшей Сибирской армии для непосредственного руководства отходом ее частей. Вот в это время и была проведена Челябинская операция генералом Лебедевым и Сахаровым, которые сумели доказать адмиралу Колчаку необходимость операции и решили на свой риск и страх изменить обстановку, использовав для этого Западную армию и последние резервы. Генерал Дитерихс протестовал, но операция была начата, причем Западная и Южная армии были временно изъяты из его подчинения.

Решено было дать сражение у самого Челябинска. Центр должен удерживаться вблизи города, а оба фланга перейти в решительное наступление. Штаб армии отправил свой эшелон на ст. Чумляк, и командующий армией с частью штаба перешел в город. Такой переход для непосредственного управления был бы хорош, если бы заранее была установлена связь с группами и все знали, где они и что искать в городе. Кроме того, у командующего армией почти не было резерва, чтобы влиять на исход боя и обеспечить себя от случайностей. Кажется, 24 июля завязались бои. Кое-где был успех, но частичный. Решительного успеха не было. Почти сразу можно было считать, что операция ничего не даст, кроме некоторого выигрыша времени, купленного дорогой ценой.

Красные, побитые местами, подались назад. На правом же фланге, ввиду продолжающегося отхода Сибирской армии и слабости Уральской группы, они скоро оправались и начали давить, создавая угрозу для наших частей, выдвинувшихся вперед на юге. Начался отход с боями. Особенно упорные бои были в центре вдоль железной дороги. Участво-

вавшая в боях Сибирская стрелковая дивизия скоро окончательно потеряла боевое значение, так как уже в первом бою она была совершенно растрепана: большая часть людей сдалась в плен.

Ожидания, основанные на слабом, преступно-легкомысленном оптимизме, не оправдались. В результате громадные потери в только что пополненной Западной армии, уничтожение столь долго ожидаемых резервных дивизий и срыв плана главнокомандующего. Дальше надо было искать других решений. Южная армия оторвалась от фронта и отбрасывалась на юг.

После Челябинской операции Западная армия, понесшая большие потери, но все еще не окончательно обессиленная, с боями отводилась на Курган. Скоро стало известно, что сверху решено было сосредоточивать все, что возможно, в районе Петропавловска с тем, чтобы оттуда перейти в наступление. Западной армии ставилась задача выделить в тыл не менее четырех дивизий, а остальными задерживать движение противника. Сибирская армия, переорганизованная в 1-ю<sup>36</sup> и 2-ю<sup>37</sup>, должна была пополниться и подготовиться к переходу в наступление в районе Тобольска—Ялуторовска. Южнее Западной, переименованной в 3-ю<sup>38</sup>, должна была собраться Степная группа<sup>39</sup> с сибирскими казаками с генералом Ивановым-Риновым<sup>40</sup> во главе. У красных к этому времени обозначилась угроза на Южном фронте, и они ослабили или начали ослаблять свои силы против нас.

Район сосредоточения выбирался удаленный, чтобы дать возможность отведенным частям отдохнуть и пополниться, чтобы можно было ударить не с места, а с движением вперед. Конец июля и весь август прошли в подготовке к этому переходу в наступление. Предположения о том, что красные не смогут помешать сосредоточению, оправдывались, но, конечно, не все, как всегда, было выполнено, что предполагалось. Были по-прежнему большие недостатки в одежде, оружии, патронах, подводах и проч.

Все же в первых числах сентября решено было перейти в наступление. Наступление было начато, кажется, 2 сентября и начало развиваться вовсе не так, как было предположено. Помнится, что предполагалось прежде всего ударить на север 1-й и 2-й армиями, бывшими по отношению к 3-й армии уступом впереди, с тем чтобы разгромить левый фланг красных, а 3-я армия должна была гнать противника перед собой, причем одна группа армии должна была обойти правый фланг красных.

В первые же дни операции выяснилось, что 1-я и 2-я армии почти не могут сдвинуться с места, а 3-я армия имела значительные успехи, и перед ней красные начали отходить. Пришлось организовать содей-

ствие 1-й и 2-й армиям. Пришлось приказать Уфимской группе Войцеховского повернуть фронтом почти на север для удара по красным, стоявшим против 2-й армии. После ряда упорных боев в Озерном районе уфимцы сбили красных, и тогда сдвинулись с места 1-я и 2-я армии, но все же перед ними красные отходили слабо. Против 2-й армии была крепкая 30-я советская дивизия, упорно оборонявшаяся и довольно хорошо маневрировавшая.

В половине сентября продвижение вперед наших частей как-то застопорилось, несмотря на ежедневные бои. 1-я и 2-я армии, не смогишие выполнить самостоятельно своих задач, отняли у нас много времени и сил и растянули наш фронт. Красные не сдавались и перешли в контратаки. На юге ожидания решительных успехов от действий Степной группы, а затем и прибывших сибирских казаков не оправдались. Ожидали, что казачья группа прорвется в глубокий тыл, но дело ограничилось разными слухами об успехах и большим шумом. Пошли дожди, растворили почву, и дороги стали тяжелыми для движения. Нужны были еще какие-то большие усилия, чтобы заставить красных отступать. Об отходе левого фланга красных думать было нечего; во всяком случае, не было ничего похожего на наши весенние успехи.

При этой обстановке я 18 сентября со ст. Петухово выехал из штаба армии, чтобы вступить в командование 4-й Уфимской генерала Корнилова дивизией<sup>41</sup>. Кое-как, по страшной грязи, к вечеру добрался до штаба Уфимской группы, ночевал и на другое утро добрался до штаба дивизии. Состав дивизии, боевая работа мне были известны еще раньше. Особенности частей сейчас, слабые стороны и сильные передал генерал Войцеховский накануне; штыков около 2400, хорошая артиллерия, хорошие полковые команды в двух полках. Два полка вполне боеспособны, два очень слабы и по количеству штыков, и по командному составу. Большой тыл; при обозах 2-го разряда много семейств. Хорошая санитарная часть. Слабая сторона управления — постоянные запаздывания при выполнении боевых задач, при выступлениях с ночлегов. Наступают хорошо, но при контратаках красных скоро сдают; нет большой выдержки. В общем, все же одна из лучших «дивизий» армии. С этими отправными данными я и принял командование.

Боевые задачи на ближайший период — наступление вместе с другими частями армии. Последние дни шли дожди, почва распустилась, грязь была невероятная. Продвижение как-то застопорилось; даже сведения о красных были недостаточно выясненными: по одним данным, перед нами только передовые части, а главные силы на перехо-

де; по другим, красные всеми силами укрепляются. На следующий день мы с маленькой перестрелкой продвинулись на переход — перед нами оказались действительно только передовые части. К вечеру выяснили, что главные силы красных укрепились и приготовились к сопротивлению. Несколько дней нам не удавалось сдвинуть их с места, пока общими усилиями с соседями — 8-й Камской<sup>42</sup> — мы ударили в один пункт с угрозой прорыва.

Красные бежали. Они оборонялись на восточном возвышенном берегу реки Суер. Западный берег представлял собой громадную луговую, с перелесками, равнину, и потому, когда мы подошли к речке, было как на ладони все, что спешно отходило. Наша артиллерия с открытых позиций преследовала отходящих и бегущих. За отступающими цепями и группами видны были скачущие всадники, пытавшиеся водворить порядок. Путь отступления одной колонны красных, кажется на село Моравское, проходил по лесу. Широкая дорога с сибирским черноземом была превращена дождями в сплошную грязь, по которой можно было тащиться с большим трудом. Пешеходы еле вытаскивали ноги; двигаться ночью по лесу вне дорог было невозможно.

Вечером наш конный дивизион пробрался в лес и, не выходя на дорогу, выпустил несколько пулеметных лент. На другое утро мы имели возможность судить о результатах. Поломанные телеги, брошенные повозки с ранеными, забытые лошади были на всем пути. Видимо, паника была страшная. После этого успеха дальнейшее продвижение пошло без задержки. Мы только комбинировали движение наших мелких колонн так, чтобы создавать для отходящих наибольшие затруднения.

30 сентября мы вышли на Тобол и расположились в деревнях по высокому берегу. Соседи справа, части 2-й армии, отстали — перед ними красные остались еще на восточном берегу Тобола. Это обстоятельство несколько беспокоило нас и заставляло озира́ться на север, а затем пришлось растягивать свои силы для обеспечения положения. Мы могли бы продолжать движение и дальше, только не надо было давать передышки красным. Но так как наши части были вымотаны и слабы по составу и так как предполагалось пополниться на реке Тоболе и вообще подготовиться для дальнейшего наступления, то мы ограничились достигнутыми результатами. Надеялись, что получим действительно пополнения и, во всяком случае, предупредим красных в переходе в наступление, так как оборона на столь растянутом фронте, хотя и при выгодных местных условиях, для нас была бы гибельной. Несколько дней наступления с частями дивизии во время выхода на реку Тобол дали мне полную картину практиковавшихся при-

емов наступления, приемов самых примитивных и неустойчивых. Дали возможность познакомиться с командным составом, его распоряжениями, подготовкой.

Запаздывания с выступлениями с ночлегов прекратить оказалось не трудно. Нужно было только выполнить самому и штабу требования нашего Полевого устава о месте начальника дивизии в колонне в предвиденье боя и несколько раз пропустить части при выходе с ночлега. Гораздо труднее было упорядочить разведку и работу передовых частей при завязке боя. Часто достаточно было нескольких выстрелов впереди, чтобы вся колонна остановилась на несколько часов. Бои завязывались не так, как мы видели раньше в Великую войну и как считали правильным. После того как разведка более или менее определяла расположение красных, наступавшая пехота обыкновенно растягивалась на широком фронте в одну цепочку, часто без резервов, и занимала исходное положение. На флангах располагались конница или конные команды. Артиллерия открывала огонь, и почти всегда это было сигналом для движения. Цепи вставали и начинали двигаться скорым шагом, конница скакала «в обход». Красные открывали на большом расстоянии огонь, затем этот огонь делался беспорядочным, и они, примерно в 1500 шагах, не выдерживали и начинали уходить. Наши кричали во все горло «ура» и «кавалерия вперед».

Вот и все — это обычное наступление. Если красные выдерживали и наступающие ложились, то поднять их было уже трудно. Резервов частных большей частью не было, так как части были очень малочисленны. Ясно было, что такой порядок действий не может быть устойчивым. Стоило противнику перейти небольшими силами в контратаку — все поворачивало назад в исходное положение. Красные наступали большей частью так же, и только там, где они хотели устроить прорыв, можно было наблюдать более глубокие боевые порядки. При такой неустойчивости боевого порядка попадала в тяжелое положение артиллерия. Чтобы помогать своей пехоте, она должна была иногда сопутствовать наступающим, а между тем при колебаниях цепей она не могла быть уверенной в том, что обеспечена от захвата противником. Наши артиллеристы облегчали свое положение тем, что каждая батарея имела свои пулеметы для обеспечения.

По своему командному составу, количеству офицеров дивизия была в наиболее благоприятных условиях сравнительно с другими. Но как трудно было найти одного, двух человек для командования «полками» — по числу людей — батальонами. В дивизии два хороших командира полка, остальные еле терпимы за отсутствием более подходящих кандидатов. Самые несложные задачи, в обыкновенное время

выполняемые ротами, решались не гладко. А обстановка иногда заставляла придавать им артиллерию. Среди младшего командного состава было много хороших начальников разных команд — связи, разведки, пулеметных, они часто делали многое. Вообще состояние команд играло громадную роль при розыгрыше боя.

С выходом на Tobol мы получили распоряжение остановиться и вести только усиленные разведки. Пользуясь остановкой, мы, конечно, подсчитали свои раны и решили лечить их, насколько позволяют обстановка и время. Задач было много, но сколько у нас будет времени для работы? Считали, что не больше двух недель, но и то оказались не правы, так как через 5—6 дней мы должны были частью дивизии начать бои на стыке со 2-й армией. Надо: 1) влить ожидаемые пополнения, подучив их, 2) просмотреть и уменьшить тылы, 3) наладить хозяйство и подумать о зимней одежде, 4) найти несколько кандидатов в командиры полков и проч.

Увы, скоро мы узнали, что пополнений не получим на Тоболе; предполагалось заняться мобилизацией самим, в своем тыловом районе. Что это могло дать и какова цена этим пополнениям? Из своих тылов выбрали кое-что, но это мало улучшало положение. Раненные в прежних боях и выздоровевшие где-то удерживались в тылу, несмотря на наши вопли. Хозяйство несколько улучшилось. Район был богатейший хлебом, маслом. Плохо было то, что на покупку местных запасов денег не отпускалось, так как предполагалось, что все необходимое должно подаваться натурой. Это все необходимое считалось, конечно, по существующим нормам для обычного солдатского довольствия, а между тем в Гражданскую войну нормы на самом деле были давно потеряны и довольствия требовалось гораздо больше. Сегодня ели сытно, а завтра так себе. Поэтому приходилось разбирать жалобы на реквизиции, хотя в общем население относилось здесь к нам очень сочувственно и кормило охотно. Беспокоила обувь на осень, обувь и одежда на зиму.

Мы добивались, чтобы нам или дали денег на покупку полушубков и валенок, или же определенно сказали, что получим все не позже половины октября, самое позднее 1 ноября. Купить в этом районе теплую одежду было можно если не на весь состав, то хоть на часть. Мы получили ответ, кажется копию телеграммы министра снабжения, что все получим своевременно и опасаться нечего. Денег нам не отпустили, пришлось ждать всего из тыла; некоторые командиры частей кое-что выделили для закупок. Это было, конечно, каплей в море. В общем, обстановка нам ничего не дала, кроме кратковременного отдыха, а красные получили передышку и пополнения.



Через несколько дней отдыха мы принуждены были для обеспечения своего правого фланга начать активные действия против красных, задержавшихся на восточном берегу Тобола у деревни Дианово. Несколько раз деревня переходила из рук в руки, наши легко выбивали красных, но те переходили в контратаку и так же легко выбивали наших. В конце концов, красные в этом районе заметно усилились и стали держаться прочнее. Когда же мы сосредоточили сюда более решительные силы и решили добиться успеха, было уже поздно: на фронте 2-й армии начались неустойки с отходом частей, причем создалась угроза и для нас.

Скоро начались бои и на всем фронте армии; красные предупредили нас и перешли в наступление (14—15 октября). Дня три бои велись с переменным успехом, но затем мы начали отступать то здесь, то там. Еще через два-три дня ясно обозначилось, что армия начала общий отход.

На нашем участке было тоже несколько напряженных боевых дней. Наше растянутое положение не выдерживало давления красных, и мы принуждены были уступать понемногу наши опорные пункты на Тоболе. Местные условия здесь были благоприятны для обороняющегося, но пассивной обороной удержать участок было нельзя; для активной же мы были слишком слабы и растянуты. Во время этих боев я воочию убедился, как слабы наши части в обороне даже выгодных пунктов; противник еще далеко, и, чуть наметился какой-либо обход, начинается нервничанье, а затем и отход. Требовались громадные усилия командного состава, чтобы удерживать людей от преждевременных отходов (вне сферы досягаемости ружейного огня) и для организации противодействия обходам. Это не всегда удавалось. При обороне совершенно зря выпускалось большое количество патронов, никакой дисциплины огня, никакой выдержки, никакого сознания силы оружия в своих руках. А эти же люди при наступлении бежали вперед безостановочно под таким же огнем противника.

В день перехода красных в наступление на реке Тоболе, еще до полного рассвета, в тумане слышу отчаянную пулеметную стрельбу впереди; кажется, что совсем близко, а на самом деле до 16-го полка не ближе 4 верст. Едем на выстрелы. Оказывается, что 16-й полк уже бросил деревню в долине Тобола и перешел на берег долины. Вся долина как на ладони, немного мешает видеть туман. Пулеметы стучат повсюду. По ком огонь? — Вон там по кустам двигаются красные! Внимательно смотрим — не ближе 2 верст какое-то слабое движение. С трудом останавливаем огонь и заставляем выдерживать. По-

лучаем донесения со своего участка (около 15 верст) — началось наступление красных. Слышим артиллерийский огонь.

Там, где во главе частей хорошие командиры, дело идет сносно; где слабые, совсем слабо. Обстановка меняется каждый час, части действуют на широком фронте, все зависит от умения командиров частей. Сколько горьких курьезов, в особенности когда мы оставили берег и стали отходить по лесистой местности.

Первые дни мы отходили медленно — верст по 6—8 в день; дальше начались отходы на большие расстояния. Кажется, уже во время этих боев из случайной какой-то телеграммы мы узнали, что армия, состоящая из нескольких групп, почему-то переименовала название на «Московскую группу армий»<sup>43</sup> и генерал Сахаров стал подписываться «Комгруппарм Московской». Было и смешно и грустно. Неужели успех, вылившийся в медленное продвижение армии на Тобол, успех, купленный очень дорогой ценой, так вскружил голову на верхах? Командующего армией, командующих группами Верховный Правитель награждал Георгием 3-й степени. А за две недели остановки на Тоболе мы не получили ничего для восстановления сил, для продолжения наступления и ожидали жестоких последствий. Неужели не было видно, что обстановка напоминала положение весной этого же года западнее Уфы, что от успеха до полного провала дела один шаг. Разница была в том, что весной был успех действительно большим и что при неудаче могла быть надежда на переэкзаменовку, а теперь неудача вела к катастрофе для всего движения. Помню отлично, что эти горькие чувства переживались не одним мной, о том же говорил назначенный командующим Уфимской группой генерал Бангерский, сменивший ушедшего из армии из-за несогласий с Сахаровым генерала Войцеховского; говорил умерший в Чите командир Оренбургской казачьей бригады полковник Овчинников и др.

Командуя дивизией, да еще в такое критическое время, естественно, живешь ее обстановкой, обстановкой ближайших соседей. То, что творится крутом в широком масштабе, доносится изредка, обо многом узнаешь после. Нам трудно было представлять обстановку в целом. Во время движения к Тоболу мы слышали об упорных боях на левом фланге армии, о движении в тыл красным Сибирской казачьей группы, о прибытии отряда карпато-русов и о неудаче с ним. Мы слышали об успехах ижевцев, волжан, о ряде выдающихся подвигов целых частей. И если во время движения вперед мы радостно прислушивались ко всему этому, забывая свои тревоги, и иногда (не всегда) начинали верить в перелом на фронте, то, когда начался общий отход, поняли, что дело обстоит не так благополучно.

До громких ли названий, наград, когда на фронте оставались все те же волжане, уфимцы, камузы, оренбуржцы, ижевцы, уральцы, потерявшие многих из своих соратников, а главное, терявшие веру в пополнения, поддержку, подкрепления, начинавшие остро ненавидеть тыл и видеть в нем сосредоточение всего скверного, всего зла? Надо еще прибавить, что вопрос о наградах вообще в армии понимался неодинаково. Многие были вообще против наград в Гражданскую войну, особенно таким орденом, как Святого Георгия Победоносца.

Дивизия отходила севернее железной дороги — к реке Ишиму. Получили сведения, что по пути пополнимся, во всяком случае не далее реки Ишима. Наши пополнения, полученные в своем районе, конечно, отстали, чтобы остаться в своих домах, а затем попасть в Красную армию. При отходе два-три критических случая, когда в штабе армии считали дивизию отрезанной и окруженной. Случаи происходили потому, что мы старались добросовестно выполнять дневные задания штаба группы, а соседи часто подводили — отходили больше чем следует. Выбирались благополучно, и только на реке Ишиме несколько пострадал Михайловский полк.

Сначала мы отходили, переходя к обороне некоторых пунктов, а потом, когда получили сведения о посылке пополнений, оставили на фронте завесу из оренбургских казаков и отошли сразу — оторвались, чтобы спокойнее влить пополнения. Действительно, близ Ишима получили до 60 человек унтер-офицеров из Петропавловской школы и около 600 человек солдат из кадровых бригад. Люди хорошо одеты, но не для холода, который уже давал себя чувствовать. Выглядят хорошо; поставили в строй — наши солдаты радостно их приветствовали. Большею частью Кокчетавского уезда, не высказывают определенных симпатий. Увы, это было уже бесполезное пополнение; может быть, люди и стали бы драться с большевиками, попали они к нам на Тоболе, в хорошие осенние дни. А здесь, на Ишиме, они попали, во-первых, в отступательное движение, во-вторых, в начавшиеся морозы и принуждены были иногда зябнуть без теплой одежды. Они скоро растаяли, отставая от частей и даже переходя группами к красным. По ним наши старые стрелки поняли, что ожидать от Сибири больше нечего, что мы одни.

Встретили мы на реке Ишиме и инженерную команду для руководства возведением укреплений. Кто-то еще думал, что постройкой укреплений на берегу небольшой, уже замерзающей реки можно помочь делу. Мы предложили прежде всего построить нам землянки для полевых караулов, так как все населенные пункты были на западном берегу Ишима, а высидеть на берегу без теплых помещений охране-

нию было невозможно. У нас не было теплой одежды даже для постовых.

Не успели устроиться на реке Ишиме, как 31 октября узнали о том, что красные заняли Петропавловск. Пришлось высылать конницу, чтобы обезопасить себя с юга, так как иначе мы могли быть отброшены на север. Потянулись дни ежедневных отходов вдоль железной дороги к Омску. Красные после успехов в Петропавловске начали нажимать все энергичнее и энергичнее, особенно когда выпал снег, подмерзла почва и можно было двигаться даже без дорог.

От Петропавловска до Омска 15—20 переходов; надо было ожидать, что через две недели мы будем под Омском. По опыту знаем, что, раз начался отход, не могут помочь приказы: «прочно занять и упорно оборонять», «задерживать во что бы то ни стало» и т. д. Решишь воспользоваться благоприятными местными условиями и дать отпор следующим по пятам красным, смотришь — сам попадаешь в «приятную» историю, из которой с трудом выкручиваешься, так как оказываешься в одиночестве. На пути к Омску у нас было не менее трех таких историй. И все потому, что соседи — с одной стороны сибирские казаки, а с другой — части Волжской группы — осаживали на чересчур большие расстояния.

В одном месте задерживаем красных, оставляем на месте боя арьергард, а остальное отводим подальше, чтобы приготовиться к обороне завтра; связываемся с соседями — они на месте. Через несколько часов к нам приезжает соседний штаб дивизии и подтверждает, что расположение их частей обеспечивает нас: сговариваемся на утро. Через час наша разведка доносит, что колонна красных подходит к деревне с той стороны, где расположены были наши соседи. Еле-еле успеваем предупредить свои части, оставленные далеко впереди, чтобы вывести их без потерь. Оказывается, что соседи свернулись без приказаний начальника дивизии, как только тот выехал к нам.

В другом месте, в районе большой казачьей станицы Николаевской, узнаем, что соседи, отходящие вдоль железной дороги, далеко позади, а красные рядом с нами. У нас поддивизии оставлено далеко. Спешно посылаем охранение, посылаем предупреждение, ориентируем подошедшие с нами части 12-й Уральской дивизии — через час загорелся бой. Частям дивизии в авангарде пришлось проделать за день и ночь до 50 верст, чтобы соединиться.

Вот большая казачья станица Волчья. Отличные дома, как в городе, жителей уже мало. Морозный день. Рядом местность очень удобная, чтобы задержать красных. Решили занять опушку рощи. Красные появились верстах в шести и, выяснив, что невыгодно двигаться

прямо по открытой местности под огнем, видимо, изобретают какой-то маневр. Можно и нам предпринять что-нибудь, но есть уже сведения, что люди, одетые в ботинки с обмотками, не выдерживают. Единственный возможный способ действий — тоже маневр. Отказываемся, так как имеем сведения, что соседи на севере — сибирские казаки — поддались назад больше чем нужно.

Близко Омск: что там? Слышали, что там формируется какая-то ударная группа, что укрепляется плацдарм на западном берегу близ Иртыша, что предполагается активная оборона. По другим сведениям, готовятся двинуть армии на юг, так как Иртыш еще не замерз, мост один — железнодорожный, паромная переправа невозможна, так как плавает мелкий лед — «сало». При всем желании верить в благополучный выход из положения, веры нет, и, зная по опыту, как скверно полагаться на всякие укрепленные полосы, плацдармы, обеспеченные переправы, мы настойчиво добиваемся подробной ориентировки.

Узнаем, что какая-то группа действительно формируется, но едва ли будет готова, что к постройке укреплений приступлено, но сделано мало; что Иртыш еще не стал, через мост начали проходить различные обозы. Что штаб армии наводит порядок на мосту. Скоро узнаем, что ушел с поста главнокомандующего генерал Дитерихс, будто бы из-за разногласий относительно обороны Омска. На его место назначался генерал Сахаров; командующим 3-й армией назначался генерал Каппель.

Перед самым Куломзином дивизия получила распоряжение занять укрепленную позицию, а затем отойти в резерв в Куломзино, передав позицию Екатеринбургской дивизии. Отпало одно — Иртыш 10—11 ноября стал, возможна переправа по льду. Ночью на 14 ноября мы узнали, что направление вдоль железной дороги Омск—Ишим особенно угрожаемо — наши части отходят назад не задерживаясь. Ночь была холодная, снежная, с метелью. Один из наших батальонов, бывший впереди на дороге в будке, подвергся нападению; трудно было разобрать силы и кто именно нападал, но люди нервничали.

После бессонной ночи, рано утром 14-го, я выехал в свой тыл, чтобы осмотреть подготовленные укрепления и затем сговориться с начальником Екатеринбургской дивизии о смене нас. Имея карту с обозначением проектированных укреплений, я с большим трудом отыскал на местности готовые укрепления. На ровном поле вырыто несколько окопов, по обе стороны железной дороги. Окопы не в рост, а большей частью «с колена»; ни землянок, ни приспособлений для обороны построек в общей линии. Перед окопами набросаны круги

колючей проволоки, местами колья. Кто-то из спутников иронически заметил: «Посадить бы строителей на морозе на часик в эти укрепления». Мы не стали даже осматривать подробности; приказано было занимать впереди разные будки, разные постройки и скирды.

Не успела еще Екатеринбургская дивизия сменить нас, как мы получили распоряжение выступить из Куломзина, перейти Иртыш по льду около монастыря и стать в южных предместьях города. Тронулись и через несколько часов получили распоряжение двигаться за Омск. В Омск будто бы с севера вошли красные. Был уже вечер. В сумерках слышались взрывы, начались пожары. Мороз, мгла, красное от зари небо, бесконечная лавина людей и обозов по пути из Омска к востоку. Все будки на железной дороге забиты так, что не протолкаться; всякое жилое помещение забито до отказа. Еще из Куломзина наши полки отрядили команды на ст. Омск, так как слышно было, что эвакуация не удастся, а есть погруженная одежда. Действительно, удалось добыть небольшое количество валенок.

Ночь под Омском была кошмарной. Деревень близко нет, есть кое-где заимки. Сильный мороз. Только к полуночи мы добрались до деревни (кажется, Некрасово). Когда мы подъезжали, думали, что она горит, так было много костров на улице. Вся улица была загромождена повозками, усталые лошади лежали, а местами вместе с ними и люди. В избу попасть было невозможно — все битком набито. Мы до утра продремали в санках, изредка греясь у костров.

Судьба Омска была предрешена на Тоболе; отходя, мы знали, что он не будет удержан, но все же строили себе иллюзии, что там, в тылу, может, соберут какой-то кулак и ударят. Когда же ожидаемое свершилось, когда все воочию увидели оставляемое, увидели ленту беспомощных эшелонов с людьми и всяким имуществом, настроение совершенно упало. Слышали, что большинство людей, мобилизованных в районе Омска, остается; оставались даже офицеры.

Наш состав оставался в целости; но на что же надеяться дальше? Единственно — это держаться друг друга, и там будь что будет. Мне на второй день рассказывали комичный случай в 13-м полку. Полк ночью остановился отдохнуть в заимке, в полку много татар. Ночью один из солдат-татар начал проверять, кто из офицеров где спит или лежит. Подходит со свечой к одному:

- Это ты спишь, господин полковник?
- Я, а тебе что!
- Спи, спи; а где полковник?
- Спит в другом углу!
- Ну, спи, спи.

Оказывается, кто-то пустил слух, что офицеры остаются в Омске и оставляют солдат. Это была проверка, где старший командный состав полка.

С отдачей Омска закончился большой период борьбы с советской властью, второй после нашего весеннего наступления, в который, казалось, еще возможно было добиться перелома в борьбе в нашу пользу. Трудно делать какие-нибудь определенные исчерпывающие выводы об этом периоде. Кто прав, кто виноват, что помешало создать лучшие условия для борьбы, когда все знали, что от успеха зависит все. Однако можно сказать, как и о первом периоде: 1) Фронт хотя и с осложнениями, но все же дал целое лето для подготовки к осеннему наступлению. 2) В сентябрьские дни, в течение целого месяца боев, он выполнял почти собственными силами наступательные задачи. Противник разбит не был, но ему не удалось безнаказанно послать части на фронт Деникина, и он был сильно потрепан. 3) Тыл почти ничего не дал; на реке Тоболе так и остались на фронте те же части, что воевали с 1918 года.

Мы не знаем, конечно, всех условий тыловой работы; обстановка была там чрезвычайно сложная: и вмешательство «союзников», и разные проекты, и тыловые осложнения, и работа эсеров и большевиков, и собственные неурядицы и бюрократизм, мечтавший о подготовке учреждений всероссийских. Но все же и в этой обстановке мы надеялись видеть какое-то осязаемое проявление воли, направляющей все к благополучному разрешению единственно важной задачи — победе над большевиками. Но увы, мы не чувствовали, что в тылу, во имя успеха дела, устраняются все препятствия. Мы видели часто обратное.

*К. Сахаров<sup>44</sup>*

## БЕЛАЯ СИБИРЬ<sup>45</sup>

### Борьба за власть

После долгих и трудных странствий, частью верхом, частью на телеге, через киргизские песчаные степи, приехали мы с женой из Астрахани в Уральск, дважды перейдя красный фронт. Впервые после почти годового пребывания в советской России и после шестимесячного заключения в большевистской тюрьме я попал в город, где свободно развевался Русский национальный флаг. Была осень 1918 года. По всей шири Руси от Карпат и до Тихого океана вспыхнули

восстания против большевиков. Самые разнообразные слои, классы и национальности русского народа поднялись против угнетателей и кровавых тиранов, захвативших власть в стране именем народа и для народа. Национальная Русь восстала против интернационала.

Эти восстания были разрозненны и неорганизованны. Это было чисто стихийное движение. Только на Волге и к востоку от великой русской артерии восстания русских людей нашли помощь и поддержку в Чехословацком корпусе, примкнувшем к ним в своем стремлении пробить путь на восток.

Отрывочные сведения обо всем этом доходили и в большевистский стан, достигали и Астраханской тюрьмы, где нас сидело свыше ста офицеров; сердца были полны надеждой, — казалось, что все мы, русские люди, довольно уже научены пережитой революцией, чтобы не делать снова ошибок, чтобы найти объединение для общей работы по очистке нашего дома — России от большевистской нечисти.

Уральск кишел наподобие растревоженного муравейника. Все население жило одним общим интересом — разбить красные полчища большевиков, отнять у них Саратов и Астрахань для соединения с Добровольческой армией генерала Деникина. Мобилизация в станицах проходила полностью, и все мужчины шли в ряды сражающихся; не хватало винтовок, шашек и пик — шли с вилами и косами, составляя особые отряды для поддержания первой линии.

Все политические лозунги были отброшены. Одна мысль управляла этим народным движением: покончить с большевизмом и тогда заняться разрешением вопросов внутреннего устройства. В этом казаки сходились с самарскими и саратовскими крестьянами и соединились с ними для борьбы против общего врага.

В Уральске впервые пришлось узнать отголоски правдивого положения на новом белом фронте. Грустными, похоронными аккордами прозвучали известия с Волги.

- Казань отдали большевикам...
- Сколько там погубили людей. Какие огромные запасы оружия и военного имущества оставили красным...
- Пал Симбирск...
- Самарское правительство не желает поддерживать казаков и Сибирскую армию...

Помню заседание Уральского казачьего круга и доклад на нем делегатов, вернувшихся из Уфы с так называемого Государственного совещания. Зал наполнен серьезными бородатыми казаками, только отдельными пятнами мелькают пять-шесть молодых безусых лиц; глаза у всех смотрят пытливо и напряженно; так искренне, с таким

страстным желанием найти правильный путь, путь объединения в работе-борьбе. И иметь в ней успех. Полная тишина и порядок, в отличие от всех шумных и говорливых собраний 1917 года.

Два казака, приехавшие из Уфы, делают доклад. Тихо и медленно говорят они по очереди; каждое слово их звучит в этой тишине так четко, как благовест ночного колокола.

«...Образовали Российскую директорию из пяти лиц: Авксентьев, генерал Алексеев, Чайковский, Астров и Вологодский; так как некоторым прибыть сейчас нельзя, то будут их заместители; сейчас состав такой: председатель Директории Авксентьев, члены: генерал Болдырев, Вологодский, Зензинов и Виноградов. Порешили на совещании, что вся полнота власти сосредоточивается у Директории. Все остальные правительства должны подчиниться ей... Мы подписали за уральское казачество это обязательство, чтобы Россия могла объединиться в борьбе против большевиков».

Ни слова возражения. В глазах и на лицах спокойная радость удовлетворенных ожиданий и окрепшей надежды.

— Согласен ли круг и одобряет ли действия избранных делегатов? — спрашивает председатель.

— Согласны, согласны... — проносится дружное эхо всего круга...

Из Уральского я отправился автомобилем в Бузулук, чтобы оттуда проехать через Самару в Уфу, в новый главный штаб для получения назначения.

Путь до Бузулука, сам этот городок Самарских черноземных степей, дальше тряский вагон до Самары, набитый пассажирами так, что в четырехместном купе нас уплотнилось десять человек, — все дышало какой-то сумятицей, взволнованностью, неуверенностью. Крестьяне бузулукского большого села Марьевка, где мы остановились на ночлег из-за поломки автомобиля, жаловались мне на чехов и на новое правительство учредителей за то, что те произвели жестокую экзекуцию этого села.

— Вишь ты, Ваше Благородье, или как тебя называть, не знаем, — у нас некоторые горлоотяпы отказались идти в солдаты, ну к примеру, как большевики они. А мы ничего, мы миром решили идти. Скажем так: полсела, чтобы идти в солдаты, а полсела против того. Пришли это две роты чехов и всех перепороли без разбору, правого и виноватого. Что ж, это порядо-ок?

— Да еще как-то пороли! Смехота! Виновных-то, самых большевиков, не тронули, а которых, хорошие мужики, перепороли. Вон дядя Филипп сидит, сидеть не может, а у него два сына в солдаты в Народную армию ушли.

Крестьяне сочувственно и безобидно засмеялись, а дядя Филипп неловко заерзал на лавке.

— Что ж, барин, и когда конец будет этому? Кто порядок-то установит? — обратился ко мне с вопросом старый крестьянин в армяке и лаптях.

Все сдвинулись ближе.

Я старался объяснить им, что теперь порядок можно установить только самим нам, всем сообща, покончив с большевиками. Слушали крестьяне молча, а в конце дядя Филипп ответил за всех:

— Эх, не то, барин, — нам бы какая власть ни была, все равно, — только бы справедливая была да порядок бы установила. Да чтобы землю за нами оставили. Если бы землю-то нам дали, мы бы все на Царя согласились.

— Да уж чего тогда бы лучше, — раздались голоса в толпе.

Меня, как жившего в Самарской губернии раньше, до войны, не удивил этот заключительный аккорд, так как тамошние крестьяне всегда отличались большим, почти святым почитанием Царя; все они большие хлеборобы, и редкий делал запашку меньше чем двадцать—двадцать пять десятин. Постоянная мечта их была разжиться землицей, прикупить ее; ну а здесь такая благодать — даром свалилась.

Но меня поразило, что наши дивные черноземные Самарские степи, эта житница России, лежали теперь почти не тронутыми. Десятки верст пробегал автомобиль, далеко, до самого горизонта, уходила волнистая плодородная степь, и только редкими местами попадался табор пахарей или плуг в работе среди черного блестящего вспаханного поля. В прежние годы в сентябре, бывало, вся степь была черным-черна, вся грудь ее распаханна для нового весеннего посева. В селе Марьевка несколько тысяч населения и, несмотря на будни, почти все оставались дома. На мой вопрос о причинах такой перемены как раз теперь, когда они завладели всей землей, крестьяне ответили так:

— Видишь, барин, нам это не способно: одно дело, кто землю-то нам продал? Неизвестно. Какие они права имели землю-то отдавать? Ее распашешь, а потом отвечай. А другое дело война, — все равно пропадет. Ты посеешь, потрудишься, а Красная гвардия придет, половину стравит (истопчет), а другую половину отнимет...

В Бузулуке я увидел первый полк новой Народной армии. Без погон, со щитком наподобие чешского на правом рукаве, почему-то с георгиевской ленточкой, вместо кокарды, на фуражке. Вид полутоварищеский. Сам городок, обычно шумный, центр одного из наиболее хлебородных уездов России, жил теперь тихой, спрятанной жизнью, точно дом, из которого уехали главные хозяева.

В вагоне пришлось ехать вместе с несколькими офицерами. Двое из них сидели, а одному места не хватило, стоял. В углу же разместился какой-то железнодорожник с яркой желто-голубой «украинской» ленточкой в петличке и на утрированно хохлацком жаргоне разглагольствовал о «самостийной Украине». Слушал его поручик, слушал да и говорит:

— Вот что, пане добродию, вылезайте-ка из угла, — я хочу сидеть. Дорога-то ведь наша русская, да и Самарская губерния тоже России, ей в Украину не попасть.

— Как так? Позвольте, какое вы имеете право? — перешел на литературный русский язык желто-голубой железнодорожник.

— А такое, пане добродию, что я русский, значит, здесь дома у себя, хозяин. Вот поезжайте на Украину, там и посидите. Ну! Вылезайте!

Сконфуженно оглядываясь, под смех остальной публики вышел новоявленный украинец из купе и даже из вагона.

Ехали и делились впечатлениями, интересами текущих дней, событиями войны с большевиками. Офицеры Народной армии высказывали недовольство отношением к ним и их полкам Самарского правительства, что развели опять политику, партийную работу, скрытых комиссаров, путаются в распоряжения командного состава; начали чехословаков втягивать во внутреннюю политику, проводя среди них то же, что Керенский проводил в 1917 году в Русской армии для ее развала.

Выяснилось, что Самарское правительство учредителей пропагандирует всячески против Сибирского правительства и Сибирской армии, называя их «монархическими и контрреволюционными»; а в то время если что и можно было поставить в вину сибирякам, то это их слишком сильный крен в сторону социалистов-революционеров.

Оказалось, что много надежд возлагалось в то время русскими людьми на союзников. Как раз в то время прозвучали торжественно на весь мир ноты английская, французская, итальянская, японская и американская. Все они призывали русский народ к продолжению войны против Германии и «их прислужников и агентов большевиков». Все они заявляли о своей готовности активно поддержать в этом Россию и клялись, что не преследуют никаких личных целей, что ни одна пядь Русской земли не будет никем занята. До чего была сильна и наивна эта вера русских в помощь союзников! Одна девушка-курсистка, ехавшая из Бузулука на высшие курсы в Самару, уверяла, что на Волгу направляются пять японских дивизий, что «в Самару приехали уже триста японцев-квартирьеров»...

Подтверждались тревожные слухи с Волжского фронта. Передавали об ужасной социалистической панаме в Казани, где Лебедев и Фортунатов, два партийных работника, забрали власть в свои руки, митинговали с рабочими во время боев, вели переговоры с большевиками и... предали армию.

Самара произвела жуткое впечатление. Большой город, центр торговли Поволжья, с несколькимистами тысяч жителей, казался обреченным местом, ждущим своего приговора и часа. Огромная толпа, улицы полны народом, но все движется тихо, без обычного шума. Почти на всех лицах написано боязливое, тревожное ожидание и мольба о спасении.

Многие из слухов подтвердились. Я нашел здесь своего одноклассника по кадетскому корпусу, полковника С.А. Щепихина<sup>46</sup>, который исполнял должность начальника штаба Народной армии при командующем Волжским фронтом, чешском поручике Чечеке, произведенном учредителями в генерал-майоры. Вот какими приемами искали они себе опору и сторонников!

Положение было хуже 1917 года; чехи под влиянием пропаганды уже разваливались, воевать не желали; Народная армия была крепка только офицерами и добровольцами, да и то в частях, к которым эсеры получали доступ, там исчезала дисциплина, а с нею вместе и боеспособность. Только отряды полковников Каппеля и Степанова оказывались всюду сильны и духом, и боевыми качествами, так как эти начальники не подпускали и близко к своим войскам социалистов.

Они брали Казань, Симбирск. Каппель проявлял прямо чудеса маневра со своим маленьким отрядом. Но в Казань, сейчас же по взятии ее, нагрянули эсеры и так все перепортили, что наши едва успели уйти, некоторые там и остались большевикам. Бросили одного сукна на пятимиллионную армию более ста аэропланов с огромным имуществом, массу пулеметов, патронный завод; в Симбирске оставили огромный инженерный парк всей Императорской Русской армии. А все оттого, что учредители мешали и противодействовали вывозу: боялись, что все это может попасть в руки Сибирской армии. А понятно, по Волге почти все можно было вывезти. От других офицеров пришлось слышать рассказы о таких же беспорядках в Хвалынске, Вольске, Николаевске. Офицерство и добровольцы были возмущены до крайности.

— Мы не хотим воевать за эсеров. Мы готовы драться и отдать жизнь только за Россию, — говорили они.

— Такое предательство, хуже 1917 года, — горячо рассказывал мне капитан, трижды раненный в Германскую войну и два раза уже



в боях с большевиками. — Как только успех и мало-мальски прочное положение, они начинают свою работу против офицеров, снова натравливают массы, мутят солдат, кричат о какой-то «контрреволюционности». А как опасность, так офицеры вперед. Посылают прямо на уничтожение целые офицерские батальоны.

Когда я приехал в Самару, оттуда шла уже спешная и довольно беспорядочная эвакуация, управляемая чешскими комендантами.

— Завтра (это было 19 сентября 1918 года) будут брать места в поездах уже с револьверами в руках.

\* \* \*

С большими трудностями и неудобствами, бесконечно долго протаивая на самых маленьких станциях, добрались до Уфы.

Здесь на вокзале стоял оцепленный чешскими часовыми поезд, состоявший из шести классных пудмановских вагонов. Часовые никого не пропускали, образовав на платформе около вагонов большой свободный полукруг.

— Чей это поезд? — спросил я одного чеха.

— Нашего генерала Дитерихса.

— Какого Дитерихса, русского генерала?

— Ну да, а теперь он нами командует, наш генерал.

— Могу я его видеть?

— Да, только его сейчас здесь нет, он поехал в город автомобилем на совещание с Директорией.

Отправился я в штаб Верховного главнокомандующего генерала Болдырева, члена Директории. И штаб, и Директория, и все ее канцелярии помещались в большой «Национальной» гостинице. Здесь сразу пришлось окунуться в обстановку, напоминавшую до жуткости недобрый памяти дни лета и осени 1917 года. Та же беспорядочная снующая без дела толпа, масса юрких штатских брюнетов с горбатыми носами, всюду грязь, небуранный сор, стучат пишущие машинки, здесь же доступный для всех телеграф с армейскими аппаратами Юза.

Шел длинными коридорами, ни от кого не мог добиться толку, как пройти к начальнику штаба. Наконец в самом конце коридора, при входе в ресторанный зал, один офицер мне помог.

— Да вон он сидит у стола, генерал Розанов<sup>47</sup>, начальник штаба.

Опять старый знакомый, еще с довоенного времени, с которым вместе сражались в памятных героических Люблинских боях августа 1914 года. Тепло встретились. Оказалось, что генерал Розанов только несколько дней сам прорвался через большевистский фронт.

— Шел в красной рубашке, как простой крестьянин. Сначала свои pursuits не хотели, взяли под подозрение.

Рассказал коротко ему и мои злоключения у большевиков в тюрьме, случайное спасение и как дважды пробирался через их фронт.

Здесь же встретил своего давнего приятеля, полковника Генерального штаба Д.А. Лебедева, который работал на Дону вместе с генералами Корниловым и Алексеевым, а теперь пробрался сюда из Добровольческой армии через Москву. Затем вскоре подошел уральский казак, генерал-майор Хорошкин<sup>48</sup>, оказавшийся однокашником по кадетскому корпусу. Оба они были в Уфе уже несколько недель, с самого Государственного совещания. Несколько часов проговорили мы; оба они по очереди, один дополняя другого, нарисовали мне обстановку, военную и политическую, среди которой родилась Российская Директория.

Из рассказов еще многих очевидцев тех дней и из тогдашних уфимских газет устанавливается такая картина. После начала восстания, когда отряды русских офицеров и добровольцев, поддержанные чехословаками, свергли иго большевиков и рассеяли их красноармейские полки, образовалось много местных правительств. В Самаре знаменитый Комуч (Комитет членов Учредительного собрания, или, как тогда больше называли, учредилочки), в Уральске — казачье правительство, в Оренбурге — атаман Дутов с Оренбургским казачьим кругом, в Екатеринбурге — Уральское горное правительство, образованное евреем Кролем<sup>49</sup> и имевшее всего один уезд территории, в Омске — Сибирское правительство, в Чите — атаман Семенов, на Дальнем Востоке, в Харбине и Владивостоке одновременно три правительства: генерала Хорвата<sup>50</sup>, еврея Дербера<sup>51</sup> и коалиционное. В то же время отряды чехов были рассредоточены по всей линии Великого Сибирского пути, от Волги до Тихого океана, их военное начальство и политический комитет отдавали свои распоряжения и пытались также управлять. Получалась полная разногласица и сумбур. Тогда было создано в Уфе Государственное совещание для выбора единой авторитетной российской власти.

В совещание вошли представители большинства перечисленных правительств, все наличные члены первого эсеровского Учредительного собрания, партии меньшевиков, эсеров, умеренных социалистов, кадетов и представители от некоторых казачьих войск. Состав крайне пестрый, не выражавший народных масс (как и все собрания, начиная с марта 1917 года) и с сильным преобладанием партийных социалистических работников; последние определенно вели линию этого совещания за признание Комуча как правительства всероссий-

ского. Но на это не шли остальные члены совещания — несоциалисты. Дело чуть не расстроилось.

Вот тогда-то выступили на сцену чехи. Их политический руководитель доктор Павлу заявил на этом совещании от имени Чехословацкого корпуса, что если не будет образована единая власть, то чехи бросают фронт; причем было произведено им еще одно давление на совесть собравшихся и заявлено: чехи полагают, что единственным законным и революционным правительством будет то, которое признает Учредительное собрание первого созыва и которое будет в свою очередь признано и поддержано этими «учредителями». Для всякого русского было ясно, что под этим подразумевались социалисты-революционеры, то есть партия, ввергшая под руководством своего лидера Керенского в 1917 году Россию в бездну разрушения, позора и Гражданской войны.

Заявление Павлу, однако, заставило всех пойти на открытые уступки, оставив в тайне свои истинные намерения. Очень быстро было достигнуто соглашение, которое и подписали все участники Уфимского Государственного совещания. В качестве всероссийской власти признавалась избранная этим же совещанием Директория из пяти лиц под председательством Авксентьева, ближайшего сотрудника и партийного товарища Керенского. Далее следовал пункт, что Директория ответственна в своих действиях перед Учредительным собранием первого созыва и что, как только соберется определенное число членов его (помнится, 250), Директория обязана передать всю полноту власти этому кворуму учредителей.

Директория вступила во власть, то есть начала на бумаге отдавать распоряжения, писать к народу воззвания, выпускать международные декларации. Собиралась образовывать кабинет министров, причем еще на совещании было обещано взять готовый аппарат министров от Сибирского правительства в Омске. Почти все соглашение сделано в угоду Комучу, который примазался к Народной армии, восставшей на борьбу против большевиков. Имея в своем составе более шестидесяти процентов иудеев, учредилорцы, с присущим своей партии апломбом, не постеснялись еще раз назваться избранниками русского народа, не остановились перед преступной игрой еще раз на русской крови. Какое самодовольство звучало в словах — фронт Учредительного собрания!

И как раз теперь, когда все было сделано по их вожелениям, когда власть вторично после революции попадала в руки той же партии, она показала себя совершенно неспособной к какой-либо не то что творческой, а просто плодотворной работе. Падали один за другим го-

рода на Волге. Отданы Хвалынский, Вольск, Сызрань, Самара, дальше отступили и очистили Кинель, Бугульму и подходили к Уфе. Вся местность, громко называвшаяся «территорией Учредительного собрания», оказалась уже к началу октября в руках большевиков.

Директория спешно укладывала чемоданы и готовилась к переезду. Куда? Вот вопрос, вставший перед всеми. Сначала хотели в Екатеринбург, как центр Урала и, так сказать, независимый город. Но, казалось, слишком близко от боевого фронта и слишком ненадежно. Решено было ехать в Омск, в столицу Сибирского правительства, хотя здесь как-то сама собою напрашивалась всем мысль, что Директория едет в гости, на готовое к сибирякам, у которых был уже сконструирован работоспособный аппарат управления, образована сильная армия; мобилизация среди крестьян и рабочих Сибири прошла так успешно, что была несомненна полная поддержка Сибирского правительства всем населением.

В Уфе я на несколько лет расстался со своим верным другом — моя жена решила ехать в Саратов к оставшимся там детям, чтобы попытаться их вывезти ко мне на восток. Надежным путем была доставлена она в Кинель, где проходил тогда отступавший чешско-учредилорский фронт, оттуда на лошадях направилась в Самару. Исчезла надолго в кровавом тумане, которым социалисты-большевики окутали русскую землю.

По приезде в Омск Директории и разноцветной толпы беженцев сразу обнаружилось течение масс не в ее пользу; с другой стороны — Директория оказалась настолько несостоятельной, что почти никто с нею не считался. Один раз, например, вечером в гостиницу «Европа», где стояли члены Директории, явились несколько человек из партизанского отряда Красильникова<sup>52</sup> с криками, что они пришли арестовывать директоров. Этот скандал удалось локализовать только самому Верховному главнокомандующему генералу Болдыреву; но никаких мер воздействия, никакого наказания виновных фактически в государственном преступлении Директория провести не могла. Власть была до того бессильна, что на вопросы генерала Болдырева к некоторым из кадровых офицеров: «Какое место Вы желаете занять?» — он получал в ответ: «Я не желаю вовсе служить здесь, с эсерами»...

В массах народных к Директории относились совершенно безразлично, слои интеллигентные — неодобрительно, а армия на фронте буквально начинала ее ненавидеть и глухо волновалась, спрашивая, за кого же и для чего она будет проливать кровь и жертвовать жизнями, раз нет веры и нет малейшей очевидности, что новая мифическая власть может спасти и оздоровить Россию.

А признаки, подтверждавшие этот печальный вывод, все сгущались и увеличивались. Директория была в Омске более двух недель и все еще не могла стовориться об образовании общего российского аппарата министерства. Делами продолжал управлять Сибирский кабинет, причем один из его самых энергичных членов, сибирский военный министр генерал Иванов-Ринов поехал в Читу и на Дальний Восток, чтобы там на местах наладить формирование армии и дело снабжения ее нашими русскими запасами и присланными от союзников. В Омске шли долгие переговоры, различные персональные перестановки в проекте состава кабинета. Но дело не двигалось.

В конце сентября приехал в Омск из Харбина адмирал Колчак в качестве частного человека и даже в штатском платье. Я был у него на третий день приезда, и мы проговорили целый вечер. Адмирал рассказывал мне подробно о своих поездках в Америку и Японию, о положении на Дальнем Востоке, о роли разных союзников-интервентов, причем смотрел он на все мрачными глазами. Он тогда, еще в октябре 1918 года, высказывал мысль, что союзники преследуют какие-то скрытые цели, что поэтому мало надежды на помощь с их стороны.

— Знаете ли, мое убеждение, что Россию можно спасти только русскими силами. Самое лучшее, если бы они совсем не приезжали, ведь это какой-то новый интернационал. Положим, очень уж бедны мы стали, без иностранного снабжения не обойтись, ну а это значит попасть им в зависимость. Я намерен пробраться в Добровольческую армию и отдать свои силы в распоряжение генералов Алексева и Деникина, — закончил адмирал Колчак.

Около того же времени прибыл особым поездом, с пулеметами и целой командой, одетой в новенькую солдатскую форму с сине-белыми погонами, член Комуча Роговский. На вопросы, что означает такой приезд и каково назначение сине-белого отряда, Роговский давал ответ:

— Я прибыл в качестве министра полиции нового кабинета, а отряд мой есть кадр новой полиции, которую я начну образовывать по всей территории.

— ?!!

Оказалось, что председатель Директории Авксентьев дал в Уфе обязательство своей партии обеспечить портфель министра полиции для члена Комуча, которым и был назначен Роговский. Шито было слишком белыми нитками. Несомненно, что если Роговский образует всюду свою полицию, партийную эсеровскую, то фактически вся власть в стране попадает в руки опять этой злосчастной партии.

На это никто не шел. Соглашение, почти достигнутое с сибиряками, вновь расстроилось.

В те дни часто произносилось незнакомое для меня имя генерала Нокса, причем многие говорили: вот подождите — приедет Нокс... Как будто его приезд, этого английского генерала, мог многое изменить, создать и дать опору. Я недоумевал, искал объяснения и не мог найти.

— Погодите, вот приедет Нокс — увидите, — отвечали мне.

\* \* \*

Вскоре генерал Нокс прибыл в Омск в особом довольно скромном поезде в сопровождении небольшой свиты. Ему сделали почти царскую встречу, Директория в полном составе была на вокзале, город и станцию разукрасили флагами, национальными и новыми сибирскими, бело-зелеными. Шпалерами стояли и парадировали молодые сибирские войска, одетые в шинели из мешочного холста.

В этот день, проходя по мосту через речку Ом, я встретил двух офицеров в английской форме. Один из них был полковник великобританского Генерального штаба Нильсон, мой хороший знакомый по Могилевской Ставке в августе 1917 года, настоящий офицер; другой русский полковник П. Родзянко<sup>53</sup>, принятый на службу англичанами. Обрадовавшись друг другу, обменялись первыми фразами — так много воды утекло с памятных нам Корниловских дней. Нильсон взял с меня обещание прийти к нему на чашку чаю в тот же день вечером.

Надо сказать, что между офицерами всех армий, настоящими офицерами, существует особая связь, стирающая в обычное время даже национальные грани. Недаром социалисты называли офицерство враждебно-презрительно «кастой». Да, каста-корпорация, общество культивированной чести, самопожертвования и даже подвига. Без этого не может существовать ни одна армия, а значит, и ни одна страна. Этот дух культивировался веками и представляет одно из самых ценных составных человеческой цивилизации. Дух этот общий, присущий всем нациям. Оттого-то и чувствовали себя офицеры разных армий как бы членами одного ордена, братьями по духу, носителями одних традиций. Очевидно, оттого-то на русских офицеров и направился первый и полный ненависти удар со стороны разрушителей старой мировой христианской культуры, социалистов.

Генерал Нокс оказался очень общительным человеком, типичный англичанин, высокого роста, с молодежавым не по летам лицом, в высшей степени smart, довольно хорошо говорил по-русски. От него

я узнал, что Англия готова помогать антибольшевистским русским армиям оружием, патронами, всяким военным снабжением и обмундированием на 200 000 человек; кроме того, посылает в Сибирь несколько сот своих офицеров в качестве инструкторов на помощь нам, русским офицерам. Для активной помощи направляются два батальона английских войск, Мидлсекский и Хэмпширский, и целая дивизия в полном составе из Канады. Прямо в глазах зарябило от таких цифр. Чисто великобританский жест. Ведь это все обещало действительную помощь в восстановлении нашей Родины, Великой России, и давало нам полную надежду.

В поезде генерала Нокса встретил нашего русского генерал-майора Степанова<sup>54</sup>, тоже старого знакомого еще в Ставке в дни совместной борьбы против развала армии комиссарами и комитетами Керенского. Генерал Степанов приехал с Ноксом из Владивостока, подтвердил все сказанное им и от себя добавил много интересного о личности этого генерала, его исключительно дружественных чувствах к России, о его планах, как лучше осуществить эту помощь нам.

В это время с фронта приходили тревожные вести. С одной стороны, чехи отказывались воевать, ссылаясь на усталость и на то, что они хотят ехать драться против немцев на Французский фронт; а с другой стороны, наша новая, молодая Русская армия, теперь объединенная номинально под командованием генерала Болдырева из частей Сибирской и Народной армий, волновалась все больше и больше неопределенностью в Омске, медлительностью формирования правительственного аппарата. Раздавались отсюда уже открыто голоса о необходимости установления единоличной военной власти, при которой эсеры не могли бы снова делать свои кровавые опыты над армией и страной.

— Дайте нам работать, не мешайте нас в политику, — было общее желание офицерства.

Полковник Д.А. Лебедев объехал фронт, побывал у генералов Дитерихса, Ханжина, Голицына и Гайдды; все ему говорили о необходимости скорейшей замены Директории единоличной военной властью. Но кем? Будь здесь генералы Алексеев или Деникин, — тогда все сходилось на них...

В Омске образовался политический центр, в который вошли все общественные и политические деятели от народных социалистов и правее. Этот политический центр пришел также к выводу, что Директория не способна сдвинуть воз и довести его до места, что необходимо ее заменить единоличной военной властью.

Действительно, бедная Директория была подобна классической курице, высидевшей утят и бегавшей беспомощно по берегу, когда

ее птенцы плавали, ныряли и плескались на водном просторе. Роды кабинета министров происходили очень мучительно. Наконец, стал помогать, засучив рукава, и генерал Нокс, — подействовала его угроза, что работа по снабжению не будет начата, пока не установится власть. Долго камнем преткновения был самозванный министр полиции Роговский со своим сине-белым отрядом. Председатель Директории Авксентьев выкручивался вовсю; говорил, что он обязан был пойти на это назначение в Уфе, иначе бы соглашение не состоялось, чехи ушли бы с фронта.

— Да они и так уходят! А потом, все равно они с сентября уже не воюют и всю местность от Волги до Уральских гор отдали большевикам, — отвечали ему.

Тогда Авксентьев попросту умолял согласиться на Роговского, обещая недели через две его «прогнать» и заменить другим, приемлемым лицом. Долго спорили из-за этого пункта. Наконец пришли к соглашению Роговского не назначать; на этих условиях кабинет сформировался, и А.В. Колчак вошел в него как военный и морской министр. На радостях Директория устроила пышный банкет, достали даже вина. Говорилось много речей на всех языках, раздавались призывы к дружной, энергичной работе, трещали фразы о демократиях всего мира; директора и общественность на карачках ползали перед высокими иностранцами.

Социалисты-революционеры к этому времени основали свои штаб-квартиры в Уфе и Екатеринбурге. В первом городе они пробовали мутить среди нашей Русской армии, устраивая митинги и формируя русско-чешские батальоны «защиты Учредительного собрания», а в Екатеринбурге они близко объединились с родственным им по составу чешским национальным комитетом и действовали здесь вовсю, разлагая чехословацкие полки. Все эсеры сгруппировались теперь около Виктора Чернова, их вождя и одного из самых вредных деятелей, который шел всю революцию вперегонки с Керенским; обладая безграничным личным честолюбием, Чернов не останавливался ни перед чем, чтобы перецеголять своего конкурента и товарища по партии.

И вот в середине октября, как раз ко времени этого банкета, был выпущен в Уфе «манифест» партии социалистов-революционеров ко всему населению России, подписанный В. Черновым и его ближайшими сотрудниками; в этой листовке повторялось в сотый раз, что «завоевания революции в опасности», что «новое правительство и армия стали на путь контрреволюции»; а потому все население призывалось к оружию и к повсеместной партизанской войне против правительства и его армии.

Неслыханная и небывалая подлость! Ведь это самое правительство — Директория — было избрано и составлено самими эсерами; они подписали на Уфимском совещании обязательство всячески ее поддерживать. Кроме того, председателем Директории был их же человек, член их партии Авксентьев, и два члена Директории, Аргунов и Зензинов, были тоже партийные эсеры. Выходило, что или они трое повинны в этом предательском воззвании, как члены партии, или предательство направлено и против них. Эта прокламация-манифест широко распространилась и попала в армию. Волнение поднялось страшное. Требовали суда над преступниками.

Посыпались обращения к новым министрам, к Авксентьеву, к генералу Болдыреву; те возмущались и говорили, что примут меры. Но ничего не делалось, а Авксентьев на поставленный прямо вопрос не мог дать никаких объяснений; так и осталось невыясненным, участвовал ли он в этом воззвании, которое было на руку только большевикам. Впрочем, о выходе своем из партии Авксентьев, Зензинов и Аргунов не заявляли, да и посейчас состоят в ней.

Кабинет министров присоединился к мнению армии и политического центра о необходимости и своевременности замены Директории единоличной военной властью и обратился к генералу Болдыреву, как Верховному главнокомандующему, с предложением взять полноту всей власти на себя. Болдырев соглашался с мотивами и жизненной необходимостью такой замены, но отказался ее осуществить, ссылаясь на несвоевременность. А волнения в армии все разрастались, увеличивались и неуверенность в завтрашнем дне, в способности Директории быть действительной, твердой властью.

В конце октября мне пришлось объехать большинство частей нашего фронта. Я ездил вместе с генералом Ноксом, будучи командирован Ставкой Верховного главнокомандующего. Чехи всюду были выведены с фронта в ближайший тыл. Русские молодые части стояли в передовой линии, одновременно ведя бои и формируясь. Работа, которую несли русские офицеры, была выше сил человеческих. Без правильного снабжения, не имея достаточных денежных средств, при отсутствии оборудованных казарм, обмундирования и обуви приходилось собирать людей, образовывать новые полки, учить, тренировать, подготавливать их к боевой работе и нести в то же время караульную службу в гарнизонах. Надо еще прибавить, что все это происходило в местности и среди населения, только что пережившего бурную революцию и еще не перебродившего; работа шла под непрерывающиеся вопли социалистической пропаганды вроде приведенного выше воззвания Чернова.

Под влиянием такой пропаганды в сентябре и октябре было сделано несколько попыток восстаний среди воинских частей тыловых гарнизонов. Офицерам приходилось жить почти безвыходно в казармах, чтобы предохранить людей от провокаторов и пропаганды. Не надо забывать, что вся Россия представляла собой тогда бурлящий котел, не было ничего установившегося, настроения масс не определились и легко поддавались самым неожиданным колебаниям. Жизнь тысяч этих скромных безвестных русских работников, строевых офицеров, была в постоянной опасности.

В Челябинске видел смотр и парад 41-го Уральского горных стрелков полка. После месяца работы полк представился как настоящая воинская часть; видна была спайка офицеров и солдат, хорошее знание строевого учения, умение нести боевую службу в поле. Но внешний вид был очень жалкий: более чем у половины людей отсутствие шинелей и сапоги — одна сплошная заплата. Командир полка, молодец-полковник Круглевский<sup>55</sup>, настоящий заботливый командир, делал все, что мог, добывая снабжение и у интендантства, и у состоятельной части населения.

— Приходится, — говорил он, — прямо выпрашивать. Ведь у меня половина людей осталась в казармах, не в чем выйти. На несколько человек одна пара сапог, по очереди ходят на учение, в столовую и на двор.

В Челябинске же встретился с М.К. Дитерихсом, впервые с осени 1917 года, когда он вернулся в Ставку после неудачного похода на Петроград генерала Крымова<sup>56</sup>. Работая вместе с Дитерихсом и под его начальством с 1915 года, я хорошо знал его раньше и теперь прямо не узнал: генерал постарел, исхудал, осунулся, не было в глазах прежней чистой твердости и уверенности, а ко всему он был одет в неуклюжую и невоенную чешскую форму, без погон, с одним ремнем через плечо и со щитком на левом рукаве. Он состоял начальником штаба у командующего чешскими войсками генерала Яна Сырового.

— Много пережить пришлось тяжелого, — сказал мне М.К. Дитерихс, — развал армии, работа с Керенским, убийство Духонина<sup>57</sup> почти на моих глазах. Пришлось скрываться от большевиков. Потом работа с чехами.

Мрачно и почти безнадежно смотрел генерал Дитерихс на предстоящую зиму.

— Надо уходить за Иртыш, — было его мнение. — Вы не можете одновременно формироваться и бить большевиков, да и снабжения нет, а англичане когда-то еще дадут. Чехи... — Он махнул рукой. — Чехи воевать не будут, развалили их совсем.

На следующий день я был на похоронах доблестного солдата, чешского полковника Швеца. Он повоевал на Германском фронте, затем поднял восстание против большевиков и сражался неустоимо с ними. Полк его обожал. Но развал шел среди всех чехов, и, когда коснулся полка Швеца, тот пробовал бороться, сдерживать массу, один из всех продолжал со своим полком вести боевые действия на фронте. Но вот полк отказался выполнить боевую задачу, решительно потребовал ухода в тыл и образования комитета. Полковник Швец собрал солдат и говорил с ними, грозил, что он обращается к ним в последний раз, требуя полного подчинения и выполнения боевого приказа. Полк не подчинился. Тогда полковник Швец вернулся в свой вагон и застрелился. На похоронах его в Челябинске собралась многотысячная толпа и было не мало искренних слез. На могиле этого героя политики, русские и чехи, говорили звонкие речи и лили крокодиловы слезы... Может быть, они и не сознавали тогда, что истинными убийцами этого честного солдата были они, виновники развала. Много пришлось видеть разных людей и картин чехословацкого воинства в Сибири, но чтобы не отвлекаться, оставляю это для отдельной главы.

Из Челябинска я проехал вместе с генералом Ноксом в Екатеринбург, в город, который стал для русского народа местом величайшей святыни и небывалого позора. Еще сидя в большевистском застенке, летом 1918 года, мы прочитали в местных «известиях» официальное сообщение московского Совдепа об убийстве Государя; там же была заметка, в которой комиссары лживо и лицемерно заявляли, что Царская Семья перевезена ими из Екатеринбурга в другое, «безопасное» место.

Больно ударила по душе эта ужасная, злая весть всех русских офицеров и простых казаков — более ста человек было нас заключено в городской тюрьме Астрахани. Как будто отняли последнюю надежду и вместе с тем надругались над самым близким и дорогим, надругались низко, по-хамски, как гады. Даже красноармейцы, державшие в тюрьме караул, и астраханские комиссары казались в те дни сконфуженными, — ни один из них ни словом, ни намеком не обмолвился о злодеянии; точно и они чувствовали себя придавленными совершившимся ужасом и позором.

Генерал Нокс имел неофициальное поручение от своего короля донести возможно подробнее об Екатеринбургской трагедии. С стесненным сердцем входили не только мы, русские, но и бывшие с нами английские офицеры в Ипатьевский дом, в котором Царская Семья томилась два последних месяца заключения и где преступная рука посягнула на Их священную жизнь. Нас сопровождал и давал под-

робные объяснения чиновник судебного ведомства Сергеев, который и вел в то время следствие по делу Цареубийства. Из его слов тогда уже вставала картина жуткой кровавой ночи с 16 на 17 июля.

Когда белые впервые заняли Екатеринбург, все цареубийцы и их главные сообщники бежали заблаговременно; кое-кого из мелкоты — нескольких красноармейцев внешней охраны, родственников убийц и даже сестру чудовища Янкеля Юровского — удалось захватить и привлечь к следствию с первых же дней; с самого начала все дело было взято в свои руки группой строевых офицеров, и ими-то и были получены первые нити, по которым установлено почти полностью преступление.

Весною 1919 года во главе следствия были поставлены генерал Дитерихс и следователь по особо важным делам Н.А. Соколов, которые с помощью специальной экспедиции тщательно обследовали всю местность вокруг города по радиусу в несколько десятков верст. Обшарили почти все шахты, собирали каждый признак, шли по самому малейшему намеку, чтобы рассеять мрак, нависший над концом Царской Семьи. Мне пришлось быть еще два раза в Екатеринбурге и беседовать с обоими; вывод их был тот же, который сообщил нам осенью 1918 года Сергеев: в ночь на 17 июля нового стиля Государь Император Николай Александрович и Его Семья были зверски умерщвлены в подвале Ипатьевского дома.

Кроме Сергеева, тогда же довелось подробно говорить с доктором Деревенько, лечившим Наследника, с протоиереем Строевым, который был большевиками дважды допущен в дом заключения служить обедню, и еще с рядом лиц, живших в Екатеринбурге. Навсегда осталось в памяти то общее из их рассказов, что светит, как венцы мучеников из старорусской Четвы минеи; каждый штрих, всякая подробность говорили о том величавом смирении, с которым Царственные Узники переносили тяжелый крест страданий, всевозможные лишения и даже надругательства большевиков. Все осмотры и ознакомления с материалами следствия за этот приезд в Екатеринбург легли в основу донесения об убиении Царской Семьи, посланного тогда же генералом Ноксом в Лондон.

Дом екатеринбургского горнопромышленника Ипатьева — небольшой особняк на площади против собора — был окружен двумя стенами; вторую, сплошную деревянный забор вышиною более сажени, большевики построили специально для того, чтобы еще более отделить Высоких Заключенных от внешнего мира. Караулы неслись самые строгие, причем наружный, вокруг дощатого забора, был из красноармейцев, внутренний же состоял из чекистов-инородцев (иудеи и латыши)



и нескольких человек русских, самых отъявленных мерзавцев, каторжан. При этом внутреннем карауле имелись два пулемета, стоявшие всегда наготове в окнах верхнего этажа, чтобы отразить возможное нападение. Комиссары жили все время под опасением, что русские люди освободят своего Царя из их хищных кровавых рук.

Настроение народных масс Екатеринбурга хотя и было придавлено террором, но поднялось бы и смяло кучки святотатцев во главе с Янкелем Юровским, если бы только в народ проникли слухи о возможности того страшного конца, который эти выродки готовили Царской Семье. Оттого-то комиссары не доверяли красноармейцам внутреннего караула, по той же причине они постарались покрыть такой тайной свое злодеяние и затерять следы его. Лишь через несколько дней после 17 июля 1918 года пополз шепотом рассказ о том, что неслыханное совершилось. Но наряду с этим выросли тогда же легенды, будто Царская Семья вывезена из Екатеринбурга, что кто-то и где-то видел Их проезжающими в направлении на Пермь.

Записываю отрывочные воспоминания того, что запечатлелось тогда в Екатеринбурге. Несомненно появятся подробные отчеты следствия, вероятно также, что люди, жившие в этом городе лето 1918 года, дадут полную картину тех тяжелых недель и страшных дней. Здесь уместно отметить лишь, что с первых же часов занятия белыми Екатеринбурга были приложены все усилия, чтобы не только открыть правду, как бы ужасна она ни была, но и собрать все предметы-реликвии, сохранившиеся от Царской Семьи; все собранное было потом опечатано и при описях отправлено на английский крейсер «Кент». За время правления Директории все это делалось по частному почину русских людей, не встречало не только сочувствия, а иной раз так даже чувствовалось скрытое противодействие; но настроение офицерства, солдат и крестьянской массы было таково, что эти разрушители Государства Российского не смели открыто препятствовать. После того как эсеровская Директория была заменена единоличной властью адмирала А.В. Колчака, следствие пошло в порядке государственного дела. И только тогда чешский генерал Гайда принужден был спешно выехать из Ипатьевского дома, который он занимал для своего штаба.

Задача будущего поколения — открыть все полностью: и великий, единственный в мировой истории, подвиг мученичества нашего Государя и Его Семьи, и неслыханную мерзость Их мучителей-убийц, и низость безвольного непротивления тех, кто мог в те дни противостоять убийцам. Все будет открыто. И недалек тот день, когда перед обновленной Россией развернется вся картина и встанут и засияют

образы Царственных Великомучеников. Но многое еще придется пережить до того и нашей стране, и нам, современникам...

В Екатеринбурге в то время, в октябре 1918 года, были два энергичных генерала — русский В.В. Голицын, формировавший 7-ю дивизию горных стрелков Урала<sup>58</sup>, и чех Гайда. Очень молодое длинное лицо, похожее на маску, почти бесцветные глаза с твердым выражением крупной, хищной воли и две глубокие, упрямые складки по сторонам большого рта. Форма русского генерала, только без погон, снятых в угоду чешским политикам. Голос его тихий, размеренный, почти нежный, но с упрямыми нотками и с легким акцентом; короткие, отрывистые фразы с неправильными русскими оборотами.

Гайда проводил такую точку зрения:

— Русский народ совсем не может иметь теперь, немедленно, парламентаризма. Я в этом убедился, пройдя всю Россию и Сибирь в два конца. И от революций все устали, хотят только порядка. По моему мнению, России нужна только монархия и хорошая демократическая конституция. Но теперь нельзя. Надо скорее военную диктатуру. Я поддержу своими полками, если найдется русский генерал, который возьмет власть на себя.

Так говорил Гайда в октябре 1918 года в вагоне у генерала Нокса. Но и он был бессилен удержать свои части на фронте и поневоле требовал замены их дивизией генерала Голицына. На наших глазах эта смена и происходила. Русские полки и батальоны, которые пришлось видеть на фронте, поражали своей малочисленностью, скудным снабжением, плохим обмундированием.

Непостижимо, как могли при тех условиях наши отряды и молодые полки не только держаться на фронте, но и вести наступление, очищать от большевиков огромные пространства Сибири и Урала. А это было так, сама действительность тому свидетельство. Горячая любовь к Родине, выносливость русского человека да всеобщая ненависть к большевикам делали это дело. А выносливость прямо единственная в мире! Легкие, ветром подбитые шинели, рваные сапоги, отсутствие белья. В передовой линии генерал Голицын представил Ноксу одного молодого капитана, как наиболее отличившегося и дважды раненного. И у него не было второй нижней рубахи на перемену. Никогда не забуду этой картины, как розовый, хорошо упитанный английский генерал, одетый щеголем, похлопал по плечу этого героя капитана с худым, изможденным лицом и впалыми глазами:

— Ничего, ничего, мы вам дадим белья.

Как огнем, вспыхнуло краской лицо капитана, сверкнули гордо глаза.

— Покорно благодарю, мне ничего от вас не надо. Вот солдатам, если привезли, дайте.

Полураздетую армию одеть было необходимо.

— Наши интенданты — красные, — говорили генералы Голицын и Вержбицкий<sup>59</sup>, — что от них заберем в боях, то и имеем; с тыла ничего еще не получали.

Дух и внутренняя спайка среди этих частей были замечательные. Офицеры и солдаты жили в общих землянках, зачастую обер-офицеры стояли в строю и в бою как рядовые. Тяжелая боевая служба среди начавшейся уже зимы неслась в высшей степени добросовестно, без отказа. Жила среди всех нас большая вера в справедливость своего дела. Между всеми было полное доверие; никаких недомолвок, недоговоренностей. Та отчужденность и подозрительность к своему офицеру, которую старательно привили и раздули наши политиканствующие социалисты в 1917 году, исчезли совершенно и заменились нормальными отношениями, чувством взаимной дружбы, что ведь так естественно между сынами одного народа, между офицером и солдатом одной армии.

Маленький, весь сплошной нерв, генерал Вержбицкий, стоявший со штабом у самых передовых частей наиболее опасного направления, так говорил генералу Ноксу на вопрос его о снабжении и о нуждах:

— А вот, Ваше Превосходительство, посмотрите сами. Одеты в лапти и зипуны. Винтовки? Есть и винтовки, — у красных отняли. Патроны? Патронов мало. Ну ничего, добудем, добудем, Ваше Превосходительство... Обещаете дать? Что ж, спасибо, большое спасибо. Не откажусь.

Он побарабанил нервно маленькой крепкой рукой по столу и после молчания продолжал:

— Это все герои, Ваше Превосходительство, они прошли от самого Иркутска, очистили Сибирь и Урал. И дальше пойдем. Надо весь Урал очистить.

И он здесь же на карте развил основу стратегического плана; ясно и просто показал положение красных и их затруднения из-за малого количества путей в горах Урала, оценил направления, силы.

Все генералы и офицеры жаловались на неустройство тыла, что политические распри там отзываются тяжело на боевой армии, что необходимо как можно скорее установить такую власть, которая могла бы наладить порядок в тылу; все они представляли себе и верили, что это по плечу только единоличной военной власти.

По возвращении в Омск я получил назначение во Владивосток, чтобы там на Русском Острове собрать 500 офицеров и 1000 солдат

и подготовить из них кадр для будущего корпуса, причем генерал Нокс обещал всевозможную помощь этому делу.

В Омске волнения и политический муравейник продолжали кипеть все больше. Черновское воззвание оставалось без всякого ответа. Вследствие этого были даже сделаны попытки отдельных офицеров и воинских частей арестовать его сообщников, но благодаря чехам и попустительству Директории Чернов спасся и ускользнул с другими эсерами... прямо в советскую Россию, к большевикам.

Политический центр на своих заседаниях, даже мало и скрываясь, пришел к решению, что необходим переворот и вручение всей власти одному лицу — адмиралу Колчаку.

Вместе с генералом Степановым и Ноксом 2 ноября я выехал во Владивосток.

\* \* \*

При проезде по железной дороге, — а ехали мы с остановками в некоторых городах, — создавалось такое впечатление, будто едешь не по одной стране, а попадаешь из одного удельного княжества в другое. Центральной власти, какого-либо объединения и единого управления на общее государственное благо, на общее дело не было. Местная власть действовала всюду на свой образец, преследуя только те задачи, которые ей казались нужными и важными.

Это отражалось на всем. Всего хуже было то, что даже те запасы, которые имелись в обширной Сибири, не могли распределяться правильно между ее частями; каждый думал только о своем районе, как бы обеспечить его нужды. То же явление наблюдалось и в отношении армии.

Русь! Однажды тебя погубило такое раздробление на уделы, свернуло с твоего исторического пути и ввергло на несколько столетий в темное татарское иго. Много страданий пережила тогда родная страна и гибель нашей чисто русской, славянской культуры. Только живой инстинкт народа, соединив его вокруг Московского Великого Князя, спас Россию, воскресил страну; она окрепла и веками сумела образовать Великое Государство Российское. Не для того же, чтобы снова распасться на отдельные уделы и ввергнуться в гибельное состояние расчленения, подпасть под иноземную власть, новое иго, горше татарского.

В Иркутске был губернатором (или, как тогда еще называли, губернским комиссаром) Яковлев, партийный эсер, ведущий очень ловко свои дела, но личность очень темная, по отзывам местных людей.

Меня посетил старый боевой друг, полковник Лабунцов<sup>60</sup>, раненный в одном бою со мною, под Люблином, и брат по Георгиевскому кресту. Он развернул ужасную картину того, что творилось во всей округе; Яковлев положительно развращал народ и молодые войска, всячески затрудняя их работу; он не отводил казарм и квартир, умышленно тормозил дело снабжения. Население здесь волновалось, местами вспыхивали восстания, которые раздувались всячески исподтишка губернской властью.

В то же время про Читу и управление атамана Семенова шли самые лучшие рассказы из разных источников; то, что мы увидели, въехав в Забайкалье, подтверждало эти рассказы. На станциях порядок, правильное движение поездов, удовлетворение нужд всех слоев населения. Город Читу проехали ночью, не останавливаясь.

Были уже и тогда люди, которые, наоборот, с пеной у рта доказывали, что в Чите творились безобразия; эти люди постоянно связывали имя атамана Семенова с японцами. Среднего мнения не было — или полная похвала, или неистовая брань и подтасовка фактов; с самого начала здесь плелась интрига и провокация. Мне лично пришлось познакомиться и узнать близко атамана Семенова только в феврале 1920 года, уже тогда, когда я с армией пробился через всю Сибирь в Забайкалье. Об этом я буду подробно писать в одной из последующих глав.

А здесь сделаю некоторое отступление, чтобы была яснее связь некоторых дальнейших событий. Еще когда я был в большевистской тюрьме в Астрахани, все мы, читая коммунистические газеты, встречали чаще всех имена Корнилова, Дутова и есаула Семенова. Невыразимая злоба и самая отборная ругань сопровождала каждое упоминание их на столбцах совдепской прессы. Для нас же, заключенных и обреченных на смерть русских офицеров, эти имена были отдаленными родными огнями, которые освещали мрак большевистского ужаса, окутавший всю Россию. Они поддерживали в нас надежду на возрождение Родины. Атаман Семенов начал есаулом, по своему почину, за свой риск и страх, борьбу против разрушителей-большевиков, и вел он эту борьбу неослабно, не выпуская из рук оружия. Он оказывал поддержку всем остальным антибольшевистским борцам, шел с ними на соединение. Но, понятно, передавать дело эсерам или другим бессильным людям для нового опыта и провала атаман Семенов не хотел и не мог. Поэтому он хотя и признал номинально Директорию, но твердо держал власть в своих руках.

В Харбине и полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги управлял генерал Хорват, старый и опытный администратор,

знавший отлично местные условия и весь край, пользовавшийся большим авторитетом даже среди китайцев. Он признал Директорию, но, понятно, продолжал вполне самостоятельно управлять Дальним Востоком.

Грустно было видеть русское положение в Харбине мне, бывшему здесь в последний раз в 1905 году, перед заключением Портсмутского мира. Город шумел теперь праздной, хорошо одетой и сытой толпой; сюда стекалась, кроме невольных беженцев от большевиков, масса спекулянтов и укрывавшихся от воинской повинности; преобладали горбатые носы и говор с бердичевским акцентом. Китайцы, прежние «ходи», смотрели и держали себя вызывающе, выказывая как бы свое превосходство над нами в нашем несчастье.

Владивосток — жемчужина России. Как говорил генерал Нокс, это самый красивый и живописный город в мире по своему расположению, только неблагоустроенный и грязный.

— Если бы он попал в хорошие руки, — добавил он.

Упаси Господи! Будут и русские руки хорошими, будут еще, может быть, самыми лучшими; для Владивостока и для всей Русской земли — во всяком случае.

Владивосток представлял из себя какой-то хаос, еще не установившийся после свержения там большевиков; беспорядок и неустройство здесь были самые большие из всех мест. Какая-либо русская власть, которая могла бы наладить жизнь и урегулировать отношения, отсутствовала. Был губернатор Циммерман, был комендант крепости полковник Бутенко<sup>61</sup>, но оба оказывались бессильными и тратили все время и силы на то, чтобы лавировать между самыми разнообразными и противными друг другу элементами, что нахлынули сюда.

Дело было так. Большевиков выгнали из Владивостока чехи под командой генерала Дитерихса при помощи и поддержке японских частей; на помощь к чехам направлялся и отряд русских офицеров, но чехи их не приняли и даже требовали разоружения. Тотчас же вслед за свержением советской власти во Владивостоке образовалось, с одной стороны, правительство эсеров, еврея Дербера и земское, а с другой стороны — междусоюзнический совет из неполномочных и случайных иностранных офицеров, оказавшихся во Владивостоке; миссии тогда еще не прибывали. Когда русский отряд полковника Бурлина<sup>62</sup> все же пришел во Владивосток, приехал также сюда генерал Хорват, чтобы объединить власть во всем крае Дальнего Востока, то этот случайный «союзнический» совет по настоянию эсеров потребовал разоружения отряда Бурлина. На Рус-

ской земле разоружали русскую воинскую часть, состоявшую почти сплошь из офицеров! И этот позорный акт совершился. И совершили его именем союзников России, опираясь на их авторитет и силу. Когда через несколько недель начали прибывать настоящие представители союзников, то дело решили поправить и оружие вернули.

Самозванное правительство Дербера, не опиравшееся ни на один слой населения, пало само собой, безболезненно. Во главе управления Дальним Востоком стал генерал Хорват, который и переехал из Харбина во Владивосток. Сюда же был назначен Ставкой генерал Ю.Д. Романовский<sup>63</sup> как представитель центральной власти при иностранных союзнических миссиях. Здесь же находился в это время и генерал Иванов-Ринов, который по сформировании в Омске нового кабинета перестал быть военным министром, оставаясь номинально командующим Сибирской армией.

Во Владивосток прибывали да прибывали союзники. Здесь были воинские части японцев, высадились английские Мидльсекский, а затем и Хэмпширский батальоны, канадские войска и американцы. Был образован международный совет, причем главное командование союзными войсками и председательствование на этом совете было номинально вручено, как старейшему, японскому генералу Отаки. Фактически же распоряжался каждый по-своему, мало считаясь не только с русскими людьми, но и с русскими интересами.

Больные и обидные воспоминания! Как раз в пути между Читой и Маньчжурией было получено известие о заключении перемирия на Французском фронте между союзниками и центральными империями, о революции в Германии, о бегстве кайзера и т. д. Долгожданная победа была достигнута; четыре года страданий и великих жертв принесли свои плоды. И русская кровь, пролитая так обильно на полях всего света, служила вместе с другими тем фундаментом, на котором теперь должны были утвердиться мир, право и справедливость. Ведь из-за них воевало человечество?..

Английские офицеры шумно радовались победе. Они выражали с чисто офицерской искренностью мнение, что без России и ее жертв никогда бы им не получить этой победы. Да, верно, истина. Но из-за этих-то великих жертв и из-за медлительности, из-за затяжки войны, из-за того, что от России потребовали слишком большого напряжения, наша страна не выдержала и впадала в такое несчастье, в степень губительного разорения. А понятно, если бы Россия не вступила в войну или, вступив, не жертвовала так беззаветно, то Антанте никогда не выиграть бы войны.

Как теперь отнесутся к нам бывшие союзники? Во что теперь выйдет их призыв к русскому народу? Вот вопросы, которые вставали перед нами. Понятно, все, что обещалось, будет выполнено; несомненно, останутся прежние отношения к вам, как к нашим близким союзникам, — так отвечали англичане. Но то, что пришлось видеть с первых шагов во Владивостоке, било не по самолюбию даже, а по самой примитивной чести. Каждый иностранец чувствовал себя господином, барином, третируя русских, проявляя страшное высокомерие. Было впечатление, что теперь, когда долгая война окончилась, им совсем не до нас; что они делают величайшее одолжение, приехав сюда, оставаясь здесь.

Надо отдать справедливость, что лучше всех относились японцы; их офицеры и солдаты проявляли самую большую, почти полную корректность; чувствовалось даже искреннее, чуткое и дружеское понимание нашего несчастья и временного характера его. Хуже всех было отношение домашних, так сказать, интервентов, войск, сформированных из наших бывших военнопленных. Лучшие здания в городе, все вагоны, места в поездах отдавались иностранцам; наши соотечественники как бы согнули спину и тащили на себе их, ожидая спасения. Ведь была обещана помощь, призывали к совместной войне с немцами и большевиками. Немцы выбыли из строя врагов, в Версале собралась мирная конференция, но другой-то враг, большевики, остались. И русские люди ждали от интервентов помощи, верили в нее.

В первой половине ноября прибыл во Владивосток со своим штабом французский генерал Жанен. Ступил он на Русскую землю, приветствуемый как избавитель, как заранее признанный герой. На приветственные речи Жанен отвечал определенно и довольно ясно, обещая поддержку, самую активную, выражая веру в успех общего дела. Сюда же прибыл французский батальон, что-то около взвода их колониальных цветных войск, да одна батарея. И вслед за английскими батальонами французы двинулись по железной дороге на запад, к нашим боевым линиям.

Когда генерал Нокс объезжал фронт, его повсюду встречали не только дружелюбно, но торжественно. Выставлялись почетные караулы, оркестр играл английский гимн, предоставлялось все лучшее, что только было у самих. На его слова о помощи заранее благодарили, почти везде просили прислать хоть взвод английских солдат — необходимо было показать нашим солдатам и офицерам, что давние обещания союзников о помощи — не одни слова. Атаман Дутов в тяжелые дни Оренбурга прислал телеграмму ему в Омск: дайте мне

одну роту французских или английских войск, и я отстою Оренбург, а то казаки уже не верят словам о помощи союзников. В ответ мы слышали, что помощь будет, но не сейчас, что надобно подождать, не все еще готово; войска еще в пути. Мы ждали и верили.

\* \* \*

В это время в Омске разыгрывались центральные события, имевшие важное влияние на весь дальнейший ход борьбы. Адмирал Колчак, как военный министр, объехал фронт, посетил войсковых начальников и убедился, что организация армии и ее снабжение поставлены в условия совершенно неудовлетворительные; не было ни общего плана, ни согласованной работы, не было надежды при существующем порядке наладить интендантство. Кроме этого, А.В. Колчак получил уже лично теперь заверения от войсковых начальников, что дальше так идти не должно, что армия может сама сделать переворот, а это было бы гибельным для фронта; что в Директорию совершенно никто не верит, ждут замены ее единой властью и хотели бы видеть ее в лице адмирала. Вслед за тем выехал на фронт Верховный главнокомандующий, член Директории генерал Болдырев; и они разминутись — генерал Болдырев ехал в Уфу, а адмирал Колчак возвращался из Екатеринбурга в Омск.

А в новой столице в то же время шли совещания кабинета министров, на которых решалось, как следует произвести смену Директории; о том, что ее надо сменить, вопрос был уже решен, так как выяснилась не только совершенная бесполезность и бессильность этой власти, но и ее чрезмерный склон на сторону социалистов-революционеров, то есть той партии, которая ей же объявила войну и призвала к ней население. Ясно было, что при оставлении у власти Директории произойдет взрыв; вспыхнут восстания, которые не только погубят начатое успешно Сибирским правительством дело, но вернут страну в состояние анархии и еще худшего большевистского разгула, чем было до лета 1919 года.

Совет министров пришел к решению передать всю полноту власти адмиралу Колчаку как Верховному Правителю и Верховному главнокомандующему. Это было вечером 17 ноября, а в ночь на 18 ноября полковники Сибирского казачьего войска Волков<sup>64</sup> и Катанаев<sup>65</sup> со своими казаками окружили квартиры председателя и членов Директории и арестовали их. Так что, когда совет министров пришел к адмиралу Колчаку объявить о своем решении и просить взять на себя тяжкое бремя высшей власти, Директории фактически

ки не существовало; она вся была арестована, а генерал Болдырев находился в Уфе.

Мне известно совершенно достоверно, что адмирал А.В. Колчак не только сам не добивался власти, но и уклонялся от нее. Личность Верховного Правителя вырисовывается исключительно светлой, рыцарски-чистой и прямой; это был крупный русский патриот, человек большого ума и образования, ученый путешественник и выдающийся моряк-флотоводец. Александр Васильевич Колчак как человек отличался большой добротой, мягким и даже чувствительным сердцем; его волевой характер, надломленный революцией, был очень вспыльчив. Настроения быстро менялись под давлением незначительных событий и первых известий, амплитуда колебаний от полной надежды до упадка ее проходила легко и быстро. В дни подъема настроения влияние его на людей было почти неограниченно; прямой, глубоко проникающий взгляд горящих глаз умел подчинить себе волю других, как бы гипнотизируя их силой многогранной души. Адмирал принял на себя тяжесть власти как подвиг, руководимый чувством самопожертвования во имя чести и спасения Родины; и все дальнейшее его служение до конца было проникнуто сильной любовью к России и высокоразвитым сознанием долга.

18 ноября 1918 года адмирал Колчак был поставлен перед совершившимся фактом. Он подчинился ему и принял на себя всю полноту верховной власти.

Последовал чисто комический конец Директории. Арестованные Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский провели тревожную, полную беспокойства ночь. Когда их наутро посетили прокурор и следователь, чтобы начать дело против офицеров, арестовавших их, то бывшие директора предстали бледные и дрожащие, прося спасти их жизнь. Им было заявлено, что им нечего бояться, что офицерам, произведшим арест, грозит военно-полевой суд. На вопрос прокурора, что хотели бы директора, они заявили:

— Отправьте нас поскорее в безопасное место.

А пока не отправят, просили держать их под арестом и под стражей, так как «иначе их может убить толпа». Вот как верили эти правители в народ, во главе которого имели наглость встать.

Всем им выдали деньги в иностранной валюте для поездки за границу и на жизнь там и отправили. Генерал Болдырев проехал прямо во Владивосток, а оттуда в Японию; остальные не рискнули ехать через Сибирь, а пробрались каким-то кружным путем через Китай. Все они дали честное слово жить за границей тихо и в политическую жизнь России не вмешиваться. Но это слово оказалось «клочком бу-

маги». Почти с первого дня появления за границей все они начали свою деятельность, мутя еще больше ту международную тину, что с первых дней революции создавалась около имени «Россия».

Полковники Волков и Катанаев были преданы военно-полевому суду, который вынес им оправдательный приговор, приняв во внимание то, что настоящими государственными преступниками были директора, — так как выяснилась их связь с большевистскими организациями, — и что офицеры действовали исключительно в интересах страны и народа. Около здания суда весь день стояла густая толпа, приветствовавшая оправданных офицеров радостными криками и устроившая им овацию.

Верховный Правитель в первый же день вступления на свой пост издал указ к войскам и населению, разъяснявший обстоятельства и самый порядок вручения ему власти. Были посланы извещения о том же всем союзным представителям. Затем последовал короткий и точный приказ, запрещавший какую-либо пропаганду среди войск и населения, призывавший всех к работе, самой горячей и дружной, для возрождения Родины; с первого же дня почувствовалась другая рука, честная и прямая, тогда казалось, и твердая, которая поведет армию именно на спасение русского народа и его прав, а не для пресловутых и ложных завоеваний революции.

Затем была опубликована декларация, основ которой покойный А.В. Колчак держался до самого конца; сущность была в том, что он берет на себя всю полноту власти, чтобы сбросить большевистскую тиранию, восстановить право народа и его свободу, дать порядок и возможность каждому заниматься его трудом. После этого им было обещано передать в Москве всю власть вновь избранному народом Национальному Учредительному собранию.

Как раз на другой день после переворота я приехал в первый раз с Русского Острова во Владивосток, утром зашел в штаб крепости и там узнал об этих событиях из полученного по телеграфу указа. Наверху, над штабом, помещалась британская военная миссия. Я заглянул к генералу Ноксу, который встретил меня очень взволнованный и сказал, что теперь будет плохо, что союзники могут даже прекратить помощь.

Пришлось долго доказывать и убеждать в естественной последовательности этих событий, в их неизбежности, что об этом, в сущности, было известно в Омске еще до нашего отъезда, напомнить ему поездку на фронт, все встречи там, даже слова чешского генерала Гайды; объяснить, что Директория фактически не могла остаться, так как тогда развалилась бы армия. Генерал Нокс обещал поддержку и

сейчас же поехал к Жанену. Что они говорили и какое было сначала отношение союзников к совершившемуся перевороту, мне неизвестно. Но без сомнения, не такое трагическое, как представлялось с первого раза главе британской военной миссии. Даже чехи, по спинам которых взгромоздилась на высокое место Директория, даже и они только частично поволновались, но и пальцем не двинули.

Через несколько дней после ареста Директории была сделана из Куломзина, рабочего предместья Омска, попытка произвести восстание, организованное и подготовленное эсерами. Бунтовщикам удалось было захватить тюрьму, выпустили оттуда преступников, надеясь с их помощью развить действия; но с этим легко и быстро справились, восстание ликвидировали. Характерно и показательно, что английский батальон, стоявший в Омске, пришел в эту ночь, чтобы охранять адмирала Колчака, к его дому.

Черновское наследие в Уфе и оставшиеся там еще кое-кто из членов Учредительного собрания выпустили от себя манифест, снова призывая народ и армию к восстанию, пробовали опереться на чехов и поднять русские части. Но эта попытка не удалась совершенно, хотя и доставила несколько неприятных дней. Пришлось посылать специальный отряд из Челябинска в Уфу, так как чешские начальники не позволяли арестовывать бунтовщиков. И большинство их ускользнуло за линию фронта на соединение с большевиками.

Едва ли найдется кто-либо сомневающийся в том, что руководило с самого начала и руководит действиями социалистических партий и их работников. Им важна не Россия и не русский народ, они рвались и рвутся только к власти, одни более чисто убежденные, фанатики, чтобы проводить в жизнь свои книжные теории, другие смотрят более практически, и им важна власть, чтобы быть наверху, иметь лучшее место на жизненном пиру. Борьбу между собою социалисты большевики и эсеры подняли исключительно из этих побуждающих мотивов, до России и народа им по-прежнему дела было меньше всего. И вот, когда они увидели, что в этой борьбе власть попадает к самому народу, к наиболее активной, подготовленной и искренней его части, они кончили на время свои семейные счеты и эсеры пошли помогать большевикам. Русская армия была не только на стороне новой власти, она долго ждала ее, желала и, так сказать, сама вызвала эту власть к жизни. Страна всюду и сразу подчинилась ей.

Генерал Хорват, бывший во главе всего края Дальнего Востока, послал от себя телеграмму в день переворота, что он признает законность его: всецело подчиняется Верховному Правителю. Генерал Иванов-Ринов, как командующий Сибирской армией и атаман Сибирского каза-

чьего войска, телеграфировал всем высшим войсковым начальникам и атаманам, что в дни напряжения народной воли и силы к освобождению Родины от предателей-большевиков необходима немедленная и полная поддержка Верховного Правителя в тяжелом деле, принятом им на себя.

Целый ряд общественных организаций, городских учреждений, многие сельские сходы присылали в Омск телеграммы с выражением своей радости в перемене и уверенности в успехе дела, все предлагали Верховному Правителю свою готовность поддержать его в русском национальном деле; вскоре последовали многочисленные адреса и депутатии от крестьян, рабочих, железнодорожников с выражением тех же чувств к новой власти.

Молча примирились с переворотом и союзные миссии, а через них и правительства Антанты. Признания своего они в эти дни не высказали, да не высказали его и до конца, в течение целого года. Факт с этим «признанием» — необъяснимая на первый взгляд и, во всяком случае, странная сторона отношения наших бывших союзников к Русскому делу, а следовательно, и к русскому народу.

Оказывалась самая действительная материальная помощь, то есть присылались в нашу армию орудия, винтовки, боевые припасы, обмундирование, обувь и проч. Сибирь полна была иностранными представителями, и военными, и гражданскими; были здесь и иностранные войска, все же как-никак помогавшие нам, — они несли охрану железной дороги. Выходило, что союзники не только признают, но и помогают новому русскому правительству, как своему союзнику. А вот само слово «признание» громко, прямо и открыто не произносилось. При этом надо заметить, что акт этого официального признания висел все время в воздухе как призрак, то приближаясь, то удаляясь, то подходя снова почти вплотную. Он, как болотный блуждающий огонь, дразнил и манил к себе. Естественно, что, чем дальше, тем больше разгоралось желание Омского правительства быть признанным; под конец это сделалось чуть ли не главным, руководящим стимулом его усилий и действий.

Много зла принесла такая двойственная неопределенная политика уже тем одним, что иностранцы использовали ее для своих целей, чуждых русскому национальному делу; не раз получались от союзных миссий такие заявления: сделайте то и то, так как наше правительство находит это необходимым для признания. Так было не раз с выпуском «либеральных, демократических» деклараций; хотя и не столь ясно, но такое же давление было при избрании неправильного операционного направления для главного удара на Пермь, Вятку, Котлас. Но как бы

то ни было, союзники фактически, неофициально признавали новое правительство, помогали ему и желали удачи.

Русские армия и народ подчинились повсеместно, кроме Читы и стоявшего во главе ее атамана Семенова. Этот эпизод надо рассказать несколько подробнее, чтобы понять само возникновение его, подкладку этого непризнания и неподчинения.

\* \* \*

К тому, что сказано было об атамане Семенове, следует добавить, что между ним и адмиралом Колчаком были недоразумения еще в ту пору, когда адмирал был в Харбине, перед приездом в Омск, летом 1918 года. Эти недоразумения возникли из-за того, что адмирал потребовал тогда подчинения себе Маньчжурского отряда<sup>66</sup> атамана Семенова, отряда, который был им сформирован совершенно самостоятельно, куда входили добровольцы, всецело преданные атаману и верившие в него. Последовал отказ, в ответ на что получилась угроза не давать в будущем отряду никаких снабжений. Затем, на одной из станций, где одновременно оказались поезда адмирала и атамана, адъютант последнего напутал и не доложил ему; в результате вышла неловкость и обида в том, что атаман не явился к адмиралу.

Теперь, после переворота 18 ноября 1918 года, в Омске были получены сведения о том, что атаман Семенов не собирается признать адмирала Колчака как Верховного Правителя и главнокомандующего. Не знаю, какие были основания для такого заключения, но мне известно следующее: атаман Семенов не получил ключа к шифру между Директорией, ее Ставкой и Владивостоком. Когда произошел в Омске переворот, Чита не могла расшифровать телеграмм, видела в то же время, что между Владивостоком и Омском идет усиленный обмен их. Наконец атаман Семенов получил короткую телеграмму без шифра, что Директория смещена и власть единолично перешла в руки адмирала Колчака. Атаман Семенов запросил тогда подробности переворота, а также кто именно вручил адмиралу власть. Но в то же время, как мне рассказывал позднее сам атаман Семенов, дожидаясь ответа, он приказал заготовить и подписал телеграмму о признании власти адмирала Колчака как Верховного Правителя. Но в Омске поспешили и сделали очень большую оплошность; атаман Семенов, не имея ответа на свой запрос и не успев отправить своей телеграммы о признании, получил по телеграфу же знаменитый и так шумевший приказ № 61. Этот приказ гласил, что атаман Семенов единственный отказался признать Верховного Правителя, не подчи-



нился ему и поэтому отрешается от всех должностей, как «изменник Родине».

Пусть каждый поставит себя на место атамана Семенова и ответит себе, что он испытал бы при подобных обстоятельствах. Офицер, который с первых дней большевизма начал против него борьбу и создал большой отряд из ничего, затем очистил целую область от красноармейских банд, установил порядок, начал раньше всех других получать поддержку от союзников, — такой офицер объявляется изменником. И главное, в тот час, когда он готов все сделанное им принести как составную часть целого Русского и подчинить только что появившейся власти.

После приказа № 61 атаман Семенов отменил телеграмму о признании и вместо нее послал другую, что он готов был подчиниться, но теперь этого не сделает, так как считает себя, своих помощников и свой отряд незаслуженно оскорбленными и опозоренными. Действительно, офицеры и казаки всех частей Забайкалья были сильно возмущены приказом № 61 и волновались.

Загорелся костер чисто русской вражды и деления на два лагеря. Большие русские патриоты, единомышленники по убеждениям и действиям, разошлись и заняли непримиримую позицию. А тут нашлось немало досужих людей, готовых подкидывать дрова в огонь. Полетели доносы о задержанных якобы Читой поездах с военным снаряжением и боевыми припасами для армии, о случаях самоуправства. Люди, которым было выгодно и раньше очернение атамана Семенова, работали вовсю. Клевета шла главным образом из вражеского стана, от большевистских агентов и их сторонников; действовали ловко и скрытно, так что казалось, будто обвинения идут из нейтральных, непартийных источников и из союзных кругов.

Сначала в Омске решили заставить атамана Семенова подчиниться силой, открыв против него военные действия. Был сформирован отряд под командой генерала Волкова. Не успел последний доехать до Иркутска и приступить к выполнению плана, как японцы заявили, что они не могут допустить столкновения в Забайкалье, а если Волков начнет военные действия против Семенова, то японцы оставят за собой свободу действий и, вероятно, выступят, чтобы помочь Чите.

Совершенно неожиданный результат конфликта. Само собой разумеется, что на разрыв с японцами, одними из союзников, и на враждебные действия с ними пойти не могли; Омск отставил приказ о наступлении на Читу. Японское вмешательство как бы предупредило новое братское кровопролитие. Но после этого японцы продол-

жали вмешиваться в конфликт, а досужие люди, кому это было на руку, стали говорить, что даже они его создали, раздувают и поддерживают.

Одно из несчастий нашего лихолетья, и именно на белой, антибольшевистской стороне, заключалось в так называемых иностранных ориентациях. Были: японская ориентация, английская, американская, появилась привезенная с Юга России германская ориентация. Не приходилось мне встречать в Белом движении ориентации на французов; слишком уж много с этой стороны было печальных фактов, отвергнувших совершенно симпатии русских людей и масс. Достаточно назвать Одесскую эпопею, когда русская армия и целый большой город оказались в безвыходном положении, попали совсем неожиданно, в два дня, во власть большевиков вследствие странных, если не сказать хуже, действий французского штаба в Одессе. Затем политика французов в Малороссии со стремлением создать самостийность Украины, рассказы о возмутительно скверных отношениях к русским беженцам и офицерам. Еще в Сибири это не так было заметно, а все русские, приезжавшие из Добровольческой армии и из Европы, не могли говорить о французах без пены у рта — так переболело оскорбленное чувство.

Упомянув о каком-либо мало-мальски выдающемся русском человеке, начинали прямо с того, что «он такой-то ориентации». Редко приходилось встретить мнение, которому одному надлежало быть в эту пору, в годину народного испытания и святой борьбы за Русь. Только одна ориентация может быть у русских людей — чисто русская, ориентация на Россию — и должна быть у всех. Остальные отношения вытекают уже из нее; если иностранная нация желает искренне восстановления и возрождения России — она наш друг; если она к тому же помогает нам в борьбе против большевиков — она наш союзник. Так ясно и естественно.

Но на деле было иначе. Это коренная ошибка, происходящая от слишком мягкого и доверчивого русского характера да от старой привычки смотреть на Европу снизу вверх. Но и иностранные миссии старались не мало над этим, чтобы наберечь побольше своих сторонников и ревниво смотря за их симпатиями.

После того как Омское правительство отказалось от плана подчинить Читу силой, начались переговоры. Атаман Семенов выставил одно условие: пусть будет отменен приказ № 61, и он всецело подчинится. Из Омска же шло требование — сначала подчинение, а затем уже отмена приказа № 61. Оттуда были посланы в Забайкалье комиссии для выяснения, насколько справедливы обвинения в задер-

жании атаманом поездов с военными грузами, и для проверки всей его деятельности. Комиссии долгое время сидели в Чите, были допущены к полному контролю — и в результате выяснили, что все обвинения являлись выдумкой или клеветой. Ездил в Читу генерал Иванов-Ринов, была телеграмма от атамана Дутова с просьбой кончить конфликт.

Но к несчастью, долго еще тянулась эта история, отвлекая много внимания, людей и сил, тормозя невольно общую работу. Не раз делались Верховному Правителю представления от целого ряда лиц, от совещаний высших начальников о необходимости кончить дело примирением. Но переговоры затягивались и часто прерывались оттого, что японская миссия находила для себя возможным выступать и ставить условия; так, ими указывалось, что необходимо при ликвидации конфликта сохранение за атаманом Семеновым всей власти в Забайкалье на правах командующего армией, они-де заинтересованы в этом вследствие долгой и крупной помощи, оказанной ими за все время в этой области и материально, и военными действиями. Необходимо отметить, что части японской армии с ее традициями представляли лучшие и наиболее дисциплинированные среди иностранных войск в Сибири. И не раз они выполняли первое слово, сказанное в начале интервенции, об активной помощи. Кровь японских офицеров и солдат была пролита на полях Сибири вместе с Русской армией; отношение японских войск к нашему населению было не только вполне лояльное, но отличалось предупредительностью и сочувствием. К несчастью, их дипломатия всех видов полна была такой же неясностью, запутанностью и перекрещивалась со скрытыми международными замыслами, которые и до сего времени подернуты дымкой двусмысленности.

Наконец, в исходе зимы произошла отмена приказа № 61, конфликт был кончен и примирение состоялось. Но трещина осталась, и, как будет видно ниже, осталась она до самого конца.

\* \* \*

Не все было благополучно и на остальном обширном пространстве Сибири. Партии социалистов-революционеров и меньшевиков ушли в подполье, спрятались, тщательно замаскировались, но не прекратили свою губительную работу. А где было можно, там они действовали и в открытую.

Таким обетованным местом для них являлся Владивосток, благодаря интернациональному характеру, приобретенному этим городом с

1918 года от массы наехавших туда интервентов. К декабрю 1918 года здесь были уже полностью все военные миссии, прибыли высокие иностранные комиссары, в Сибири сосредоточились войска японские, британские, американские, немного итальянских и чехи, а на рейде стояли военные суда всех наций. При этом чем дальше шли переговоры в Версале, тем неопределеннее и запутаннее было отношение здесь этой разношерстной массы. Как-то вышло, что войска бывших союзников, прибывшие в Сибирь; чтобы образовать общий с русскими фронт против немцев и большевиков, теперь на этот фронт не шли, — война с немцами была кончена, а «вмешиваться в наши внутренние дела» союзники не желали.

Вместе с тем во Владивостоке некоторыми из союзных представителей допускался прямой контроль именно над чисто внутренними распоряжениями русской власти, здесь как раз и было вмешательство в наши внутренние дела. Особенно отличались этим два лица одной из дружественных наций, генерал Гревс и его начальник штаба полковник Робинсон. Так, с их стороны последовал форменный протест, когда генерал Иванов-Ринов арестовал ряд вредных лиц, бывших в связи с большевиками (Медведев, Огарев и др.) и ведших пропаганду среди населения, призывавших его открыто к восстанию против правительства. Господа Гревс и Робинсон заявили, что они не могут допустить этого ареста и настаивают на освобождении, оставляя в противном случае за собой свободу действий. Затем с их стороны последовал новый протест, когда из Омска военный министр хотел сместить коменданта Владивостокской крепости полковника Бутенко, офицера, в сущности, неплохого, но впавшего слишком в сильную ориентацию на эту нацию и объединявшегося раньше с эсерами. Когда полковник Генерального штаба Чубаков, служивший в этой иностранной миссии и работавший одновременно в противоправительственных партиях, был вызван в Омск для отчета в своих действиях, то от генерала Гревса, представителя дружественной нации, последовал ряд телеграмм с отказом. В конце концов он потребовал гарантий личной безопасности Чубакова и непредания его суду. А после этого Чубаков перешел, при первом удобном случае, на сторону большевиков и в Красноярске вошел крупным лицом в чрезвычайную следственную комиссию (большевистская Чека). Можно было бы написать несколько томов, приводя все случаи подобного «невмешательства», — так их было много. Были даже документально установлены сношения с американской военной миссией некоторых шаек, восставших с оружием в руках в районе Сучанских копей и бывших фактическими большевиками.

Много, может быть, и невольного зла причинили России эти представители интервенции, Гревс и Робинсон, но немало зла причинено ими и своему отечеству; ибо по их действиям судили русский народ и общество о всей стране их. А в связи с другими агентами и мелкими представителями ее в Сибири, извращенно представлявшими здесь интересы своей страны, мнение о ней среди русских составилось крайне отрицательное. Это отразилось и на местной прессе; газеты день ото дня все едче и остроумнее писали о действиях этих интервентов и о их хозяйничанье на Дальнем Востоке. И вот в один день начальник миссии Гревс приехал к генералу Иванову-Ринову как помощнику Хорвата и просил, нельзя ли подействовать и надавить на газеты для прекращения неприятных фельетонов. Это уж совсем не вязалось с его прежними протестами, что он и его войска прибыли во Владивосток защищать всяческие свободы. Но надо оговориться, что эти газеты были правого лагеря. Нет сомнения, что многие из этих господ действовали по незнанию и полному непониманию того, что происходило в России, ни наших настроений, ни верований и надежд; но был, несомненно, и умышленный, организованный вред.

В декабре, будучи по делам во Владивостоке, я заехал отдать визит полковнику Робинсону, посетившему на Русском Острове мою военную инструкторскую школу. Робинсон вышел, радостно улыбаясь во всю ширину лица, и начал меня поздравлять; когда, видимо, на моем лице отразилось недоумение, он быстро скрылся и вернулся с переводчиком. Начался разговор.

— Поздравляю Вас, генерал, скоро будет конец вашей Гражданской войне. Мы получили известия из Версаля.

— ?!

— Союзники решили пригласить на Принцевы острова все русские партии: от большевиков, от генерала Деникина, от адмирала Колчака, от Юденича и из Архангельска, а также и от народа.

— С какой целью?

— Чтобы вы могли стовориться и кончить войну.

Долго мне пришлось доказывать полковнику Робинсону всю нелепость этого плана и его неосуществимость; почти полтора часа затянулся мой визит, а в конце его почтенный полковник Робинсон с ясной улыбкой заявил мне:

— Нет, все это не так. Вот послушайте, что мне пишет миссис Робинсон из дому о том, как там у нас говорят ваши русские. — И он вытащил из письменного стола пачку писем своей жены. — А миссис Робинсон у нас пишет даже в газетах!

Аргумент такой веский, что отбил у меня охоту говорить с ним когда-либо впредь.

Весьма характерный случай среди этого разговора. Зная несколько английский язык, я следил внимательно за словами Робинсона и за тем, как переводчик переводил ему мои мысли. В одном месте почти в начале разговора, когда я разъяснял Робинсону задачи нашей армии и всего дела борьбы, я обнаружил, что переводчик отклонился в сторону и плел уже от себя. Я остановил его и по-английски сказал, что моя мысль была совсем не та. Переводчик смутился и задал мне невольный вопрос:

— А вы разве говорите по-английски?

Он тоже был русский, но Моисеева закона — из Польского края либо из Шклова. И большинство переводчиков в Сибири были из того же изгнанного племени. Как они путали и перевирали, часто явно умышленно. Один английский офицер, капитан Стевини, отлично говорящий по-русски, — он воспитывался в Москве, — передавал мне такой факт. Только что пришел на одну большую сибирскую станцию эшелон войск одной державы; их офицеры встречены нашими; радушные рукопожатия, улыбки, и начинается разговор при помощи переводчика. Наши говорят, он переводит по-английски, — те ответят или зададут вопрос, он к нашим обращается по-русски.

— И так врал, так извращал все мысли и слова, — докончил капитан Стевини, — что я подошел и по-английски предупредил иностранных офицеров.

Переводчик-еврейчик переводил, например, слова старого боевого русского полковника о том, что все устали от партийной борьбы и от словоговорения, так: «Все почти русские офицеры сочувствуют социалистам-революционерам и хотели бы, чтобы у власти стали снова они». Нечего сказать, хорошее и довольно правильное впечатление составлялось при таких условиях у американцев!

Во Владивостоке образовалась штаб-квартира социалистов-революционеров, оставшихся в Сибири; другая часть их перекочевала в Москву и там открыла другой свой центр. Связь шла через Европу с одной стороны, а с другой — при помощи большевистских агентов через фронт. Во Владивостоке же они работали почти в открытую, подготавливали и проводили тот план, который погубил дело русских людей, направленное к возрождению Родины.

Отсюда они раскинули по всей Сибири свою сеть. Прежде всего были устроены опорные пункты, которые образовались в самой администрации. Верховный Правитель получил от Директории в наследство аппарат, далеко не готовый и не совершенный, но со значитель-

ной дозой введенных в него партийных социалистических деятелей. Как уже сказано раньше, губернатором Иркутска был эсер Яковлев, и он оставался незаменным до последних дней. Он умел, когда нужно, явиться в золотых губернаторских погонах, в черном пальто с красной подкладкой, по-военному тянулся и часто прибавлял титул; а вечером того же дня он шел к своим «товарищам» в синей блузе, и они при его участии делали в его губернии свое дело. И сделали его.

В другом важном центре и университетском городе, Томске, был губернатором тоже партийный социалист-революционер, Михайловский, который именовал себя поручиком и даже носил военную форму, надев вместе с нею и личину самого искреннего благожелательства к армии и лояльности. У Михайловского начальником контрразведки, то есть тайной полиции, был еврей Д., бывший коммунистский деятель. В Томске была и другая контрразведка, военная, с талантливым товарищем прокурора Смирновым во главе; Смирнов прямо задыхался, с неимоверными трудами открывал заговоры, находил склады оружия, посылал обстоятельные и обоснованные доклады, но им ходу не давали.

До самой весны 1919 года министром внутренних дел был также социалист, Грацианов, приходившийся вдобавок сродни губернатору Михайловскому. Между прочим, было занято крепко эсерами в Томске почтово-телеграфное ведомство. Благодаря этому многие важные телеграммы, особенно шифрованные, извращались и замедлялись, а также обо всех распоряжениях заблаговременно предупреждались их партийные деятели. В центральной конторе у чиновника Рыбака нашли в стене склад оружия, подготовленный и спрятанный на случай восстания в тайнике; был произведен арест, начался процесс, который, увы, ни к чему не привел.

Следующей цитаделью их был Красноярск, где имелась эсеровская тайная типография и где работал, скрываясь под чужой фамилией, один из наиболее вредных иудеев, Дербер. Как будет видно дальше, катастрофа, погубившая все дело, и грянула одновременно в предательском тылу армии, в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке. И ведь это все было известно раньше, русскими людьми были обнаружены эти гнезда интернационала, но не было силы вырвать их с корнем и обезвредить.

Дальше работа социалистов-революционеров направилась в народные массы; для этой цели они избрали такие безобидные и полезные учреждения, как кооперативы. И центральные управления, и местные отделения были наполнены их людьми и ответственными партий-

ными работниками. «Синкредит», «Центросоюз» и «Закупсбыт», три главных кооператива в Сибири, были всецело в руках эсеров. Этим путем распространялась литература, добывались деньги, велась пропаганда на местах и подготавливались восстания. Наконец, были направлены усилия проникнуть в действующие армии. К сожалению, и это удалось им сделать; не всюду, в одну лишь армию вошли они, но и этого было достаточно, чтобы замкнуть круг.

Борьба за власть не была окончена. Временно она отошла лишь на второй план, чтобы подготовить силы и ждать удобного момента. И в то же время всячески мешать живой работе русских людей, сплотившихся около Верховного Правителя, чтобы спасти Родину и дать своему народу не эфемерную, а истинную свободу идти и развиваться своим историческим путем. А работа была и без того тяжелая, чрезмерная, требовавшая героических напряжений.

### Армия и тыл

Не прошли даром волнения в Уфе. Наши части на этом направлении были очень слабы численно; они состояли из остатков Народной армии, сведенных теперь в неорганизованные отряды под начальством молодого способного генерала Каппеля; затем здесь же действовали полки и батареи, сформированные в Уфимском районе из добровольцев и мобилизованных; они вместе с чешскими частями входили в отряд генерала Войцеховского. Насколько эти части были исключительны, можно судить по тому, что в волжских батареях Каппеля номерами были офицеры, они же иногда составляли целые роты, которые дрались и умирали, как ни одна воинская часть в свете.

Уфимские и камские полки имели в своих рядах больше крестьян, — население этих районов определенно встало все против большевиков. Как пример могу привести 30-й стрелковый Аскинский полк, сформированный из жителей волости этого названия; полк дрался выше похвалы, а волость давала не только пополнение людьми, она снабжала полк одеждой, обувью, обозом и пищевыми продуктами. Вот как русский народ хотел сбросить большевистское ярмо и как умел он жертвовать. Или другой полк, 15-й стрелковый Михайловский полк, стяжавший себе боевую славу как один из первых; он был сформирован и пополнялся жителями Михайловского уезда, посылавшими подкрепления по первому слову.

Генерал Каппель с волжанами делал чудеса. Он несколько раз отбивал попытки красных взять Уфу тем, что сам переходил в наступ-

ление, искусно маневрируя своими небольшими отрядами, и выигрывал блестящие дела, нанося большевикам тяжелые поражения. В то же время уфимцы с чехами сдерживали натиск на других направлениях. Но вот чехи ушли в тыл. Волнения в Уфе и пропаганда социалистов поколебали фронт. И в конце декабря, как раз перед рождественскими праздниками, Уфа пала. Наши отступили на восток к горным проходам через Уральский хребет. Здесь удалось удержать фронт в течение всей зимы.

Но необходимо было немедленно влить какие-то свежие части для устойчивости, необходимо было волжанам дать время хоть немного отдохнуть, сформироваться, пополниться, одеться, чтобы весной можно было начать с ними наступление. Еще более настойчиво требовалось ввести в армию определенный порядок, перейти от хаотической отрядной организации к правильному делению на корпуса, дивизии и полки, создать небольшие работоспособные штабы и органы снабжения.

Можно себе представить всю трудность этой сложной задачи, которая стояла тогда перед Верховным главнокомандующим и его Ставкой. Его начальник штаба генерал Д.А. Лебедев справился с честью с этой задачей; ему случалось вести работу иногда целые сутки, зачастую завтракая и обедая у себя в кабинете. Приходилось работать без усталости и без малейшего откладывания дела, ибо жизнь требовала быстрых решений и каждый пропущенный день мог свалить все хрупкое тогда сооружение. Шла лихорадочная деятельность среди бурлившего, не установившегося еще русского моря; надо было одновременно разбираться и вести дело с разнообразными военными представителями интервенции, говорить с ними, выслушивать их бесконечные требования и вводить их в рамки.

Все силы, действовавшие на фронте против большевиков, были разделены на три отдельные армии: Сибирскую на Пермском направлении с базой в Екатеринбурге, Западную на Уфимском направлении с базой в Челябинске и Оренбургскую, действовавшую на юге. Армии были составлены из тех войск, которые действовали и раньше на этих направлениях, с подачей им из тыла всего мало-мальски боеспособного, что можно было к этому времени собрать. Во главе армий были поставлены: Оренбургской — атаман генерал Дутов, Западной — генерал Ханжин, а командовать Сибирской армией был назначен генерал Гайда, поссорившийся к этому времени с чехами и поступивший на русскую службу. Почему именно выбор остановился на этом иностранце, так мне и не удалось выяснить точно; было это сделано А.В. Колчаком, отчасти как бы в благодарность за то, что Гайда в свое время один

из первых определенно поддержал его и проявил не только полную лояльность, но и преданность.

Все три генерала получили права командующих отдельными армиями, то есть почти равные правам главнокомандующего, для того чтобы дать им более возможности и свободы проявлять инициативу в устройстве и увеличении их сил. Для той же цели армейские районы были определены до реки Иртыша, давая огромные пространства для производства людской, конской и повозочной мобилизаций, для устройства всяких мастерских и образования запасов путем использования средств района. Работа шла очень живо, почти лихорадочным темпом. Армии сами формировали новые части, составляли запасные для подготовки пополнения, вели ему учет, расходовали его соответственно с нуждами фронта, имеющимися средствами снабжения и планом действий; налаживали все сложное снабжение.

Ставка регулировала эту работу, вводя ее, насколько было возможно, в общие нормы, уравнивая излишки, пополняя все штаты, многие законоположения, налаживая совершенно расстроенный аппарат для подачи из Владивостока получаемого от союзников вооружения и боевых запасов. Надо сказать, что ведь те нормы, по которым была построена наша старая Русская армия, разваленная социалистами в 1917 году, в большинстве своем теперь требовали изменения; с одной стороны, за время Германской войны в них нашлось много неправильного, неоправдавшегося и тогда опытом, с другой — были в них и анахронизмы, уже отжившие свой век, восстановление которых было бы реставрацией их вопреки здравому смыслу и жизненным требованиям.

Путь для работы лежал теперь такой: взять из старого все лучшее, освященное успехами Русской армии, связанное с нею исторически, вытекавшее из естественных условий и особенностей русского народа; необходимо было в дополнение к этому ввести все, что требовалось самой жизнью и новыми условиями, вызванными войной. Ибо отрицать это новое, не принимать его во внимание, держаться слепо старых образцов было бы так же безрассудно, как и другая крайность — полное отрицание своих исторических норм и старание изобрести что-то совершенно новое, ничем даже не напоминающее прежнего.

Работа должна была идти по твердому пути, сопрягая эти два условия, необходимые для ее успеха; и те результаты, которых удалось добиться за зиму, говорят сами, красноречивее всяких словесных доказательств, за то, насколько правильно и напряженно велась эта работа. Фронт был удержан на уральских проходах к западу от

Аши-Балашовской; все попытки красных прорвать его отбивались. В то же время армия пополнялась, росла, приобретала правильную организацию.

Волжский корпус генерала Каппеля вывели в тыл в район города Кургана, на Тобол, чтобы отличные боевые кадры его пополнить, подучить, одеть и снабдить всем необходимым. Последнюю задачу взял на себя генерал Нокс, обещавший все, что нужно для волжан, подать в первую очередь. Пополнение людьми и конским составом должна была сделать Ставка, так как Волжский корпус был оставлен в ее распоряжении. Тут сказала некоторая автономность армий; ни Сибирская армия, ни Западная не давали пополнения людьми, так как каждая была занята всецело пополнением и формированием «своих» частей; лошади были получены из Западной армии, несколько с опозданием она же дала и часть людей. Часть же пополнения генерал Каппель был принужден взять из пленных красноармейцев, которых после некоторого обучения поставили в строй.

Вскоре произошло событие очень радостное, но имевшее большое влияние на уклонение в неправильную сторону. 23—24 декабря была взята Пермь войсками Сибирской армии; операция была проведена среди лютых морозов с малыми для нас потерями и дала блестящие результаты. Это явилось как бы компенсацией за потерю Уфы и показало, что работа над созданием армий идет успешно. Запасы, взятые в Перми, склады и военные заводы давали, кроме того, возможность пополнить многие пробелы в снабжении наших войск. А эта сторона, невзирая на всю проявленную энергию и работу, оставляла желать много лучшего. Не говоря уже о том, что наше воинство было одето так разнообразно, как великое ополчение 1613 года, многого прямо не хватало такого, без чего жизнь и служба становились невозможными; было мало полушубков, валенок и даже шинелей, чувствовался острый недостаток в винтовках и патронах. На Сибирскую армию щедро даны были награды. Генералы Гайда и Пепеляев<sup>67</sup> получили чины генерал-лейтенанта и Георгия 3-й степени; многие из офицеров были произведены в следующие чины, причем Гайда, начавший с этих пор проявлять большую самостоятельность, отдавал иногда приказы о производстве прямых из поручиков в подполковники.

Штаб-квартира Сибирской армии была в Екатеринбурге. Это — центр горнопромышленного уральского района, население которого отличается довольно большой зажиточностью, сохраненным крепким семейным укладом, религиозностью, монархическим настроением, честностью и в большинстве прямым, хотя и нетвердым характером;

это не был материал для большевиков, наоборот, с первого дня восстановления местные жители присоединились к белым и шли целыми семьями и волостями в новую армию адмирала Колчака. Одним из ярких примеров этому служат знаменитые Ижевская и Воткинская<sup>68</sup> дивизии, составленные целиком из рабочих двух больших заводов этих названий и примкнувших к ним волостей; эти дивизии до сих пор борются против большевиков в Забайкалье, пройдя пешком через Урал и Сибирь более четырех тысяч верст.

Все эти простые и хорошие русские люди были поставлены после революции перед совершившимся фактом крушения старого порядка, прежних устоев и перед задачей искания нового, лучшего. В своей доверчивости они шли вначале за тем, кто умел и брал на себя смелость громче и красивее говорить, беззастенчивее обещать. Все это было учтено социалистами-революционерами, которые еще с 1917 года много работали над пропагандой в этом крае. Выметенные отсюда большевиками, они теперь, после освобождения Урала, устремились опять на него свои усилия и попытались снова раскинуть здесь свою сеть.

Не знаю, какими путями, — пользуясь ли старыми связями с чехословацким Национальным комитетом или играя на чрезмерном честолюбии Гайды, — но им удалось проникнуть в его армию; были введены партийные работники в самый штаб, среди них такой, как известный затем по Владивостокскому и Иркутскому восстаниям штаб-капитан Калашников. Они сумели захватить в свои руки целиком осведомительный отдел, важный тем, что он заведовал всей информацией, имел в своих руках типографии и все средства пропаганды.

И отсюда поплелась сеть по всей Сибирской армии. Исподволь, весьма искусно, тщательно и скрытно для постороннего глаза шла эта подготовка. Те генералы и высшие чины гражданской администрации, которые боролись против этой преступной работы, устранялись с пути под разными предлогами, включительно до клеветы и подстроенных обвинений; так было с екатеринбургским губернатором, затем так же был убран начальник военно-административного отдела Сибирской армии генерал Домонтович<sup>69</sup>, работавший в Екатеринбурге с первых дней восстания. Пробовали эсеры провести такой же план и в Западной армии, но в самом начале, в середине мая, удалось их попытки совершенно искоренить.

Эта подпольная деятельность эсеров дала свои плоды гораздо позднее и обратила военные неуспехи фронта в полную катастрофу армии, привела к разгрому всего дела, возглавляемого адмиралом

А.В. Колчаком. Теперь же, в начале его блестящего и полного надежд периода, они как мыши подтачивали и буравили тот корабль, на который забрались сами, спасаясь от разбушевавшейся стихии бурного и взбаламученного ими же Русского моря.

Все люди на этом корабле были заняты одной мыслью и одним делом — как вернее и лучше привести его в гавань государственности. Работа кипела, и на всем пространстве беспредельной Сибири, от Урала до Владивостока, творилось самое нужное дело, создание армии. Офицерство снова понесло на служение Родине свои жизни, свою кровь и все свои силы. Как показала весна и быстрое движение на Волгу, эти жертвы и усилия были направлены не даром. Да, так показали весна, и лето, и осень 1919 года. Но после того наступила зима, и вместе с нею крушение всего большого дела, величайшая катастрофа, какую когда-либо испытывала Русь. В числе многих причин, вызвавших ее, была полная отчужденность тыла от фронта, полное несоответствие работы в тылу.

\* \* \*

В военной науке существует очень правильное положение, что ошибка, допущенная в стратегическом разворачивании, трудно поправима до конца кампании. Это положение применимо и в деле организации, особенно при устройстве заново большого разрушенного государственного организма. Подходя к описанию, как устраивалась и налаживалась работа центральных аппаратов в Омске, необходимо указать на допущение одной кардинальной ошибки, начатой еще блаженной памяти Директорией и ее Ставкой, ошибки, принятой как бы по наследству и новой властью, допущенной дальше ею при новой работе.

Для бедной и неустроенной восточной России начали создавать аппарат во всероссийском масштабе; строились те многоэтажные постройки министерств, департаментов и управлений, которые рухнули в феврале—сентябре 1917 года в Петрограде. Люди, которые пришли к Верховному Правителю и получили его доверие и полномочие, принялись воздвигать из обломков старых дореволюционных учреждений громадную и совершенно не работоспособную машину.

Мне всего ближе пришлось ознакомиться с деятельностью военного министерства и главного штаба. Когда совершился переворот, то вся первая творческая работа выпала на долю небольшого штаба Верховного главнокомандующего во главе с его начальником, генералом

Д.А. Лебедевым; и мы видели, как справлялись он и его ближайшие сотрудники с тяжелым делом в самые ответственные первые недели работы. Под их руками армии принимали вид живых и сильных организмов — на исторически верных и необходимых основаниях строились новые, самой жизнью вызываемые формы.

Уехавший во Владивосток и Харбин генерал-майор Н.А. Степанов был адмиралом Колчаком назначен военным министром; долго он не ехал, проводя целые недели в Харбине и, видимо, опасаясь проезда через Читу, так как генерал Степанов был один из самых упорных и непримиримых противников атамана Семенова и «японской ориентации». Наконец перед Рождеством он появился в Омске, привезя с собой на пост начальника главного штаба генерал-майора Марковского<sup>70</sup>.

С самого первого дня их деятельность может быть охарактеризована так. Вытащены из пыли 24 тома Свода военных законов, все старые штаты и положения, поставлены во вращающуюся этажерку около министерского письменного стола. Как только жизнь выдвигала какой-либо вопрос, — а это было на каждом шагу, — доставался соответствующий том и искалось готовое решение, «старый испытанный рецепт», но увы, зачастую испытанный и забракованный жизнью, а в условиях разрухи Гражданской войны прямо нелепый.

Все сделанное уже Ставкой, та живая, организационная работа, которая создавала армию, все ее начинания были забракованы как плод незрелый и не подходящий под узкие старые рамки. Была сначала сделана попытка подчинить военному министерству все касавшееся вооруженных сил, чтобы можно было все подвести под эту ферулу крутящейся этажерки со старинными томами законов и штатов. Но Верховный Правитель на это не пошел и разделил сферу власти так: действующая армия с территорией по Иртыш подчинялась (в военном отношении) начальнику штаба Верховного главнокомандующего, все гарнизоны и запасные войска, вся местность к востоку от Иртыша — военному министру.

Возник дуализм, который приобрел еще более острую форму благодаря личным свойствам действовавших лиц. Д.А. Лебедев, молодой сравнительно офицер Генерального штаба, не искал власти и не дорожил ею, преследуя исключительно цели боеспособности армии и стремясь вызвать для того к деятельности все живые силы. Н.А. Степанов оберегал свой престиж, вместе с главным штабом цеплялся за власть и усматривал в каждом начинании, несогласном с его воззрениями, чуть ли не личные против него выпады. Появились трения. Мне лично говорил несколько раз адмирал А.В. Колчак:



— Страшно трудно. При каждом важном вопросе мне приходится сначала мирить Наштаверха с военным министром, разбирать личные обиды последнего.

Но убрать его он не решался, питая дружеские чувства еще по совместной работе в Харбине; когда же просился уйти с поста генерал Лебедев, Верховный Правитель и слышать не хотел, говоря, что он больше всех в него верит и знает на деле его способность вести работу. При этих условиях мало было надежды на согласованную работу тыла и фронта.

Военное министерство и главный штаб распухли до чудовищных по величине размеров; вышли к жизни все прежние отделы, отделения, столоначальники. Создано было военное совещание из семи-восьми дряхлых летами генералов, на обязанности которых лежало рассмотрение всех законопроектов и штатов. Долго, многоречиво и весьма добросовестно делалось это; спешные законопроекты лежали целыми неделями, отклоняясь иногда по пустякам, а иной раз так перекаивались, что не оставалось живого места. Но зато на вновь отпечатанных штатах и положениях красовались внизу фамилии членов этого совещания, совсем как на старых, дореволюционных, великороссийских, даже и фамилии похожие были подобраны.

Многоэтажные здания, полные офицеров и чиновников, работали также очень много и усердно; писали из одного отделения в другое и в Ставку отношения, составляли проекты, доклады и объяснительные записки. Как один из многих примеров, мне показывал начальник организационного отдела полковник Оберюхтин — человек весь горевший желанием работать, приносить пользу и делать живое дело — проект о подготовке офицеров и унтер-офицеров, составленный вначале не только жизненно, но даже талантливо. Три месяца этот проект ходил от стола к столу, и за это время образовался объемистый том. На первом проекте была резолюция военного министра «доложить и пересоставить». На втором, пересоставленном, стояло указание согласовать с такими-то статьями такой-то книги прежних законоположений. Затем шли третий, четвертый, пятый, шестой варианты доклада и объяснительные записки с объемистыми резолюциями; наконец, на последнем красовалась надпись начальника главного штаба: «Повременить!»

Еще более грустная по результатам была судьба большого проекта о формировании в тыловых районах Сибири действующих частей для фронта. Был составлен опять-таки вполне жизненный и выполнимый проект и план, по которому армия должна была получить три с половиной дивизии в апреле 1919 года и столько же в августе. Надо

было придерживаться этого плана и вести, не мудрствуя лукаво, самую простую работу, а для своевременности было необходимо отдавать соответствующие приказы, соблюдая расчет времени плана. Получилась бы полная обеспеченность боевого дела, даже если бы этот план выполнили только частично. Но его постигла та же участь бесконечных переделок, передокладов, исправлений и, наконец, полного отставления; время шло и тратилось самым недопустимым образом. Не было ничего создано и в отношении военно-административного устройства тыла, опять по той же причине. увлечения ложноклассическими образцами прежнего бюрократического порядка.

Восстание для свержения большевиков в Сибири было произведено строевыми офицерами и потребовало от них сразу разрешения многих вопросов; был разрешен в числе прочих и этот: отказались от системы военных округов и ввели вместо них корпусные районы с применением территориальной системы. Во фронтовом, армейском районе такой порядок и укрепился, что и давало те силы, которыми фронт вел борьбу. Одним из первых дел нового военного министерства были отказ от корпусных районов и замена их военными округами; массу времени потратили на это и ничего не добились. Получились громоздкие штабы: штаб Иркутского округа имел свыше ста тридцати офицеров, Омского округа — более ста семидесяти. Войск же было только то, что осталось от прежних корпусных районов.

На бумаге отказались и от территориальной системы комплектования войск. Аргументы были веские: ввиду беспокойного состояния страны и непрекращающейся пропаганды нельзя надеяться, что поддерживать порядок в районе будут войска, составленные из местных жителей. Но существовавшие в Сибири условия транспорта, наличие единственной железнодорожной магистрали при чисто сибирских колоссальных расстояниях делали фактически невозможным применение другой системы, кроме территориальной, особенно при том недостатке времени, какой тогда ограничивал все наши действия. В эти дни резче и определеннее, чем в какой-либо другой войне, вставала вся правда великих слов Императора Петра I: «Потеря времени смерти невозвратной подобна».

Это — с одной стороны; с другой — надо было предпринимать для успокоения населения и для привлечения всех его симпатий на сторону правительства другие меры. Нельзя было вести священную, освободительную войну против большевиков, не доверяя населению, своему же народу; тогда лучше было и не заваривать каши.

Ведь фронт сумел собрать полумиллионную армию из тех же народных масс; там некогда было разводить теорию и отчеканивать

проекты: жизнь требовала быстрой творческой работы. И то, что эта полумиллионная армия образовалась, существовала, вела успешные бои, доказывает лучше слов: 1) с этой работой справились и 2) массы увидели и поверили, что война, на которую их призывают, ведется за Россию и за благо всего ее народа. Надо понять тоже и запомнить, что такого числа «белогвардейцев» собрать было невозможно, что невозможно было также гнать массы в армию насильно; не было для этого средств, да и не было желания, так как все вожди армии искренне отдавали себя на служение России, и только России. Но России прежде всего русской, устроенной на ее самобытных, исторических основаниях, великой и самостоятельной. Сложна была психология армии во всем Белом движении, но одно несомненно: настроения лучших ее представителей, а за ними и массы, было чисто национально.

Нельзя пройти еще мимо одной стороны, характеризовавшей узкобюрократическую деятельность нового военного министерства. Оно считало себя обязанным стать на страже интересов старшинства в чинах офицерского корпуса и не нашло ничего лучше, как достать из архивной пыли старые «списки по старшинству». По этим спискам и делались почти все назначения. Ни боевые заслуги, ни талантливость, ни доказанная работоспособность и даже подвиги не могли поколебать новых олимпийцев, считавших необходимым для возрождения России прежде всего воскрешение старых, отживших форм. Даже и внешне вид главного штаба принял тот же чванливый, недоступный и отталкивающий характер петербургских канцелярий.

Наряду с этим пренебрегались истинные интересы офицерства; зачастую представления к производству в следующие чины за боевые отличия, за выслугу лет, еще в Германскую войну, месяцами лежали и ждали резолюции военного министра. Сначала даже потребовали было обязательного наличия послужных списков по всей форме и со ссылками на все приказы, хотя бы до 1880-х годов. И долго держались этого правила; наконец, поняли, что в такое время, когда офицеры сошлись почти со всех концов света, многие ускользнули из самых когтей большевистского стервятника, — это требование чистая и законченная нелепость. Вот уж именно где применимо выражение — ничему не научились и ничего не забыли.

Верховный Правитель рвал и метал, когда до него доходили сведения обо всем этом. Но господа бюрократы, налетевшие на теплые омские места в избытке, находили и здесь средства для маскировки:

— Это все интриги...

Или:

— Как не совестно отвлекать Верховного Правителя от дел государственных!

А разве армия, ее боеспособность, ее офицерский корпус, — разве это не было тогда делом государственной важности первой степени.

Такая же картина была и в других министерствах Омска. Всюду шли тем же легчайшим путем постройки и копирования старых дореволюционных бюрократических аппаратов; но раньше в них были хотя свои хорошие стороны — десятилетиями налаженное дело, преемственность и опытные работники. Здесь же, в копиях, главное внимание обращалось на внешность. Даже время службы было применительно к Петербургу мирного времени: в 10 часов утра начало, в 12 — перерыв на завтрак, в 4—5 часов конец и все расходились по домам. Министерства были так полны служилым народом, что из них можно было бы сформировать новую армию. Все это не только жило малодеятельной жизнью на высоких окладах, но ухитрялось получать вперед армии и паек, и одежду, и обувь. Улицы Омска поражали количеством здоровых, сильных людей призывного возраста; много держалось здесь зря и офицерства, которое сидело на табуретах центральных управлений и учреждений. Переизбыток ненужных людей, так необходимых фронту, был и в других городах Сибири. Против этого военное министерство мер не принимало, и почти каждый, кто хотел укрыться от военной службы, делал это беспрепятственно.

\* \* \*

В ноябре, когда организационная работа только что началась, я прибыл во Владивосток, чтобы начать подготовку и провести формирования там, на Дальнем Востоке России.

Местом для этого был избран Русский Остров. Лежит он в океане, верстах в 15—20 от города, имея сообщение с ним только пароходами; на Острове еще до войны были построены казармы более чем на дивизию. При создании во Владивостоке крепости, после 1905 года, на Острове были возведены форты и батареи, прекрасные, построенные по последнему слову техники укрепления; сам остров, благодаря своему выдвинутому положению, гористому характеру и большому количеству закрытых, глубоких бухт, представляет большие стратегические преимущества. До революции доступ на Остров был обставлен очень большими трудностями, без пропуска коменданта Владивостокской крепости никто не мог попасть туда; въезд иностранцам был воспрещен вовсе. Когда после революции товарищи захватили власть в свои руки и контроль попал в их комитеты, все

переменилось. И это природное сокровище Русской Державы было очень скоро приведено в состояние печального разрушения и упадка. Все огромные здания казарм стояли ограбленные, без окон, печей и дверей, грязь была невообразимая, такая грязь, которую можно было видеть только после революции. На Остров ехал и жил на нем всякий, кто хотел; там образовались даже притоны преступников. Приходилось заниматься исправлением всего разрушения, наладить снова порядок и охрану Русского Острова.

При ремонте и очистке зданий мне много помогли британские офицеры. С присущей им энергией и размахом более двух месяцев работали без устали над приведением казарм в жилой вид три энергичных канадских офицера. Должен по правде сказать, что со стороны английского офицерства русские видели много доброго, много искренних дружеских чувств и откровенного благодарного признания великих заслуг России в мировой войне. Большинство из них вполне оправдывало название джентльмена; они доказали, что русские могут иметь дело с отдельными представителями их нации. И тем обиднее для обеих сторон, и тем невыгоднее — та двойственная политика, которую вел все время их словесный диктатор, Ллойд Джордж, этот, как его называли в Сибири, Керенский крупного масштаба. Эта двойственная политика, полная какого-то скрытого смысла, в числе других причин привела в конце концов к гибели на востоке Русское дело, а вместе с ним и многомиллионные военные грузы, которые Англия привезла в Сибирь. Эта же двойственность совершенно затемнила те услуги и ту работу, которые бескорыстно и рыцарски несли здесь многие британские офицеры.

Мне удалось собрать для подготовки 500 офицеров и около 800 солдат. Курс был составлен самый простой, почти применительно к учебной команде и школе подпрапорщиков мирного времени. Главной целью было — упорным трудом и регулярной казарменной жизнью очистить революционный товарищеский налет, показать на самом деле все преимущества крепкой воинской дисциплины и порядка.

Кроме того, нужно было считаться, что времени было до крайности мало. Основные обязанности младшего офицера, в сущности, не сложны; они требуют только очень отчетливого знания всего, что должен знать солдат; младший офицер обязан уметь быстро решить всякую задачу в поле, быть мастером этого дела, чтобы не растеряться и не промедлить. Вот такого-то мастера в пределах взвода и роты, отчетливого инструктора для подготовки молодых солдат и надо было сделать в два-три месяца. Были попытки провести это дело подготовки на Русском Острове и раньше, осенью того же года, но они окон-

чились неудачей. Мой приезд с целью начать то же дело встретил поэтому недоверчивость и даже скрытые улыбки преждевременного сожаления.

Стали прибывать партии офицеров. Редкие из них приезжали в военной форме; большинство в самых разнообразных штатских костюмах, иные почти в лохмотьях, длинноволосые, небритые, с враждебным недоверчивым взглядом исподлобья. Они слушали слова о необходимости работы и дисциплины, хмуро и недовольно глядя из-под сдвинутых бровей. Бедное русское офицерство! Оно принесло миру и своей Родине жертв больше всех; никто не перенес зато и таких страданий, мук и обид, какие выпали на его долю.

Условия работы были следующие: весь день распределен по расписанию, 8 часов в день занятий, казарменная жизнь строго по уставу внутренней службы. Отпуск в город раз в неделю, в воскресенье. Зато весь возможный комфорт был предоставлен на Острове. С первого дня этот порядок и работа пошли как новая, исправная и точно заведенная машина.

Трудно было вначале. Генерал Степанов, помогавший мне несколько дней и живший во Владивостоке, передал раз предупреждение — кем-то выраженные угрозы убить начальствующих лиц за введение такой строгой дисциплины. Но надо заметить, что самым тяжелым наказанием был выговор старшего начальника в присутствии части после разбора проступка. Арест не применялся вовсе и даже не был введен в инструкцию-устав школы, так как офицер или солдат, не желавший измениться к лучшему после трех случаев выговора, не исправился бы от ареста и подлежал отчислению или даже разжалованию, в зависимости от серьезности проступка.

Первые две недели было тяжело всем. Начинались занятия в 7 часов утра, кончались в 7 часов вечера, чередуя учения в поле с лекциями. Туго вначале прививался и казарменный порядок. Когда я через неделю выехал по делам на день во Владивосток, адъютант докладывает мне по телефону, что один рядовой-офицер первой роты, поручик военного времени В. сделал попытку застрелиться, выстрелил из револьвера себе в правый бок; все офицерство волнуется. Я тотчас вернулся на Остров, собрал роту и разъяснил им всю сущность этого некрасивого проступка, что так офицеры не поступают. Офицеры слушали молча. Но я уже встретил среди массы не одну пару глаз, смотревших на меня не только с пониманием, но и с сочувствием, прямым, открытым взглядом.

Прошел первый месяц. И какая разительная перемена. Из беспорядочной толпы образовалась стройная воинская часть. Занятия шли

полным ходом и уже не утомляли, — все втянулись. Усиленная работа и приобретаемые знания давали каждому уверенность в себе, сознание в исполнении долга. А это вместе со здоровым режимом и прекрасным зимним воздухом Острова наложило на лица отпечаток мужественности и чистоты.

Много раз представители иностранных миссий просили позволения осмотреть эту новую военную школу. И вот они приехали, приглашенные на одно наше торжество: прибитие мраморной доски к домику, где до войны жил на Русском Острове генерал А.Г. Корнилов. После парада был смотр двух рот. Рота капитана Ярцова показала отчетливое ротное учение, то, что у нас называется «на пятачке»; шаг и все приемы, как один, перестроения, как в гвардейской учебной команде. Стояли иностранные офицеры, молча смотрели на спаянную, отчетливую роту, и на их лицах постепенно вырастал удивление, заменившее прежнюю пренебрежительную мину. Когда же после учения рота вытянулась длинной колонной и, сверкая штыками, уходила по морскому берегу, звеня могучей русской песней, все эти представители «пяти великих держав» стояли на своем возвышении из штабеля бревен и постепенно поворачивали головы вслед уходившей роте, не могли оторвать внимательного взгляда.

Что это? Неужели Россия встает из гроба?..

Мы верили, что да, встает, кончатся ее великие, неизреченные испытания... Тактическое учение произвело еще более сильное впечатление. Японский генерал и два офицера до того увлеклись, что сами шли за той или другой частью, то бросались к обходящему взводу, то к пулеметам, отражавшим контратаку. После отбоя они пожимали офицерам руки и говорили:

— Да, да, это вот действительно хорошо.

Один из лучших иностранных офицеров, показавший себя большим другом России, американский адмирал Роджерс прислал мне на следующий день письмо с выражением полного восхищения. «Вид людей всех рот, такой довольный и веселый, доказывает, что они счастливы; а это лучший залог большого успеха, которого вы уже достигли», — писал он.

Генерал Нокс передал школе знамя, подарок возрождающейся Русской армии от Британской армии, — соединенный Русский национальный и Андреевский флаг с образом Георгия Победоносца и с надписью «За веру и спасение Родины». 1 января состоялось его освящение в нашей военной церкви. Из города приехали корреспонденты русских газет, несмотря на то что погода была ужасная — один из тех редких даже здесь тайфунов, когда сносятся его силой крыши, вырываются с

корнем дерева. Идти против ветра можно было только согнувшись под прямым углом.

Церковная торжественная служба, парад в помещении, вид стройных рот, весь внутренний, отчетливый воинский порядок так поразили газетных людей, что даже социалист Семешко, который ко всему приглядывался опасливо и недоверчиво, буравя своими черными маленькими глазами, и тот крестился в церкви украдкой, а потом в газете написал отчет о виденном как о надежде на возрождение Русской армии.

Приходилось делать некоторую чистку. Среди массы офицерства военного времени попали два самозванца, таких искусных, что их обнаружили не так-то скоро; затесался один прапорщик, бывший ранее большевистским комиссаром, человек пять попало не исправимых. Зато остальные через два с половиной месяца были уже совершенно другими. Отличные русские офицеры, полные сознания долга, связанные честным товариществом, *esprit de corps*, и знающие свое дело. Если бы им можно было показать теперь тех, что пришли на Русский Остров, то они сами себя бы не узнали.

Такие же результаты получились и в унтер-офицерских батальонах, где люди постепенно втянулись в работу, утратили навеянное революционными демагогами отчуждение и враждебное чувство к офицеру; теперь отношения были самые нормальные и даже дружеские, чувствовалось, что здесь и офицер, и солдат — сыны одного народа. Показателен такой случай: среди присланных мобилизованных кадровых фельдфебелей и унтер-офицеров попал один большевик, который на второй же день начал пропаганду; сначала устроил вечеринку с балалайкой, а затем завел речь, что опять офицеры хотят на старое повернуть, что-де надо им погоны к плечам гвоздями прибить и т. д. Эффект для большевика получился неожиданный — дежурный по роте из молодых солдат, пробывших в школе около месяца, явился к командиру роты и доложил о пропагандисте-большевике...

Строевая и полевая подготовка унтер-офицеров после трех месяцев не оставляла желать ничего лучшего. План дальнейшей работы состоял в том, чтобы из этих офицеров и солдат, так сжившихся, одинаково обученных, воспитанных в дисциплине, сформировать две стрелковые бригады, а школу оставить для дальнейшего укомплектования частей этого корпуса. Были разработаны все подробности плана. Оставалось только по-готовому отдать приказы и продолжать совершенно налаженное дело. Но главный штаб и министерство перерешили. Почему — мне так и не удалось выяснить. Но посылались самые разнообразные приказания; сначала отправить всех офицеров

и унтер-офицеров в распоряжение главного штаба для назначения; затем — поименные списки для отправления по разным городам, причем военный министр брал себе в ординарцы пять офицеров; наконец, последнее — отправить в три новые дивизии, в Омск, Ново-николаевск и Томск.

Наладив на Русском Острове дело с новым набором офицеров и солдат, я отправился вслед за первым выпуском в Омск, пробыв на Дальнем Востоке с ноября до середины марта.

Много приходилось мне видеть в это время различных сторон знаменитой интервенции; в общих чертах об этом сказано раньше, теперь приведу некоторые факты. У. М. С. А., общество христианской молодежи, или, как их называла вся Сибирь, «христианские мальчики», устраивает спектакль для развлечения русских и интервентов. Представляется русский офицер с огромным жестяным Георгиевским крестом, женщина русская в виде уличной девки, бородатые мужики и бравый иностранный солдат, который спасает женщину. Вся публика, кроме русских, забавлялась и громко хохотала. А русские глотали слезы обиды. На улицах Владивостока иностранные солдаты позволяли себе затрагивать вполне порядочных женщин; было несколько случаев, когда русские женщины должны были обороняться от них зонтиками.

В конце февраля я приехал с Острова на большой благотворительный вечер. При входе в балльный зал стояли три иностранных офицера одной из стран-интервенток, нагружившиеся до того, что тела их покачивались, а глаза смотрели мутно-посоловелым взглядом; лишь только я вошел, как ко мне обратились несколько дам и со слезами на глазах просили защитить их, — эти три рыцаря печального образа затрагивали всех входивших в зал женщин, некоторых хватали руками. Я подошел к ним.

— Джентльмены, я прошу прекратить ваше пребывание здесь и немедленно оставить бал.

Те тупо на меня посмотрели, а один из них вызывающе спросил:

— Какое вы имеете право говорить нам так?

— Вот что, — если вы немедленно не уйдете отсюда, я буду принужден употребить силу, а кроме того, сейчас же протелеграфирую генералам Ноксу и Эмслею.

Не знаю, что больше подействовало, думаю, второе, но интервенты поспешили уйти с бала.

Один подвыпивший итальянский солдат (по фамилии Сартори) убил на Владивостокском вокзале русского офицера, командированного сюда атаманом Дутовым; офицер делал замечание русскому солдату, итальянец вмешался и толкнул офицера, а когда тот вынул револь-

вер, то интервент схватил свою винтовку и сразил есаула К. насмерть. И несмотря на все протесты, остался безнаказанным.

На похороны этой жертвы интервенции я послал две роты и хор музыки. В соборе, на Светланке, у гроба есаула К. стоял почетный иностранный караул: взвод карабинеров и парные часовые, все в киверах. Духовенство посылало к ним с просьбой снять шапки; но те отрицательно мотали головами. Произошла заминка, так как священник отказался начинать отпевание, пока иностранные солдаты не подчинятся религиозному требованию. Как раз при входе в собор я застал эту сцену. Обратился по-французски к офицеру, начальнику караула:

— Наша религия требует, чтобы в церкви все были без шапок. Будьте любезны приказать вашим людям сейчас же снять кивера.

— Но у нас полагается быть в шапках...

— Ради Бога, не забудьте, что Вы здесь не у себя, а у нас.

— Но тогда мы не можем делать приема на караул, по нашему уставу нельзя.

— Да и не надо, — лучше не делать ничего, чем оскорблять религиозное чувство народа. Видите, публика как взволнована. Можете уходить совсем. Для почестей убитому у меня есть своих две роты.

Только тогда караул подчинился и обнажил головы.

Вскоре после прибытия на Остров мне было доложено, что чины одной из иностранных армий ходят по Русскому Острову и производят топографические съемки; с появлением рот школы, караулов и патрулей это прекратилось. Вскоре мне понадобились для занятий и маневров наши военные карты. Запрашиваю штаб крепости. Отвечают: забрала военная часть одной из дружественных стран, занявшая Хабаровск, где был топографический отдел штаба округа.

— Как! Наши секретные карты?

— Да, все забрали.

Обратился к помощи англичан, чтобы вернуть, но так до марта месяца и не вернули. Кому-то они понадобились больше, чем России. Кому?

А вот выдержка из газеты, издающейся в Кобе (Япония), «The Japan Chronicle» от 25 июня 1920 года, из статьи под заглавием: «The alleged sale of maps». «...Цунанори Ойяма, племянник князя Ойяма, был арестован Токийской жандармерией по обвинению в продаже секретных стратегических карт известному иностранцу (to a certain foreigner)... Когда Ойяма вернулся из Сибири, он завязал дружеские отношения с военным атташе посольства известной страны (of a certain country). Этому иностранному офицеру Ойяма продал карты стратегической важности за 40 000 иен...» Цунанори Ойяма был в

1919 году официальным лицом в Сибири при интервенции. Как принято писать, комментарии излишни!

Можно было бы исписать одними случаями, рисующими скрытый характер интервенции, не одну книгу; я привожу эти факты не для того, чтобы задевать кого-либо или настраивать против кого-нибудь, а лишь с целью не быть голословным в сказанном раньше. Возникает вопрос: кому больше повредили все подобные господа — нашей России или своим странам, которые послали их на рыцарскую помощь своему страждущему союзнику?

Из впечатлений обратного пути от Владивостока до Омска — сначала Харбин с той же толпой, еще более густой, шумной и спекулятивной; но порядок и авторитет русской власти заметно окреп за время правления адмирала Колчака. Китайские власти соблюдали все прежние договоры, и русские суверенные права здесь не нарушались. Читу опять проехали ночью. Я пошел спать, а генерал Нокс решил дожидаться, так как на вокзале должен был встретить его с подробным докладом офицер миссии, майор Керквуд. Утром рано прихожу в вагон-столовую пить чай, вижу, там в углу сидит один Керквуд, отличный человек, такой веселый, бодрый и прямодушный, как истый строевой офицер.

— Здравствуйте, майор. Как Вы здесь очутились?

— Хелло, генерал! Да вот, ночью доложил я все генералу Ноксу, а он мне и говорит: собирайте сейчас же ваши вещи, поедете со мною в Омск. Ничего не знаю, почему?

И смеется.

— Что же Вы докладывали? Как положение в Чите?

— Да, прекрасно там; атаман очень хороший человек, и все у него организовано в порядке. Очень стараются.

Вскоре вошел Нокс.

— Вообразите, — сказал он, — Керквуд сделался заядлым семеновцем.

И долго еще этот вопрос дебатировался; майор описывал работу в Забайкалье, борьбу с большевиками, большие заботы атамана Семенова об офицерах, казаках и населении. Я высказывал генералу мои соображения, которые приводил выше, но он так и остался при своем мнении, не только пристрастном, но, видимо, имеющем скрытую цель; мнение это, которое Нокс не раз выражал даже и в печати, что в Чите все плохо, много беззакония и большое японское влияние.

Иркутск. Тихая, вялая работа по формированию, почти без продвижения вперед. Огромный штаб округа представил подробные справки и схемы, но не мог составить плана мобилизации и осуществить его.

Губернатором оставался все тот же Яковлев, и население губернии все больше волновалось; то там, то тут вспыхивали восстания. Вскоре въехали в опасный участок железной дороги. Около станции Тайшет (восточнее Красноярска) шел бой с бандами красных; такие же банды были и к югу от Красноярска.

За четыре месяца все части Сибири объединились, не представляли более отдельных самостоятельных уделов. Инцидент с атаманом Семеновым был улажен, приказ № 61 отменен. Условия для дружной и усиленной работы, казалось, были налицо. Но дело или подвигалось туго, или стояло на месте, а изредка стало идти назад, создавая новые препятствия и затруднения. Причины этого отчасти обрисованы выше; они крылись прежде всего в разрушительной работе социалистов. Их потайная работа начала уже давать первые результаты. Во многих местах в глубоком тылу появились новые внутренние фронты, железнодорожная магистраль и весь транспорт были частично под угрозой от красных банд; приходилось отвлекать войска на борьбу с ними, так как воинские части интервенции, а за ними и чехи понимали задачу охраны железной дороги узко, то есть только самой линии рельс и станций.

На фронте же в это время наша армия начала успешное наступление, готовое обратиться в победу. Вера в успех русского дела была полная; казалось, не за горами час избавления России. Что же нам нужно было для успеха?

\* \* \*

Борьба в этой внутренней, братоубийственной войне велась за идею, священную для каждого русского, — за возрождение Великой России. Для всех было несомненно, что социалисты развалили Русскую армию в 1917 году, как раз в то время, когда она была накануне полной победы над Германией; затем они заключили позорнейший Брест-Литовский мир, унизив русский народ до небывалых размеров. И высыпав, как из бездонной бочки, всевозможные анархические свободы, до оправдания кражи включительно, они начали разрушать страну внутри. Беспощадной и дьявольски искусной рукой было направлено это разрушение, и коснулось оно всего: городов, деревень, железных дорог, школ, судебных установлений, общества, церкви и семьи. Каждый протест душился, каждый несогласный к безусловному подчинению этой новой разрушительной власти бросался в тюрьму или ставился к стенке под расстрел. Были учреждены чрезвычайные следственные комиссии с абсолютной властью, свирепствовали самодуры-комиссары и

Красная армия. Большевики прихлопнули всю прессу, закрыли все газеты и журналы, кроме партийных коммунистических, и реквизировали все типографии.

Россия, уставшая в мировой войне и потерявшая в ней лучших сынов своих, задыхалась, дрожала и тонула в крови и слезах. Ибо, к чести русского народа, не было ни одного дня и часа с самого воцарения большевиков, чтобы вся Русь подчинилась, покорно согнула свою многотрадальную спину. Нет, с осени 1917 года и до сих пор, до осени 1920-го, три года наша Родина бьется и напрягается, чтобы сбросить чуждое ей, ненавистное иго интернационала. Делом управляла, из центра в Москве, кучка пришельцев, нанятых Германией; среди них девять десятых были иудеи, прикрывавшие свои специфические фамилии «блюмов» и «штейнов» псевдонимами. Такие же личности из того же энергичного племени появились в каждом городе и местечке России, никому на местах не известные и также прикрывающиеся и до сих пор поддельными именами на русский лад.

И эти люди, новые властители великого русского народа, ненавидели его самой непримиримой ненавистью, презирали его историю, быт и культуру. Никому не известные на местах, не связанные с ними, они особенно свирепствовали. Поэтому-то разрушение страны шло особенно мучительно, ускоренно и беспощадно. К этим интернационалистам, обрезанным, присоединилось из русского народа все, что было худшего, самые подонки; в комиссары шли и принимались каторжники и уголовные преступники, масса беспринципных неудачников на разных поприщах и люди без чести и совести — из-за личной наживы. Такие же контингенты с надбавкой некоторого процента увлекающихся истеричных фанатиков составили коммунистическую партию, из которой и только из которой составлялись «советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

Для возрождения России было необходимо прежде всего сбросить всех этих вампиров, присосавшихся к власти и выпускающих кровь из русского народа. Это сознавалось всеми слоями его, всеми племенами, и оттого-то так могуче и откликнулась народная масса на призыв вождей и шла сотнями тысяч под русские национальные знамена. Так началась Гражданская война. Но большевики, руководимые этими отличнейшими организаторами своего разрушительного дела — евреями, сумели сдавить русский народ и общество таким прессом, что заставили их служить себе. Ряды Красной армии пополнялись нашими братьями, прежними русскими генералами, офицерами и солдатами.

Не подлежит сомнению, — ибо этот взгляд существовал еще в 1917 году, — что довольно значительная часть офицерства шла слу-

жить коммунистам с твердым намерением свалить их и с верой, что с падением большевиков кончатся революционные испытания Родины и настанет время для плодотворной, творческой национальной работы. Это подтверждалось неоднократно также теми офицерами, которые на Урале и в Сибири переходили от красных к нам, в нашу армию; и это обстоятельство было самой мучительной стороной новой войны. Выходило, что мы должны для победы над захватчиками власти и насильниками-комиссарами истреблять во многих боях своих братьев, кладя немало жизней и на нашей стороне. И Россия была готова к этой жертве, она принесла ее.

Но необходимо было очень многое для того, чтобы великая жертва нашла оправдание. Прежде всего для армии нужны были подготовленные офицеры, жизненная организация ее, правильно продуманные и составленные планы, хорошо организованный тыл и налаженная работа железных дорог. Со всем этим мы могли справиться сами; мы должны были это сделать, и с большой частью этого мы справились. Затем для армии необходимы были вооружение, боевые припасы, обмундирование, обувь, снаряжение, техническое и санитарное снабжение; этого добыть или изготовить сами мы были не в состоянии; нам все это обещали дать союзники.

Для обеспечения военного успеха и закрепления порядка в стране было крайне необходимо в успокоенных и очищенных от большевиков местностях сейчас же наладить жизнь, и наладить ее так, чтобы население этих местностей почувствовало уверенность в прочном порядке, получило бы возможность и охоту заниматься своим обычным продуктивным трудом. Следовало опереться в этом на само население, призвать к деятельности его лучшие и средние элементы, дать им самим организацию волостной и уездной власти и управления. Надо было разрешить, не задаваясь всероссийским масштабом, земельный и рабочий вопросы так, чтобы они удовлетворяли местные насущные интересы, так волновавшие народ этих областей. Это должно было сделать новое правительство.

Кроме того, для этой же цели было крайне важно дать населению возможность приобретать необходимые для жизни и труда предметы: одежду, обувь, машины и аптечные товары. Помощь в этом обещали союзники. Хлеб, мясо, масло, рыбу, фураж и всякое сырье Сибирь давала не только для своей армии и населения, но могла еще вывозить. Вот те нужды и те условия, удовлетворение которых обеспечивало бы успех делу народной освободительной войны. И армия, и вожди ее не мыслили этой войны за какой-либо отдельный класс, за чьи-либо интересы, кроме общенародных, всей



Русской земли. Необходимо было это еще более ясно показать всем, а особенно противной стороне, Красной армии; надо было сказать вполне искренно и проводить в жизнь, что никакая мстительность, мелкая злоба и расчет за старое не будут допущены при новом строительстве нашей общей Родины; что наша цель одна — вырвать власть из рук большевистских комиссаров и передать ее народу. При работе же по восстановлению России каждому русскому место найдется.

Полный неуспех дела, крах его и в Сибири, и на Юге России, и у Юденича, и в Архангельске как будто говорит, что все делалось не так, как нужно. Верно, многое, как будет видно дальше, было упущено; но главные причины лежали не в том.

Надо отдать справедливость: то, что нам было необходимо и чего мы не могли изготовить сами, нам давали союзники почти в полной мере. Но как? Они привозили все это во Владивосток и складывали в обширные пакгаузы. Затем начиналась выдача не только под контролем, но и при самом тягостном давлении на вопросы во всех отраслях. Одним иностранцам не нравилось, что нет достаточной близости с эсерами, другие считали курс внутренней политики недостаточно либеральным, третьи говорили о необходимости таких-то именно формирований, наконец, доходили даже до вмешательства в оперативную часть, указывая и настаивая на выборе операционного направления. Все это подкреплялось аргументом: у нас запасы всего вам необходимого, мы вам даем, а ведь можем и не дать...

Под таким именно давлением было выбрано направление для главного удара на Пермь—Вятку—Котлас, чтобы соединиться с силами, действовавшими из Архангельска. На главное же направление, жизненно важное для нас, на Среднее Поволжье, были направлены гораздо меньшие силы. А это направление давало нам обладание богатейшим краем, способным прокормить и отопить всю Россию; это же направление соединяло Сибирскую армию с силами Юга России. У русских людей, которые своей кровью и новыми жертвами хотели спасти Родину и возродить ее, появилось семь нянек, не русских, добрых и родных, а семь иностранных гувернанток; каждая из них считала себя самой умной и способной помочь «этим русским». В результате мы оказались не только без глаза, но и без рук, и без ног.

Еще одно обстоятельство невольно обращало на себя внимание: как только обнаружился в армии и в народных массах чистый национализм, тоска по Великой России былого, — опека усилилась и давления сделались резче. И даже проявились открытые выступления

представителей интервенции, очевидно считавших национальное возрождение России вредным для себя, недопустимым. А национальное чувство росло в массах народных и крепло вместе с первыми успехами нашей армии.

\* \* \*

Повторилась одна из комбинаций, встречающихся почти в каждой войне, когда обе стороны усиленно готовятся к активным действиям, к переходу в наступление после затишья и временного перерыва, но одна успевает произвести удар раньше. Повторилось то же, что было в 1906 году при начале Мукденского сражения, когда японцы предупредили всего на несколько дней наступление Куропаткина; или в весенней кампании 1915 года в Галиции, когда Макензен сумел подготовиться и произвести прорыв нашего фронта на Карпатах, опередив расчет и план действий нашего командования. И всегда сторона, вырывавшая инициативу, сумевшая лучше использовать время, бывала победительницей.

Весной 1919 года Красная армия готовилась перейти в наступление, но мы предупредили ее и начали активные действия раньше, первыми. Западная армия по приказу генерала Ханжина двинулась вперед, рванула фронт красных раз, оттеснила их немного, затем рванула в другой раз. Большевики напрягали все силы, чтобы спасти положение и отбить атаки нашей армии; они искусно направили свой контрудар, чтобы выйти нам в тыл и перехватить единственную здесь железную дорогу. Но и на этот раз наши предупредили противника. Блестящим смелым маневром, сделав в несколько дней свыше 300 верст по глубоким снегам, вышла 4-я Уфимская дивизия генерала Космина<sup>71</sup> в тыл красным, перерезала у станции Чишмы их коммуникационную железную дорогу и этим сразу облегчила натиск наших с фронта. 13 марта, благодаря занятию генералом Косминым станции Чишма, пала и Уфа.

Для красных этот марш-маневр 4-й Уфимской дивизии был так неожидан, что они не могли подготовить никаких мер противодействия и не успели эвакуировать Уфу. Нам достались там большие запасы и богатые склады, захвачены были тысячи пленных и много оружия. Наши войска 3-го и 6-го корпусов спешили к Уфе почти наперегонки и вошли туда одновременно, заняв город и захватив большую военную добычу. Поезд, привезший из Москвы самого Лейбу Троцкого-Бронштейна, еле успел ускользнуть на запад и чуть не был захвачен генералом Косминым.

Настроение наших войск приподнялось сразу. И несмотря на весеннюю раннюю распутицу, Западная армия начала дальнейшее наступление и преследование красных. Быстро развивался план. События и успехи следовали одни за другими с быстротой Галицийской осенней кампании. 6 апреля взят Стерлитамак, разбита еще одна советская дивизия; 7 апреля захвачен нашими город Белибей. К этому времени началось наступление уже по всему фронту; 8 апреля был достигнут крупный успех и в Сибирской армии — выбили красных из Воткинского завода.

Перешла успешно в наступление и Оренбургская армия генерала Дутова. Это весеннее наступление белых армий 1919 года было подобно могучей русской тройке, которая не знает ни усталости, ни препятствий; мчится вперед как птица, проносится как ураган, все сметающая на своем пути, гордая, прекрасная и грозная. В корню шла Западная армия, пристяжками были Оренбургская и Сибирская.

Красные полчища почти бежали, делая на подводах в иные дни по 70 верст. Догнать их, окружить и разбить было нельзя. Но несмотря на это, масса трофеев — десятками пушки, сотни пулеметов, винтовки, снаряды и патроны — попадали в руки наших войск. И белые полки буквально рвались вперед. Высшее командование сначала думало приостановить Западную армию на реке Ик, чтобы дать разобрататься, пополниться, передохнуть. Но порыв бросил вперед, дальше. Решили, что передышку устроят на Волге.

11 апреля была обойдена и занята Бутульма; в этот же день на севере сибиряки захватили Сарапуль, а на юге был взят Орск. 13 апреля белые освободили исторический Ижевск с его знаменитым заводом. Красные начали приходить в панику. Они рассказывали жителям бросаемых деревень разные небылицы про нашу армию. Забавно передавали нам крестьяне своим простым, безыскусным языком эти рассказы:

— Вишь ты, говорят, рази возможно с ими справиться али остановить их. Наше начальство только выберет позицию, чтобы окопаться и бой дать, а «Колчаки» тут уже, прямо точно из земли вылезли али на крыльях прилетели. Не успели мы и лопат достать...

— У них, парень, у «Колчаков-то», у каждого на ногах по два американских лыж на колесиках, вроде как на автомобилях, а к лыжам механический пулемет у каждого приделан. Как нам тут обороняться против них. Никак невозможно...

Сильно была распространена в народе версия, что Белая армия идет со священниками в полном облачении, с хоругвями и поют «Христос Воскресе». Эта легенда распространилась в глубь России;

спустя два месяца еще нам рассказывали пробиравшиеся через красный фронт на нашу сторону из Заволжья: народ там радостно крестился, вздыхал и просветленным взором смотрел на восток, откуда в его мечтах шла уже его родная, близкая Русь.

Спустя пять недель, когда я прибыл на фронт, мне передавали свои думы крестьяне при объезде мною наших боевых частей западнее Уфы.

— Вишь ты Ваше Превосходительство, какое дело вышло, незадача. А то ведь народ совсем размялся, — коней мукам, думали. Слышим, с Белой армией сам Михаил Ляксандрыч идет, снова Царем объявился, всех милует и землю крестьянам дарит. Ну, народ православный и ожил, осмелел, значит, комиссаров даже избивать стали, — рассказывали мне крестьяне. — Все ждали, вот наши придут, потерпеть немного осталось. А на проверку-то вышло не то, — закончили они.

И кучка односельчан, стоявшая кругом и жадно слушавшая рассказ, вздохнула глубоким, как бездонное горе, вздохом.

Но в апреле казалось все еще безоблачным. Успехи армии продолжались. Наступление развивалось, войска шли все дальше и глубже, манила Волга. 17 апреля был взят Бугуруслан, откуда двинулись на Бузулук, чтобы отрезать Туркестанскую армию красных, занимавшую Оренбург. 29 апреля 2-й Уфимский корпус рванулся еще вперед и захватил Сергиевский Завод, всего в 50—70 верстах от Волги. 4 мая Сибирская армия, развивая свое наступление на севере, заняла город Елабугу.

В это время Сибирская армия была более чем в полтора раза сильнее Западной; главная масса сибирских войск была сосредоточена на Глазовском направлении — все на той же несчастной для нас линии Вятка—Котлас. Западная же армия, проделав блистательно быструю операцию, сильно выдохлась; помимо неимоверной усталости, были большие потери, и не так от боев, сколько от форсированных маршей и холодной, мокрой весенней погоды.

Надо еще сказать и то, что ведь эта армия, сделавшая прямо чудеса, была не вполне регулярна, ведь она имела возраст — только четыре месяца организованной службы; понятно, требовать и ожидать от нее настоящей регулярности было нельзя. Вполне в порядке вещей было такое ненормальное явление, что Ижевская дивизия, одна из лучших, потребовала переброски ее на Ижевск, к их дворам. «Мы хотим драться с большевиками, как и дрались, но только желаем защищать свой Ижевск», — так говорили они. А в это время как раз надо было ижевцев во что бы то ни стало перебросить на Бузулук-

кое направление, самое важное для нас в те дни. Но надо понять, что это была ведь Гражданская война, которая велась за освобождение страны, а в понятиях масс — прежде всего за освобождение их очагов, их земли, своих домов, своих близких.

Надо было также видеть своими глазами, чтобы поверить, во что была одета армия, сделавшая пятисотверстный наступательный поход. Большинство в рваных полушубках, иногда надетых прямо чуть ли не на голое тело; на ногах дырявые валенки, которые при весенней распутице и грязи были только лишней обузой, — легче и приятнее идти босиком. Так часть и продельвала. Полное отсутствие белья, непрерывное, без остановок движение, насекомые, некогда помыться в бане. Не было возможности почти все семь дней в неделе готовить и давать горячую пищу — походных кухонь в то время не имелось; питались консервами, хлебом да чем Бог пошлет. Все это вызывало очень большой процент больных. Да можно себе представить и состояние здоровых! Требовалась самая настоятельная необходимость в немедленной присылке с тыла свежих частей, которые докончили бы начатое дело. Только с ними, с новыми частями, можно было рассчитывать форсировать Волгу, чтобы на ней приостановиться и подготовиться к дальнейшей летней кампании.

Как раз в начале весеннего наступления я приехал в Омск и был назначен на должность генерала для поручений при Верховном Правителе для специальной задачи инспектировать все тыловые части и школы подготовки, следить за их боевой готовностью, принимать меры для ускорения ее, имея непосредственный доклад у адмирала.

Передо мною открылась возможность сразу увидеть, что может дать фронту тыл и когда; зная условия там, в передовых частях, понимая все значение для России переживаемых дней и своевременной поддержки действующей армии, я со своими помощниками провел шесть недель в напряженной работе по инспекции частей ближайшего к фронту Омского округа и мобилизационного отдела главного штаба. Выяснившиеся результаты были ужасны: округ был совершенно не в состоянии дать ранее двух месяцев что-либо в действующую армию, даже при условии немедленной присылки новобранцев в имевшиеся кадры. Зима оказалась потерянной. Но что хуже — главный штаб не закончил даже плана мобилизации по уездам, не сделал расчетов перевозки их по железным дорогам. Все это было представлено мне в полуготовом виде. А ведь надо было еще разослать воинским начальникам и местным властям, те должны были сделать свои распоряжения, собрать новобранцев, распределить их на партии и отправить... Эта схема экстерриториального комплектования была

прямо абсурдна: из Барнаула люди ехали в Красноярск, из Красноярска в Омск, из Омска в Томск, из Томска в Нижнеудинск, из Иркутска в Бийск, из Новониколаевска в Иркутск, из Мариинска в Барнаул и т. д. и т. д. Этот бесподобный план подготавливался и проводился не спеша и с сознанием непреложности и правильности работы. На сделанном графике движения всех партий новобранцев была цветная частая сетка перекрещивающихся по всем направлениям линий. Не надо при этом забывать, что мы ведь имели в распоряжении одну магистральную линию железной дороги, и без того загруженную транспортированием грузов с востока. Естествен был первый вопрос:

— Сколько же времени понадобится для перевозки всех партий?

— Это мы еще не высчитали, это должен сделать отдел военных сообщений.

— Так когда же по Вашему плану можно рассчитывать послать части на фронт?

— Нельзя точно сказать. Ставка дала задание подать три дивизии к 1 мая. Но понятно, с этим не справиться. Это ведь не так просто. А потом, обмундирование еще не получено от генерала Нокса...

Вот к чему привела бюрократическая система, укрепившаяся за зиму в военном министерстве Омска. Нечего было и думать о посылке на фронт на смену и поддержку выдохшимся бойцам свежих частей. По принятому главным штабом и незаконченному еще плану можно было рассчитывать, при напряжении работы, послать на фронт три дивизии не раньше августа. И то, если работу начать немедленно, отказавшись от бумажной волокиты.

Волжский корпус генерала Каппеля спешно готовился в Кургане; Ставке пришлось его сорвать с работы и в полуготовом виде, по частям перевозить в Уфу и западнее. Но это был именно срыв и самое плохое использование тех сил и того последнего резерва, который мог при правильном употреблении дать действительно решительные результаты, так нужные России.

Было еще одно средство добиться этих результатов и тем поправить положение. Как уже сказано, Сибирская армия была очень сильна числом, имела к тому же лучшее снабжение, была и одета, и обута и понесла мало потерь за весеннее наступление. Она развивала наступление по главному своему направлению на Вятку—Котлас и по второстепенному — на Казань. Нужно было отказаться от этого плана; первое направление, на севере, прикрыть небольшим отрядом, а всеми силами вести наступление на Волгу, примерно на фронт Казань—Симбирск, ударяя в левый фланг большевиков, сосредоточив-

шихся против Западной армии. Это было возможно сделать, и, если бы это выполнили, хотя и с опозданием, дело было бы выиграно.

Теперь поздно давать хорошие советы, но все эти соображения докладывались в те дни Верховному Правителю и Ставке; они соглашались, но сделать ничего не могли. Генерал Гайда и его штаб не хотели и слушать о перемене операционных направлений; поддержку в этом находили у некоторых влиятельных представителей иностранной интервенции, которым казалось важнее всего бить на север, к Архангельску. Так и не было достигнуто взаимодействие двух армий, даже и тогда, когда на Волжском фронте, в Западной армии, начались неудачи. А они пришли для большинства неожиданно.

\* \* \*

Небо казалось чистым, безоблачным, горизонт ясным, заветная цель близкой. Омск в эти дни, совпавшие с ранней мягкой весной, жил спокойной, уверенной радостью. Была как раз Святая неделя, в теплом воздухе трепетали и плыли звуки пасхального перезвона, на улицах весело гудела праздничная толпа. У всех счастливые, улыбающиеся лица, громкий говор, причем, как всегда в нашей милой стороне, преувеличение сверх предела. Известия об успехах армии подхватывались в Ставке, передавались через знакомых, летели в массы, все вырастая, претворяясь в желанную легенду. Говорили уже о том, что наша кавалерия перешла Волгу, Дутов занял Оренбург, что за Волгой всюду восстания крестьян.

Верховный Правитель объехал перед тем почти все освобожденные от большевиков местности; когда он был в Перми, там его встречали все слои населения, как народного вождя, выдвинутого самим Богом для спасения Родины. В особняке его на берегу Иртыша в приемной стояла горка, обитая синим сукном, уставленная вся в несколько ярусов блюдами и адресами от Перми; на всех вырезаны слова благодарности и готовности на новые жертвы. Здесь были и от русских женщин, и от духовенства, от крестьян, от рабочих пермских заводов, от городского самоуправления и даже от земской управы созыва 1917 года. Так же встречали его и другие города. Рабочие знаменитого Златоустовского завода поднесли ему ценную булатную шашку с трогательной надписью, как национальному герою. И в селах при его приезде всюду выходили крестьяне, служили молебны и подносили от чистого сердца скромную хлеб-соль.

Армия, те части ее, которые адмирал объехал, показала ему, что сам народ идет в ее рядах на великое дело, а порыв войск укрепил

надежду и уверенность в успехе. Но поредевшие ряды, убогое снабжение и отсутствие обуви заставляли задуматься и искать быстрых способов заполнить недостатки.

— Подумайте только, — говорил Верховный Правитель, — как они одеты. Нет, — он повышал голос, — как они раздеты, эти герои! И ничего, ни слова ропота. В шестом корпусе мне был выставлен почетный караул босиком, без сапог.

Но центральные учреждения и тыл казались забронированными непонимающими людьми, о которых сказано: они имели глаза и не видели, имели уши и не слышали. Ведь если бы собрать в тылу белье, одежду и сапоги у тех мужчин, которые сидели там и не желали воевать сами, ожидая от армии новых подвигов и жертв, если бы не раздеть их, эти десятки тысяч людей, сидевших дома, а хоть бы собрать у них лишнее, но собрать действительно и настойчиво, — то сколько бы офицеров и солдат было спасено этим. Но глух был тыл, и сказалась полная отчужденность его от фронта.

Успехи армии, ее победное шествие вперед, большие площади новых губерний, освобожденные ею, — все это, наоборот, усилило еще более то ошибочное направление, которое было взято с самых первых дней. Занялись созданием даже нового учреждения — Всероссийского Сената. Министерства росли и распухали еще больше, укрепляясь в своем якобы всероссийском размере и значении. Этому немало способствовало и то, что все русские антибольшевистские вожди и правительства признали адмирала Колчака как Верховного Правителя России, а его правительство как центр. Помню, какое сильное впечатление произвела телеграмма генерала Деникина о подчинении его и Добровольческой армии адмиралу Колчаку: «Какой патриотический поступок, какая высота. Действительно, видно, русские люди объединились, чтобы спасти Родину; нет места для личных честолюбий».

В эти дни торжества Русской идеи и победного шествия нашей армии изменилось и отношение союзников-интервентов. Они стали гораздо мягче, исчез нетерпеливый и ворчливый тон. Усилилась их деятельность теперь по разным министерствам, главным образом в иностранном министерстве с его «министром» Сукиным; все вертелось главным образом опять-таки у того же вопроса об официальном признании Антантой Омского правительства как всероссийского. Это был один из самых острых моментов его. Вот-вот признают, не сегодня-завтра, уверяли все иностранцы, а один, наиболее влиятельный, вел кампанию и убеждал Верховного Правителя в необходимости для признания выпустить новую декларацию, «совсем либеральную и де-

мократическую», чтобы успокоить Антанту. Злой дух керенщины, этой первой ступени интернационала, ожил и через явных и тайных агентов своих вносил снова разрушение среди русских людей в их национальное дело. Никаких деклараций, понятно, не надо было никому; лишь одно дело могло дать все. Если бы армии наши освободили Русь, если бы правительство, которому весь народ оказывал такую могучую поддержку, установило бы в стране порядок и занялось бы творческой работой, — кто мог бы не признать его? Кто?

Армии же были в эти дни в зените своих успехов и славы. Еще усилие, и Русское дело выиграно. Но для этого усилия нужно было направить на изменение плана Сибирской армии, на перемену ее направления на юго-запад для комбинированного удара с Западной армией. Гайда со своим начальником штаба генералом Богословским<sup>72</sup> приехали в эти дни в Омск с докладом. Мастерски сделанные схемы наглядно показывали, какую силу представляет из себя теперешний состав Сибирской армии, ее организацию, группировку и намеченное увеличение. Гайда горячо отстаивал свою идею движения на Вятку, доказывая, что, взяв ее и Казань, будет очень легко дойти до Москвы.

После доклада Верховный Правитель оставил всех нас обедать; разговор за обедом не касался этого вопроса и шел на самые обычные темы. Но затем, уже вечером, в кабинете адмирала остались он, Гайда с начальником штаба Богословским, генерал Д.А. Лебедев и я. Снова мы стали доказывать необходимость приложить все силы, чтобы развить наступление на Поволжье и соединиться с Добровольческой армией; иначе вставала угроза, что Западная армия не выдержит. Вставал призрак катастрофы.

Здесь впервые прозвучали те ноты, которые вскоре мне пришлось слышать в Екатеринбурге. Гайда стал очень искусно затушевывать и преуменьшать сделанное Западной армией, восхваляя ловко в то же время общий стратегический план, вспоминая и рассказывая операции и эпизоды из своей армии, набрасывая широкие перспективы занятия им Казани, Вятки, соединения с Архангельском, легкой подаче оттуда английского снабжения и товаров. Нарисовал положение Москвы, которая легко и скоро будет занята тогда Гайдой. Все это он пропитывал струйкой тонкой, умелой лести, вплетая уверения о своей беспредельной преданности Верховному Правителю, и делал это так искусно, что только постороннее внимание могло заметить неискренность и затаенную мысль.

Разговор делался все интимнее и ближе. Часовая стрелка подходила ко времени отхода поезда Гайды. Перед самым отъездом адми-

рал Колчак обнял его, расцеловал и, обращаясь к остальным, сказал слова, совершенно неожиданные и глубоко нас поразившие:

— Вот что, слушайте, — он обратился, называя Д.А. Лебедева и меня, — я верю в Гайду и в то, что он многое может сделать. Если меня не будет, если бы я умер, то пусть Гайда заменит меня.

Было больно слышать и видеть, как после этого Гайда, этот очень хитрый и очень волевой человек, склонился к плечу адмирала, чтобы скрыть выражение своего лица, — торжествующая улыбка змеилась на его тонких губах; тихим, неслышным нам шепотом что-то нашептывал он в самое ухо Верховному Правителю. Вскоре Гайда уехал; вопрос о координации действий Западной и Сибирской армий остался нерешенным.

\* \* \*

Мне пришлось до середины мая, производя инспекции войсковых частей, объехать города Томск, Новониколаевск, Барнаул, Бийск и Екатеринбург. В Омске я бывал в промежутках между этими поездками, работая там по проверке деятельности мобилизационного отдела главного штаба и частей Омского гарнизона.

Одно из коренных заблуждений наших заключается в том, что дело можно делать сидя у себя в кабинете и управляя с помощью бумаг и телеграфа. И в обычное-то время, при прочном и стройном государственном аппарате, этот способ дает плохие результаты, а в наши дни послереволюционного развала результатов не получается никаких. Так было и здесь во всех ведомствах; писались выложенные доклады-проекты, по ним составлялись бумажные распоряжения и рассылались по почте и телеграфу; после этого составлялся новый доклад о проведенных мерах, и дело считалось сделанным. Центральные и подчиненные им окружные или губернские органы успокаивались на сознании исполненного долга, проводя затем таким же способом вереницу других вопросов.

На местах же обыкновенно происходило дело так: местные агенты военной и гражданской власти получали эти распоряжения, и каждый поступал сообразно с его разумением и свойствами. Иногда бумажное распоряжение клалось в стол безо всякого применения, у других были попытки провести его в жизнь, третьи, возмущенные неприменимостью распоряжения из центра к местным условиям, заводили спор и переписку; в большинстве случаев эти распоряжения, казавшиеся издали так законченными и полезными, не оказывали никакого действия, будучи безжизненными. Последствия такой

системы были те, что центр успокаивался на самообмане исполненного дела, местные же органы привыкали к мысли, что центр неспособен и не желает вести настоящей, согласованной, руководящей системы. Все сводилось к бумажному управлению и бумажным отчетам. Это и есть то, что называется бюрократической системой; в этом самообмане и успокоении и заключаются ее вредные стороны.

Жизнь же всякой страны требует для успеха другого рода деятельности, жизненного и живого, то есть такого, который был бы основан на знании местных условий, соответствовал силам и проводился бы всеми частями государственного аппарата, от центральных органов до последней периферии, быстро, стройно и целю. Для этого нужно: 1) изучение местных условий через местных агентов и через агентов центра, разъезжающих по местам; 2) на основании общей идеи и местных условий должны отдаваться из центра директивы, направляющие работу, вводящие ее в определенный план; 3) постоянное руководство работой на местах центральными органами через своих агентов и постоянный контроль. Для этого должна быть деятельность канцелярий сведена до минимума с очень небольшим личным составом, а деятельность чисто активную, разъезды и работу на местах необходимо развить, особенно вначале, до высшего напряжения. На это не приходится жалеть ни людей, ни средств. Но эти разъезжающие и руководящие на местах агенты не должны, понятно, являться только грозными контролерами с Олимпа, а настоящими руководителями и помощниками в работе местных органов, обладая для того достаточной подготовкой и большими полномочиями центральной власти.

Эти выводы нашли ясное и полное подтверждение во время моих объездов по инспекции войсковых частей. Картина была во всех городах почти одна и та же. Русские люди хотели работать, начинали дело, но вскоре натывались на препятствия, неясности, несогласованность; возникали трения, из-за пустяков дело тормозилось. Писалось в центр, но оттуда разъяснения и руководство или сильно запаздывали, или же получались совершенно неправильные, еще более затрудняющие дело.

Оказалось, что работа по формированию частей для посылки на фронт заглохла и была почти без движения; такая же участь постигла и школы подготовки младшего командного состава. Офицеры, бившиеся над попытками начать дело и вести его, не хитрое, простое, привычное им дело, получали вместо руководства ряд бумажных распоряжений, иногда противоречащих одно другому, не могли даже начать его; или же начинали, натывались на затруднения, не мог-

ли их разрешить, бились над этим, и долго бились, но безуспешно. Дело не шло.

Всюду меня встречали сначала прежней, традиционной встречей, как ревизора из центра, которому надо показать все благополучие, втереть очки; который будет греметь, пыжиться, разнесет для порядка и уедет, после чего можно будет снова погрузиться в прежнее инертное состояние.

Но моя формула работы по инспекции была иная:

— Посмотрим вместе, что и как сделано у Вас, затем Ваш план, совместно сравним его с планом, составленным в главном штабе и в округе, выясним все местные условия и затруднения. И затем давайте сразу и начнем работу. Я имею полномочия помочь Вам и устранить все затруднения. Пробуду столько, сколько Вам нужно, чтобы дело пошло.

Без всяких парадов, без специально назначенных часов собирались мы, местные работники и я со своими помощниками, с раннего утра, в часы, назначенные их постоянным расписанием дня. И вместе начинали работать. Через несколько дней дело выяснялось, все препятствия совместными усилиями были устранены. И получался от этой работы сразу ощутительный результат, который вместе с простым и ясным планом был лучшей гарантией успеха. Через несколько дней, уезжая, мы расставались как люди, связанные общими интересами и общим делом, расставались в большинстве случаев друзьями.

Когда я выехал в первый раз и прибыл в Томск, в пути была получена телеграмма из Ставки, что Верховный Правитель приказал принять все меры к возможно большему привлечению офицеров из тыла на фронт, так как действующие части испытывают острый недостаток в младшем командном составе. Безо всякого ущерба для местного дела мне удалось отправить на фронт в три дня из Томска 200 офицеров, из Новониколаевска 170. Делалось это так: собирал начальников частей со списками личного состава, проверял их, а также деятельность части, устанавливал, сколько офицеров необходимо оставить, а остальным — три дня на сборы и специальным эшелоном в действующую армию.

При этом выяснялись попутно прямо невероятные вещи. В Томске числилось свыше 100 отдельных частей, и из них только около 10 были чисто строевые, необходимые для фронта. Среди остальных же были некоторые, еще образованные Комучем в Казани и Самаре, эвакуированные отряды; существовал химический батальон, имевший 40 офицеров и 10 солдат, инженерный учебный полк с еще более невероятной пропорцией и др.

— Как давно Ваша часть существует? — спросил я командира инженерного полка.

— С августа 1918 года.

— Ваши задачи?

— Подготавливать для армии младший командный состав и чинить инженерное имущество. Мы имеем много мастерских...

— Много мастерских?.. А сколько Вы отправили в армию подготовленных офицеров и солдат?

— Пока ни одного.

— Сколько доставили инженерного имущества?

— Тоже пока ничего. Нам никто не присылал для исправления...

Химический батальон имел какие-то вывезенные с Волги баллоны и собирался вырабатывать ядовитые газы. Это в нашей-то России, в Гражданской войне...

Были и еще части, абсолютно не имевшие никакого значения или даже вредные тем, что, ничего не давая делу обороны, они поглощали большое количество денег и отвлекали много людей. Не скажу, чтобы эти люди, уже месяцами привыкшие ничего не делать, легко сдавались и охотно ехали на фронт, наоборот, они приводили всевозможные аргументы, жалобы, посылали телеграммы в главный штаб. Но все же через три дня эшелон с офицерами отправился в действующую армию.

В Томске, этом большом университетском городе, поражало и бросалось в глаза чрезвычайно большое число молодых и здоровых штатских людей, слонявшихся здесь без дела, в то время, когда на фронте был дорог каждый человек, армия испытывала острый недостаток в младших офицерах. А здесь как раз было много подходящего материала, учащейся молодежи. Их можно было завербовать всех без вреда, так как наступали летние вакации да, кроме того, все здания учебных заведений были реквизированы, как необходимые под постой наших и чешских войск. И ведь так ясно, казалось бы, что все усилия должны были быть направлены на то, чтобы возможно быстрее окончить Гражданскую войну, выместить из России сор интернационала, а тогда уже налаживать и учение.

В Томске же я впервые увидел наглядно безграничную наглость чехословацких руководителей, поощряемых некоторыми из интервентов. Сюда пришла на постой 2-я Чешская дивизия; остальные дивизии распределены были по квартирам в городах по линии железной дороги между Омском и Владивостоком. А месяца полтора перед тем по всей Сибири разъезжала междусоюзная квартирная комиссия в составе по одному представителю от англичан, французов, итальян-

цев, румын, чехов и американцев; был прикомандирован к комиссии и один русский офицер. Эта комиссия в нашей стране распоряжалась по-своему, все лучшие помещения отводили для иностранных войск, состоявших главным образом из наших бывших военнопленных; притом русские интересы в расчет совсем не принимались.

Нам были необходимы тогда же казармы для вновь формируемого в Томске егерского батальона и для военно-училищных курсов, подготовлявших в действующую армию портупей-юнкеров. Подходящие здания были выбраны и отведены. Но оказалось, что они были раньше предназначены междусоюзной комиссией для чехов. Я приказал тогда, на основании имевшихся у меня полномочий высшего русского командования, отвести чехам другие казармы, а эти, так необходимые для нас самих, занимать. Объяснил это при личном свидании начальнику 2-й Чехословацкой дивизии; причем затруднений не было, так как чехословаки еще не выгружались из своих вагонов. Надо сказать, что они вообще не желали расставаться с вагонами, полными всякого скарба и имущества, приобретенного ими за время пути их от Волги до Сибири, и целыми месяцами держали десятки тысяч вагонов. Чех полковник на словах согласился, но, только я уехал из Томска, вслед телеграмма, что чехи силой хотят занять епархиальное училище, назначенное для военно-училищных курсов. Понятно, на силу ответить силой мы в то время не могли, хотя такое движение имело бы успех и было бы встречено населением восторженно, — в массах русских солдат и среди населения накопилось много озлобления против наглых «освободителей»; когда еще в марте я был в Иркутске с Ноксом, во многих местах города мы видели надписи на стенах, сделанные полуграмотной рукой простого человека: «Бей жида и чеха. Спасай Россию. Чехи убирайтесь домой в...» и т. д.

Попытались действовать через чешского главнокомандующего, французского генерала Жанена. И вот потянулась история на целые полтора месяца. Французский генерал на словах соглашался с нами, обещал, издали грозил даже чехам, а на деле выходило другое: он писал им, что «их справедливые желания столкнулись с желаниями русских, и он, Жанен, просит чехов уступить». Те отказывали; тогда Жанен писал нам, что не может ничего сделать, надо нам уступить чехам. Только когда Верховный Правитель вышел из терпения и заявил, что вред, приносимый армии проволочкой времени, заставит его пойти на крайние меры, до применения силы оружия включительно, чехи и их французские руководители пошли сразу на уступки. Видно, нужно было говорить с ними с самого начала другим языком...



Иначе как наглым отношением массы чехословацких войск назвать было нельзя. Представьте себе целые толпы этих людей с славянским говором, одетых в новенькие и щеголевато сшитые русские шинели и мундиры, в новых наших же сапогах и фуражках, без погон, но с русским оружием, почти все с длинными всклокоченными волосами-космами; они бродили целыми стаями по улицам всех сибирских городов, толпились на станциях, ничего не делая и не желая делать. Когда возникал вопрос о несении ими караульной службы в гарнизонах, они отвечали: это не их дело, пусть несут русские или кто хочет. Они захватывали большие склады продовольствия и фуража, питаясь лучше любой русской части. Они сидели, здоровые и сытые тунеядцы, за спиной многострадального русского фронта, где офицеры и солдаты были в рубище, терпели во всем недостаток. И в то же время взглядами, жестами и всем внешним видом большинство чехов выражало какое-то непонятное презрение и нескрывтую радость нашему горю и неудачам. Они были в большом почете и всячески ублажались нашими левыми, социалистическими элементами, ведшими дружбу и скрытую работу с их командным составом и политическим центром.

Как я уже писал, в Томске мне пришлось увидеть ту бездну, которую готовили русскому делу эсеры. Ко мне шли многие русские люди разных положений и занятий, зная, что я генерал, присланный Верховным Правителем, шли и несли для передачи ему многое, что иначе не доходило и тонulo в многоярусных омских канцеляриях. Шло само русское горе, надеясь на исцеление. Понятно, я не имел права пройти мимо этих сторон жизни, не мог ограничиться только военной инспекцией, так как вся работа эсеров и сродных им организаций была направлена главным образом на то, чтобы мешать и вредить делу организации армии, расшатывать страну и свести на нет наши военные успехи. Это был враг опаснее большевиков, потому что действовал он не в открытую, подготавливал тайный внутренний фронт в тылу. Отсюда и из других городов я привез адмиралу, помимо доклада о воинских частях, обширные фактические материалы, доказывавшие преступную, антирусскую работу социалистов-революционеров и связь их с большевиками.

Верховный Правитель рассмотрел все, выслушал подробный доклад, и впервые я заметил выражение усталости в его глазах.

— Да, да, все это так, — сказал он, — я и раньше многое знал; надо принимать меры. Но приходится действовать очень осторожно. Ведь союзники и до сих пор убеждены, что эсеры выражают мнение народных масс и опираются на них...

\* \* \*

Богатейший Алтайский край с его серьезным, деловитым населением, потомками первых колонизаторов Сибири. Люди отсюда рвались теперь на борьбу против большевиков, отдавали ей все и хотели одного — скорее покончить войну, раздавить гидру интернационала и начать спокойную прежнюю жизнь. Здесь пахнуло на меня старой Россией, близкой и дорогой всем нам и так ненавистной социалистам всех толков. Барнаул, столица края, стоял почти наполовину обгорелый — социалисты, выпустив из тюрьмы в первые же дни революции уголовных преступников, сожгли вместе с ними город, продельвая свой опыт в 1917 году. Но теперь жизнь налаживалась, шла большая работа во всех отраслях. Отличное впечатление произвели своими кадрами батареи и полки, расквартированные там.

— Вот только не дают нам пополнения. Влили бы местных крестьян и алтайцев, ведь это же лучший элемент, и сами просятся, — говорили мне старшие офицеры.

С такими же заявлениями приходили и депутаты от крестьян, горожан и инородцев.

Бийск, другой город Алтая, носил ту же физиономию деловитости, работы и общего страстного желания национального возрождения страны. Ранняя весна развезла глубокие снега, и на улицах грязь стояла по ступицу.

— Наш город славится тем, — безобидно смеялись над собою бийцы, — что он самый грязный город в России. У нас даже открытки есть: целый воз утонул весной на улице.

Зато жизнь стоила здесь гроши и была всем доступна. В ресторане за полный обед брали всего полтора рубля по тогдашнему курсу. Чувствовались между всеми те хорошие, настоящие отношения, когда каждому живется хорошо и все имеют свой достаток, не вырывая куса друг у друга. Даже и выражение лиц у большинства было то, к которому мы привыкли у себя на Родине раньше: спокойное, ласковое и мягкое, без малейшей печати жадности, злобности, торопливости. Лишь изредка попадалось лицо, искривленное злобой, худое и черное, со взглядом, устремленным враждебно на все. Это были партийные работники, разрушители жизни. Эти угловатые фигуры и эти лица с печатью нечеловеческой злобы вы встретите во всех странах Старого и Нового Света. Как Вечные жида, как потомки Каина, разбредлись они, отягченные преступными мыслями, собираясь всюду разнести тот ужас разрушения, тот дым пожаров, моря крови и слез, те руины городов и селений, которыми они покрывали великую Русскую землю.

Около церквей толпился народ; шли великопостные службы, и целыми днями огромные толпы направлялись на исповедь. Здесь было братство и равенство не на словах; сюда шли люди всех состояний и классов, шли рядом и получали одинаковое утешение, надежду и духовную свободу. В часы перерыва, между горячей работой в местных воинских частях, я шел в эту толпу, стараясь ближе подойти к ней, узнать ее подлинные настроения. Всюду была тихая радость от новых, получаемых ежедневно сведений об успехах наших армий на фронте, была спокойная надежда, что приходят к концу дни великих потрясений и испытаний народных. И почти всюду читался в умных светлых крестьянских глазах затаенный вопрос; некоторые спрашивали прямо:

— Что же будет потом? Объясните нам, Ваши Благородия. А то читали мы в газетах объявление начальства, да неясно как-то. Опять, мол, Учредительное собрание будет, а из кого — неизвестно. Неужто опять этих жидов туда напустят. Ведь какой же порядок тогда возможно сделать?!

— А что вы хотели бы?

— Да нам ничего не надо, только чтобы опять все по-старому, похорошему было, как до войны.

Надо понять вам всем, господа иностранные благожелатели России, что наша жизнь была отлична от вашей во всем. То внешнее неустройство и некультурность нашей русской жизни, которые бросались в глаза вам, возмещались гораздо более ценным преимуществом; у нас отсутствовала конкуренция, та, что держит вас всех в своих жестоких тисках, наша жизнь текла неторопливо и спокойно, и постороннему глазу это казалось простой ленью и отсталостью; нигде, кроме России, человеческие отношения не заключали в себе такой мягкости, такого альтруизма и чисто христианского братства; никто не умеет так, как русские, удовлетвориться своим положением; не было у нас в массе зависти, и не было на свете народа лучшего и более доброго, чем русский народ. Мы не закостенели, как многие думали, в своих формах, а мы тихо, спокойно и верно шли вперед, развивали свою собственную культуру, шли своим историческим путем. А наша страна так богата и так не использована, что хватило бы всем нам и нашим потомкам на многие и многие поколения. Где еще можно встретить такие картины: крестьянин-алтаец запрягает телегу, едет на берег реки и топором накалывает каменного угля (из пласта, выходящего прямо на поверхность земли), нагружает телегу, везет к себе домой, и на неделю-две его семья обеспечена топливом.

В нашей стране эксплуатации народа не было и быть при таких условиях не могло. Но вот нахлынули на Русь жадные, озлобленные люди, ничего общего с Россией не имевшие и ненавидевшие ее. Широкий грязным потоком устремился на нашу землю интернационал, которому не было никакого дела ни до нашего народа, ни до его истории, ни до его жизни и культуры. Они жадно раскрыли пасть на наши природные богатства, а чтобы добраться до них, они должны были разрушить русские условия жизни, перешагнуть через миллионы трупов. Дьявольски ловким планом они выполняют вот уже четвертый год это, чтобы затем начать эксплуатировать народные массы беспощадно и систематически с помощью мирового еврейского капитала. Но борьба еще не кончена. И живы почти неиссякаемые силы народные; не дадут они торжества в России интернационалу. В то время, весной 1919 года, казалось и верилось, что не далек уже день освобождения.

При небольших наездах в Омск я видел, как здесь проникало постепенно сознание опасности от скрытой, противогосударственной работы социалистов. Происходила постепенная чистка государственного аппарата, начиная с кабинета министров, где до сих пор еще сидели партийные работники. Но слишком медленный, слишком постепенный был путь, к тому же полный каких-то других скрытых и неясных целей, куда вплетались самые разнообразные влияния международной политики через всевозможных агентов интервенции. И трудно было разобраться, где кончалось противодействие интернационалу и где начинались интриги в пользу его; одни и те же люди, разрушая работу социалистов одной рукой, другой поддерживали их. Переплелись самые запутанные и скрытые влияния, закрутились в клубок в совете министров Омского правительства и тянулись оттуда, незримые, за океан, в Европу и Америку.

Как раз около этого времени началась чистка и реконструкция высшего правительственного аппарата. Мне рассказывал генерал Д.А. Лебедев:

— Застрельщиками являются два министра, два С. С., они образовали такой блок из наиболее энергичных членов правительства. И вот стараются подобрать кабинет, выгнать из него эсеров. Те цепляются за Вологодского.

Но про тех же двух министров шли и усиливались слухи, что они не только сами находятся всецело под иностранным влиянием, но опутывают им и адмирала.

О Вологодском несколько раз слышал я мнение Верховного Правителя:

— Да какой он эсер! Он уже стар и от всех дел отошел, даже и в партии не состоит. Но, понимаете, он здесь необходим, как *vieux drapeau*\*, — было его любимое слово. А это *vieux drapeau* прикрывало собою всех агентов разрушительной работы эсеров по подготовке восстаний по всей Сибири.

Как-то в один вечер приехал в вагон к генералу Лебедеву один из этих министров С. и предложил мне от имени своих товарищей по кабинету, не соглашусь ли я занять пост военного министра, так как они убедились в полной бюрократичности теперешнего и неспособности его руководить живой работой. Подумав, я отклонил предложение, так как был уже связан со своей новой работой, да и считал, что, оставаясь на ней, я сумею принести больше пользы.

Надо было не устраивать смены министров, а добиться изменения в работе главного штаба и всего центрального аппарата, заставив работать всех, и работать не на бумаге. Вот что было необходимо. Так и не сумев главный штаб провести своевременно мобилизацию; а ведь условия были чрезвычайно благоприятны, — население шло очень охотно, с сознанием долга и необходимости; ехали сами, по первому объявлению из городов и сел; толпились с первого дня призыва у канцелярий воинских начальников. Многие приходили и прямо в войсковые части записываться добровольцами. По всему пространству Сибири приходилось слышать такое рассуждение: «Мы бы рады идти воевать, пусть начальство прикажет, все пойдем».

Между прочим, после доклада о массах здоровой и молодой интеллигенции в сибирских городах был проведен приказ о полной ее мобилизации, но допустили опять такие ошибки и недомолвки, что более пятидесяти процентов сумело избежать призыва. Такая же участь постигла и приказ о переосвидетельствовании всех офицеров, признанных прежними комиссиями пригодными лишь к нестроевой службе.

Ведь в эти дни, что Россия переживает теперь, прежние нормальные масштабы неприменимы. Раньше можно и должно было дать льготу раненому офицеру, зачислить его в более легкую категорию. А теперь... Представьте себе, что вы идете с близкой женщиной, с женой, сестрой, дочерью. Накидываются на нее хулиганы и пытаются насиловать ее. Разве вы станете справляться с вашей категорией, вспоминать старые раны и контузии. Нет, никогда! Вы броситесь на хулиганов и из последних сил будете защищать женщину. Теперь в таком же положении наша Родина; грубо, цинично и нагло ее насилует интернационал. Долг каждого сына России идти к ней на помощь,

освободить ее. Нельзя вспоминать старые раны, преступно справляться с категорией. Не время!

Нужно было помочь тем героям, которые в невыразимо тяжелых условиях бились на фронте и изнемогали в борьбе. Необходимо было бросить все силы на помощь русскому фронту, нашим армиям, которые, выйдя почти к самой Волге, выдохлись, дрогнули и не могли выдержать нового удара красных.

\* \* \*

Руководители интернационала, абсолютные владыки Красной армии, напрягали все усилия, чтобы спасти свое положение. Они бросили сотни миллионов золотых рублей и тысячи пропагандистов нам в тыл, пользуясь своими связями с разными сродными им организациями в Сибири. На свой фронт они подвезли свежие части, набрав их среди коммунистов, мобилизовав всю свою партию.

Наше высшее командование также напрягало все силы, чтобы помочь Западной армии. Как мы видели выше, из-за потери времени тыл не мог дать в то время ни одного полка. Поэтому собирались все мало-мальски боеспособные части и отправлялись на фронт. В числе их был послан в 6-й корпус и «курень Тараса Шевченко», составленный из украинцев-сепаратистов, со своим желто-голубым знаменем, с хохлацким наречием, принятым как командный язык; этому формированию, как и другим — латышским, польским и т. д., — сильно покровительствовала и всячески помогала французская миссия во главе с историческим Жаненом.

Курень Шевченко оказался совершенно распропагандированной частью, как и все, бывшие под покровительством иностранцев. Поставили его в первую линию, на Бузулукском направлении, где особенно была необходима поддержка. Но украинцы вместо того произвели гнусное предательство. Через несколько дней после прихода, рано утром, когда все еще спали, курень кинулся по выстрелу к винтовкам, перебил своих офицеров, а затем бросился в соседний 41-й полк горных стрелков Урала и открыл стрельбу. В то же время депутация от украинцев отправилась к большевикам доложить о своем иудинном деле.

С этого и началось. Большевики использовали случай; они сейчас же направили в образовавшийся прорыв свои части, усиливая их и распрстраняясь все глубже. Надо было принять сразу меры против этой опасности. Но сил под рукою не было. Вот тогда-то и начали спешно, по частям, посылать Волжский корпус генерала Каппеля, высаживать еще

\* Старое знамя (фр.). (Примеч. ред.)

лоны и бросать их в бой. Однако прорыва заполнить не удалось, угроза обхода отсюда наших частей во фланг увеличивалась, что и заставило Западную армию отходить на восток по всему фронту.

В то же время Сибирская армия продолжала развитие прежнего плана, наступала по двум направлениям, на Казань и на Вятку. Даже начавшееся отступление и неудача на Волжском фронте не могли поколебать решения и заставить изменить этот неправильный и нежизненный план.

Как раз в эти памятные дни мне довелось быть в Екатеринбурге для инспекции частей Сибирской армии и для устройства там новой военно-инструкторской школы. Когда я прибыл в Екатеринбург и утром заехал в штаб армии, близкие к Гайде люди встретили меня буквально с улыбкой и потирая руки:

— Знаете, а вчера за день Западная армия еще отступила. Наш генерал прав, надо проводить его план.

Все доказательства обратного, все убеждения, что общие интересы, всей России, требуют немедленной помощи Волжскому фронту ударом с севера, в левый фланг красных, что в случае поражения Западной армии будет трещать и операция Сибирской, — все было напрасно. Перед ними стояла твердо их собственная цель, с ее скрытыми сторонами, а Гайда сильной волей и укрепленным авторитетом придавал этому почти непоколебимую устойчивость.

Недели две тому назад Нокс, вернувшись из Екатеринбурга в Омск, рассказывал, прямо захлебываясь, о своих впечатлениях и доказывал необходимость того же плана.

— Гайда так уверен, он прямо по дням рассчитал всю операцию, когда он берет Вятку, соединится с нашими из Архангельска, на другом направлении берет Казань. В первой половине июня Гайда будет в Москве!

А в его штабе в это время шла уже открытая работа эсеров. Некоторые русские офицеры, будучи не в силах остановить разрушительные приготовления, уходили в действующую армию и шли на фронт. У старших чинов штаба опускались руки.

— Помилуйте, — говорили они мне, — нет никаких сил. Докладываем Гайде о преступных прямо действиях, о необходимых решительных мерах. Гайда согласен, отдает приказ, а через десять минут из другой двери через комнату его доверенного чеха Гусарика входит эсер, и все меняется.

Печать Екатеринбурга и Перми, захваченная, как почти всегда, «либералами» и социалистами, вела искусную кампанию. День ото дня все усиливая, пели они дифирамбы Гайде, восхваляли его демо-

кратизм, называли его спасителем России, единственным человеком, способным на это великое дело. И опять Москва выставялась как близкая заветная цель. Гайда должен войти в Москву первым!

Вскоре приехал в Екатеринбург и Верховный Правитель, который в эти тяжелые дни старался личным присутствием помочь на фронте. К приходу его поезда на станции собрались все высшие чины, был построен почетный караул, пешая часть и какие-то конные в фантастической форме, что-то среднее между черкеской и кафтаном полковых певчих. В стороне важно и неприступно прогуливался Гайда, изредка подходя к кому-либо из старших начальников и обмениваясь короткими фразами. Очень интересный и показательный разговор был у меня с ним.

— Что это за часть, генерал? — спросил я, показывая на всадников в коричневых кафтанах, расшитых галунами.

— То мой конвой.

— Что за оригинальная форма у них. Сами придумали?

— Нет, та форма, генерал, истонична.

— ?!

— Ибо всегда в России все великие люди, ваш Император и Николай Николаевич, все имели коуказский конвой. Я думаю, что если войти в Москву, то надо иметь тоже такой конвой.

— Что же, они у Вас с Кавказа набраны, «коуказские» люди?

— Нет, мы берем здесь, только тип чтобы близко подходил к коуказскому.

На носках приблизился ординарец и почтительно доложил Гайде:

— Поезд подходит, брате-генерале.

Так было принято у Гайды, по-чешскому. Чтобы больше на демократа походить.

Подана команда «на краул». Оркестр играет «Коль славен» (этим церковным гимном в то время заменили мощный, музыкальный и самый красивый в мире Русский гимн). Из вагона выходит адмирал Колчак, слегка сгорбленный, с бледным, исхудавшим лицом и остро блестящими глазами от бессонных ночей на фронте. Губы плотно сжаты, опустились углы их, и около леги две глубокие складки тяжелых дум. Рапорт. Обходит ряды почетного караула, смотря, по своей привычке, пристальным взглядом в лицо каждого солдата.

— Спасибо, братцы, за отличный вид!

— Рады стараться, Ваше... ство-о-о!

— Я только что объехал геройские полки Западной армии; им трудно, на них обрушились свежие части коммунистов. Но, Бог даст, одолеем врагов России. Надо только помочь нашим...

— Рады стараться, Ваше... ство-о-о, — гремит в ответ в воздухе. И все лица смотрят радостно и возбужденно.

Затем адмирал с Гайдой и еще несколькими лицами проехали в штаб армии. Здесь генерал Богословский, начальник штаба, сделал оперативный доклад по последним сводкам; положение было такое, что само собою напрашивалось решение. Западная армия несколько отступила, и теперь Сибирская армия имела фронт впереди, сильно выдавалась и как бы нависла с севера на фланг у красных. Ударить отсюда сильно — и полчища большевиков снова побегут к Волге.

Верховный Правитель сдавался на это решение, но снова зазвучал тихий, размеренный и настойчивый голос Гайды, снова пошли уверения, что нельзя нарушать плана, что помощь Западной армии гадательна, а здесь мы наверняка-де возьмем Казань и Вятку. И опять вопрос остался нерешенным.

Затем был смотр ударного корпуса, который формировался в Екатеринбурге и составлял резерв Гайды. Как курьез: в него входил «бесмертный батальон имени генерала Гайды» с коричневыми погонами и шифровкой на них: «Б. Б. И. Г. Г.». У всего корпуса были нашивки на рукавах, черно-красный угол, как в дни керенщины. Медленно и внимательно обходил адмирал Колчак все части, держа все время руку у козырька; остро-пронзительно вглядывался он в каждое лицо, как будто хотел запомнить его, как будто хотел передать свою волю, свою горячую любовь к Родине и желание спасти ее. После обхода части прошли церемониальным маршем. Вид людей был хороший, да и обмундирование вполне сносное; подготовка еще не закончилась вполне, но для развития успеха вместе со старыми частями их можно было послать.

После обеда у Гайды, в его особняке, Верховный Правитель, усталый донельзя и от парада, и от стратегических споров, уехал. Вопрос о Сибирской армии был решен так, что она будет продолжать свой прежний план движения на Вятку — Котлас. Между прочим, Гаида в этот день говорил мне, что может взять город Глазов в любую минуту; действительно, там было сосредоточено силы более половины всей его армии.

— Что же Вы не берете?

— Сейчас еще несвоевременно. Прикажу взять, когда надо будет.

По возвращении адмирала в Омск, он со Ставкой начали принимать ряд отрывистых мер, пытаясь спасти положение. Торопили отправку частей Волжского корпуса. Изыскивали всюду, где можно, и посылали на фронт сапоги и обмундирование. Но в то время мало удалось собрать; дорога из Владивостока могла подавать незначительное количество, не хватало вагонов; да и генерал Нокс, в руках у

которого были все запасы, выдавал их по своему собственному плану, мало иной раз считаясь с действительной нуждой русских армий.

Теперь, когда результаты работ или, правильнее, волокиты главного штаба были так печально выявлены, Верховный Правитель решил идти на крайние меры; была упразднена должность военного министра, а его права переданы начальнику штаба Верховного главнокомандующего. Но это было и поздно, да и, пожалуй, вредно, как всякая ломка в тяжелые дни потрясения.

А события шли неумолимым ходом; остановить его или изменить можно было только героической общей работой. Надо было усилить Русский фронт и систематически, исподволь обезвредить тыл от преступной работы, направленной во вред делу спасения страны. С первой задачей справились, вторая ускользнула из рук и погубила все.

### Подвиг армии

Весна в 1919 году была дружная. Быстро сошли снега, пронеслись вешние воды, сразу выступила яркая, нежная зелень, земля просохла, и наступили теплые дни. Это время самое лучшее для ведения военных операций. Наши полки и батареи вздохнули после тяжелой зимы. И несмотря на все недостатки, на малочисленность частей и на перевес красных, наши войска прилагали все усилия сдерживать их натиск, остановить наступление. Предпринимался ряд контратак и маневров, но новые обстоятельства свели на нет и эти усилия Западной армии. Основной план, принятый теперь, состоял в том, чтобы, отступив центром и втянув за собою красных, обрушиться на них с севера, произвести сильный удар в левый их фланг Уфимским корпусом, усиленным частями генерала Капеля.

Одна из первых частей Волжского корпуса, Бутульминский полк, пополненный зимой значительным числом пленных красноармейцев, в первом же бою был обойден большевиками. Произошло замешательство, растерянность; была сделана попытка пробиться, не удалось, и полк передался на сторону противника. 2-й Уфимский корпус не успел к этому времени сосредоточить своих сил. Операция не удалась. Западная армия продолжала отступление по всему фронту; в то же время большевики проявляли все больше активности, подвозили свежие войска и начали давить на правый фланг Оренбургской, или Южной, армии.

16 мая, когда я собирался выезжать для вторичного осмотра всех частей Омского округа, чтобы ускорить формирование и подготовку

трех дивизий, мне позвонил адъютант Верховного Правителя по телефону и передал, что адмирал приказал немедленно прибыть к нему. Когда я вошел в его кабинет, там находился уже начальник штаба, генерал Д.А. Лебедев. Адмирал Колчак изложил подробно мне о том, что в Западной армии отступление продолжается вследствие беспорядка в управлении и растерянности; что командующий армией генерал Ханжин просил уволить его в отпуск, так как он чувствует себя крайне утомленным. Поэтому адмирал находит необходимыми немедленные перемены в командовании и улучшение управления армией, что он намерен назначить меня сначала начальником штаба Западной армии, а если генерал Ханжин будет настаивать на своем уходе, то и командующим ею.

Я доложил адмиралу, что, как солдат, привык подчиняться приказу, но имею соображения против: 1) я и мои помощники только что втянулись в свою работу по приведению в порядок тыла и уверены, что удастся скоро провести формирования, так необходимые для фронта; что было бы вредно для самого дела бросить сейчас эту работу; 2) что, как я слышал, среди высшего командования Западной армии происходят трения, которые мне сразу будет трудно уладить.

Верховный Правитель настаивал и сказал, что он сам с генералом Лебедевым займется тылом. Хотя и с тяжелым сердцем, я принужден был согласиться; моим ответом была искренняя мысль, которая руководила всей деятельностью, вне которой я не видел успеха:

— Подчиняясь Вашему приказу, я приложу все силы и разумение на работу с Западной армией. Но, Ваше Высочайшее Превосходительство, позвольте высказать мое убеждение, вынесенное из нашей войны с Германией, из борьбы на Дону, из эпопеи на Волге, из больших личных переживаний, — успехи действующей армии ничего не значат, сводятся к нулю, если тыл не устроен. А у нас сейчас в тылу полная разруха; необходимо теперь же наладить там внутренний порядок и заставить всех способных носить оружие идти на фронт. Иначе все жертвы на боевом фронте будут бесполезны и даже вредны. Армия исполнит свой долг; лично я отдам все силы ей, но надо заставить работать тыл. Необходимо также вычистить его от социалистов.

— Все это я обещаю сам сделать, — ответил адмирал и благословил меня на новую боевую службу.

Уже при ознакомлении по материалам, имевшимся в Ставке, с состоянием Западной армии, ее положением, с последними данными о противнике и с ходом операции, стало вырисовываться много ненормального; было ясно, что работа штаба армии оставляла желать многого; приходилось исподволь и там ввести тот же метод

работы, жизненный и живой, без которого немыслим полный успех ни в каком деле.

Пригласив с собою ближайшим помощником полковника Оберюхтина из главного штаба, я через день выехал в Уфу. Тяжело было расставаться с делом, в которое я ушел весь, завязал близкие, дружественные деловые связи со всеми начальниками на местах, узнал местные условия. Было грустно оставлять и работу, и тех хороших русских людей, с которыми вместе мы надеялись удачно закончить организацию и чистку тыла. Мои друзья в Омске провожали меня на новую деятельность, и многие говорили, что напрасно я согласился: уезжая от работы, которую начал налаживать, и еду в армию в то время, когда там ничего уже сделать нельзя.

По пути я сделал несколько небольших остановок, чтобы ознакомиться с ближайшим тылом армии. Первая остановка была в Кургане, где грузились в эшелоны последние части Волжского корпуса и его тыловые учреждения, еще даже не закончившие своего формирования. Части производили хорошее впечатление, чему много содействовал их внешний вид — новенькое английское обмундирование с русскими белыми погонями; люди были хорошо обуты, имели достаточно белья, у всех имелись шинели и исправное оружие. Здесь же мне было доложено, что социалисты, скрытые остатки учредилцев, пытались за последние две недели организовать в Кургане тайные собрания и митинги, но им это не удалось, так как почти весь офицерский состав не пошел с ними, а солдатские массы после опытов этой партии в 1917 году не поддавались уже на их лживые речи, не прельщались их дешевыми лозунгами.

Следующая остановка была в Челябинске, где сосредоточивались все тыловые учреждения Западной армии — склады, мастерские, запасные части, все собственное хозяйство армии. В складах имелись различные материалы, мастерские могли изготавливать и чинить обмундирование, обувь, оружие, продовольственные магазины оказались наполненными различным продовольствием на полтора месяца, причем средства района не были еще полностью использованы. Армию можно было считать обеспеченной; следовало только объединить деятельность тыловых учреждений с армейскими органами, дать все в одни хозяйские руки; следовало также расширить мастерские и наладить своевременный подвоз. А то выяснялось, что интендант в Челябинске не имел связи с армейским интендантом и, работая довольно много, располагая всякими запасами, не знал точно нужд фронта; весь план заготовок строил на соображениях чисто теоретических. Такая же неувязка была в управлениях, инженерном, артиллерийском и санитарном.

Запасные части были полны новобранцами; молодые парни, в возрасте от 20 до 22 лет, являлись отличным материалом для армии, но при большой работе при их подготовке забывались некоторые стороны, необходимые для фронта; так, совершенно не проходили курса стрельбы из-за экономии патронов. Но ведь было гораздо экономнее иметь на фронте солдат, умеющих стрелять, ибо они, придя на фронт, будут выпускать в боях меньше патронов и с большими результатами. Ощущался недостаток в офицерах, причем запасные части не только не собирали их для фронта, а еще претендовали на получение офицеров из действующей армии; не было совершенно школ для повторительного офицерского курса и для подготовки портупей-юнkerов. Все эти задачи требовали разрешения с первых дней моего вступления в новую должность. В течение первого месяца удалось исподволь их наладить, так что с середины июня армейский тыл работал как заведенная машина с исправным механизмом, хорошо прилаженным для нужд фронта.

Промелькнул дивный красавец Урал, с его отвесными скалами, развесистыми соснами и быстрыми горными речками; пересекли у станции Уржумки пограничный столб между Европой и Азией. 20 мая я прибыл в Уфу, в этот чисто русский город, красиво расположенный на высокой горе над могучей, полноводной рекой Белой. За Белой расстилались и уходили к горизонту безграничная равнина, зеленые плодородные степи; манила и сладко волновала сиреневая дымка их далей — там были близкие родные места, там желанная Волга. И только стена интернационала, нагло вторгшегося в Родину нашу, отделяет нас от всего близкого, самого дорогого.

\* \* \*

В тот же день я вступил в должность начальника штаба Западной армии. К этому времени наши части бросили уже Бугульму, оставили Бугуруслан, Белибей и отходили дальше. Два корпуса, 1-й Волжский и 2-й Уфимский, сдерживали на фронте напор красных и прикрывали направление Самара—Уфа, а 3-й Уральский корпус был выведен в резерв на реку Белую севернее города Уфы для отдыха и пополнения. На станции около Уфы выгружались из эшелонов 1-я Сибирская казачья дивизия<sup>73</sup> и Волжская кавалерийская бригада.

23 мая правый фланг Южной (Оренбургской) армии, прикрывавший направление на Стерлитамак, отскочил более чем на 50 верст, оставив этот город и уйдя на восточный берег Белой. Это было полной неожиданностью, так как еще накануне были получены сводки Южной армии о полном успехе в отбитии атак красных и даже о

частичном переходе наших в наступление. Создавшееся теперь положение было в высшей степени тяжелое для Западной армии: наш левый фланг был совершенно на весу; между ним и правым флангом Южной армии образовался промежуток более 60 верст, широкая открытая дверь, — от Стерлитамака по западному берегу Белой идет на Уфу большая дорога, которой могли свободно пройти в город силы красных.

В Уфе поднялось смятение. Генерал Ханжин в первую минуту предполагал отдать приказ о немедленном отходе за Белую всей нашей армии. Но это было немыслимо, так как наше отступление отдавало бы в руки большевиков несколько тысяч раненых и больных, около десятка госпиталей, семьи офицеров и добровольцев, огромные запасы военного имущества и артиллерийские парки. Кроме того, эта поспешность разрушила бы весь план действий, по которому 3-й Уральский корпус и конница должны были к западу от реки ударить по красным, накапливавшимся в промежутке между Западной и Сибирской армиями.

После обсуждения было решено, что нет основания спешить с отходом и отказываться от выполнения этой операции, так как большевики не имели достаточно сил для быстрого наступления в образовавшийся промежуток; кроме того, психология их командного состава и масс не была в то время такова, чтобы идти на рискованные предприятия. Нам же необходимо было рисковать, так как отступление за Белую не было подготовлено, к эвакуации Уфы почти не приступали, железная дорога работала без всякого плана, хаотически и была забита до предела; кроме того, саперы не закончили еще постройку мостов и переправ через реку Белую. Если бы начать отступление тогда же, то мы не только бы не вывезли ничего из Уфы, но не смогли бы отвести в порядке и войска.

Скоро события доказали полную справедливость и правильность расчетов и нашего риска. Город Стерлитамак, оставленный Южной армией, три дня лежал в нейтральной полосе, — красные его не занимали. Генерал Капель успешно справлялся на левом фланге нашей армии и, переходя к активным действиям, бил короткими ударами большевиков, стремившихся выйти нам в тыл.

Эти дни были самые трудные. Приходилось одновременно налаживать службу штаба, подготавливать новую операцию, переправы через Белую, организовать линию обороны реки и производить эвакуацию Уфы. До сего все было в хаотическом положении, — в конце этой недели ко мне в канцелярию влетел какой-то растрепанный штатский с красным взволнованным лицом. Прерывающимся голосом он начал сбивчиво рассказывать о том, как они не могут спра-



виться и вывезти несколько десятков миллионов пудов разного зерна и муки, погруженных на баржи, на пристанях реки Белой.

— О чем же Вы думали раньше?

— Нам только сегодня прислали приказ из министерства.

— Что же Вам надо, какую помощь Вы ожидаете найти у меня?

Оказалось, по его словам, что они хотели теперь получить в свое распоряжение всю железную дорогу и просили приостановить остальную эвакуацию. Понятно, это было невыполнимо. Так почти все эти большие запасы и достались потом в руки большевиков.

Самое худшее было то, что штаб армии потерял управление и какой-либо престиж, самую тень доверия к себе; почти каждый начальник привык критиковать всякое распоряжение штаба, протестовать, а иногда и не исполнять. Вследствие этого отсутствовала согласованность действий и не было возможности провести цельно какой бы то ни было план. Правда, некоторые основания этому были; даже самая техника работы армейского штаба вызывала такое к себе отношение, — связь с корпусами и отрядами не была обеспечена, военная тайна не охранялась, и доходило до того, что на оперативный телеграф мог прийти всякий, открыто печатались в литографии красивые цветные схемы боевого расположения наших войск с подробным перечислением частей; отдел генерал-квартирмейстера кишел весь день самой разнообразной публикой.

Между прочим, ко мне явились представители французской миссии полковник Ф. и капитан М.; они заявили при первом же разговоре, что почти каждое решение командующего армией делалось известным в городе в тот же день через гостинные и знакомых.

Все это надо было круто и сразу изменить, необходимость вызвала подчас резкие меры. Так же приходилось поступать и в других отраслях. Но все были проникнуты желанием настоящей работы, все с надеждой смотрели на будущее и готовы были на жертвы для успеха. Это облегчало трудную работу и давало много ценных помощников.

В деле эвакуации Уфы и налаживании работы железной дороги неоценимую помощь оказали полковник С. и инженер Д., приехавшие из Омска. Трудность заключалась в том, что ежедневно прибывало много вагонов с эшелонами подходящих частей и тыловых учреждений 1-й Сибирской казачьей дивизии и Волжского корпуса, которые забивали станцию. К тому же вывоз грузов и подвижного состава шел медленно и без плана; к итогу каждого дня число вагонов на станции все увеличивалось и дошло до цифры в две с половиной тысячи.

Опасаясь, что, несмотря на все эти подробности, не удастся описать трудность тогдашнего положения и работы; штаб, усилен-

ный новыми людьми, занимался от семи часов утра и до десяти, одиннадцати часов ночи, почти без перерыва для завтрака и обеда, давая максимум напряжения. Ясно вставала опасность, что если не применить исключительных мер и работы, то неуспех может обратиться в катастрофу.

Немалое затруднение заключалось еще и в том, что организм армии, молодой, неустроенной и почти еще иррегулярной, требовал постепенного ведения операции отхода — иначе можно было бы испортить все и развалить армию. Клинок хорошей, но не обработанной, перекаленной стали согнулся почти в кольцо; если его отпустить сразу, выпрямить мгновенно — клинок отпрянет со звоном, мелькнет в воздухе молнией металла и разобьется от силы удара на куски, пропадет. Осторожно надо выпрямлять сталь, постепенно отводя концы клинка, бережно храня его...

Необходимо также было считаться и с тем, что наша молодая армия требовала укрепления в ней веры в свою силу, в способность выигрывать дела, побеждать. Это было особенно необходимо теперь, так как неуспех весеннего наступления, неожиданное крушение всех напряжений и результатов значительно подорвали веру и даже расшатывали дисциплину, особенно среди высшего командного состава.

Наадвив первые шаги новой работы в штабе, генерал Ханжин и я поехали на боевой фронт, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. План операции уже приводился в исполнение: 3-й Уральский корпус и 11-я дивизия сосредоточивались на север от Уфы, чтобы ударить по красным, наступавшим на Бирском направлении, в разрез между нашим правым флангом и Сибирской армией. Надо было во что бы то ни стало задержать наступление красных на фронте, пока это сосредоточение не закончится. Эта тяжелая задача выпала на части 2-го Уфимского корпуса.

Была вторая половина светлого мая. Вся земля ярко зеленела новыми всходами, в воздухе звенели жаворонки. Кусты черемухи утопали в пышных белых гиляндах цветов, наполняя воздух своим нежным возбуждающим ароматом. Родные деревни с их бедными серыми избами, соломенными крышами, с улицами, наполненными веселыми, беззаботными ватагами белоголовых босоногих ребят, шумели, как ульи пчел, проснувшихся весной от зимней спячки. А за деревнями чернели батареи, цепи стрелков вели наступление. В прозрачном воздухе плыли белые облака шрапнельного дыма, и гулко и далеко разносилось эхо выстрелов. В складках местности и в оврагах стояли резервы.

Все, что приходилось слышать раньше и читать в донесениях о состоянии геройских белых частей, бледнело перед действительнос-

тью. Маленькие, иногда в 20—25 рядов, роты; люди выстроены и выравнены с обычной тщательностью при встрече начальства. Раздается уставная, так знакомая, русская команда, бодрые отрывистые фразы; винтовки обычным приемом «на краул» — все как было сотни лет, когда наша армия создавала Великую Россию, все так же, как было и в недавние дни, когда Русская армия спасала на Галицийских и Восточно-Прусских полях Францию, Италию и Англию. Но внешний вид этих русских полков был совершенно отличный от того, какой они имели всегда раньше. Как будто это были не воинские части, а тысячи нищих, собранных с церковных папертей. Одежда на них самая разнообразная, в большинстве своя, крестьянская, в чем ходил дома; но все потрепалось, износилось за время непрерывных боев и выглядит рубищем. Почти на всех рваные сапоги, иногда совсем без подошв; кое-кто еще в валенках, а у иных ноги обернуты тряпками и обвязаны веревочкой; татары большей частью в лаптях. Штаны почти у всех в дырках, через которые просвечивает голое тело. Сверху одеты кто как: кафтаны, зипуны, рубахи, и изредка только попадаются солдатский мундир или гимнастерка. Офицеры ничем не отличались по внешности от солдат. Они стояли в строю, обвешанные мешками и котомками с патронами, и все тело их, согнутые ноги, опущенные плечи показывали, как эти люди устали за время долгой войны и последних боев. Но узловатые сильные руки крепко сжимали винтовки; у большинства не было штыков. На вопрос, почему так, отвечали:

— Ведь мы все винтовки отнимали от красных, а те не любят носить штык, бросают его.

Не забыть никогда того дивного выражения, полного невыразимой теплоты и чувства высокого подвига, что светились в этих десятках тысяч русских серых глаз. Так могут смотреть только истинные герои, скромные, простые и незаметные, которые молча и всецело отдали жизнь свою для спасения родной страны. Когда мы стали выяснять нужды войск и записывать их, то оказалось проще записывать не то, чего не доставало, а что имелось; нехватка была почти во всем. И такая неотложная нужда во всем; требовалась немедленная подача снабжений из тыла.

По возвращении в Уфу начали усиленно давить на интендантство и Омск; давление это не прекращалось после того ни на один день, так как даже и с этим прессом мы мало получали и никогда не были в состоянии удовлетворить все нужды армии.

Сосредоточение Уральского корпуса и 11-й дивизии запоздало. Начались бесконечные препирательства и ссылки на усталость, на за-

труднения, на невозможность — все то, к чему привыкли некоторые промежуточные начальники раньше, за период иррегулярства. Генерал В., командовавший 11-й дивизией, позволил себе даже заявить прямо, что он приказа о движении не исполнит, так как он обещал дивизии дать отдых. Пришлось его сменить, назначив следствие; дивизию повел новый ее начальник генерал-майор Круглевский, но уже с потерей целых суток.

Командующим армией принимались все меры, чтобы устранить затруднения. Надо было усилить войска артиллерией и пулеметами; работая дни и ночи, собрали все, что было возможно найти под рукой. Между прочим, докладывают, что в Уфе на станции стоит еще одна батарея, французская, с отличными скорострельными орудиями, снабженная всем превосходно сверх меры. Я пригласил офицеров французской миссии Ф. и К. Познакомив их в общих чертах с планом действий, с начавшейся операцией, я просил их дать батарею для 11-й дивизии.

— О, mon general, наши офицеры и люди будут в восторге; они давно рвутся в дело, чтобы помочь русским, — галантно ответили мне французские офицеры. — Но только мы должны раньше спросить генерала Жанена.

— Так, пожалуйста, прошу Вас скорее, нам необходима батарея не позже сегодняшнего вечера.

— О, это будет, мы не сомневаемся, что генерал Жанен разрешит. Это только простая формальность.

Вечером приглашаю их снова. Какой ответ?

— Представьте, mon general, мы еще не получили ответа. Вот если бы можно было поговорить по прямому проводу.

— Пожалуйста, телеграф к Вашим услугам. Но, прошу, скорее...

На следующее утро опять никакого ответа. Не могли добиться к проводу самого генерала Жанена, а его начальник штаба не брал на себя решения. Подождали до вечера, подготовили автомобильно-грузовую колонну, чтобы батарея могла догнать 11-ю дивизию. Но так никакого ответа получено и не было. Полковник Ф. и капитан К. сами не понимали и как будто искренне чувствовали себя сконфуженными.

Удар по красным на Бирском направлении начался удачно. Их 35-я советская дивизия сначала дрогнула, один полк бежал даже так, что его не могли догнать роты, посаженные на телеги, но запоздание в маршах и несогласованность наступления Сибирской армии, которая наконец-то по приказу Ставки должна была содействовать нам, дали возможность большевикам подвести резервы и

задержать наше продвижение. Операция затянулась. А на фронте 2-й Уфимский корпус, истощив все усилия, начал быстро отходить к Уфе. Оставление города и уход за Белую стали неизбежными. Надо было только выиграть время, чтобы вывезти всех раненых и больных, госпиталя и склады интендантских запасов, а также семьи офицеров и добровольцев. Чтобы закончить эвакуацию, железной дороге требовалось еще десять дней, в течение которых войска должны были удерживать за собой западный берег Белой. И это было вполне возможно благодаря коннице, которая вышла на фронт и прикрыла собою усталых уфимцев.

Могли бы получиться и большие результаты, если бы этот сводно-конный корпус под командой генерала Волкова выполнил полно и точно данную ему задачу, вышел бы на фланг красных и произвел оттуда удар, не стремясь занять растянутое фронтальное расположение. Но нельзя требовать идеалов; надо помнить, что блестящие кавалерийские дела редки в истории так же, как редки крупные чистейшей воды бриллианты; и зависят они от исключительных талантов и свойств высшего кавалерийского начальника. Он должен быть смелым до дерзости, быстро находчивым всегда и везде, свободным от всякой заботы о своем тыле, не думать и о своих флангах, а лишь о тыле и флангах противника; он должен знать в совершенстве и уметь использовать свойства всадника и его лошади. Он, как орел, свободно, легко и смело парит в пространстве, чтобы все видеть своим острым взглядом и стремительно бить врага там, где его всего меньше ожидают.

Наша конница работала скромно, без громких блестящих дел, но упорно, постоянно и беззаветно. И здесь, под Уфой, она сделала многое и дала возможность пехоте планомерно, без спеха, совершить свой отход за реку; благодаря этому удалось закончить и эвакуацию.

Железнодорожники старались изо всех сил, особенно когда с приездом полковника Супруновича почувствовалась твердая рука, систематический план и решимость не отступать от него. Весьма характерно, что почти все железнодорожные рабочие, даже деповские, то есть обычно наиболее склонные к брожению, просили вывезти их с семьями, не желая оставаться и работать при большевиках. Удалось вывезти из Уфы все, даже несмотря на преступно небрежное отношение интенданта армии и его помощников, которые бросили склады и поспешили уехать из Уфы, когда ей не грозила еще прямая опасность. Своей поспешностью интендант полковник С. произвел панику, в которой надеялся скрыть многие грехи и злоупотребления. Он был предан военно-полевому суду; на его мес-

то назначили другого, которому пришлось из-за потери трех дней доканчивать эвакуацию уже под выстрелами большевистской артиллерии.

Теперь, когда вся Западная армия отошла и заняла новый фронт на восточном берегу реки Белой, первая задача наша была — не пустить большевиков за реку, а в случае их переправы сбросить и разбить по частям. Это представлялось тем более возможным, что Белая в этом месте — довольно серьезная преграда, мы же успели составить небольшие резервы, выведя из первой линии две дивизии.

Эта задача была блестяще выполнена Волжским корпусом южнее Уфы; генерал Каппель впустил красных, дал возможность переправиться одной бригаде 24-й советской дивизии, затем атаковал ее с севера, опрокинул сильным ударом в реку и почти уничтожил.

Город Уфу и средний боевой участок оборонял 2-й Уфимский корпус. Ему не удалось разбить красных, переправившихся здесь, хотя вначале дело шло вполне успешно для нас. Правее уфимцев, ниже по течению реки Белой, оборона лежала на 3-м Уральском корпусе; центр его был город Бирск. В то время, когда уфимцы ударили с юга, уральцы должны были обрушиться с севера и уничтожить совместно группу красных, переправившихся севернее Уфы (примерно в районе Благовещенского Завода). Сначала наше наступление развивалось успешно. Но на второй день случилась измена в одном из полков 6-й Уральской дивизии, где только что прибывшее пополнение, распропагандированное социалистами, бросилось во время боя на своих офицеров, перебило часть их, после чего сдалось красным. Это обстоятельство испортило все дело; красные стали распространяться все глубже, угрожая выйти в тыл 2-му Уфимскому корпусу и перерезать железную дорогу.

Войска Западной армии были отведены тогда на линию горных Уральских проходов; это давало нам возможность сильно сократить силы первой линии и оттянуть 2-й Уфимский корпус в резерв; он был поставлен за первой грядой гор в долинах рек Юрезань и Ай. Начались усиленные работы по комплектованию и снабжению уфимцев, которые так долго, беззаветно и без отдыха несли боевую службу на фронте.

Уфа была оставлена 8 июня. Штаб армии перешел на станцию Бердяуш. Здесь, вдали от большого города, было гораздо легче вести спешную организационную работу, заниматься исправлением всех недочетов и подготовкой армии к решительному переходу в наступление для перелома кампании. Прежде чем говорить об этом, необходимо выяснить, как обстояло дело с Сибирской армией.

\* \* \*

Когда обозначилась неудача весенней кампании Западной армии и была оставлена Уфа, генерал Гайда отдал приказ своей северной группе перейти в наступление и взять город Глазов. Это было исполнено легко. Впечатление получилось сильное, так как казалось, что все слова и предсказания Гайды оправдываются; в Омске загорелась надежда на новый успех, на новом операционном направлении.

Но это только казалось при поверхностном взгляде. На самом же деле происходило другое. Большевики, навалившись всей силой на Западную армию, сокрушив ее наступление на Волгу и оттеснив за реку Белую, начали теперь переброску своих сил отчасти на Южный фронт генерала Деникина, а частью на север, против Сибирской армии. Почти одновременно с занятием Глазова начались неуклады на Казанском направлении. Повторились те же события, что и в Западной армии, но в гораздо большем размере, так как в Сибирской армии, сильно подпавшей пропаганде социалистов-революционеров, происходили массовые восстания войск и измена.

Гайда использовал эти затруднения по-своему. Он прислал в Омск, минуя Верховного Правителя, прямо в кабинет министров ноту, где излагал, что причина всех неудач лежит в неумелом руководстве армиями, что так дело погибнет, если не передадут командование всеми вооруженными силами России ему, Гайде. Особенно он нападал на начальника штаба Верховного Правителя, на генерала Лебедева. Тон ноты был угрожающий — что-де если не подчинять все армии Гайде, то он или уедет совсем, или повернет штыки своей армии на Омск.

Там поднялась большая тревога. Адмиралу Колчаку пришлось ехать самому в Екатеринбург на свидание с Гайдой; оттуда они оба вернулись в Омск. Здесь шли долгие колебания, переговоры, а Сибирская армия в это время отходила все дальше. Верховный Правитель хотел прогнать Гайду, так как выяснились уже почти все закулисные замыслы его и окружавших его эсеров. Но не решился на этот, как тогда казалось, крайний шаг и пошел на уступки. Гайде была подчинена Западная армия — в оперативном отношении.

Нас застал этот приказ за работой по подготовке армии к новой операции. Производилась мобилизация во всем армейском районе; крестьяне и рабочие уральских заводов сами просили увеличить возраст призыва, так как они желали идти в армию против большевиков все поголовно, приезжали делегации из сел и заводов. На каждом шагу были доказательства того, что сам народ хотел сбросить иго чужеземного захвата, ненавистную власть интернационала.

Однажды, когда в эти дни я ехал на автомобиле к войскам на правый фланг армии, мы обогнали длинный, растянувшийся крестьянский обоз.

— Какой части?

— Дуванской волости, — отвечали возницы.

— Что везете?

— Хлеб.

— Куда?

— Да в армию, значит, везем.

Никого из представителей интендантства не было, не видно команды при обозе. Непорядок. Но собравшиеся около автомобиля крестьяне сейчас же разъяснили недоразумение.

— Вишь, Ваше Превосходительство, прослышали мы, что в Вашей армии хлеба нехватка, ну наша волость собрала схода, и поставили, кому сколько испечь караваев. Вчера пекли, собрали шестисот пудов. А вот теперь, значит, мы и везем хлебушко-то... — тихим, ласковым голосом рассказывал мне белый как лунь старик крестьянин.

Так же по всему Златоустовскому уезду собирали крестьяне совершенно добровольно одежду и даже несколько сот пар сапог; а в этом они сами очень нуждались. Об их подъеме, об их готовности жертвовать всем для спасения родины от большевиков, за которыми они своим здоровым инстинктом чувствовали чуждый народу, враждебно и злорадно ненавидящий все русское интернационал, — обо всем этом свидетельствуют ряд подобных фактов и множество документов, приговоры сельские, волостные и заводские.

Налаживалось у нас в армии и дело снабжения в руках молодого, энергичного полковника Б., заменившего уфимского интенданта, которого военно-полевой суд приговорил за преступные деяния и полную небрежность к шести годам каторжной тюрьмы. Урегулирован был также вопрос с офицерским пополнением. Начали уже действовать три вновь открытые школы, которые готовили для армии до тысячи офицеров и портупей-юнкеров.

2-й Уфимский корпус пополнялся, одевался, отдыхал и с каждым днем делался сильнее. Работали в армии все, от генерала до рядового стрелка, не покладая рук, веруя в правоту нашего дела и твердо надеясь на успех его. Войска, стоявшие на фронте, отбивали все попытки красных сбросить нас с горных проходов Урала; при этом начальники, от самых высших, принимали непосредственное участие в руководстве боями, часто бывая в опасные моменты в передовых частях.

И вот как раз в это время была получена телеграмма из Ставки о подчинении Западной армии Гайде на правах главнокомандующего, а через несколько часов пришел и его первый и единственный приказ.

Грубо и цинично он писал, что обвиняет в неудачах на фронте русских офицеров, главным образом высших начальников, которые будто бы слишком далеко держатся от боевой линии, что Западная армия отступала из-за недостатка стойкости и мужества. Дальше шло приказание никому не отступать ни шагу назад и опять обвинение офицеров и начальников, угроза им расстрелом. А затем добавлялось, что он, Гайда, сумеет в несколько дней поправить положение и дать победу. Чувствовались в этом приказе та же нота и та же скрытая рука, что и в знаменитом приказе 1917 года № 1; как тогда, так и теперь было стремление натравить массы на офицеров, разделить их, лишить спайки. Но на этот раз дело не выгорело. Научен наш русский народ, прозрел он и умеет разбираться в коварных замыслах социалистов всех рангов и наречий.

Вся армия была оскорблена этим приказом. От многих начальников поступили рапорты с просьбой оградить армию от приемов натравливания на офицеров и от незаслуженных оскорбительных обвинений. Генерал Ханжин вновь послал Верховному Правителю телеграмму с просьбой уволить его в отпуск для поправления здоровья.

Гайда, надо сказать правду, пытался остановить развал и отступление своей армии; он даже выехал там на фронт со своим «бессмертным» батальоном, но за ним потянулись туда же и эсеры, окружавшие его к этому времени тесным кольцом. И их преступная работа пошла уже в открытую. Результаты не заставили себя ждать. «Бессмертный батальон имени Гайдъ» перешел на сторону большевиков одним из первых; вслед за тем это печальное явление повторялось почти ежедневно на различных участках всего фронта Сибирской армии. Неудача ее вместо обещанных легких успехов подействовала удручающе на население и войска; а усилившаяся пропаганда социалистов, эсеров и большевиков вергла массы снова в нервное состояние, полное волнений и брожения. Этим и объясняются все измены воинских частей и переход некоторых из них на сторону красных. И все это происходило как раз в то время, когда внутреннее положение в соседней Западной армии становилось все прочнее, чисто народное движение против большевиков увеличивалось там с каждым днем.

Сибирская армия, так недавно еще сильная и многочисленная, таяла и исчезала. Кроме указанных выше причин, много способствовало этому безостановочное отступление, почти без попыток образовать резервы и переходом в наступление остановить натиск красных.

Без боев была оставлена Пермь с заводами, с потерей огромного количества снабжения, складов, с потерей всей нашей речной флотилии. Эта безнадежность действовала на сибирские части все хуже и хуже.

В эти дни Верховный Правитель решил устранить от командования Гайду и заменить его генералом Дитерихсом. Гайда пытался противодействовать, выступить снова, не подчиниться. Тогда адмирал Колчак издал приказ об увольнении Гайдъ в отставку с лишением его русского мундира. В командование Сибирской армией вступил генерал Дитерихс. Но вместо того, чтобы энергичными мерами остановить отступление и развал Сибирской армии, заняться организационной работой для усиления ее боеспособности, был начат ряд мер, направленных на коренную ломку всего аппарата армий, ведших борьбу на фронте.

С отходом Сибирской армии на север большевики получили возможность устремиться оттуда через Уральские горы и ударить в правый фланг Западной армии; их целью было отрезать нашу линию сообщений, железную дорогу в тылу, примерно между станциями Аша-Балашовская и Златоуст. Этим две армии, Западная и Южная, ставились бы в безвыходное положение.

3-й корпус под натиском значительных сил красных начал отходить в глубь Уральских гор, ведя упорные бои и неся большие потери. Как раз в это время прибыл на станцию Бердяуш генерал Дитерихс и привез приказ Верховного Правителя, которым генералу Ханжину давался отпуск согласно его просьбе, а командование Западной армией возлагалось на меня.

В трудное время и тяжелые дни вступил я в командование. Надо было принимать меры для спасения положения на фронте, еще более необходима была спешная работа для сохранения боеспособности армии. Все время моего командования на фронте я стремился проводить ту, единственно возможную по-моему, систему управления, которая давала результаты и вне которой нет жизненной связи между командованием и войсками. Промежуточным аппаратом для этого служат различные штабы; каждый штаб должен работать как хорошо слаженный и исправный механизм; главным руководящим стимулом может быть только один, оправдывающий само существование этого промежуточного аппарата, — штаб не самодовлеющая величина, он существует лишь для службы войскам, вся деятельность его должна быть направлена только на полезное и необходимое для войск; вне этого не должно быть ничего. Отсюда определяются его размеры, программа его работы и самый характер ее. Все строевые начальники, до самых высших, обязаны руководить деятельностью штаба и управлять с его по-

мощью войсками, бывая, однако, возможно чаще на местах, не жалея сил и времени на то, чтобы быть среди войск всюду и всегда, а особенно в дни серьезных боев.

Приняв армию, я проводил больше половины своего времени среди войск передовой линии, для быстроты передвижений пользуясь автомобилями. Так я получал действительное впечатление о своих войсках, деля с ними их трудности, а иногда и опасности боев, знакомясь со всеми хорошими и плохими сторонами. Зная истинное состояние частей, можно было увеличивать их боеспособность, укреплять в них веру в наше дело и в успех его. Этим же путем я узнавал и условия жизни местного населения, их настроения и надежды. Живое слово, ознакомление на местах и контроль — главные условия успеха всякой работы.

Объезд всех трех корпусов Западной армии дал мне уверенность в полной возможности иметь этот успех, а также показал те недочеты, которые требовалось устранить теперь же. Части представляли, в сущности, не вполне еще готовые и слаженные организмы, иногда с очень ненормальными отклонениями; так, например, за время весенней операции и при отступлении выросли неимоверно войсковые обозы, в одном только 32-м Прикамском полку было свыше двух тысяч повозок. Можно представить, какое огромное количество бойцов отвлекалось этим из строя, какой величины хвост связывал все маневры и боевые действия. Бороться с этим можно было, только бывая на местах, одновременно контролируя и сейчас же исправляя; бумажные приказы оставались всегда неисполняемыми или неисполнимыми. Естественно, что прежний способ приучил строевых начальников отписываться, смотреть на полученный приказ как на простой лоскут бумаги. Надо было искоренить и этот взгляд, нигде не допустимый, на приказ; сделать это можно было только одним способом, отдавая вполне выполнимые приказы, вызываемые самой жизнью, и следя за точным исполнением их без проволочек и отступлений.

Затем назрела необходимость урегулировать офицерский вопрос; надо было исправить ошибки главного штаба, задержавшего почти все производства офицеров действующей армии; получив право, как командующий армией, производить в чины до капитана включительно, я делал это на местах, бывая в частях, производя офицеров иногда во время самых боев. Адьютант записывал, по возвращении отдавал записи в штаб, и приказ выходил через несколько дней, без всякой волокиты.

При всех поездках я узнавал подлинное, ничем не прикрашенное настроение и своих войск, и масс населения. Помню посещение Сат-

кинского завода, обладавшего почти самыми крупными на Урале чугунолитейными печами. Поговорив о положении завода с директором, я пошел в большое помещение, полное собравшимися рабочими, и спросил, какие у них есть нужды.

Первое, что они просили, рассказать им об армии, о нашем военном положении, о большевиках и красноармейцах. Затем уже пошли заявления о дороговизне, трудностях достать продукты первой необходимости, о недостатке муки и хлеба. Когда все было разъяснено, я отдал приказ доставить рабочим завода два вагона муки по казенной цене; рабочие зашумели, как встревоженный улей; вышел вперед их выборный старшина и сказал, что рабочие очень благодарят и просят чаще приезжать и говорить с ними, разъяснять происходящее.

— А мы уж сами и добровольцами в армию пойдем, и мобилизацию следить будем, и большевиков не допустим; небось, не заведутся они у нас.

— Сатки первыми против них, иродов, в 1918 году выступили, — загудела довольная толпа.

Вообще, настроение населения всего армейского района и войсковых частей было приподнятое, готовое идти на жертвы, на борьбу с социалистами-большевиками, упорно желающее победить и совершенно доверчивое, ибо наши пути и цели были общие. Сущность того, что руководило нами в борьбе, народный характер этой борьбы и ее напряжение проникали глубоко и прочно в массы и все теснее связывали армию с населением. Массы видели и верили, что мы боремся за всю Родину; что «наша партия есть Святая Русь, наш класс весь Русский народ».

Вот выписка из приказа населению района Западной армии, отданного на станции Миасс 5 июля 1919 года и 3 октября того же года на станции Лебяжье: «...Еще раз разъясняю, что наше Правительство, во главе с Верховным Правителем адмиралом Колчаком, вожди армий, все начальники и вся армия стоят только на пути спасения Родины, веры и народа; не принадлежат ни к какой политической партии, не защищают и не преследуют ничьих интересов, личных или отдельных классов, а именно всего русского народа в его целом. Таковы армии наши, Востока России, армии русского витязя-генерала Деникина, генералов Юденича, Миллера и те массы восставших на Руси, которые соединяются с нами.

Путь один у всех, путь прямой и открытый. Освободить страну от засильников, предателей и иноземных комиссаров. Дать возможность каждому вздохнуть свободно, утереть слезы и не дрожать ежеминутно каждому за свою жизнь. Установить повсюду полную законность и

обеспечить порядок и права каждого, дать возможность всем заниматься привычным трудом. И там, в сердце России, в древней Москве, созвать народное собрание, действительно лучших людей народа, его изbranников, которым сам народ, наученный теперь горьким опытом отечественной разрухи, вручил бы право разобраться во всем и решить его судьбы. Это народное собрание учредит и порядок управления Россией, определит право и порядок владения землей, назначит основные законы для нашей страны».

Направилось дело и организации армейского тыла. Вовремя и точно по назначению подавалось все снабжение, аккуратно и по расписанию работала железная дорога, а запасные части и офицерские школы были полны подготовленными людьми. Новый главнокомандующий, генерал Дитерихс, приезжавший два раза в мой штаб, в Бердяуш, вполне разделял все взгляды, одобрял работу, был доволен ее результатами и обещал не производить никакой ломки.

\* \* \*

Второй раз он приехал вместе с адмиралом Колчаком 2 июля, как раз при начале частичного наступления 2-го Уфимского корпуса, так называемой Айлинской операции. 3-й Уральский корпус не мог сдерживать натиска красных, бывших сильно в наш правый фланг. После упорных боев на реке Уфимке и на горных проходах уральцы отступили в глубь гор. Отступали и дрались все время в неравных условиях, неравными силами. Обстановка была тяжелая. 1 июля я приехал в село Мясогустово; на самой окраине шел бой с большевиками; в дело были втянуты не только все части, но даже офицеры и солдаты штаба корпуса составили отряд и пытались отбросить наседавших красных. Но сдержать нового натиска их не удалось. И 3-й корпус продолжал отступление.

Надо было во что бы то ни стало помочь уральцам, иначе силы их могли совершенно растаять. 2-й Уфимский корпус получил приказ перейти в наступление, ударить во фланг красным и отбросить их на север, в горы. Несмотря на неполную готовность уфимцев, условия были все же выгодны для нас, так как этот корпус занимал сосредоточенное положение; части его отдохнули, пополнились и приделались. 2 июля должно было начаться наше наступление.

Стояли летние жаркие дни, когда чистый воздух до того наполнен ароматом зелени, что густота голубого эфира дрожит, переливается и струится слоями. Богатые поля колыхались стенами темно-зеленых колосьев, наливавшихся молодым зерном. Дорога бежала красивыми

долинами рек Юрезань и Ай; все кругом было ярко-зелено, местами белели березовые перелески.

В больших деревнях шла сумятица, шум и волнение — население их, обеспокоенное приближением большевиков, собирало на возы свой домашний скарб и готовилось уходить волной беженцев на восток. Но не чувствовалось упадка духа — моральная сила и надежда на успех были на нашей стороне. Всюду встречались улыбающиеся лица и полная готовность помочь. Я с небольшим конвоем оренбургских казаков шел бодрым галопом полями к правому флангу уфимцев. Развевался и весело блистал на утреннем солнце георгиевский значок. Кони легко и плавно отбивали копытами равномерную дробь. Казаки изредка обменивались шутками или замечаниями о прекрасных полях, обещавших обильный урожай. В небе реяли жаворонки, наполняя воздух мелодичной трелью... Вдруг грянул орудейный выстрел.

Красные повели в это утро сильное наступление своими резервами, наткнулись на одну из дивизий Уфимского корпуса и неожиданно атаковали ее первыми. Но их удар был встречен контрударом других двух дивизий. Столкнулись две силы. Будто ударились два шара, катившиеся с бешеной скоростью, столкнулись, на мгновение задержались и остановились на месте; отпрянули, стоят и крутятся быстро оба шара, точно оглушенные ударом; мгновение, а затем с силой покатались оба дальше: один назад, убегая, а другой за ним, преследуя его, продолжая свое поступательное движение. Наша 4-я дивизия подоспела как раз вовремя. Один за другим шли полки в атаку, перегоня друг друга, с огромным подъемом. Большевики сначала остановились, задержались, пробовали оказать сопротивление, но затем отпрянули назад и побежали.

Я подъехал к уфимцам перед самой их атакой. Никогда не забыть этих серьезных, открытых лиц, полных отваги и решимости, их молчаливой и торжественной толпы и стройной силы. Я вызвал вперед, перед полками, героев, раздал Георгиевские кресты солдатам и произвел отличившихся в прежних боях офицеров. Затем после коротких слов о предстоящем деле полк двинулся вперед. И их громкие, торжествующие крики «Ура-а-а» разносились по полям, когда новые георгиевские кавалеры во главе с офицерами пошли первыми в атаку.

На взмыленной лошади прискакал казак-ординарец и привез мне записку от моего начальника штаба; Верховный Правитель и генерал Дитерихс прибыли в Бердяуш и просят меня приехать к ним возможно скорее на важное совещание. Так это было не вовремя, — отрывало от боевой работы, да и не хотелось уезжать из боя, из зеленых



долин Урала, от русских полков, охваченных порывом наступления. Но вслед за первым ординарцем примчался на автомобиле второй, с телеграммой адмирала Колчака, что он должен сегодня же вечером выехать обратно в Омск.

Через три часа я был у себя в Бердяуше. И вот, пока я ехал, в штабе было получено донесение, что красные обошли незаметно один полк 12-й Уральской дивизии, отрезали его и распространяются у нас в тылу. Надо было принимать экстренные меры, иначе это могло испортить все дело. К вечеру удалось ликвидировать опасность и прогнать красных. Но наступление уфимцев, начатое с полным успехом, приостановилось; большевики же за ночь оправались, подняли резервы и снова начали сильно давить на Уральский корпус.

Два дня шли упорнейшие встречные бои; наши части переходили снова и снова в контратаки, но красные подавляли нас своей численностью. К вечеру второго дня генерал Войцеховский, командир 2-го корпуса, отдал приказ своим уфимцам отступить.

Было еще одно обстоятельство, проявившееся впервые именно в этих боях. Начиная с ранней весны, большевики бросили огромное количество своих агентов на восток для пропаганды и организации банд у нас в тылу; комиссары снабжали их очень большими суммами денег, пользовались всякими способами, оставляя при отступлении Красной армии свои ячейки в городах и деревнях, а при ее наступлении — направляя их под видом беженцев. В конце июня прошел севернее Уфы целый небольшой отряд коммунистов, одетых в нашу военную форму, с погонами, и пробрался горными тропами нам в тыл. Изловить их не удалось, кроме одного красноармейца, который показал, что цель этого коммунистического отряда была взорвать железнодорожные мосты в тылу нашей армии и поднять восстание среди рабочих Златоустовского завода.

Действительно, как раз в эти дни им удалось подорвать мост через небольшую речку восточнее Бердяуша и затем повернуть и выйти в тыл уральцам, отбивавшим атаки красных войск. Создались очень тяжелые условия, из которых мы вышли с большим трудом.

Вся первая половина июля прошла в боях за горные проходы Урала. Бои эти шли с переменным успехом; армия не отдавала ни одной своей позиции без попытки отбросить красных. Но для того чтобы перевернуть ход кампании, надо было собрать резервы, сосредоточить большие силы и перейти в общее наступление; чтобы разбить красных, надо было дать генеральное сражение.

Сибирская армия, или, правильнее, остатки ее, катилась без удержу на восток, отдавая красным большие пространства Северного Ура-

ла; 16 июля был брошен Екатеринбург. Генерал Дитерихс оставил после этого на фронте только заслоны, а все оставшиеся от армии Гайды части перевозил по железной дороге в глубокий тыл, в Ялуторовск, Тюмень и Тобольск. Сибирская армия временно как бы потеряла всякую боеспособность и уходила, ставя тем в совершенно невозможное, тяжелое положение Западную армию.

А дух и силы последней были нетронуты, несмотря на отход и на непрерывные бои; все части Западной армии были налицо; сохранили боеспособность и желание драться до победы. Налаженный механизм штаба и тыловых органов давал полную возможность поддерживать и увеличивать живую силу наших корпусов. Усилия всех направлялись согласованно к одной цели. И все ждали приказа о новом общем переходе в наступление. Местом для этого был избран Челябинск. Среди других была одна чрезвычайно важная причина этого решения. Отсюда идет железная дорога на Троицк, бывший базой Южной армии. Это была последняя связь с ней; если мы не выиграем дела под Челябинском, то Южная армия была бы предоставлена самой себе, поставлена в очень трудные условия.

План новой операции был составлен так: Западная армия, сдерживая красных арьергардами, должна была быстро стянуть свои силы к Челябинску и сосредоточить две ударные группы: генерала Войцеховского к северу, генерала Каппеля к югу от города. Здесь войска должны были пополниться, отдохнуть и организовать базы для боя; а затем, когда красные втянутся в долину из гор, они будут атакованы с севера и юга, взяты в клещи, с целью окружить их, отнять артиллерию и пулеметы. С севера всю операцию прикрывал и обеспечивал 3-й Уральский корпус.

Население всего района от Волги до Челябинска переживало в это время величайшую драму. Светлые надежды на жизнь сменялись мрачным, темным холодом смерти; с отходом белых армий выплывал злобещий призрак кровавого интернационала. Как на известной картине Штука, шел он, костлявый смеющийся скелет, сидя верхом на чудовищном животном, оставляя за собой тысячи трупов, дымящиеся пожарища, сея смерть, ужас и заливая все кровью. Бесконечной вереницей тянулись впереди нашей армии на восток обозы с беженцами; целыми селами двигались на восток русские люди всех национальностей, спасаясь от хищного интернационала, ибо для него существует лишь одна признаваемая им, всесветная нация, племя, «избранное Иеговой», рассеянные по лицу земли иудеи.

Рабочие Златоустовского и других заводов Урала присоединились к потоку беженцев. Крестьяне, башкиры, татары и оренбургские каза-

ки отправляли свои семьи и скarb на подводах в тыл, а сами приходили в армию, составляли отряды, брались за оружие, чтобы отбить вражью силу.

Ставка и генерал Дитерихс, видевшие распыление Сибирской армии и крушение там всего дела, представляли себе весь фронт в таком же состоянии. Я получал запросы: что осталось от Западной армии и каким образом мы можем еще держаться? Они не видели и не понимали ни состояния наших войск, ни того общего желания отразить натиск большевизма, которое охватило всех, и войска, и население.

\* \* \*

Челябинск — центр обширного края, разросшийся в последние десять лет до размеров большого губернского города; центр хлебной торговли и золотопромышленного района. Еще в начале прошлого столетия это была простая башкирская деревня Селяба (по-башкирски значит яма), лежащая при выходе из гор и лесов старого, седого Урала в долину Западной Сибири.

Когда я прибыл со своим штабом в Челябинск для проведения плана новой операции, не хватало времени, чтобы принимать и говорить со всеми депутациями, приходившими ко мне каждый день с раннего утра и до вечера. Шли горожане, рабочие, казаки, башкиры и крестьяне с заявлением о своей готовности отдать все силы, чтобы только не пустить сюда большевиков, отбить натиск врага, к которому русский народ чувствовал инстинктивную ненависть и смертельный страх.

При подготовке операции мне пришлось исколесить на автомобиле весь этот район, на сотни верст к северу и югу от Челябинска; и всюду я видел одно — русских людей, готовых на какие угодно жертвы и лишения, предпочитавших смерть в борьбе или уход в неизвестную даль подчинению коммунистам-большевикам.

Вот казачья станица Травниковская, одно из тех поселений, где живут потомки скромных строителей Великой России. Большие улицы, дворы обстроены хозяйственно и полны добра, площадь с небольшой белой церковью залита палящими лучами июльского солнца и гудит толпой. Все население станицы собралось на площадь, пришли даже казачки с грудными младенцами. Раздается мерный благовест, и медные голоса колоколов далеко разносятся в летнем раскаленном воздухе. Из церкви выходит крестный ход; колыхаясь, плывут над толпой святые хоругви, блестит золотом большой крест, так ненави-

стный всем слугам интернационала, сверкают на солнце светлыми бликами иконы и ризы священников.

«Спаси, Господи, люди Твоя...» — разносится пение, подхваченное тысячной толпой и заглушавшее даже громкий благовест.

Приходит священник и кропит святой водой две сотни казаков, собранных станицей на фронт, благословляет их на ратный подвиг. Сосредоточены и ясны бородатые лица казаков. Глубокая дума и бесповоротное решение отразились на них. Истово крестятся они правой рукой, держа в левой поводья и острые пики. А около дворов по длинной улице увязанные возы, запряженные уже и готовые вывезти семьи этого народного ополчения в тыл...

Встала Русская земля. За что готовы они отдать свою кровь, сложить свои головы, пожертвовать своими семьями? Не за партии, не за дешевые лозунги социалистов идут они в смертный бой с интернационалом. Нет, не за это несут они великие жертвы свои. Послушайте, что говорят эти казаки-крестьяне в своих семьях и на своих сходах:

— Надо кончить с этим делом. Как разрушили нашу землю святую! А все оттого, что Царя им не надо стало. Вишь, сами власти захотели... Всех Царских врагов истребить надобно...

Послушать только, как истово, с какой верою поют все они эту старую русскую молитву за Царя: «Спаси, Господи, люди Твоя»...

А вот другая картина тех же дней. Мой автомобиль, переезжая через гать по болотистой долине верстах в семидесяти севернее Челябинска, завяз своими колесами глубоко в тине. Шофер и его помощник бились безрезультатно над ним, вылезли и мы все, чтобы общими силами вытащить машину.

Вдалеке серая деревушка, вздымая из распластанной кучи избушек высокий минарет мечети с магометанским полумесяцем. Вскоре из деревни показалась большая толпа и приближалась к нам с шумом и гамом. Впереди бежал богатырь колоссального роста с широкой, как паровоз, грудью, на ногах, как каменные столбы; он держал в могучих руках целое бревно, размахивая им над головой и испуская воинственные крики в такт своим быстрым прыжкам:

— Г-гин, г-гун, г-гун!

За богатырем бежала с дрекольем куча татар-крестьян, за ними рассыпались по полю, как горох, маленькие татарчата, старавшиеся не отстать от взрослых. Все это неслось к автомобилю, крича на разные голоса и тяжело отдуваясь от быстрого бега. Не зная хорошо наших русских людей, можно было бы подумать, что деревенская толпа воспользовалась случаем, чтобы напасть на проезжих контр-

революционеров, расправиться с ними, убить. Но мы спокойно и уверенно ждали их; с размаху они набросились на автомобиль, облепили его, как муравьи, и начали поднимать из болота. Заведенный мотор пыхтел, колеса беспомощно крутились, разбрасывая во все стороны грязь и воду. Богатырь подложил под ось бревно, навалился на него плечом и легко приподнял автомобиль. Раз, другой, третий, и машина пошла по твердой дороге; рассеивалось в воздухе тяжелое облако перегоревшего бензина. Татары бежали за автомобилем и радостно смеялись. Я подошел, поблагодарил их и дал богатырю в награду денег.

— Не надо, бачка, не надо, моя не надо, — кричал он, отпихивая деньги, весело-добродушно скаля белые зубы и что-то прибавляя по-татарски.

Я совал богатырю деньги, он отпихивал. Вмешался старшина, пожилой татарин в тюбетейке:

— Не давай, Ваше Благородье, наша не возмет. Дорога наша, плохая дорога, виноват наша, зачем не чинит дорога. А ты военный человек, Царский начальник, от большевиков нас защищаешь.

Тогда я настоял, чтобы они взяли деньги для бедных женщин и детей их деревни. Вышел из толпы седой древний старик мулла и поклонился мне в пояс в знак благодарности:

— Позволь лучше, Ваше Благородье, ему, — сказал он, показывая на богатыря, — отряд собрать и к тебе в армию идти. Надо большевиков не пускать.

А когда мы возвращались поздно вечером по той же дороге, то около деревни автомобиль остановила толпа женщин и детей, красавица — молодая татарка вышла вперед и, потупив прекрасные большие глаза, благодарила еще раз за деньги...

Обе ударные группы собирались, заканчивали сосредоточение в районе Челябинска. К сожалению, была допущена одна оплошность: северная группа генерала Войцеховского составляла слишком большую силу, свыше 20 тысяч человек, тогда как южная группа генерала Каппеля еле достигала 10 тысяч. Но я рассчитывал главный удар нанести именно с севера, чтобы отбросить красных от их путей отступления.

Арьергарды наши, сдерживая натиск большевиков, отходили сначала медленно, шаг за шагом, удерживая целый ряд позиций, но верст за пятьдесят от Челябинска не выдержали, сдали и начали отступать слишком быстро. Пришлось составить новую войсковую группу под начальством генерала Космина из всех частей, какие удалось набрать, до моего конвоя включительно; по первому при-

зыву пошли драться вместе с ними сербы — Сербский батальон имени Благотича, оказавший большие услуги, ведший себя как истинные братья русских.

К слову надо сказать, что французский батальон, бывший в Челябинске с осени 1918 года, поспешил эвакуироваться в тыл, восточнее Омска, при первом приближении опасности. Так всегда поступали союзники-интервенты!

Для полного успеха операции и выигрыша необходимого времени нужно было обеспечить нашу армию с севера. Для этой цели 3-й Уральский корпус был усилен всем, что можно было выделить туда; но этого было недостаточно, подсказывалась необходимость содействия Сибирской армии. Однако, несмотря на все просьбы, не удалось получить не только этого содействия, но даже приказа о выдвижении частей ее для демонстрации. Как будто действовала не одна Русская армия, не за одну общую святую цель!

Большевики, обманутые легкостью, с какой они сбивали наши арьергарды, лезли, что называется, как черти на Челябинск. Мною был отдан приказ в ночь с 24 на 25 июля отдать им город, а на рассвете 25-го перейти в наступление обеими ударными группами.

Наступила жуткая ночь. Выехав вечером, за несколько часов до оставления города, из Челябинска, я объезжал войска северной группы генерала Войцеховского. Глубокое летнее небо, усыпанное вечными звездами, покрыло землю покоем, уютом и сном. Тихо кругом, нет даже ночных звуков, которыми так богаты весенние ночи. Стоят темными силуэтами деревни, как зубчатые стены заколдованных замков, чернеют леса; и всюду биваки — наши полки, батареи, эскадроны и сотни. Все спит. Не горят бивачные огни, чтобы не выдать противнику наших сил. Только часовые бдительно и остро пронизывают темноту, впиваются глазами в черную глубину ночи да в избах с закрытыми ставнями сидят войсковые начальники, отдавая последние распоряжения, проверяя, все ли сделано, не забыли ли чего перед завтрашним решительным днем.

Вот в большой русской деревне меня встречает рапортом генерал 3., начальник 11-й Сибирской стрелковой дивизии, только что пришедшей на фронт из Сибири, сформированной в Новониколаевске. Впервые с тыла поданы войска — восьмитысячная сила. Внешний вид и стройность не оставляют желать лучшего.

— Как Ваше чувство? — обращаюсь я к генералу 3., — уверены ли Вы в Ваших частях?

— Уверен, Ваше Превосходительство. Хотя и не обстреляны еще, но настроение хорошее. Даже рвутся в бой.

— Ну а то донесение о пропаганде социалистов? — напомнил я ему случай, бывший четыре дня тому назад в одном из полков.

— Агитаторов выловили. Сами солдаты помогали. Насколько я знаю настроение офицеров и солдат, они прямо ненавидят комиссаров и коммунистов. А за всем тем, — все в руке Божьей...

— Я его дивизию поставил между своими лучшими частями; а впереди пустил камцев, для первого удара, — добавил генерал Войцеховский.

В эту же ночь произошел такой случай. На одну заставу Уральского корпуса выехала группа конных.

— Кто идет? Стой! — окрикнул часовой.

— Свои-и-и... — донеслось издали.

— Кто свои? Что пропуск?!

— Красные офицеры, сдаваться едем, пропуска не знаем.

Часовой выстрелил. На тревогу выбежала вся рота, бывшая в заставе, и открыла огонь залпами. Это был командир бригады 35-й советской дивизии полковник Котомин<sup>74</sup> с 11 красноармейскими офицерами; они состояли в антибольшевистской организации и давно уже искали удобного случая перейти на нашу сторону. Было очень трудно, так как каждый шаг их следился комиссаром и его помощниками, коммунистами, добровольными шпионами. В эту ночь им удалось усыпить бдительность еврея-комиссара и ускользнуть из когтей. Но вот истинная трагедия русского положения, они попали на сторожевую заставу, зорко охранявшую дорогу, так как наши войска привыкли к разным уловкам и обманам большевиков.

Первым же залпом была убита лошадь полковника Котомина и ранены два офицера; все они рассеялись, и только через день удалось собрать вместе этих героев. Полковник Котомин провел полтора жутких часа, лежа за трупом лошади, пока его не освободил и не вывел наш офицер. Полковник Котомин был доставлен в ближайший штаб как раз в то время, когда я объезжал войска. Высокий, могучего сложения человек с открытым энергичным лицом, герой Германской войны, он весь дрожал от пережитого, дрожал мелкой нервной дрожью, как маленький прозябший мальчик.

— Думал, что убьют. Но так было тяжело у большевиков, что лучше смерть...

Он много рассказывал всем нам о Центральной России, о ее состоянии и страданиях, открыл истинное положение советской власти и Красной армии. Что можно будет сказать из этого, не нарушая интересов русских, находящихся и сейчас там, во власти интернационала, скажу после, при сравнении условий нашего тыла и их. Забрестило

утро. Потянуло с востока холодным предутренним ветерком, когда я приехал к войскам генерала Космина, чтобы отсюда управлять ходом операции. Как раз в этот момент из Челябинска отступали наши последние части. В город входили торжествующие красные полки.

Раннее утро после бессонной ночи застало меня в поселке Александровском. Вставало солнце, освещая землю своими первыми робкими лучами. Поселок просыпался, и обычная дневная жизнь наполняла улицу. Я лежал на траве около автомобиля и старался уловить ухом дальние звуки боя. Но их не было слышно. И, несмотря на чрезмерную усталость последних дней и этой ночи, я не мог заснуть — одна большая мысль давила на мозг и не давала покоя: «А что, если эта восьмидесятитысячная масса, вновь пришедшая из Сибири дивизия, окажется распропагандированной социалистами и, вместо помощи, изменит Русскому делу?! Повернет штыки против своих...»

Но вот грянул первый орудийный выстрел, за ним другой, третий. И заворчала далекая артиллерийская канонада, как гром отдаленной грозы. Наши войска перешли в наступление одновременно по всему фронту. Красные не ожидали этого, столкнулись с нашими, произошел ряд встречных боев с жестоким напряжением с обеих сторон. К концу дня нам удалось овладеть рядом деревень, захватили одну батарею, много пулеметов и пленных; мы потеснили большевиков.

26 и 27 июля продолжались упорные бои. Комиссары стянули все силы и заставляли свои полки переходить в бешеные контратаки. Как они писали в своих радиосводках, «под Челябинском белые проявили небывалое упорство, переходя в штыковые атаки под личной командой адмирала Колчака». Этого не было. Но действительно, все наши части проявили такое напряжение сил, показали такой подъем, как в самые блестящие периоды мировой войны, в Галиции, Польше и Восточной Пруссии.

Наше наступление развивалось хотя и медленно, но планомерно. 27-го был захвачен и доставлен в штаб армии приказ красных, свидетельствовавший о полной их растерянности; паника охватывала их тыл, обозы начали уже отступать на Миасс и Златоуст. Еще одно усилие, и окружение сил большевиков в Челябинске должно было закончиться. Надо было для этого еще два дня.

Как уже сказано, правый фланг всей операции прикрывался 3-м Уральским корпусом, очень ослабленным всеми предыдущими боями; 12-я Сибирская стрелковая дивизия<sup>75</sup>, прибывшая в это время из Томска и приданная Уральскому корпусу, не только не усилила, а ослабила его: некоторые части оказались распропагандированными в этом городе, одном из самых главных эсеровских гнезд, и, придя на

фронт, предательски передался на сторону красных. Все же, несмотря на это, уральцы сдерживали натиски красных, но 27 июля начали сдавать и отходить на юго-запад. Большевики получали возможность направить часть сил значительно восточнее Челябинска и угрожали отрезать главную дорогу в тылу армии.

Надо было спешить с операцией. Так как телеграфная связь с моим левым флангом в это время прервалась, я поехал на автомобиле в южную группу, в Волжский корпус, и в пути разминувшись с генералом Капелем, который ехал ко мне в штаб. Уже подъезжая к боевому расположению, я был поражен, встречая наши батареи и некоторые части, отходящие на восток. Казалось непонятным такое движение, так как накануне все контратаки красных были отбиты, волжане перешли вечером снова в наступление, захватили у большевиков пулеметы, пленных и целый ряд станиц и поселков.

Произошло какое-то несчастное недоразумение, и Волжский корпус вместо наступления начал отходить назад, распрямляя тем дугу, которую Западная армия была уже готова сомкнуть вокруг красных под Челябинском. Это дало возможность большевикам оправиться и перебросить еще часть сил против нашей северной группы, развивавшей успешно наступление в тыл Челябинску.

Волжский корпус в эту же ночь собрал массу подвод и с рассветом двинулся вперед на телегах, чтобы выиграть больше пространства и развить снова наступление. Но все же вследствие потери времени операция затянулась; а между тем угроза с севера нашей железной дороге и тылу армии все росла. Дальнейший риск делался очень опасным и мог быть допущен только при одном условии, чтобы части Сибирской армии быстрым выдвижением на запад обеспечили наш правый фланг.

Не знаю, по каким соображениям и под каким влиянием на это не решились! Я получил приказ Верховного Правителя отвести войска от Челябинска на Курган, перевезя часть сил в этот город поездом по железной дороге. Наступила самая тяжелая часть этих боев. Надо было вывести наши части, занимавшие расположение по охватывающей кривой, имеющей форму латинской буквы «S»; при этом давление Красной армии на севере и угроза нашему тылу все усиливались. Большевистское командование, как только почувствовало ослабление нашего нажима и отход, направило все усилия, чтобы окружить и отрезать от пути отступления части нашей армии. Благодаря огромной работе всех начальников и беззаветной выносливости наших войск удалось выйти из тяжелого положения, не потеряв ни одной пушки, не отдав ни пленных, ни одной повозки с патронами.

С тяжелым чувством все мы оставляли челябинские поля, где было положено столько сил и жертв, где наша победа казалась так обеспеченной и так нужной. Однако настроение войск не падало, вера в свою силу и в успех не только не исчезла, но поднялась после этих боев. Объезжая ежедневно части армии, лично управляя некоторыми боями, я знал настроение войск и непосредственно получал уверенность в их полной боеспособности.

Как раз в день перелома боев, когда наши части начали уже отступление, к штабу армии, на станцию Чумляк, прибыл новый транспорт с ранеными. Французский офицер, состоящий при Западной армии, майор Каруель, просил разрешения сопровождать меня при обходе раненых, чтобы раздать некоторым, особенно отличившимся, французские военные кресты. Наши офицеры, солдаты и казаки, только что вышедшие из многодневных тяжелых боев, лежали и сидели со свежими ранами, весело разговаривая, блестя улыбками. Вот группа волжан.

— Ничего, Ваше Превосходительство, не может большевик выдержать; все равно мы его за Волгу прогоним, — говорит здоровенный самарский крестьянин-стрелок, поддерживая левой рукой правую, в которой ружейная пуля раздробила кость.

— Куда ему выдержать! Как мы пошли в атаку, а лямбурские казаки вместе с нами с флангу, так они и побежали, даже готовый обед бросили нам в котлах, — торопливо рассказывает пересохшими губами маленький худой казанец, раненный в плечо. — Первый раз тут мы за десять дней пообедали как следует, а потом догнали, чтобы пулеметами спасибо красноармейцам сказать.

Кругом раздается хохот. Все раненые с уважением показывали на койку в углу, где лежал молодой офицер. Подхожу и вижу одного из старых знакомых, офицера с Русского Острова, штабс-капитана Р. Красивое загорелое лицо с горящими глазами, возбужденно смотрящими из-под белой повязки, обнаженная молодая здоровая грудь тяжело дышит и ходит выступившими ребрами. Р. был ранен в голову, в грудь и сильно контужен; последствием этого явилась временная потеря речи.

— Вот, не угодно ли посмотреть, — докладывает юркий и очень подвижный доктор Беленький. — Штабс-капитан вынес на себе из боя пулемет, два раскаленных стрельбой ствола кольта, вот следы ожогов...

С обеих сторон шея офицера была покрыта ровными, точно татуировка по линейке, коричневыми черточками, это ему прожгло кожу винтовой нарезкой ствола, когда он со своей ротой отходил последним от Челябинска.

\* \* \*

Несмотря на отход, значение Челябинской операции было весьма существенно. Бои и действия наших войск показали, что мы имеем все шансы разбить большевиков; в войсках укрепилась уверенность в своих силах. Кроме того, население этого большого и абсолютно антибольшевистского района увидело на деле, убедилось, что были приложены все усилия спасти их от большевиков; казаки, крестьяне и башкиры, участвуя сами и будучи свидетелями этого одного из самых больших сражений, знали, как много работы и жертв было принесено, чтобы разбить силы и стремления красных завладеть Челябинским краем; знали и то, что наше отступление произошло не по вине Западной армии.

Эти тяжелые бои, — а они стоили нам свыше 5 тысяч потерь убитыми, ранеными и пленными, большевики, по их же документам, потеряли больше 11 тысяч человек, — эти бои скрепили армию в сильный, хорошо слаженный и жизненный организм. Лично я, как командующий армией, получил полную веру в свои войска и не сомневался в том, что при правильной организации тыла наша окончательная победа над большевиками обеспечена. Так же думали и чувствовали все мои помощники.

Ближайшее же время подтвердило правильность этих выводов. Моей армии пришлось отходить от Челябинска при невозможно тяжелых условиях: все время висела угроза на нашем правом фланге, почти каждый день большевикам удавалось выходить в тыл уральцам, отрезая их от линии сообщения и от Волжского корпуса. Нам приходилось проявлять огромное напряжение, чтобы парализовать эти попытки. Шли ежедневные бои, почти все части делали большие, часто форсированные переходы и сложные маневры. Велась самая интенсивная работа армейского тыла, чтобы справиться с эвакуацией и не оставить ничего красным. Так проходила в течение всего августа армия огромные пространства, отступая на восток, входя в Западную Сибирь.

В то же время, справляясь с этой сложной работой, мы начали готовиться к новому наступлению, стремясь обеспечить на этот раз успех его от всяких случайностей; прежде всего было необходимо иметь достаточный запас людей для пополнения убыли в частях, надо было наладить подачу на фронте осеннего теплого обмундирования и собрать хотя бы небольшие резервы.

После Челябинска мы вступили в богатые плодородные степи Западной Сибири. Равнина ее, которая тянется на тысячи верст, перебивается с запада на восток одной железнодорожной магистралью,

проходящей через города Курган, Петропавловск, Омск, Новониколаевск. Все эти города лежат на больших реках, протекающих в меридиональном направлении, с севера на юг. Тобол, Ишим, Иртыш и Обь — эти реки представляют собою единственные преграды и препятствия, которые могли быть использованы нашими армиями для временной задержки наступления красных; с этих же рубежей мы могли предпринять новое наступление.

А наступление было необходимо, ибо без него делалось безнадежно, а значит, и бессмысленно самое продолжение войны. Армия имела в себе силы добиться успеха, и произвести полный перелом хода кампании армия могла. Но наступление можно было начать только тогда, когда вполне будут обеспечены результаты его, чтобы новые жертвы и огромное напряжение фронта не пропали даром и были бы широко поддержаны тылом. Надо было сделать точный расчет всех ресурсов, провести подготовку средств и сил, составить план использования их.

После Челябинской операции вся эта работа была взята на себя генералом Дитерихсом, ставшим во главе всего Восточного фронта, в который входили три неотдельные армии: 1-я Сибирская — генерала Пепеляева, 2-я — генерала Лохвицкого<sup>76</sup> и 3-я — моя. Южная армия генерала Белова<sup>77</sup> оторвалась с конца июля и вела самостоятельные операции против большевиков, имея ареной своих действий пустынную киргизскую степь без дорог и населенных пунктов; она потеряла связь также и со Ставкой и, предоставленная самой себе, переживала тяжелую драму, осложнившуюся нерешительностью, куда Южной армии отходить и на что базироваться. В эти дни ни Ставка, ни фронт не имели никаких сведений о Южной армии, и только через два месяца части ее начали выходить южнее Петропавловска, пережив много тяжелого, совершив поход, равный походу Ксенофонта.

1-я и 2-я армии, как уже было сказано, сосредоточились в районе между реками Тоболом и Ишимом, куда они были стянуты генералом Дитерихсом еще в конце июля, после авантур Гайды. Здесь эти армии, образованные из того, что осталось от прежней Сибирской армии, должны были пополниться, переформироваться, принять организованный вид и подготовиться к новому наступлению.

Западная армия была переименована в 3-ю неотдельную армию; ей была поставлена задача выделить не менее пяти дивизий в резерв, перебросить их быстро по железной дороге в тыл, пополнить и подготовить к наступлению. Сначала этим районом был назначен город Курган и река Тобол; но тяжелые бои и условия отступления 3-й армии после Челябинска не дали возможности выполнить этого; нельзя было

вывести в резерв хотя бы одну дивизию, так как все части были в постоянном движении, маневрах. Возьми мы с фронта в это время в тыл хоть одну часть, остальные не справились бы с боевыми задачами, и Западную армию постигла бы участь Сибирской.

Только переправившись через Тобол, мы получили передышку и вышли из-под вечной угрозы быть отрезанными от железной дороги. Только перейдя через Тобол, 3-я армия получила возможность выделить пять дивизий, быстро перевести их эшелонами за 250 верст в тыл на реку Ишим, в район города Петропавловска. Здесь начали проводить спешные меры подготовки к наступлению, срок которого был определен секретным приказом на первые дни сентября. Наступило время, и армия дала все то, что общей дружной работой за весь летний период накопила для успеха решительного наступления. Надо сказать правду, что работа эта дала блестящие результаты; менее чем в две недели армия смогла влить в себя такие разнообразные силы и так организовать использование их, что уже через месяц после челябинских боев была готова к новому генеральному сражению. Но для этого потребовалось напряжение всех сил, был израсходован весь запас без остатка.

Сущность реформ, проведенных главнокомандующим Восточным фронтом генералом Дитерихсом, заключалась в том, что Ставка как командный центр армиями упразднялась; от нее остался лишь небольшой, сравнительно, состав для несения службы связи Верховного Правителя с армиями генералов Деникина, Юденича и Миллера. С другой стороны, армии были преобразованы в неотдельные, то есть у них были отобраны все права и обязанности по части мобилизационной, организационной и заготовительной. Из этих обрывков сверху, от Ставки, и снизу, от армий, был образован новый центр — штаб главнокомандующего Восточным фронтом, или, как он был назван в угоду моде, — главковостока. Все заботы, обязанности и все права отныне должны были сосредоточиваться в этом штабе. Он брал на себя добровольно тяжесть координации общих усилий и напряжений для обеспечения успеха борьбы.

Армии могли теперь обратить все свое внимание и работу на чисто боевое дело, не отвлекаясь на подготовку и обеспечение его в тылу. В связи с этим районы армий были сильно уменьшены и из них образован один тыловой округ с подчинением его также непосредственно главковостоку. Точно так же работа железных дорог на театре военных действий выходила теперь из ведения армии и сосредоточивалась целиком в штабе главнокомандующего. С одной стороны, было стремление к централизации и объединению, а с другой — к разгрузке боевых армий от кропотливой и тяжелой работы в тылу.

Понятно, теоретически это было не только правильно, это было необходимо. Но на практике получалось другое. Как уже было сказано, Западная армия, а ранее и Сибирская, имея у себя большой тыловой район, обладая правами и неся обязанности отдельной армии, могла заботиться о всем необходимом сама, обеспечивала себя во всех отношениях и знала истинное состояние всех ресурсов. Большая работа, проведенная с мая по сентябрь, дала к осени результаты; мы могли теперь вливать в корпуса и дивизии совершенно готовое и одетое пополнение, распределять по полкам свой, собранный армией и подготовленный за эти три месяца, запас офицеров, эшелонировать все виды снабжения и давать их войскам без отказа. А главное, мы могли строить все расчеты наших операций и боев на точных данных, мы были хозяевами вполне.

Произведенная ломка снимала с командующего армией все эти многочисленные обязанности и ответственность; отныне заботы о снабжении армий всем необходимым брались на себя главнокомандующим. Это вполне нормально и, кроме облегчения, не принесло бы ничего. Но на самом деле было не так, — условия того времени были так далеки от нормальных, тыл оказался настолько неорганизованным, что фактически заботы, снятые с армии, обязанности и права, отобранные от нее, повисли на время в воздухе. И как показали ближайшие события, реформы принесли вместо улучшения и облегчения большой вред. Надо было сначала подготовить тыл, провести быстрые и решительные реформы там, наладить безотказную работу и лишь после того ввести управление армиями в нормальную линию централизации. Так это представляется не только теперь, через призму прошлого времени, это было ясно и в те дни; я и мои ближайшие помощники делали тогда ряд представлений, пробовали доказать вред ломки, но, не достигнув ничего, обратили все силы на работу при новых условиях.

С упорными боями, сдерживая натиски красных, армия отходила от Тобола на Петропавловск, усиленно готовясь к новому своему удару, к переходу в наступление. Готовились к наступлению также 1-я и 2-я армии. Генерал Иванов-Ринов, атаман Сибирского казачьего войска, прибыл в конце лета в Омск, сумел вызвать необычайный подъем и развить огромную энергию среди казаков. Он работал не покладая рук над созданием казачьего корпуса, чтобы к сентябрю выставить его на фронт и тем усилить наше наступление.

Дважды приезжал за это время отхода от Челябинска на Петропавловск ко мне в армию Верховный Правитель адмирал Колчак, чтобы лично проверить нашу работу и видеть условия, в каких она протекала.



ла. Однажды, когда мы ехали автомобилем к передовым частям, адмирал обратился ко мне в разговоре с вопросом:

— А почему Вы без револьвера?

Я ответил, что мой тяжелый наган, казенного образца, вожу всегда с собою, но носит его мой ординарец, унтер-офицер.

— Так нельзя, — возразил А.В. Колчак. — Надо иметь постоянно при себе. Вот смотрите, я ношу всегда сам, — добавил он, ударив рукою по маленькому браунингу, висевшему в чехле у его пояса. — Мало ли что может случиться! Необходимо иметь непоколебимое решение быть всегда готовым выпустить шесть пуль, защищаясь, а последняя себе. Живым в руки нам даваться нельзя...

Примерно через месяц ко мне явился офицер-ординарец адмирала и передал от него свертки: карманный испанский парабеллум № 21727 и письмо. Привожу этот небольшой случай, но характерный, рельефно показывающий три стороны: взгляд покойного А.В. Колчака на положение, в котором приходилось тогда вести работу — с постоянной мыслью о последней пуле для себя; его исключительно внимательное отношение к нам, офицерам; небольшая иллюстрация того, как стоял у нас в армии вопрос с оружием. В последние приезды перед сентябрем адмирал имел очень утомленный, даже усталый вид. И каждый раз, уезжая, он говорил мне:

— Вы знаете, здесь на фронте отдыхаешь — так все хорошо, просто, такая здоровая атмосфера настоящего дела. Если бы они могли так же работать в тылу!

\* \* \*

Ранняя осень. Золотые дни, румяные закаты, только ночи удлинились, и дышат они уже холодом приближающейся зимы. Необозримые поля Западной Сибири убегают к бледно-голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными темно-золотыми колосьями созревших хлебов. Урожай в 1919 году повсюду был на редкость обильный. Теплая мягкая осень напоминала собой весну и была очень подходящим временем для широких активных действий.

29 августа мы получили приказ главкостока закончить быстро всю подготовку, сосредоточить силы и в первых числах сентября перейти в наступление, атаковав красных. План действий 3-й армии заключался в следующем. Волжский корпус и арьергард Уфимского сдерживали напор красных по обе стороны Сибирской железной дороги; в то же время на обоих наших флангах сосредоточивались ударные группы, которые должны были с двух сторон обрушиться

на большевиков. А Уральский корпус (две дивизии) перебрасывался скрытно вверх по Ишиму на наш крайний левый фланг, откуда предполагалось вывести его большим круглым путем в тыл красным и тем закончить их окружение.

1 сентября 3-я армия начала выполнение этого плана. Генерал Каппель, усиленный Ижевской дивизией, сдерживая натиск красных, сам перешел в наступление, сильно потрепав к югу от железной дороги одну советскую бригаду. Генерал Космин с двумя дивизиями уральцев совершал в полной скрытности глубокий обход; у генерала Войцеховского с Уфимским корпусом вышла заминка.

Все эти дни, окончив предварительные распоряжения, я проводил среди своих боевых частей, переносаясь на автомобиле с одного фланга на другой, чтобы лично все проверить, убедиться на месте в правильности расчетов, помочь напряжению воли. 2 сентября рано утром приехал в район Уфимского корпуса. 4-я дивизия на рассвете перешла в наступление и взяла очень удачно направление в тыл наступающим здесь красным. Были захвачены обоз одного красного полка, пленные и даже полковой комиссар. Но вместо того чтобы использовать первый успех и ударить сзади по большевикам, командовавший дивизией полковник С. повернул и направился обратно к своему исходному положению. Дивизия сделала вперед и назад около 35 верст, измоталась почти безрезультатно. Пришлось дать людям отдых перед тем, как начать снова маневр.

Вторая дивизия уфимцев, 8-я Камская, тоже перешла утром в наступление у деревни Жидки, но атака не удалась, красные оказали сильное, упорное сопротивление; было приказано в 4 часа дня атаковать вторично. Я поехал на место боя, чтобы помочь лично руководству его. По дороге встречаю крестьянина на лошаденке без седла; гонит он ее, болтает в воздухе локтями, рот открыт, глаза выкачены от страха, шапка упала, и по ветру развеваются длинные пряди полуседых волос. Увидал всадник наш автомобиль и еще издали начал кричать благим матом:

— Куда вы, куда вы! Вороча-а-айте назад!

Остановили мотор. В чем дело?

— Да как же, все наши отступают; уж Красна армия на Еропкино вышла. Так и гонит войска по всей линии...

И он поскакал, охваченный паникой, дальше.

Загадка. Часы показывали без двадцати минут четыре, приближалось время атаки Камской дивизии. Поехали дальше. Вот из небольшого перелеска показались повозки, направлявшиеся нам навстречу.

— Какого полка?

— 31-го Стерлитамакского.

— Где полк?

— Да вот тут, в лесу этом самом, — на ходу получили ответ.

Действительно, на полянке, в роще, стоит полк; здесь же штаб дивизии. А на опушке рощи идет, все усиливаясь, ружейная и пулеметная трескотня. Автомобиль подъехал к самому полку.

— Что у вас происходит? — спросил я начальника дивизии генерала Пучкова<sup>78</sup>.

— Красные перешли в наступление...

— А вы получили приказание атаковать их в четыре часа?

— Так точно, но теперь невозможно.

Этот отличный боевой офицер находился, к сожалению, в полном упадке сил, потерял дух. И немудрено, ведь с 1914 года он был непрерывно на войне, сначала три года на немецком фронте, а затем на Волге, на Белой и на Уральских горах — против большевиков.

Генерал Пучков старался доказать мне всю безнадежность попытки перехода в наступление, что это не удастся, что слишком выдохлись и успех невозможен.

— Вам лучше сейчас же уехать, Ваше Превосходительство, — закончил он, обращаясь ко мне, — а то не ровен час...

— Как Вы не понимаете, что никто не имеет права уезжать сейчас!

Я отвел его в сторону и вполголоса, чтобы не слышали другие, принялся серьезно внушать ему всю гибельность для дивизии и для всей армии подобных взглядов. Затем громко, в полный голос, передал об успехах волжцев и уральцев, пристыдил и приказал двинуть резервы в контратаку. Обошел ряды полка, произвел отличившихся ранее офицеров, наградил Георгиевскими крестами стрелков.

Кто был в боях, тот легко представит себе картину этого осеннего дня. Лес набит пехотой; солдаты лежат и сидят группами; многие жуют хлеб, иные переодевают портянки и сапоги. Здесь же, на полянке, батареи судорожно, спешно, но в то же время привычно-уверенно готовятся к работе. Деловитая суeta и в ближайшем полковом тылу — разворачивается перевязочный пункт, выкладываются патроны из двуколок, дымят и раздражающе вкусно пахнут ужином походные кухни. Все так заняты работой и необходимым простым делом, каждый старается гнать прочь мысль о предстоящем бое и о возможности близкой смерти. Только лица все как-то потемнели, глаза смотрят остро и внимательно, голоса стали глуше. В воздухе, несмотря на громкие звуки выстрелов и свист пуль, кажется зловеще-тихо, как перед грозой. И все следят, чутко, напряженно, за сво-

ими начальниками. Не потерял он присутствия духа, сохранил веру, до конца проявил свою волю, — победа и успех обеспечены. Но если слабость скует его мозг, если поддастся он страху и проявит отчаяние, — горе и ужас тогда: дрогнут ряды, паника охватит всех и стройные части обращаются в бестолковое стадо.

Через несколько минут заработала наша артиллерия. Полк выдвинулся из резерва, вправо рота за ротой перебежали скрыто рощей, развернулись и с криком «Ура!» кинулись в атаку...

К вечеру деревня Жидки была взята камнями. За этот день отбили все контратаки красных и волжане, причем Ижевская дивизия вышла во фланг противнику и разгромила один советский полк. Ижевцам пришлось вести бой на три фронта, их батареи стреляли во все стороны. Красные здесь усилились и старались разбить Волжский корпус, преградивший им кратчайший путь на Петропавловск.

Ночью мой автомобиль мчался на крайний левый фланг, где Уральский корпус должен был совершить решительный марш-маневр и ударить по тылам большевиков, отрезать их от путей отступления. Темная сентябрьская ночь, полная ярких мерцающих звезд. Необозримые пространства сибирских степей тонут в ночных черных тенях, сливаясь с черным небом; тишина нарушается только свистом холодного осеннего ветра да равномерным стуком автомобильного мотора. Мы едем, я с адъютантом и ординарцами, кутаясь от ночного сырого холода и нервности от всех ощущений дня. Едем десятки верст черной молчаливой степью, без признаков жилья; пролетели давно уже те деревни, в которых вчера были уральцы.

— С утра, батюшка, ушли, спозаранку поднялись и пошли войско-то, — объясняла нам испуганная молодуха сибирячка в последней деревне и махнула рукой на северо-запад. На наш стук в окно она выскочила, сонная, в одной сорочке, накинув полушубок. Яркий свет автомобильных электрических фонарей освещал ее бледное милое лицо и широкие испуганные глаза, еще полные ночной неги и сновидений. И так ласково и грустно прозвучало сзади ее последнее приветствие:

— Дай Бог вам, родимые...

И снова бездонная пропасть ночи и бесконечные пространства степей. Вдруг вдали замерцали такие же далекие, как звезды, светящиеся точки костров. Все ближе и ярче, все больше их, целое море огней. Автомобиль надал ходу. И скоро мы подъехали к бивакам двух дивизий Уральского корпуса. Они уже вышли на указанную конечную линию. Завтра с рассветом уральцы двинутся дальше и пересекут главный путь отступления красных. На этот раз успех был несомненен, все расчеты оправдались.

На следующий день, 3 сентября, красные кинулись назад, чтобы не попасть в окружение. Два дня шли тяжелые бои. Здесь были лучшие коммунистические дивизии, 26-я и 27-я; надо отдать справедливость, что эти 18 русских красных полков проявили в сентябрьские дни 1919 года очень много напряжения, мужества и подвигов, которые в Императорской армии награждались Георгиевскими знаменами. Они бросались, ища выхода, в разные стороны, проявляя высокий дух и доблесть, и частью прорывались ночными боями почти из полного замкнутого кольца. А под деревней Чебачьей они нанесли даже сильное поражение нашей 7-й Уральской дивизии.

В то же время красное командование принимало срочные меры, чтобы ликвидировать наш успех и перевернуть ход операции снова в их пользу, вырвать у нас инициативу. Они начали сосредоточивать войска, повернув обратно на восток 5-ю и 35-ю советские дивизии, направленные было по железной дороге на Южный фронт против генерала Деникина. Этот прямой первый результат успеха доставил нам большую радость и удовлетворение, так как мы помогли своим, облегчили их положение.

Сосредоточив в районе железной дороги сильную группу войск, большевики двинули ее на юго-восток, чтобы в свою очередь обойти фланг нашего Уральского корпуса и ударить в тыл моей армии. Движение их было очень быстрое; надвигалась для нас опасность не только потерять все результаты первого успеха, но снова попасть в прежнее положение обороны, прикрытия своего тыла и вечной опасности. Надо было принимать неотложные и быстрые меры. Я приказал Уральскому корпусу сделать полный поворот, на 180 градусов, усилил его Ижевской дивизией. Было решено произвести теперь удар с севера на юг, в левый фланг красных, двигавшихся нам в обход. К этому же времени подошел Сибирский казачий корпус генерала Иванова-Ринова, совершив свои передвижения в полной тайне и скрытности, и сосредоточился к югу от Петропавловского тракта, которым двигались главные силы большевиков.

9 сентября произошли жестокие бои в районе станицы Пресновской, причем нами был произведен согласованный удар — с севера уральцами, с юга сибирскими казаками. Большевики, не ожидавшие этого удара, дрогнули и побежали, бросая пушки, пулеметы и обозы. Наша победа была полная.

Накануне ко мне в штаб приехал адмирал Колчак с некоторыми его министрами, генерал Нокс и огромная свита. Адмирал отправился на автомобиле к Уральскому корпусу и прибыл туда как раз в то время, когда наши части гнали красных, захватывая тысячи пленных.

Всех охватила неописуемая радость и подъем духа; казалось, что наступил решительный перелом, что этот удар будет окончательным. Так оно и было бы, но при одном неперменном условии — всеобщего напряжения всех сил на поддержку победоносной армии, для развития успеха.

Русское дело держало экзамен в эти дни сентября 1919 года; теперь наступила проверка того, как справились с организацией тыла, насколько сумели взять его в руки. Армия снова доказала свою способность, жизненность, силу и умение. Но для победы общей, для закрепления успехов военных нужно было еще многое.

Все части 3-й армии понесли значительные потери в этих первых боях; 9 сентября я обратился по прямому проводу к главковостоку с докладом о положении в армии и о необходимости присылки теперь же пополнений для сильно поредевших частей нашей армии.

Правее нас стояла 2-я армия генерала Лохвицкого, которой не удавалось перейти в наступление, сбить красных; после нескольких дней встречных боев большевики даже частично потеснили 2-ю армию. Они усилили здесь свой удар, чтобы с этой стороны парализовать успех нашей армии, которая в это время заняла сильно выдвинутое положение, причем Уфимский корпус наступал в общем направлении на юго-запад, имея задачей разбить и отрезать 27-ю советскую дивизию.

Заминка 2-й армии грозила расстроить все планы главковостока; необходимо было помочь ей, чтобы спасти общее положение; нельзя было терять ни дня. Пришлось предпринять новую операцию, не окончив вполне еще первой. Я повернул главную часть сил Уфимского корпуса также почти на 180 градусов, направив их удар теперь в северном направлении. Удар пришелся как раз во фланг и частью в тыл красным, теснившим 2-ю армию; уфимцы быстро выдвинулись вперед, почти на половинное протяжение всего фронта 2-й армии, которая после этого получила возможность повести успешное наступление.

Но 27-я дивизия большевиков ускользнула от окончательного разгрома и смогла отступить на два перехода; там она получила свежее подкрепление и снова перешла в контрнаступление, чтобы прорвать сильно растянувшийся теперь фронт Уфимского корпуса.

Можно представить, как растянулся фронт и всей моей армии; вначале первый удар был объединенный и сходявшийся к железной дороге. Но затем пришлось бить от середины: уральцами на юг, уфимцами на север. Эти три последовательных удара, следовавшие без перерыва один за другим, дали нам перелом, создали военный успех, обеспечили победу, но они же поставили 3-ю армию в тяжелые условия, выйти из которых своими собственными силами она могла с большим трудом.

Начались самые упорные и жестокие бои за весь этот период нашего наступления, за всю Тобольскую операцию. Главная тяжесть их выпала на долю 12-й Уральской дивизии и Морского батальона<sup>79</sup>, которые доблестно отбивали все атаки и сломили в конце концов большевиков.

Пребывание в штабе армии гостей из Омска затянулось и сильно мешало работе, отвлекая и меня, и штаб на несколько часов ежедневно; поэтому я почувствовал облегчение, когда через шесть дней было объявлено об их отъезде. Верховный Правитель за это время объехал почти все войска, раздавал награды, причем он настоял на присуждении трем командирам корпусов, генералам Каппелю, Космину и Войцеховскому, а также и мне ордена Святого Георгия 3-й степени. При объездах передовых линий адмирал Колчак лично видел малочисленность наших частей, так как бои шли не прекращаясь ни на один день, потери увеличивались и росли непомерно, а пополнений мы не получали с тылу ни одного солдата; адмирал знал фактические цифры наших потерь; при своем объезде он обещал мне употребить все усилия, чтобы прислать подкрепления и свежие части резерва.

15 сентября я вновь сделал настойчивое представление главкомосту как о значительных потерях наших, так и о самой настоятельной необходимости присылки свежих частей и пополнений; генерал Дитерихс обещал сделать все возможное и указал, что через неделю начнет подавать в 3-ю армию эшелоны.

На обеде, который адмирал Колчак дал у себя в поезде в день отъезда, произошел один случай, который, несмотря на его незначительность, нельзя обойти молчанием. Разговор свелся на большевиков, на развал ими Великой России и на то, что руководящая роль принадлежит иудеям, которые фактически захватили всю власть в свои руки. Сидевший рядом со мною француз, храбрый офицер и в высшей степени порядочный человек, высказал такую мысль:

— Да это племя, иудеи, всюду ищут власти не для добра другого народа и страны, а для своих каких-то особенных целей. Вот и наша официальная Франция — она теперь нисколько не выражает нашей страны, духа французского народа. И пока не выгонят евреев, не вырвут у них власть, прекрасная Франция не будет сама собой.

Многие заинтересовались. Генерал Нокс просил повторить, так как он плохо слышал. Все соглашались, что наступившие годы и череда событий доказывают несомненно стремление евреев захватить не только мировое влияние, но и власть над миром. Казалось, что не было теперь сомневающихся, стыдящихся смотреть истине прямо в глаза, подобно многим из так называемых «русских интеллигентов» эпохи 1900—1918 годов.

Через несколько дней майор Каруель пришел в полной форме ко мне прощаться, так как он получил повышение по службе и новое назначение в Омск, в штаб генерала Жанена. Обоим нам было грустно расставаться, так как, по выражению майора Каруеля, мы пережили вместе столько *des jours penibles et des jours heureux* в 3-й армии, сжились за это время и подружились. Но приказ для солдата прежде всего. Весь штаб сердечно проводил общего любимца майора Каруеля.

Но вот, примерно дней через восемь—десять, получили из Омска сведение, что майор арестован и под конвоем отправлен во Францию, что будто ему ставится в вину какое-то тяжкое обвинение — у его возлюбленной нашли секретный французский шифр и ключ к нему. А надо сказать, что эта дама сердца была немудрящая, простая женщина, интересовавшаяся только одними сердечными вопросами; контрразведка армии имела за ней наблюдение и выяснила ее вполне; никогда ни до каких вопросов политики, а тем более до военных секретов и тайн она не касалась, да и по-французски-то почти не говорила. Непосвященные поражались. Для знающих же предыдущие события невольно они связывались, и вспоминалась горячая реплика майора Каруеля, что для счастья Франции надо выгнать оттуда иудеев.

Должен сказать несколько слов о контрразведке 3-й армии. Более образцовой службы мне не случалось встречать. На это тяжелое дело шли к нам, именно сюда, лучшие люди, честные, неутомимые и храбрые; среди них большинство были с высшим университетским образованием. Поэтому здесь не было места тем ненормальностям и злоупотреблениям, какими иной раз грешили другие контрразведки; в 3-й армии все было чисто и справедливо. Но зато не было ни малейшей поблажки и спуска разрушителям русской государственности. Не покладая рук, зачастую рискуя своей жизнью, чины армейской контрразведки открывали каждую противоправительственную партию, заговор, вылавливали большевистских агитаторов и всех сродственных им, уничтожая социалистическую заразу в корне. Оттого-то и не заводи-лось эсеровское предательство в районе моей армии.

\* \* \*

Наше наступление развивалось. Я напрягал последние силы, требовал и добивался того же от всех чинов армии. Все наши боевые задачи были выполнены; было сделано больше — мы нанесли три сильных удара большевикам — в центре, на севере и на юге, выполнив часть задачи 2-й армии, разбив красных везде.

Как недавнему участнику всех этих боев, этого нового подвига Русской армии — мне трудно описать его достаточно полно и ярко. Найти подходящие краски, осветить события, их причинность и значение — дело будущего историка. Я должен только указать на общий ход событий и на самую сущность происходившего. Ведь армия, которая отступала четыре месяца, прошла с этими тяжелыми отступательными боями свыше 2 тысяч верст, не только не развалилась, но не потеряла своей боеспособности и духа; более того, армия нашла в себе самой силы, ибо резервов с тылу подано не было, — нашла силы перейти в решительное наступление и нанести полное поражение врагу. Случай небывалый.

— Это только одни русские могут делать такие чудеса: после двух тысяч верст отступления перейти в такую удачную контратаку, — говорил совершенно искренне английский генерал Нокс в его последний приезд ко мне в армию.

Ведь ясно для каждого, что такое напряжение и такой успех могли быть результатом только полной веры в свое дело со стороны всех масс наших, нашей чисто народной армии. Эта вера двигала на чудеса, а чудеса создавали дальнейший подъем и удесятряли силы. Вместе с тем росла уверенность в окончательной победе национальной идеи над черными враждебными силами кровавого интернационала. Никогда не были мы так близки к победе, как в эти дни. Но главная трудность заключалась теперь в том, что наши ряды все более и более редели, красные же, наоборот, с каждым днем усиливались; они вливали, подавая непрерывно с тылу, подкрепления из своих запасных частей, они повернули на восток еще одну дивизию (21-ю советскую) и конные части, направленные было на Деникинский фронт.

19 сентября я вновь пригласил к прямому проводу главнокомандующего, доложил ему обстановку и затруднения, настойчиво просил о присылке пополнений; иначе было немыслимо ставить новые боевые задачи, тратить свои силы, добиваться успеха, чтобы потом все потерять. На этот раз я получил определенные обещания, что мне будет прислано в течение первой недели 10 тысяч пополнений, на вторую неделю еще 10 тысяч и, кроме того, партизанская бригада полковника Красильникова. Этого было достаточно и вполне удовлетворило бы армию. Имея это обещание, мы напрягли новые усилия и продолжали сбивать красных с каждой позиции, гнать их к Тоболу.

Операция свелась теперь к труднейшему и малорезультатному фронтальному наступлению, которое не могло уничтожить армию противника, оставляя его тыл и пути отступления без разрушения. Это произошло вследствие двух причин: во-первых, 3-й армии пришлось бить

своим правым флангом на север вместо юго-запада, чтобы помочь 2-й армии; а во-вторых, и это главное, — масса конницы, сосредоточенная на нашем левом фланге, после успеха в бою под станицей Пресновской, после разгрома 5-й и 35-й советских дивизий проявила очень большую пассивность и потеряла много времени, вместо того чтобы стремительно вынестись к Кургану и разгромить тылы красных, отрезать их силы от переправ на Тоболе. Ну, на это были свои оправдания: иррегулярность молодого Сибирского казачьего корпуса, плохой конский состав его, запутанные и противоречивые задачи, поставленные его главкомостоком. Была упущена блестящая и большая возможность обратить нашу первую победу в разгром красных.

Поэтому-то нам и приходилось в течение более двух недель, шаг за шагом, бить большевиков в целом ряде непрерывных боев, производя постоянные маневры одними и теми же силами. При этом надо сказать, что эти силы наши были численно меньше действовавших против нас красных. Почти на каждом участке многоверстного фронта армии нашим частям приходилось атаковать сильнеешего противника. Это было возможно только при постоянных перегруппировках и перебросках полков и дивизий с одного фланга на другой, чтобы создавать в нужных местах перевес в силах. Можно представить, как эти форсированные марши и маневры утомляли войска. Бои, упорные и жестокие, так как большевики не только оказывали нам стойкое сопротивление, но и сами пытались переходить в контратаки, — бои с каждым днем уменьшали наши силы. Тыл же по-прежнему оставался безучастным и не подавал подкреплений.

Многочисленные просьбы и доклады о тяжелом положении вызывали успокоительные ответы и обещания. И это было еще хуже, так как в ожидании этих обещанных свежих резервов, рассчитывая на них, мы расходовали свои последние силы. Чтобы докончить начатую операцию и опрокинуть красных за Тобол, было введено в боевую линию все, опять включительно до моего личного конвоя; я отправил две роты егерей штаба 3-й армии генералу Каппелю, на три дивизии которого в конце операции выпали самые трудные задачи, так как в полосе железной дороги большевики сосредоточивали всего больше своих войск, прибывающих в эшелонах из Центральной России.

Серый сентябрьский день, дождик, мелкий и назойливый, сеял уже вторые сутки и развел ужасную грязь. Из частой сетки его проглядывали полуогороженные желтые перелески, унылые снятые поля, маленькая железнодорожная станция со взорванной красными при отступлении водонапорной башней. Здесь стояли две роты егерей, готовых идти на фронт. Обходя ряды их, я видел в глазах всех офи-

церов и солдат одно желание идти и победить, уверенность в успехе. Ведь весь сентябрь мы всюду били большевиков, гнали их по всему фронту.

С бодрой песней и с молодым блеском возбужденных близким боем глаз шли егеря на поддержку волжан. Тонула в туманной дали дождливого дня их колонна, сливалась в мутное движущееся пятно, таяли и терялись в воздухе могучие аккорды русской военной песни...

Смело мы в бой пойдем  
За Русь Святую!  
И как один прольем  
Кровь молодую.

Через несколько часов егеря вошли в боевую линию, новый порыв, и последняя станция перед Тоболом была взята. Даже такой незначительный прилив свежих сил мог дать решительные результаты!

На другой день привезли раненых. Две мои егерские роты потеряли из 300 человек более 100 убитыми и ранеными, но зато помогли сломить последнее сопротивление большевиков, взяли много пулеметов и захватили в плен целый советский батальон. Я обходил раненых. В углу лежал молодой егерь с обвязанной головой — пуля пробила ему череп. Белая повязка с проступившей кровью закрывала лоб и падала на опущенные ввалившиеся глаза. Лежавший рядом егерский офицер с простреленной грудью доложил мне, что раненный в голову егерь кинулся первым на пулеметы и упал раненым уже после того, как прикладом свалил большевика-комиссара. Я взял у адъютанта Георгиевский крест и осторожно, чтобы не разбудить раненого, приколот его на грудь егерю. Но он открыл глаза, большие, блестящие радостным блеском, и начал быстро говорить, двигая с трудом своими запекшимися губами:

— Благодарствую, Ваше Превосходительство... ох... покорно благодарю. — И он нежно, торопливо гладил и новенький крест на черно-желтой ленте, и мою руку. — Как эт-то мы побежали в атаку... пулеметы их трещат, наши стали падать ранеными... ну, залегли мы в канаве... Вижу я... ох... вижу, красные солдаты руки поднимают кверху, сдаваться хотят... Мы было к ним, а тут как раз из леса выбежали комиссары и давай красноармейцам грозить револьверами... ох...

— Помолчи лучше, голубчик, тебе нельзя говорить, — остановил егеря доктор.

Тот перевел на него глаза, посмотрел строгим, мимолетным взглядом и зашептал еще быстрее:

— Смотрю я, красноармейцы заругались с комиссарами; один комиссар взял, да как стрельнет в голову одному своему пулеметчику, а он все руки кверху поднимал... идите, значит, — мы-то, — берите нас... Упал тот замертво. Ну, не стерпел я, прыгнул и побежал в атаку... Бегу и все норовлю комиссара-большевика достать. А он в меня все стрелит. Ну как добежал, да как хвачу его прикладом, так он и тьявился.

Усталый егерь откинулся на подушку и снова закрыл глаза.

Через несколько коек дальше встает при моем приближении другой егерь, молодой безусый парень, и стоит, неестественно как-то согнувшись в пояснице. Тихая ласковая улыбка трогает его бескровные губы.

— Мы, Ваше Превосходительство, вместе с им в атаку бежали...

— Куда ранен?

— Вот сюды, в живот, — показывает он пальцем.

— Как в живот? Чего же ты стоишь, когда лежать должен.

— Никак нет, Ваше Превосходительство, я могу стоять, когда начальство...

— Доктор, почему он не в постели и не перевязан?

— Да, он, очевидно, не в живот ранен, — с такими ранами не стоят на ногах. Куда ты ранен, голубчик? — обратился доктор.

— Да, вот сюды, — ткнул себе пальцем на живот егерь.

— Не может быть, Ваше Превосходительство, он что-то путает.

— Ну, осмотрите его сейчас же.

Положили егеря, раздели. Оказалось, ранен пулей в живот навылет и еле перевязан полевым санитарным пакетом.

Большинство наших раненых в этот период не хотели эвакуироваться в тыл и после нескольких дней госпитального лечения просились обратно на фронт. Так все понимали необходимость поддерживать тех героев, которые изнемогали в непосильных боевых трудах, добывая для России победу, свободу и жизнь. Не понимал только этого тыл.

Верховный Правитель, вернувшись в Омск от меня, прислал также свой конвой, который вступил в бой под начальством своего командира полковника Удинцова и оказал много помощи. Но все это были капли в море; тыл пополнений для наших частей не давал.

Я не могу описать и сотой доли тех блестящих боевых дел, которые совершили войска 3-й армии. Каждый день был нападением подвигами. Все части работали одна перед другой. Участник трех войн, перевидавший в течение моей двадцатилетней офицерской службы много боев, сражений, нескончаемую вереницу картин напряжения

воли и геройства человеческих масс, я свидетельствую, что никогда не было выносливости, самопожертвования, подъема и храбрости, подобных тем, которые Русская Народная армия проявила в эту осень 1919 года. Люди шли и дрались сутками и неделями почти без отдыха, зачастую не получая пищи, полуодетые и плохо снабженные. Но они шли вперед. И умирали, и побеждали. Ибо они видели перед своими духовными очами образ Великой Родины с окровавленным телом, в рубище, с печальными, как само горе, глазами, в которых стояли слезы позора и отчаяния. И призыв...

Благодаря беззаветному самопожертвованию командного состава, наших офицеров, и вере в успех была достигнута полная согласованность в действиях, постоянная поддержка и помощь друг другу. Только все это и давало возможность довести дело до конца. 30 сентября, после месяца непрерывных боев, красные были отброшены за Тобол. Наши войска могли свободно вздохнуть несколько дней.

\* \* \*

Насколько поредели за время этой операции ряды 3-й армии, как мало осталось бойцов, можно судить из таких фактов: при наступлении наши действия основывались главным образом на широком применении маневра; почти всюду нам удавалось комбинированными действиями и обходами бить превосходного в числе противника. Почти в каждом деле брали в плен красноармейцев, иной раз по несколько сот человек. И вот в конце сентября этих пленных красноармейцев держали неделю, другую в ближайшем тылу, сводили в запасные роты, учили и тренировали, отбирали все вредное-зараженное, коммунистов и других партийных работников, — и затем вливали эти запасные роты в наши боевые полки. Это были последние наши ресурсы; красноармейцы пополняли белые войска. И они шли охотно, наряду с нашими старыми офицерами и солдатами; с их глаз спадала грязно-красная повязка, они убеждались, что Белая армия идет в смертный бой за Русское народное дело, чтобы спасти его из хищных крючковых рук интернационала, этого всемирного Шейлока.

Армия не получала пополнений с тыла, ни одно обещание главкостюка выполнено не было; армия в это время уже не имела своих запасных частей, да и не могла их иметь со времени своего преобразования в неотдельную. Плохо было и со снабжением. Наступил октябрь, конец сибирской осени, с длинными холодными ночами, с заморозками; а все наши части были одеты по-летнему, большинство

не имело даже шинелей. Усилились заболевания, все поголовно были простужены; только сильная природа и выносливость русского человека позволяли геройским полкам нести боевую службу в открытом поле круглые сутки.

В конце сентября начали прибывать части партизанской бригады полковника Красильникова. Я вздохнул облегченно — получалась возможность закончить операцию и дать время нашим дивизиям по очереди отдохнуть и набраться сил. Был составлен план, что генерал Капель получит партизанскую бригаду и ею усилит свой последний удар, чтобы на плечах красных переправиться через Тобол и занять город Курган. Но как раз когда бригада сосредоточилась и была готова к выполнению этого плана, мною было получено категорическое приказание главнокомандующего генерала Дитерихса: спешно погрузить части Красильникова в эшелоны и направить их через Омск на Тюменское направление в 1-ю армию Пепеляева, где большевики все это время теснили наших.

Этим распоряжением срывался весь план действий. Настроение наших частей, обрадованных полученной поддержкой, должно было неминуемо упасть; 3-я армия лишалась возможность закончить операцию и захватить западный берег Тобола с Курганом. Да и сама партизанская бригада, настроенная бодро и горевшая желанием войти в победоносные войска наши, выводилась из них и получала новую, неясную для нее задачу. Кроме того, при этом судорожном и хаотическом действии непросто терялось драгоценное время — партизаны рисковали проехать по железной дороге и совсем не принять решительного участия в боях. Буквально все доводы были против этого приказа. Но приказ был боевой и требовал поэтому немедленного исполнения. Я донес главкостюку по телеграфу все соображения и получил в ответ подтверждение о немедленной отправке бригады Красильникова.

Своими силами мы могли только отбросить большевиков за Тобол. И то было достигнуто многое. Мы получили теперь возможность оставить в передовой линии половину дивизий, выведя остальные в армейский резерв. Здесь началась усиленная работа по приведению наших усталых частей снова в боеспособное состояние; полки отдыхали, мылись в банях, пополнялись. Надо отметить, что население этого района, испытывавшее власть большевиков только в течение одного месяца, так их возненавидело, что почти поголовно шло добровольцами; кроме того, возвращались в свои части все легко раненные и больные. Ежедневно шли с тыла большие их партии; настроение в армии было в высшей степени бодрое, уверенное, приподнятое. Все



стремились к новому наступлению после небольшого отдыха. И если бы мы тогда получили с тыла обещанные 20 тысяч людей, то красные полчища были бы рассеяны за Тоболом, наши сентябрьские успехи развились бы в полную победу. Россия, может быть, была бы освобождена от большевиков! Но пополнения не прибывали. Все телеграммы, настойчивые просьбы и требования оставались без ответа. Тогда, организовав оборону на Тоболе и наладив работу в армейском резерве, я отправился лично в Омск, чтобы добиться присылки необходимых подкреплений для армии, резервов и снабжения ее теплой одеждой.

Историческая столица Омского правительства показала болотом после свежей и деловой обстановки армии. Большой город кишел толпой здоровых, молодых чиновников, барахтался в кучах бумажного перепроизводства и совершенно не понимал того опасного и критического положения, к которому мы подошли, израсходовав свои лучшие силы в Тобольской операции, когда мы гнали красных 200 верст. Я провел три дня в Омске. И то, что я увидел там, тогда же наполнило сознание мыслью, что положение почти безнадежно.

Пульмановский вагон главковостока. Внутри большой письменный стол, заваленный бумагами, в углу стоит несколько хоругвей и знамен, висит значок братства Св. Креста. За столом сидит с утра и до поздней ночи, зачастую до 3—4 часов, генерал Дитерихс. Сильно постаревшее за последний год лицо; молодые умные глаза тщательно прочитывают груды бумаг; бегают карандаш в худой небольшой руке и набрасывает короткие резолюции. Склонившись за большим столом, сидит М.К. Дитерихс и пишет, читает, снова пишет, не только весь день, но и часть ночи. От полудня и часов до шести вечера к нему приезжают с деловыми разговорами представители иностранных миссий, офицеры, прибывающие из армий, чины министерств. Долгие разговоры, и опять большой стол, заваленный бумагами... Таков пульмановский вагон, где сосредоточены все нити антибольшевистского фронта, где должна быть централизована вся воля борьбы за возрождение России.

Выслушал генерал Дитерихс от меня подробный доклад о положении армии, о ее нуждах и о том, что напряжение, жертвы и достигнутый успех требуют немедленного продолжения операции, что неподача немедленной помощи из тыла была бы при этих условиях преступной и гибельной. Несколько раз наш разговор прерывал дежурный офицер, приносящий свежие бумаги и телеграммы. Пришли около часу дня три американских офицера Красного Креста с предложением организации санитарной помощи армии и тылу.

Генерал Дитерихс, усталый сверх меры, казалось, был вне досягания жизни и настойчивых ее требований; он витал как бы в своих далеких грезах, веря в высшую небесную миссию и в чудесное избавление от большевиков. Все мои усилия разбивались об это ужасное непроницаемое препятствие. Точно на пути вырастали и опускались сотни занавесей из блестящей стальной сети; висели, колыхались, упруго поддавались ударам, но поддавались лишь на очень короткое время, чтобы только обессилеть и снова упасть прежней, непреодолимой преградой. Все же в конце концов мне было обещано направить резервы в армию и прислать теплой одежды. Но затем такая фраза:

— Все это не так важно; мне нужно только во что бы то ни стало продержаться до конца октября, когда Деникин возьмет Москву. Нам необходимо до этого времени сохранить Верховного Правителя и министров.

Вместе с генералом Дитерихсом я отправился к адмиралу Колчаку, в его особняк на Иртыше; снова сделал доклад о положении на фронте. Вывод был таков: необходимо немедленно продолжать наступление, гнать разваливающиеся красных, чтобы до наступления морозов занять горные проходы Урала; для этого необходимо выполнить три условия — немедленная присылка пополнений, теплой одежды и координация действий всех армий.

Адмирал Колчак выслушал, как всегда, внимательно весь доклад. Он сидел теперь оживленный и смотрел прямо своими черными как ночь глазами, качая часто головой в знак согласия. А в конце я услышал повторение почти дословно той же фразы:

— Я знаю, как армии трудно, но ничего — продержитесь до конца октября, когда Деникин возьмет Москву...

Вечером в тот же день за обедом и после него я имел длинный и совершенно близкий разговор с адмиралом. Он, еще более оживленный и полный надежд и как будто даже помолодевший вследствие последних успехов армии, много и горячо говорил, высказывал свои задушевные мысли.

— Вы не поверите, Константин Вячеславич, как тяжела эта власть. Никто не понимает; думают, что я цепляюсь за нее. А я бы сейчас отдал тому, кто был бы достойнее и способнее меня...

В то время уже начали ходить слухи, направляемые какой-то скрытой, центральной интригой, о том, что генерал Деникин стремится стать сам во главе всего Русского дела, а с другой стороны, что генерал Дитерихс подготавливает переворот и намерен захватить власть в свои руки.

— Все равно ведь, — продолжал адмирал, — не может русский народ остановиться ни на ком, не удовлетворится никем. Будь то человек-солнце, нашли бы пятна и раздули их. И это естественно. Нельзя вычеркнуть истории великого народа, нельзя насиловать его характера, свойств и всего уклада...

— Как Вы представляете себе, Ваше Высокопревосходительство, будущее?

— Так же, как и каждый честный русский. Вы же знаете не хуже меня настроения армии и народа. Это — сплошная тоска по старой, прежней России, тоска и стыд за то, что с ней сделали...

В России возможна жизнь государства, порядок и законность только на таких основаниях, которых желает весь народ, его массы. А все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восставлении монархии, о призвании на престол своего народного Вожды, законного Царя. Только это движение и может иметь успех.

— Так почему же не объявить теперь же о том, что Омское правительство понимает народные желания и пойдет этим путем?

Адмирал саркастически рассмеялся:

— А что скажут наши иностранцы, союзники?.. Что скажут мои министры?

Верховный Правитель развил мне свою мысль, что необходимо идти путем компромиссов, и он, местами противореча сам себе, защищал точку зрения, что временное соглашение с эсерами найти нужно, так как их поддерживают все «союзные» представители. Видно было, что адмирал устал в борьбе и уже уступал.

Два дня, проведенные в Омске, прошли как долгий нудный сеанс тяжелой кинематографической ленты. Толпа, наша русская, простая, близкая, верующая в успех дела, в то, что ее ведут верно и неуклонно к концу страданий. Многоэтажные омские министерства и канцелярии, наполненные той же милой русской толпой с сильно вкрапленными гнездами вредных бездарных политиканов и партийных работников. Разнохарактерный дивертисмент иностранных военных и гражданских представителей, поющих Интернационал на мотив русских народных песен. А в темных углах, в тылу армии, куется упорно и искусно измена, готовятся сети, чтобы опутать ими восставший и свободный русский народ, повалить его снова и снова предать его во власть хищному и беспощадному врагу.

На третий день я вернулся к себе в армию, вернулся как в тихий светлый дом, к здоровому трезвому делу. Вернулся наполненный всевозможными обещаниями помощи армии, но еще более неуверенный в их исполнении.

\* \* \*

А до чего необходима была помощь в то время! Вот одна из многих картин. 30-й Сибирский стрелковый полк выведен в резерв на три дня, чтобы дать людям время отдохнуть, поспать, помыться в бане, сменить белье. Пополнили ряды полка, чем могли, что набрали сами из выздоравливающих, из добровольцев да из армейских офицерских школ. И через три дня полк получил приказ снова идти на позицию, чтобы дать возможность отдыха другой части. 30-й полк выстроен в каре около станции Лебяжья; посредине стоит аналой и священник в потертой золотой ризе служит панихиду по воинам, павшим в сентябрьских боях. Идет перечисление длинного списка имен.

— Учини их в месте злачне, месте покойне... иже жизни свои за веру и Святую Русь положиша, и сотвори им...

И мощные рыдающие аккорды несутся по степи.

— Ве-е-е-чая па-а-а-мь, ве-е-е-чая па-а-мь...

После панихиды служится напутственный молебен о даровании успеха и победы. Затем я обхожу ряды полка, разговариваю с офицерами и стрелками. Большинство из них одеты в летнее. Редко, редко сереют пятнами суконные шинели.

— Да и те достали от комиссаров, когда гнали большевиков к Тоболу, — докладывает командир полка.

А вот стоит стрелок в летней рубаше, с полным походным снаряжением, но на место штанов спускается вниз простой грубый мешок, надетый как юбка. Старые брюки его изнасились, новых не достал, а прикрыть наготу нужно было. Вот он взял и надел мешок, один из тех, в которых возят хлеб и муку. И еще несколько таких же фигур виднелось в рядах славного, геройского полка.

Больно было смотреть — эти люди шли безропотно и охотно на боевую службу, в передовую линию, где приходилось круглые сутки, под дождем и на ветру, при утренних заморозках быть на посту. Омск и весь тыл не хотели верить критическому положению; там все имели одежду, там имелись даже запасы ее, как то выяснилось позднее.

Наши части, выведенные в армейский резерв, пополнялись очень медленно, своими средствами, при тех скудных источниках, которые остались в армии после преобразования ее в неотдельную. А надо было спешить, чтобы нанести красным войскам, пока они не оправились, еще одно поражение и прогнать их за Уральские горы.

Это было необходимо и дало бы тогда полную победу. Пленные красноармейцы и перебежчики от них показывали в один голос:

— Вся Красная армия решила, что, коли белые будут гнать, дойдем до Челябинска с боями, а там все рассыпемся, разбежимся и комиссаров перебьем.

Нашими разведчиками был захвачен и доставлен в штаб армии приказ начальника 27-й советской дивизии Эйхе от 5 октября. Там были два характерных места. Товарищу Эйхе объявлял выговор «товарищу командиру полка» за то, что тот подошел с рапортом, держа одну руку у козырька фуражки, а другую в кармане.

— Прием недопустимый с точки зрения революционной дисциплины, — заканчивал начальник красной дивизии.

Затем он описывал, как во время его смотра 238-го советского полка вдруг неожиданно показалась из леса кучка конных и раздались крики: «Казаки, казаки!» Весь большевистский полк разбежался по полю в одно мгновение, как стадо испуганных овец.

— К стыду красноармейца, — заканчивает большевик-генерал Эйхе, — это оказались не казаки, а наши же товарищи — конные разведчики, производившие учебную конную атаку.

Необходимо было воспользоваться этим временем и таким настроением Красной армии; надо было спешить с нашим переходом в наступление. Для этого вся наша армия работала днем и ночью, приводила в порядок и усиливала дивизии, выводимые в резерв. Были составлены планы и расчеты новой операции.

Севернее нас 2-я армия так и не смогла выйти на Тобол и отбросить красных за реку. 8 октября главкосток прислал мне приказ — ударить моими резервами на север, повторить маневр первой половины сентября, чтобы помочь 2-й армии выполнить ее задачу. Этот приказ вновь разрушил весь план нашего дальнейшего наступления за Тобол; кроме того, не получив с тылу до сих пор почти ни одной роты пополнения, мне приходилось тратить последние силы на выполнение второстепенной задачи.

Но в военном деле приказ выше всего; для солдата любого ранга — это святая святых. Донеся о серьезном положении в армии, о неполучении до сего времени пополнений и о разрушении плана операции, я быстро передвинул резервы к северу и ударил красных во фланг. Большевики отступили, 2-я армия получила возможность выйти на Тобол.

Зато наше собственное положение сделалось очень непрочным. 3-я армия занимала фронт по реке Тоболу около 200 верст. Из одиннадцати дивизий в армейский резерв было выведено шесть, а остальные пять дивизий могли, понятно, охранять реку на этом пространстве только тонкой цепью аванпостов. Успех нашего дела был

возможен при одном условии: усиление армии и немедленный переход снова в наступление по всему фронту.

Больше месяца я добивался этого безрезультатно. 13 октября мною была послана последняя телеграмма главкосток (моя телеграмма главкосток от 13 октября 1919 года № 05299); в ней я доносил, что красные вливают интенсивно пополнения в свои ряды, готовясь к активным действиям, и что положение создается крайне серьезное, критическое.

К несчастью, через день начались подтверждения этого, начались жестокие уроки за преступную небрежность тыла. Большевики перешли в наступление, начали форсировать переправы через реку Тобол. Три дня мы опрокидывали все их попытки, причем целый ряд официальных донесений и рассказов наших раненых подтверждал картину, что красные полки идут в атаку, буквально подгоняемые пулеметами и плетью комиссаров.

Надо сказать, что к этому времени организация Красной армии вылилась в такую форму: каждая армия состояла из нескольких дивизий, дивизия делилась на три бригады, каждая силой в три полка. Эта система тройных подразделений, взятая, очевидно, из германской армии, была проведена донизу. При каждой бригаде была еще четвертая часть, «интернациональный» отряд, состоявший из латышей, мадьяр, евреев, китайцев и небольшого числа русских, партийных фанатиков-коммунистов. Эти «отряды особого назначения», снабженные обильно пулеметами, располагались всегда в тылу, за войсками первой линии, и служили для специальной цели усмирения всякого неповиновения или восстания да чтобы подгонять свои войска вперед, в атаку. Они расправлялись беспощадно, сея без разбора и суда смерть.

К этому времени до того выявилось преступное отношение бывших союзников России к нашему национальному делу и к Белой армии, что всюду — и в армии, и в лучших общественных организациях, и среди отдельных деятелей — начала выбиваться наружу мысль: раз союзники в Версале вершат свой мир, то не лишне было бы и нам, национальной России, не признающей Брест-Литовска, войти в переговоры с Германией. На наших недавних и навязанных нам противников начинали смотреть не только с чувством миролюбивым, но с зарождающимся просветлением об общности судьбы, а следовательно, и интересов. Среди же народных масс никогда не было враждебного чувства, а тем более ненависти к германцам. Этому свидетели те десятки тысяч военнопленных немцев, которые и тогда еще оставались в Сибири.

Мною был отправлен в Омск к Верховному Правителю мой помощник генерал-лейтенант Иванов-Ринов с докладом обо всем этом; также я доводил до его сведения мнение армии, что было бы очень полезно войти с германскими кругами в непосредственные переговоры, что этим путем мы, быть может, приобретем настоящее содействие и помощь в нашей священной борьбе. Адмирал ответил мне, что он разделяет этот взгляд, но запросит, прежде чем принять решение, генерала Деникина. Так вопрос этот и затянулся...

На четвертый день большевикам удалось переправиться через Тобол южнее города Кургана, прорвав растянутое положение Уральско-го корпуса. Несмотря на героическое сопротивление наших частей, которые несли огромные потери убитыми и ранеными, нечем было парализовать этого прорыва; большевики устремились в него, стараясь снова выйти к железной дороге, в тыл нашей армии.

Целую неделю продолжалось жестокое сражение по всему фронту армии. Многочисленные атаки большевиков отбивались нами всюду, где только были наши части. Но красные лезли в промежутки, шли степями, без дорог, выходили в тыл. Ижевская дивизия с 14 по 19 октября была отрезана совершенно и окружена большевиками; и не только пробилась сама, но нанесла красным несколько частных поражений и привела с собою свыше 200 пленных.

17 октября я поехал к Уральскому корпусу и там в деревне Патраково попал вместе со штабом корпуса в окружение большевиками; пришлось для контратаки деревни направить все силы до личных конвоев моего и командира корпуса включительно. В это же время большевики вышли другим направлением и грозили отрезать штаб корпуса от остальных частей армии и от железной дороги.

Нестерпимо мучительно было переживать эти дни, когда кучки храбрецов, только что совершавших победоносное движение к Тоболу, теперь были принуждены отступать из-за преступной инертности тыла. Были принуждены драться в бессмысленной и безнадежной обстановке, не имея возможности перейти в наступление самим, что только и могло дать нам новый успех и окончательную победу.

Красные за это время не потеряли ни одного дня подготовки, большевики влили в свои ряды пополнения, усилились свежими частями и были числом сильнее нас во много раз. 3-я же армия так и не получила обещанных пополнений, а от боев, от непрерывных операций сила ее таяла, таяла с каждым днем. Вот документальные цифры из сведений, представленных штабом 3-й армии главковостоку, о потерях убитыми и ранеными за время с 1 сентября по 15 октября 1919 года:

	Офицеров	Солдат и казаков
Уфимский корпус	480	8358
Волжский корпус	224	2960
Уральский корпус	227	4814
Степная группа	57	638
Итого	988	17770

Из наших полков выбывали лучшие, гибли храбрейшие русские офицеры и солдаты, цвет нашей армии. Но главное — всего хуже было то, что падала надежда на успех и вера в дело.

В 1915 году при натиске Макензена, после знаменитого Горлицкого прорыва, Русская Императорская армия отступала как затравленный лев, отбиваясь чуть не голыми руками. Преданная беспечным тылом, армия не роптала, несла неисчислимые жертвы и проявила силу величайшего подвига, большего, чем подвиг победы, — без надежды на успех, на скорое избавление от мук, без призрака славы — армия дралась день и ночь всю весну, лето и осень 1915 года на полях Галиции, Польши и прибалтийских провинций. И не было тени мысли о том, чтобы бросить тяжкий боевой пост, уйти из борьбы. Русская Императорская армия выполнила свой долг перед страной и союзниками, чтобы дать время им подготовиться и ударить по германо-австрийским силам с запада.

Аналогичный, но еще большей красоты подвиг был совершен Русской армией в 1919 году на полях холодной Сибири. Полуодетая, наполовину растаявшая, еще более преданная беспечным и преступным тылом, наша армия была снова подобна затравленному льву. Так же отходила она, огрызаясь на каждом шагу и не помышляя ни о чем, кроме выполнения своего долга. И так же с надеждой смотрела на запад, где теперь армии генерала Деникина были на пути к Москве. Рвались к ней. И ждали дня, когда святыни Кремля будут очищены от нечисти интернационала.

### Предательство тыла

Со светлым ликом и ясными очами шел своим земным путем наш Господь; красота подвига слилась с силой духа; миру была явлена совершенная гармония, соединение начала Божественного с человеческим. В то время учение правды, любви и высшей справедливости достигло своего апогея. Но именно тогда-то, когда победа добра над злом казалась неминуемой и скорой, — в это время совершилась самая низ-

кая за всю историю человеческая подлость — Иуда Искаротский продал и предал Светлого Учителя... Крадучись и пряча в складках одежды темное лицо свое, пробиралась закоулками и задворками согнутая фигура к врагам Богочеловека. Торопливый воровской шепот, быстрый обмен косыми колючими взглядами, подлый звон отсчитываемого серебра, цены крови. И затем эта ужасная сцена в Гефсиманском саду. С одной стороны стоит на коленях и молится Отцу Христос, плачущий кровавыми слезами, но готовый на все жертвы для искупления мира, с другой — приближается предатель Иуда, идущий впереди вооруженной толпы, готовой по его знаку взять Иисуса. «Кого поцелую, того и берите. Это — Он», — исходит от него шепот, как свист ядовитой змеи.

И совершилась величайшая подлость на земле. Подстроили ее и провели в жизнь кучка людей, сборище книжников и мудрецов древнего Сиона; они сумели найти среди ближайших учеников Христа низкого предателя, завистника... А массы народные, так жадно внимавшие словам Святого Учителя на горе, так бурно-восторженно кричавшие Ему: «Радуйся, Царь Иудейский», ходившие за Ним огромными толпами, — эти массы, со свойственной толпе легкостью перемен в настроении, кричали теперь: «Распни, распни Его!» И даже ближайшие ученики, допущенные к общению с Божественным, просмотрели опасность, растерялись, проспали ее. Все это было давно, на заре культуры человеческого духа. Все это так же старо, как стар наш христианский мир.

Но вот в наши дни, в дни современности, проходит перед миром подобная же картина. Предан на распятие целый народ, великая христианская страна. Гибель ее предрешена была кучкой интернационалистов, иуды нашлись среди ее же сынов; а толпа, человечество, безмолвствовала или невольно помогала преступникам. Гефсиманский сад России был 1917 год. Голгофа ее длится и до сей поры. Но придет и воскресение. Так же неожиданно, таинственно и сияюще. И встанет Россия из гроба. Вера в это живет не только среди нас, русских, но среди всей лучшей части человечества...

В то время, когда белые русские армии, эти полчища новых крестоносцев, напрягали все усилия, несли в жертву кровь и жизнь, чтоб победить интернационал, вырвать из хищных когтей его Родину и христианскую культуру, — в это же время происходило новое Иудино дело, творилось новое предательство.

И заметьте, — Иудой Искаротским руководила только зависть и выросшая из нее темная подлая ненависть, — так и социалистами, всеми, начиная от их мессии Карла Маркса, двигает только это чувство. Зависть к чужому успеху, к сытой жизни других, к чужим спо-

собностям и талантам; их безграничная зависть переходит также в дьявольскую ненависть. Завистью и ненавистью пропитано все учение социализма, — а дела их показали себя на морях крови и страданиях распятой ими России.

В двух первых главах мы коснулись слегка, обрисовали общими чертами тот комплот, который был задуман эсерами. Когда они, эти младшие братья социалистов-большевиков, увидели русский народ идущим по пути национального возрождения вокруг своих народных вождей, то они поняли, что власти «интернационала» грозит гибель и безвозвратный конец. Тогда они, стоявшие под народными знаменами, боровшиеся против большевиков, решили соединиться с ними на защиту общих им идеалов социализма против национального движения народных масс. Но все эти социалисты различных толков и оттенков не могли и не смели выступить открыто, врагами. Они избрали путь скрытый, путь измены. Они повторили дело Иуды и дали России поцелуй предателя.

Притворяясь друзьями народа и вождей его, крича громко на весь мир о борьбе против большевиков, они в то же время сговаривались с ними, как лучше и вернее погубить дело восставшей России. Правительство адмирала Колчака настолько доверчиво относилось к ним, что допустило даже в состав кабинета министров партийных работников социализма; оно оказывало содействие кооперативам, захваченным к тому времени эсерами. Под покровительством иностранной интервенции, пользуясь незлобивой русской слабостью, социал-революционеры покрыли все пространство от района военных действий до океана сетью своих агентов, внедряя их для тлетворной работы не только в городах, но в селах и в деревнях. Всюду они вели скрытую, тайную пропаганду против правительства, используя для этого каждый его промах, каждую ошибку. Имея связь с Москвой, они получали оттуда деньги, агитаторов и... инструкции.

Не только открытый предатель В. Чернов, но даже такие «идеологи-народники», как Авксентьев, оказывались в связи с большевистской Москвой, действующими по строгой указке интернационального центра, этого современного синедрона. Скоро начали проявляться первые результаты этой предательской работы. В нескольких местах, в глубоком тылу, вспыхнули восстания против власти адмирала Колчака. Главные очаги были: Тайшет и Мариинск, районы Красноярско-Минусинский, Нерченско-Сретенский и в Приморской области — Сучанские копи.

Крестьянская масса, ненавидящая интернационал всей силой, на какую способен простой, неиспорченный народ, была, к несчастью,

заброшена омским министерством внутренних дел; она получала в то время все сведения о событиях только от социалистов (через сеть кооперативов) и начиналась самыми извращенными, лживыми известиями. Надо припомнить к тому же, что в это время и министрами (председателем и внутренним дел) были партийные социалисты. Из недели в неделю шла пропаганда и агитация, развращая темные массы и направляя их против собственной армии и против народных вождей. Не пренебрегали никакими способами, чтобы зажечь пожар восстаний. Наиболее яркий пример в этом отношении представляет их организация в Красноярско-Минусинском районе.

Полноводная, богатая рыбой и золотом река Енисей течет между скалистых гор, часто сдавленная ими с обеих сторон. В таких ущельях вода кипит и бьется о камни. Даже в самую холодную пору, в крещенские морозы, не замерзает здесь стремнина реки. Но вот горы раздвигаются, образуя широкую долину, подходят к Красноярску и кончаются. Дальше на много сотен верст тянется великая Сибирская равнина, покрытая местами лесом. По этой равнине, от Красноярска и выше, Енисей несет воды свои спокойно и величаво, затопляя весной огромные пространства. Здесь богатейшие пастбища, сенокосы, это один из самых хлебобродных в России уездов — Минусинский. Население его сплошь — зажиточные крестьяне-староселы, живущие патриархальным укладом, очень религиозные и в высшей степени преданные идее Царской власти, а с нею и властям законным.

И вот здесь разгорается восстание против адмирала Колчака; начинается дело с небольших шаяк, состоявших главным образом из пришлого элемента, но к осени 1919 года дело принимает огромные и организованные размеры. Сформирован целый корпус из 11 полков, введена правильная организация, создан штаб во главе с бывшим штабс-капитаном Щетинкиным. Минусинцы, крестьяне, давали не только людей для этого корпуса, они поставляли хлеб, мясо, одежду. Был даже открыт завод для снаряжения ружейных патронов и для приготовления пик, сабель и секир. Правительственные отряды и енисейские казаки не могли подавить восстания и занимали оборонительные линии, чтобы прикрыть с юга Красноярск и железную дорогу, единственную коммуникацию армии.

В чем было дело? Какая тайная причина создала и поддерживала успех интернационалистов-большевиков среди этого монархического, патриархального, крестьянского населения? Загадка разъяснилась просто. Контрразведка армии доставила в мой штаб ряд подлинных приказов и воззваний штабс-капитана Щетинкина. В них он писал: «Пора кончить с разрушителями России, с Колчаком и Деникиным,

продолжающими дело предателя Керенского. Надо всем встать на защиту поруганной Святой Руси и Русского народа. Во Владивосток приехал уже Великий Князь Николай Николаевич, который и взял на себя всю власть над Русским народом. Я получил от него приказ, присланный с генералом, чтобы поднять народ против Колчака... Ленин и Троцкий в Москве подчинились Великому Князю Николаю Николаевичу и назначены его министрами... Призываю всех православных людей к оружию. ЗА ЦАРЯ И СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ!..»

Все восстания направлялись и шли одним путем, применялась одна и та же общая программа. Приезжали из советского центра, из Москвы, агитаторы, снабженные большими суммами денег. Скрываясь в эсеровских организациях, они находили у них поддержку и начинали вести тайно пропаганду. В то же время они организовывали из преступников и отбросов населения небольшие банды с целью нападения и разрушения железной дороги. Сжигали небольшие деревянные мосты, портили путь, устраивали крушения. Целыми десятками спускали под откос поезда, причем главная охота их была за поездами, везшими из Владивостока оружие, боевые припасы и снаряжение для армии.

Для поимки этих разбойников направлялись отряды наши или из чехословаков. Но трудно поймать их в беспредельных и густых, почти непроходимых дебрях сибирской тайги. Надо было вести систематическую и долгую кампанию, на что никто из иностранцев (а дорогу охраняли они) не имел охоты. Через несколько дней шайка выходила в другом месте, снова портила путь и устраивала крушение. Тогда, в попытках положить этому конец, неумелые руководители борьбы с этими бандами применяли самый легкий и несправедливый способ: возлагали ответственность за порчу железной дороги на местное население. Производились экзекуции деревень и целых волостей. Уже после конца борьбы на фронте, когда остатки нашей армии шли на восток, приходилось видеть несколько больших сел, сожженных этими отрядами почти дотла в наказание за непоимку разбойников-большевиков, производивших крушения на перегоне станции Тайшет—Клюквенная. Огромные, растянувшиеся на несколько верст села представляли сплошные развалины с торчащими кое-где обуглившимися полусторельными домами. Крестьянское население таких сел разбредалось и было обречено на нищету, голод и смерть. Понятно, такие меры только озлобляли население и давали опору и развитие большевистской и эсеровской деятельности, усиливая их преступную пропаганду. «Видите, — писали они, — видите, русские крестьяне, что такое Колчак и как он относится к народу. Он с шайкой капиталистов всего мира наняли чехов, чтобы жечь русские села и избивать

русских крестьян. Все за оружие, все в ряды Красной армии против мировой буржуазии...» И как у всех adeptов социализма, это новое воззвание заканчивалось крылатым лозунгом Карла Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

А в то же самое время те же люди, правильнее, отбросы человечества вели разрушительную работу среди чехов, этих quasi-славянских войск, сформированных из военнопленных, взятых Русской армией в Галиции и Польше; их развращали всячески, доводя до состояния людей, больных большевистским умопомешательством. Эту часть работы взяли на себя целиком социал-революционеры.

Бедное русское крестьянство было окончательно сбито с толку. Не знало, кому верить, за кем идти. Ненавидящие социалистов-большевиков, пошедшие так охотно под знамена Белой гвардии против красного интернационала, крестьяне были поставлены этими жестокими и неумелыми действиями между молотом и наковальней. И заметьте: чехи, отряды которых главным образом-то сжигали русские деревни, были всецело под влиянием и в услугах у эсеров, кричавших всегда о «демократии» и «демократичности». Почти все репрессии и экзекуции производились по скрытой указке этих социалистов, чтобы разжечь пожар восстаний в тылу Белой Русской армии. Это только и нужно было социалистам, это была их главная цель, в средствах же стесняться они не привыкли. В лагере устроителей нового рая на земле это проводилось последовательно в жизнь десятками лет. Насколько этот способ разжигания взаимной ненависти был ими излюблен, можно видеть из того, что один из самых крупных деятелей русской социалистической мысли, Михайловский, проповедовал еще в 1880 году «не протестовать против кнута и розог во имя лучшего социалистического будущего»...

Получалась ужасная картина. Русские народные массы, крестьяне и рабочие со своими офицерами и вождями вели беспощадную борьбу на фронте. А в тылу те же крестьяне и рабочие, под влиянием большевистской агитации, эсеровского предательства и неумелых действий местных властей восставали и становились против той же армии и против правительства адмирала Колчака.

Все больше и больше раздувалось пламя этого костра. Восстания редко где были подавлены целиком. Наоборот, появлялись новые районы, банды сорганизовывались в полки, дивизии и корпуса. Вооруженная борьба с ними требовала все большего числа войск, в которых так нуждался боевой фронт, напрягавший героические усилия для окончательной победы русской народной и национальной идеи над кровавым враждебным интернационалом.

В этих условиях борьба становилась почти невозможной. Причины этого лежали, понятно, глубоко в самой системе организации антибольшевистского движения. Моря крови были пролиты и великая жертва была принесена — впустую, вследствие основной ошибки: не хотели признать социалистов-революционеров врагами народа, такими же, как большевики-коммунисты.

Не хватало прямоты действий, не было напряжения воли. Сила национальная недостаточно концентрировалась и кристаллизовалась. Огромный белый тыл в Сибири клубился вредными ядовитыми газами политиканства, с одной стороны, и бессилия в деле — с другой. Не только не могли добиться полного напряжения — все для фронта, для войны, для победы, не имели и тени диктатуры, а, допустив в свой стан врагов, успокоились на бумажном перепроизводстве, погрязнув в тихом и медленном отбывании номера.

К сожалению, у наших противников, у большевиков, было не так. Воля из Москвы, жестокая и упрямая воля, управляемая определенным желанием еврейского центра, заставила работать всех в советской России, вызвала настоящее напряжение и сумела держать это напряжение все время на должной высоте. Там работали не спуская рукава, не для отбывания номера и знали, что за плохую работу, за недостаточные результаты — расправа сейчас же; разговоры там короткие — смерть без суда. Полковник Котомин, перебежавший к нам из Красной армии с одиннадцатью офицерами под Челябинском, подробно обрисовал положение в советском тылу. «У них работа идет не так, как у вас, — говорил он, — там не считают часов, кипит дело, и если нужно, то все заняты по восемнадцать часов в сутки. Жиды-коммунисты следят не только за совестью и политическими убеждениями, но и за выполнением каждым его обязанностей. Чуть заметна в ком лень или халатность, — сейчас на сцену выступает обвинение в политическом саботаже и... расстрел. И знают все, от генерала до машиниста, что шутить не будут».

С целью разбудить нашу тыловую публику полковник Котомин прочел лекцию в Омске в городском театре (по поручению Верховного Правителя); на лекции произошел характерный инцидент. Котомин рисовал правдивую картину советского тыла, он будил чувства белых и призывал их к такой же работе, какую несут слуги Ленина и Бронштейна, к такой же отчетливости, добросовестности и энергии... Вдруг раздаются голоса из партера:

- Как Вам не стыдно хвалить их! А еще офицер...
- Довольно...
- Поезжайте тогда обратно к большевикам...



И с галерки одинокий крик:

— Правильно, товарищ, продолжайте.

Так поняли представители тыловых наслоений искренний и честный призыв Котомина, этого одного из лучших русских офицеров. На того это так подействовало вместе со всем пережитым за последние годы, что он слег больной и не мог уже оправиться. Болезнь унесла его в могилу. Моя армия лишилась в нем хорошего начальника дивизии, на что Котомин был мною предназначен.

\* \* \*

Можно спорить и сомневаться во многом, но одно несомненно и ясно, что успокоение страны будет достигнуто лишь при наличии трех факторов: твердой власти, жизненной организационной работы правительства и самого живого участия в ней народных масс. Последний фактор является наиболее существенным и важным, ибо это, и только это, обеспечит закрепление порядка, принятие целесообразных реформ, возрождение разрушенной жизни.

Это сознавалось многими уже в то время, в самый разгар Гражданской войны. И надо отметить, что народные массы в течение всего периода не только сочувствовали новой власти, борьбе ее и стремлениям возродить страну, но сам народ добровольно нес всевозможные жертвы, давал сотни тысяч своих сыновей в армию, платил подати и налоги. И так естественно было бы использовать этот подъем народный, так просто и легко было бы наладить порядок, чтобы не было таких уродливых явлений, как восстания в тылу, нападения на железную дорогу, существование разбойничьих шайк...

Необходимо было организовать народные массы и привлечь их лучшие слои к работе на местах, образовав сельскую полицию, сельские продовольственные органы, потребительские общества, органы по распределению и сбору налогов и податей, представителей власти по проведению мобилизации, местные осведомительные бюро, сельские суды и т. д. Необходимо было сплотить сельское население около лучшей его части. И без сомнения, здесь не только не место боязни, не должно быть и сомнений, так как вся борьба велась ведь за жизнь народа и страны, велась самим народом и для народа. Следовательно, народные массы не могли не оказать правительству могучую поддержку, которая обеспечила бы в полной мере успех армии.

К сожалению, ничего этого сделано не было. Почему? Были две главные причины. С одной стороны, бюрократические и нежизненные центральные аппараты министерств не знали, что и как надо

сделать в этой области, некоторые к тому же боялись — из-за того же незнания — народной массы и не умели подойти к ней. Задавшись обширными и громоздкими программами во всероссийском великодержавном масштабе, создавали на бумаге проекты их будущего выполнения и наряду с тем не делали маленького незаметного повседневного дела, необходимого для рядового обывателя, для семьи, для массы населения. Долго ждало оно, спокойное и безропотное, движения живой воды и не дождалось.

С другой стороны — социалисты всех толков, а главным образом эсеры, всеми способами препятствовали какому-либо проявлению такой работы. Они не допускали или всячески тормозили проведение в жизнь каких-либо мер по организации населения сел и городов. Им невыгодно было это, как и самое дело восставшего народа под Русским национальным знаменем. Ибо они знали, что народные массы не пойдут за ними, не будут вторично ломать своей жизни в угоду их книжным, искусственным теориям.

Один крестьянин-тоболяк, испытывавший всю прелесть большевизма сначала в 1918 году и месяц теперь, пока мы не заняли их местности снова, так выразил своим простым языком мысль о социалистах — вывод, сделанный его здравым умом:

— Был у нас Царь, было начальство, и жили мы — Бога благодарили, — все имели, а если чего и не хватало, то надежду всякий питал: коли есть голова да руки, то и для себя и для детей заработаешь. Был порядок, был и закон и справедливость. Теперь у нас комиссары-большевики, начальства есть много, ну а остального ничего нет — ни пищи, ни одежды, ни порядка, ни закона, ни справедливости. Можно сказать, не живет теперь народ, а только глядит, как бы не умереть. Да и то не знаешь, будешь ли жив от комиссара завтра. Да и надежды на лучшее при них никакой, прямо охота работать пропадает.

— Ну а при Керенском как было? Что скажешь об эсерах?

Крестьянин задумался, затем лицо его осветилось добродушной улыбкой, блеснули умные серые глаза.

— А так я скажу тебе, барин: бывает лето с плодами Господними, бывает зима с морозом, стужами, буранами. А между ними слякоть, распутица никчемная. Так нам и социалист, такая слякоть и Керенский был. Ни Богу свечка, ни черту кочерга...

Нежелание и неумение организовать жизнь страны, главным образом сельского населения, проходило всюду, по всем отраслям многоэтажных омских министерств. И если принять во внимание, что в состав кабинета министров входили социалисты, а во главе его стоял до самого последнего времени «vieux drapereau», старый социалист Вологод-

ский, то не трудно понять, какие помехи встречали все попытки и начинания в проведении организации сельского и городского населения.

Один из наиболее ярких, цельных и больших русских людей из всех, которых мне пришлось встречать за мою разнообразную жизнь, — это святитель русской церкви, архиепископ А. Он происходит от старинного благородного корня старого русского дворянства; он ушел в монастырь, посвятил себя чистому служению Богу и всего себя отдал на службу и работу человечеству. Этот пастырь являл всегда пример высокой личной жизни и горел любовью к своим ближним; взгляд архиепископа А. на церковь глубоко проникнут истинно христианским отношением. Его отправная точка, что религия должна быть руководящим стимулом моральной жизни, но не только схоластически, — она должна направлять жизнь личную, семейную и общественную соответственно учению Христа, этой высшей нравственности. А поэтому церковь есть не только убежище для души или хранилище религии, ее таинств и обрядов, но она есть и должна быть главным средством, чтобы помочь людям устроить их жизнь лучше.

Архиепископ А. еще до мировой войны проводил этот свой взгляд в жизнь и выполнял большую работу по организации церковных приходов в своей епархии. С большими трудностями, зачастую неправильно понимаемый, не имея достаточного числа хороших помощников, он шел к своей цели. И достиг многого. Он сумел сплотить около церкви людей разных положений, взглядов и даже политических убеждений своей проповедью истинной любви, своей неуклонной борьбой против ненависти. Он вызвал к жизни и деятельности лучшие силы в массах своей паствы. Отчасти потому-то так могуче и полно местные крестьяне откликнулись на борьбу за возрождение России, оттого-то так разумны и сдержанны были рабочие всех заводов этого района и самого города. Влияние святителя А. распространилось даже на мусульман, на татарское и башкирское население; муллы шли к нему за советом и проводили в своих селах его организацию — приход около мечети.

Теперь, когда революция сломала и разрушила нашу жизнь, исковеркала ее прежние условия, когда велась борьба за восстановление ее, — архиепископ А. весь обратился в порыв и еще больше отдался своей высокой миссии. Его идея была простая и великая. Его доводы были неотразимы и взяты из самой жизни. Он говорил: «Чем сильны большевики, чем они держатся? Во-первых, твердая, ни перед чем не останавливающаяся власть. Во-вторых, и это главное, они сумели организовать всюду, в городах и селах, худшие, самые преступные элементы народа. Масса же, всегда инертная и неорганизованная, невольно подпадает в подчинение, идет в поводу этих разных сове-

тов и комитетов бедноты. Раз мы собираемся строить разрушенную жизнь, нам необходимо идти тем же путем, но надо организовать народ у другого полюса, вокруг лучших людей каждого села и города, вокруг самых честных, нравственных и трудолюбивых. И ходить далеко не надо; таких русских людей много, всюду они есть, в каждом церковном приходе. Дайте только возможность».

Архиепископ А. много раз и настойчиво обращался в Омск, и в министерства, и в высшее церковное управление, и к самому адмиралу Колчаку со своим планом организации на всем пространстве восточной России приходов, но встречал отказ, а подчас даже преследования. И это невзирая на то, что сам Верховный Правитель относился к нему с глубоким почтением. Так почти до самого конца и не удалось этому крупному русскому деятелю и патриоту найти применения своих сил. Вот выдержки из писем ко мне архиепископа А., писанных в ноябре 1919 года: «Ваше войско г. Неклютин (министр снабжения) оставил без снабжения, и войско победоносно настроенное принуждено было поэтому подвергнуться бедствиям отступления. Но у нас во всех областях имеются свои Неклютины, для дела решительно вредные, или своей бездеятельностью, или своею бездарною партийностью. В церковной области таков господин П., ничего не сделавший для Церкви. Между тем у него в руках был весь аппарат для организации народной жизни на церковных началах». В другом письме архиепископ пишет: «...Теперь сорганизованы только запы, разрушительные элементы Руси, — нужно же кому-нибудь заняться организацией элементов патриотических». Вот выдержка из третьего письма: «...Я начал вторично объезд частей вверенной Вам армии. Ваше Превосходительство! Я с радостью могу сказать, что ни Вы, ни я — не ошиблись: солдатам нравится мысль об устройении православного прихода и об устройении около приходского самоуправления всей русской национальной жизни».

Так и канули в вечность все попытки дать русскому народу возможность сплотиться, сорганизовать свою национальную силу и устроить свою страну. Канули потому, что центральная власть не только не поддержала, но ставила препятствия. Бездарная партийность одних да злонамеренная работа социалистов погубили и на этот раз эти начинания. А в то же время социалисты получали всевозможную поддержку в своих темных делах. Они-то поняли хорошо, что вся сила и успех задуманного ими плана лежит в организованности; но они не могли бы никогда провести эту организованность сами, в чистом виде, так как их идеология совершенно безжизненна и чужда русскому народу; она может только разрушать, никогда ничего не

созидаю. Поэтому эсеры в Сибири присосались к чужому телу и на нем повели свою работу.

Так на здоровый и сильный ствол могучей столетней липы пристаёт грибок паразита. Сначала в одном месте появится опухоль, вздуется кора и вырастет большой рыхлый нарост, имеющий вид, по внешности, части самой липы. Затем вредные споры паразита перекидываются по всем ветвям, по стволу и даже по корням дерева. И всюду вырастают уродливые опухоли-наросты. Липа останавливается в росте, чахнет и если не найдет достаточно сил в соках своих, чтобы перебороть разрушительную работу паразитов, то гибнет сама.

Эсеры присосались крепко к такому естественно-народному, нужному и выгодному делу, как кооперация. Об этом было вскользь сказано в предыдущих главах. Чтобы дополнить картину, надо посмотреть на условия внутренней торговли, как они стояли к тому времени. Еще война сильно повредила нормальные аппараты частной торговли; две революции, Февральская и Октябрьская, разрушили их совершенно. Население испытывало страшную нужду и терпело лишения. На этой почве талантливым, но вредоносным еврейским народцем было заложено начало спекуляции, и распустилась она пышным махровым цветом. Тогда для борьбы с нуждой и дороговизной начали образовываться, как естественный выход, общества потребителей, старая русская форма, или, как их называли по-новому, кооперативы. Цель их была: во-первых, дать по дешевой цене все необходимые товары широким массам населения; во-вторых, устроить возможность сбыта продуктов производства того же населения по наивыгоднейшим ценам; в-третьих, имелась в виду борьба со спекуляцией, которая с каждым днем углубления революции принимала все более уродливые формы. Естественно, что население стало сорганизовываться, потребительские общества-кооперативы росли. Насколько эта организация была жизненна, показывает то, что вначале русские люди, образовавшие ее, не хотели втягиваться в политику, поставили себя и свое дело вне ее.

И вот в то же время попали сюда, на здоровый ствол этого могучего дерева, вредные поры паразита. На заре русской «бескровной» революции словоговорильные эсеры проникли всюду и затопили своими речами страну. Их словам тогда многие простые люди по наивности верили, ибо не знали дел их. Среди социалистов, как известно всем, выше трех четвертей иудеев или их приспешников, отличающихся типичными свойствами всякого зловредного паразита: полная неспособность к животворной работе, наглость, быстрое распространение, приспособляемость ко всякой обстановке и безмерная живучесть, — раз эта гадость вошла в организм, не легко ее выгнать. В

числе других сторон народной жизни социалисты захватили и кооперативы.

Сначала они стали на общий путь с массой потребителей, заявив, что кооперация вне политики. Но в своей среде и в своих центрах они работали только для политики, для политики разрушения и ненависти, составляя и разрабатывая план, как лучше использовать для этого и кооперацию. А когда дело потребительных обществ развилось и упрочилось, социалисты же укрепили в них свои позиции, и, как и всюду за эти лихие годы, наверху почти всех кооперативов оказались юркие жидки, — тогда была выдвинута в открытую на первое место политическая деятельность. Так было летом и осенью 1917 года; определенно сказалось это уже к Московскому государственному совещанию. Когда разрушительная работа была паразитами выполнена, то большевики выгнали эсеров отовсюду; закрыли они и кооперативно-политическую кухню их. Антибольшевистские вожди и организации, к несчастью, этого сделать не удосужились. Причины — почему — обрисованы достаточно в предыдущих главах. Вследствие этого весь аппарат кооперации в Сибири, ее центры — ствол, все филиальные отделения — ветви, все дерево было захвачено социалистами. Шла двойная работа: население стремилось развить деятельность потребительских обществ, чтобы возродить торговлю, чтобы помочь возрождению страны; эсеры направили усилия к параличу этого — они всюду насаждали своих политических агентов, сводили все нити кооперации в своих центрах, во Владивостоке и за границей; они широко и последовательно вели пропаганду против правительства адмирала Колчака и против армии, и, как всегда и везде, эта пропаганда их была отравлена ядом клеветы, лжи, преувеличений и искажений. Работа их и здесь была тайная и скрытая. Как работа двенадцатого Господнего апостола Иуды, когда он подготавливал предательство и Голгофу.

В то же время эсеры, благодаря своим людям, стоявшим у центральной власти, могли не только пустить пыль в глаза простодушному, усталому обывателю, но и закупить внимание масс, затемнить свои изменнические махинации — они получали огромные средства, им отпускались из казны многомиллионные суммы, им давались не в очередь большие наряды на перевозки по железной дороге, льготный провоз; благодаря этому и в заграничных кругах вырастало и увеличивалось впечатление об их значении и фактической силе.

Кто станет спорить, что кооперация в чистом виде необходима в жизни государства, особенно в России, где частная инициатива всегда отставала от требований жизни. Потребительские кооперативы всегда

поощрялись в России и всегда существовали раньше, в период расцвета России при Царях. Кооперативы же промышленные только нарождались, причем исключительно по инициативе прежнего правительства сделана была громадная работа в устройстве и развитии целой сети элеваторов для сыпки хлеба: этим вопрос самой главной хлебной торговли выводился из области частной спекуляции и недобросовестности, где хлебопашцы, от крупных и до самых мелких, при осуществлении правительственного проекта получили бы возможность продажи предметов производства без посредников. И не будь великого бедствия войны и страшного несчастья «великой, бескровной» революции, русская хлебная торговля была бы свободна от цепких лап злейшего паука-эксплуататора, от еврейского посредника-спекулянта.

В будущем, несомненно, кооперации и кооперативам принадлежит выдающаяся роль в русской жизни. Но надо помнить, во что обратили этот полезный инструмент в Сибири политиканствующие шулера, партия социалистов-революционеров. Надо помнить и на будущее время уберечь русскую жизнь от этих могильных червей.

Подводя итог сказанному, видим: уйдя в подполье, социалисты-революционеры вели неустанно работу: захваты аппаратов власти и проникновение в армию, постановка всяких препятствий здоровой организации жизни страны, обращение в средство для своих целей кооперации, пропаганда против армии и правительства, пожар частных восстаний и подготовка общего предательского удара всему Белому движению. И в то же время они притворялись друзьями народа, армии, правительства и даже самого адмирала Колчака.

Чтобы закончить этот краткий очерк деятельности этих иуд России, ниже приводятся выдержки из их главного современного печатного органа «Воля России», издающегося в Праге (Чехо-Славия). Вот что пишет в номере 75 от 10 декабря 1920 года Василий Сухомлин, «представитель центрального комитета партии эсеров за границей», в своем открытом письме Бурцеву, говоря о тактике всей этой партии: «Нет никаких оснований предполагать, чтобы позиция партии изменилась после падения барона Врангеля, против которого партия боролась так же, как и против Колчака и Деникина. Прага 9 декабря». А в номере 79 той же газеты от 15 декабря 1920 года приведен еще более официальный документ, в котором вся партия социалистов-революционеров признается в своем иудинном деле, открыто заявляет о предательстве народных армий и дела. Это — письмо и резолюция, принятые на конференции, происходившей 1—8 октября 1920 года в Москве: «13. Только замена диктатуры партии коммунистов народо-властием (то есть властью эсеров. — К. С.) сможет вовлечь тру-

довые массы в работу по созданию нового социального порядка и послужить исходной точкой для восстановления производительных сил страны. 14. Демократия (опять читай — эсеры. — К. С.), как господство большинства, не только не может быть препятствием для осуществления социализма, но является единственной политической формой, гарантирующей успех социалистического переустройства. 16. Ныне, учитывая, что быстрая ликвидация Деникина и Колчака, не столько сраженных Красной армией, сколько обессиленных народными восстаниями в тылу... конференция признает наиболее целесообразной формой борьбы с контрреволюцией — метод восстания изнутри, с успехом применявшийся сибирскими организациями партии эсеров в деле ликвидации Колчаковского режима». Комментарии излишни...

\* \* \*

Прежде чем перейти к дальнейшему хронологическому описанию событий осени 1919 года, необходимо остановить внимание и посмотреть, в каких условиях была в то время железная дорога, этот один из важнейших факторов жизни страны и армии.

В Омске было министерство путей сообщения с очень энергичным, способным и жизненно-практичным человеком во главе, инженером Уструговым<sup>80</sup>. Отсюда шло управление дорогами, регулировка их службы и наилучшего использования. И надо отдать справедливость, что это министерство стремилось выйти из рутины и бюрократических нагромождений, старалось дать максимум работы и пользы. Однако обстановка и препятствия были настолько велики, что министр Устругов и его подчиненные буквально изнемогали от бесплодных подчас усилий. С самого начала создалось несколько факторов, которые разбивали все их старания, вводили импровизацию, нарушали стройность.

Во-первых, — и это было вполне естественно, — железные дороги на театре военных действий подчинялись командующим армиями, которым здесь принадлежало главное решающее слово. С этим министерство мирилось, так как видело, в большинстве, работу армейских железных дорог направленной к лучшей пользе. Кроме того, прифронтовая полоса не могла влиять сильно на жизнь страны. Гораздо важнее была магистраль от Владивостока до Омска. И вот здесь-то создалась главная помеха; почти с самого начала был образован из представителей всех «союзных» держав железнодорожный комитет, который взял на себя, явочным порядком, регулировку вопросов эксплуатации дороги и движения на всем участке от Омска до Влади-

востока. Главная роль в нем принадлежала американским и английским инженерам, и, хотя зачастую русские интересы, даже интересы фронта, приносились в жертву различным интернациональным целям, которыми была пропитана вся интервенция, русскому министру путей сообщения приходилось подчиняться.

Дело в том, что Сибирь не располагала ни одним заводом для постройки паровозов, вагонов и запасных частей. Все это, заказанное и оплаченное в большинстве еще Императорским правительством в Соединенных Штатах и в Канаде, теперь было обещано доставить и передать правительству адмирала Колчака; частью это было и выполнено. Но при каких каждый раз обстоятельствах?!

Припомним, как выдавалось военное снабжение, доставленное широким английским жестом на армию в 200 тысяч человек. Как всегда и систематически оказывалось при этом давление на Верховного Правителя, на его политику, как проглядывало желание давить даже на стратегические планы армий, как искусно и скрыто оказывалась этими «союзными благодетелями» поддержка эсерам. В области железнодорожной помощи все это приняло еще большие и уродливые размеры. Во Владивосток прибыло большое количество запасных частей, осей и колес, несколько паровозов; весь этот ценный груз союзные страны давали России, давали за ее жертвы кровью сынов ее и... за русское золото. Давали союзные страны, а их официальные представители требовали взамен почти полного себе подчинения, становились выше не только министра путей сообщения, но даже выше номинального диктатора. Понятно, это мешало работе, сильно затрудняло ее, а «союзникам» давало возможность проводить меры для своих, не всегда чистых целей.

На этой же почве наши бывшие военнопленные, составившие теперь, в 1919 году, «союзные» полки чехословацкие, польские, румынские и итальянские, захватили в свои руки огромное количество подвижного состава; так, за тремя чешскими дивизиями числилось свыше 20 тысяч вагонов. Польская дивизия, сформированная французской миссией генерала Жанена, также из бывших наших военнопленных, захватила свыше 5 тысяч вагонов; были собственные поезда у румын и итальянцев. Никакие силы не могли заставить этих «интервентов» вернуть вагоны и паровозы. Железнодорожной администрации приходилось принимать факт этого ограбления и изворачиваться ограниченным запасом подвижного состава, который остался в фактическом распоряжении русского министра путей сообщения.

Затем все интервенты-союзники, приезжая в Сибирь, чтоб спасти бедную, разоренную Россию, быстро входили во вкус; у всех их руко-

водителей были собственные поезда, составленные из лучших вагонов, с кухнями, ванными, электричеством. Поезда Жанена, Нокса, Павлу, разных «высоких комиссаров» (которые, увы, сыграли на руку невысоким советским комиссарам) поражали своей роскошью, незнакомой и недопустимой даже в их богатых странах. Дошли до такого нахальства, что распоряжение и распределение всеми салон-вагонами взял на себя штаб французского генерала Жанена, выдавая их почти исключительно иностранцам. Опять-таки справедливость требует сказать, что японцы вели себя и здесь всех скромнее, достойнее, и только они, представители Страны восходящего солнца, не имели в бедной России роскошных поездов.

Сибирская магистраль тянется на тысячи верст, проходит глухой тайгой или беспредельными степями. Большевики и эсеры, объединив свои силы, направили все внимание на эту важнейшую артерию, питавшую армию и страну, обеспечивавшую вывоз сырья из богатых губерний Сибири. И вот те шайки, которые были собраны социалистами, организовали планомерную кампанию нападений на железную дорогу.

Нападения проводились на наиболее трудные участки ее, с сильными закруглениями пути или с предельными подъемами и спусками. В таких местах банды разбойников разбирали путь, портили рельсы и стрелки, иногда взрывали мосты. Для этого ими выбиралось время, когда шли из Владивостока поезда с военным снабжением или направлялись ценные грузы. Глухой ночью совершалось покушение, поезд спускался под откос, разбивались вагоны; банда производила грабеж. Временами доходило до того, что мы прекращали ночное движение, пуская поезда только днем. Можно себе представить, какое затруднение в транспорте создавалось благодаря всему этому. Но отвлекать наши русские войска на службу обороны Сибирской магистрали было нельзя, и без того боевой фронт наш задыхался в неустанной борьбе из-за недостатка подкреплений с тыла.

Поэтому пришлось прибегнуть к милости интервентов, которые в своем междусоюзническом комитете (или совдепе, как его называли даже некоторые английские офицеры) решили разделить железную дорогу на участки и поручить охране иностранных войск. От Владивостока до Читы — японцы, около Байкальского озера — небольшой участок — американцы, далее немного — румыны, центр Иркутск — Омск — Томск — чехи, Алтайская железная дорога — 5-я Польская дивизия. Казалось бы, самая естественная вещь. Раз пришли помогать, если называются союзниками да вдобавок еще едят русский сибирский хлеб, то какие тут могут быть разговоры. Становись на работу и выпол-

ней ее честно и исправно по наряду русской власти. Так должно было бы быть при нормальном порядке. Так было бы, если бы мы, русские войска, пришли помогать кому-либо из союзников в их стране. Так и бывало не один раз, когда русскими боками спасали «союзников». Но здесь, в Сибири, опять-таки проявились, с одной стороны, наша русская стародавняя привычка взирать на иностранца снизу вверх, чуть не с подобострастной улыбкой, а с другой — их обычная самоуверенность и напыщенное самодовольство, чтобы не сказать более резкого слова.

Почти все иностранцы, взявшие на себя охрану Сибирской железной дороги, смотрели на это как на величайшее одолжение, как на благодеяние, которое они делают бедным русским; они исполняли только приказы своего «междусоюзнического комитета», не считались совершенно с русской властью и железнодорожной администрацией. При этом в оправдание приводилась все та же фарисейская увертка — «невмешательство в русские внутренние дела».

Сама служба охраны железной дороги неслась так. Начинают учащаться случаи нападения банд на железную дорогу, происходят покушения на отдельных интервентов, охраняющих данный участок. Тогда они решают действовать; усиливаются караулы, ловят нескольких разбойников, вешают их, отгоняют банды в тайгу и на этом успокаиваются. Когда им предлагалось довести дело до конца, преследовать банду и уничтожить ее с корнем, получался ответ:

— Это не наше дело!

Случалось, что такой способ не давал результатов, нападения на дорогу и иностранную охрану не прекращались. Тогда интервенты — особенно чехословаки и польская дивизия — устраивали карательную экспедицию. На опасном участке сжигались два-три богатых сибирских села за их будто бы отказ выдать преступников-бандитов.

Это вызывало страшное озлобление мирного, ни в чем не повинного населения, сыновья которого сражались за Русское национальное дело в рядах Белой армии. И естественно, что это озлобление переносилось, отражалось рикошетом на центральном правительстве адмирала Колчака, на русских властях. Таково было положение на железной дороге в то время, когда роль ее выдвигалась на первое место, вследствие того что новая неудача на фронте начала превращаться в катастрофу.

В самый нужный момент, когда необходимо было дать сверхсильное напряжение, чтобы в западном направлении подать армиям помощь снабжением и силами, а в обратном направлении — на восток — вести планомерную и безостановочную работу эвакуации, — оказалось, что русская власть бессильна использовать свою железную

дорогу. А вдобавок к этому тыловые органы, загромажденные бюрократическим бумажным строем и зараженные эсеровской тлей, упорно и беззастенчиво, приводя самые ребяческие отговорки и отписки, тянули время и занимались тем, что копили военное снаряжение в глубоких тыловых складах.

И армия, проявившая чудеса героизма и предел напряжения сил, добившаяся блестящей победы, была предана — она не получила ни пополнений, ни одежды, ни теплых вещей. А между тем наступала уже суровая сибирская зима.

Вот один из документов, телеграмма командующего Оренбургской армией: «1 ноября 1919 г. Кокчетав. Могу ли рассчитывать и когда на присылку теплой одежды, винтовок. Нужно на первое время 10 000 комплектов полушубков, валенок, шапок, теплого белья, рукавиц, брюк, особенно последних. Армия голая. Степной край не имеет дров, даже крыши не дают тепла. Тиф усиливается. Винтовок нужно на первое время 5000. Началась мобилизация уездов, для них нужно 7 тысяч теплого и винтовок. Прошу Вашего ответа. № 542. Генерал-лейтенант Дутов». И таких телеграмм получались десятки. Эти донесения поступали изо дня в день, начиная с середины августа. Но на русское горе, они оставались без ответа, без результата. И добро, если бы не было в тылу запасов, а то ведь в Красноярске, Томске, Иркутске были полные склады.

Совершалось еще более вопиющее. Когда тыл, его бюрократические органы увидели, что дело нешуточное, что на фронте положение принимает действительно катастрофические размеры, грозящие и их существованию, то там всколыхнулись и стали спешно собирать пополнения, грузить теплую одежду и обувь, направляя эшелон за эшелон в действующую армию. Все это принимало вид нерешительных, спешных и судорожных мер. Наши части были в непрерывном движении. Отступление протекало планомерно, с постоянными, ежедневными боями, чтобы парализовать новые стремления красного командования перерезать в тылу железную дорогу. В то же время шла напряженная работа по эвакуации раненых и больных, военных грузов и железнодорожного имущества. Шел непрерывный поток с запада в восточном направлении; поезда с пополнением и снабжением, врезаясь вне всякой системы навстречу этому потоку, простаивали неделями на станциях, не могли добраться до фронта или запаздывали и только мешали. Иное было бы две недели назад, когда все железные дороги были свободны, армия стояла на Тоболе, система транспорта и этапные линии были хорошо налажены. Естественно, что настроение в войсках падало все больше и больше.

Вот другой жизненный документ, крик армии — донесение командующего конной группой: «За последнее время все указывает на сильный упадок духа солдат вследствие все уменьшающегося численного состава частей и отсутствия пополнений. Волнуются и недоумевают, почему до сих пор ни один полк не пополнен, когда в некоторых ротах осталось около десяти человек. Такое положение создает благодарную почву для всякой пропаганды и агитации, чем несомненно воспользуется наш противник, хорошо осведомленный о том, что делается в наших войсках. Красные уже разбрасывают прокламации, призывающие наших солдат окончить войну, перебив своих офицеров и выдав красным адмирала Колчака, в свою очередь обещая перебить своих комиссаров и выдать нашим солдатам Ленина и Троцкого. Подобные прокламации, попадая в руки солдат, не могут не оказать влияния на менее сознательный элемент... Далее, в связи с наступившей холодной и сырой погодой и необходимостью часто ночевать в лесу под открытым небом развивается недовольство солдат отсутствием теплой одежды; солдатами указывается, что в тылу все одеты, и во все теплое... Мы рискуем потерять и оставшийся кадр ранее доблестно сражавшихся частей. 25 октября 1919 года. Генерал Волков. № 2642».

Ропот среди армии все усиливался. Тяжелое отступление полураздетых частей продолжалось без надежды остановить его, чтобы дать красным сильный отпор и снова перейти в наступление. Вместе с тем развилась до небывалых пределов и пропаганда в тылу. В результате всего падала сама вера в успех дела, исчезла надежда на скорую конечную победу, терялся смысл дальнейших жертв. В такой обстановке тыл начал теперь спешно подавать на фронт пополнения. Густыми массами шли маршевые роты, безо всякой системы, с нарушением самых примитивных требований порядка: так, зачастую поезда с пополнением простаивали сутками на станциях или разъездах, не получая ни пищи, ни кипятка для чая; люди волновались, верили самым вздорным слухам, легко поддавались обману и агитации. Наконец эти голодные и распропагандированные маршевые роты высаживали и передавали ближайшему строевому начальнику. Вначале пробовали их вливать в полки, которые таяли с каждым днем, пробовали и горько раскаивались, ибо произошли массовые предательства. Только что прибывшее пополнение, получив приказ идти в наступление, выбегало, поднимая вверх винтовки, обращенные прикладами в небо, передавалось на сторону красных и открывало огонь по своим. Почти все офицеры в таких полках гибли...

Пал Петропавловск. Армии неудержимо катились на восток. Омск, где оставался до сих пор и Верховный Правитель, и все министерства, был уже под угрозой с фронта и с севера, от Тобольска. И не только под угрозой — Омск был уже обреченным, так как спасти его могло только чудо; человеческие усилия были не в состоянии этого сделать в той обстановке, которая создалась к этому времени. Нельзя выразить той горечи, какая охватила всех нас на фронте, всю армию. Сделанный ею подвиг, одержанная на Тоболе победа, сознание близкого и окончательного разгрома красных — все пошло прахом... И не было надежды на новое улучшение, на перемену...

3 ноября меня вызвал в Омск телеграммой адмирал Колчак. Когда на следующий день утром я подъезжал к его особняку, меня обогнал автомобиль главкостока генерала Дитерихса. Адьютант Верховного Правителя просил подождать в приемной. Большая комната с длинным столом, покрытым малиновым сукном, с высокими стульями, расставленными кругом, по-казенному; стол, за которым обыкновенно происходили заседания совета министров. Два больших венецианских окна выходили на Иртыш. Могучая, величавая река катила свои мутные воды, а за ней расстиралась бесконечная Сибирская равнина. Весной она зеленела и блестела молодыми всходами, обещая светлое будущее, как бы укрепляя надежду на наше возрождение к осени. Теперь, когда наступила эта осень, прошли месяцы упорной кровопролитной борьбы, когда было достигнуто многое и мы подошли почти к полной победе, — все начало рушиться. Какая-то темная сила сводила на нет великие жертвы, труды и усилия.

Мрачно становилось на душе. Преступным представлялось то, что сделали с армией, с этими сотнями тысяч лучших русских людей, беззаветно шедших на смерть, чтобы добиться жизни для своей страны. Невольно мысль возвращалась к тем минутам, когда в этом же зале адмирал напутствовал меня в армию последними словами: «Идите на боевое дело, о тыле не беспокойтесь, я сам справлюсь с ним...»

У стены, сзади большого стола, стояла синяя горка, вся уставленная блюдами, солонками, папками с адресами, подношениями разных городов, заводов и общественных организаций из местностей, освобожденных от большевиков. Так знаменательны и полны веры были надписи на них; какими жалкими и беспомощными, оставленными выглядели они теперь... Разговор в кабинете Верховного Правителя становился, видимо, все горячее; временами доносился его голос, доходящий до крика. Прошло минут сорок. Раздался звонок, пробежал через залу адъютант и вернулся с докладом, что адмирал просит меня войти.



\* \* \*

Верховный Правитель и генерал Дитерихс сидели за столом, один против другого, с лицами, выражавшими большие переживания, причем впервые за все время я видел в глазах адмирала такую сильную усталость, доходившую почти до отчаяния. Поздоровавшись, он попросил меня сесть и сделать подробный доклад о состоянии армии, о причинах неудач, о возможных видах на будущее.

Мой доклад был краткий, основанный на фактических и цифровых данных, отчет того, что сделала армия, что она готова была сделать для Родины и что сделала с армией преступная бездеятельность тыла. Армия дала высшее напряжение и победу; полуодетая, плохо снабженная, наша армия гнала красных на сотни верст и, если бы ее поддержали хоть немного, она рассеяла бы дивизии большевиков, отбросила бы их за Уральские горы. И тогда путь на Москву был бы чист, тогда весь народ пришел бы к нам и открыто стал под знамя адмирала. Большевики и прочая социалистическая нечисть были бы уничтожены светлым гневом народных масс — с корнем. Но, как будто нарочно, тыл не присылал ни одного вагона теплой одежды, ни пополнений, ни офицеров, даже хлеб и фураж доставлялись в армию нерегулярно, несмотря на большие запасы и обильный урожай, бывший в Сибири в том году.

Полки и батареи тают. Большинство лучших офицеров и солдат выбито. Армия отступает, как лев, отбиваясь на каждом шагу; ни одна пушка, ни один пулемет не брошен врагу. Но за что люди гибнут? Что в будущем? Вера в успех при настоящих условиях исчезает. Предательство, выразившееся в том, что правительство мировило социалистам-революционерам, которые развалили тыл, погубило все дело и свело на нет все, сделанное армией, великий подвиг ее.

— К сожалению, в армии, начиная от стрелка и кончая ее командующим, нет теперь веры, что настоящее правительство способно исправить положение. Армия не верит ему...

Меня перебил генерал Дитерихс вопросом:

— Говоря о правительстве, Вы подразумеваете Верховного Правителя и совет министров или разделяете их?

— Армия по-прежнему предана Верховному Правителю, никто не сомневается, что не он виноват в том, что сделал тыл. Я говорил только о совете министров, который и до сих пор имеет в своем составе социалистов.

— Значит, Вы считаете, что Верховный Правитель должен остаться во главе?

— Более того, я считаю, что всякая перемена в командном составе, а тем более в верховном командовании, была бы гибельная для дела...

Адмирал глубоко вздохнул, тяжело повернулся в кресле и сказал, обращаясь ко мне, повышенным и дрожащим голосом:

— А Его Превосходительство генерал Дитерихс отказывается быть главнокомандующим и просил меня уволить его в отпуск.

Я всего ожидал, но не этого. В такую минуту, когда требовалось напряжение всех и каждого, этот пример дал бы самые плачевные результаты.

— Что Вы думаете? — спросил меня адмирал Колчак.

— Разрешите говорить откровенно: когда стрелок покидает свой пост в цепи, его предадут военно-полевому суду и расстреливают; то же самое, если офицер оставит свою роту, батарею или полк. Я считаю, что и главнокомандующий одинаково ответственен и не имеет права в трудную минуту покинуть свой высокий пост.

Адмирал волновался, видимо, все больше и начал объяснять причины, почему он считал себя обязанным согласиться на просьбу главнокомандующего. Оказалось, что генерал Дитерихс отдал приказ о выводе в тыл всей первой армии генерала Пепеляева, причем перевозка ее по железной дороге уже началась; этим обнажился весь правый фланг боевого фронта.

— В то время, когда я хочу все усилия бросить на защиту Омска, я считаю вывод армии Пепеляева безумным делом. Вопрос об уходе генерала Дитерихса мною уже решен, — закончил адмирал Колчак разговор, отпустив нас обоих.

Через час я был позван снова. Адмирал задал мне вопрос, кого я посоветовал бы ему назначить главнокомандующим. Трудно было ответить на это; я доложил мое мнение, что один из наиболее дельных помощников его был начальник штаба генерал Лебедев, которого и следовало бы вернуть на место. Верховный Правитель соглашался с этим, но заявил, что не считает это возможным, что, благодаря интригам, имя генерала Лебедева очень непопулярно в общественности.

— Да, генерал Лебедев был всегда открытым противником социалистов всех партий, почему им и надо было убрать его. Но это не причина...

Адмирал Колчак обратился ко мне:

— А Вы согласились бы занять пост главнокомандующего?

Я решительно отказался, ссылаясь на то, что я связан с 3-й армией, что мне дороги и эта связь, и самое дело, с которым я справляюсь.

Адмирал настаивал. Вечером он вызвал меня третий раз и заявил, что не может прийти к другому решению и приказывает мне принять пост главнокомандующего Восточным фронтом. Это он повторил и перед малым советом министров, собранным в тот же вечер в его доме для обсуждения тогдашнего чрезвычайно трудного и сложного положения. Мне пришлось подчиниться приказу. Нерадостные, черные были перспективы.

Армия неудержимо катилась на восток. Эвакуация была затруднена до невозможности, так как до самого последнего времени не было предпринято никаких шагов для вывоза огромнейших военных складов в Омске, наоборот, до конца октября все прибывали новые транспорты с различными снабжениями. Надо было собирать и эвакуировать огромные министерства, спасать раненых, больных и семьи военных.

Вдобавок ко всем трудностям прибавилась еще одна: в 1919—1920 году зима была исключительно теплая, сравнительно с обычной сибирской; в первой половине ноября морозы все время колебались между двумя-тремя градусами тепла и пятью мороза. По Иртышу шла шуга (мелкий лед); это лишало возможности не только навести мосты, но даже устроить паромные переправы. Наши армии надвигались к Иртышу и становились перед неразрешимой задачей, как совершить переправу через эту огромную реку. Какой-либо маневр под Омском был совершенно невозможен. И в то же время армия все более и более таяла, оставшись одетой по-летнему. А в тылу были накоплены колоссальные запасы, такие, что их не могла бы использовать вдвое большая, чем наша, армия!

На заседании совета министров я повторил мой доклад, обратил внимание на все эти трудноисправимые минусы, вызвавшие полнейший крах осенней операции, и предупредил, что на защиту Омска рассчитывать нельзя, что, может быть, удастся собрать резерв к востоку от Иртыша и там дать красным генеральное сражение.

Спасти общее наше положение было тогда еще возможно; понятно, не удержанием Омска, что являлось задачей невыполнимой, да и не самой важной; все силы надо было направить к двум главнейшим целям: спасти кадры армии и удержать ими фронт в дефиле примерно на линии Мариинска; в то же время сильными, действительными мерами, не считаясь ни с чем, надо было очистить тыл и привести его в порядок. Изгнать преступную бюрократическую бездеятельность и волокиту, совершенно искоренить возможность дальнейшего предательства социалистами; объявить партию эсеров противогосударственной, врагами народа; наладить жизнь населения в самых простейших и не-

обходимейших ее формах и обратить усилия всех и всего для боевого фронта. Работать зиму не покладая рук, и тогда к весне можно было рассчитывать на новое успешное наступление, особенно когда население Западной и Средней Сибири узнало бы на своих спинах всю прелесть большевизма.

Вот такой была общая программа, которая стояла передо мной и которая была набросана перед советом министров; это был единственный шанс на успех. При этом выдвигалось необходимым установление фактически военного управления вплоть до Тихого океана, выявление нового лозунга — движение для возрождения России по ее историческому пути с принятием правого курса политики внутри страны, а вместе с тем и направление внешней политики только в интересах дела возрождения России, вплоть до заключения, если понадобится, секретных договоров со странами, действительно дружески действующими по отношению к нашему Отечеству.

С другой стороны, настоятельно необходимо было отказаться раз навсегда от угодничества перед теми иностранцами, которые вели в Сибири политику «бельэтажа интернационала», оказывали поддержку эсерам, заставляли наше правительство плясать под их дудку, вредили национальному воскресению России.

Тяжелый был момент, но выход виделся, хотя и загроможденный гигантскими препятствиями, осложненный сверхчеловеческими трудностями, но все же выход прямой, вытекающий из сил и средств, которыми мы располагали. Только это одно, лишь сознание долга идти и вести к этому выходу заставили меня принять обязанность главнокомандующего и взвалить себе на плечи огромную, сверхсильную ношу.

В тот же день, когда я приехал в Омск, а генерал Дитерихс уезжал отдельным поездом во Владивосток, мне ясно представилось, как в случае не только неудачи, а временных неудач будут со всех сторон выдвигаться все новые и новые препятствия и врагами будут пушены в ход все средства. Особенно ввиду того, что проведение основного плана в его целом возможно было лишь при твердом, систематическом курсе, при суровых, а подчас и жестоких мерах. Как же иначе было бороться и желать победить еврейскую беспощадную диктатуру над русским народом, правящую под фирмой «большевиков-коммунистов».

Адмирал Колчак просил сделать все возможное, чтобы попытаться спасти Омск, и сейчас же отдал приказ о возвращении 1-й Сибирской армии на фронт. Когда на другой день по прибытии в эту сибирскую столицу я приехал вечером в особняк Верховного Правителя для обсуждения плана действий, в кабинете адмирала я застал командующего 1-й армией генерала Пеняева. В первый раз я видел этого печально-

го героя контрреволюции. Широкий в плечах, выше среднего роста, с крутым, простым лицом, упрямыми, серыми глазами, смотревшими без особо яркой мысли из-под низкого лба; коротко стриженные волосы, грубый, низкий, сдавленный голос и умышленно неряшливая одежда — вот облик этого офицера, который был природой предназначен командовать батальоном, в лучшем случае полком, но которого каприз судьбы и опека социалистов выдвинули на одно из первых мест.

Адмирал встретил меня словами:

— Вот генерал Пепеляев убеждает не останавливать его армию, дать ей возможность сосредоточиться по железной дороге в тылу.

Я отвечал, что это невозможно, так как железная дорога нужна для эвакуации, а армия генерала Пепеляева необходима для операций на фронте. Генерал получит приказ и инструкции сегодня же вечером в моем штабе. Пепеляев поднялся во весь рост, посмотрел в упор из-под нависшего сморщенного складками лба на адмирала.

— Вы мне верите, Ваше Высокопревосходительство? — спросил он каким-то надломленным голосом.

— Верю, но в чем же дело?

Пепеляев тогда перекрестился на стоявший в углу образ, резко и отрывисто ударяя себя в грудь и плечи.

— Так вот Вам крестное знамение, что это невозможно, — если мои войска остановят теперь, то они взбунтуются.

Около двух часов шел спор. Пепеляев пускал все способы не доводов и убеждения, а прямо устрашения. В конце концов адмирал махнул рукой и согласился не останавливать армии Пепеляева, а направил ее в районы, указанные еще генералом Дитерихсом, то есть в города Томск, Новониколаевск и на восток до Иркутска. Этим решением выводилось из строя не менее четверти бойцов, правый фланг обнажался и на две остальные армии возлагалась задача непосильная.

Я доложил Верховному Правителю, что не могу при таком отношении к приказу оставаться главнокомандующим, и снова настаивал на возвращении меня в 3-ю армию. Адмирал, усталый и подавленный тем страшным бременем, которое он нес уже целый год, начал уговаривать меня и просил остаться, чтобы вместе выполнить общими усилиями главный план зимней работы.

Целый ряд сумбурных дней, полных неизвестности, полных работы среди каких-то диких невозможностей. Армия каждый день приближалась верст на 15—20. Опасность росла, а эвакуация затруднялась все сильнее. А тут надо было отправлять все иностранные, союзнические миссии, хотя бы главнейшие аппараты министерств. Иртыш не становился, продолжая ледоход. Предстояло, видимо, повернуть ар-

мию, не доходя до Иртыша, на юг с целью отвести ее затем в Алтайский район. Я сделал приготовления, чтобы ехать в армию и быть при ней. Адмирал колебался, то решая ехать со мной, то склоняясь на поездку в Иркутск, куда переезжали совет министров и главнейшие аппараты управления. Кроме того, все время стоял трудный вопрос с золотым запасом, которого было 28 вагонов полной нагрузки, то есть 28 тысяч пудов.

Наконец, 10 ноября хватил мороз. Иртыш стал. Лед крепнул. Переправа для войск была обеспечена. Было решено закончить спешно эвакуацию, уничтожить все военные запасы в Омске и отводить армии на восток; собрать резервы на линии города Татарска или если не успеем, то на линии Томск—Новониколаевск, чтобы там дать сражение всеми силами, включая и армию генерала Пепеляева. Войска наши не разлагались, нет, они только безумно устали, изверились и ослабли. Поэтому отход их на восток делался все быстрее, почти безостановочным.

Пять литерных поездов, составлявших личный штаб Верховного Правителя (один из них был с золотым запасом), выехали из Омска 13 ноября; я дождался приезда командующих армиями генералов Каппеля и Войцеховского и 14 ноября, после совещания с ними, выехал из Омска с моим штабом. А 15 ноября утром красные с севера обошли бывшую столицу Сибирского правительства, и наши войска принуждены были оставить линию реки Иртыша. Омск пал...

На десятки верст слышались оглушительные взрывы, которыми уничтожали многотысячные омские запасы снарядов, патронов и пороха. Красные получили огромную добычу и заняли столицу. Перехваченные их радио торжествовали полную победу. Но это было не так. Перед нами лежал ряд задач, которые нужно было выполнить, и тогда положение было бы спасено. Борьба за Россию была бы доведена до конца, до нашей победы.

Д. Филатьев<sup>81</sup>

## КАТАСТРОФА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ<sup>82</sup>

### Образование Директории

По инициативе Самарского, Екатеринбургского и Сибирского правительств были устроены два совещания: 23 августа — в Челябинске и 23 сентября — в Уфе. После бесконечных дебатов о приоритете наконец согласились на учреждение единой власти в лице пятичлен-

ной Директории, и местом ее пребывания был выбран Омск, как отстоящий далеко от фронта. Директорами были избраны Авксентьев, Астров, находившийся в это время при Добровольческой армии, Вологодский, Чайковский, бывший в ту пору в Париже, и генерал Болдырев, он же Верховный главнокомандующий. На случай убыли или отсутствия были избраны заместители: Авксентьеву — Аргунов, Астрову — Виноградов, Вологодскому — Сапожников, Чайковскому — Зензинов и генералу Болдыреву — генерал М.В. Алексеев, возглавитель Добровольческой армии.

Нельзя не подивиться составу Директории, избранному для управления государством в минуту тягчайших испытаний. Как на подбор, директорами были выбраны лица, имена которых ничего не говорили не только России, но даже и Сибири и которые решительно ничем себя не проявили ни на государственном, ни на общественном поприще, за исключением Астрова да отчасти Авксентьева, ставшего известным после того, как он входил в состав министерства Керенского. Избрание Астрова и Чайковского было простым лицемерием, так как ясно, что прибыть в Сибирь они могли не раньше как через несколько месяцев. Назначение же генерала Алексева заместителем Болдырева было явной бестактностью со стороны самого Болдырева: по их взаимному удельному весу естественно было бы избрать Алексева директором, а Болдырева его временным заместителем; как Верховный главнокомандующий, генерал Алексеев мог свободно оставаться при Добровольческой армии, если бы не захотел ехать в Сибирь и оттуда объединять военные действия, что для Болдырева из Сибири было неосуществимо. Если бы Директория не избиралась исключительно по признаку партийности, то, несомненно, в состав ее должен был бы войти генерал Хорват, как знаток Дальнего Востока и как человек, пользовавшийся там большой популярностью.

Избранная Директория была признана Уфимским совещанием как «единственный носитель верховной власти на всем пространстве Государства Российского» до созыва Учредительного собрания. Представители англичан в Сибири, Ольстен и Нокс, французов — Пишон и Буржуа, и чехов — Павлу приветствовали создание Директории, которая, кстати сказать, избиралась под сильным давлением чехов, грозивших уйти с фронта, если соглашение не состоится.

Кроме Астрова, к тому же отказавшегося от избрания, Вологодского, Болдырева и Алексева, все директора и заместители были социалистами и получили от партии особые инструкции, которые обязаны были исполнять, хотя бы они шли вразрез с государственными интересами. На этом-то Директория вскоре и споткнулась.

Деникин отказался признать Директорию всероссийской властью «как ответственную и направляемую Учредительным собранием первого созыва, возникшим в дни народного помешательства и не пользующимся ни малейшим авторитетом». Генерал Алексеев прислал Директории «искреннее поздравление», но на избрание его заместителем Болдырева никак не реагировал.

Хорош или плох был выбор Директории и самое ее установление, важно то, что на этот раз в России наряду с большевистской властью появилась другая, антибольшевистская, стремившаяся к свержению первой, и притом не самочинная, не рожденная путем военного насилия, а все же кем-то выбранная, не встретившая протеста со стороны населения. Особенно ценным для новой власти являлось признание ее за таковую уральскими, оренбургскими и забайкальскими казаками, заподозривать которых в легкомысленности или неискренности оснований не было. Это подводило под Директорию своего рода фундамент, которого никогда не имела Добровольческая армия в ее претензиях на всероссийскую власть. Несомненно, генерал Деникин был не прав, отказавшись признать Директорию, как не прав он был впоследствии в промедлении признания власти адмирала Колчака. Чистота знамен и лозунгов добровольцев не могла пострадать от подчинения Директории, хотя бы она и была «ответственна и направляема» Учредительным собранием, чего в действительности и не оказалось, ибо дело заключалось не в «средствах», а в «цели». Если Директория ставила себе целью свержение большевиков, то всем, жаждущим того же, надо было идти вместе с нею, доколе она от поставленной цели не уклонялась. Какой толк вышел из того, что когда-то граф Шамбор не пожелал уступить в вопросе о трехцветном знамени. Если он считал, что его воцарение нужно Франции, а не ему лично, то он обязан был уступить и отказаться от белых лилий. Наша общая цель была свергнуть большевиков и потом уже разбираться в вопросах управления, поэтому не следовало ни отворачиваться от Скоропадского, ни заниматься местничеством с Красновым, ни отрещиваться от Директории или впоследствии медлить с признанием власти адмирала Колчака. Положение Деникина оказалось бы не из уютных, если бы Директория была признана как всероссийская власть иностранными правительствами. С его стороны было бы дальновиднее и государственнее самому ходатайствовать перед союзниками о признании в первом случае Директории, во втором случае Колчака как верховной власти. Ведь такое признание придавало бы устойчивость ему самому, как агенту этой власти, и выводило бы Добровольческую армию из положения партизанства.

## Первые шаги Директории

Как только состоялось избрание и Директория собралась в Омске, она объявила себя всероссийским правительством и оповестила об этом все русские посольства и иностранные правительства, уверенная, что последние ее немедленно признают. Хотя признания и не последовало, но все же союзники отнеслись к Директории сочувственно, аккредитовали при ней своих «высоких комиссаров» и обещали поддержку в борьбе с большевиками, сделав лишь оговорку, что делают это в целях скорейшего продвижения чехов в Европу. Несомненно, такая оговорка была лишь формальностью, и скрытая цель союзников заключалась в их желании восстановить русский фронт против Германии при помощи Директории. Ведь никто тогда не думал, что через два месяца Германия капитулирует и Россия потеряет для союзников всякий интерес, кроме выжимания из нее процентов по долгам.

Окончив организационный период, Директория назначила новых министров, в числе коих военным министром был сделан адмирал Колчак. Работа в министерствах не клеилась, чему не надо удивляться, так как у власти — люди, даже и близко к какому-либо управлению не подходившие. В омских министерствах министерского было не больше, чем в любой уездной управе. Управлению приходилось учиться с азов. Возможно, что постепенно дело наладилось бы, если бы не партийные инструкции, связывавшие директоров. Адмирал Колчак открыто заявлял, что с социалистами работать невозможно; торгово-промышленные круги Директории, из-за ее социалистического состава, не доверяли; офицеры волновались, так как Чернов уже приступил к разоружению и русских, и чешских войск, объявил офицеров реакционерами, протестовал против погон и чинопочитания. За два месяца своего существования Директория ни в ком не нашла ни доверия, ни сочувствия; она отцветала, не успев расцвести. В Омске зрело брожение в казачьих и офицерских кругах. Нужен был только толчок для взрыва. Он, к сожалению, скоро нашелся, и взрыв произошел. Я потому говорю «к сожалению», что выгоднее было бы дать Директории умереть естественной смертью, тогда не было бы последовавшей за переворотом смуты.

## Переворот 18 ноября 1918 года

Пустячный случай ускорил ход событий. 16 ноября, по случаю приезда в Омск французского генерала Жанена, был устроен в общественном собрании банкет, на котором подвыпившие офицеры по-

требовали и настояли на исполнении народного гимна после исполнения Марсельезы. Лидерам партии социалистов-революционеров не понравилась эта, как они называли, «монархическая молитва» (принято считать, что требование исполнения гимна после 3 марта 1917 года есть признак махровой реакционности; забывают при этом, что в этих случаях гимн, не заключая в себе никакого словесного содержания, сохраняет за собой духовное значение, как напоминающее о днях славы и величия России и как противовес Интернационалу или хотя бы Марсельезе, которую с первых дней нашей революции начали исполнять вместо народного гимна), и они предложили адмиралу Колчаку арестовать казачьих офицеров Красильникова, Катанаева и Волкова. Дело было, разумеется, не в гимне, за который было бы нелепо арестовывать, а в том, что правительству было известно, что против него имеется заговор, во главе которого находились три упомянутых офицера. Красильников и Волков, вместо того чтобы быть арестованными, предпочли сами арестовать двух директоров — Авксентьева и Зензинова — и управляющего делами Роговского и заперли их на ночь в одну из казарм. За арестованных никто не вступился, и междоусобной брани не произошло.

18 ноября утром собрался совет министров под председательством директора Вологодского, который оставался на свободе, чтобы обсудить создавшееся положение и что делать дальше. Восстанавливать популярность директоров, да еще после того, как они отсидели ночь в казармах, было просто неумно. Избирать новую Директорию — значило бы начинать сказку сначала. Поэтому без прений было принято решение, которое давно уже назрело: «В трудные минуты жизни государства власть должна быть сосредоточена в одних руках». Оставалось установить, кому ее вручить. Начальник штаба армии генерал Розанов назвал генерала Болдырева. Его поддержал адмирал Колчак, указавший, что диктатором может быть только лицо, опирающееся на армию и пользующееся ее доверием. Сам адмирал был горячий сторонник установления единоличной всероссийской власти. С этой мыслью он носился еще до избрания Директории и предлагал ее на обсуждение некоторым лицам во Владивостоке, выдвигая как кандидата генерала Хорвата. Непонятно, почему он не вспомнил об этой кандидатуре, когда в Омске вопрос был поставлен реально. Но кандидатура генерала Болдырева не только не встретила сочувствия, но даже не обсуждалась. Устругов, министр путей сообщения, написал на бумажке, но не предложил на обсуждение генерала Хорвата. Кто-то предложил Колчаку самому принять власть, но он от этого решительно отказался. Тогда его попросили на время удалиться

ся, чтобы не стеснять обсуждение кандидатур. Без него быстро пришли к решению, что именно Колчаку надлежит принять на себя всю полноту власти со званием Верховного Правителя. Теперь, много лет спустя и зная все перипетии событий, нетрудно догадаться, что совет министров поступил бы благоразумнее, если бы предложил титул Верховного Правителя Деникину, а его заместителем в Сибири избрал бы Колчака или Болдырева. Это было бы логично, подняло бы престиж Деникина перед союзными правительствами и создало бы действительное объединение в опытных руках военных операций на европейском и азиатском фронтах. Не рождался бы тогда и вопрос об участии Колчака в свержении Директории и не могло бы быть сопротивления власти избранного правителя со стороны Семенова и других, оказавших вначале неповиновение адмиралу Колчаку. А поехал бы Деникин в Сибирь или нет, большого значения быть не могло, особенно если бы во главе сибирских войск остался бы генерал Болдырев.

Сверх того, нельзя не заметить, что совет министров слишком просто подошел к вопросу замены Директории единоличной властью Колчака и не обратил никакого внимания на юридическую и государственно-правовую сторону вопроса. Получался явный нонсенс: не совет министров избирал Директорию, а Директория назначала министров, образовавших совет, почему последний, хотя бы и в период революции, не должен был считать себя правомочным замещать Директорию. Ему надо было придумать какую-то более приличную и хотя бы по видимости более легальную форму перестроения власти, чтобы это не носило характера переворота. Во всяком случае, было бы благоразумным до окончательного решения вопроса вызвать в Омск на совещание генерала Болдырева, как одного из директоров, в руках которого в то же время находилась армия. Закинсь Болдырев (так в тексте. — *Примеч. ред.*), и положение совета министров и его избранника Колчака оказалось бы трагическим. Но так или иначе, был избран Колчак, и его избрание оказалось чревато последствиями.

Итак, 18 ноября в Омске, хотя в малоудачной процессуальной форме, свершилось то, что по логике государственного разума должно было совершиться в Петрограде после отречения Великого Князя Михаила Александровича. Будь Государственной думой избран тогда же Верховный Правитель как несменяемый до Учредительного собрания носитель власти, Россия не скатилась бы в пропасть. Кто бы он ни был, вернее всего Родзянко, он не пошел бы на соглашение с Совдепом, как пошла коллегия с князем Львовым во главе. Он не остановился бы перед решительными мерами для борьбы с разрухой,

не распустил бы всю губернскую и уездную администрацию, а главное, он не отдал бы армию на растерзание всякого рода реформаторам, после опытов которых от армии остались рожки да ножки.

Дата 18 ноября явилась счастливым историческим совпадением: 18-го же ноября 1799 года, по революционному календарю 18 брюмера, Наполеон сверг совет пятисот и с этого дня начал править Францией единолично. Но в Сибири переворот не прошел так гладко, как когда-то во Франции. Адмирала Колчака ждали крупные неприятности. Первыми заявили протест чехи, найдя, что переворот нарушает права демократии и условия Уфимского соглашения. Этот чисто дипломатический протест иностранцев, не имевших никакого права вмешиваться в наши внутренние дела, был прежде всего оскорбителен для нашего национального самосознания, и тем более, что пилуюлю пришлось проглотить молча. Угроза чехов покинуть фронт практического значения не имела, так как они его и без того покинули, перейдя на положение «уставших» или, как там называли, «вспотевших». Практическое значение их протеста сказалось бы в другом.

Еще 22 октября ЦК партии эсеров обратился со своего рода манифестом ко всем партийным организациям, в котором указывал на слабую сопротивляемость Сибирского правительства проидам реакционеров и приглашал партию сомкнуть ряды и приступить к мобилизации и военному обучению всех сил партии, «чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистского фронта». Пелась та же песня, что в 17-м году неизбежно тянул Керенский, ставя чистоту партийной программы выше интересов государства. Ясно, как забили в набат эсеры, когда 19 ноября в Екатеринбург, где пребывал Комуч, пришло известие о событиях в Омске. Съезд членов Учредительного собрания единогласно признал «полную невозможность признания закономерности происшедшего и необходимость борьбы против Омского правительственного акта всеми средствами». Намечены были мобилизация рабочих Екатеринбургa и обеспечение дружелюбного содействия со стороны чехов.

Антигосударственная партия и такой же Комуч, только месяц тому назад укоровявшие кого-то в намерении открыть борьбу в тылу фронта, теперь с легким сердцем готовы были начать гражданскую войну с тылом во имя торжества партийных догм, а если ее не открыли, то только потому, что за ними никакой силы не оказалось и надежда на какую-то мобилизацию «всех сил» не оправдалась, как не осуществилось желание втравить в борьбу с Омском чехов. Колчак приказал по телеграфу арестовать всех членов Комуча с квалифицирован-

ным негодеям из эсеров Черновым во главе. Это было исполнено, и 14 арестованных под конвоем были оправлены в штаб 25-й дивизии. Вот тут-то и пригодились чехи: комендант Влага с отрядом солдат нагнал арестованных и отбил у конвоя. В дальнейшем, по сношению с Омском, решено было членов Комуча отправить в Тюмень и Шадринск, но при помощи чехов же им удалось бежать в Уфу. Протест и бумажное восстание Комуча были ликвидированы, но ненадолго: скоро Омскому правительству пришлось иметь дело с целым рядом восстаний, организованных эсерами.

### Атаман Семенов

Ни чехи, ни эсеры не создали Колчаку, непосредственно после его вступления во власть, действительных затруднений. Они пришли с востока от атамана Забайкальского войска Семенова. Кто такой Семенов — известно всем. Во время войны — подьесаул Нерчинского казачьего полка, которым командовал покойный Врангель. После войны партизан на станции Маньчжурия, базировавшийся в Харбине и получавший денежные средства от генерала Хорвата и там же сошедший близко, неизвестно на какой почве, с японским командованием. Человек совершенно беспринципный, не брезговавший никакими средствами, до грабежей и убийств включительно. Когда Колчак стоял в Харбине в организации генерала Хорвата, у него вышло резкое столкновение с Семеновым, который приказал одному из своих подручных арестовать какого-то из колчаковских офицеров и отправить его в Маньчжурию на расстрел. Вовремя предупрежденный, Колчак сам арестовал арестователя. Это создало конфликт, который Колчак быстро забыл, но не забыл Семенов и через некоторое время отказался от объединения действий против большевиков и от помощи деньгами и оружием, предложенной Колчаком. К несчастью, там же, в Харбине, у Колчака вышли неприятности с японским генералом, когда Колчак просил его продать нам оружие, а японец осведомился таинственным голосом, «какую компенсацию может дать Россия за помощь». Колчак вспылал и наговорил дерзостей. Этот эпизод тоже не остался без последствий в будущем, особенно когда, вследствие полного неумения вести дела со стороны министра иностранных дел Сукина<sup>83</sup>, отношения с японцами вконец испортились.

Когда Семенова уведомили о перевороте в Омске, он телеграфно уведомил, что отказывается признать Колчака Верховным Правителем, и выставил своего кандидата — атамана оренбургских казаков Дуто-

ва. Одновременно Семенов прервал телеграфную связь Омска с востоком и стал задерживать грузы, идущие в Омск. Можно себе представить душевное состояние адмирала и его министров. Будь Колчак более уравновешенного характера, он попробовал бы уладить дело мирным путем. Ведь как-никак, а Семенов, хотя и действовавший как Иуда Искариотский, формально был, так сказать, в своем праве признать или не признать выбор омского совета министров. Когда-то он добровольно подчинился Директории, избранной совещанием 19 правительств; это не означало, что он брал на себя обязательство беспрекословно соглашаться на все, что последует за возможным уходом Директории от власти, и решение совета министров не могло почитаться для него обязательным и возглавление Колчаком не только Сибири, но и всей России бесспорным. Колчак поторопился и решил привести Семенова к покорности силою. Был выслан в Забайкалье отряд под начальством генерала Волкова (тот самый, что арестовывал Директорию и был произведен Колчаком в генералы), которому, однако, не пришлось приступить к покорению Семенова, так как японцы, имевшие в Забайкалье дивизию, объявили, что они не допустят боевых действий. Положение осложнилось, а престижу Верховного Правителя был нанесен жестокий удар; все равно пришлось приступить к переговорам. Телеграфное вмешательство Дутова, напомнившего Семенову об ответственности перед Родиной, спасло положение: Семенов подчинился, а Колчак отменил свой приказ об отрешении Семенова от должности. То был первый урок для носителя власти не наследственной, но в будущем он не послужил к умиротворению характера адмирала и не предостерег его от слишком поспешных решений.

На этот раз, хотя и не без морального ущерба для власти, с протестами и сопротивлениями было покончено. Колчак мог свободно приступить к принятой им на себя задаче по свержению большевиков и умиротворению России.

### Первый период правления адмирала Колчака

Приняв назначение, адмирал в тот же день отдал следующий приказ: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройств государственных дел и жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной целью я ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и



порядка». Приказ этот определял совершенно ясно, точно и полно условия, при которых власть переходила от безвольной, безличной и многоголовой Директории в единоличные руки Диктатора.

Адмирал Колчак отлично сознавал предстоящие ему трудности, почему и говорил, что он принял на себя крест этой власти; он знал, что ему предстояло идти именно крестным путем, но, конечно, не предугадывал, к какой Голгофе он его приведет. Мы видели, как нетрудно было адмиралу Колчаку сделаться диктатором, а сейчас я постараюсь показать, как трудно было эту диктатуру осуществить в пределах им самим поставленных целей, то есть создания боеспособной армии, победы над большевиками и установления законности и порядка. Задачи колоссального масштаба для страны, которая уже почти два года жила в атмосфере бесправия и хаоса, и при наличии в населении вооруженной силы (в виде ушедших с фронта солдат), не опасной для внешнего врага, но страшной для внутреннего порядка государства. Ведь прежде всего разруха государства создавалась на почве развала и разнузданности армии.

По существу дела и в переводе на житейский язык содержания приведенного выше приказа адмирала ему и его правительству предстояло: восстановить внутренний порядок на территории Сибири и Дальнего Востока, восстановить торговую жизнь и финансовое обращение, восстановить разрушенный аппарат юстиции, установить взаимоотношения с нашими бывшими союзниками и убедить их признать как всероссийскую власть Сибирского правительства, а сверх того и прежде всего создать вновь армию, победить с нею окончательно большевиков и тем самым восстановить великодержавную Россию. Мы не знаем и за преждевременной смертью Колчака никогда не узнаем, как рисовалось ему выполнение всех этих задач и приходило ли ему в голову, что одновременное разрешение их трудноосуществимо. По-видимому, нет, и он пошел по тому же пути, что и Директория, то есть не упростил аппарат управления и не прибег к помощи самого населения для того, чтобы узнать точно его нужды, желания, возможность их осуществления и сохранения тех способов самоуправления, которое крестьяне установили у себя за отсутствием суда и полиции. У Колчака все ставилось на великодержавный манер, не сообразуясь со средствами и возможностями, почему до населения результаты управления в их положительном значении и не доходили, а отрицательные, как реквизиции, мобилизации, налоги, чувствовались очень сильно. Персонально сохранились почти все министры Директории; только военным, вместо самого адмирала, был назначен генерал Степанов, да по личной инициативе Колчака учреж-

дена должность морского министра, на которую был назначен адмирал Смирнов. Полученные Колчаком по наследству от Директории министры в полной мере оправдали первую часть пословицы, что не место красит человека. Да и вообще учреждение министерств в Сибири можно объяснить лишь нашей болезненной склонностью к громким званиям. Кроме Добровольческой армии, ни одно правительство не удержалось от того, чтобы иметь своих министров. Часто не было ни подданных, ни своей территории, а министры были налицо всегда, как то было, например, в Северо-Западной армии или у генерала Хорвата. В Сибири такие министерства, как юстиции, земледелия, просвещения, являлись чистойшей бутафорией. О каком просвещении можно было говорить в одной только области государства, наименее просвещенной и уже два года живущей в хаосе революции, или о министерстве юстиции, когда судебный следователь не смел без конвоя отъехать на десять верст от линии железной дороги.

Из гражданских министерств лишь одно министерство — министерство путей сообщения — должно быть выделено особо, так как его работа было нужна ежедневно, ежечасно, чтобы Сибирь не оказалась отрезанной от Востока. Оно действительно работало по-настоящему и без перебоев, потому что во главе его находился опытный инженер путей сообщения, Устругов, из настоящего петербургского министерства, и помощники его были специалисты своего дела, а не случайные люди со стороны. К сожалению, таковых не оказалось в важнейших отраслях управления: министерствах внутренних дел, финансов и иностранных дел. Здесь управление попало в руки, так сказать, «любителей», которые приняли на себя высокие звания, но не несли в себе никаких знаний и своими неумелыми действиями усугубили трудность положения Верховного Правителя, у которого и у самого не было никакого опыта по административному управлению. Особенно много вреда принес министр иностранных дел Сукин, 28-летний молодой человек, «американский мальчик», как его называли. Он окончательно поссорил адмирала с японцами, не сумел ослабить враждебность чехов, не сумел внушить доверия к Сибирскому правительству со стороны французов и американцев, а если не поссорил и с англичанами, то только потому, что представитель Англии, полковник Нокс, просто не считался с нашим министерством иностранных дел.

Надо, впрочем, по справедливости сказать, что и сам адмирал Колчак, мало эластичный и слишком твердо державшийся идеи великодержавности России, в сношениях с иностранцами шел неизменно по линии наибольшего сопротивления. В результате столь необ-

ходимое Сибирскому правительству признание его всероссийской властью не последовало, что лишило Россию возможности участвовать в заключении Версальского договора и не позволило заключить налаживавшийся американский заем. Но чтобы не обманываться иллюзиями, надо прямо признать, что ни то ни другое, то есть признание и заем, не изменили бы конечного результата сибирской Белой борьбы. Не в иностранцах, а в нас самих лежали причины неуспеха. Так же точно можно лишь теоретически рассуждать о недостатках и даже иногда преступности в деятельности министерства внутренних дел и финансов. Не от работы этих министерств зависел конечный исход борьбы, даже если бы во главе их стояли такие великаны мысли, как Столыпин и Витте. Центр тяжести, несомненно, находился в области ведения военных операций. Победа на фронте, занятие Москвы и изгнание из Кремля красной нечисти разрешили бы сразу все вопросы и, естественно, аннулировали бы само существование сибирских министров, ибо в Москве им делать было бы нечего.

### Военные операции

В силу естественного и неизмеримого преимущественного значения военных операций в деле сибирской борьбы с большевиками они заслуживают исключительного к себе внимания, хотя ни по своему масштабу, ни способу их выполнения они не имеют ни малейшего военно-научного значения, если не считать отрицательного в смысле ведения Гражданской войны.

Но во-первых, от них, и только от них, зависел исход всего дела, и во-вторых, эти операции приобретают сугубый интерес, если поставить себе вопрос — могла ли быть выиграна нами военная борьба при тех же самых условиях, что застал Колчак 18 ноября 1918 года, или же наше дело все равно было обречено на гибель, как бы тая в себе предрешенность или предопределенную порочность.

Ответить на эти вопросы с полной определенностью, разумеется, невозможно, ибо военная наука не принадлежит к разряду наук точных, как, например, химия или астрономия, не ошибающиеся в своих выводах. Однако и военная наука имеет свои законы, выработанные по образцам, заветным нам Александром Македонским, Ганнибалом и Юлием Цезарем и закрепленным гением Наполеона. На основании выводов военной науки можно с достаточной определенностью иметь суждение о предстоящих военных операциях, то есть предугадывать результат антефактум. Тем легче производить анализ действий постфак-

тум и в нашем случае решать, как велики были шансы на победу адмирала Колчака над Красной армией и что именно привело к проигрышу нами сибирской борьбы.

Не останавливаясь на мелких подробностях, я лишь в очень крупных чертах рассмотрю те основные элементы, которые обуславливают собою победы или поражения. Таковых три: 1) численность и материальное и духовное состояние противных армий; 2) качественность командного состава, то есть подготовленность начальников вести боевые операции при современных условиях, иными словами, управление войсками; 3) стратегические планы сторон, то есть ответственность намерений всей обстановке данной минуты — то, что на военном языке называется ответственность условиям места, времени и ожидаемой воли противника, поскольку она поддается учету. Из этих трех элементов складывается любая боевая операция от партизанского набега до большой мировой войны.

### Формирование Сибирской армии

Что же представляла из себя Сибирская армия, с которой адмирал Колчак начал поход против большевиков? История ее создания такова. Как все мы помним, большевики еще в ноябре 1917 года начисто упразднили бывшую царскую армию, расформировав все без исключения действующие и запасные части. Для внутренней службы, да и то лишь в столицах, они имели латышские и китайские части, матросские отряды и так называемую Красную гвардию, составленную из всякого отребья и вскоре упраздненную. Провинция, а в том числе и Сибирь, оставались совсем без войск. От этого так легко и проходило повсюду на Волге и в Сибири свержение советской власти ничтожными по численности партизанскими отрядами.

Когда после переворота 7 июля 1918 года в Омске образовалось Сибирское правительство, оно в первую голову должно было озаботиться созданием собственной вооруженной силы, чтобы, как тогда было объявлено, «отстаивать независимость демократической Сибири». Создателем Сибирской армии того периода явился некто Гришин-Алмазов<sup>84</sup>, по одним сведениям, полковник, по другим — подполковник, а по третьим — штабс-капитан мортирной батареи. Осталось невыясненным, откуда и как попал он в военные министры Сибирского правительства; двойную фамилию и генеральский чин он присвоил себе сам в революционном порядке. Во всяком случае, энергию и организаторские способности он выявил недюжинные и ока-

зался вполне на своем месте. Гришин-Алмазов понимал, что с одними партизанскими отрядами против большевиков удержаться нельзя, и правительство издало указ (21 июня) о призыве в войска молодых людей 19—20-летнего возраста. Проще, казалось, было бы мобилизовать опытных запасных солдат, но правительство, памятуя роль солдат в революции, благоразумно от этого воздержалось. В основу организации Гришин положил строгую дисциплину, без каких-либо заимствований из времен Гучкова и Керенского. Лозунг — защита автономной Сибири и ее демократического правительства. Никаких наград за Гражданскую войну не давать. Система комплектования территориальная, отчего части получались как бы семейственные, из одной деревни, волости, уезда, что давало им готовую спайку. Как новшество — погоны не были введены, как уступка демократичности. Если вспомнить, с какою ненавистью солдаты относились к офицерским погонам во время революции и как все эксцессы начинались со срывания погон, то нельзя не признать, что и в этом вопросе Гришин поступил благоразумно. Жизнь оправдала его осторожность: впоследствии, при столкновении с большевиками, сибиряки, призывая красных сдаваться, как аргумент кричали им: «Переходи — не бойся, — мы такие же беспогонные». Да ведь не имеет погон французская армия и хуже от этого не делается. Мобилизация прошла очень успешно, но вовсе не от того, как хвастались сибиряки, что Сибирь как один человек встала на защиту своей свободы, а в силу вековой привычки повиноваться приказу начальства. На всякий случай в первое время в казармах на ночь к оружию ставился офицерский караул.

К сожалению, в правительстве не обошлось без зависти и недоброжелательства к Гришину, и уже в августе он был смещен с должности военного министра. На какой-то пирушке в Челябинске на неделикатный отзыв английского консула о России Гришин в подпитии наговорил ему дерзостей и между прочим сказал: «Еще вопрос, кто в ком больше нуждается: Россия в союзниках или союзники в России». Недоброжелатели воспользовались этим случаем и удалили Гришина из правительства. Он переехал к Деникину, был генерал-губернатором в Одессе, потом через Каспийское море пытался вернуться в Сибирь, но был застигнут в море большевиками и застрелился, чтобы не попасть в их руки.

После Гришина военным министром был назначен, тоже с выдуманной двойной фамилией, Иванов-Ринов, бывший полицейский пристав в Туркестане, типичный полицейский ярыжка, никакого понятия о военном деле не имевший, но чрезвычайно искусный в интригах

и много повредивший всему Сибирскому делу. Его первыми мерами было введение погон и приказ о том, чтобы офицеров, добровольно перешедших от красных, назначать для испытания рядовыми на нестроевые должности. Во главе армии этот герой от полицейской службы продержался недолго, при образовании Директории был заменен в должности военного министра адмиралом Колчаком и с этих пор всегда и везде оказывается во враждебном Колчаку лагере, выдвигая в Верховные Правители атамана Семенова.

При Директории Верховным главнокомандующим был назначен генерал Болдырев. Никто, конечно, не мог бы объяснить, для чего было нужно такое высокое звание для армии, состоявшей всего из нескольких батальонов, но в Сибири больше, чем где-либо, обнаруживалась страсть к высоким званиям и широким правам, которыми злоупотребляли, а об обязанностях не очень заботились; каждый считал себя ответственным лишь перед самим собой.

#### Численность армий и моральное их состояние. Стратегические планы сторон

К лету 1919 года Сибирская армия числила в своем составе 800 тысяч ртов, или по-сибирски — ложек. Цифра очень внушительная, и если ее выразить в корпусной единице нашей регулярной армии военного времени, то это даст 20 корпусов. Силы для Гражданской войны колоссальные.

Противник, то есть большевики, имел в июле 1918 года 450 тысяч, в декабре — 750 тысяч, к лету 1919 года — около одного миллиона, из коих 250 тысяч было возвращенных в строй дезертиров. Но не забудем, что эти силы должны были быть распределены одновременно на четыре фронта: Архангельский, Царицыно-Донской, Киевский (против Петлюры) и Западный. Таким образом, численно Сибирская армия не только не уступала Красной армии, но превосходила ее и имела всего один фронт, так как большевикам приходилось недостаток численности компенсировать стратегическими перегруппировками своих войск с одного фронта на другой. Из этого сравнения определенно следует, что элемент числа давал все выгоды и шансы на победу адмиралу Колчаку. Наоборот, в смысле материального снабжения огромное преимущество было на стороне Красной армии, ибо в ее распоряжении находились весь богатый материал и заводы, оставшиеся от Императорской армии. Сибирская армия жила случайными запасами, оказавшимися на территории Сибири; ни фабрик, ни заводов для изготовле-

ния военного имущества не имела, а снабжение из Англии и Японии налаживалось туто. Нужно было время, чтобы снабдить армию всем необходимым.

Что касается до морального состояния войск, то не будет ошибкой сказать, что оба противника находились в этом отношении совершенно в одинаковых условиях; нет никакого основания именовать большевистские войска Красной армией, разумея под этим нечто особенное, как бы идейное служение революции. И та и другая армии были ни красные, ни синие, ни зеленые, а типично русские, мужицкие, составленные из принудительно мобилизованных на одной стороне запасных солдат, на другой — двадцатилетних парней. Идейными борцами были небольшие кучки, в Сибири — партизан, а у красных — матросов и незначительной части партийных рабочих. На обеих сторонах терминология была армейская, а сущность милиционная. Для Сибирской армии положение сильно ухудшалось почти полным отсутствием генералов и недостаточным числом офицеров, но зато все то, что оставалось у большевиков, работало с ними из-под палки и с горячим желанием провала большевистского дела, тогда как командный состав в Сибири вкладывался в дело с полным самоотвержением.

Оставляя сейчас умышленно без обсуждения второй элемент для успеха или неуспеха — управление войсками, — я перейду к третьему элементу: стратегические планы сторон. У большевиков вообще не могло быть никакого самостоятельного и единого стратегического плана, так как им приходилось бросаться из стороны в сторону, приспособляясь к действиям противников.

Каков же мог быть стратегический план для Сибирской армии, какие военные цели мог или должен был ставить себе адмирал Колчак в зависимости от сложившейся обстановки и руководствуясь теорией военного дела? Сибирская армия еще до окончания формирования была выдвинута на Уральский хребет и расположена в трех группах: Сибирская армия Гайды — у Перми, Западная (Вержбицкий и Ханжин) — у Екатеринбург и Челябинска. Адмиралу Колчаку с приходом к власти прежде всего надо было решить: 1) стоять ли на месте и, пользуясь полной пассивностью противника, закончить формирование, сколачивание и снабжение своей армии, а также непременно связаться с Деникиным, чтобы условиться о совместных действиях, или же 2) немедленно действовать активно, чтобы не давать красным передышки, и попытаться с налета захватить важнейшие города на Волге, как перед тем с налета была захвачена Пермь. Осторожность и военная наука требовали принять первый план, чтобы идти к цели хотя и медленно, но верно. Предыдущие успехи над красными, подъем духа

у сибирских офицеров, общая жажда покончить скорее с большевиками и, наконец, импульсивный характер самого адмирала, естественно, перевешивали в сторону второго плана, как активного.

Для наступательных операций были только два разумных варианта: 1) или выставить заслон в сторону Вятки и Казани и, держась здесь оборонительно, главные силы направить на Самару и южнее, чтобы у Царицына соединиться с донцами и Добровольческой армией и затем совместно действовать на Москву, упирая свой правый фланг на Волгу; 2) или же двинуться в направлении Казань — Вятка с тем, чтобы через Котлас связаться с Архангельском, усилиться оттуда людьми и перекинуть свою базу из Владивостока в Архангельск, чтобы быть ближе к Англии — источнику пополнения военным имуществом.

Не надо быть большим стратегом, чтобы решить, какое из двух направлений следовало предпочесть, чтобы выполнить самые примитивные требования военной науки, а именно: а) не идти без надобности на большой риск; б) не давать противнику возможность бить нас по частям или то, что в стратегии называется — не давать ему возможности действовать по внутренним операционным направлениям; в) бить противника совокупными силами, или, по-драгомировски, бить кулаком, а не растопыренными пальцами. Все эти требования науки были бы соблюдены при выборе направления на Самару — Царицын, а кроме того, в этом направлении легко было увлечь за собою чехов, о чем я скажу подробнее.

Ни одного из этих преимуществ не давало направление всех сил на Вятку, потому что в этом направлении можно было рассчитывать на полный успех лишь в одном предположении, что большевики не сумеют или не догадаются сосредоточить силы против Сибирской армии, ослабив на время нажим на Деникина. Но базировать свой план на бессмысленных или безграмотных действиях противника не было никаких оснований, кроме собственного легкомыслия.

Был еще один, третий вариант, кроме двух указанных: двинуться одновременно и на Вятку, и на Самару. Он приводил к эксцентрическому движению армий, действиям враздобрь и к оголению фронта в промежутке между армиями. Такой образ действий мог позволить себе полководец, уверенный в самом себе и в своих войсках и располагающий превосходством сил, стратегическим резервом и широко развитой сетью железных дорог для переброски войск по фронту и в глубину. При этом одно из направлений выбирается как главное, а прочие — суть демонстрации для введения противника в заблуждение. Ни одного из перечисленных условий налицо в Сибирской армии не было, исключая уверенности в себе полководца, поэтому

такой вариант должен был быть отброшен из обсуждения, как ведущий неумолимо к полному неукладу. Между тем он именно и был избран для сокрушения большевиков, что и привело сибирские армии, в конечном результате, к краху.

Положение большевиков весной 1919 года было таково, что только чудо могло спасти их. Оно и случилось в виде принятия в Сибири самого абсурдного плана для действий. Сибирская стратегия их выручила.

### Высшее управление Сибирской армией

Как же могла произойти подобная безграмотность в выборе стратегического плана для действий сибирских войск? Чтобы ответить на этот вопрос, я должен теперь перейти к умышленно пропущенному мною раньше второму элементу учета шансов на успех в предстоящих боевых действиях, а именно: подготовленность командного состава к ведению операций в современных условиях войны, или, коротко выражая, управление войсками. Здесь мне опять приходится повторить, что сам адмирал Колчак абсолютно неповинен в совершенных нашим командным составом ошибках, ибо он сухопутного дела не знал и, естественно, должен был полагаться на знание и умение своих сухопутных помощников, и в первую голову на своего начальника штаба по званию Верховного главнокомандующего, но выбор помощников зависел исключительно от него самого, и следовательно, в неудачном выборе повинен только он один. Я уже упоминал, что в Сибири был большой недостаток в генералах и опытных офицерах; по сравнению с Добровольческой армией была полная бедность, полная, но не абсолютная, ибо все же на старшие должности было из кого выбирать. 18 ноября 1918 года, то есть в день переворота и прихода к власти адмирала Колчака, армия находилась в управлении генерала Болдырева, носящего титул Верховного главнокомандующего. Генерал этот в Императорской армии не прославился никакими особенными заслугами или талантами, но зато он прошел на войне все командные должности от командира полка до командующего армией, а до войны был профессором академии Генерального штаба, то есть со строевым опытом соединял большую научную подготовку. В Сибири больше, чем кто другой, он был достоин занимать высшие должности. После переворота он обиделся на Директорию (сам был одним из директоров), счел, что ему неуместно находиться под началом у Колчака, и сложил с себя звание и обязанности Верховного

главнокомандующего, пожелав уехать в Японию. Со стороны Болдырева этот шаг был явным преступлением перед государством, коль скоро свое личное самолюбие он поставил выше дела, которому добровольно служил. Да и дистанция между ним и Колчаком была такая огромная, что претендовать самому на роль Верховного Правителя, при наличии в Омске Колчака, было просто безумием. Однако и Колчак, если отдавал отчет себе в предстоявшей ему работе, не только мог, но и обязан был удержать Болдырева на его месте, хотя бы поступившись для этого званием Верховного главнокомандующего, которое он на себя после переворота принял. Колчак этого не сделал и легко отпустил Болдырева в Японию на отдых, снабдив его соответствующими денежными средствами на путешествие.

Начальником штаба у Болдырева состоял Генеральный штаб генерал Розанов, проделавший Русско-японскую и Большую войну и занимавший в начале 1917 года должность начальника дивизии. Казалось бы, согласившись на уход Болдырева, адмиралу Колчаку следовало хотя бы удержать при себе Розанова, чтобы не прервать преемственности управления армией. Он и этого не сделал, и даже сам предложил Розанову на время устраниваться от армейских дел. Значит, адмирал решил выбрать новых себе помощников. Для этого он мог обратиться к академии Генерального штаба, которая после эвакуации из Петрограда и затем после захвата Казани чехами случайно оказалась в Сибири. В составе ее профессоров было несколько опытных и знающих строевых начальников, командовавших полками на Большой войне (генералы Иностранцев<sup>85</sup>, Матковский<sup>86</sup>, Андогский<sup>87</sup>, Рябиков<sup>88</sup>, Сурин<sup>89</sup>). Любого из них Колчак мог взять к себе в начальники штаба, а остальных назначить на высшие штабные командные должности в армию. Этого он не сделал, а между тем ни Болдырев, ни Розанов, ни любой из указанных профессоров академии просто психологически не могли бы совершить тех грубейших оперативных и организационных ошибок, которые были совершены людьми, выдвинутыми Колчаком на высшие должности. Наконец, как бы сама судьба посылала Колчаку на роль начальника штаба при нем двух генералов, оказавшихся на Дальнем Востоке и лучше которых он выбрать никого не мог бы. Это — генералы Флуг<sup>90</sup> и барон Будберг<sup>91</sup>. И тот и другой, выдающиеся по аттестациям, имели за собой огромный строевой, штабной и административный опыт и могли бы облегчить работу Колчака не только в военном отношении, но и в любой отрасли управления. Если во Флуге Колчака могли стеснять его высокий чин, немолодой возраст и высокие должности, то у Будберга этих, так сказать, недостатков не было. Тем не менее, Флуг не

получил вообще никакого назначения, а Будберг был назначен, и то не сразу, на второстепенную по функциям должность военного министра. Был и третий кандидат, на котором адмирал смело мог бы остановить свой выбор: это генерал Дитерихс, в Сибири бывший начальником штаба чешских войск, а на Большой войне начальником дивизии на Салоникском фронте и затем генерал-квартирмейстером Ставки. Он был ценен для адмирала не только как опытный штабной и строевой генерал, но и как связующее звено с чехами. Вместо штабного или строевого назначения Дитерихсу было поручено расследование дела убийства царской семьи в Екатеринбурге, хотя дело это уже вел опытный судебный деятель — Соколов. Очевидно, адмирал просто отделялся от Дитерихса, которому, однако, впоследствии, когда армия дошла до краха, он же вручил главное командование уже растрепанными войсками. Где тут логика... или в чем заключалась загадка, что адмирал Колчак, неосведомленный, как он в этом, вероятно, и сам не сомневался, в сухопутном деле, тщательно отгораживался от опытных сотрудников в лице известных генералов.

Я потому так подробно остановился на этом вопросе, что каждому понятно, какую доминирующую роль играет начальник штаба при Верховном главнокомандующем, особенно когда последним является лицо, не претендующее на звание полководца. Наполеон легко мог обходиться без Бертье («Гусенок, которого я сделал орлом», — как говаривал Наполеон), но отважный рубака Блюхер благоразумно выбрал себе в начальники штаба Гнейзенау, которого он публично называл своей головою. Покойный наш Государь, принимая на себя Верховное командование, не взял ведь себе в помощники кого-либо из близких к нему свитских генералов, а выбрал самого опытного, самого известного штабного генерала М.В. Алексеева. Столь же осмотрительно нужно было поступить и адмиралу Колчаку.

Кого же он, однако, выбрал? Никому и ничем не известного молодого полковника Лебедева, незадолго перед тем прибывшего из Екатеринодара для установления связи между Добровольческой и Сибирской армиями. Казалось бы, адмиралу должно было прийти в голову, что в столь далекую, безвозвратную командировку генерал Деникин не послал бы ценного и нужного ему самому офицера, что впоследствии он и выразил словами: «Полковник Лебедев принял видное участие в ноябрьском перевороте и непостижимым образом, не имея никакого командного стажа, стал вскоре начальником штаба Верховного главнокомандующего адмирала Колчака».

Чтобы и на морском языке была понятна вся ненормальность такого выбора, нужно вообразить себе такой совершенно невероят-

ный случай. Верховный главнокомандующий в Великую войну, великий князь Николай Николаевич, был одновременно и высшим начальником флота; могло бы случиться, что по какому-либо поводу в Ставку прислан был бы, например, от Черноморского флота какой-либо капитан второго ранга. Что сказал бы адмирал Колчак, если бы великий князь взял бы да и назначил командовать Балтийским флотом этого самого капитана второго ранга. А вот именно это-то самое и сделал адмирал Колчак в отношении Сибирской армии, выбрав полковника Лебедева как своего начальника штаба и, следовательно, фактически главнокомандующего. Выбор Лебедева остался неразгаданной загадкой, но настолько тревожил не только военных, но и общественные круги Сибири, что даже враги Колчака, социалисты-революционеры, когда производили допрос в иркутской тюрьме, настойчиво добивались у адмирала указать причины, по которым он назначил Лебедева на его ответственный пост, адмирал объяснений не дал. Существовало в Сибири мнение, что Лебедев был выбран потому, что участвовал в перевороте 18 ноября и способствовал возвышению Колчака. Думать так — значит совершенно забывать о благородном рыцарском характере Колчака, который к тому же и не стремился к диктатуре и был совершенно не способен делать назначения из благодарности за личные услуги. Вернее всего, что разгадку надо искать в импульсивности и стремительности характера адмирала, который и в сухопутном деле рвался на аборт. Наверное, Лебедев нравился ему, когда в беседах высказывался за крайнюю активность действий против большевиков, которых легко победить с наскока. Кроме того, он и другие «вундеркинды», как называет их в своем дневнике Будберг, уверяли адмирала, что в революцию и стратегия, и тактика, и организация войск должны быть иными, чем в нормальной войне, и хорош лишь тот командующий армией, который сам с винтовкой в руках идет впереди солдат, то есть что и прапорщик в революцию может командовать армией. (Эта ересь так прочно засела в молодые головы, что и теперь, много лет спустя после краха Белой борьбы, находятся охотники ее проповедовать. Не так давно в «Русском Инвалиде» полковник Зайцев уверял, что в Гражданской войне организация никакой роли не играет, что нет ничего ненормального, что маленький отряд называет себя дивизией, а его начальник-поручик сам себя переименовывает в генералы. Дай Бог, если нам суждено продолжить Белую борьбу, чтобы у нас было поменьше таких вундеркиндов в будущем.)

И эти лозунги не могли не подкупать пылкое сердце адмирала, который впоследствии и сам охотно посещал окопы в наиболее опасных местах. Ему не приходило в голову драгомировское поучение, что

кучер должен править с козел, а не вылезать на коней дышла, а также что с винтовкой в руках ходит всякий взводный, но это еще не значит, что он способен командовать армией; для этого надо иметь некоторые познания. На горе, идеалист и верный в своих привязанностях, Колчак кому поверил, то верил неизменно до конца. Так он поверил и Лебедеву, и верил до тех пор, пока тот не привел армию к гибели. Я не знал и никогда не видал Лебедева и своего суждения о нем иметь не могу. Барон Будберг, которому я верю во всем до последнего слова, так как отлично знал его еще в мирное время, называет Лебедева бездарным и безграмотным выскочкой с огромным апломбом, самоуверенностью и отлично подвешенным языком. То же самое слышал я в Сибири и от других генералов старой школы. По общим отзывам, не кто другой, как Лебедев в компании с Сахаровым и Ивановым-Риновым, выскочками еще более бездарными, вырыли в Сибири могилу и для адмирала Колчака, и через него для всей России. В стремлении к новаторству они не понимали, что военное дело не есть вдохновение, а трудное ремесло, требующее знаний и долгой практики. Они ничего знать не хотели, жили фантазией, мало-мальски реального плана действий составить не умели, ставили войскам неосуществимые задачи и быстро их выматывали. Краем уха они слышали, что во французскую революцию из сержантов и даже барабанщиков выходили знаменитые маршалы, и решили, что они тоже не хуже Нея, Мюрата, Массена, Виктора и др. Не учли лишь одного, что эти маршалы находились при Наполеоне, но сами в Наполеоны, как Лебедев, Сахаров, не лезли и что Наполеон, прежде чем пересоздать тактику, отчасти и организацию, сам долго учился.

И вот что сделали с Сибирской армией Лебедев и К°. В ней к лету 1919 года значилось 800 тысяч человек, то есть ртов, а в строю под ружьем из этого числа находилось лишь 70 тысяч, то есть меньше одной десятой. Все остальное расплодилось по штабам, обозам и тылам. В Сибири, благодаря неопытности и уступчивости адмирала Колчака, никто не хотел мириться с положением, соответствующим его чину и званию в царской армии, каждый норовил шагнуть через три, четыре и больше ступеней. Благодаря этому разрослось число высших штабов за счет боевых единиц. Группа в 12—15 тысяч человек, то есть то, что в нашей армии военного времени было меньше дивизии, в Сибири составляло армию, да не просто армию, а отдельную, то есть командуящий ею пользовался правами и содержанием главнокомандующего. Армия делилась на два корпуса по 7—8 тысяч человек; дальше шли дивизии и полки силою иногда всего в 200 человек, то есть меньше нормальной роты, а бывали дивизии и в 400 человек.

Если бы такая щедрость в установлении командных ступеней не влекла за собой ничего, кроме излишних денежных расходов, можно было бы не очень печалиться. Но она ослабляла и без того слабый командный состав, отвлекала массу офицеров на штабные должности и механически вызвала создание корпусных, дивизионных и прочих обозов, причем численность повозок не сообразовалась ни со штатами, ни с потребностями, а исключительно зависела от возможности отнять у населения большее или меньшее количество повозок и лошадей. Были полковые обозы в 1000 повозок вместо штатных 54. Это уже не часть войск, а какая-то татарская орда времен Батыя. Сходство усугублялось тем, что при штабах ездили жены, дети, родственники и возился весь домашний скarb.

Отсюда-то и получилось, что из 800 тысяч ртов в строю оказывалось всего 70 тысяч бойцов, которых обслуживали: штаб главнокомандующего, 5 штабов армий, 11 штабов корпусов и 35 штабов дивизий. Какие невероятные и к тому же ненужные трудности должно было испытывать интендантство и другие управления, чтобы прокормить и снабдить всю эту ораву небоевого элемента. А в то же самое время у красных против нас действовала одна армия из 3—4 дивизий и 2—3 конных бригад, и эта-то сравнительная горсточка и разбила в конце концов наши толпы обозных и обратила в бегство многочисленные штабы с их тучей переписчиц, при которых нередко возились в обозе и их родители.

Итак, из трех элементов, от которых, согласно данным военной науки, зависит успех на войне, один, элемент числа, то есть живой силы, был определенно на стороне сибирских войск; другой — элемент духовный, или моральное состояние войск, — был уравновешенным для обеих сторон, но все же с некоторым плюсом для Сибирской армии, где если не солдаты, то офицеры горели желанием победы; наконец, третий элемент, управление войсками, давал бесспорное преимущество большевикам, потому что неумелые назначения на высшие должности в Сибири привели к тому, что в действительности сибирские войска высшего командного управления вовсе не имели. Дело вконец было испорчено принятием несоответственного обстановке плана действий и направления наступления.

Вышеизложенное позволяет, на основании данных военной науки, ответить на поставленный вопрос так: сибирская Белая борьба в смысле чисто военном имела все шансы на полный успех; если же его не получилось, то никакая предрешенность судьбы в том не виновата. Виноваты лишь одни руководители Белого дела в Сибири, и в первую голову, разумеется, адмирал Колчак.



## Чехи и генерал Жанен

Прежде чем перейти к хронологическому изложению всех дальнейших событий, считаю уместным упомянуть вкратце об одном элементе, не предусматриваемом никакой теорией: это случайный чешский вопрос в Сибири. Он оказался чрезвычайно сложным и с материальной, и с моральной стороны и оказал исключительное влияние как на ход, так и на конечный результат всей сибирской борьбы с большевиками.

Чехи первые открыли огонь по большевикам, отказавшись в Пензе сдать оружие; они же совместно с русскими офицерскими отрядами содействовали свержению большевиков на всем протяжении от Волги до Байкала. Таким образом, ими был заложен первый камень независимости Сибири от большевиков, и они же вбили последний гвоздь в гробовую крышку адмирала Колчака и всего Белого движения в Сибири. Теперь, через 14 лет после минувших событий, трудно себе представить, как одни и те же люди на протяжении всего нескольких месяцев могли подняться до величайшего героизма и затем без всякой нужды упасть до величайшей низости — предательства и грабежей. А вот это-то и случилось с чехами.

Кто такие были эти чехи в числе 50 тысяч человек и как они попали в Сибирь? Все они были из числа военнопленных, по большей части сдавшихся нам добровольно, не желая служить Австрии, угнетательнице чешского народа. Зачисленные в состав Русской армии, они образовали самостоятельные чешские части. Русское правительство их одевало, кормило и вооружало по нормам наших войск, а сверх того платило каждому чешскому солдату по одному рублю в сутки. В боевом отношении чехи держали себя безупречно.

Как только с приходом большевиков русский фронт развалился и армия была демобилизована, положение чехов в России оказалось двусмысленным. Перед ними вырос вопрос: каким образом попасть на запад к союзникам, чтобы продолжать борьбу против Австрии и Германии. Свободен и доступен был только путь на Владивосток и далее морем на Францию. Естественно, что чехи этим путем и решили воспользоваться, начав отправку своих войск малыми партиями по железной дороге на Самару и далее через Сибирь.

В том хаосе, который царил в это время в России, это передвижение чехов не было никем замечено, а железнодорожное начальство никаких препятствий им не чинило. Первой спохватилась Германия, сообразившая, что рано или поздно чехи попадут на усиление французской армии. Поэтому немцы потребовали от Ленина, чтобы чехи были разоружены и интернированы как военнопленные. По этому

поводу надо без всяких обиняков признать, что Германия, заключившая Брестский договор, была в полном праве предъявить большевикам указанное требование. Равным образом и большевистское правительство было вправе потребовать от чехов сдачи обратно русского вооружения, коль скоро оно не нуждалось в них как в вооруженной силе, но обращать чехов опять в военнопленных, конечно, большевики права не имели, но для большевиков никакие правила вообще не писаны. Естественно поэтому, что чехи не доверились обещанию Ленина-Троцкого, что их не задержат в России, почему они решили оружие не сдавать и пробиваться на восток, если понадобится — силою.

Когда в конце мая 1918 года большевики потребовали от чехов, находившихся в Пензе, сдать оружие, они отказались это сделать. Произошло первое вооруженное столкновение, окончившееся в пользу чехов. С этого момента чехи оказались в открытой войне с большевистским правительством. Положение их было нелегким. Чтобы пробиться от Пензы до Владивостока, нужно было совершить переезд по железной дороге в 6000 верст при постоянном сопротивлении красных, которые не были в то время страшны как сила, но имели возможность в любом месте и в любое время прерывать железную дорогу. При таких условиях чехам никогда не удалось бы пробиться до Владивостока.

На счастье чехов, в это время на Волге появились антибольшевистские офицерские организации, которые охотно примкнули к чехам в их выступлении против большевиков. Отсюда родилась совместная борьба чехов и русского офицерства, кровью спаявшая их братский союз и наложившая на обе стороны, хотя и не зафиксированные на бумаге, известные моральные обязательства. В них, в этих обязательствах, отсутствовала всякая идеология; каждая сторона преследовала свои собственные цели, но они совпадали по направлению действий и делали русско-чешскую спайку прочной.

Чехи свою долю выгоды из союза извлекали и в конце концов все проехали до Владивостока. Выгода русских была значительно менее ощутительна: удержаться на Волге с отъездом чехов сил не хватало, а в Сибири советская власть была бы, хотя и несколько позднее, свергнута и без помощи чехов, ибо у большевиков там не было никаких корней. Надо, однако, признать бесспорной заслугу чехов в том, что только при их содействии мог быть захвачен в Казани весь русский золотой запас в 657 миллионов, отправленный туда еще при Керенском.

В сентябре 1918 года получилось особое обстоятельство, перепутавшее столь простые до того русско-чешские взаимоотношения. Как известно, в это время союзники, особенно Франция, истекали кровью и хватались за каждую соломинку, чтобы подкрепить их таящую

живую силу. Такой соломинкой оказались чехи, которых рассчитывали перевезти во Францию морем. Но так как сделать это при отсутствии свободного тоннажа в скором времени было невозможно, то у союзников явилась мысль восстановить при помощи чехов и сибирских формирований Восточный фронт против Германии. Разумеется, это не был бы фронт в том виде, как до крушения Русской армии, но в каком бы то ни было виде он должен был отвлечь на себя часть австро-германских сил и тем облегчить положение союзников на западе.

Чехи получили из Парижа приказ вернуться на Урал и образовать с русскими единый антибольшевистский фронт. Они беспрекословно погрузились в поезда и тронулись назад через всю Сибирь. Представьте себе людей, только что проделавших шестимесячный путь с боями и потерями, достигших наконец мирной пристани на океане и вынужденных снова выполнять тот же маршрут, чтобы стать под немецкие пули и шрапнели. Много ли в мире найдется солдат, которые без протеста, без жалоб вновь сели бы в вагоны при таких обстоятельствах? Чехи оказались истинными героями и настоящими патриотами, готовыми для блага родины идти в полное самозабвение. Так родился вторичный союз чехов и сибирских войск, но на этот раз для чехов вынужденный. Длился этот союз недолго. Чехи были уже не те, их мысли и желания были далеко позади, и душа в боевом союзе не участвовала. Чтобы иметь повод уклоняться от боевой работы, они стали вмешиваться в русские дела под предлогом сочувствия эсерам и несочувствия реакции. Чехи настаивали на скорейшем образовании Директории, грозя в случае неисполнения уйти с фронта; они же в дальнейшем укрывали у себя лиц, заподозренных в разложении армии, в том числе известного Чернова. Так как это все же не было поводом для отказа от боевых действий, то в октябре они просто стали уходить с фронта под видом того, что «устали».

Героизма чехов хватило ненадолго, верх взяла жажда остаться в живых и вернуться домой, а кроме того, народилось стремление обогатиться за счет того, что плохо лежало в русских городах и на заводах, — начался и не прекращался до эвакуации грабеж русского имущества. Когда потом чехи начали свое обратное путешествие по Сибирской железной дороге, у них оказалось 600 вагонов награбленного у нас разного имущества: дорогие металлы, камни, заводское оборудование, пианино, стильная мебель. Все это шло под видом «интендатурь». Чешские части разлагались все больше и больше, и офицеры ничего не могли поделать; доблестный полковник Швеу не мог перенести позора разложения и застрелился.

Ко времени прихода адмирала Колчака к власти ни одного чешского солдата уже не было на фронте. В дальнейшем чехи были поставлены на охрану железной дороги, но несли ее своеобразно — стоя по большим станциям и не желая вылезать из вагонов теплушек; но они не отказывались принимать участие в карательных экспедициях, проявляя большую жестокость в расправах с населением, но не желая выступать против вооруженных большевистских партизан.

Несмотря на все только что высказанное, нельзя утверждать, что не было никакой возможности использовать чехов с боевыми целями. Чтобы попасть скорее домой, они готовы были принять участие в наступлениях, но лишь в направлении на Царицын, с тем чтобы по соединении с Деникиным они были отправлены Черным морем на запад, чтобы им гарантировали вывоз их имущества «интендатурь», как они называли жалованье золотом. Так как это направление, самое выгодное для нас, не отвечало планам полковника Лебедева, то оно и не было принято, содействие 50 тысяч войск чехов было потеряно, а Россия впоследствии расплатилась за безграмотную стратегию вундеркиндов и попустительство им адмирала Колчака. Раз нельзя было привлекать чехов на фронте, то следовало принять другое решение, которое предлагал барон Будберг: отправить всех чехов во Владивосток и самим охранять Сибирскую железную дорогу, чтобы чехи не висели у нас на нашей шее. Колчак медлил принять и это решение и своею медлительностью сам себе подготовил гибель.

Их всех чехов, находившихся в Сибири, самую видную роль играли: доктор Павлу — ярый социалист, генерал Сыровой — главнокомандующий чешско-польско-сербско-румынскими войсками на территории Сибири и некий Гайда, тот самый, что судился недавно в Праге за шпионство в пользу большевиков. Гайда начинал свою военную карьеру фельдшером в австрийской армии, обнаружил недюжинные военные способности и был произведен во время войны в первый офицерский чин. Вместе с другими чехами он попал в плен к нам и продолжал свою службу в одной из чешских частей на нашем фронте. В Сибири он быстро достиг генеральского чина и был одним из немногих чешских начальников, что ратовал за продолжение чехами борьбы вместе с русскими против большевиков. Его честолюбие и жажда власти не имели предела. Он обладал большим политическим чутьем и умением сходить с общественными элементами. Своими смелыми планами и энергией он совершенно покорила наивного адмирала Колчака, который считал Гайдю своим верным и преданным другом.

Однако сами чехи знали Гайду лучше, и на просьбу о разрешении ему перейти на русскую службу чешский министр Стефанек, бывший в Омске, отвечал: «Берите его, но я предупреждаю, что вы в нем ошибаетесь. Он либо будет вашим фельдмаршалом, либо вашим предателем».

### Французский генерал Жанен

Говоря о чехах, естественно упомянуть об их главнокомандующем — французском генерале Жанене, сыгравшем большую роль во взаимоотношениях между нами и чехами в период отступления от Омска. Генерал Жанен до войны был прикомандирован к нашей академии Генерального штаба для изучения постановки у нас дела высшего военного образования и выучился хорошо говорить по-русски. На войне он командовал полком и состоял затем в штабе генерала Жофра, а последнее время находился при нашей Ставке в Могилеве. Он знал быт и уклад нашей армии. Когда французы задумали в 1918 году восстановить Русско-Германский фронт, Жанен был послан в Сибирь, чтобы вступить в должность главнокомандующего русско-союзными войсками, долженствовавшими состоять из чехов, сербов, поляков и румын из числа наших военнопленных, к которым должны были присоединиться французы, англичане, американцы и японцы. Но по приезде в Омск генерал Жанен оказался не у дел, так как, во-первых, с капитуляцией Германии отпадала надобность в новом фронте против нее, а во-вторых, адмирал Колчак признал неудобным вручать командование русскими войсками иностранцу.

Странная вещь, по идее или с духовно-моральной стороны Колчак был почти всегда прав в своих намерениях или решениях, но также всегда выходило, что в приложении на практике его решения оказывались нежизненными, а то и вовсе вредными. Так было и в данном случае. Нет никаких данных гадать, что произошло бы, если бы Колчак исполнил волю союзников и дал Жанену назначение, для которого тот ехал из Парижа. Лучше нам могло бы и не сделаться, но уже без всяких гаданий можно утверждать, что не было бы и хуже, ибо хуже того, что случилось, ничего придумать нельзя. Лучше уже было бы потому, что тогда полковник, по-сибирски генерал-лейтенант, Лебедев не руководил бы действиями наших войск, а на его месте был бы знающий, авторитетный генерал, хотя бы и не русский. Затем, возможно, что Жанену не только удалось бы удержать на фронте чехов, поляков, сербов и румын, но и привлечь туда японцев, что было бы самое важ-

ное. Да и французская помощь имуществом и оружием была бы реальнее. Во всяком случае, терять нам было нечего, а выиграть можно было многое. Но идея великодержавности и престижа России, владевшая Колчаком, мешала ему видеть вещи в настоящем свете. Жанен остался в Омске в качестве номинального главнокомандующего союзными контингентами, отнюдь не желавшими воевать и подчинявшимися ему постольку, поскольку он был для них исправным интендантом. Роль малопочетная, и надо удивляться, что он с нею мирился и досидел в Сибири ровно до той минуты, как явился косвенным убийцей адмирала Колчака.

### Боевые действия Сибирской армии

После этих многих отступлений от темы я могу обратиться к самому ходу военных операций сибирских войск под верховным командованием адмирала Колчака и фактическим управлением полковника Лебедева.

Как я уже упоминал вскользь раньше, решено было главное наступление вести от Перми на Вятку и далее на Москву. Рассчитывали застать красных врасплох, как то было зимою у Перми, и на легкий успех над ними. Между прочим, все мы помним, какой эффект произвело взятие Перми и какое огромное значение придавалось этому событию и в России, и за границей. Раздули сильно это дело и в Омске. Действительность оказалась много скромнее: трудно было подойти к Перми в мороз и по глубокому снегу, но, подойдя, ничего не стоило ее взять, так как красные и не сопротивлялись, а просто ушли из города, и потери с обеих сторон выразились скромной цифрой в два убитых и тринадцать человек раненых. Между тем овладение Пермью в известной мере предопределило направление будущего наступления. Между прочим, в Сибири у широких военных кругов создалось убеждение, что на выбор Московского направления подействовала больше всего боязнь молодых сибирских маршалов встретиться с Деникиным, по соединении с войсками которого им пришлось бы сойти на нет. Второе, что лестно было, — это войти в Москву первыми и тем самым закрепить на своих высоких постах. Отрицать совсем наличие таких побуждений нельзя, но было бы большой несправедливостью считать их главными рычагами. Толкал на север молодой задор свежее испеченных полководцев, их безграмотность, уверенность, что красные не окажут серьезного сопротивления, а больше всего английский полковник Нокс и чешский воевода Гай-

да. Нокс с душою отдался снабжению Русской армии всем необходимым и, естественно, желал перебросить базу на кратчайшее от Англии расстояние — на Архангельск—Котлас—Вятку. Гайда мечтал вывезти чехов на родину через Архангельск и тем прославиться у себя в Праге, а безудержное честолюбие тянуло его первым войти в Москву и явиться спасителем русского народа, а там кто его знает... ведь был же претендентом на русский престол поляк Владислав, никого и ни от чего не спасавший.

По плану Лебедева наступление должно было начаться в марте в трех направлениях: Гайда на Вятку и Москву, Вержбицкий на Казань, Ханжин на Самару. Вначале наступление пошло успешно, перед Сибирской армией Гайды красные бежали к Вятке, очистив всю Каму; Западная армия с налета взяла Уфу, войска стремительно наступали вперед, совершенно не считаясь с тем, что фронт, благодаря эксцентрическому движению, утерялся, связь между армиями прервалась, а резервов сзади не было никаких. Лебедев торжествовал, адмирал был в восторге и щедро раздавал награды. В донесениях, как это всегда бывает и в настоящих войнах, преувеличивались потери противника и собственные трудности.

Но неосмотрительно начатое наступление быстро захлебнулось. Западная армия была так потрепана, что пришлось отходить назад. Московские заправила быстро сообразили, чем грозит им наступление с Урала, и, ослабив нажим на Деникина, перебросили часть сил против Колчака. Теперь их войска состояли не из сброда рабочих, а из мобилизованных солдат старой армии, которых они не боялись ставить в строй, потому что во второй линии находились коммунисты с пулеметами для удержания бегущих. Были призваны для командования спецы-генералы, которым нетрудно было разобраться, что сибирские войска разбросаны на широком фронте и их легко бить по частям. Первые удары обозначились вдоль линии Сибирской железной дороги в разрез между армиями Гайды и Вержбицкого.

Любой строевой генерал сразу же решил бы, что для противодействия красным необходимо сибирским войскам принять более сосредоточенное положение, чтобы армии могли поддерживать одна другую и, перейдя к обороне, выждать, когда Деникин вновь притянет на себя красных. В то же время следовало позаботиться об образовании стратегического резерва для парирования случайностей. Вместо этого азбучного решения Лебедев отдал изумительное приказание — Сибирской армии Гайды энергично наступать на Глазов, то есть еще больше подставлял под отдельный удар и армию Гайды. Красные не замедлили воспользоваться удобным случаем и нанесли такой удар

Гайде, что его войска покатались назад в положении, близком к катастрофе. Неудивительно, что сам Лебедев не сознал собственной безграмотности, для этого он был слишком самонадеян, но поразительно, что и у Колчака не раскрылись глаза на нелепость стратегии его начальника штаба. Человек он был, бесспорно, и очень умный, и в своем морском деле широко образованный; к тому же если у моряков и у сухопутных тактики совершенно различны, то стратегия и тех и других отправляется из одних и тех же научных принципов. Потому-то совершенно необъяснимо, что Колчак до самого конца не сумел разобраться в нелепости лебедевской стратегии. Первым разобравшись в нелепостях, совершаемых Лебедевым, Гайда, но реагировал на них самым невероятным образом: послал Колчаку и отдельно совету министров ультиматум о смещении Лебедева с должности руководителя военными операциями. Это, конечно, взорвало Колчака, тем более что он много раз виделся с Гайдой и тому ничего не мешало высказать в дружеской для адмирала форме свои соображения о непригодности Лебедева. И вот для Колчака создается новая трагедия, как поступить с Гайдой. Естественно, отчислить, но как быть, если Гайда откажется повиноваться, какового намерения он вовсе и не скрывал. Случай с Семеновым был еще свеж в памяти Верховного Правителя, и на этот раз, действительно осторожно посоветовавшись с Жаненом и Ноксом, адмирал сам поехал в Пермь к Гайде. Тот, к счастью, не сопротивлялся, и отчисление прошло гладко. Затем произошло примирение, и все осталось по-старому. Гайда ничего не потерял, оставшись командующим армией. Россия потеряла из-за того, что и Лебедев остался на своем месте, и авторитет Верховного Правителя явно пострадал, ибо адмирал не вышел победителем из конфликта. То было естественное следствие того, что бесспорности и беспрекословности авторитета власти у него не было, как бывает у коронованных особ, а завоевать этот авторитет на поле сражения он не мог. Вспыльчивость, быстрая отходчивость, вообще неуравновешенность характера и чрезмерная доброта только ухудшали трагическое положение Колчака. Ему повиновались, и то не всегда, но в его способность держать крепко бразды правления не верили, и это положение красной нитью протянулось на всем крестном пути покойного адмирала. Он горел желанием сделать все, но не сделал ничего за недостатком знания, умения и твердости характера.

10 июня 1919 года красные вновь прорвали фронт у Сарапула и Бирска, причем у нас впервые обнаружили тревожные признаки по части неблагополучия в войсках — 21-й полк перебил офицеров и перешел к красным.

8 июля мы потеряли Пермь и Кунгур. Положение становилось грозным, и осторожные люди, как военный министр Будберг, советовали вовремя убрать правительство в Иркутск, отвести войска за реку Ишим, дать им устроиться и отдохнуть, перейти временно к обороне. Адмирал согласился, но другие поймали его на его коньке и указали, что отъезд будет истолкован так, что будто адмирал боится опасности, и что, кроме того, переезд правительства произведет дурное впечатление за границей. Отъезд был отложен, и в дальнейшем мы увидим, во что обошлось это промедление. В игре на слабых струнах Колчака не было, конечно, чьей-либо злой воли или дурного умысла, но было много наивности и пустозвонства. Беспокоились, какое впечатление за границей может произвести отъезд правительства из Омска, но не тревожились, что будет с Россией, если Верховный Правитель позволит растрепать с таким трудом сколоченную армию. Да ведь и вся работа в Сибири была одним сплошным легкомыслием. Не только отложили отъезд, но по настоянию Лебедева и такого же безграмотного в военном деле полковника, по сибирской табели о рангах генерал-лейтенанта, вынудили адмирала согласиться на новое наступление, чтобы поправить прежние неудачи. А между тем в дивизиях было всего по 400 человек в строю при 6—7 тысячах нестроевых.

28—30 июля состоялось наступление под Челябинском и, разумеется, кончилось победой красных. Вину свалили на неподготовленность укомплектований, присланных Омским округом, хотя и округ, и военное министерство предупреждали, что новобранцы — только сырой материал, ни разу не стреляли и что ставить их в строй и тем более пускать в бой абсолютно невозможно. Но Лебедев, как зарвавшийся игрок, все думал, что счастье повернется в его сторону, не вспомнив ни разу, что в военном деле на первом плане стоит умение. За неудачами на фронте последовали восстания в тылу, где одновременно в этом направлении работали и большевики, и эсеры, и наши карательные экспедиции.

10 августа адмирал решил наконец расстаться с Лебедевым и заменил его генералом Дитерихсом, то есть кончил тем, с чего ему надо было начинать, учтя в свое время, что за Дитерихсом был не только большой служебный и боевой опыт, но, что по тому времени было очень важно, еще и тайная связь с чехами. Дитерихс начал с того, что с большим трудом добился от командующих армиями сведений о численности их войск, и оказалось, что в армиях значится всего 50 тысяч строевых при 300 тысячах нестроевых. Вспомнив, что раньше в армии значилось 800 тысяч человек, придем к заключению, что

за летние месяцы она потеряла около полумиллиона человек. Не надо очень волноваться и думать, что это были убитые или раненые. В Сибири модус вивенди был таков: пока армия шла вперед, все оставались на своих местах, как только она отступала, солдаты, проходя мимо своих родных мест, неизменно дезертировали. Это было, так сказать, правило игры или неудобства территориальной системы комплектования. К тому же все вымотались и выдохлись от непрерывных неудач, люди не хотели больше воевать, не хотели даже просто передвигаться. Тверды были лишь вяткинские (воткинские?) и ижевские рабочие да приволжские татары, которые все равно были уже так далеко от своих деревень, что попасть в них не рассчитывали. Ослабели духом и офицеры и не были больше способны на жертвенный подвиг. Бессмысленное управление колчаковских маршалов доконало и их.

Хотя оборона как способ действия вообще не свойственна ни революции, ни гражданской войне, но для Омского правительства, после поражения армии под Челябинском 30 июля, казалось бы, не было другого выхода, как перейти к обороне, чтобы дать армии возможность переустроиться и отдохнуть. Но в Омске все еще носились с мыслью, что все можно поправить одним ударом; нашелся и человек, который предложил нанести большевикам этот удар. Это был упоминавшийся мною ранее бывший полицейский пристав Иванов-Ринов, к тому времени интригами и подкупам сделавшийся атаманом Сибирского казачьего войска. Он заверил адмирала, что если казаков богато снабдить всем необходимым снаряжением, вооружением и одеждой и отпустить им определенное количество миллионов рублей, то войско поднимется как один человек и красным не устоять под его напором, а командование он, Иванов-Ринов, берет на себя. Адмирал, болевший душою за неудачи и горячо отзывавшийся на проявление всякой активности, ухватился за предложение и приказал выдать казакам все, что требовал Иванов-Ринов. К казакам полились деньги и имущество, но когда дело дошло до выступления в поход, то вместо обещанных 18 тысяч поднялось только семь с половиною тысяч казаков, да и те никакой пользы не принесли, потому что взявшийся ими командовать Иванов-Ринов обнаружил полное неумение выполнить поставленную ему генералом Дитерихсом задачу.

Чтобы выиграть время для отвода растрепанных наших войск за реку Ишим, Дитерихс сам перешел в наступление частью сил на нашем левом фланге. Удар был очень удачен: весь правый фланг красных был совершенно разбит и отброшен за Курган; на всем ос-

тальном фронте они спешно отходили за реку Тобол, бросая большую военную добычу. Заключительным актом этого удара и должен был служить энергичный натиск казаков в тылу красных для окончательного их разгрома. Тогда Омск действительно получил бы большую передышку. 10 сентября казакам назначено было произвести удар.

С началом успеха Колчак выехал на фронт к казачьему отряду, и 10 сентября, вместо донесения о начале налета, Дитерихс получает от самого Колчака телеграмму: «Ввиду переутомления войск, и в особенности казаков, остановил войска на трехдневный отдых. Очень вам благодарен за успех». Надо заметить, что до этих пор казаки ни в каких столкновениях не участвовали, а просто следовали походным порядком за левым флангом Дитерихса.

Остановка наступления, конечно, дала возможность красным одуматься и подвезти подкрепление в три дивизии, и в середине октября они сами сделали такой нажим, что 3-я армия генерала Сахарова неудержимо покатила в долину железной дороги на Петропавловск.

Не следует закрывать глаза на то, что в неудаче 10 сентября, точнее сказать в невыполнении Ивановым-Риновым поставленной ему задачи, значительная доля вины падает и на главнокомандующего генерала Дитерихса. Он знал, что полицейская ищейка Иванов-Ринов не имеет никакого понятия о командовании войсками, следовательно, под тем или иным предлогом он должен был не допустить его становиться во главе казаков в такую ответственную минуту, а если это было невозможно сделать по причинам внутреннеполитическим, то ему самому надлежало быть при казачьем отряде. Во всяком случае, ему следовало энергично протестовать против вмешательства Колчака в его боевые распоряжения и доложить, что остановить войска на трехдневный отдых в такую минуту является тяжчайшим воинским преступлением. Но увы, как общее правило, все наши старшие начальники страдали одним и тем же недугом — полным отсутствием гражданского мужества в отстаивании своего мнения. Это не так бросалось в глаза в нормальное время, как с первых же дней революции.

С неудачей под Курганом пробил предпоследний час Колчака как Верховного Правителя, его правительства и всей сибирской Белой борьбы. Пора было взяться за ум, перестать надеяться на чудеса и отказаться от навязчивой идеи о невозможности покинуть Омск. Время было обратиться к какому-либо осуществимому плану, чтобы спасти хотя бы то, что было доступно.

### План генерала Дитерихса о глубоком отходе

Генерал Дитерихс отдавал себе ясный отчет в том, что идея Колчака о прочной задержке армий на реке Иртыше неосуществима; но даже и при ее осуществимости невозможно было смотреть на Омск как на столицу с пребыванием там правительства, коль скоро этот город вошел бы в линию фронта. Приходилось также считаться с близким наступлением зимы, когда Иртыш переставал быть преградой и оборонительной линией. По всем этим соображениям Дитерихс отдал приказ армиям начать глубокий отход, а Колчак должен был скрепя сердце сделать распоряжение об эвакуации правительственных учреждений.

По плану Дитерихса, первая армия должна была отойти к Томску для укомплектования, остальные две к Омску, Новониколаевску, Мариинску и далее, глядя по обстановке. Часть правительственных учреждений начала переезжать в Иркутск. К сожалению, этот план своевременно осуществлен не был; как и почему, я скажу ниже. Сейчас я хочу остановиться на соображениях, что сулил нам этот план, если бы был приведен в исполнение, или, уточняя вопрос, решить, могла ли потом возродиться Белая наступательная борьба в Сибири с надеждою на одоление красных. Несомненно, могла, но при непременно налицо одного из двух условий: или чтобы красные были совершенно разбиты в Европейской России Деникиным, и тогда Сибирская армия не позволила бы им удержаться в Сибири, куда они, естественно, должны были бы броситься после Волги. Другая возможность удержаться была явно невероятна — это чтобы японцы решились поддержать нашу армию своими войсками, за что потребовали бы больших земельных компенсаций, а на это не пошел бы Колчак.

Вне этих двух условий не было и одного шанса на сто на успешное возобновление борьбы весной 1920 года. Я говорю, конечно, о борьбе наступательной. Ни план Дитерихса, ни какой иной уже не сулил нам успеха. Война была проиграна потерей времени, пространства и живой силы благодаря целому ряду колоссальных стратегических и политических ошибок. Год назад с линии Пермь—Екатеринбург—Челябинск ничего не стоило вместе с 50 тысячами чехов достигнуть Волги между Самарой и Царицыном, усилиться по пути оренбургскими и уральскими казаками и соединиться с Деникиным. На эту операцию стоило пойти даже с риском открыть проход в Сибирь через Уральский хребет. Много труднее, но все же не невозможно было подойти к Москве через Вятку, для чего надо было действовать совокупными силами в этом направлении, медленно, методически и согласуя свои действия с тем, что происходило у добровольцев. Колчак, вместо того или другого

плана, пошел на авантюристическую стратегию Лебедева. Результатом такой стратегии было то, что уже к середине июля войска понесли ряд крупных поражений и пришли в расстройство. Но в это время далеко еще не все было потеряно и, если бы тогда же послушались совета опытных генералов и отошли для переустройства и укомплектования за реку Ишим, кампанию можно было бы начинать заново в том или другом направлении или перейти к активной обороне до весны будущего года. На понимание этого положения Лебедевым, Сахаровым и К° рассчитывать, конечно, не приходилось, потому как они вообще ничего не понимали, но, как не понял такой простой вещи адмирал Колчак, это является необъяснимым, ибо всякий, кто его знал, не мог не видеть, что это человек очень умный и широкообразованный, к тому же выдающийся морской стратег, тактик и техник. Ведь если бы в Балтийском или Черном морях флот под его начальствованием потерпел ряд неудач, он, наверное, не стал бы дальше бить лбом стену, а обратился бы к исследованию причин понесенных неудач и в дальнейшем изменил бы всю стратегию или тактику. Уму непостижимо, как не пришло ему в голову то же самое в сухопутном деле, где он к тому же мог воспользоваться чужим знанием, почерпнутым многолетней службой. Создается впечатление, что Колчак или боялся, или стыдился признаваться в своем сухопутном невежестве и не только не просил помощи у опытных людей, но отталкивал ее, когда ему ее предлагали. Так, он взял с собою Будберга в поездку к армии Сахарова, но на оперативный доклад не пригласил и о предстоящих операциях с ним не разговаривал. В другой раз Будберг, по должности военного министра, предложил ему подать свое письменное мнение о стратегическом положении наших армий и возможном образе их действий. Колчак сухо ответил, что он имеет все сведения от своего начальника штаба. Это уже не обостренное самолюбие, а положительно какое-то затмение.

Из этих двух примеров, несомненно, явствует, что и Будберг страдал той же болезнью, о которой я выше упоминал, — отсутствием воли и твердости своего мнения пред старшим начальником. В качестве опытного старого генерала он имел полное право быть выслушанным, и особенно Колчаком, явно несведущим в сухопутном деле, и Сахаровым — слишком молодым и неопытным в управлении крупными операциями. Следовательно, раз Колчак не догадался позвать его на оперативный доклад, Будберг сам должен был напроститься на него, отложив в сторону свое самолюбие.

Во втором случае незачем ему было спрашивать разрешения Колчака о представлении ему своего мнения по оперативным вопросам, а следовало прямо подавать доклад. Дело Колчака было просить его

или нет, согласиться с ним или нет. Будберг свой долг исполнил бы. Нет ничего глупее, как развившееся у нас широко пассивное толкование тоже довольно неумной поговорки «На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся» или, еще хуже, «Всяк сверчок знай свой шесток». Вот эта-то стыдливая пассивность и погубила Россию. На службу смотрели как на какое-то частное и личное дело старшего начальника, и если он не спрашивал, то о своем мнении боялись даже заикнуться. Это особенно губительно сказалось во времена Временного правительства, так быстро развалившего армию при полной несопротивляемости военного командования.

Возвращаясь к плану Дитерихса, я еще раз повторяю, что отход от Омска в глубь Сибири зимою и после потери большей части армии и военного имущества уже не оставлял надежды на возможность новой наступательной кампании будущим летом. Большевики, конечно, продолжали бы преследование сибирских войск, и возможно, что этим последним пришлось бы отходить даже в Забайкалье. Но если бы удалось совершить в полном порядке отход, намеченный Дитерихсом, то мы все же имели бы очень существенные выгоды. Прежде всего, сохранилась бы жизнь многих тысяч людей, погибших в последующем паническом отступлении, и уцелел бы сам Колчак, воплощавший в себе символ всероссийской власти. В его руках сохранился бы весь золотой запас, за счет которого могла бы быть переброшена на восток армия Врангеля из Крыма. Уйдя в Забайкалье, можно было надолго, если не на все царствование большевиков, образовать независимую часть Российского государства из Забайкальской, Амурской и Приморской областей. Географические условия, судоходный Амур, две железные дороги и наличие войск и денег делали оборону этой территории вполне осуществимой. Там же нашла бы убежище и работу разбросанная ныне по всему миру русская эмиграция.

Но и этот возможный маленький кусочек русского счастья уплыл у нас из рук, благодаря колебаниям Колчака и его легкой отзывчивости на активность, хотя бы и заведомо нелепую.

### План генерала Сахарова. Увольнение генерала Дитерихса

Адмирал Колчак принял план Дитерихса об отходе не без большого сопротивления и против своего сердца. Так, 30 октября он телеграфировал Дитерихсу на фронт, что он не может согласиться с оставлением Омска, так как это явится полным нашим политичес-



ким уничтожением и в России, и за границей. Поэтому он принимает все меры для формирования в Омске резервов, ибо не допускает оставления Омска без самого упорного сопротивления.

Эта навязчивая идея о невозможности оставления Омска и, несомненно, влияние генерала Сахарова и Иванова-Ринова вывели Колчака из душевного равновесия до такой степени, что он уже не отдавал себе отчета в том, что его политическое уничтожение зависело не от географического пункта, а от наличия боеспособной армии и успехов против большевиков. Отсюда его разногласие во взглядах с главнокомандующим. Колчак требовал от армии упорных боев под Омском; Дитерихс доносил ему, что армия вообще ни к какому бою сейчас не способна и ее надо прежде всего оторвать от соприкосновения с противником, чтобы дать ей время прийти в себя.

Удивительно, что Колчак не вспомнил при этом случае историю оставления в 1812 году Москвы во имя спасения армии и не подумал о том, что коль скоро на протяжении многих месяцев у него были только одни неудачи на фронте, то его политическое значение и за границей, и в России уже исчезло. Свидетельством этому могли служить бегство из Омска иностранных представителей и разраставшиеся восстания в тылу. Но адмирала Колчака ничто не могло образумить в его болезненном убеждении, что прочность его положения зависит только от того, удастся ли ему удержать Омск или нет.

Тем не менее, план Дитерихса начал уже приводиться в исполнение — первая армия Пепеляева проехала по железной дороге за Омск и началась эвакуация некоторых правительственных учреждений. Вскоре, однако, все повернулось по-другому — адмирал Колчак настоял на своем.

4 ноября адмирал вызвал к себе только что вернувшегося с фронта генерала Дитерихса и, сильно волнуясь, спросил его, не имеет ли он что-либо против, если адмирал произведет Сахарова в генерал-лейтенанты (за что, можно бы спросить). Дитерихс ответил, что он Сахарова не представлял к производству. Тогда адмирал крикнул в соседнюю комнату: «Генерал Сахаров!». Вошли Сахаров и Иванов-Ринов. Инсценировка была, очевидно, подготовлена. (Всю эту сцену я передаю со слов очевидца ее в кабинете адмирала Колчака. По непонятным для меня причинам он просил фамилию его не называть в печати.) Колчак, продолжая нервничать, обратился к Дитерихсу со словами: «Вот, ваше превосходительство, вы мне все докладываете, что Омска нельзя удержать, а генерал Сахаров берется его удержать». Дитерихс ответил, что мнения своего изменить не может. «В таком случае, — сказал Колчак, — я освобождаю вас от должнос-

ти главнокомандующего и назначаю вместо вас генерала Сахарова». Дитерихс молча вышел из кабинета. Было решено отстаивать Омск.

Сам Сахаров в его книге «Белая Сибирь» рассказывает, что он не брался удерживать Омск во что бы то ни стало, а обещал лишь сделать все возможное для его удержания. Видимо, генерал Сахаров и поныне не успел додуматься, что дело заключалось не в терминологии, а в том, что его «обещание» в корне изменяло принятый уже план действий, что в случае несдержания его обещания вело неизбежно к катастрофе.

Было начало ноября, холода уже начались, но Иртыш еще не стал и создавал видимость неодолимой преграды, за которой будто бы можно было упорно оборонять Омск. Но через несколько дней с неизбежным замерзанием реки эта преграда должна была исчезнуть и тем самым предрешилась судьба Омска, ибо красные могли в любом месте обойти по льду обороняющие Омск войска.

Что этого не понимали Колчак, Сахаров и Иванов-Ринов, Бог им простит их невежество в военном деле, они, несомненно, заблуждались добросовестно. Но непростительно, что генерал Дитерихс, образованный и опытный военачальник, отступил молча, вместо того чтобы авторитетно разъяснить Колчаку его заблуждение. С карандашом в руках и с термометром за окном не трудно было обнаружить всю неосуществимость надежд Колчака на Сахарова. Если бы и это не помогло, надо было бороться до конца: собрать совет наличных министров, совещание старших начальников, кого и что угодно, чтобы заявить Колчаку, что он идет на гибель остатков армии, что дело отнюдь не касается его личного престижа или его правительства, а на карту ставятся интересы государства.

Дитерихс этого не сделал, в должность главнокомандующего вступил Сахаров, а начальником штаба вместо опытного генерала Рябикова был назначен совершеннейший младенец Оберюхтин. Не знаю, каков был его настоящий чин, по-сибирски он назывался генерал-майор.

Я поставил в подзаголовок настоящей главы слова «план генерала Сахарова» только потому, что в нашем языке нет слова, обозначающего противоположное понятие, что-либо вроде «беспланье», ибо у Сахарова никакого плана не было, да и быть не могло. Просто была приостановлена эвакуация Омска, а первой армии приказано было вернуться по железной дороге в Омск. Она и вернулась, но из вагонов выходить не пожелала. Собственно, и не для чего было. Легко себе, однако, представить, какая каша заварилась на железной дороге с изменением расписания эвакуации и с обратным движением воинских эшелонов во встречном эвакуации направлении.

В самых первых числах ноября Иртыш стал, и тут даже Сахаров понял, что затеял неумную игру и только подвел адмирала. Был отдан приказ об очищении Омска и об отходе войск на восток, другими словами, были потеряны две недели для планомерного отхода и внесена путаница в железнодорожное движение. За предвзятость мышления Колчака и за безграмотную самонадеянность Сахарова вскоре жестоко расплатилась Россия и сам адмирал Колчак.

Колчаку, если он чувствовал себя еще Верховным Правителем, естественно было бы спешить уехать в Иркутск, где собрались все его министры (за исключением министров путей сообщения и продовольствия, оставшихся при штабе), а там наладить управление, озаботиться размещением армии в новых районах...

Г. Клерже<sup>92</sup>

### ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ<sup>93</sup>

Чтобы проехать в Пермь по воде, надо было предпринимать сложное путешествие по реке Унже, впадающей в Волгу около города Юрьевца. Вверх по Волге отходили пароходы весьма небольшого размера, но и те, дойдя до слияния с Унжой, в нее уже не заходили. Приходилось здесь делать новую перегрузку на еще меньший плоскодонный «паузок», который весьма медленно тащил до маленького городка Макарьева, где снова, то есть уже в третий раз, пришлось пересест на малюсенький, грязенький буксиришку, который тащил за собой на длинной бечеве что-то вроде парома.

На пароме, заставленном всякой всячиной и рухлядью, располагаться было совершенно невозможно, почему автор настоящих воспоминаний со своей семьей, будучи единственным в своем роде «редким» пассажиром на подобного образа «пароходе», поместился в трюме буксира, напоминающем собою простой погреб, куда можно разве складывать только бочки с селедками. Это путешествие было «первой данью», которую надо было платить Октябрьской революции, тому, кто не видел в ней никакой для себя «прелести»... И эту «дань» мы, русские, заплатили, да и до сих пор платим еще весьма исправно...

Около суток времени было потрачено на блуждание по этому первобытному речному сообщению, по которому едва ли когда-либо ездил хоть один пассажир «дальнего речного плавания»... На этих «калошах» и «полукалошах», очевидно, разъезжали только местное именитое купечество да власть имущие станковые и исправники.

На рассвете тащивший в своем грязном и тесном трюме семью «артиста» Юрия Федоровича Светланова<sup>94</sup> буксиришка с грехом пополам добрался до маленькой и совершенно невзрачной пристанишки у деревни Мантурово. Отсюда, очевидно, регулярного сообщения вверх по Унже не существовало. Дальнейшее путешествие до Перми надо было совершить по железной дороге, ближайшая станция которой Мантурово находилась в трех верстах от только что достигнутой пристани того же наименования. Нагрузив вещи на простую крестьянскую телегу и следуя за ней пешим порядком по узенькой проселочной дороге, побрели усталые и измученные горе-путешественники на глухой полустанок Мантурово.

От сонного сторожа, несказанно удивленного появлением столь необычных пассажиров в этом районе, узнали, что в скором времени на Вятку из Петрограда пройдет «курьерский» поезд... Останавливается он здесь на несколько минут, и попасть на него довольно трудно, так как «завсегда местов нет»... Это малоутешительное сообщение было не особенно приятно. После бессонной ночи плавания на «паузках» и буксирах совершенно не улыбалась перспектива длительного ожидания на грязном и безжизненном полустанке поезда, где можно было бы «найти местов». Поэтому пришлось напрячь все силы для того, чтобы во что бы то ни стало попасть в «курьерский» поезд, наполненный, как заявил сторож, «одними комиссарами да большим начальством».

Скромному «артисту сцены и арены» Светланову трудно было при этих условиях рассчитывать на то, что в короткий срок остановки с большим багажом и несколькими членами семьи удастся проникнуть в вагоны привилегированного «комиссарского» поезда. Пущены были в ход всеисильные русские «чаевые».

— А ну-ка, любезный «товарищ», не откажетесь ли вы посодествовать так, чтобы в этот поезд попасть обязательно и чтобы поезд не ушел, пока не будут погружены все вещи и пассажиры. Вот вам за хлопоты, и еще прибавим, только хорошенько постарайтесь.

Новенькие хрустящие «романовские», хотя и были уже тогда «проклятым наследием прогнившего царского режима», произвели на представителя «мирового пролетариата» ожидаемое впечатление. Сонное настроение сторожа захудалого железнодорожного полустанка улетучилось в одно мгновение, и он ушел весь в заботу подготовки для предстоящей посадки и ежеминутно справлялся по телефону у соседней станции о времени прибытия шедшего не по расписанию курьерско-комиссарского поезда... С шумом и грохотом подлетел «курьерский»... На умоляющие взоры артиста Светланова и робкую просьбу о местах

проводник вагона первого класса ответил решительным и грубым отказом: «Нет мест»...

Положение создалось критическое. Поезд мог сорваться с места и уйти. Пущен был в ход только что проделанный опыт с хрустящими «романовскими», и... двери двухместного купе, «заказанного для какого-то важного комиссара», мгновенно открылись, и в них разместилась усталая и обрадованная этой «находкой» светлановская семья. Впопыхах и боясь отстать от поезда, спешно набрали как попало вещи в купе, которое оказалось, как и некоторые другие купе того же вагона, свободным от самого Петрограда.

До ближайшей станции Вятка, где предстояла пересадка, так как там уже начинался «театр военных действий», оставалось ходу еще несколько часов. Надо было отдохнуть, и все немедленно заснуло. Несколько часов кряду никто не просыпался и в купе из посторонних никто не входил. Однако, как только поезд подошел к станции Котельнич, у которой дорога проходит по большому железнодорожному мосту через реку Вятку, произошел первый довольно серьезный досмотр документов пассажиров.

Профессиональное удостоверение «союза работников сцены и арены» не особенно удовлетворило контролеров железнодорожной Чрезвычайки, и для вящего убеждения в соответствии документов с действительностью они произвели подробное обследование всего наличного в купе багажа. Предусмотрительно взятые с собою ноты и оперные партитуры, видимо, усыпили подозрительность чинов контроля, и они прошли в следующее отделение вагона.

К вечеру того же дня поезд подошел к Вятке, и здесь надо было выгружаться. Дальше на Пермь регулярного пассажирского движения поездов совершенно не существовало. Туда ходили только воинские эшелоны да служебные поезда. На вокзале Вятки царило неописуемое столпотворение. Весь район, прилегающий к вокзалу, был оцеплен вооруженными людьми, одетыми в различные формы частей войск бывшей Русской армии и флота, конечно, все без погон. Обращало на себя внимание большое количество латышей, которые грузились тут же в вагоны для отправки в восточном направлении.

По возбужденному настроению всей этой разношерстной массы бывших солдат и матросов, перемешанных с отрядами железнодорожных рабочих, видно было, что по дороге на Пермь не все обстоит благополучно. По перрону бегали взад-вперед увешанные ручными гранатами и револьверами военные комиссары и отдавали какие-то спешные и грозные приказы. В небольшой толпе случайно очутившихся здесь пассажиров, в которой замешалась и семья Светланова, потихоньку от

одного к другому передавали, что со стороны Перми на Вятку против накупившихся здесь латышей наступают «товарищи матросы»...

Последние требовали беспрепятственного пропуска их эшелона через Вятку на запад, а местное начальство распорядилось матросов с «белогвардейского» фронта не выпускать и даже принудить их снова возвратиться обратно для защиты «завоеваний пролетарской революции». Против непокорных дезертирующих с фронта матросов выставлены были повсюду пулеметы и орудия, а по боковым путям железнодорожного узла курсировали бронепоезда. Это новое обстоятельство грозило полным срывом дальнейшего путешествия Светланова в сторону Урала, где, по-видимому, уже определился антибольшевистский фронт, против которого посылались из Петрограда и Москвы наскоро набранные части будущей Красной армии.

Суматоха на Вятском вокзале продолжалась довольно долгое время, и только когда уже совсем стемнело и люди, видимо от дневного напряжения, изрядно утомились, наступило некоторое успокоение. Слух прошел о том, что столкновения не произошло и обе стороны договорились о совместной обороне Вятского железнодорожного узла на случай, если «гидра контрреволюции осмелится поднять здесь свои головы»... В Пермь можно было проникнуть лишь на одном из отправлявшихся туда латышских эшелонов, получить пропуск для поезда с которым представляло большие трудности.

Сначала на всякую попытку получить легальное разрешение на этот проезд получался решительный отказ. Желание ехать в сторону явной опасности вызывало даже сугубое подозрение в политической неблагонадежности просителей. Долго бы продолжалось это мытарствование по различным комиссарам, открывшим тут же на вокзале свои канцелярии, если бы одна из сестер милосердия не научила, к «кому обратиться»... В третий раз за короткий промежуток времени в руках Светланова зашелестели «хрустящие романовки», и за 25 рублей один из комиссаров-еврейчиков выдал бумажку, по которой открывалось право ехать с латышским поездом в одном из полупустых товарных вагонов.

Среди набравшихся, очевидно, так же «протекционным» порядком, в этот вагон людей не видно было ни одного лица, которому можно было довериться ни на слове, ни на деле. Приходилось зорко смотреть за своим багажом. Чтобы сохранить от пропажи вещи, пришлось положить их все в одну общую грудку и разместиться на них, как на сиденьях. В противном случае при ночной езде в неосвещенном вагоне можно было бы недосчитаться многих отдельных пакетов и даже чемоданов.

Путешествие это было чрезвычайно неприятно и тягостно. Помимо удрученного общего настроения, вызванного крайними неудобствами томительной поездки в грязном, вероятно, только что перевозившем лошадей или интендантский скот вагоне, пришлось немало наслушаться также циничной «словесности» и ругани в самой неприкрытой форме по адресу все тех же злосчастных «буржуев» и других «врагов народа»... Семья Светланова, несмотря на крайнюю усталость, почти не сомкнула глаз до самого рассвета. Все мерещилось, что вот-вот произойдет какое-то несчастье, встретить которое в сонном виде было бы как-то особенно жутко. Собственно говоря, в этой обстановке все находилось во власти слепого случая и дикого произвола. Можно было ожидать самых крайних насилий в любой момент, тем более что «белогвардейский фронт» был где-то совсем недалеко и со стороны его могли быть всякие для «товарищей» неожиданности, включительно до крушения поезда. В последнем случае могли пострадать и все невольные пассажиры латышского эшелона.

В этой нервной и напряженной обстановке перед самым почти рассветом, среди полной темноты совершенно ничем не освещенного вагона, вдруг раздался душу раздирающий крик одного из пассажиров. Этот крик подхватили еще несколько голосов, и в первую минуту нельзя было ничего понять — что и с кем в этот момент произошло... Среди темноты в вагоне началась какая-то сильная возня. По отдельным возгласам боровшихся нескольких людей можно было уловить весьма злобную ругань по адресу какого-то вора, забравшегося в чей-то карман и вытащившего кошелек с деньгами и документами. Всеобщее возбуждение в вагоне возросло, так как обокраденными оказались многие лица. Наскоро зажженные свечи осветили трагикомическую картину внезапного ночного происшествия. Несколько человек вцепились руками за шиворот какого-то субъекта и нещадно били его по чем попало. Избиваемый издавал дикий гнусавый вой. Из зубов и носа у него сочилась кровь. Он молил о пощаде, обещая вернуть все, что он успел вытащить за эту ночь из карманов своих не только близко расположившихся от него соседей, но и тех, которые находились в совершенно другом конце вагона... Какова дерзость и ловкость «оперирования» среди глубокой ночной темноты!

Мольбы и обещания вора не удовлетворили тузивших его людей, и они сами начали обшаривать все карманы и складки незатейливого костюма опытного рецидивиста. Лишившихся своих кошельков оказалось не больше не меньше как девять человек. К счастью, судьба к Светланову и членам его семьи в этот трагический момент была милости-

ва... Все эти девять лиц с ожесточением рвали на пойманном воре всю его одежду и искали свои пропавшие кошельки. Отчаяние их возросло, когда они не нашли последних в его куртке и в карманах штанов. Минутное остервенение сменилось внезапным отчаянием, так как надежда вернуть пропавшее как будто исчезла. Как вдруг кому-то из пострадавших пришла внезапная мысль обыскать обмотки на ногах вора. Новый взрыв негодования и радости от обнаружения всех девяти кошельков в этом потаенном месте снова огласил стены полутемного вагона. Мигом все начали пересчитывать свои деньги и, к глубокому удовлетворению, нашли их нетронутыми... Это обстоятельство «приободрило» и самого «виновника происшествия», который вследствие «благополучных результатов» обыска и сохранности всех сумм просил себе снисхождения. Он больше всего боялся, чтобы возбужденные пассажиры не передали его в руки агентов железнодорожной станционной Чрезвычайки. Вора продолжали крепко держать за шиворот и в то же время обсуждали вопрос, как с ним следует поступить. Как всегда в подобных случаях бывает, проектов посыпалось немало. Кто предлагал «набить морду и выкинуть из вагона на ходу поезда», кто требовал «убить на месте, как собаку», кто находил, что его можно «простить»... И только немногие неуверенные голоса советовали передать вора станционному начальству для привлечения его «к законной ответственности»... Судьбу свою решил сам виновник импровизированного вагонного «суда». Он не нашел ничего для себя более лучшего, как выпрыгнуть из вагона на полном ходу поезда... Все ахнули, но вора в вагоне уже не оказалось.

Вытягивая сколько позволяла возможность свои шею из вагонной задвижной двери, при едва брезжащем свете начинающегося раннего утра видели эти растерянные лица, как опытный вагонный воришка, перекувырнувшись два-три раза, свалился под пологий откос полотна, встал быстро на ноги и «спокойно» пошел в обратную от направления движения поезда сторону. На этом все происшествие и закончилось. Некоторые повеселели и по адресу ловкого акробата и его «танцов» даже отпускали лестные эпитеты.

— Ну и парень, ну и молодец!!!

«Молодец» пошел себе домой в Вятку, а остальные путешественники продолжали свой путь до Перми. Примерно через неделю после того, как Светланов выехал из Петрограда, достигнут был конечный пункт назначения, то есть город Пермь.

В этом городе находилась в данный момент постоянно проживавшая там та группа русских платинопромышленников, с которой были у Светланова коммерческие договорные, по заключенному в Москве

с французами договору, отношения. Промышленники имели свою обширную коммерческую агентуру по всему Уралу, через которую весь ценный материал накапливался или в Перми, или в Екатеринбурге. По намеченному раньше плану, если бы обстоятельства позволили, предполагалось поработать первоначально в Перми и потом передвинуться в Екатеринбург. Имена участников этой группы, которые, может быть, в настоящее время находятся где-либо в советской России, называть сейчас не представляется возможным... Несмотря на повальные повсюду в Перми обыски, они умудрялись так надежно припрятывать ценные металлы (платина и золото) и минералы, что они, вероятно, и по сей день во многих местах хранятся в полной безопасности, выжидая изменения в России обстановки.

Как уже знает читатель, вся операция по заключенному договору на поставку большой партии платины не была выполнена из-за политических обстоятельств. Непосредственное распространение военных действий между белыми и красными в приуральском и в приволжском районах сковало всю нормальную и деловую жизнь в этом крае, не говоря уже о том, что той же операции едва ли позволили бы осуществиться и заведенные к тому времени на Урале местные большевистские власти. Ввиду того же, что в Сибири были также повсюду беспорядки и восстания, нечего было и думать о том, чтобы вообще могла удалась операция и по вывозу купленной французами платины в том или ином направлении.

Попав с таким трудом и риском в незнакомый для него город Пермь, Светланов совершенно определенно в этом сам убедился и поэтому решил в отношении принятых на себя перед французами обязательств стремиться только к тому, чтобы соответственным образом информировать своих покупателей. Для этой цели приходилось поддерживать всякими путями и способами связь с Москвой и Петроградом. В последнем пункте французы имели негласно сохранившуюся к тому времени торговую палату, которой руководил очень симпатичный инженер Гро... Через него же при завязке платинового дела были начаты первоначальные переговоры в Петрограде, которые потом перекинуты были в Москву.

В течение августа и сентября месяца 1918 года сравнительно нетрудно было проникать в эти пункты посылаемым из Перми светлановским курьерам, но в последующие месяцы это делать было уже совершенно невозможно, да и надобности не было, так как обстановка весьма серьезно осложнилась и французы сами покинули и Москву, и Петроград. Все участвовавшие в этом деле лица выехали во Францию, и только один капитан Парис прорвался в Сибирь и временно

находился на Восточном белом фронте. За все последующее время Светланову так и не удалось видаться с этим весьма энергичным капитаном, который отлично изъяснялся на русском языке. Таким образом, вынужденное сидение Светланова в Перми сводилось уже к выжиданию изменения военно-политической ситуации в районе Перми до того момента, когда можно было бы перейти по ту сторону линии фронта, которая разделяла в это время «красных» от «белых».

Жизнь в большевистской Перми в течение последних двух месяцев перед занятием ее сибирскими войсками была полна тревоги и ужаса. В городе и на Мотовилихе, так называемом районе военных заводов, царил кровавый террор. Всюду шли аресты и расстрелы. Кто из жителей Перми попадал в Мотовилиху или в местную семинарию, где располагалась Чрезвычайка, тот оттуда живым уже не возвращался. Про Мотовилиху народная молва говорила, что там «живьем» сжигают в заводских печах, семинарский сад был весь завален трупами расстрелянных там «буржуев», священников и офицеров...

После занятия Перми белыми автор настоящих воспоминаний сам лично убедился в полной справедливости последнего сведения. Действительно, в саду, довольно обширных размеров, всюду валялись трупы, видимо, давно расстрелянных жителей Перми, имевших несчастье попасть в это место смерти и пыток. В ужасных позах, изуродованные, полураздетые, там и сям валялись полусасыпанные снегом фигуры несчастных. Толпами народ валил в этот страшный сад, разыскивая среди погибших своих родных и близких людей. Все это знал в Перми каждый житель и больше всего боялся попасть на особый учет и внимание агентов Чрезвычайной комиссии.

Каково же было настроение тех, кто невольно находился в эти страдные дни в Перми и вынужден был, как, например, Светланов, скрывать свое настоящее лицо и положение... Никаких «артистических» выступлений публичных, конечно, Светланов для оправдания своего профессионального положения производить не мог уже потому, что не был профессионалом, да и, кроме того, появившись он на «сцене» вообще, он был бы кем-нибудь обязательно опознан и с «концерта» мог бы прямо угодить или в Мотовилиху, или в семинарский сад...

В штабе Красной армии, кажется по номеру 5-й, располагавшемся в то время тоже в Перми, служило несколько бывших офицеров кадрового Генерального штаба, среди которых были такие, которые отлично знали «Светланова» в лицо. Был однажды один случай, когда «Светланов» с глазу на глаз столкнулся с полковником В.Я. Жуковым, с которым он в течение полутора последних месяцев совместно, бок о бок, сотрудничал в Петрограде в Главном управлении Генерального

штаба. Жуков был немного близорук, а «Светланов» сильно видоизменил свою внешность, и потому только обошлось без «приятного» восклицания: «Ба, какими судьбами! Что подделываете, Георгий Иосифович, где служите?»

Трудно было бы в это время доказывать, что ты уже не Георгий Иосифович, а Юрий Федорович. Каких настроений преисполнен был в это время «дорогой друг Владимир Яковлевич», Светланову совершенно было неизвестно. Люди ведь так быстро меняются... После этой неожиданной встречи различными агентурными и кружными путями было выяснено, что этот самый полковник старого Генерального штаба был ревностным работником (таким же ревностным служакой он был и в Гутше в свое время) в штабе Реввоенсовета 5-й советской армии по оперативной части. Возглавлялся Реввоенсовет тогда Смилой, Лашевичем и Уборевичем. Последний из них был в последние годы ликвидации белых армий на Дальнем Востоке командующим краснознаменной армией. Лашевич, как известно, играл печальную роль потом на К. В. Ж. Д., будучи на ней в качестве ответственного руководителя ее с советской стороны.

Может быть, Жуков и не выдал бы своего бывшего сослуживца и приятеля, но этим самым он ставил бы и себя под удар со стороны тех же агентов Чрезвычайки, которые всегда могли бы арестовать и его за сокрытие опаснейшего «врага народа»... Этот случай и некоторые другие определенно говорили о том, что шутить с такими вещами в обстановке непосредственной близости от фронта жесточайшей Гражданской войны было весьма неразумно. Приходилось очень мало показываться днем на улице и на каждом шагу проявлять максимум осторожности. И в то же время надо было, как говорится, не терять лицо «профессионального артиста без специального ангажемента», то есть безработного, однако живущего в условиях некоторого комфорта, недоступного для средств рядового артиста.

На Оханской улице, в доме номер 29, найдена была с первых дней приезда в Пермь Светлановым сравнительно приличная комната с обстановкой. Домохозяйка, типичные местные «буржуи», были на особом учете у Чрезвычайки и посему скрывались где-то по разным местам в городе, в его окрестностях и по заимкам. Некоторое время хозяйка дома пыталась еще нелегально жить в своем собственном доме, но частые визиты агентов Чека ее все время пугали, и она в конце концов должна была вовсе покинуть свой дом и поселиться где-то в окрестностях города, за рекой Камой. Несмотря, однако, на явную опасность и колоссальный риск, оба они временами снова возвращались в свой дом, чтобы провести в нем полную тревоги и

смертельного страха ночь. Как затравленные звери, кругом озираясь и вскакивая с постелей при малейшем за окнами шорохе, они ежесекундно должны были быть готовыми обратиться в дикое и безоглядное бегство... Нервность и сторожкость домохозяев передавалась и на всех членов семьи Светланова, которая, находясь в положении невольных укрывателей разыскиваемых Чрезвычайкой лиц, сама рисковала попасть вместо разыскиваемых в места смерти и пыток...

Случился однажды такой казус, что ночью из агентов никто не являлся, но вдруг утром, когда домохозяева считали себя в относительной безопасности, в дверь с черного хода кто-то сильно постучался. Обомлевшая от ужаса хозяйка дома через окно увидела трех чекистов. Потеряв всякую способность ориентироваться и не понимая, что делает, она опрометью бросилась через «парадную» дверь на улицу, забыв даже предупредить своего мужа, который в этот момент находился в... уборной и не подозревал о том несчастье, которое на него надвинулось... Надо было во что бы то ни стало спасти домохозяина, так как слишком долго уже за ним охотились агенты Чека. В несколько прыжков Светланов подскочил к двери уборной, рванул дверь с крючков, крикнул о грозящей опасности, бросил ему в руки шубу и шапку и показал выход на подъезд, где только что скрылась его жена. К величайшему счастью, чекисты были не так предусмотрительны и, входя с черного хода, со двора, не позаботились поставить караул со стороны «парадного» подъезда. Пока жена Светланова возилась у дверей, чтобы открыть двери непрошеным гостям из Чрезвычайки, время было выиграно и домохозяева, которые в этот раз попались бы несомненно, были спасены.

Долго потом ходили все бледные и расстроенные после этого трагического момента, в случае неблагоприятного исхода которого всем членам семьи Светланова грозила бы весьма печальная участь. Если бы только злостные-презлостные агенты Чека разобрались в том, «кто» укрывал преследуемых ими лиц, то мало от этого бы не было. Когда чекистам недоело подавливать неуловимых беглецов (очевидно, кто-нибудь из соседей осведомлял о временных возвращениях домохозяев), они решили вселить в дом ответственных партийных советских работников... С этого времени посещения беглецов действительно прекратились, зато для Светланова и членов его семьи началась новая ужасная пытка.

В квартире было всего пять небольших комнат, половину из которых отвели под г. г. комиссаров транспортного отдела штаба той же 5-й советской армии... День и ночь, в каждую данную секунду, вся жизнь «артиста» Светланова была у этих комиссаров на глазах, как на

ладони. Тут уж действительно пришлось во время самой жизни проявлять величайшие артистические способности. Игра была жуткая и длительная, ибо совместное сожительство продолжалось около полутора-двух месяцев.

— Где, товарищ Светланов, вы раньше пели, почему теперь нигде не выступаете, да покажите нам свой голос, — с ответами на такие вопросы комиссаров и их приятелей приходилось «маневрировать» почти каждый день и час.

Так как без конца сидеть без дела было нельзя, то пришлось вывесить на дверях квартиры объявление о том, что группой артистов и музыкантов даются уроки пения и музыки. Это объявление избавляло от лишних толков и разговоров, а также создавало впечатление, что люди «чем-то в сущности заняты». «Назвался груздем — полезай в кузов» — говорит русская народная поговорка. В результате такого «поворота» вопроса в числе первых учеников пения оказался живущий в той же квартире комиссар транспорта по фамилии Бирон, а в числе учениц по музыке его гражданская жена.

Молоденькая наивная девица из богатой семьи екатеринбургского купца и монархиста по странному стечению обстоятельств сделалась женой заядлого коммуниста и комиссара. Сама она в этом сознавалась, когда оставалась наедине с женою Светланова, но ничуть от этого не страдала и угрызения совести перед своими родителями, от которых она почти сбежала, не чувствовала. Дорожил, видимо, своей монархической-женой и комиссар Бирон. Лестно ведь пролетарию похвалиться было перед своими товарищами «белой дворянской костью да голубой кровью» избранницы своего сердца... Жили они между собою весьма недурно. Комиссар Бирон задаривал молодую жену всеми благами коммунистического и комиссарского привилегированного продовольственного и мануфактурного пайка. Всего у них вдвоем было всегда вдоволь, в то время как семья Светланова жила полуголодной жизнью. В городе достать ничего без продовольственных карточек было невозможно. За черным кусочком хлеба приходилось выстаивать в очередях многие часы. Остальные продукты кое-как удавалось доставать из-под полы у приезжих из ближайших деревень крестьян или с помощью посылаемых туда ходоков.

За последнее время и этот спасительный способ питания прекратился, так как по всем проселкам и главным путям, идущим в город, большевики расставили заградительные посты и караулы, которые отбирали положительно все, что только попадало им на глаза, а везущих жалкие крохи продовольствия для личного пользования арестовывали. Среди предметов дамского туалета молодой комиссарши

встречались самые разнообразные и дикие вещи, отобранные во время многочисленных обысков у «буржуев», не исключая носовых платков с метками... Императрицы. Этими дикими вещами и комиссар Бирон, и его «любезная супруга» любили очень часто похвалиться перед членами семьи и другими спутниками Светланова. Когда во время одного из таких «сеансов» похвалы всеобщее внимание привлекли на себя предметы личного белья, принадлежащего Всероссийской Императрице, на каждом из отдельных экземпляров которых красовались Императорские гербы, вышитые дивной гладью, то об истории их «приобретения» Бирон с особым удовольствием рассказывал самые большие подробности, носившие временами самый скабрёзный характер.

Говорил ли Бирон правду или только бахвалился для рисовки перед забитыми страхом обывателями, утверждать трудно, только от него приходилось не один раз слышать историю о том, как он, Бирон, участвовал в избиении русского Императора и Его мученической семьи в подвалах Ипатьевского дома, в городе Екатеринбурге, в июле 1918 года. Жутью веяло от того, чем хвалился большевистский комиссар по этому поводу, который явно стремился изобразить себя в этом акте не иначе как «народным героем и мстителем» или «выразителем народного гнева» против «кровавого русского царя». Среди многих подробностей этого страшного мирового злодеяния Бирон с особым удовольствием смаковал финальную картину расстрела царской семьи, когда изображал позы сраженных пулями членов Императорской русской фамилии, останавливаясь с садическим интересом над несчастными Великими Князьями и матерью-Императрицей.

— Какие телеса, какие телеса!!! — восклицал в этой части своего безгранично циничного повествования комиссар транспорта 5-й советской армии...

Между прочим, Бирон тогда утверждал, что убийство всей царской семьи и Государя Императора произошло по приказу из Москвы и совершено было в ночь на 21 июля 1918 года. Когда впоследствии автор настоящих воспоминаний делился впечатлениями об этом самом материале, слышанном им лично из уст названного комиссара, с генералом М.К. Дитерихсом, на которого Верховным Правителем адмиралом А.В. Колчаком была возложена задача официального расследования убийства царской семьи, то дата, названная Бироном, признана была совершенно не отвечающей действительному сроку убийства, которое, по мнению генерала Дитерихса, произошло в ночь на 18 июля, то есть на три дня раньше, чем указывал Бирон. Кроме



того, всю версию рассказа Бирона генерал Дитерихс признал «вымышленною» самим Бироном из простого хвастовства. Генерал Дитерихс подчеркнул при этом, что «подобной манией хвастовства, как показали материалы подробного его расследования, страдали многие из советских деятелей», которых в той или иной форме приходилось допрашивать самому Дитерихсу и членам его расследовательной комиссии в качестве привлеченных по делу екатеринбургского кровавого злодеяния.

Светланову очень хотелось каким-нибудь способом уговорить комиссара Бирона или его «супругу» или отдать на память, или продать хоть один из носовых платков, принадлежавших Ее Величеству. Помнится, как сейчас, перед глазами автора сих строк жена Бирона вертела в руках один из таких тонких платков, на котором красовалась монограмма «А» с короной и с маленьким вышитым внизу под монограммой номерком «95». Но комиссарша была неумолима. Ей было лестно сморкаться в этот дорогой платок, быть может не один раз орошенный священными и горькими слезами несчастнейшей из русских женщин, матерей — Всероссийской Императрицы Александры Феодоровны — супруги последнего русского венценосца Государя Императора Николая II Александровича.

Тягостно было находиться в положении немого свидетеля в районе, где совершалась невероятная драма в жизни Российского Государства и помочь которой не было никакой фактической возможности. Автор настоящих воспоминаний попал в Пермь при совершенно случайных обстоятельствах и, естественно, никого из местных жителей здесь не знал вообще. Это обстоятельство затрудняло общую ориентировку, получить сведения для которой можно было только из советских газет да из случайно оброненных комиссарами фраз и разговоров.

Очевидно, в городе были какие-то тайные и национальные русские группировки, но связаться с ними было трудно и рискованно. На каждом шагу могла быть провокация со стороны зорко следивших за всем агентов Чрезвычайки. Если белые организации и существовали в то время в Перми и в других пунктах Приуралья, то о работе их нельзя сказать ничего положительного. Возможно, что они были слабы как в количественном, так и в качественном отношении. В противном случае трудно было бы объяснить то обстоятельство, что эти организации были столь пассивны в моменты расправы с членами царской фамилии как в Екатеринбурге, так и в Перми и Алапаевске.

Между этими крупнейшими пунктами северной части Урала, надо полагать, ведь существовала в мирной обстановке самая тесная деловая

и житейская связь. Почему при привозе во все эти города высоких пленных революции из царствующего дома Романовых во главе с отрекшимся от престола Императором в этих организациях могла невольно возникнуть вполне рациональная мысль о спасении их от неминуемой в той обстановке гибели.

Из рассказов, которые дошли до слуха Светланова после того, как он попал в Пермь, видно было, что картина обстановки вокруг проживавшего летом 1918 года в Перми брата Государя Великого Князя Михаила Александровича представлялась далеко не такою безотрадною. Оказывается, живя в так называемых Королевских номерах, Великий Князь пользовался сравнительно большой свободой режима и передвижений. Он общался в городе со многими лицами, бывая в домах на положении простого обывателя. С ним всегда могли установить связь руководители местных антибольшевистских организаций. Если бы они правильно при этом учитывали быстро меняющуюся обстановку, то они должны были бы и найти то или иное решение вопроса в отношении общей и частичной судьбы как Великого Князя Михаила Александровича, так и узников Екатеринбурга и Алапаевска.

Когда Пермь пала и перешла в руки белых, то, помнится, в городе моментально, чуть ли не в несколько часов, была налажена самая серьезная военно-комендантская служба и внутренняя городская самооборона, которой руководили старые кадровые офицеры из числа местных старожилов, всех в городе хорошо знавших и всех легко рассказавших на «надежных» и «ненадежных» в политическом отношении. Стало быть, в их же руках были немалые возможности для предупреждения или по крайней мере облегчения участи несчастных членов царской фамилии.

В течение всего летнего периода времени, до появления в Перми штаба советской армии, местная совдепская власть тут была не более сильна, чем в самом Екатеринбурге. От того же Бирона и его сотоварищей иногда приходилось слышать иронические насмешки над пассивностью белых, которые, мол, дескать, не сумели использовать момента полной слабости здесь советской власти для того, чтобы «выкрасть Царя»... Будучи потом в Омске и интересуясь этим вопросом уже с чисто исторической точки зрения, автор настоящих воспоминаний пришел к убеждению, что в последних словах хвастливого комиссара Бирона, к сожалению, была большая доля горькой для всех русских националистов правды. Государя и Его мученическую семью можно было бы спасти, если бы в момент нахождения их в Екатеринбурге, незадолго до появления в этом пункте белых войск, были бы приняты в этом направлении более радикальные и

осторожные меры. Этими тягостными мыслями и кошмарами минувшего была полна голова Светланова в течение всей осени 1918 года.

Наиболее крупные военные действия между красными и белыми в районе Перми начали разыгрываться только с начала декабря месяца. Стараясь не навлечь на себя внимания и подозрения жительствовавших под одной кровлей комиссаров, упорно следил Светланов по местным советским газетам за каждым военным сообщением штаба 5-й армии или за сводками, которые публиковались от имени Реввоенсовета РСФСР, и на тайно хранившейся у него карте отмечал все фазисы различных положений передвигавшихся боевых фронтов. Эти фронты то приближались, то удалялись, то замирали на долгие промежутки времени в неопределенном положении. В зависимости от этого то поднималось, то падало, то мучительно томилось неизвестностью настроение самого Светланова и его семьи. Все с нетерпением и горячо ждали случая и момента, чтобы белые взяли бы Пермь или чтобы открылась хоть какая-либо возможность прорваться по ту сторону линии в наименее опасном направлении. Конечно, если бы не семья, состоящая из двух женщин, то вопрос с прорывом через линию фронта решился бы самым простым и, пожалуй, скорым способом. Но так как бросить семью в этой смертельно опасной обстановке было бы равносильно преданию ее на поругание и насилия обозленных большевиков, пришлось терпеть и только ждать, ждать.

### Отслоение «белых» сил

Около трех четвертей года ушло на то, чтобы перемешавшиеся на необъятном пространстве России «красные» и «белые» силы нашей революции могли отслоить главные массы своих контингентов. Первые фазисы беспорядочной борьбы на путях к берегам Черного моря, к Дону и Кубани продолжались весну и лето 1918 года. В этом направлении массовым потоком отошли наиболее солидные элементы белых сил Центральной России. В сторону же Сибири специальной «тяги» белых не было.

Внезапно произошедшее восстание Чехо-Словацких эшелонов на Волге, в Сибири и на Дальнем Востоке разом отрезало Азиатскую Россию от Европейской ее части и тем заключило как бы в один обширный резервуар все находившиеся к востоку от Волги и Урала политические группировки, организации и силы, вне зависимости от их притягательных или отталкивающих в отношении московского большевистского центра настроений.

Судьба не дала автору настоящих воспоминаний случая лично наблюдать условия борьбы на Алексеевско-Деникинском и позднее Врангелевском, Южном фронте. Зато она предоставила ему возможность в довольно отчетливых очертаниях видеть картину вооруженной борьбы на берегах Волги, на отрогах Урала, в Западной Сибири, во время отступательного Ледяного Сибирского похода, в Забайкалье и в Приморье последних дней.

Указанная разница в условиях отслоения «белой силы» на Южном и Восточном (Сибирском) русских фронтах усугубляла и повышала требования, предъявляемые к организующему центральному военно-административному аппарату Сибири в области работы по сосредоточению всех усилий для вооруженной борьбы с большевиками. Здесь-то требовалось особое мастерство, чтобы объединить не только однородные белые элементы, но также втянуть в общий порыв борьбы и прочие оттенки политических настроений не издевавшей большевизма Сибири.

Несомненно, что эти «оттенки» настроений в той или иной степени входили и в боевые ряды армии. А это, в свою очередь, ставило перед высшими руководителями последней еще более деликатные и тонкие задачи. Во всяком случае, во имя воссоздания и сохранения основных организационных принципов построения армии как боевого аппарата и всех военных учреждений, ее обслуживающих, требовалось, чтобы работа около них протекала вне серьезных ущербов и особых злоключений. Посмотрим, что было на деле.

### Армия Верховного Правителя

В первый период зарождения Поволжско-Уральского фронта в Перми, как в одном из прифронтовых городов, привелось, как это видно из предыдущего изложения воспоминаний, автору последних, находившемуся на нелегальном положении, наблюдать в течение нескольких месяцев вооруженную борьбу красных сил против «контрреволюции». Богатейший материал собранных им «со стороны» наблюдений за жизнью и деятельностью Красной армии на фронте и в тылу привел его к целому ряду ценных заключений. Последние имелись в виду использовать немедленно вслед за проникновением на противобольшевистский фронт.

Ноябрьский переворот 1918 года, выдвинувший на сцену адмирала Колчака, завершился стремительным наступлением Средне-Сибирского корпуса генерала Пепеляева на Пермь. С падением последней от-

крылась возможность из конспиративно-наблюдательного положения перейти к «открытому сотрудничеству с развивающейся уже тогда во всероссийском масштабе армией Верховного Правителя. Вынужденно длительное бездействие после кипучей работы перед революцией в Петрограде еще больше поднимало силы для новой организационной работы. Казалось, что именно теперь открывается исключительное по широте своей поле активной деятельности...»

Затихли отдаленные выстрелы преследующих противника и продвигающихся к западу от Перми сибирских стрелков. На Пермском вокзале появился блестящий состав поезда со штабом генерала Пепеляева. Перебитые национальными и одновременно с тем и бело-зелеными сибирскими флагами, узорные вензеля украшали наружные стены салон-вагона «героя Перми». Особое чувство подъема невольно тянуло к этой простой, но яркой эмблеме попорченной родины. Холодной новизной повеяло, однако, от пепеляевского бело-зеленого (сибирского) флага.

Двойственная внешность флагов и эмблем на вагонах штаба генерала Пепеляева вызывала такое же неожиданно двойственное впечатление и настроение в душе, истомленной терзаниями за судьбу России. Простой искренний порыв, руководивший психикой русского патриота, в эти минуты был невольно озадачен этим раздвоением понятий и положений на антибольшевистском боевом фронте. Как трудно и как больно было в этом разочаровываться, а еще более после близкого ознакомления с внутренним содержанием светлого призрака былой Русской армии. Да, именно призрака!.. Большая и достойная по своей внешней силе и духу армия Верховного Правителя адмирала Колчака, к сожалению, оказалась и по первому впечатлению, и значительно позже потом только лишь желанным призраком... но не действительностью.

Первая встреча в пепеляевском штабе автора настоящих воспоминаний, уже как кадрового офицера Генерального штаба, была неприятная, почти оскорбительная. Бурбонистого типа «наштакор» совершенно открыто показывает вам свое нерасположение, и в коротком отрывочном разговоре с ним чувствуется эгоистическое недружелюбие его к вам, как к вновь появившемуся на горизонте «конкуренту по службе». Подчеркнутая сухость официальных отношений сразу лишает вас не только возможности поделиться свежими впечатлениями и наблюдениями о виденном в тылу красного общего для нас обоих врага, но заставляет спешить даже сократить формальную сторону объяснений с тем, чтобы скорее покинуть не приветливого хозяина штабного вагона. «Герой Перми» Пепеляев

оказался еще менее доступным, чем его начальник штаба. Это было одно из первых весьма тяжелых и не предвещающих ничего хорошего впереди впечатлений. Как хотелось в то время, чтобы оно было при этом и последним.

### Последние дни в Перми

Не задерживаясь особыми формальностями в Перми, где в последние ночи перед уходом большевиков чуть не пришлось подвергнуться аресту, «бывший артист» Светланов покинул этот город через несколько дней после прихода туда передовых частей армии Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака и отправился в Омск.

Ввиду того что последние столкновения между красными и белыми к востоку от Пермского района происходили в течение продолжительного времени и носили довольно ожесточенный характер, не особенно успешный для белых, само появление частей Сибирской армии в Перми в Рождественскую ночь 1918 года было сравнительно неожиданным для городского населения сюрпризом.

Перед этой святою ночью и в течение ее, производя спешную эвакуацию своих тыловых учреждений (большую часть которых большевикам увезти из Перми не удалось), все органы тайной разведки штаба 5-й советской армии шарили по городу в поисках «белых» для немедленной их ликвидации. Всех, кто подходил под призывной возраст или способен был носить оружие, большевики стремились вывезти из Перми в западном направлении, чтобы ими не воспользовались нуждающиеся, по их понятиям, в пополнении своей живой силы белые. Нужно было проявить много бдительности и изворотливости, чтобы в эти дни и ночи не попасться в руки агентов Чрезвычайки.

Покидавшие за несколько дней до падения Перми квартиру на Оханской улице, где жил Светланов, комиссар Бирон и другие «взяли» обещание последнего, что он вскоре присоединится к ним в пути, по дороге на Вятку. Расставшись с «дорогими товарищами», вся семья Светланова почувствовала громадное душевное успокоение. Легче сразу стало комбинировать свою маскировку и выжидать появления в городе Белой армии.

На рассвете Рождественского утра жители Перми были разбужены орудийными выстрелами, доносившимися с восточной стороны, и, когда уже совершенно рассвело, по улицам города появились первые дозоры белых сибиряков с зелеными ветками елок на головном уборе. Народ высыпал на улицы, лавки все мгновенно открылись, и

на лотках появились всевозможные съестные припасы для продажи. Город переродился, город проснулся от искусственного сна, который ему привили перед этим агенты Третьего интернационала.

Отступающие за реку Каму части 5-й советской армии сделали было попытку перейти в контрнаступление с целью отобрания назад Перми, но это им совершенно не удалось. Пермь сделалась белою, и из нее можно было ехать в Омск в Ставку адмирала А.В. Колчака.

### На Белом фронте

Глубоко вдыхая чистый зимний воздух, легко чувствовал себя наконец освободившийся от постоянного большевистского гнета пишущий эти строки. Не надо было ежесекундно думать о том, что в любую минуту ты можешь потерять свободу и может быть даже и жизнь. Это чувство морального раскрепощения трудно выразить простыми словами, тем более трудно понять его тому, кто не испытал вообще, что такое большевистский режим и как тяжела пята того гнета, который накладывается на каждого человека, попадающего на положение раба Третьего интернационала.

Под первым впечатлением полученной свободы как-то не думалось о том, что впереди могут быть снова тяжчайшие испытания. Верилось или, по крайней мере, хотелось верить, что все впереди будет ясно, светло и радужно безгранично. Предстоящая работа на поприще любимого и близкого сердцу военного дела, по своей прямой специальности офицера Генерального штаба глубоко радовала и волновала...

Бьющая через край молодая энергия требовала немедленного применения ее к делу, и потому как-то особенно горячо хотелось достигнуть ближайшей стоявшей перед тобою цели, то есть прибытия в Омск — в центр создавшегося нового антибольшевистского движения, в центр, в котором снова возродилась утраченная национальная русская государственность. Сознание того обстоятельства, что Верховная власть в Сибири и в Приуральско-Волжском районе находится в руках адмирала А.В. Колчака, с именем которого были так живы в памяти дни Корниловского движения в Петрограде, воодушевляло еще больше.

Избегая всяких задержек в пути, продвигался автор настоящих воспоминаний через Екатеринбург к новой столице Верховного Правительства. В Екатеринбурге пришлось задержаться лишь столько, сколько потребовалось времени, чтобы побывать во французском консульстве по делу майора Гибера и инженера Гро и для исполнения некоторых фор-

мальностей по получению в отделе военных сообщений содействия для безостановочного продвижения семьи и себя до Омска.

Несколько часов свободного времени было потрачено на ознакомление с городом, являющимся столицей нашего богатого Урала и в то же время могилой всей многострадальной семьи, мученически погибшего в нем последнего Императора Всея России... С безграничной и неподдельной скорбью, обнажив голову, долго простоял перед домом Ипатьева пишущий эти строки, быстро перебирая в своей памяти все моменты, в которые ему посчастливилось лицезреть при жизни погибшего русского Монарха в Москве, в Петрограде, на Кавказском фронте и в Крыму. Сверлили душу и сердце и те кошмарные рассказы, которыми хвалился в Перми комиссар Бирон... Сердце и ум не воспринимали того ужасного факта, что вот из этих полузарытых в землю окон подвального этажа дома екатеринбургского купца Ипатьева неслись к небесам душу раздирающие вопли избиваемых по-звериному Венценосцев Российской империи. И на эти крики неземных страданий не посмел подоспеть на помощь ни один слышавший их русский человек... Боже, Боже, Праведный, как велика чаша страданий, которую Ты уготовал Своему Помазаннику и всему русскому народу!.. Жутко было находиться около этой голгофы царственных мучеников, но еще труднее было отойти от нее и перестать думать о ней для того, чтобы обратиться мыслями к своим личным житейским делам. Казалось бы, нужно было веки вечные стоять у дома Ипатьева и только думать, мучительно думать о том, что было и что произошло... Как мелки и ничтожны казались в этот тягостный миг сознания все житейские наши радости и невзгоды. Царя в России нет, как нет и самой России.

Быстро отступавшие, неорганизованные в первый период борьбы на Приволжско-Уральском фронте большевистские части не успели привести в негодность линии железных дорог этого района, и поэтому путешествие по ним можно было совершать без особых препятствий и затруднений.

Из Перми в Екатеринбург пришлось ехать обычным воинским эшелоном в товарном вагоне, ибо в первые дни после занятия белыми города подвижной состав находился в хаотичном состоянии. От Екатеринбурга до Омска движение пассажирских поездов было налажено достаточно хорошо, и потому переезд этот был совершен в условиях обычного на русских железных дорогах комфорта.

На рассвете 1 января 1919 года, то есть в самый день Нового года, автор настоящих воспоминаний приехал в столицу Верховного Правительства адмирала Колчака. Морозное зимнее утро придало большому

сибирскому городу весьма суровый вид. Смесь городских провинциальных картинок с нахохленностью некоторых сановных вельмож, с портфелями под мышкой, важно шествовавших в свои департаменты, придавала Омску не свойственный его прежним традициям полуторжественный, полукомический колорит.

Личная резиденция адмирала А.В. Колчака скромно укрывалась от глаз широкой публики в стороне от главных улиц, располагаясь на берегу могучего и плавно текущего Иртыша. Небольшой, но просторный особняк вмещал в себя и личную квартиру адмирала, и его официальную резиденцию. При первых же представлениях Верховному Правителю по службе бросилось пишущему эти строки в глаза некоторое сходство устройства расположения и плана приемной, бильярдной и кабинета адмирала Колчака с той частью запасной половины Зимнего дворца в Петрограде, в которой летом 1917 года принимал с докладами «некоронованный президент» Всероссийской Республики А.Ф. Керенский. Большой бильярд находился между приемной и кабинетом адмирала и около него, он, так же как и Керенский, принимал тех, кто имел у него аудиенцию общего и несекретного характера.

Сам адмирал Колчак имел весьма утомленный и безразличный вид. Не чувствовалось в его настроении того подъема, которым он горел на одном из памятных тайных заседаний в Корниловские дни в Петрограде. Когда зашел разговор с ним об этих воспоминаниях, от которых отделял промежуток времени около полутора лет, адмирал, грустно улыбнувшись, осведомился о судьбе некоторых из участников незабываемых им заседаний, но говорил о них таким тоном, что, видно, это его теперь интересовало не больше, «чем прошлогодний снег». Тяжелым крестом уже тогда легла на его плечи власть Верховного Правителя, которую воспринял он перед этим всего лишь только полтора месяца тому назад.

Воля к власти у адмирала Колчака, как показалось в то время, совершенно отсутствовала. Если в Петроградский период он с подъемом шел навстречу революционной буре, то теперь, испытав немалые тернии, видимо, он обнаружил уже признаки заметного разочарования. Полупассивное настроение Верховного Правителя явно не понравилось тогда автору настоящих воспоминаний. В единоличном принципе Верховной власти, призванной сломить такого серьезного и жестокого врага, как большевики, что можно было видеть иное, как не самую твердую диктатуру, черпающую силы и уверенность только из своего собственного волевого «Я», не знающего ни страха, ни препятствий.

Лицо, на которое пал бы такой ответственный жребий, должно было бы отличаться сверхъестественными качествами не только военачальника, но и политика, активиста, пропагандиста, именно такого, какими мы раньше видели хотя бы того же Керенского, а потом Ленина, Троцкого и других. Адмирал не должен был бы оставаться только «адмиралом», но, как вынес первое свое впечатление автор настоящих воспоминаний в Омске, А.В. Колчак был не на своем месте. Он не вдохновлял на политический подвиг людей, он не имел с ними общего языка, он не импонировал, наконец, ни своим пафосом, ни своим политическим обоснованием. Будучи адмиралом, он не правил тем государственным кораблем, который попал, почти случайно, под его управление, но он сам плыл по «воле волн» неустойчивой и разноречивой политики и подпадал под различные персональные, партийные и даже иностранные влияния...

В Омске адмирал Колчак создал самую обыкновенную канцелярскую рутину во всех министерствах и ведомствах и дал возможность развиваться невероятному бюрократизму там, где должна была властвовать только одна жизнь, кипучая, творческая, созидательная. На этой почве потом пыльным цветом распустилась канцелярская мертвечина, которая убила и самое дело, и самого же несчастного адмирала А.В. Колчака.

Под этими ничем не сулящими настроениями приходилось приступить автору сих воспоминаний к работе в должности помощника начальника главного штаба омского военного министерства. Не чувствовалось уверенности в том, что безгранично тяжелая задача пресечения широко развившегося интернационального движения в России и восстановления нормального правопорядка в стране или хотя бы в такой части ее, как в Сибири, могла быть достигнута под властью адмирала А.В. Колчака. Может быть, подобному выводу и настроению способствовали воспоминания петроградского периода совместной работы с адмиралом, когда последний предназначался на возглавительные роли в дни Корниловского движения. Как-никак, надо было находить выход из положения в том виде, в каком оно создалось ко времени приезда автора настоящих воспоминаний в Омск, и постараться приложить все свои силы и знания для служения тому делу, которое было естественным и прямым, то есть военному.

Опыты львовщины, керенщины и корниловского провала слишком хорошо еще сохранились в памяти для того, чтобы с легким сердцем можно было бы подходить снова к вопросам восстановления государственности после того, как таковая начисто оказалась разгромленной и утраты которой не могли в свое время предупредить все предше-

ствовавшие октябрьскому перевороту всероссийские правители и правительства.

Положение Колчака было во много раз труднее и ответственнее потому, что он принял на себя власть всероссийскую через промежуток времени в полтора года, в течение которого необъятные области России начали уже осваиваться с мыслью о фактическом отсутствии в России законного Монарха и о возможности устраивать новую жизнь на началах широких местных автономий, зачастую преследующих цели даже полного отделения от России. Большевистская же пропаганда, в свою очередь, забила в головы масс такие идеи, от которых связь с прошлым еще больше разрывалась. Все это красноречиво говорило о том, как велика и беспредельна была миссия адмирала А.В. Колчака в 1918—1919 годах. Ему воистину надо было бы родиться титаном для того, чтобы вынести на своих плечах благополучно тот рок судьбы (иначе, как роком трудно назвать то положение, в котором оказался в Сибири Колчак) и не загубить окончательно последних возможностей, которыми располагало в то время антибольшевистское русское движение.

Нам, современникам, еще трудно быть беспристрастными судьями этих печальных событий, тем более что в каждом из нас есть частица ответственности за все содеянное нами и упущенное в былых возможностях. Но кому много дано, с того много и спрашивается. Адмиралу А.В. Колчаку было «много дано», но спрашивать от него не пришлось, так как рок судьбы освободил его от последующей тяжчайшей ответственности.

Да не в суд и не в осуждение будь сказано, но надо, во имя отвлеченной справедливости перед историей Белого (национального) русского движения, признать, что натворено было много грубейших ошибок и упущений, в результате которых была потеряна армия, территория и золотой национальный запас...

Всем этим воспользовался Третий интернационал не потому, что он был силен и непобедим, а потому, что тот, кому «много было дано», не справился со своей задачей и не имел гражданского мужества и чутко своевременно передать свою власть более сильному лицу или крепкой организации. Надо честно признать, что те, которые выдвинули адмирала Колчака на такую недостижимую высоту государственного долга и служения, тоже совершили не меньшую, чем он сам, ошибку, ибо, сделав эту ошибку, они могли бы и исправить ее, преподав адмиралу своевременный совет к последующему самоустранению. Они, кто возвели адмирала, не могли не видеть того, что экзамен на контрреволюционного полководца, политика, экономиста и дипломата он совер-

шенно не выдержал с первых же месяцев своего Верховного Управления. Особенно тягостны были последствия от промахов в области выбора внешней ориентации и от полного неучета и неиспользования помощи движению в Сибири со стороны Японской империи. Этого промаха будущая история никогда не простит.

### Столица Верховного Правителя

Будучи Верховным Правителем и в то же время и Верховным главнокомандующим, адмирал А.В. Колчак избрал для своей резиденции город Омск, главный центр Акмолинской области, который в дореволюционное время был резиденцией степного генерал-губернатора.

Находясь в Западной Сибири, на главной магистрали Великого Сибирского железнодорожного пути, город Омск вполне подходил для своего первого предназначения, то есть для Ставки адмирала Колчака как Верховного Правителя. Хотя этот вопрос можно было бы и оспаривать, доказывая, что города Томск или Иркутск еще больше бы ответили этому назначению, однако первый период зарождения антибольшевистского фронта на Волге и Урале сам по себе подсказал это решение в пользу бывшей резиденции степного генерал-губернатора.

Имея теперь в печальном итоге полный опыт Белого движения в Сибири, можно было бы, пожалуй, настаивать на том, что если адмиралом Колчаком не были избраны столицами ни Томск, ни Иркутск на первое время, то, во всяком случае, в один из этих пунктов, скорее даже в Иркутск, надо было бы перенести резиденцию Верховного Правителя в тот период движения, когда надо было подумать о серьезном укреплении авторитета антисоветской русской власти во всей Сибири и распространять ее в полной мере и не весь Дальний Восток.

Тяготей к Москве, в которую хотели вообще скорее попасть «на перегонки» с генералом А.И. Деникиным, и опасаясь под влиянием агитации американофилов подпасть под «контроль» Японии, министры омского кабинета (Сукин и др.) не давали совета Верховному Правителю в этом направлении. Печальная развязка, наступившая в конце 1919 года, только подтвердила справедливость того мнения, что слишком затяжное пребывание правительства адмирала А.В. Колчака в Омске привело последнее к катастрофическому концу, ибо если бы заблаговременно оно передвинулось в Иркутск, то там не было бы допущено образования так называемого «Политического Центра», погубившего все движение в Сибири и нанесшего адмиралу А.В. Колчаку прямой удар в спину.

Будь Иркутск столицей освободившейся от большевиков Сибири и установи адмирал Колчак прямой и ясный союз с Японией, никогда не добились бы большевики того успеха, которого они достигли с такой легкостью лишь только потому, что без сопротивления и препятствий преследовали «по пятам» отступающую армию адмирала и на ее «плечах» ворвались в Западную и Центральную Сибирь.

Дальность расстояния между Омском и Читой также послужила причиной того, что авторитет правительства адмирала Колчака, как и самого Верховного Правителя, не распространялся на Забайкальскую область, в результате чего нормальная работа глубокого тыла отсутствовала от начала освободительного движения в Сибири и по день гибели адмирала.

Пересидев все дозволенные благоразумными расчетами сроки в омской столице, громоздкие учреждения министерств, личной Ставки адмирала и кладовые государственного золотого запаса в последний момент эвакуации забыли все пути единственной железнодорожной Сибирской магистрали и отняли у армии необходимые для нее последние подвижные составы, кое-как уцелевшие от захвата их чехословаками и поляками.

Судьбе угодно было подстроить в финальном акте Белого движения так, что выдающемуся флотоводцу адмиралу Колчаку пришлось совершать Ледяной поход по дремучей сибирской тайге, а выдающемуся кавалерийскому генералу Врангелю — совершать морской поход по бурному Черному морю. Привычка флотоводца к одновременному поднятию флота в поход, очевидно, сказала и при эвакуации Омска, где вместо легкоподвижных военных кораблей фигурировали неуклюжие и неповоротливые эшелоны, вытягивать в поход которые надо было с терпением и не вдруг. Голова «кильватерной колонны» отступающих и растянувшихся на 4000 верст железнодорожных эшелонов достигла берегов Тихого океана, в то время как хвост ее еще не успел оторваться от Омска и оказался захваченным уже большевиками.

Неудачный, в конечном итоге, выбор резиденции Верховного Правителя предрешил, таким образом, провал Белого движения во всесибирском масштабе.

### Центральные военные учреждения Омска

Когда началась Великая мировая война и Верховным главнокомандующим Русской армии и флота был назначен Великий Князь Николай Николаевич, то для Ставки его по этой высокой должности была

предоставлена узловая железнодорожная станция Барановичи, находившаяся в нескольких сотнях верст от боевой линии всего русского фронта, имевшего общую линию протяжения (от моря и до моря) около 1200 верст. После отхода наших армий в 1915 году назад Ставка Верховного главнокомандующего была отодвинута в Могилев и находилась примерно в таком же удалении от фронта, как и во время нахождения своего в Барановичах. Даже тогда, когда Верховное командование принял на себя Государь Император, Ставка Его Императорского Величества сохранила свое местопребывание в Могилеве. В то время это было совершенно естественно, несмотря на то что длительные отъезды Государя из столицы Империи — Петрограда приносили некоторый ущерб общему равновесию и взаимодействию отдельных частей величайшей государственной машины управления такой обширной страной, как Россия. Может быть, если бы Император Николай II не покидал своей столицы и оставил Верховное Командование в других руках, не случилось бы революции в таком, по крайней мере, всеокупающем масштабе, но, во всяком случае, когда Он принял решение возглавить на войне армию и флот, Он не соединил, однако, столицы со Ставкой Верховного главнокомандующего в одном и том же географическом пункте.

Эту справку приходится приводить для того, чтобы сразу наглядно на нашем же собственном примере в Великую мировую войну показать, насколько та же задача адмиралом А.В. Колчаком как Верховным главнокомандующим была разрешена не в соответствии с обстановкой в период Гражданской войны на Восточном (Сибирском) фронте. Прежде всего, надо подчеркнуть то обстоятельство, что в течение всего периода времени, несмотря на постоянное передвижение линии фронта то к западу, то на восток, Ставка (штаб) Верховного главнокомандующего адмирала Колчака неизменно продолжала оставаться в городе Омске. Оставалась она там даже тогда, когда фронт противника был на... другом берегу Иртыша, на котором лежит и город Омск, то есть на расстоянии всего нескольких верст. В Омске находилась Ставка и тогда, когда фронт удален был от нее на 1500 верст, то есть находился на Волге, по линии городов Казань—Симбирск—Сызрань—Саратов. В этот период максимального удаления фронта на запад последний имел общую линию протяженности не больше 500—600 верст. Стало быть, Ставка Верховного главнокомандующего была удалена от фронта на расстояние в три раза большее, чем было протяжение самого боевого фронта. При сравнении этого положения с положением, которое было во время Великой войны, получается разница не в пользу положения омской Ставки.



Трудно было, конечно, находясь на таком расстоянии от линии боевых действий, управлять ходом последних и регулировать успешное развитие главнейших военных операций против большевиков, которые свою Ставку для Восточного фронта, конечно, не держали в это время в Москве, а располагали ее в различных городах приволжской прифронтовой полосы.

Совмещая Ставку Верховного главнокомандующего с остальными учреждениями правительства и со своей личной резиденцией в Омске, адмирал Колчак сам поставил себя в полную зависимость от тех трений и путаницы, который проистекали оттого, что слишком близко соприкасались между собою те учреждения, которые не имели прямого отношения к действующей на фронте армии. В частности, Ставка (штаб) Верховного главнокомандующего, находясь среди других учреждений Омска и перепутавшись в непосредственных с ними общениях, настолько увлеклась и вытянулась в местные омские общественно-политические и иные прочие настроения, что незаметно для себя утратила способность твердого руководства операциями на фронте. Ближайшим следствием такого ненормального положения явился выход из повиновения некоторых командующих армиями, входящих в состав Восточного фронта (Гайда и генерал Пепеляев).

Если бы адмирал А.В. Колчак сохранил в своих руках только пост Верховного Главы нарождавшейся и восстанавливающейся государственности, а должность главнокомандующего с самого начала передал бы, как это он и сделал, но только в конце 1919 года, другому лицу (генералам Дитерихсу, Сахарову и Каппелю), то дело национального движения в Сибири от этого только выиграло бы. Принимая во внимание вышеизложенные соображения и расчеты, следовало бы штаб Верховного главнокомандующего Восточным фронтом (главковосток) располагать не в Омске, а в одном из более выдвинутых в западном направлении пунктов. Наивыгоднее всего в этом случае было бы использовать важнейшие железнодорожные узлы Приуральяского района Екатеринбург или Челябинск. Эти два пункта между собою связаны поперечной железнодорожной линией, что в отличной форме способствовало бы связи по фронту между двумя главнейшими оперативными направлениями.

Пока во главе штаба Верховного главнокомандующего стоял генерал Д.А. Лебедев, человек весьма молодой и малоопытный в ведении массовых операций на фронте, штаб никак не мог оторваться от Омска. Будучи по натуре своей и по предыдущей «контрреволюционной» деятельности больше политиком, чем военным стратегом, Д.А. Лебедев не мыслил свою работу вне связи с политическими настроения-

ми Омска, который после возглавления движения адмиралом А.В. Колчаком приобрел особое в этом отношении значение. Только лишь тогда, когда вместо генерала Лебедева на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал М.К. Дитерихс, который одновременно с сим был наименован и главнокомандующим Восточным фронтом, и омская военная Ставка (штаб Верховного главнокомандующего) перестала играть прежнюю свою роль, образованный генералом Дитерихсом штаб главковостока выдвинулся к западу и приблизился к фронту. К сожалению, эта мера проведена была крайне поздно и существенного влияния на изменение в благоприятную для Белого движения сторону военно-политической обстановки не оказала.

Генерал М.К. Дитерихс понял всем своим нутром, что надо спасать, прежде всего, положение фронта, который в угоду омской политике и интригам оказался на положении пасынка и о котором меньше думали там, чем о вопросах внутренней борьбы, разгоравшейся в то время в различных канцеляриях столицы Верховного Правителя. Правильно решив первую часть этой задачи и быстро покинув Омск, генерал М.К. Дитерихс допустил, однако, при этом непростительную для него, как старого офицера Генерального штаба, ошибку. Взяв с собою в качестве начальника штаба Восточного фронта также малоопытного, явно бесталанного и известного в то время интригана и пьяницу, полковника Д.Н. Сальникова<sup>95</sup>, генерал М.К. Дитерихс бросил на произвол судьбы весь вопрос тыла и управления им.

Сильно распухшая к этому времени по своему личному составу и по сформированным различным управлениям, Ставка Верховного главнокомандующего, оставшись без начальника штаба, обратилась в громоздкое и совершенно мертвое тело, которое не только ничем не управляло, но, наоборот, сразу все затормозило и запутало в тылу быстро отступающих и наполовину деморализованных сибирских армий...

Сменивший генерала Дитерихса перед самым падением Омска генерал К.В. Сахаров, несмотря на самую отчаянную и завидную энергию, которую он проявлял всегда и во всем, фактически не успел, конечно, выравнять совершенно разрушенного, таким образом, высшего военного управления на фронте армий Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака. Страшная катастрофа эта наложила свой смертельный отпечаток и на весь последующий ход военных действий в Сибири, вследствие которых Сибирский фронт окончательно утратил боеспособность и мог только безудержно и бесконечно отступать до... Байкальского озера. Страшно сказать, но на протяжении 2000 с лиш-

ним верст эти армии не смогли дать ни одного мало-мальски серьезного сражения и не могли задержать немногочисленного противника ни на один лишний день!

Вот к каким печальным выводам приходится приходиться, прежде чем коснуться внутренней стороны деятельности высших органов военного управления в Омске в тот период, когда там должна была укрепляться идея решительной борьбы с воинствующим большевизмом и когда была поставлена такая высокая идея, как освобождение Москвы от власти Третьего интернационала.

Однако вернемся снова к внутренней жизни Омска и посмотрим, что же там творилось в это ответственное историческое время. В момент прибытия автора сих воспоминаний в Омск наличное число офицеров Генерального штаба, находившихся в распоряжении правительства адмирала А.В. Колчака, было сравнительно невелико. Главная масса их, которая была в действующей армии, попала преимущественно на Деникинский фронт. В сибирских частях и штабах по тому времени вообще состояло самое ограниченное число чинов Генерального штаба, большинство из которых находилось еще в Европейской России, куда они были переведены на службу или ушли с войсковыми частями по обстоятельствам военного времени.

С открытием Волжско-Сибирского антибольшевистского фронта, то есть с момента восстания чехословацких эшелонов и с началом действий русских добровольческих отрядов на Волге и в Сибири, по эту сторону фронта оказалось лишь несколько офицеров Генерального штаба из числа тех, кто случайно в это время был на Волге, как, например, генерал В.О. Каппель и его ближайшие сотрудники, или находился в составе чехословацких частей, как, например, генерал М.К. Дитерихс и др.

С течением времени прибывали в Сибирь отдельными небольшими группами некоторые офицеры Генерального штаба из армии генерала Деникина, как, например, генералы Д.А. Лебедев, Нараев<sup>96</sup>, Карцов<sup>97</sup> и др. Прибывали и из глубокого тыла из Харбина, как, например, генералы Н.А. Степанов, Марковский, П.Г. Бурлин, Н.В. Лебедев<sup>98</sup>, Дашкевич-Горбатский<sup>99</sup> и др. Были потом в Сибири, в пред-агонийный период существования там белой власти и весьма далекие пришельцы из Парижа... генералы Н.Н. Головин<sup>100</sup> и Занкевич<sup>101</sup>, полковники Котович, Ракигин, Григорьев и Базаревский<sup>102</sup>. Прорывались и одиночным порядком сюда, как, например, автор настоящих воспоминаний, полковник Церетели<sup>103</sup> и др. И наконец, как бы составляя главный кадр будущего сибирского Генерального штаба, прибыл после мытарствований в разных положениях в полном составе в

Сибирь кадр профессоров, преподавателей и слушателей Императорской военной академии (Генерального штаба) во главе с начальником ее генералом А.И. Андогским.

Казалось, что из состава чинов последней могло быть составлено главное ядро Генерального штаба адмирала А.В. Колчака как Верховного Правителя и как Верховного главнокомандующего. В составе учебного и административного персонала военной академии было достаточное число старших и опытных офицеров Генерального штаба, из которых можно было смело организовать полный штаб главнейших высших военных учреждений, таких, как штаб Верховного главнокомандующего, штабы армий, главный штаб и штабы тыловых военных округов.

По своему непререкаемому авторитету и имея в своем непосредственном распоряжении несколько десятков офицеров — слушателей академии, которые проходили, как говорится на походе, «школу колонновожатых», эти опытные в большинстве генералы Генерального штаба могли бы в короткий срок взять, по крайней мере на первое время, в свои руки бразды правления во всей военной организации в Сибири и на Волге.

По странному, однако, «предубеждению» к этому вопросу со стороны некоторых ответственных по своему влиянию в окружении адмирала Колчака лиц вся академия все же оказалась не у дел. В таком печальном и угнетаемом состоянии ее держали на протяжении всей сибирской эпопеи. Почему-то признано было необходимым «продолжать обучение» слушателей академии для подготовки их к занятию будущих должностей Генерального штаба. Больше всего почему-то неистовствовал в этом вопросе начальник главного штаба генерал Марковский, поддержку в котором он видел при этом от военного министра адмирала Колчака — генерала Н.А. Степанова. Они, оба два, вершители омского военного олимпа, почему-то предавали остракизму и позорному бичеванию всех чинов Императорской военной академии, несмотря на то что в составе ее были весьма почтенные профессора, в свое время обучавшие того же Марковского и Степанова.

История возникновения малопонятной травли против всего состава военной академии относилась отчасти на счет самого начальника академии генерала А.И. Андогского, которому не могли никак простить его участия в переговорах с немцами при заключении большевиками мира в Брест-Литовске, отчасти потому, что на пути проникновения в Сибирь, прежде чем попасть в армию адмирала А.В. Колчака, академия сохраняла свое полулояльное к большевикам отношение.

Странное творилось в этом направлении в Омске вообще, вот взять хотя бы вопрос с этой академией. Если уже она, и особенно ее начальник, признаны были «неблагонадежными» в политическом отношении, то не следовало ли просто раскассировать ее полностью и виновных привлечь к законной, по тому времени, ответственности. Однако в те времена и генерал Степанов, и его ближайший помощник Марковский предпочитали предавать людей моральному распятию, то есть привлекать их на ту или иную службу, но в то же время держать их под тягостью интриг и бесконечных, совершенно ни на чем не обоснованных обвинений в... большевизме. В больном мозгу Марковского это, может быть, было и естественно, но лица, на которых он в данном случае, пользуясь своим высоким служебным положением, возводил эти «обвинения», испытывали невероятные нравственные мучения. Только чувство долга перед распинаемой большевиками родиной заставляло скрепя сердце переносить эти трения и обиды, исполнять прямые обязанности по службе в обстановке, которую создал в этом отношении в Омске маниакальный начальник главного штаба адмирала А.В. Колчака.

В глубоком тылу, в университетском городе Томске, было назначено место официального расположения военной академии, но, по существу, это было местом ссылки русских военных профессоров, связи с которыми чванный омский военный олимп поддерживать совершенно не желал. На короткое время, когда влияние Степанова и Марковского было ослаблено, из состава академии привлекались для несения старших штабных должностей генералы Андогский, Рябиков и другие, но потом, когда запахло развалом позиций адмирала А.В. Колчака и в воздухе повисла неизбежная эвакуация, они снова возвратились в академию и откатились с нею в Харбин и во Владивосток. Итак, наша военная «альма-матер» оказалась не в милости Белого движения в Сибири и активного в нем участия не приняла. Главенствующие роли в высших военных учреждениях Омска возложили на себя в военном министерстве и в главном штабе старые «зубры» Степанов и Марковский, а в штабе Верховного главнокомандующего — «политический молодняк» во главе с покойным ныне генералом Д.А. Лебедевым.

Между этими двумя доминирующими в Омске военными группами сразу выросла мертвая стена взаимного непонимания и завязалась борьба, которая с течением времени приняла такие размеры, что в конце концов адмирал А.В. Колчак вынужден был главный штаб расформировать, а его начальника генерала Марковского, под предлогом другого назначения, из Омска убрать. К сожалению, реформа эта была продиктована не столько велениями насущной к тому необходимос-

ти, сколько чувством затаенной борьбы и ничем не оправдываемого соревнования между двумя высшими органами военного управления, район и сферы деятельности которых должны были не исключать, а дополнять друг друга.

Автор настоящих воспоминаний прибыл в Омск в период, когда главный штаб существовал только по названию, ибо к прямой организации его генерал Марковский как следует приступить еще не успел, но зато он уже в достаточной мере напортил свои личные отношения с «молодой Ставкой», авторитета которой он явно признавать ни над собой, ни вообще не хотел. «Рогатые» отношения между штабами Марковского и Лебедева были очевидными сразу для всех. Приходится только удивляться, как этого долго не замечал сам адмирал А.В. Колчак.

В лице вновь прибывшего полковника Генерального штаба Г.И. Клерже генерал Марковский усмотрел, как об этом он сам выразился при первом служебном представлении, необходимого для себя помощника, который по предыдущей своей практике хорошо был знаком с организацией высших военных учреждений. Принимая должность помощника генерала Марковского в главном штабе, автор настоящих воспоминаний должен был наладить, прежде всего, службу Генерального штаба, на которой лежали главнейшие задачи по обслуживанию действующей армии во всех отношениях, а также и по организации военных округов, находящихся вне театра военных действий и подчиненных военному министерству.

Естественно, что в столь ответственной работе требовалась полная согласованность и солидарность работы со штабом Верховного главнокомандующего, от которого поступали требования, вызывающиеся обстановкой на фронте. В его же распоряжении должны были быть поданы соответствующие пополнения как живой силой, так и всеми видами материального снабжения.

Хотя находившаяся в том же городе Ставка несколько стесняла свободу распоряжения всеми необходимыми средствами военного ведомства, тем не менее, это вполне было бы терпимо, существуя между двумя высокими военными учреждениями вполне нормальные и взаимно доброжелательные отношения.

Пользуясь личными приятельскими отношениями со старшими чинами штаба Верховного главнокомандующего, которые были сверстниками и младшими даже сослуживцами автора настоящих воспоминаний, последний, несмотря на существовавшие трения между генералами Марковским и Лебедевым, решил действовать в полном контакте с ними, добиваясь одновременно и того, чтобы существу-

щее «разногласие» было постепенно ликвидировано. Учитывая некоторую нервность и невоздержанность самого Марковского, приходилось проявлять максимум такта и внимания ко всякого рода вопросам и положениям, чтобы при разрешении их не задеть «самолюбия» лиц, пользующихся одинаковыми служебными правами и положением и друг другу не подчиненных...

«Блажен, кто верует»... Омская печальная практика показала, что подобная вера была напрасна... Олимп главного штаба, хотя первое время и смотрел как будто сквозь пальцы на налаживавшийся «альянс» между помощником начальника главного штаба со штабом Верховного главнокомандующего, тем не менее, однако, в тайниках своей души этого именно «альянса» он явно не одобрял. По нормальным понятиям это называлось бы работа согласованная, а по понятиям генерала Марковского классифицировалось проще... «снюхались».

И вот за это своеобразное «снюхивание» между двумя высокими военными омскими учреждениями автору настоящих воспоминаний пришлось испытать чашу горьких испытаний и перенести массу незаслуженных обид и унижений. На виду у серьезнейшего и жестокого противника, в то время как дорога была каждая минута полезной работы на укрепление антибольшевистского фронта, такое уродливое положение было не только нетерпимо, но было и просто преступно.

В течение января и февраля месяцев 1919 года работа в главном штабе, который в это же самое время сам и организовывался, протекала весьма интенсивно и с полным напряжением. Создались отделы Генерального штаба, главное направление деятельности которых было сосредоточено в руках пишущего эти строки. Так как жизнь выдвигала живые вопросы, на которые приходилось реагировать немедленно и непосредственно, то создававшийся кипучий характер самой деятельности службы Генерального штаба привлекал к себе общее внимание и расположение. В свою очередь, это способствовало выдвиганию на первый план тех лиц, которые принимали в этой работе то или иное, а тем более видное, участие.

Как на грех, именно этот успешный темп развития работы в главном штабе, столь удачно согласовываемый со штабом Верховного главнокомандующего и с военным советованием, которое отпускало кредиты, привел автора настоящих воспоминаний еще к большим служебным неприятностям и осложнениям с генералом Марковским. Под влиянием «шептунов» он вообразил, что под его репутацию, как начальника главного штаба, идет «подкоп» со стороны его же помощника, который якобы только «спит и видит», как бы своей выделяющейся из общего фона работоспособностью

и распорядительностью невыгодно оттенить «ограниченную деловую способность своего прямого начальника». Чем больше налегал помощник начальника главного штаба на работу, тем больше ревновал его к этой работе начальник этого штаба. Получилась невероятнейшая какофония отношений и понятий.

Стремясь проявить свою деятельность, генерал Марковский временами пробовал перекладывать на свои плечи главнейшие вопросы штаба, а иногда даже и мелочи, которые мог бы сделать любой писарь, как, например, вскрытие несекретной почты, но, повозившись некоторое время и видя, что дело от этого только запутывается, снова возвращал дела в руки своего помощника. «Шептуны» же не дремали и сильно настраивали большое самолюбие слабого в своих организационных способностях и нерешительного в принятии решений генерала Марковского. Услужливо, а иногда и по прямому приказу самого генерала Марковского заработала против автора настоящих воспоминаний и... контрразведка главного штаба, которая была сначала подчинена помощнику начальника главного штаба, но когда Марковскому нужно было использовать ее против своего же помощника по службе, то он переподчинил ее непосредственно себе.

Был применен уже испытанный прием «обвинения в большевизме». По линии контрразведки был дан приказ «добыть» какой-либо компрометирующий автора настоящих воспоминаний материал. И надо отдать должное энергии контрразведчиков, которых в этом направлении долго учить не приходится, «материал» был добыт, но так как он ничего компрометирующего собою не представлял, то его одобрили всевозможными пошлыми выдумками и в таком виде представили генералу Марковскому, а он в свою очередь при особой «конфиденции» преподнес его военному министру генералу Н.А. Степанову. Очевидно, тот тоже не преминул этим «материалом» запорошить и без того задерганные мозги и нервы адмирала А.В. Колчака. Словом, эта мерзкая игра в «подозрении по большевизму», широко культивировавшаяся такими ограниченными бездарностями, как Марковский, принесла свои печальные всходы.

Ударяя по своему прямому помощнику по службе таким пакостным и грязным приемом, начальник главного штаба сам разрушал ту работу в штабе, за которую он же и должен был бы быть ответственным. И главный штаб, и штаб Верховного главнокомандующего, каждый в отдельности, имел свою контрразведку. Во главе первой стоял дряхлый жандармский генерал Бабушкин<sup>104</sup>, а во главе второй — жандармский полковник Злобин. Между собой эти две разведки то воевали, то ладили. Зависело это от того, как жило между

собою высшее начальство, стоявшее над этими двумя секретными аппаратами штабной службы. В данном случае так как между Марковским и генералом Лебедевым были явные нелады, то и эти две разведки находились в «полувраждебных отношениях»... В таком случае если одна «добывала» какие-либо сведения, то другая обязательно должна была разоблачать первую.

Так было и в период ожесточенной борьбы между двумя высокими омскими штабами. Когда бабушкинская контрразведка «ублажала» требование Марковского и доставляла ему всякие небылицы про тегеранский и пермский период «большевичания полковника Клерже», то злобинская сейчас же об этом самом «ублажении appetitов Марковского» доносила в штаб Верховного главнокомандующего на имя генерала Д.А. Лебедева и его ближайшего помощника генерал-квартирмейстера полковника Церетели. Последний в штабе Верховного находился на таком же служебном положении, как и полковник Клерже в главном штабе, а так как между ними существовали, кроме того, личные приятельские отношения, ибо они оба были сверстниками по службе в Генеральном штабе и в одно и то же время вместе окончили военную академию, то все то, что Злобин доносил, полковник Церетели немедленно для сведения сообщал также в порядке строгой конфиденции полковнику Клерже.

Продолжая соблюдать полную служебную корректность в отношении генерала Марковского, который уже подумывал о вызове из Харбина нового себе помощника в лице молодого и малоопытного по службе в высших штабах полковника К.К. Акинтиевского<sup>105</sup>, автор настоящих воспоминаний настаивал перед полковником Церетели, в ведении которого находились все офицеры Генерального штаба, состоящие в штабах и частях действующей армии и не были подчинены ни военному министерству, ни главному штабу, о том, чтобы его перевели на учет штаба Верховного главнокомандующего. Этим путем предполагалось выйти, наконец, из того тупика ненормальностей, которые создались в тягостной атмосфере главного штаба.

К сожалению, ни полковник Церетели, ни генерал Лебедев не разделяли и этого вполне естественного желания полковника Клерже и продолжали настаивать на том, чтобы он оставался на своем прежнем тяжелом посту и способствовал бы дальнейшему развитию вопросов действующей армии в той мере, в которой они зависели от главного штаба и военного министерства. Кроме того, генерал Д.А. Лебедев в утешение говорил о том, что Верховный Правитель уже решил расформировать все военное управление и слить в одно целое и Ставку, и главный штаб.

Приходилось подчиняться создавшемуся положению и скрепя сердце ждать или улучшения отношений между штабами, или их полной новой реорганизации. Однако последующая практика показала, что излишняя настойчивость чинов штаба Верховного главнокомандующего хотя и привела, в конце концов, к слиянию указанных двух штабов (чего делать, собственно говоря, вовсе не следовало бы), тем не менее, она поставила автора настоящих воспоминаний лицом к лицу с окончательно рассвирепевшим и потерявшим всякое самообладание генералом Марковским и привела его к резкому служебному с ним столкновению...

Молодая Ставка пошла, как говорится, «ва-банк» и решила сокрушить «ретроградный» главный штаб. Очевидно, состоялись какие-то важные доклады Верховному Правителю адмиралу А.В. Колчаку, в результате которых последним был дан генералу Д.А. Лебедеву приказ о назначении его военным министром (с сохранением должности начальника штаба Верховного главнокомандующего). Ему же было поручено главный штаб расформировать и чинов последнего влить в части и управления по новому распределению. Этот неожиданный поворот обстановки застал генералов Степанова и Марковского почти врасплох. Попытавшись сначала восстановить покачнувшееся их высокое положение и потерпев в этом направлении полную неудачу, они решили, пользуясь тем, что письменного приказа Верховного Правителя еще не последовало, всячески на этом играть и проведение новой реформы штабов в жизнь тормозить, попросту говоря, саботировать. Ставка же вошла в свои новые права и начала отдавать свои новые реорганизационные приказы, которые должны были распространяться и на весь состав чинов прежнего главного штаба.

Техническую сторону проведения реформы слияния двух штабов генерал Д.А. Лебедев, как уже совмещающий две высшие должности, поручил своему помощнику по должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра Генерального штаба генерал-майору П.Г. Бурлину. Этот последний, собрав в помещении Ставки, располагавшейся по-прежнему в здании управления Омской железной дороги, всех старших чинов Ставки и главного штаба, объявил им новое распределение должностей в штабе Верховного главнокомандующего, к которому отныне переходили все функции и дела бывшего главного штаба. Присутствовал на этом собрании и пишущий настоящие строки, как предназначенный для нового назначения в объединенный высший военный аппарат Верховного Правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака.

Согласно новому распределению должностей автор настоящих воспоминаний назначен был на должность 3-го генерал-квартирмейстера, в сферу деятельности которого отходили некоторые функции прежнего главного штаба, главным образом вновь созданное осведомительное управление. 1-м генерал-квартирмейстером, ведающим оперативной частью, остался состоявший в той же должности в прежней Ставке полковник Церетели, 2-м генерал-квартирмейстером, ведающим разведывательной и военно-дипломатической частью, был назначен профессор военной академии симпатичнейший генерал П.Ф. Рябиков, дежурным генералом, состоявшим в той же должности в прежней Ставке, — полковник Леонов и начальником военных сообщений — преподаватель военной академии полковник Сапрунович.

Изложив некоторые инструктивные указания, генерал П.Г. Бурлин, обращаясь к автору настоящих воспоминаний, заявил, что для 3-го генерал-квартирмейстерства отводится бывшее помещение главного штаба, располагавшегося до этого времени в здании бывшего Омского реального училища. Тогда в ответ на это генералу Бурлину было заявлено, что, пока в помещении реального училища является хозяином генерал Марковский, начало работы нового генерал-квартирмейстерства в нем не представляется удобным и, при неожиданно создавшемся новом положении, следовало бы избавить автора настоящих воспоминаний от необходимости вступать с генералом Марковским в какие-либо личные по этому поводу переговоры или формальности.

Генерал П.Г. Бурлин при всех присутствующих громогласно заявил, что о состоявшемся приказе Верховного Правителя генерал Д.А. Лебедев лично уже поставил в известность как бывшего военного министра генерала Н.А. Степанова, так и бывшего начальника также бывшего уже главного штаба генерала Марковского. Поэтому нет никаких препятствий к открытию работ нового учреждения Ставки в помещении реального училища.

Когда на основании распоряжения Верховного Правителя пришлось обратиться к новым занятиям и в силу этого явиться в помещение бывшего главного штаба, то генерал Марковский счел себя почему-то этим фактом кровно обиженным и решил деловой работе в новой должности пиущему эти строки воспрепятствовать. Не подействовали на этого странного упряма и личные разговоры генералов Лебедева и Бурлина. Он настаивал на своем и вознамерился доказать, что он — и никто иной — хозяин в помещении реального училища. Это самодурство и каприз до некоторой степени еще были бы, пожалуй, объяснимы, если бы имели место в каком-либо провинциальном глухом

захолустье, где мелкопомещанское самолюбие какого-либо почтового почтмейстера «требовало бы» в глазах какой-либо Пульхерии Ивановны показать: как велика власть этого самого почтмейстера. Но, к стыду нашему, надо сознаться, эта беспримерная помещанская манера проявления своего уязвленного самолюбия была совершенно неуместна в условиях серьезной омской действительности. Мало того что Марковский вообще ничего полезного за четырехмесячное управление главным штабом не сделал, но он пытался даже вредить и той работе, которая была предопределена потом и без его участия.

Надо отметить при этом, что он не постеснялся чуть ли не с первого же месяца совместной с полковником Клерже службы добиться у того же военного министра генерала Н.А. Степанова согласия на организацию особой расследовательной комиссии, которой было поручено производство дел во всех тех случаях, когда кто-либо «подзревался в большевизме». Одним из «видных дел» этой комиссии было, конечно, и дело о... помощнике начальника главного штаба. Каково?!!!

Это только большевики могли додуматься до такой иезуитской системы, по которой, с одной стороны, лицо как бы облекалось неограниченным служебным доверием на высоком официальном посту, а с другой стороны, против этого же самого лица возводилось полуофициальным порядком обвинение в причастности его к контрреволюции. Это лицо не могло ни оправдаться от подозрений, так как не от него самого оправдание это зависело, ни отказаться от несения официальной должности до выяснения обстоятельств расследования, так как служба была обязательна и отказ от нее грозил еще большим обвинением в преднамеренном саботаже.

Словом, бедному Омску в этом направлении глубоко «посчастливилось»: во главе центрального военного учреждения оказалось такое лицо, которому лучше было бы на это же самое время отсидеться где-либо в желтом доме. Генерал Марковский ведь был один из старших офицеров Генерального штаба, и это время в Сибири и, казалось бы, кому же, как не ему, надлежало бы и дать наиболее яркий пример образцовой работы и служебного такта остальным, более молодым его сослуживцам по тому же штабу! Слишком молод был генерал Лебедев и все его подчиненные в Ставке, и тем легче было бы генералу Марковскому приобрести среди них вполне доступный для него в то время авторитет и даже влияние на ход важнейших дел и решений в этой самой Ставке.

Немногок вдумчивости и общего доброжелательства, и, наверное, работа в высших штабах Омска протекала бы совершенно гладко и

дружно, а это, в свою очередь, не привело бы фронт к такому тяжелому внутреннему и внешнему потрясению, которого он в конце концов и не выдержал. С этой точки зрения справедливый будущий историк Белого движения в Сибири не один раз, вероятно, задумается над той глубочайшей драмой, которая раскрывается настоящими строками и печальным повествованием. В борьбе с большевиками нам всем было очень тяжело; но явления, подобные только что описанным и которые никогда не должны быть забытыми, еще больше усложнили наше положение и облегчили большевикам достижение над нами незаслуженной ими победы.

Возвращаясь снова к факту личного, вернее, служебного столкновения с генералом-самодуром Марковским в стенах бывшего главного штаба, автору настоящих воспоминаний не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление о якобы подчеркнуто субъективном освещении обстоятельств того важного исторического момента. Однако избежать этого нельзя, ибо картина драмы омского Верховного Правителя будет тогда не полна и многие обстоятельства через это не будут достаточно ясны. А на них-то и следует упереть главнейшее внимание, чтобы понять основные причины проигрыша нами вооруженной борьбы с большевиками.

Автор настоящих воспоминаний весьма далек от мысли «обвинять ради обвинения» и больше всего боится впасть в критику других ради каких-либо причин или стремлений личного самооправдания. В этом нет никакой нужды ни для самого автора, который ни от какой ответственности за это время совершенно себя не освобождает, ни для истории, которая будет разбираться в этом же вопросе и по другим источникам и материалам. Однако принцип — кому много дано, с того много и спросится — требует того, чтобы разлагающий характер работы наиболее ответственных лиц не остался бы не заклеянным.

Конечно, нельзя утверждать, что разлагатели отмеченного выше порядка являлись бы сознательными пособниками большевиков. В этом случае не приходится становиться на путь обычных обвинений стиля Марковского, но, однако, нельзя не подчеркнуть еще раз того обстоятельства, что последнего рода «система» приносила большевикам гораздо большую пользу, чем вся их пресловутая пропаганда и Чрезвычайные комиссии. За свою работу в Омске генерал Марковский смело мог бы потребовать себе высокой награды непосредственно из... Москвы. И эту награду он должен был бы получить. Благодаря своей пустой фанатерии и дутому чванству он сделал невольно в пользу большевиков больше того, чем смогли сделать бы сотни весь-

ма дорого оплачиваемых ими патентованных агентов-provокаторов. Хотя и сильно сказано этими словами, но тем не менее это есть самый натуральнейший факт. И факт весьма тягостного и печального по своим последствиям значения.

Как превратно в то время понимали люди типа Марковского условия борьбы с большевиками, можно наглядно показать на примере следующего случая: когда автор настоящих воспоминаний прибыл из Перми в Омск, в самом ближайшем времени сделал в закрытом собрании старших чинов штаба Верховного главнокомандующего, особенно для офицеров Генерального штаба, сообщение на тему о системе большевистской борьбы против белого фронта на основании личных наблюдений в тылу противника в течение шести месяцев (с июля по декабрь 1918 года) и воспроизвел из этого ряд совершенно реальных для пользы дела выводов, то в результате получилось «не дело, только мука».

Оказывается, что заключение автора настоящих воспоминаний о том, что Красная армия из разрозненных отдельных рабочих отрядов и банд начинает принимать вид организуемой на европейских началах (по немецкой системе) вооруженной силы, число бойцов которой в ближайшие месяцы большевики предполагают довести до одного миллиона, что страной и армией начинает править суровыми методами строго организуемая, в порядке большем, чем обычная воинская дисциплина, коммунистическая партия, что белым надо поспешить привести свои вооруженные силы в наиболее способнейшее состояние и что Генеральному штабу следовало бы взять на себя инициативу ведения всей борьбы в полном ее объеме по принципам, принятым у большевиков, то есть из всего наличного состава офицеров Генерального штаба в Сибири составить твердо правящую политическую касту (партию), привело некоторых узколобых вершителей омской политики к выводу, что полковник Клерже «ведет пропаганду в пользу большевиков, восхваляет их порядки и пытается привить Белому движению коммунистическую систему и программу».

Эти жалкие критики, обладающие болезнью, которая в простонародье называется «куриной слепотой», к крайнему удивлению, имели в Омске большее влияние, чем это допускал здравый смысл. Конечно, приспешники Марковского и контрразведка главного штаба не замедлили приобщить и этот «материал» к синодику обвинений полковника Клерже «по подозрению в большевизме». Ретрограды типа Марковского и Степанова считали, что борьба с большевиками может вестись не иначе как по образцам «высочайше утвержденным» и что всякая приспособляемость к методам борьбы, выдвинутым силь-



нейшим и опаснейшим врагом — большевиками, должна быть почитаема тем же большевизмом. Не только пророком, но и простым объективным наблюдателем трудно было быть в этой обстановке, ибо ни к каким рамкам «высочайше утвержденных» образцов жизнь того времени подлаживаться не хотела. Но г. г. Степановы и Марковские тащили эту жизнь за уши и думали, что они ведут «успешную борьбу» с большевиками.

Вспоминается еще один яркий пример такого же рода, когда перешедший на сторону Сибирской армии командир большевистского полка, бывший полковник Котомин, сделал в публичном месте Омска аналогичного характера доклад, то его просто обозвали провокатором, предали полному ostrакизму, загноили в «подозрении на большевизм» и довели до скоротечной болезни и преждевременной могилы. Вот за что нужно было бы выдать Марковскому и его приспешникам в Омске орден Красного Знамени, и притом самой высшей степени.

Итак, решив сорвать всю злобу на молодую Ставку Верховного главнокомандующего, которая, можно сказать, «расседала» генерала Марковского в разгар его самодурской деятельности, последний наметил себе какой-то малопонятный для постороннего наблюдателя план дискредитации последних ее распоряжений. Ввиду того что эта самая Ставка выдвинула на новую высокую должность его же ближайшего помощника по главному штабу, шипящая злоба Марковского автоматически перенеслась и на автора настоящих воспоминаний. В воздухе чувствовалась полная напряженность неприязненных отношений, при наличии которых можно было ежеминутно ожидать всяких недоразумений и даже скандалов. Короче говоря, на почве нежелания Марковского допустить начала работы 3-го генерал-квартирмейстерства в здании бывшего Омского реального училища произошел открытый конфликт между автором сих воспоминаний и его бывшим начальником по главному штабу.

Генерал Марковский в самой дерзкой и оскорбительной форме потребовал, чтобы новое учреждение, существования которого он не признает, немедленно прекратило бы работу в помещении бывшего главного штаба, а сам генерал-квартирмейстер Ставки немедленно также покинул стены здания. На заявление ему о том, что он ошибается в своих требованиях, ибо распоряжением Верховного Правителя и главнокомандующего создано в отношении бывшего главного штаба уже новое положение, генерал Марковский, как упрямый бык, настаивал на своем первоначальном несурзном требовании. Категорический отказ исполнить наглое требование генерала Марковского, который почему-то продолжал при этом себя считать прямым

начальником того лица, к которому направлял он свои дикие домогательства, послужил Марковскому основанием для подачи официального рапорта генералу Н.А. Степанову о «неисполнении полковником Клерже его — начальника Главного штаба — законного приказа и с ходатайством о предании первого военному суду».

Генерал Н.А. Степанов, который в этот самый момент также уже не состоял в должности военного министра, вместо того чтобы утихомирить расхोлившегося не в меру Марковского и убедить его в несвоевременности, неуместности и бестактности, при описанных выше условиях, даже в том случае, если бы случайно Марковский был бы и прав, поднимать скандал такого крупного характера, он, наоборот, тоже, очевидно, был рад случаю «поднасолить» молодой Ставке и рапорту генерала Марковского, как говорится, дал «законный ход». Сажая на скамью подсудимых автора настоящих воспоминаний, как Марковский, так и Степанов втайне лелеяли мысль о срыве всех планов Ставки, которая, по их наивным расчетам, должна была бы обязательно провалиться на этом процессе и расписаться в своей «полной организационной безграмотности». Словом, как бы равняясь на большевистские приемы, они стремились в этом случае подражать столь широко практикуемому теперь в советской России методу создания «показательных процессов».

Адмирал А.В. Колчак, как водится в этих случаях, «рвал и метал», но совершенно не понимал того, что, поддаваясь на столь неумно придуманную в серьезное политическое время интриганскую удочку, он сам попадал на острие ее смертельных заусенцев. Он так же, как и Степанов, не мог проявить своего решительного вмешательства в это дело для того, чтобы на виду у противника прекратить эту распрю генералов.

Совершивший же «тяжкое по законам военного времени преступление» полковник Клерже, вместо устранения впредь до окончания следствия и суда от должности, наоборот, нагружается еще большим количеством ответственных задач и поручений, проистекающих от его новой роли в штабе Верховного главнокомандующего, и продолжает работать в том же злополучном помещении реального училища.

Началось военное следствие и пристрастное формирование, для разбирательства этого громкого дела, состава членов Омского военно-окружного суда. Полковника Клерже надо было во что бы то ни стало «засудить», и посему судьи подбирались с заблаговременным давлением на их судейскую совесть. Этого требовали г. г. Марковские и Степановы, и, к удивлению многих, помогали им и некоторые другие видные лица. Среди последних нельзя не назвать имени ныне

расстрелянного большевиками, бывшего тогда в Омске в должности командующего войсками Омского военного округа, Генерального штаба генерала Матковского<sup>106</sup>. На него было возложено ведение предварительного следствия и формирование состава В. Окр. суда.

Чтобы не быть голословным в таком серьезном вопросе, где ставится на моральный суд общественного мнения величайший авторитет святости решений военно-окружного суда, ниже приводится дословная копия письма одного из старых кадровых русских генералов по этому поводу. В настоящее время этот почтенный генерал проживает в Америке, но письмо, им написанное на имя автора настоящих воспоминаний, относится к началу 1921 года, то есть ко времени полной ликвидации не только всей Сибирской, но и Забайкальской трагических военно-политических эпопей. Вот что пишет генерал Н. Ф. Богомолец<sup>107</sup>: «Харбин, 14-го Февраля 1921 года. Многоуважаемый Георгий Иосифович. В 1918 году, в Омске, в бытность мою Инспектором Артиллерии Омского Военного Округа, Командующий Войсками Округа Генерал-Лейтенант Матковский предложил мне быть членом суда по делу о неисполнении Вами приказа Военного Министра Генерал-Майора Степанова (Очевидно, что для большего «воздействия» на психику предназначаемого в члены военно-окружного суда было пущено в ход «увеличивающее вину обстоятельство», то есть версия о якобы неисполнении приказа самого высшего в военной иерархии лица военного министерства, тогда как это было не так. — *Ред.*) и добавил, что он потому наметил меня членом суда, что я, состоя уже много лет на службе и обладая большим служебным опытом, не могу не понять того громадного преступления, которое Вы совершили, за что Вы и должны быть непременно осуждены. Видя, что еще до суда как бы предreshается Ваша участь и не желая попасть в ложное положение подписывающего осуждающий Вас приговор, что было бы против моей совести, если Вы на самом деле, может быть, были и не виноваты, так как я о подробностях дела ничего не знал, — я уклонился от заседания в предстоящем суде под предлогом крайне необходимой поездки по инспектированию артиллерийских частей Округа и отправился в города Томск и Новониколаевск. Вместо меня Генерал-Лейтенантом Матковским членом Суда был назначен другой Генерал Штаба Округа. Уважающий Вас, генерал-лейтенант Н. Богомолец».

Что можно прибавить к этому яркому документу?! Действительно, вместо отказавшегося честного генерала Н.Ф. Богомольца членом суда был назначен генерал-майор А.А. Агарков<sup>108</sup>, который занимал должность в штабе Омского военного округа, кажется, дежурного

генерала и потому был в полной служебной зависимости от своего командующего войсками округа. Этот генерал, не к чести его будь сказано, во время самого судебного разбирательства держал себя весьма подхалимисто, и все «вопросики», которые он задавал на суде подсудимому, и те выводы, которые он старался тут же громко высказывать и навязывать другим членам суда, явно показывали, что он из кожи лез, стараясь угодить «воле пославшего его».

Нисколько не думая о том суровом приговоре, который грозил бы в случае, если бы суд признал подсудимого виновным и заслуживающим наказания по всем строгостям военного времени, автор настоящих воспоминаний скорбел всей душой о том, что вся эта предвзятая судебная трагикомедия отвлекала всех от серьезности положения на боевом фронте, которое с конца апреля месяца 1919 года уже находилось под знаком надвигающейся катастрофы. Судебное же разбирательство происходило в мае и июне месяцах.

Как указано было выше, пишущий эти строки на все время судебного процесса ни на минуту не был освобожден от исполнения всех служебных обязанностей и на самое присутствие на заседаниях суда смотрел как на своего рода особую служебную обязанность... С утра раннего обычно приходилось бывать в управлении генерал-квартирмейстерства, принимать доклады, отдавать распоряжения, потом на несколько часов в... заседание суда, в котором судят, как будто бы какого-то постороннего подсудимого, потом снова в управлении до поздней ночи приходилось проводить время за бумагами и делами. Ночью, дома, примерно, до 4—6 часов утра, надо было «подгонять» вопросы, которые не успели пройти через дневную работу, а на следующее утро опять то же самое.

В омском военно-судебном ведомстве вследствие существовавшего дуализма во всей схеме военного управления (на фронте и вне театра военных действий) существовало два главных военных прокурора. Между этими прокуратурами, как и между контрразведками, также существовало своеобразное соревнование, причем чины судебного ведомства Ставки и фронта занимали в отношении подсудимого благожелательную позицию, а другие наоборот.

Общий смысл их показаний сводился к тому, что, при норовистом характере Марковского, подобного рода инциденты могли случиться с любым из них самих и во всякое время. На стороне Марковского как обвинителя выступал только один К.К. Акинтиевский. Последний вдвойне имел «основания» быть недовольным подсудимым, во-первых, потому, что должность, специально предназначенная для него Марковским, ему улыбнулась, ибо главный штаб был

расформирован в момент прибытия Акинтьевского в Омск, а во-вторых, самого Марковского отправляли в почетную ссылку в Красноярский тыловой район. С последним Акинтьевскому ехать было уже невыгодно, а оставаясь в Омске, он попадал в атмосферу только что победившую самодурства бывшего начальника главного штаба.

Эту неприязнь к подсудимому, которого он, К.К. Акинтьевский, видел, можно сказать, впервые во всю свою жизнь, он перенес и на весь последующий период борьбы с большевиками. В тот момент, когда Марковского уже не было, «тень его», в лице только что отмеченного офицера Генерального штаба, неизменно бросала свои темные полосы на все то, что направлено было в авторе настоящих воспоминаний к фанатическому служению национальной идее и родине. Мрачная «тень» Марковского оказалась еще более упорной и мстительной. Примкнув к группе генерала М.К. Дитерихса и Н.А. Лохвицкого, эта «вторая натура Марковского» повела жесточайшую интригу против дальнейшего выдвижения по службе пишущего эти строки и, надо отдать должное, достигла своего в полной мере.

Когда на смену генералу Д.А. Лебедеву появился генерал М.К. Дитерихс, то одним из первых его распоряжений было удаление автора настоящих воспоминаний от работы в штабе Верховного главнокомандующего. Его, так же как в свое время Марковского, назначили на должность вне Омска, которую смело мог бы занимать не офицер Генерального штаба. Должность эта называлась: начальник военно-административного управления Степной группы. Командующим этой Степной группой, формирование которой совершенно запоздало и никакой пользы делу принести уже не могло, был назначен только что смещенный с должности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал Д.А. Лебедев. Этот период распоряжений относится к тому времени, когда генерал М.К. Дитерихс носился, как это уже было отмечено выше, с полупьяным и шалым полковником Сальниковым по линии фронта и развалил одним «взмахом пера» все центральное управление и фронтом и тылом.

Потом, уже перед паническим оставлением Омска, заменивший Дитерихса генерал К.В. Сахаров спешно вызвал автора настоящих воспоминаний снова в штаб Верховного, но, к величайшему сожалению, эта мера оказалась чрезвычайно уже запоздалой, ибо в этот момент весь правительственный и военный Омск был посажен в нескончаемые грузовые эшелоны и отползал в безобразнейшем беспорядке в сторону Новониколаевска и дальше.

Автор настоящих воспоминаний, понимая всю беспредельную и смертельную опасность положения, создавшегося к тому времени на

фронте, и видя полную угрозу самому Омску, для спасения которого нужны были самые героические и решительные меры, будучи в тот момент в районе Кокчетава, слал в Омск настойчивые телеграммы с горячей просьбой о предоставлении ему должности начальника штаба новой армейской группы, на долю которой выпадала задача непосредственной защиты самого Омска как правительственного и военного центра, а также создания сильной опорной группы, на которую смогли бы опереться сильно утомленные и растрепанные в длительных боях отступающие на восток части армии адмирала А.В. Колчака. Увы, эта мольба не была удовлетворена!!!

В горячий и катастрофический момент военных операций старого кадрового офицера Генерального штаба продержали на административной должности и в стороне от главного направления важнейших военных операций, в то время, когда в Омске распоряжались молодые чины наскоро набранной генералом К.В. Сахаровым новой Ставки, во главе с полковником Оберюхтиным<sup>109</sup> и другими. К случаю говоря, этот «выдвиженец», которого почему-то генерал К.В. Сахаров выдвинул с такой молниеносной быстротой из скромных начальников отделений на высокую должность начальника штаба главнокомандующего Восточным фронтом, передался на сторону большевиков раньше, чем несчастная армия отошла от Омска до линии станции Тайга и Томска. Как фатально ошибались наши сибирские главковерхи и главковостоки!!! Один сплошной ужас! Дитерихс «отличился» с Сальниковым, Сахаров с Оберюхтиным. А в это время надо было спасать не только самую армию, но и целое «переселение народов», сплошной лавиной откатывавшееся с запада на восток.

Полковник Оберюхтин был скромный молодой офицер Генерального штаба, горячий работник и фантаст быстрых решений, но со слабой личной волей и панической душой. Пока невелика была ответственность маленького штабного работника, он казался «титаном» энергии и в таком виде, очевидно, произвел благоприятное впечатление на генерала К.В. Сахарова, который тоже имел довольно ретивый характер. Однако тот же полковник Оберюхтин оказался жалким птенчиком в момент, когда на него «навалили» не по плечу грандиозную ответственность и предоставили его самому себе в омуте паники и в общей прострации расстроенного управления армией.

Причем армия эта уже фактически перепуталась с дезорганизованной до крайности тылом. Трудно было не растеряться в этой обстановке и весьма опытному военачальнику и администратору. Еще труднее было, конечно, решение такой задачи для неуверенного в своих силах и опыте полковника Оберюхтина, или, как тогда он считался,

начальника штаба главнокомандующего Восточным фронтом. Как натура неустойчивая, он, вероятно, быстро впал в свою собственную волевою пристрастия и, видя неизбежность полной катастрофы, не нашел иного для себя решения, как перейти на сторону... большевиков.

И таких, как Оберюхтин, было немало, к сожалению, на белом Сибирском фронте. Некоторые из ему подобных, как, например, полковники Песоцкий<sup>110</sup>, Колегов<sup>111</sup>, Базаревский, Григорьев и иные прочие, еще с меньшим для себя внутренним душевным сопротивлением совершили этот переход на сторону врагов национальной России. Это печальное явление всецело получило корни от того развала в организации армии, который был допущен на самых верхах управления ею.

И этот развал так ярко выразился на омском судебном процессе, к продолжению описания которого необходимо теперь снова вернуться. Центром внимания на этом процессе была не фигура подсудимого, как отмечено было выше, но самая Ставка, во главе с ее начальником — генералом Д.А. Лебедевым и его ближайшим помощником генералом П.Г. Бурлиным. Главнейшим моментом процесса, от выяснения которого зависела судьба подсудимого и ожидавшийся для него приговор, являлся вопрос: был ли полковник Клерже подчинен генералу Марковскому, когда отказался исполнить его приказ, или подчинен ему не был? Если был подчинен, то виновен и подлежит присуждению, если не был подчинен, то подлежит оправданию.

Этот простой и ясный вопрос суд мог бы фактически и не выяснять, ибо во время протекания самого процесса, который был назначен через полтора месяца после «совершения преступления», обстановка в отношении служебно-официального положения подсудимого несколько не изменилась. Как и во время инцидента он получил только словесный приказ Верховного Правителя о новом своем назначении, переданный через нового военного министра и начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Лебедева и его помощника генерала Бурлина, так как еще и во время самого процесса в письменной форме приказ этот оформлен не был.

Как бы сознательно затемняя эту сторону вопроса, военно-окружной суд, который находился под определенным давлением генералов Марковского, Матковского и Степанова, потратил массу времени на допрос свидетелей по этому поводу. Главнейшим из свидетелей, который мог определенно доказать суду тот факт, что полковник Клерже совершенно не был во время столкновения с генералом Марковским ему подчинен, был, конечно, генерал П.Г. Бурлин (Лебедев на процессе не выступал). Его показания все ожидали с напряженным интересом, ибо он был и проводником в жизнь всех распоряжений,

связанных с новым переформированием двух штабов в один. Он же должен был бы явиться и ответственным как за свои, так и за генерала Лебедева и Верховного Правителя распоряжения, отданные в этом направлении.

— Был ли отдан письменный приказ о новом назначении подсудимого на новую должность, — задает вопрос старавшийся изо всех сил член суда генерал А.А. Агарков.

— Не был, — отвечает генерал П.Г. Бурлин.

— Как нет этого приказа и по сие время, — делает в этот момент свое заявление сам подсудимый.

— А какой же приказ был отдан? — настаивает тот же член суда.

— Словесный, — отвечает помощник военного министра и начальника штаба Верховного главнокомандующего.

— Не будете ли добры объяснить суду, — снова и снова вопрошает генерал Агарков, — равносильны ли приказ словесный письменному и не должен ли был бы таковой, если он действительно от имени Верховного Правителя состоялся, быть подтвержденным обязательно письменно?..

Тут, видимо, высокий свидетель был пойман на хитрую удочку старательного члена суда, и, вместо того чтобы твердо заявить, что было бы вполне правильно и законно, что всякий приказ Верховного Правителя имеет одинаковую и законную силу и в письменном подтверждении не всегда нуждается, он начал, как говорится в просторечии, «плавать».

— Приказ-то равносильны, но он должен был бы быть, пожалуй, подтвержден письменно, — замыкал неожиданно для всех шляпавый П.Г. Бурлин.

— Я предлагаю суду обратить внимание на это важное заявление свидетеля, — с особенным удовольствием подчеркнул перед всем составом суда тот же «старательный» генерал А.А. Агарков.

— Я прошу суд, — заявляет при этом снова подсудимый, — тогда потрудиться определить: кто перед Вами в настоящий момент сидит на скамье подсудимых — помощник ли начальника главного штаба или 3-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. Кстати, вот со мной тут же на столе находится и служебный портфель с делами последнего, так как я сюда пришел прямо с занятий в управлении этого квартирмейстерства, а не из главного штаба, которого фактически уже полтора месяца как не существует вовсе.

Срывался несколько раз с места и защитник подсудимого, знаменитый присяжный поверенный и крупный общественный омский деятель Жардецкий. Настроение публики, присутствовавшей на слушании про-

цесса, было явно на стороне подсудимого, который во время перерывов в заседаниях получал приветствия и заявления, что судят, собственно говоря, не полковника Клерже, а «безграмотную Ставку». Последнему заключению публики, среди которой присутствовали почти все военные и гражданские юристы того времени, способствовало действительно безграмотное заявление П.Г. Бурлина. Помимо того что своим «показанием» он несправедливо ухудшил позицию подсудимого, в то же время он подставил под удар и авторитет Верховного Правителя.

В результате, однако, судебное решение было полно комизма и компромиссных «оговорок». Суд не мог, по совести, признать, что подсудимый виновен в такой мере, чтобы понести полное наказание по статье 105 Воинского устава о наказаниях, которая грозила лишением всех прав и присуждением в дисциплинарный батальон от 4 до 8 лет. Но также суд «не мог» и оправдать подсудимого, потому что в нем сидели г. г. Агарковы. Так вот, в своем окончательном приговоре, который постановлено было самим же судом повергнуть на «благовоззрение» Верховного Правителя, вместо указанной высшей меры наказания, назначено было подсудимому, виновному в том-то и том-то, один месяц ареста на дому и, кажется (в настоящее время память изменяет), чуть ли не с исполнением служебных обязанностей. И эта комедия нужна была только для того, чтобы «ударить по носу зарвавшуюся молодую Ставку».

Да, надо сознаться, «ретроградная» партия Марковского ликовала. Ставке действительно «утерли нос», но не в том, что она своею властью сделала, а в том, что она этой высокой властью пользоваться не умела. Как только кончился процесс, о нем скоро все позабыли, и раньше всех сам «подсудимый». О том, что через месяц после приговора последний был представлен Верховному Правителю (в это время генерал М.К. Дитерихс был главкостоком) и им ликвидирован без остатка, под видом полного помилования, автор настоящих воспоминаний узнал почти случайно, когда, после ссылки в Кокчетавские степи, по вызову генерала К.В. Сахарова снова возвратился в эвакуирующийся Омск.

Как-никак, после омского процесса обе враждовавшие до сего времени военные группировки, и старая (главный штаб), и молодая (Ставка), нанесли взаимное друг другу поражение. Их поражением воспользовалась, если так можно выразиться в этом случае, третья группа, и эта группа шла под флагом генерала М.К. Дитерихса. Но лучше ли от этого стало? Не объединив, а разрознив молодую и старую группы еще в большей степени и бросив, как указано было выше, весь центральный аппарат военного управления на произвол судьбы,

генерал М.К. Дитерихс стал носиться по фронту и почти непосредственно управлять операциями весьма ослабевших и обтрепанных армейских группировок.

Он, как и генерал Д.А. Лебедев, не смог поддержать быстротечно таявший состав рядов Белой Сибирской армии и не смог организовать достаточно сильных маневренных войсковых групп в ближайшем тылу Восточного фронта, для того чтобы откатывающиеся в безудержном порядке, растянутые на широком протяжении части могли на них опереться и перейти снова в контрнаступление.

Генералы Лебедев с Бурлиным и Степанов с Марковским не сумели вовремя сформировать предназначавшихся для поддержки фронта сначала трех, а потом еще двух пехотных дивизий. Вследствие бездарной волокиты главного штаба и борьбы со Ставкой по всякому пустому случаю эти части, которые должны были составить по крайней мере две довольно сильные армейские группы, совершенно не успели со своими формированиями и, вместо одновременного и заблаговременного прибытия их в соответствующие стратегические районы, они вливались в общую линию поколебленного фронта по частям и моментально в них растворялись, таяли и даже переходили на сторону противника.

Еще в марте месяце 1919 года, когда Сибирские армии полным и победоносным маршем двигались к берегам Волги, автор настоящих воспоминаний настойчиво докладывал в письменной форме начальнику главного штаба и военному министру, когда последний вызывал его для личных к себе докладов, о том, что, несмотря на кажущийся успех наступающих армий, надо немедленно же приготовить в тылу новые войсковые группировки, чтобы в случае неустойки (которая могла быть в любой момент, ибо войска сильно растянулись, легко могут быть прорваны большевиками и тогда неминуемо и неудержимо покатятся назад) принять их на себя. С этой целью надо было ускорить формирование намеченных еще в феврале месяце новых трех дивизий.

Ни Степанова, ни Марковского этот важнейший вопрос нисколько не волновал, ибо они увлечены были в это время разработкой штатов всех центральных учреждений военного ведомства, в том числе, на первом месте, главного штаба, с тем чтобы придать этим учреждениям боле «импозантный», по сравнению со Ставкой, вид. Сам военный министр по десять раз возвращал обратно на переработку, как сейчас ясно помнится, штат какого-то несчастного строевого отделения главного штаба, в котором должны были переиздаваться воинские уставы на новый лад. В составе этого маленького отделения

должно было состоять не больше двух или трех офицеров. Так вот, решению вопроса о том, два или три офицера должны быть в этом отделении, которому судьба так и не дала возможности развернуть своей деятельности, военный министр жестокой эпохи Гражданской войны придавал более важное значение, чем подаче на изнывающий в неравной борьбе фронт сильных войсковых подкреплений!!!

Если со штатом одного маленького штабного отделения военный министр сам лично прокопался около двух недель, то легко себе представить, что творилось в этом же вопросе, когда составляли штаты для намеченных к сформированию трех новых дивизий. Тут мудрствованиям генералов Степанова и Марковского не было ни границ, ни края. Да если к этому прибавить постоянное еще переругивание со штабом Верховного главнокомандующего и волокитную переписку со штабами округов и воинскими начальниками, собиравшими комплектования и кадровый состав для этих частей, то станет вполне понятным, почему с подачей резервов на фронт вообще опоздали.

Чувствуя и на своих плечах серьезную ответственность за несвоевременную подачу на фронт солидных подкреплений и не видя иного исхода для продвижения дела с формированиями трех новых дивизий, автор настоящих воспоминаний в частном порядке апеллировал к высшим чинам Ставки с целью воздействовать через них на военного министра и начальника главного штаба. В Ставке возмущались порядками военного ведомства, но не особенно тоже, видимо, болея душой за этот острый вопрос.

Однако фронтовые начальники все время подавали свои голоса о необходимости заблаговременных мероприятий в тылу армий, ибо они тоже понимали, что успехи эти могут оказаться только временными и в случае серьезной неудачи или прорыва большевиками где-либо растянутого фронта может получиться жесточайшая катастрофа. Некоторые из них, как, например, генералы В.О. Каппель и К.П. Нечаев<sup>112</sup>, приезжали лично в Омск для того, чтобы подогнать вопросы формирования, пополнений и общего снабжения частей на фронте, находящихся под их командой. Имея более напористый характер, К.П. Нечаев умудрился (в Омске, к превеликому удивлению, надо было уметь «умудряться»), странствуя по всем военным учреждениям, ведающим различными видами снабжения армии, вытягивать для своей кавалерии седла, сапоги и проч.

Во время наездов в Омск генерал К.В. Сахаров нередко заходил в главный штаб, где и познакомился более близко с полковником Оберюхтиным, заведовавшим организационным отделением в штабе. В начале ноября месяца 1919 года, когда генерал Сахаров перед паде-

нием Омска был назначен главнокомандующим Восточным фронтом, он взял к себе этого еще совсем юного офицера в начальники штаба.

Выдающаяся энергия самого молодого и крайне инициативного генерала К.В. Сахарова, к сожалению, не была Омском использована в более раннем периоде его деятельности. Можно смело утверждать, что если бы этот прекрасный и строгий к самому себе, к другим лицам, а также к порученному ему делу солдат и генерал своевременно был выдвинут на верхние ступени омской военной иерархии, то он не допустил бы такого ужасающего провала всего Белого, преимущественно военного движения в Сибири, Забайкалье и Приморье, которое приходилось наблюдать сряду на протяжении трех-четырех лет. Почему-то в Омске побаивались весьма определенной монархической политической позиции генерала К.В. Сахарова. В то время, когда весь центр тяжести борьбы с большевиками висел на вооруженной силе, настроения широких общественных кругов, которые в Сибири страдали излишней «народовольностью», могли бы на некоторый срок быть попридержанными под спудом. В результате такой политики, которой довольно слепо придерживался погибший адмирал А.В. Колчак и которого эта самая «народная вольница» (Политический Центр) в Иркутске приговорила к смерти, твердый и честный генерал был оставлен в стороне, и когда привлекли его к высокой ответственности, то было уже абсолютно поздно.

Неудачный выбор им начальника штаба в лице полковника Оберюхтина нельзя серьезно ставить в вину этому генералу. По этому выбору, который был, несомненно, сделан под горячую руку, когда рассуждать уже не было времени, можно только сделать заключение, что генерал К.В. Сахаров, сам будучи огненно живым человеком, в этот момент думал, что в Оберюхтине, хотя и слишком молодом, он нашел достаточную для своих тогдашних настроений гармонию. Со временем он в этом скоро разобрался бы и смог бы снова взять себе помощника более опытного и достойного.

На общем фоне неустroений и неурядиц омского центрального военного аппарата много оживления и надежд вызвал приезд в конце лета 1919 года из Парижа известного профессора военной академии Генерального штаба, генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. В сопровождении группы из пяти офицеров Генерального штаба, бывших на службе в частях русских войск, сражавшихся на Французском фронте (генерал-лейтенанта М.И. Занкевича и полковников Котовича, Ракитина, Базаревского и Григорьева), профессор Головин должен был, по мнению большинства, внести значительные улучшения в общую систему управления военными делами Верховного Правителя и создать проч-

ный фундамент для последующей обороны Сибири в самом широком смысле слова.

Имя генерала Н.Н. Головина было достаточной гарантией того, что если бы он взялся за это дело с надлежащей энергией и соответствующими от адмирала А.В. Колчака полномочиями, то он мог бы в короткий срок восстановить общее поколебленное военно-политическое положение. Один из талантливейших офицеров и профессоров русского Генерального штаба и военной академии, он приковывал к себе внимание еще задолго до начала Великой войны. Вскоре после проигрыша Россией войны с Японией, когда признано было необходимым серьезным образом реформировать систему и программу обучения в военной академии того времени, на Н.Н. Головина была возложена ответственная командировка во Францию для изучения постановки этого дела во Французской военной академии. Пробыв там несколько лет, генерал Н.Н. Головин вернулся в Петроград и представил исчерпывающий доклад о своих весьма ценных наблюдениях, в результате которых в Русской военной академии был немедленно введен в жизнь метод прикладного обучения будущих офицеров Генерального штаба. Автору настоящих воспоминаний посчастливилось начать прохождение курса военной академии как раз в тот самый год, когда новая программа занятий в академии была реформирована по французской системе. Эта система, как весьма живая и практичная, встретила всеобщее одобрение, и проводнику ее в русской академии профессору Н.Н. Головину она создала ореол широкой и ценной популярности. С тех пор имя генерала Головина не сходило со сцены лучших авторитетов военной доктрины вообще и в русском Генеральном штабе особенно. Если бы Великая война не затянулась слишком долго, то по окончании ее генерал Н.Н. Головин, вероятно, был бы во главе той же академии или даже, может быть, и всего Генерального штаба.

Когда в период «президентствования» А.Ф. Керенского был поднят вопрос об избрании кандидата на должность начальника военной академии, который должен был пройти путем всеобщей подачи голосов от всех без исключения офицеров Генерального штаба, то генерал Н.Н. Головин собрал бесспорное большинство записок. Другими кандидатами, но с меньшим числом голосов оказались генералы А.М. Драгомиров<sup>113</sup>, И.И. Гурко и А.И. Андогский. Только соображения невозможности отрыва первых трех генералов от фронта привели к тому, что на выборную должность начальника военной академии получил утверждение Керенского генерал А.И. Андогский.

Все изложенное относительно генерал-лейтенанта Н.Н. Головина определенно говорило о том, что появлению его в тяжелый период

омской обстановки придано было самое серьезное значение. Почти никто не сомневался в том, что он немедленно вступит в должность военного министра и начальника штаба Верховного главнокомандующего. И это было бы самым естественным фактом того времени. Но, ко всеобщему недоумению, это назначение не состоялось. Генерал Н.Н. Головин пробыл в Омске очень короткое время, после чего уехал, сначала в Японию, а потом и вовсе обратно, во Францию.

Многие тогда приняли этот отъезд как сигнал всеобщего провала Белого движения в Сибири, ответственности за окончательный исход которого генерал Н.Н. Головин, как авторитетный исследователь, на себя принять не пожелал. Покидая Омск, он оставил в распоряжении адмирала А.В. Колчака всех привезенных им офицеров Генерального штаба, которые и получили немедленно назначения во вновь созданное генерал-квартирмейстерское управление при самом Верховном Правителе. Во главе этого управления стал генерал М.И. Занкевич, а ближайшим его помощником полковник В.В. Ракитин. Эти два лица были почти до последних трагических моментов жизни адмирала А.В. Колчака при нем. Причем полковник В.В. Ракитин был расстрелян большевиками в тот же момент, когда казнен был ими и Верховный Правитель.

Генерал М.И. Занкевич, оказавшийся последним ближайшим военным сотрудником трагически погибшего Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака, сопровождал его в поезде почти до самого Иркутска. Когда чехи, вошедшие в переговоры с Политическим Центром, решили выдать адмирала, его свиту, охрану и золотой запас последнему, генерал М.И. Занкевич какими-то путями успел уклониться от грозившей ему лично смертельной опасности. Не избежал, однако, этой печальной участи полковник Ракитин, который, наравне с другими, был арестован, водворен в тюрьму, просидел в ней непродолжительное время и был казнен.

С автором настоящих воспоминаний В.В. Ракитин был знаком еще с малых детских лет, по скамье во 2-м Московском Императора Николая I кадетском корпусе. В течение семи учебных лет они оба сильно дружили между собою и на протяжении всей последующей юнкерской и академической жизни и службы в Генеральном штабе всегда поддерживали друг с другом тесную связь. Во время Великой войны В.В. Ракитин попал на Французский фронт и так остался после заключения Версальского перемирия. Первые периоды русской революции для него прошли вне непосредственного соприкосновения его с последней. Поэтому он смотрел на нее полунаивными глазами с точки зрения постороннего наблюдателя. Появившись же в Сиби-



ри в разгар отчаянной и уже надломленной вооруженной борьбы с большевиками, он склонен был еще «философствовать» на темы о тех или иных принципах и преимуществах социальных и политических идей. Дух избалованного «русского Парижанина» слишком глубоко пустил в сибаритской натуре В.В. Ракитина свои корни, несмотря на очевидность надвигающейся военной катастрофы, он продолжал оставаться в состоянии полной «нирваны» и требовал, чтобы его служебная обстановка была окружена условиями максимального комфорта и удобств. Блестящие вагоны литерного поезда Верховного Правительства, в которых он совершал эвакуацию из Омска совместно с адмиралом А.В. Колчаком, были для него ближе и понятнее, чем весь ужас, творившийся вне этих вагонов. Понятнее эти вагоны были потому, что они напоминали ему культурную Францию. Ясное сознание крайней опасности и безнадежного положения обстановки у В.В. Ракитина отсутствовало, и в глубине своей души он, очевидно, верил, что все «как-то образуется и утрясется».

Пребывая в таком душевном состоянии до момента фактического его пленения большевиками в Иркутске, В.В. Ракитин явился одним, в своем роде, из офицеров Генерального штаба, который остался с адмиралом А.В. Колчаком до последнего своего издыхания и воспринял одинаковую с ним смерть. Удивительное философское равновесие души не покидало его и во время самого нахождения в большевистской тюрьме. Как потом дошли сведения, В.В. Ракитин среди арестованных вместе с ним офицеров, сидевших в общей арестантской камере, организовал «кратковременные» курсы изучения английского языка, в знании которого, как и французского, он был весьма силен. Его общительный и живой характер помогал другим, которые поддавались крайнему отчаянию, легче переносить нравственные пытки ожидания неизбежной казни.

Генерал М.И. Занкевич потом уехал снова в Европу, а остальные из тех, которые прибыли в Сибирь совместно с генералом Н.Н. Головиным, остались по ту сторону белого фронта.

С главным военным командованием, в общем, не повезло белому Волжско-Сибирскому фронту. Те, кто фактически им командовали, успеха ему не принесли, а которые могли бы если не сотворить чудеса побед, то хотя бы стабилизировать его положение, не были к делу привлечены ни в соответствующий срок, ни в надлежащей форме. Последующее же кратковременное появление в ролях главнокомандующих Восточным фронтом генералов В.О. Каппеля и Войцеховского дела также не могло поправить уже потому, что фронт неудержимо стал откатываться на восток.

Претендовавший же на революционное возглавление военного командования генерал Пепеляев своим безумным выступлением против власти Верховного Правительства и против главнокомандующего Восточным фронтом генерала К.В. Сахарова еще больше разрушил всякую мысль о возможности сохранения в районе к западу от Байкальского озера линии антибольшевистского фронта.

### Осведверх

Под этим названием в штабе Верховного главнокомандующего, после того как последний был слит с прежним расформированным главным штабом в одно целое, по инициативе автора настоящих воспоминаний было организовано осведомительное управление. Хотя самое название наводит на некоторую мысль, что в этом управлении могли быть сосредоточены функции тайной политической разведки, как это бывало и в соответствующих такому названию учреждениях, например министерства внутренних дел, тем не менее в омском Осведверхе подобное положение вещей совершенно не имело места.

Учитывая опыт широчайшей, организованной в государственном масштабе политической пропаганды большевиков, которые буквально засыпали население всей необъятной России различными воззваниями, призывами, оповещениями, плакатами, газетами и наскоро сколоченной книго-агитационной продукцией, пишущему эти строки пришла в голову мысль провести с не меньшей же интенсивностью такую же контрпропаганду и в широчайшем антибольшевистском масштабе.

В первую очередь, как бы в виде опыта и для приобретения сноровки, были предприняты им шаги в военном ведомстве, для чего были использованы все доступные по тому времени возможности. Был составлен соответствующий доклад, а так как для всех остальных этот вопрос был совершенно незнаком, то и проведение его в жизнь было поручено всецело автору настоящих воспоминаний.

Усвоив все навыки большевиков, за которыми удалось наблюдать в этом вопросе в течение нескольких месяцев вынужденного скрывания в Петрограде и в Перми во второй половине 1918 года, а также используя свою богатейшую писательскую и газетную практику, автору настоящих воспоминаний не трудно было разработать соответствующий, весьма рациональный и жизненный проект организации ставшего потом широко известным на белом Сибирском фронте осведомительного управления штаба Верховного главнокомандующего.

го, или, как его по сокращенному телеграфному коду называли все, Осведверха.

Идея эта настолько привилась, что в кратчайшее время все штабы армий и даже некоторых корпусов, по образцу Ставки, но в сокращенном виде, завели у себя такие же «Осведармы» и «Осведкоры». Был даже и «Осведстель», организованный в так называемой отдельной армейской Степной группе, предназначенной действовать в Башкиро-Киргизских степях.

Штабы армий в этом отношении слишком сильно временами увлекались и тем иногда создавали значительный разнобой в смысле содержания выбрасываемого несогласованного с центром (Осведверхом) агитационного материала, но все же в этом беда была невелика по сравнению с той пользой, которая приносилась этой новой организацией. Главная же польза заключалась в том, что широкое осведомление населения и армии достигалось в достаточной степени прилично.

Конечно, эта постановка была далеко не так строго организована и проводима, чем это было у большевиков, но в этом вопросе трудно было регулировать всю программу работы сверху, ибо самая политическая «установка», как говорят обычно большевики, в правительстве адмирала А.В. Колчака страдала серьезной неустойчивостью, противоречиями и подвергалась различным внешним и внутренним влияниям. Если к этому же еще прибавить различные политические платформы многочисленных групп, которых было немало и в самой армии, то в работе всех видов Осведов могли быть естественными иногда и солидные прорухи.

Пользовались временами со скрытой целью этими организациями и тайные агенты большевиков или им сочувствующих, левых социалистов-революционеров, которые, например, в ящики с заготовленными для рассылки агитационными материалами этих учреждений умудрялись подкладывать и свою ярко-большевистскую или оппозиционную прокламацию. На этой почве иногда раздавались вполне основательные от фронтовых частей жалобы и сообщения. Немедленно принимались срочные меры проверки и вредная работа тайных агентов пресекалась.

Будучи организатором широкой осведомительной (агитационной) службы и главой всего Осведверха, который фактически занял в штабе Верховного главнокомандующего место первоначально намечавшегося к сформированию 3-го генерал-квартирмейстерства, автор настоящих воспоминаний видел в этом своем служебном положении большое со всех сторон внимание к себе и интерес к работе Осведверха. Достаточно отметить, что даже старички генералы, составлявшие собою военное совещание, на рассмотрение которого обычно вносились все новые

проекты, требующие дополнительных по военному ведомству ассигнований, и они, несмотря на свой преклонный возраст и, конечно, полное незнакомство с внутренней сущностью какой-то неведомой доселе для военного человека вообще агитационной работы, и они весьма сочувственно отнеслись к личному докладу в этом совещании автора настоящих воспоминаний и требующееся крупное денежное для этой цели ассигнование безоговорочно утвердили, подписав соответствующий протокол своего по этому вопросу положительного заключения.

— Мы этого нового дела совершенно не понимаем, но сердцем чувствуем, да и на примере большевиков тоже видится, что это дело для нас также очень, очень полезно, — говорили почти в один голос все члены омского военного совещания.

Помимо частей действующей армии, такие же Осведы были налажены и в штабах Омского, Иркутского и Дальневосточного военных округов. Все они получали руководящие инструкции и материалы из Осведверха и воспроизводили свои собственные печатные материалы, если это требовалось условиями частной обстановки. От Осведверха тянулись нити связи по агитационному вопросу и в другие министерства, где таковая работа начинала также постепенно налаживаться. Вполне опытных и подготовленных работников в области систематического ведения пропаганды, как печатной, так и устной, конечно, на первое время совершенно не доставало. Однако вследствие подбора личного состава среди литераторов, писателей и артистов в сравнительно короткий срок эти затруднения были преодолены.

Ближайшим сотрудником автора настоящих воспоминаний по осведомительно-пропагандной деятельности состоял профессор Антон Мартынович Оссендовский, известный крупный публицист и писатель. Он проявлял колоссальную энергию и создавал с большим успехом ячейки пропагандистов всех категорий и видов. При его содействии были привлечены видные работники в области печатной, плакатной и устной агитации. Сам он составлял наиболее важный и направляющий пропагандный материал, который потом, после санкционирования его начальником Осведверха, то есть автором настоящих воспоминаний, а то и после утверждения Верховного Правителя, когда дело этого требовало, размножался в десятках, а то и сотнях тысяч экземпляров и рассылался во все стороны.

Немалую пропагандную энергию проявила в то же самое время и популярная исполнительница народных патриотических песен артистка М.А. Каринская. Своими сольными выступлениями с импровизированных подмостков, созданных из полураскрытого товарного вагона, М.А. Каринская, можно сказать, «с ума сводила» своих слу-



шателей и разжигала в их сердцах большой патриотический подъем. Район деятельности ее был преимущественно фронт действующей армии, где она стремилась проникнуть возможно ближе к передовым линиям войск и там своей песней, шутками, прибаутками, а то и прямой горячей патриотической агитацией поддержать бодрость духа и силы офицеров и солдат. Весьма яркий агитационно-плакатный материал выпускал и художественный отдел Осведверха, работавший под руководством художника М. Яковлева.

При Осведверхе издавалась газета под названием «Русская Армия», редактором которой состоял бывший казанский помещик, отставной полковник Юрий Геркен. В силу слишком ярких его монархических воззрений на газету «Русская Армия» часто сыпались жалобы с различных сторон, и особенно из правительственных омских кругов. Когда временами Геркен упорствовал и продолжал нажимать в агитации на «реакционные темы», запросы тогда поступали даже из канцелярии Верховного Правителя. Приходилось вызывать старика Геркена в Осведверх и давать ему добрый совет держаться более умеренных тонов в его газете. Старый помещик морщился, делал некоторую уступку демократии, но не надолго. Протестовали также против направления этой газеты и из «Бюро Печати», находившегося под руководством Клафтона<sup>114</sup> и обслуживающего полуофициозный курс политики правительства адмирала А.В. Колчака. Около этого «Бюро Печати», которое, в сущности, являлось министерством пропаганды Омского правительства, группировались профессор Боддырев и Устрялов, Вс. Иванов и другие. Там же издавалась газета «Заря», фактическим редактором которой состоял М.С. Лембич, бывший сотрудник московского сытинского «Русского Слова».

Между Осведверхом и этим Бюро, как это ни странно, существовали самые хорошие и благожелательные отношения. Помогало этому, прежде всего, полное взаимное понимание и взаимно-доброжелательные настроения. Особенно хороши были личные отношения между автором настоящих воспоминаний и главным директором Бюро печати Клафтоном, которого после падения Омска большевики немедленно расстреляли. Очень живое общение с Осведверхом поддерживали тогда нынешний сменовеховец профессор Н.В. Устрялов, М.С. Лембич и Л.В. Арнольдов. Благодаря налаженным деловым отношениям не трудно было в общем итоге выравнивать курс средней агитационной линии, которая в достаточной степени обеспечивала бы направление официальной правительственной политики и в то же время не возбуждала бы слишком сильно против себя и реакционных течений некоторых военных и помещичьих кругов.



В.М. Молчанов



А.Г. Ефимов



Д.М. Михайлов



Д.В. Филатьев





К.В. Сахаров



И.Г. Акулинин



Генерал-майор  
С.Н. Войцеховский



Генерал-лейтенант  
А.Н. Пепеляев



Адмирал А.В. Колчак





Генерал-лейтенант В.О. Капель



Генерал-лейтенант В.С. Толстов



Генерал-лейтенант М.В. Ханжин



Генерал-лейтенант  
Г.А. Вержбицкий



Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс





Генерал-лейтенант Г.М. Семенов



Генерал-лейтенант А.И. Дутов



Генерал-лейтенант  
П.П. Иванов-Ринов



Генерал-лейтенант И.С. Смолин



Контр-адмирал Г.К. Старк



Полковник Т.И. Сладков



Р. Гайда



Я. Сыровы





Полковник В.Н. Дробинин



17-летний доброволец из армии А.В. Колчака Николай Иванович Ханыкин (1902–1919)



Похоронка, полученная И.Н. и Е.К. Ханыкиными, родителями Н.И. Ханыкина, в селе Спирино на Оби. (Из семейного архива С.А. Сапожникова)



Если бы для этой согласованной работы не было посторонних помех, то вся программа агитационной работы в широком антибольшевистском масштабе, о котором было сказано выше, автором настоящих воспоминаний осуществилась полностью и это сыграло бы значительную роль и во всем антибольшевистском движении в Сибири. К глубокому сожалению, в тот момент, когда в командование Восточным фронтом вступил генерал М.К. Дитерихс, автору настоящих воспоминаний, под отрицательным влиянием К.К. Акинтьевского на нового главквосточка, было дано отмеченное выше новое назначение в Кокчетавские степи на военно-административную должность. Налаженная важная агитационная работа в Осведверхе была сорвана, а после того как на короткое время она была передана в ведение генерала Сальникова, то и вовсе захирела.

Очень живое и деятельное участие в налаживании и в согласовании работы Осведверха и Бюро печати, как двух высших военного и правительственного аппаратов агитации и пропаганды, принимал начальник канцелярии правительства профессор Г.К. Гинс. Как просвещеннейший и высокоидейный влиятельный член Омского правительства, он весьма чутко понимал и принимал близко к сердцу delicate эти вопросы, стремясь не только не нарушить общей гармонии отношений между правительственными сферами и военным ведомством, но и еще больше укрепить и развить их.

Поддерживалась Осведверхом тесная связь также и с министерством финансов Омского правительства, во главе которого стоял И.А. Михайлов<sup>115</sup>. Между профессором А.М. Оссендовским и последним были самые дружеские личные отношения, вследствие чего все проекты расширения и ассигнований по части пропаганды проходили с особенной быстротой и легкостью. Были между этими учреждениями и общие вопросы. Так, например, когда по представлению министерства финансов были аннулированы керенки, то для большего эффекта и демонстрации этого смелого решения правительства было признано необходимым переклеить все запасы указанных денег особыми агитационными лозунгами и пачками разбрасывать их с аэропланов над линией фронта большевиков и своих войск.

Составление агитационных лозунгов, клеймение и разброска с аэропланов были поручены Осведверху. Аннулированные керенки были заменены сибирскими банкнотами. Целыми тюками доставлялись в помещение Осведверха аннулированные распоряжением правительства адмирала А.В. Колчака бумажные денежные знаки времен Керенского двадцати- и сорокарублевого достоинства. Громадные листы неразрезанных банкнотов подвергались операции погашения их прежней сто-



имости путем напечатания поверх каждой купюры различных агитационных лозунгов. В «обработанном» таким способом виде эти «агиткеренки» отправлялись или в части войск на фронт для переброски всякими способами на сторону противника, или передавались в центральное авиационное управление для разброски их с воздуха.

Самый акт аннулирования правительством адмирала денег времен Керенского, ходивших до сего времени наравне с только что появившимися сибирскими банкнотами, произвел, в общем, скорее неблагоприятное впечатление, и в большинстве случаев эту меру правительства, вернее минфина И.А. Михайлова, не одобряли. Некоторые начальники войсковых частей, в том числе и генерал К.П. Нечаев, определенно, например, утверждали, что «отмена керенок понизила наступательный дух армии». Оказывается, что в случаях, когда представлялась возможность пограбить комиссарскую казну, которая обычно была полна денежными знаками Керенского, то это очень подзадоривало наиболее рьяных из разведчиков передовых частей войск и они становились более активными в стремлении достигнуть своей «цели». Этим порывом увлекались другие части, и войска быстрее продвигались вперед.

Возможно, что в этом «заклучении» войсковых начальников есть маленькая крупница истины, которая в отдельных небольших случаях находила себе некоторое подтверждение, в силу чего обобщать это явление, распространяя его на всю массу Белой армии, конечно, не приходится, но, однако, в этом «заклучении» знаменательно то, что к самому факту преждевременного «вывода из строя» керенок и в армейских кругах отнеслись неодобрительно. Не обошлось и без того, что в этом вопросе, например, винили и Осведверх, который, мол, клеймением «портит» кое-что стоящие еще керенки. Действительно, «преждевременная» отмена правительством адмирала денежных знаков Временного Всероссийского правительства не вызывалась никакими серьезными соображениями, тем более что, наряду с этим, романовские банкноты такому «остракизму» не подвергались.

Появившиеся банкноты Сибирского периода отличались также и внешней несурзностью, не говоря о том, что они не были «портативны» для пользования ими в жизни. Кроме того, по сравнению с романовками и даже керенками, они не производили впечатления «хороших» денежных знаков. Обыватель любит, чтобы деньги, прежде всего, были «красивыми», а у колчаковских длиннополосых купюр, напоминавших больше ломбардные квитанции, этого-то как раз и не было. Когда общее отступление армии Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака было в полном разгаре и преследующие части Красной армии непосредственно гнались за тылами уходящих на восток

белых арьергардов, то большевики объявили и «колчаковские деньги недействительными». Однако это не послужило препятствием для наступательного порыва Красной армии.

Автору настоящих воспоминаний, в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств, во время отступления пришлось не один раз попасть в плен к большевикам и в течение кратковременного пребывания среди передовых частей большевиков, которые тоже грабили всех попавшихся в их руки «белобандитов» и «белогадов», видеть, как красноармейцы отбирали от пленных колчаковские купюры только мелкого достоинства. Объяснялось это тем, что на мелкие деньги солдаты Красной армии тут же покупали у крестьян предметы продовольствия, ибо крестьяне, еще не знавшие об общем аннулировании «колчаковок», продолжали пока им «верить» по-прежнему. Это тоже было своего рода надувательством крестьян, которое проделывалось над ними такими же крестьянами, но только одетыми в красноармейскую форму.

Разворачивавшаяся работа Осведверха обещала большой успех, и если бы ее не нарушили внезапным назначением вне Омска начальника последнего, то есть автора настоящих воспоминаний, то м. б. в критический момент осложнившейся потом военно-политической обстановки тот же Осведверх сыграл бы роль морального фактора, который нашел бы выход из общей волевой прострации и полной растерянности.

28 августа 1919 года при весьма скромной обстановке состоялась в Омске проводы уезжавшего в Кокчетавские степи начальника Осведверха, вернее создателя и организатора последнего. Это было ровно за два с половиной месяца до падения самого Омска. Собравшиеся на проводы все служащие Осведверха как бы предчувствовали, что дело идет к полному развалу и катастрофе, но сила влияния разлагающих общее положение тенденций была столь стремительна и велика, что противостоять ей можно было бы только путем исключительных напряжений массового характера. На этом прощальном банкете выступал с приветственными словами 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, генерал-майор П.Ф. Рябиков. В его словах, как и в общем настроении присутствовавших, также прорывались нотки опасения ввиду надвигающейся близкой уже катастрофы. Обращаясь к автору настоящих воспоминаний и чувствуя всю полноту несправедливости, которая обрушена была на его плечи, П.Ф. Рябиков высказал пожелание, чтобы «тяжкий для провожаемого дальний путь» был бы не таким уже тернистым, каким он начался чуть ли не с первых дней появления его на омском горизон-

те. К сожалению, последнее пожелание не сбылось!!! Последующий «путь» оказался и слишком «дальним», и слишком «тяжким».

За два месяца отсутствия автора настоящих воспоминаний из Омска Осведверх обратился в совершенно никому не нужный балласт, который никакой продуктивной работы производить уже не мог и сам нуждался в том, чтобы о нем еще кто-то заботился. В такое состояние он превратился под руководством полковника Сальникова, которого генерал М.К. Дитерихс назначил на это место лишь потому, что сам он хотел избавиться от последнего после того, как понял, насколько Сальников был не годен для ответственной должности начальника штаба главнокомандующего Восточным фронтом. Странно, что полковник Сальников сам не отказался от этого назначения. Ведь он должен же был понимать, что эта специальная и нелегкая работа ему, как совершенно незнакомому с ее постановкой, была не по плечу.

В конечном итоге, когда автор настоящих воспоминаний за несколько дней до падения Омска, 8 ноября 1919 года, был вызван генералом К.В. Сахаровым в Омск для принятия снова должности начальника разрушенного Осведверха, то «бренные останки» последнего он нашел уже в совершенно беспомощном состоянии и наполовину погруженными в эвакуирующийся эшелон. Оставалось только «догрузить» этот уже ни к чему не пригодный воинский груз и постараться возможно скорее вытолкать его из забитого и переполненного до отказа такими же эшелонами Омского железнодорожного пункта. Чуть ли не с револьвером в руках приходилось отвоевывать паровоз для длинного эшелона Осведверха и кое-как вытолкать его из Омска в 6 часов утра 14 ноября, то есть за восемь часов до занятия последнего пункта красными.

Эвакуационные расчеты так были «составлены» начальником военных сообщений штаба Верховного главнокомандующего полковником Сапруновичем, что почти все эшелоны штаба должны были уходить из Омска под огнем неприятеля и в тот уже момент, когда эшелоны штабов отступавших армий спешно проскакивали через этот же самый злополучный Омск. Именно «проскакивали», ибо в Омске ни один из штабов всех трех армий, к случаю говоря столпившихся на Омском вокзале в одну и ту же трагическую ночь на 14 ноября, не задерживался больше нескольких часов и уходил дальше на восток в сторону Новониколаевска.

С невероятным трудом вырванный из Омска эшелон Осведверха до Новониколаевска не дошел. Идущими в «ленту» впереди набившимися эшелонами путь был настолько загроможден, что прорваться к Новониколаевску уже не было никакой возможности. Красные

не только наседали с хвоста, но и глубоко обходили эшелоны с обеих сторон полотна железной дороги. Ввиду этого за несколько верст до Новониколаевска пришлось покинуть вагоны, при помощи высланных вперед людей раздобыть лошадей и сани и на них продолжать дальнейший, так называемый «ледяной поход».

Оставшиеся до последнего момента у эшелонов охранные команды, воспользовавшись запасами в вагонах бензина, подожгли весь состав поезда и присоединились к «понужавшему» на лошадях растрепанному Осведверху уже за Новониколаевском. Дальнейший крестный путь последнего превратился в сплошную драму.

### Записки белогвардейца<sup>116</sup>

Приходится немного остановиться на окончившемся к этому времени Уфимском совещании. Не пытаясь дать подробной картины политического положения, предшествовавшего этому этапу исторических событий, я останавливаюсь лишь вкратце на образовании власти Временного правительства, или, как ее называли, Директории. Как известно, одновременно с образованием правительства из членов Учредительного собрания в Самаре возникло самостоятельное Западно-Сибирское правительство в Омске, Дерберское и Хорватское на Дальнем Востоке, казачьи — на своих войсковых землях.

В Западной Сибири было создано многое в смысле укрепления государственных начал в течение первого летнего периода: правительство успело организовать из людей дела и взяться за него твердо. Вологодский, ставший во главе его, Михайлов, Гришин-Алмазов, Белов и другие, работая настойчиво, сумели создать крепкую армию, освободившую Сибирь до Байкала, и в то время как Народная армия уже стала разлагаться, Сибирская была только на пути к своему развитию. Во всяком случае, на Волге из приходящих газет, а также по слухам чувствовалось, что именно в Сибири растет нечто здоровое и надежное. Отношения между Самарским и этими правительствами были не особенно дружные; центры деятельности были отдалены, и между областями чуть ли не была таможенная граница (в Челябинске).

Однако к концу лета стало ясно, что несколько правительств существовать рядом не могут, тем более что Владивосток являлся единственной для всех базой питания, и потому надо было искать какого-нибудь начала для сближения и общей работы. Это совпало с очищением от красных всей Сибирской линии до Тихого океана включительно. После долгих переговоров решено было созвать совещание в Уфе. Кон-

струкция его сейчас у меня ускользает, но, насколько помню, на нем участвовали представители всех почти правительств как казачьих, так и других, представители политических партий и национальностей, члены профессиональных союзов, учредилцы, промышленники и союз землевладельцев. В итоге была выбрана Директория из пяти членов и столько же к ней заместителей. Это были: генерал Алексеев, Чайковский, Астров, Авксентьев, Вологодский и кандидаты: генерал Болдырев, Виноградов, Аргунов, Зензинов, профессор Сапожников. Директория должна была осуществить верховную власть во всей освобожденной области. К исполнению должности вступили: профессор Виноградов (кадет, член 3-й и 4-й думы), Авксентьев (эсер, бывший министр внутренних дел при Керенском), Зензинов и Аргунов (оба эсеры), генерал Болдырев. Последний принял звание главнокомандующего всеми вооруженными силами, взяв к себе начальником штаба генерала Розанова. Резиденцией сперва намечался Екатеринбург, однако неудачи на фронте и отход Народной армии принудили пересечь в Омск, хотя это и не соответствовало желанию Директории.

22 октября эшелон флотилии, в котором я находился, прибыл в Омск. Путь от Челябинска до Омска был пройден нами в течение  $21\frac{1}{2}$  суток, то есть в 5 раз быстрее предыдущего равного с ним расстояния. Железнодорожный путь оказался свободным, и у всех отлегло на сердце. Казалось, что первая трудная часть пройдена, что мы вступили во второй фазис и окрепшей Сибири суждено стать источником возрождения родины. Как ни тяжело теперь вспоминать все прожитое и пройденное за эти два года, тем не менее Сибирский период, казалось, давал такие определенные надежды на восстановление нормальной, человеческой жизни в России, что и сейчас вспоминаешь с теплым чувством это время.

Путь до Омска был пройден нами быстро, и лишь была задержка в Куломзине (последней станции перед Омском), которая, ввиду переполнения тогда уже Омска, пропуска не давала.

Омск видом войсковых частей производил хорошее впечатление. Можно было видеть везде по улицам города марширующих солдат, которые выправкой и молодежатым своим видом говорили о дисциплине и возрождении боевой силы, без которой явно в это время Россия возродиться не могла. Это, впрочем, относится и к другим городам, как, например, Челябинску, Кургану, Петропавловску, где везде шло интенсивное обучение. По данным штаба Сибирской армии, к тому времени под ружьем насчитывалось 105 тысяч солдат и около 5 тысяч офицеров. Эта армия формировалась в течение лета 1918 года в Западной Сибири, имея первоначально (до Омска) штаб форми-

рования в Новониколаевске, состояла из двух призывных возрастов и была, в полном смысле этого слова, на высоте. По освобождении своего края, в следующий период, она перешла в наступление и к Рождеству заняла Пермь, где взяла в плен более 30 000 человек и огромную военную добычу на заводах. В марте месяце, при общем наступлении, она продвинулась вперед, достигнув в конечном итоге города Глазова Вятской губернии, и только уже после постигших неудач всей Восточной армии стала отходить назад.

Организация Сибирской армии была построена на иных основаниях, чем Народной, и в значительной степени более походила на регулярную. Сибирская армия была очень хороша, пока она состояла из одних лишь молодых возрастов, не бывших раньше на призыве, и ее успехи под Пермью были сказочны. Но тогда уже вопрос о необходимости пополнять ее, ввиду предстоящих задач, начал беспокоить правительство и ясно вырисовывалась опасность, что пополнение новыми контингентами из лиц более старших возрастов, принимавших участие в Германской войне, переживших керенщину и потому в большей своей массе деморализованных, может испортить дело.

Для смягчения этого молодым сибирским генералом Пепеляевым, героем взятия Перми, был поднят вопрос о призыве сперва сибирской интеллигенции для составления из нее известной основы, которую можно было бы в ближайшем будущем пополнить мобилизованными солдатами. Вопрос этот возник при участии общественных кругов. Он был обсужден всеми политическими группами, имевшимися в то время в Омске, после чего был внесен в совет министров, где и прошел. Однако этот план в жизнь не претворился, вследствие опоздания прибытия обмундирования от союзников, а также получения сведений о намерении красных перейти в наступление. Последнее же обстоятельство было весьма серьезно, ибо при Гражданской войне инициатива играет, несомненно, роль гораздо более серьезную, чем в обыкновенной, что и следовало учитывать, даже при сознании, что своя армия к этому не готова.

Поход, как известно, начат был блестяще. Армия, пройдя более 400 верст в течение месяца, находилась в 60 верстах от Самары, и только весенний разлив заставил ее остановиться. Последнее обстоятельство ее и погубило, ибо красным удалось, сделав отчаянное усилие, собрать ударные части со всей России — прорвать фронт к северо-западу от Оренбурга и, вырвав инициативу, остановить дальнейшее наступление всей огромной армии, насчитывавшей несколько сот тысяч человек.

Жизнь в Омске к моменту моего туда приезда была не дорога; продукты были в изобилии. (Цены примерно стояли такие: пшенич-

ный хлеб менее рубля за фунт, масло 3—4 рубля за фунт, обед в ресторанах с неограниченным количеством хлеба 4—5 рублей.) Зато с квартирами было более чем трудно. Город, вмещавший в мирное время немного более 100 тысяч жителей, должен был принять беженцев количеством, превышающим 500 тысяч, и потому буквально нельзя было найти себе места. Даже сама Директория, как и иностранные миссии, помещалась в вагонах. Мне пришлось поселиться в вагоне адмирала Колчака, только что приехавшего с Востока.

После переезда Директории в Омск, что произошло, как я говорил, в десятых числах октября, отношения ее с Сибирским правительством создались довольно странные и были мало урегулированы; все время чувствовалось, что роль Директории какая-то вымученная, неестественная. Авторитета власти у нее не было, деловитости тоже. Искать объяснения этого надо в искусственном ее создании, вынужденном компромиссе. Надо отметить, что сибирские представители на Уфимском совещании порывались неоднократно уехать, предвидя, что реальных и полезных результатов достигнуто не будет. Слишком разно представляли себе разрешение вопросов деловые сибиряки и искушенные в программах члены Учредительного собрания. Даже главнокомандующий генерал Болдырев и его штаб не чувствовали себя хозяевами в своем деле. Одним словом, вся обстановка сложилась неблагоприятно и в скором времени в поисках выхода из создавшегося положения, а именно в 25-х числах октября, был поднят вопрос о реорганизации правительства.

Тут начинает фигурировать имя адмирала Колчака. Колчак появился в Омске незадолго перед тем, проездом из Японии в Европейскую Россию. Во время остановки своей в Омске он был приглашен местными кадетами, с председателем комитета неким Жардецким во главе, а также и другими близкими к ним кругами для обсуждения общего политического положения. В конечном итоге правительством было предложено Колчаку занять сперва пост морского министра, а через несколько дней и военного. Переговоры эти затянулись в связи с общей реконструкцией кабинета более чем на две недели. Вопрос осложнился тем, что Колчак высказался категорически против сохранения эсером Роговским должности товарища министра внутренних дел по заведованию полицией, находя, что Роговский, как член партийного комитета, не должен занимать этой должности, ибо вооруженная сила, каковой является полиция, должна непременно быть в нейтральных, а не партийных руках. Этот факт я могу лично удостоверить, так как случайно мне пришлось помогать в конце октября переписывать указанные им доводы в секретном письме, адресован-

ном на имя генерала Болдырева. После долгих переговоров удалось убедить Колчака принять портфели военного и морского министра, оставив эсера Роговского на месте. Его вступление в состав кабинета, как и назначение инженера Устругова на должность министра путей сообщения, считались весьма желательными в целях поднятия известными именами престижа Сибирского правительства за границей. В состав правительства усиленно приглашался на пост министра иностранных дел и князь Кудашев, наш посол в Пекине, а также Щепин, советник посольства в Токио. Однако эти приглашения не увенчались успехом, ибо дипломаты наши предпочитали без риска, с комфортом сидеть в посольских домах.

Таким образом, было переформировано Сибирское правительство, и 6 ноября оно в обновленном составе вступило в исполнение обязанностей, имея над собой в качестве верховной власти Директорию. Во время существования Директории было много толков как в правительственных сферах, так и в печати о созыве Сибирской областной думы. В конечном итоге ее работа была признана вредной и было принято компромиссное решение о созыве ее для объявления об ее роспуске. Произвести это должен был председатель Директории Авксентьев, что и было им исполнено в Томске, кажется, в конце октября, после чего областная дума и не собиралась. Я нарочно об этом упоминаю, ибо в печати попадаются указания, что якобы она была распущена Колчаком, между тем этот факт произошел еще во время Директории, кажется, в тот период, когда еще Колчак в состав кабинета совсем и не входил.

Отношение Сибирского правительства к Директории было неясное, но чувствовалось определенно, что искусственное создание всей этой комбинации тормозит созидательную работу. Политика Директории по отношению к левым течениям, появлявшимся в армии, была явно нерешительна, чуть ли не благожелательна. Это отношение во всех кругах, мечтавших об укреплении и создании армии (что было вообще лейтмотивом), вызывало недовольство. Конечно, проявлялось оно более ярко в военных сферах, но и общественные круги определенно выражали свое недовольство, объясняя себе подобное поведение Временного правительства зависимостью некоторых из его членов (как Зензинова, Авксентьева) от партии эсеров, в комитет которых они входили. Это показывает, до какой степени вышеупомянутые лица не отвечали моменту. Взяв на себя такое ответственное дело, они не сочли даже нужным хоть на время снять с себя партийную зависимость. Между тем слухи и газеты, приходившие в Омск из Екатеринбургa, где основался Комитет Учредительного собрания,

говорили определенно о недружелюбном его отношении к Омску. Мало того, комитет эсеров выпустил в двадцатых числах октября листовки с призывом к вооруженной борьбе и созданию особых эсеровских военных частей, как для охраны своих комитетов, так и вообще для создания своих военных ячеек, то есть, другими словами, среди антибольшевистских войск создавалось расслоение в то время, когда война с красными еще не была окончена. И на это Директория не только не реагировала, но продолжала сноситься с Екатеринбургом и давать отчет о своей деятельности центральному комитету партии эсеров. Тогда даже самым лояльным элементам казалось, что дальше идти некуда.

В результате в ночь на 18 ноября три члена Директории — Авксентьев, Зензинов и Аргунов, а также товарищ министра внутренних дел Роговский были группой офицеров во главе с казаками Волковым, Красильниковым и Катанаевым неожиданно арестованы. Молва говорила, что за их спиной якобы принимал деятельное участие в аресте министр финансов Михайлов.

Тотчас же по получении сведений о совершившемся собрался совет министров и, ввиду создавшегося острого положения и боязни эксцессов в эту трудную минуту, решил, взяв всю полноту власти в свои руки, передать ее затем в руки военного, который только один мог поддерживать порядок. Намеченных кандидатов оказалось двое: генерал Бодырев и вице-адмирал Колчак. Первый получил, однако, лишь один голос, почему Колчаку была вручена верховная власть, которую он принял после блестящей патриотической речи, произведшей огромное впечатление на всех присутствующих.

Арестованных чинов Директории Колчак хотел тут же выпустить на свободу, взяв лишь обязательство с них о немедленном выезде из пределов Сибири, на что, однако, арестованные не согласились, боясь эксцессов со стороны военных, настроение которых было повышено. Через несколько дней арестованные под иностранной охраной были вывезены в Китай. Как говорят, Колчаком было им ассигновано по 75 тысяч рублей на дорогу каждому, что по тогдашнему курсу составляло солидную сумму и на иностранную валюту. Колчак, считая недопустимым покушение на верховную власть, предал офицеров, произведших «coup d'état», военному суду, который, однако, вынес им оправдательный приговор.

Конечно, во всем этом было много неестественного, явно несообразного и логически непоследовательного, но не нужно забывать той нервозности, окружающей центр политической жизни, того недоверия, которым были проникнуты многие борющиеся с большевизмом

в то время, и опасений предательства со стороны лиц, допустивших Ленина, почти без сопротивления, к власти.

Верховным Правителем Колчак признан был окраинами не сразу. Атаман Дутов, командующий Приамурским корпусом на Дальнем Востоке, генерал Иванов-Ринов, атаман Анненков ему подчинились, генерал Хорват, находившийся в Харбине, тоже его признал, выговорив лишь себе автономное положение и название Верховного уполномоченного. Но атаман Семенов и Калмыков долго боролись против его власти, не желая признавать его, и лишь к лету 1919 года этот вопрос уладился, но, конечно, это принесло немало вреда ходу последующей борьбы. В Чите была выпущена специальная брошюра (изд. русских патриотов) под заглавием «Адм. Колчак и атаман Семенов». Одна из статей этой брошюры говорит об отношении к Омску. Она озаглавлена «Что делать с Колчаком?» и гласит: «Граждане! Теперь тяжелый политический момент и не таким грязным и больным людям, как адмиралу Колчаку, быть нашим Верховным Правителем... Долой его! Сам Колчак — это олицетворение честолюбия — добровольно не уйдет, нужно его убрать... Помните, граждане, что с появлением у власти Колчака большевизм уже поднимает голову...»

Конечно, такое отношение к центральной власти служить к ее укреплению не могло. Само собой понятно, что Колчака не признал и Комитет Учредительного собрания, но фактически тогда ни территории, ни организованного аппарата, ни военной силы в его распоряжении не было, и потому сопротивление комитет оказывал лишь прокламациями, призывающими к восстанию.

Структура управления сложилась следующим образом: верховная власть была в руках Верховного Правителя адмирала Колчака (он же был и Верховным главнокомандующим), исполнительная власть оставалась у совета министров, постановления которого утверждались Верховным Правителем. Наложение им «вето» в течение зимы 1918/19 года было всего лишь два раза. Все законоположения, ассигновки и высшие персональные назначения (кроме боевых) проходили через совет министров. Центр государственного аппарата, нужно сказать, действовал хорошо, конституционные гарантии были налицо, но на местах влияние центра чувствовалось слабо; там царил произвол и дело абсолютно налажено не было.

Совет министров в течение зимы 1918/19 года был с небольшими изменениями следующий: председатель совета министров, он же министр иностранных дел — П. Вологодский (бывший эсер, сибиряк), министр внутренних дел — Гаттенберг (беспартийный, бывший страховой агент, мировой судья выборов 1917 года), министр финансов —

Михайлов (секретарь Шингарева), земледелия — Петров (беспартийный, сибиряк), министр продовольствия — Зефиров (беспартийный, сибиряк), министр путей сообщения — Устругов (беспартийный), юстиции — Старынкевич (бывший эсер), государственный контролер — Краснов (социалист), министр труда — Шумиловский (социал-демократ), министр почт и телеграфа — Щеслинский (народный социалист), военный министр — генерал Степанов, морской министр — адмирал Смирнов<sup>117</sup>. Управляющий делами совета министров — Тальберг (кадет). Из сотрудников, игравших более видную роль, можно назвать: доктора медицины из Томска Грацанова (партия эсеров), товарища министра внутренних дел по заведованию местным самоуправлением, генерала Хорошкина, пом. военного министра по казачьим делам (эсера), Мельникова, товарища министра продовольствия (октябриста, члена 3-й думы), Киндякова, заведующего коннозаводством (октябриста, члена 3-й думы), проф. Гинса и Сукина, товарищей министра иностранных дел, Пепеляева, товарища министра внутренних дел (кадета).

Как видно из перечисленных лиц, состав правительства был весьма разнороден, как по своим политическим убеждениям, так и по прежней деятельности. При этом надо учитывать, что в Сибири существовало стремление к самостоятельности, хотя оно было весьма незначительное, но все же известное влияние оно имело. Для выполнения высшей судебной власти и надзора за закономерностью деятельности правительства был в январе месяце учрежден Сенат. На его открытии адмиралом Колчаком и составом правительства была принесена торжественная присяга в верности родине.

Для освещения положения, восстановления экономической жизни и рассмотрения различных вопросов в области создано было экономическое совещание, состоявшее из правительственных лиц, представителей промышленных групп и кооперативов. В этой работе, в качестве заместителя председателя совещания, принимал участие бывший государственный контролер царского правительства С.С. Феодосьев.

На Востоке, как упоминалось выше, был верховный уполномоченный правительства — генерал Хорват. При нем был особый совет. Хорват, как известно, играл огромную роль на Дальнем Востоке, пользовался большой силой и в особенности вначале, после переворота 18 ноября, выступая группой лиц, считавших Колчака слишком умеренным, в качестве его заместителя. Репутацией он пользовался определенно крайне правой; работал в контакте с атаманом Семеновым и пользовался поддержкой японских кругов.

При объединении власти в Омске, ввиду всего этого, пришлось встретиться с этим весьма серьезным фактом, что Владивосток нахо-

дился под влиянием Хорвата, а он был нашим единственным портом с большим количеством складов самых различных технических и материальных припасов, ввезенных туда еще во время Германской войны. Снабжение фронта, таким образом, зависело от спокойствия Владивостока и вообще Забайкалья.

Самостоятельное управление было еще в Оренбургском и Уральском казачьих войсках. Управлением ведал Войсковой круг из выборов от станиц лиц и выборный же атаман. В первом был Дутов, во втором же они менялись; известны имена Мартынова, Савельева, Толстого. В пределах Уральского войска оригинально велась война. Как только красные наседали, то немедленно призывались все очереди вплоть до стариков, но, когда общими усилиями красные изгонялись из пределов области, мобилизованные расходились по домам, до следующей опасности, когда собирались вновь.

Все эти обстоятельства, сопровождавшие освобождение страны от большевиков, во время которых образовались отдельные местные правительства, весьма затрудняли развитие и укрепление правового государственного аппарата, функционировать которому, основываясь на праве и законе, было более чем трудно. Ведь окраины не только не подчинялись признанному ими же Омскому правительству, но даже вступали, как, например, атаман Семенов, в открытую борьбу, нарушая правильность и планомерность политической жизни.

Как упоминалось выше, власть на местах была поставлена значительно хуже центральной. Правильнее сказать: власть центра на местах часто совсем не ощущалась. Представители местной власти вели свою, в большинстве случаев крайне вредную, политику. Проявление сильной, твердой власти, о которой так мечтало население, находившееся под игом большевиков, по освобождении от них области не ощущалось. Военные отряды, как и гражданская власть в небольших городах и мелких местечках, действовали по своему усмотрению, не руководствуясь ни законом, ни часто моральными побуждениями. С другой стороны, где не было твердой военной власти, шла пропаганда большевистских агентов; зачастую различные съезды кооператоров, профессиональных союзов использовались этими агентами для внесения раздора и искусственного обострения отношений.

Вообще, работа по разложению тыла шла напряженно. Чтобы не быть голословным, я приведу следующий факт: в июле месяце 1919 года в политехникуме в Москве собран был митинг под названием «Колчаковщина», устроенный Мартовым, состоящим якобы в легальной оппозиции к советской власти, конечно, с ее разрешения, если не благословения. На этом митинге фигурировал только что вернувшийся из



Сибири меньшевик «товарищ» Голосов. Из его доклада выяснилось, что он был командирован в Сибирь для образования объединенных центров социал-демократов (по-видимому, интернационалистов). Лозунгом была борьба с Колчаком. Работу свою он оценивал как весьма продуктивную, указывал на увеличивающуюся в Сибири дороговизну, недовольство железнодорожников, на запрещение митингов, стеснение печати и т. д. Все это докладывалось, как будто в Совдепии все эти свободы имелись налицо.

Результатом подобной работы было несколько восстаний за зиму 1918/19 года и поддержка внутренних фронтов. Последние образовывались из оставшихся после очищения Сибири еще в течение лета 1918 года красноармейских банд. Их уничтожением никто не интересовался, и потому в очень короткий срок им удалось сконцентрироваться в нескольких местах, образовав так называемые фронты. В Енисейской губернии они удачно воспользовались имевшимися там латышскими высылками и удобством гористой местности при редкости населения, почему выбить их оттуда к нужному моменту оказалось не легким делом. У Благовещенска же оперировал отряд германских военнопленных численностью в несколько тысяч человек под командой полковника барона Таубе; при неудачах этот отряд уходил в Маньчжурские степи. В марте 1919 года ими были вырезаны две японские роты, численностью более 300 человек. Затем в самом Омске были два большевистских выступления, одно 20 декабря 1918 года и другое в конце января 1919 года.

Местное самоуправление в виде земских учреждений состояло из лиц, выбранных еще во времена Керенского. Срок их полномочий истекал к январю 1919 года; в связи с этим, естественно, возникал вопрос о допустимости назначения новых выборов; возникали сомнения в целесообразности в это трудное время заниматься предвыборной кампанией. Но так как с мест стали поступать заявления о желании производства новых выборов, то после обсуждения этого вопроса они были назначены на начало весны 1919 года.

Люди, принимавшие участие в политической работе, делились на местных жителей и беженцев из России. Последние появились в Сибири с отходом Народной армии с Поволжья и были преимущественно деятелями средневожских губерний. Местные сибирские группы, кроме партийных ячеек, существовавших в Сибири еще в дореволюционный период, выступали преимущественно в кооперативных организациях, а также казачьих объединениях. Группировки, имевшие значение в политической жизни страны и выявлявшиеся в печати, как то: кадеты, торгово-промышленники и союз возрождения России,

группа Единства, несоциалистическое объединение, союз кооператоров, поддерживали тесные между собой сношения, объединялись в блоки, ставя всегда задачей поддержку Колчака, заявляя ему свои взгляды на политическое положение и указывая на необходимые коррективы. Вообще надо отметить, что политическая жизнь в Сибири кипела и власть не была в том положении, в каком она была, например, в Северо-Западной армии, где в правительстве попадали неизвестные для местного населения имена, а военные власти чуждались общения с какими бы то ни было группами. Но к сожалению, недостаток в государственных людях, людях опыта, могущих побороть и умерить все течения и желания, остро чувствовался.

Если Колчак, этот величайший патриот, безукоризненный человек, культурный и энергичный деятель, стоял выше всех головой, то около него лепились всевозможные авантюристы, мелкие по душе людишки, губящие своим вмешательством дело.

Давая краткую характеристику общего положения дела в Сибири с ноября 1918 года по март 1919-го, могу указать, что я лично, кроме работы в одном из министерств, принимал участие в деятельности несоциалистического объединения земских и городских деятелей России, которое считало, что оно ведет преемственность от Московского совещания общественных деятелей, собиравшихся в августе 1917 года.

Это объединение было внепартийное, но выступало на сцену довольно редко, занимаясь больше подготовительной работой по освещению общего положения дела и курса политики, стараясь парализовать неожиданные выступления и колебания отдельных лиц, поддерживая вместе с тем контакт с родственными по духу организациями, разбросанными по Сибири.

Одним из очень крупных и имевших большое значение в Сибири вопросов был вопрос приятия помощи от иностранцев. В начале борьбы с большевиками генерал Хорват и есаул Семенов получали поддержку от японцев и стали вследствие этого в огромную зависимость от них. Когда принял власть Колчак, отрицательно относившийся к алчности японцев, проявляемой ими на Востоке, ему пришлось тут же столкнуться реально с этим вопросом и реагировать на него. Положение было трудное в том отношении, что Соединенные Штаты, а также и Антанта вообще боялись пустить в Сибирь Японию одну, обуславливая помощь Колчаку оказанием ее всеми державами сразу. Поэтому, завися от Антанты и политики наших представителей в Европе, помощи у японцев в более крупных размерах, какую они могли бы дать, не просили. Эту точку зрения поддерживал товарищ министра иностранных дел Сукин, что оспаривалось как Семеновым, так и крута-

ми, понимавшими, что союзники своей нерешительностью, колебаниями в оказании помощи могут погубить все дело, ибо одним из залогов успеха в первый период русской Гражданской войны была быстрота, а отнюдь не длительность военной кампании. Но повторяю, благодаря давлению Антанты помощь Японии не была использована до максимума, что, конечно, имело колоссальное влияние на борьбу с красными.

Что касается экономической жизни Сибири, то, благодаря свободной торговле и имевшимся на местах продуктам, она была сравнительно удовлетворительна, но расстройство транспорта, прогрессирувавшее с каждым днем, нарушало дело, и создавшееся в начале осени положение, о котором я говорил, не могло долго держаться. Как известно, питание армии военными и техническими материалами шло исключительно с Востока по имевшейся в наличии одной линии Великого Сибирского пути. Мануфактура и вообще продукты производства, не вырабатывавшиеся на местах, тоже шли оттуда. Благодаря этому хотя все и было в наличии, но не в той степени, как это нужно было населению, мечтавшему о положении 1914 года, а кроме того, спекуляция развивалась катастрофически, поднимая ежедневно стоимость всего. Одним словом, восстановить экономическую жизнь, в полном смысле этого слова, не удалось, и надо в этом искать одну из причин неустойчивости правительства. Для урегулирования железнодорожного дела был поднят вопрос об учреждении международной комиссии под председательством инженера американца Стевенса и при участии других союзных представителей, но вопрос этот бесконечно задерживался. Он крайне беспокоил правительство, но сгладить разногласия было весьма трудно. При этом железнодорожные служащие будировали, увеличивая этим трудности. Вот вкратце общая обстановка в Сибири в первые месяцы правления Колчака.

Что касается военной стороны дела, то сибирские войска были осенью 1918 года на правом фланге фронта, имея штаб Сибирской армии в Екатеринбурге. Войска в это время были в великолепном состоянии, молодые солдаты были выше похвал. Армией этой командовал генерал Гайда, принятый правительством на русскую службу, связанный с Колчаком личными отношениями, знакомый ему по борьбе с большевиками на Востоке. Характеристики генерала Гайды дать не сумею, но, видимо, в нем преобладало авантюристическое стремление над всеми остальными. Ближайшим его помощником по военной специальности был некий полковник Богуславский, бывший некогда на Кавказе и имевший репутацию человека выдающихся военных дарований. Кроме Гайды, на северном участке славился два молодых генерала — Пепеляев и Голицын.

Так называемая Западная армия (средняя) состояла из остатков бывшей Народной. Неудачи заставляли ее постепенно отходить к Уральскому хребту, и остановилась она лишь в 60 верстах к востоку от Уфы, в районе станции Иглино. Много доблести было проявлено за этот период Ижевской и Воткинской бригадами, состоявшими из рабочих с заводов того же наименования. Это все были добровольцы, и предшествовавший красный режим сделал их ярыми антибольшевиками. Участком этого фронта сперва командовал генерал Дитерихс, а затем генерал Ханжин. Ко времени весеннего наступления 1919 года армия эта была пополнена частями из сибирских армий (генерала Голицына). Части эти хотя и были, как я указывал выше, отменными, но они, вследствие пополнения их к этому времени мобилизованными — сибиряками и пленными красноармейцами, свою боеспособность скоро потеряли.

Южная группа состояла почти сплошь из казачьих войск — Оренбургского и Уральского. Группа эта была в трудном положении, так как после падения узловой станции Кинель (октябрь 1918 года) Оренбург (вернее, Орск) должен был снабжаться гужевым путем, ибо город Кустанай, соединенный с Сибирской магистралью, находился от него в 250 верстах, что, конечно, страшно затрудняло положение. Уральск был еще в худших условиях и, в сущности говоря, был почти совсем самостоятельным.

Кроме этой западной линии, тянувшейся на 600—700 верст, был еще отдельный Семиреченский фронт, защищавший Сибирь от Туркестанской Красной армии. Там сидел атаман Анненков с 30-тысячным отрядом.

Одним из характерных явлений при борьбе с большевизмом является так называемая «атаманщина». Явление это сопровождает настоящую Гражданскую войну и есть естественное следствие тех условий, в которых ведется борьба. Партизанские отряды образуются с обеих сторон и, как иррегулярные части, естественно, притягивают к себе людей, отличающихся известным авантюризмом, удалью, давая им возможность выявлять свои индивидуальные качества. На Востоке, где имеются до десяти отдельных казачьих войск, это явление получило весьма большое развитие. Поэтому, касаясь антибольшевистской войны, нельзя пройти мимо этого явления. На Дальнем Востоке самым крупным атаманом являлся, конечно, Семенов, затем известный Калмыков<sup>118</sup> в Приамурье, Анненков<sup>119</sup> в Семиречье, Красильников и Волков в Иркутске и еще некоторые другие. Начальники некоторых отрядов старались присваивать себе названия и титулы вроде «воевод» и т. д. Насколько полезны были эти самостоятельные отряды в начале

очищения местностей от большевиков, настолько же они осложняли при налаживающемся строе и государственном порядке политическую жизнь. Так, например, атаман Семенов, долго не признававший Омска, самостоятельно распоряжался под Читой, задерживая военные грузы, предназначавшиеся для фронта, арестовывая пассажиров, осложняя и без того сложное и запутанное положение. Другие, не столь крупные, как Калмыков, просто в этот период представляли из себя разбойников. Соправиться с ними, с их своевольными шайками и добиться от них уважения к законности и порядку было почти невозможно.

О Чехословацком корпусе, игравшем в начале Белого движения на Востоке преобладающую роль, я говорил. Сперва чехи принимали в борьбе активное участие, но постепенно они начали оттягиваться в тыл с намерением отдохнуть и переформироваться, но в результате совершенно отошли от активных действий. Фактически они оставили фронт в ноябре—декабре 1918 года, а с весны на них была возложена охрана Сибирского пути.

Из других национальных формирований, принимавших активное участие в борьбе, отмечу поляков под Уфой, а затем сербов. Последними были все время выше всякой похвалы.

Французский батальон пытался выступить в декабре под Уфой, но, попав под 30-градусный мороз, потеряв большой процент замерзшими, принужден был немедленно ретироваться. Находившиеся еще в Сибири канадцы (около 5 тысяч), американцы, англичане и итальянцы участия в боях не принимали, а служили скорее моральной опорой правительству. Японцы были в Забайкалье и имели постоянные стычки с большевиками под Благовещенском и на Амуре. Об их желании или намерении принять активное участие в борьбе на Уральском фронте говорилось немало, иногда называли в правительственных сферах чуть ли не точное количество бойцов и время их выступления, но дальше разговоров и слухов это не шло.

Роль иностранных представителей все время была неясна и вносила все время массу осложнений и затруднений; стоит лишь вспомнить предательскую роль французского генерала Жанена.

Останавливаясь на положении дел в Сибири в течение зимы 1918/19 года, я не собирался нарисовать этим исторического обзора, а лишь дать общую картину, как она рисовалась мне, выдавшему и Народную армию, и Сибирь, а затем и Северо-Западную армию. Мне приходилось в Омске ежедневно видеть людей, приезжавших с самых различных местностей, офицеров и чиновников, близко стоявших к армии и управлению, соприкасаться с политическими организациями и членами их, интимно и коротко знать людей, бывших

близкими к адмиралу Колчаку. Вся обстановка говорит, что было необычайно трудно и сложно установить какой-либо порядок по огромному пространству Сибири, делившейся на столько отдельных, самостоятельных частей, разрешавших вопросы по своим индивидуальным особенностям, мало заботясь о более далеких перспективах.

Можно одно лишь сказать, что единственно стоявшим на высоте был Колчак. Я не знаю человека, выдавшего его и не проникнувшегося к нему безграничным уважением, преклонением к его рыцарской личности. Его честность была исключительна. Энергия и желание нести с честью взятый на себя крест были очевидны.

Но есть, видимо, моменты истории, когда не в силах одного человека преодолеть окружающего. Первоначальный момент для изгнания большевиков силой был нашей мягкой, дряблой интеллигенцией упущен; следующий же период еще не наступил. Но во всяком случае, имя А.В. Колчака должно у всех любящих Россию остаться навсегда девизом честности и высокого патриотизма. Он не погиб бы так трагически, если кругом него было больше людей, действительно любящих родину и ставящих ее спасение выше всего остального.

14 марта 1919 года я выехал из Омска. На меня было возложено поручение побывать в Москве для установления связи с находящимися там государственно настроенными группами людей для ознакомления с положением в Совдепии, жизнь которой становилась все более и более для Сибири отдаленной.

Отправился в Совдепию я не один, а вместе с одним приятелем, человеком интеллигентным, бывалым, смелым, на которого можно было всецело положиться. Всякие такие эскапады сопряжены, конечно, с большим риском, и обдумать все предприятие, предвидеть все возможности поэтому дело довольно сложное. Эта задача тем более была трудна, что ничего под руками не было, помощи оказать почти никто не мог. Начать хотя бы с паспорта, отыскивания адресов знакомых, надежных людей, рекомендаций для остановок и ориентировок по дороге вплоть до самой Москвы — все это лежало на нас самих, ибо различные разведочные отделения, обыкновенно опытные во время войны, тут оказывались совершенно кустарными, при этом и надеяться на состав их, быть уверенными в отсутствии предательства почти не было возможности. Приходилось быть сугубо осторожным еще вследствие того, что всякий лишний разговор, посвящение в планы нового лица подвергало возможности быть открытым большевистскими агентами, попасть под их наблюдение при переходе через фронт.

Все это, повторяю, страшно затрудняло подготовительную работу, и я без преувеличения скажу, что, решившись принять на себя ис-

полнение возложенного поручения, по крайней мере полтора месяца подготовки заставлял себя напрягать мысль к предстоящему путешествию. Ведь нужно только вникнуть в детали этого дела, чтобы понять, как оно сложно. Не говоря о полной разобщенности с тем миром, куда я шел и, следовательно, абсолютном незнании обстановки, правил порядка передвижения, предъявления документов и их проверки, еще надо было предвидеть ответы на все предлагаемые по пути вопросы, причем эти ответы должны были логически вытекать из обстановки и даваемые объяснения должны были совпадать с намерением продвигаться в известном направлении и соответствовать моему облику, профессии и т. д.

Остановились же на выборе меня и моего приятеля, как на людях, знакомых с штабной работой, а также и потому, что у меня были персональные связи с Волгой и Москвой, а у него кое-какие в других местах. Мы не являлись обыкновенными агентами, посылаемыми разведочными учреждениями в прифронтовой полосе с каким-либо одним определенным заданием, а на нас возлагалась работа по общему освещению, изучению, возможно более широкому, положения вещей, переговоров с компетентными людьми и кругами, авторитет которых был для Омска несомненен. Это не значило, конечно, исчерпать все и дать законченную картину, но выводы должны были быть объективными и опираться на материал, добытый у сознательных кругов, понимающих цели правительства в Омске.

12 марта, как сейчас помню — в среду, перед отъездом мы были приняты адмиралом Колчаком для получения от него окончательных указаний.

Адмирала Колчака мне приходилось видеть и раньше, до Сибирского периода, и всегда его личность производила впечатление сильными, правильными чертами лица, взглядом и решительностью во всей его фигуре. В былое время он отличался, как, между прочим, и многие из моряков (вспомните Станюковича), своей малой сдержанностью, распушенностью и горячностью в речи, но за это время, несмотря на его нервность, люди, близко знавшие его и раньше, находили в нем большую перемену. Обвинение его теперь в неустойчивости во мнениях, отсутствии якобы твердости в решениях и чуть ли не характера я объясняю лишь слишком сложной обстановкой, недостаточностью знания местных народных требований, с которыми ему приходилось на каждом шагу сталкиваться. Я, например, слышал от одного из близко стоящих к нему людей, что получить объективное освещение некоторых вопросов, как, например, в области кооперации или других практических вопросов, где государственные задачи сталкивались с местны-

ми требованиями, было весьма трудно; если прибавить еще к этому партийность, от которой деятели не могли избавиться, то станет ясной невозможность быть категоричным.

Высказав краткие положения о конъюнктуре, он нам дал поручение передать благодарность некоторым русским кругам и группам, выразившим ему доверие и солидарность в работе, а затем высказал программу, которую он клал в основу деятельности и которая сводилась к следующему.

После очищения Москвы вооруженными силами, единственно в чем он видел возможность освободить страну от поработившего ее ига, должна быть введена твердая военная власть, задача которой сводится к недопущению анархии и введению порядка, а также к защите населения от грабежей и произвола. После водворения, хотя бы относительного, порядка и спокойствия можно немедленно приступить к выборам в Учредительное или Национальное собрание, которое и установит образ Правления в государстве. При открытии Собрания, как он подчеркнул, он и возглавляемое им Правительство немедленно заявят о сложении с себя полномочий, и тогда уже будет дело Собрания решить, кому передать бразды правления до окончательного установления решения о принципах государственного Верховного Управления. Но до момента открытия Собрания, он нам сказал, власть передана никому другому быть не может, так как иначе это немедленно вызовет новую Гражданскую войну в стране, не успевшей еще оправиться от первой, и никакие претенденты допущены не будут; персональные перемены в правительстве, конечно, возможны. Тут, по-видимому, он намекал на Париж, где в это время Авксентьев и другие зашевелились и подняли голову. На мой вопрос, не будут ли допущены какие-либо выборы до падения Москвы, он заявил, что до успокоения страны считает всякие выборы и связанную с ними агитацию крайне вредной, так как она отражается на крепости и цельности армии. Его же все стремление направлено к созданию твердой дисциплинированной военной силы, могущей принести спокойствие и защиту населению. Он прибавил еще, что ему нужны честные люди, как военные, так и гражданские, и потому он просит организации, разделяющие его программу, направлять к нему живые силы, а также освещать ему положение внутри страны и не терять с ним и его правительством связи.

В заключение он нам передал кое-какие специальные указания, о которых пока не время еще говорить. Дал также поручение проехать к генералу Юденичу и дал указание относительно морского командования на Балтийском море (назвав несколько имен, как адмирала

Пилкина<sup>120</sup>, Бахирева<sup>121</sup>, Развозова<sup>122</sup>); это, видимо, его интересовало, он уполномочил нас все вышесказанное передать от его имени и, пожелав счастливого исполнения, отпустил нас. Та твердость и сила, проявившиеся в его глазах во время этого разговора, оставили во мне очень сильное впечатление, заражали своей искренностью, и я ушел от него с еще более жгучим желанием исполнить взятое на себя дело.

Повидав перед отъездом близких людей и политических друзей, посвященных в предпринимаемое мной путешествие, и получив полномочие на освещение общей обстановки нашим политическим единомышленникам, я тронулся в путь.

В это время все кругом ликовало. 9 марта пали Уфа и Чешмы, затем Бирск, Стерлитамак, и вообще успехи на фронте были огромные. Это, конечно, поднимало настроение после зимней спячки и воодушевляло всех участников Белого дела, казавшегося таким правым и справедливым.

Успехи же эти совпали с предложением Ллойд Джорджа о Принцевых островах, и казалось, что этими победами и успехами брошен ответ на его недостойное отношение к России. Одним словом, чувствовались сила и вера в себя, в возможность освобождения Москвы. Попад в вагон, пришлось нам сразу принимать меры предосторожности, чтобы своими лицами на станциях не привлекать внимание лишних свидетелей, с которыми, может быть, придется еще встретиться и на фронте, почему благоразумие требовало смешаться с толпой.

В вагоне третьего класса, в который мы попали, ехала компания пьяных офицеров, направлявшихся на фронт; она вела себя самым безобразным образом. Не говоря об их ссорах, драках с пьяными же писарем и фельдфебелем, часть из них еще везла с собой запасы сахара и другие предметы, купленные ими по более дешевым ценам в Маньчжурии и Иркутске, с расчетом перепродать все это по более высокой цене на фронте. Словом, впечатление производили они недостойное, не отвечающее офицерскому званию, что, конечно, невольно заставляло думать о ненадежности этой опоры для Колчака.

Через двое суток прибыли мы в Челябинск. В немногих верстах от него стояло несколько сот паровозов, находившихся в самом печальном состоянии. Большинство из них были так называемые замерзшие, то есть испорченные выпуском из котлов воды в сильный холод, другие стояли без труб, были и просто исковерканные. Эти остатки от прежних еще боев 1918 года или вывезенные из-под Уфы при ее сдаче представляли из себя вид какого-то кладбища, говорившего о прежнем богатстве России и указывавшего на ту колоссальную работу, како-

вую предстояло произвести, чтобы хоть немного вернуться к прежнему положению.

В Челябинске я отыскал знакомого мне особоуполномоченного Красного Креста Западной армии, князя Голицына<sup>123</sup> (бывшего самарского губернатора, погибшего затем в большевистской тюрьме от тифа), который и помог мне двинуться дальше. Работа Красного Креста шла весьма оживленно, но поражал полный недостаток всего самого насущно необходимого, как медикаментов и перевязочных средств, так и всякого другого оборудования.

Пробыв в Челябинске несколько дней, с трудом дождавшись возможности двинуться дальше, поехали на Уфу через Златоуст. В Уфе мы рассчитывали ориентироваться и получить указания для дальнейшего продвижения. Нас все время очень стесняло то обстоятельство, что мы должны были избегать выявлять свое лицо и цель, которую преследовали. Это мешало во всех отношениях, на каждом шагу; тут же в это время шло усиленное передвижение на фронт военных частей для усиления и укрепления подвигавшихся весьма быстро вперед армий, и потому вольных людей, одетых притом довольно неопрятно, ни один комендант поезда брать к себе не хотел. Попадая же в военный эшелон, приходилось слышать упреки, что одни идут умирать, в то время как другие прячутся от пуля.

Это хорошее отношение к делу и фронту, конечно, исходило лишь от частей, имевших военный вид, и от молодежи — офицеров, бывших все время в боях. Но зато, попав в эшелон запасной части, шедшей на пополнение, пришлось наблюдать совсем другую картину. Во-первых, эти части оказались совсем раздетыми; на них были не серые солдатские шинели, как на кадровых, а собственные, толстые, чуть ли не доморощенные куртки и пиджаки, самые разнообразные шапки, и главное, что было самое скверное, вместо сапог были валенки, раскисавшие от начавшейся оттепели и мокроты. А солдат все время вызывали из вагонов на самые различные погрузки и выгрузки. Как выяснилось из разговоров, это все были запасные из различных районов Западной Сибири, только что мобилизованные перед самым наступлением, — без каких-либо предварительных обучений, втягивания в военное дело, — они были просто посажены на поезда и отправлены на фронт сражаться. Это все были люди 25—28 лет, бывшие ранее на военной службе, развращенные за время войны и революции и потому явно не желавшие идти воевать. Недовольство их усиливалось еще тем, что приближалось время весеннего посева, а они по принуждению шли сражаться, не зная куда и за что. Вообще, эта картина вселила сразу в нас испуг за начатое наступление.

На одной из станций, где наш эшелон застрял, кажется в Златоусте, мы обратились к генерал-губернатору этой местности, генералу Вишневному<sup>124</sup>, перебиравшемуся в Уфу, и через его помощника П.П. Башилова<sup>125</sup> мы получили место в их поезде. Однако, не дождавись его отправки, мы устроились на бронированный поезд, шедший по тому же направлению, который своим личным составом и хорошим настроением команды опять внушал доверие.

Вообще, надо было признать, что наряду с хорошими испытанными частями были и скверные, несжившиеся, не имевшие того, с чем можно было ожидать довершения дела до славного конца, избавления Первопрестольной от красной нечисти.

Что внушало еще опасение, так это значительное количество попадавшихся нам на больших станциях — от самого Омска — каких-то темных личностей с наглыми лицами, явно не принадлежащих к белым частям. Особенно подозрительны мне были некоторые из них в Челябинске, среди которых я увидал на толкучке около станций типы лиц, дающие полную уверенность, что это матросы, только снаружи снявшие с своих бушлатов отличительные знаки, сбросившие свою одежду и фуражки и только этим отличавшиеся от тех, которых можно было видеть после революции по всему Петрограду.

О своих наблюдениях мы тут же дали знать в Омск для принятия соответствующих мер через Пепеляева, заведовавшего тогда полицией, причем также указали, что по дороге от Омска у нас никто ни разу не проверял документы и небрежность в этом отношении чувствовалась большая. Характерно, как мало вообще налажено было дело и как все велось спустя рукава, что особенно поражало нас впоследствии при продвижении по Совдепии.

Я забыл еще упомянуть об обращении денежных знаков в Сибири. Ведь там, кроме царских, думских, керенок, купонов от займов, ходили еще сибирские, выпущенные правительством в конце 1918 года. Все эти деньги, например в Омске, котиrowались до лета 1919 года по одной цене, и лишь иногда ощущался острый недостаток в разменной монете, благодаря чему по ресторанам, парикмахерским и т. д. ходили еще свои доморощенные боны, принимавшиеся лишь постоянными посетителями. Но по дороге в вагоне, где-то около Кургана, мне пришлось столкнуться с существованием различной расценки денежных знаков, причем сибирские, как оказалось, котиrowались ниже думских, которые в свою очередь шли дешевле царских. За пуд партии пшеницы, только что проданной по 22 рубля керенок, было уплачено частью по 25 сибирских, а частью 20 царскими. Это объяснялось близостью фронта, где керенки, ходившие по обе его стороны, считались

более удобными, чем сибирские, имевшие лишь одностороннее хождение. И тут большевики, не считавшиеся с населением и различными этическими и справедливыми требованиями и просто принуждавшие к исполнению своих желаний, достигали того, что преимущество было не на стороне белых.

Добравшись до Уфы, мы сделали окончательные приготовления для дальнейшего пути, остановились на маршруте и двинулись к фронту. Нам приходилось возможно торопиться, чтобы еще по снежному пути, до распутицы, перебраться через фронт и достигнуть станции железной дороги, ведущей к центру России. Положение дел указывало, что нам предстоит подняться к северу от линии железной дороги на 80—100 верст, к этому надо было прибавить обратный спуск плюс различные задержки в дороге. Я же, по опыту зная, что значит март в степных местах Поволжья, надежным снежным покровом себя не убаюкивал.

Уфа только что, две недели перед этим, была быстрым маршем отрезана от станции Чешмы (узловой пункт на линии Самара и Симбирск) и взята была, благодаря этому, без боя нашими частями, почему и железнодорожный мост через реку Белую остался в порядке. Жизнь в Уфе еще не наладилась, чувствовался во всем недостаток; базар только что начинал торговать, редкие магазины открылись, ибо торговать было почти нечем. За зиму красными все было очищено, из Сибири привоз еще не налажился, а окружающие деревни начали доставлять лишь съестные припасы. Отношение населения было к нам благожелательно, за исключением лишь части рабочих, враждебно настроенных к белым, — что объяснялось особым бережливым отношением к ним красных. Приходилось наталкиваться и на единичные случаи недоброжелательства и не рабочих. Например, везший меня извозчик жаловался, что с уходом красных ему стало хуже, при них он получал 1½ фунта хлеба за 1 р. 20 коп. и сколько-то овса для лошади, теперь же, с крушением аппарата красных, выдачи хлеба нет, базарные же цены на хлеб были сначала по 8 р. и лишь теперь спали до 4 р. за фунт. Правда, за те три дня, которые мы пробыли в Уфе, цена пала еще, но, во всяком случае, это показывало, что разрешение свободной торговли с прекращением выдачи продуктов по карточкам не могло удовлетворять ту часть населения, которая при большевиках находилась в привилегированном положении, и без принятия соответствующих мер даже в таких хлебных местах, как Уфа, это вызывало неудовлетворенность, чего упускать из виду нельзя было. Между тем этот вопрос военное начальство мало интересовало, да и обсуждения его я нигде и в Омске не слышал.



25-го мы двинулись с эшелоном дальше на Чешмы, находившиеся в 40 верстах от Уфы, куда к следующему утру и прибыли. В эшелоне повторилась та же тревожная картина с запасными, и даже еще в более резких тонах, из которой было ясно и нежелание, и даже нескрываемое, переходящее в враждебное настроение отношение к властям, принуждавшим их куда-то двигаться.

В Чешмах мы, после долгих хлопот и то только благодаря указаниям, полученным нами от частных лиц еще в Уфе, в порядке информации, с трудом нашли себе за плату возчика, взявшегося нас доставить верст за 15 к северу. Меняя так возчиков, мы проехали более 120 верст и на следующий день к вечеру прибыли в большое село Бакалы, которое уже считалось на линии фронта и в котором стояли передовые части 2-го Сибирского корпуса. Хотя наш путь совершен был в полной безопасности, непосредственно за линией белого фронта, но опять-таки, по тем же причинам, что и раньше, приходилось избегать каких-либо лишних сношений с властями, дабы меньше о себе распространяться и меньше касаться причины поездки.

В деревнях, в избах при сменах лошадей или отдыхе мы говорили лишь, что едем к реке Белой для розыска барж и учета хлеба, собранного красными у пристаней за истекшую зиму.

Татары, у которых мы останавливались, были настроены все поголовно против только что ушедших красных, рассказывали о различных хулиганствах комиссаров, притеснениях и с удовольствием описывали их неожиданное бегство при приближении белого фронта. Это настроение, по моему глубокому убеждению, как знающему хорошо характер нашего степного земледельческого населения, было вполне искренно, и я не думаю, чтобы отрицательные черты белой власти могли бы иметь в этом районе слишком большое значение. Тут же смена властей произошла так быстро, что тяготы, ощущаемые всегда в прифронтной полосе, благодаря быстрому движению армий, перескочили через голову населения почти неощутимо.

В Бакалах мы разыскивали коменданта и, открывшись ему, спросили указаний и советов, как нам двигаться дальше. Оказалось, что мы избрали правильное направление, ибо к этому моменту красные отскочили в этом месте, как не находящемся вблизи линии полотна железной дороги, далеко, и сплошной линии или деревень, занятых частями, не было. Благодаря этому перед Бакалами оказалось пустое пространство, и только разведка ходила в некоторые пункты и села, которых приходилось остерегаться.

Выезд из Бакал в сторону красных разрешался лишь подводчикам и жителям ближайших деревень. Поэтому приходилось опять лов-

читься, чтобы не возбудить подозрения у подводчиков за полученное разрешение от коменданта на выезд из села, ибо открыться местным жителям, конечно, не было никакой возможности. Подрядив подходящего мальчонку доставить нас верст за 15, мы тронулись в расчете добраться до небольшого села, где можно уже было спутать дальнейшие карты.

Этот переезд и ближайшие этапы при прохождении фронтовой полосы были для нас самыми серьезными. С одной стороны, документы белых нужны были для белой разведки и застав, а с другой стороны, эти же документы при случайном столкновении с красным разбродом губили все дело и мы рисковали головой, как шпионы.

Отличить же красных от белых, в особенности зимой, в случае неожиданной встречи, было почти невозможно, и потому приходилось исподволь, аккуратно расспрашивать население о возможности встретить кого-либо из вооруженных разбродов, дабы и принять своевременно соответствующие меры. Поэтому, удаляясь от линии фронта, мы постепенно уничтожали документы, разрывая и пуская их лепестки по ветру, оставляя лишь самые необходимые, причем держали их все время в руках, чтобы в случае опасности успеть их уничтожить.

Но с Божьей помощью первое препятствие мы одолели, и верст через 25 мы убедились, что находимся в нейтральном районе, куда белые еще не дошли, красные же за неделю перед этим в спешном порядке отступили, грозя населению по своему возвращению показать свою силу. Тут мы уничтожили все компрометирующие нас бумаги, оставив лишь при себе специально заготовленные для Совдепии.

После нескольких перепряжек мы въехали в большое село, которое оказалось тоже брошенным красными войсками и местными представителями власти, боявшимися ответственности за свою деятельность. Таким образом, село осталось буквально без всякой власти, и оно отдыхало от подводных и других повинностей. Но стоило бы лишь одной из воюющих сторон дойти до такого села, хотя бы единичным разбродом, как сейчас же сход выставил бы и подводы, и все другое без сопротивления. Это обстоятельство, именно эта легкая подчиняемость и страх за свою шкуру заставлял жителей, явно с отвращением говорящих о большевиках, замолкать при входе в избу кого-либо постороннего или соседа. С нами тоже на первых порах в избе, куда нас привез возница, боялись говорить, и лишь успокоение извозчика, свыкшегося с нами за время переезда, развязывало языки, что, конечно, еще подкреплялось верой в надежность освобождения от красного режима. По словам наших хозяев, самое страшное

для них была местная молодежь, душой преданная большевикам и потому считавшая своей обязанностью следить за настроением населения, чтобы потом выслужиться перед теми же волостными комиссарами, выказав свое усердие и причастность к делу управления и к коммунизму.

Кое-как достав лошадь, мы двинулись дальше. Не рискнув взять с собой карты местности, приходилось называть лишь более отдаленные крупные пункты, что отдавало нас во власть ямщиков, считавших себя более компетентными и авторитетными в деле беспрепятственного передвижения. Приходилось лишь высказывать желание, чтобы везли более глухими селами, где меньше риску встретить «красноармейцев» и в особенности их штабы, ибо встреча с ними, по нашему объяснению, грозила потерей времени, а весна, вступая в свои права, заметно портила санный путь и возможность свободного передвижения.

Ямщики и возчики вполне разделяли с нами желание быть дальше от военных, старались в советах со своими соседями и домашними изыскивать более спокойные места, расспрашивая только что вернувшихся подводчиков, отвозивших отступающих красноармейцев. Нам задавали только вопрос, имеются ли советские документы и в порядке ли они, потому что боялись, что при допросе не пришлось бы ответить за нас и им самим.

К вечеру же первого дня мы попали в татарское село, откуда ямщик брался нас доставить за 50 верст в село М. уезда, где у него были знакомые или родственники и где он помог бы нам ориентироваться для дальнейшего продвижения. Он убеждал нас положиться на него и не жалеть денег. Поставил самовар, наладил закуску, и мы принялись за обсуждение. Для вящего успеха мы вытащили приготовленную для подобного случая бутылку казенной водки, взятую еще в Омске, что, несомненно, должно было поддаться духу нашему вознице. Момент был серьезный, и нужно было пустить все средства, имеющиеся в нашем распоряжении для достижения успеха.

Часов в 9 вечера на паре добрых коней, запряженных гусем, с колокольчиком на дуге, под неистовый лай собак, этой необходимой принадлежности всякого татарского селения, мы тронулись в путь. Повез нас ямщик действительно глухими небольшими деревнями. Подъехали, наконец, к тому селу, где предполагалось сменить лошадей; оно оказалось довольно большим, с волостным правлением и базаром. Не доезжая до села, ямщик решил остановиться и подвязал колокольчик, считая это более осторожным при въезде в околицу спящего, как думали, села. Однако во время этой остановки мы вдруг

ясно услышали по морозной ночи впереди, в селе, неистовый собачий лай и затем несколько громких выстрелов. Сомнения не было, в селе были красноармейцы.

Я начал немедленно настаивать на недопустимости въезда в него ночью, без предварительной разведки, считая, что попасть в руки шатающейся по улице, может быть, пьяной красноармейской банды было прямо безрассудно. Хотя спутник мой и сопротивлялся возвращению обратно, жалея потерянного времени, но все же удалось его уговорить вернуться в ближайшую деревушку к знакомому ямщику, черемису, дабы у него ориентироваться. Время же было около полночи.

Черемис, к которому мы приехали, рассказал, что действительно в селе стоят красные, и притом штаб какой-то крупной части, и ночью, ввиду тревожного состояния, переживаемого властями, ехать определенно не советовал, обещая наутро помочь достать лошадь. Изба нашего хозяина оказалась безобразно грязной и вонючей, но лошади после 50 верст быстрой езды настолько утомились, что благоразумие требовало ночевать.

Не найдя к утру смены лошадям, ибо по селу был объявлен десятником наряд на подводы для красноармейцев, мы решили вернуться к татарину-ямщику в исходное положение, где в переговорах и обсудить дальнейший образ действия, так как нам, по правде сказать, взятое направление доверия не внушало; мы лезли прямо в район, кишущий войсками, и обстановка говорила за необходимость держать курс более на запад, чтобы скорее выйти из фронтовой полосы. То, что нас остановил лай собак и мы не въехали в село, вероятно, спасло нас, как потом выяснилось, от весьма скверных последствий.

Приехав на следующий день на станцию, лежащую на Бугульминском тракте, мы решили ехать на Чистополь, так как под Бугульмой шли в это время сильные бои и пропуска туда не было. Здесь мы впервые встретили большевистские власти в лице пролеткульта, комманданта-матроса и т. д.

Обойдя их и предъявляя документы, мы просили пропуска на Казань; однако власти посылали нас из одной инстанции в другую, никто толком не знал, нужен ли письменный пропуск для пути, и вообще чувствовалась большая неуверенность среди начальства. Кое-как мы в итоге получили краткую записку, после чего хозяин станции согласился нам дать лошадь. Вообще, как я и позже неоднократно убеждался, связи и цельности распоряжений у властей абсолютно не было.

В «пролеткульте», который оказался на гастроли тут, нас поразили какие-то служащие там молодые девицы, одетые во все солдатское и весьма недвусмысленно заговаривавшие с нами в тесной канцелярии,

в которую мы попали. Впечатление от всей этой обстановки даже у нас, бывалых людей, создавалось весьма странное и, я бы сказал, отталкивающее.

Между прочим, на базаре открыто торговали белым хлебом, кренделями и копчеными продуктами по весьма сносным ценам. По-видимому, в этом глухом месте за истекшую зиму власти порядков своих еще ввести не успели, так как дальше по пути мы нигде ничего подобного не встречали.

По дороге, по которой мы ехали на Чистополь, пролегающей, кстати сказать, по весьма красивой местности, обсаженной еще кое-где березами Екатерининского времени, остались еще от старого цензового земства ямские станции. К этому времени они переходили в ведение уездной советской власти, и хозяева-ямщики в один голос говорили, что они не дождутся нарушения с ними контрактов, которые были заключены раньше и которые их заставляют все еще выполнять, а хозяйство между тем стало вести невозможно, нельзя достать корма, починить сбрую, подковать лошадь, и вообще все дело выбилося окончательно из рук, разъездов же за зиму проезжавших делегатов, ревизоров, комиссаров, эмиссаров было масса.

Проехав по тракту несколько станций, мы стали чувствовать уже некоторый надзор за проезжающими. По селам какие-то молодые люди лет 18—20, вооруженные винтовками и охотничьими ружьями, нас останавливали, спрашивали документы и хотя в результате не задерживали, но говорили, что по ночам ездить не полагается, и проявляли при этом начальствующий тон, почему мы в итоге решили добраться до первой же следующей станции, где и заночевать. На вопрос о солдатах последний нас везший возница заявил, что о них ничего не слышно, и мы со спокойной душой подъехали к ямской станции.

Это было часов в 10—11 вечера, в ночь на 1 апреля. Ночь эту я до конца своей жизни не забуду. Едва мы успели вылезти из саней у крыльца ямщика, к которому нас все еще по старой ямской традиции подвезли с колоколами, как вышедший к нам на шум новый хозяин вполголоса заявил с нескрываемой тревогой, что у него ночует в избе карательный отряд, но что, однако, теперь делать нечего, надо входить.

Хозяин провел нас сперва в черную часть избы, где мы и разделись, после чего спутник мой вошел в отделение, предназначенное для ночевки, где расположилось на полу семь человек солдат, составлявших часть отряда, начальство которого расположилось в другом конце села. Как только мой товарищ к ним вошел, красноармейцы по

его словам сразу же, как змеи, подняли головы и тут же принялись за расспросы, откуда и куда едем, зачем, по каким документам, есть ли пропуск и так далее. Немного погодя вышли и ко мне с теми же расспросами.

Наш ответ, что мы из Уфы и служебных документов на руках не имеем, им не понравился. Один из них оделся и, по-видимому, пошел с докладом в штаб. Хозяин наладил было нам самовар и, пока мы оставались в комнате одни, успел шепнуть, что отряд этот состоит из 15 человек, звери, а не люди, едут из какого-то соседнего села, где расправлялись с народом, не желавшим подчиняться их распоряжению по доставке для красноармейцев каких-то продуктов. Расправа, по его словам, была самая жестокая, подверглось избиению много жителей, и в голосе его чувствовалось негодование.

Вскоре ходивший в штаб солдат вернулся и нам резким начальствующим тоном сказал: «Ну, новые товарищи, одевайтесь» — и, подойдя к винтовкам, стоящим в углу, велел еще двум своим соратникам взять их. Те это и сделали, щелкая затворами. Я спросил тогда, далеко ли идти нам и нужно ли надевать полушубок.

У меня заработала мысль в том направлении, что, видимо, поведут на расстрел и потому если быть без теплой одежды, то, в случае и ранят, а не убьют, может быть, как-нибудь уползу, от шубы же попавшая в тело шерсть при выстреле вызовет неминуемое заражение. Тут я еще вспомнил почему-то случай с неким присяжным поверенным Малиновским, председателем Симбирской кадетской группы, который, будучи раненным во время расстрела, уполз и затем был даже в Омске обер-секретарем Сената. Получив приказание одеваться, мы оделись и вышли. Была метель, дороги не было видно, и мы пошли гуськом. Впереди шел один из конвоиров, за ним мой спутник, потом я, а двое остальных провожатых — сзади. У командовавшего была отвратительная физиономия; он был с рыжей бородой; на вид было ему лет 35.

Немного спустя, когда мы шли уже посреди села, вдруг один из шедших сзади отошел в сторону шагов на 25—30 и снял с плеч винтовку. Сообразив, что он будет стрелять, я инстинктивно замедлил шаг, дабы быть на створе с моими провожатыми (товарища же моего закрывал своим туловищем идущий впереди), и таким образом помешал стрельбе. На это оставшийся сзади меня закричал, зачем я отстаю, и скинул тоже винтовку с плеч. Тогда, возвысив голос, я твердо спросил отошедшего в сторону: «А что, товарищ, стрелять будешь?» — на что получил после минутной паузы ответ: «Нет, не буду». Я со словами «верю вам, товарищи» пошел дальше.

Вся обстановка и впечатление до сих пор мне говорят, что отошедший, безусловно, хотел стрелять, но, как часто бывает, окрик изменил психологию, момент был упущен и дело обошлось. По крайней мере, он надел вновь ремень винтовки на плечо и присоединился к нам. Придя в избу, где находился их штаб, мы застали человек пять-шесть сидящих за освещенным столом. Самый молодой из компании оказался комиссаром-коммунистом и начальником отряда. Начался разговор с осмотра документов, с повторением уже заданных нам вопросов в первой избе. Заинтересовались они в результате тем, что мы прошли фронт и едем из Уфы. Помощник комиссара, не мальчишка, по-видимому из прежних полицейских, занялся паспортами, крайне внимательно изучая их, заинтересовался подписями, заподозрив их фальшивыми, старался сбить нас переспросом фамилий и т. д. Но все это делалось так грубо, а с другой стороны, так логичны были даваемые нами ответы с мотивировкой о целях поездки к своим семьям, что мы из первой части искуса вышли совершенно чистыми. В результате комиссару надоели эти расспросы, он отвлекся нашими рассказами, как мы вырвались из Уфы, о сдаче которой белым он даже и не знал. Поэтому он отклонил предложения своего помощника обыскать нас и арестовать, а начал снимать с нас показания о белых войсках, их расположении, наименовании частей, количестве людей и т. д., которые своей общностью, конечно, существенными и вредными для дела быть не могли. Все это он внимательно записывал, видимо для донесения. Попутно расспрашивал о слухах про Колчака, его деятельности, вообще интересовался нашими сведениями о белых.

В конце концов, нас отпустили, спросили, найдем ли дорогу обратно. Кто-то из провожающих сказал: «Ну, счастье ваше, что живы остались, а небось струсили?»

Придя в избу ямщика, мы расположились было спать, как вдруг появился помощник комиссара в сопровождении рыжего и еще какого-то другого товарища и заявил, чтобы мы показывали все наши вещи, что они произведут обыск. Вновь потребовали документы. Этот обыск был верхом тщательности. Они вывернули абсолютно все, прощупали каждую складку одежды, раздели догола, высыпали чай, сахар, табак, одним словом, в течение 3—4 часов так обыскали наш незатейливый багаж, что мы могли быть спокойными после, что чего-либо компрометирующего на нас абсолютно нет. Измучив нас вдоволь, отчего заплакала даже с жалости находящаяся в соседней комнате хозяйка дома, нам позволили лечь спать, а мучители ушли.

При обыске у нас не взяли ничего. К счастью, денег с нами было немного, у одного тысячи четыре, у другого около пяти. Это было

нами предусмотрено, так как мы понимали, что большое количество денег наводило на нас подозрение, а также и вводило в искушение. Зарились они все на имевшуюся у меня  $1/2$  бутылки коньяку, но, разыгрывая из себя честных, неподкупных коммунистов, они отбирать ничего не хотели. Да думаю, и многочисленность их, считая и находившуюся в комнате их команду, удерживала их от конфискаций.

Наутро, чуть свет, пока еще солдаты спали, мы двинулись дальше. Пока мы собирались, к нам вышел один из красных, с виду совершенно деревенский парень, и в разговоре начал плакаться на судьбу, что эта жизнь ему опротивела, что служба его угнетает и он ждет лишь случая, как бы от нее избавиться, уйти домой в деревню. Говорил это он искренним тоном, видимо, действительно эта служба ему опротивела.

Приехали на следующую станцию. Наш новый хозяин принял большое участие в пережитом нами ночью, кляня на чем свет стоит карательный отряд, передав, что солдаты, поступающие в него, приносят присягу, расписываясь кровью, что не будут жалеть родного отца и мать и т. д., рисуя людей, идущих на такого рода службу, как самых отъявленных негодяев. Характеристику эту по отношению к карательным отрядам приходилось слышать мне не раз и впоследствии.

Выяснилось тут из разговоров, что мы находимся всего в 40 верстах от того села, в которое мы было заехали накануне ночью, где, как оказалось, стоял и штаб самого карательного отряда, действовавшего в ближайшем тылу армии, и стало ясно, что нам не поздоровилось бы; спас нас прямо-таки Бог.

Последующий путь мы совершили благополучно, ехали частью большим трактом и хотя рисковали несколько раз быть обысканными, но это уже относилось к деятельности карательных застав, не пропускавших в Казань продуктов. Вся дорога от Чистополя была загромождена крестьянскими обозами, перевозившими в спешном порядке хлеб с сыпных пунктов в степи — к Волге. Это заставляли делать большевики, опасаясь наступления Колчака, торопясь вывезти заготовленный ими за зиму хлеб к пристаням как Волги, так и низовьев Камы, считывая успеть его двинуть, до занятия Волги белыми, в центральные губернии. Оставшиеся склады хлеба решено было ими сжечь, а не сдавать, для чего был заготовлен керосин. Надо при этом заметить, что, по словам крестьян, хлеб лежал под открытым небом, без подстилки, частью покрытый дырявыми брезентами и грозил быть сгноенным от весенней сырости.

Вообще, хлебная заготовка, произведенная красными в течение этой зимы, была сделана в крупных размерах, так как вообще масштабом они никогда не стесняются. За пуд ржи платили они с доставкой от 10 до 13 рублей и навезли ее огромное количество. Но зимой за недостатком вагонов для продвижения этих запасов к центру они мобилизовали крестьянские подводы в таком количестве, что, например, в Бугульме сосредоточивалось до 9 тысяч лошадей, занятых исключительно перевозкой хлеба на Самару. Ввиду же разрушения железнодорожного моста в Сызрани они положили рельсы по льду и передвигали вагоны вручную. Знающие Волгу в этих местах поймут, что за труд и какие препятствия им пришлось при этом преодолеть, и невольно, несмотря на все презрение, с которым к ним относились, приходится констатировать их безумную и неутомимую энергию. И не будь она направлена лишь на разрушение и переливание из пустого в порожнее, она была бы достойна подражания и со стороны белых.

По дороге мы неоднократно останавливались и ночевали в избах с возчиками, и нужно сказать, что на большевиков все поголовно ворчали. Татарское население относилось еще более определенно отрицательно к власти, ожидало с нетерпением освобождения, готово было встречать белых с распростертыми объятиями, ожидая от них облегчения в экономической жизни, ослабления режима вмешательства в уклад их деревенского обихода. Но желания проявить активную помощь совсем не было заметно; все должно было идти помимо их. И всякой новой, крепкой власти они стали бы вновь слушаться с таким же смирением, как и предыдущей, приспособливаясь лишь к новым требованиям и условиям. Во всем этом сквозило, что репрессии и безразличие были главным основанием для управления ими, что большевистская власть великолепно и учитывала. Разговоры при этих остановках, конечно, были самые разнообразные, касаясь все же почти исключительно условий жизни деревни.

В одном из сел, примерно верстах в 40—50 от Казани, я взял в руки хрестоматию, принесенную из школы 12-летним мальчиком, сыном хозяина избы нашего ночлега. Это оказалась книга издания 1912 года, где на первой странице был перечислен состав царствующего дома. Тут же зашел разговор и о местной церкви. Оказалось, что красные как-то в течение зимы хотели взять на учет церковное имущество, с намерением часть его куда-то вывезти, но крестьяне сходом вынесли приговор о протесте, послали в город депутацию и в результате защитили священника и не подверглись репрессиям.

КАППЕЛЕВЦЫ<sup>127</sup>

## В тылу

Для отвода в тыл измотанных и замерзающих частей Волжской группы Сибирское правительство не только ничего не сделало, но даже об этом, надо полагать, и не подумало.

Уставшим, плохо одетым бойцам пришлось еще долгое время продвигаться походом вдоль линии железной дороги на восток. Свирепая стужа по временам сменялась жуткими метелями, заваливавшими дорогу глубоким снегом. Орудия приходилось проволочить по двухаршинным глубоким сугробам. Идущее впереди орудие пропахивало глубокий коридор, что страшно выматывало коней. Следующим орудиям было легче. И сейчас еще есть живые свидетели, которые хорошо помнят, какие в батарее были кони, но и эти слоны-великаны могли протянуть по снегу первое орудие не более одной версты, потом их заменяли следующие. Хотя за прошедшим орудием и не легко идти, но все-таки возможно.

Сибирское же интендантство отпускало фураж по установленной норме овса, по-видимому рассчитанной на сибирскую низкорослую лошадь, — 8 фунтов в день на одного коня, а у меня в батарее один только коренной конь Малютка съедал за ночь по 30 фунтов. Придерживаясь сибирской нормы, я быстро потерял бы в уральских сугробах весь конский состав в пути.

На станции Корапачевая удалось явочным порядком достать несколько пустых вагонов и в них с трудом погрузить свои орудия. Оставив с ними надежный и толковый караул, мы пошли дальше, придерживаясь пути по льду замерзших рек, чтобы не топить коней в оврагах, предательски занесенных мягким и непролазным снегом.

Так шли мы по реке Сим, где у нас на Симском заводе была дневка. Этот район был занят челябинскими военными формированиями. Среди этих формирований были уже беспорядки. Один полк покинул занятые им казармы и ушел восвояси. Другие соединения высказывались за то, чтобы не подчиняться начальникам. И пулеметная команда просто решила ударить по своим с тыла.

Каппелевским частям, которые сибиряки называли «учредилотцами», пришлось наводить порядки: пулеметная команда была предана военно-полевому суду и так далее. Эти обстоятельства показали, что

подготовка резервов была в неумелых руках людей, не дающих себе отчета в происходящем. Ожидать чего-либо утешительного не приходилось.

Впоследствии, после некоторых переформирований на местах, сибирские части дрались с большевиками довольно стойко, что можно поставить в заслугу офицерам и вообще командному составу, который на месте сумел устранить многие недочеты и установить нужные взаимоотношения. Но это выполнило младшее офицерство.

Один пехотный поручик рассказывал, что, когда он находился в окопах, к нему пришло пополнение мобилизованных солдат, и некоторые из них задавали ему следующие вопросы:

— Ну вот, господин поручик, царя убрали, царя нет. Стали большевики. Теперь мы воюем с ними. А когда их не будет, то что же и кто же тогда будет?

И поручик ничего не мог ответить, потому что и сам не знал, что будет.

В своем обращении адмирал А.В. Колчак упоминал об Учредительном собрании, но очень туманно. Действия же большинства войсковых частей носили монархический характер. Несчастный, честнейший из честнейших, адмирал А.В. Колчак был игрушкой в руках интриганов, вроде атамана Красильникова или Иванова-Ринова и других, творивших в тылу форменные бесчинства. У Верховного Правителя не было силы с ними справиться. И это в то время, когда нужно было забыть интриги и личные интересы и приложить все усилия к единой цели, как это было у наших врагов!

Наши высшие начальники думали не о фронте, а больше о своих выгодах, не имея общей цели. И если хотели оздоровления России, то каждый только по-своему, как выгодней было для них. К этому можно прибавить множество формирований на бумаге. Для многих эти дутые формирования были своего рода защитой от посылаки на фронт.

Кстати сказать, в самом Омске была сформирована отдельная бригада егерей, которые открыто называли себя «московским гарнизонам», мечтая о Москве. Эта бригада егерей, составленная из добровольцев и выздоравливающих раненых и больных тех же добровольцев и кадровых солдат с офицерами, численностью в 5 тысяч бойцов, брошенная вовремя на фронт борьбы, могла бы сыграть свою роль и перевесить чашу военного счастья.

При отходе от Омска зимой 1919 года она почти вся погибла, не дойдя до Красноярска. Эти егеря тоже не были обмундированы по зимнему для походов по Сибири, да еще зимой.

### Отправка частей Волжской группы под Челябинск

Командованием Западной армии небольшие соединения частей Волжской группы были задержаны на фронте, несмотря на то что сибиряки (командование) относились к ним с недоверием. Но каждый из власть имущих старался как бы временно прикомандировать к себе некоторые части «учредивцев». Так, например, все команды бронепоездов Народной армии были прикомандированы к генералу Сукину<sup>128</sup>. Вскоре после Симского завода части Волжской группы начали грузиться в поезда на попутных станциях для следования на восток, в район Кургана, на отдых и переформирование.

Верховный Правитель адмирал Колчак вызвал Каппеля в Ставку в Омск для личного доклада. Быстро растущая популярность и слава о беспримерных боях Каппеля сильно встревожила омскую Ставку. Адмирал Колчак понимал и ценил генерала Каппеля, но все же, благодаря некоторым наветам, боялся его возможных самостоятельных действий.

Потом инспектор артиллерии Верховного Правителя генерал Виктор Николаевич Прибылович<sup>129</sup> мне лично рассказывал, что доходившие слухи о деятельности Каппеля и его войск сильно тревожили окружение адмирала Колчака. Многие из них инстинктивно чувствовали, что Каппель — сила, которая может для них оказаться неблагоприятной. Поэтому перед приездом Каппеля в Омск они всеми силами старались восстановить против него адмирала Колчака. Особенно ярые из них открыто доказывали, что если Волжскую группу развернуть в корпус, то, возможно, Каппель поведет его не на большевиков, а на Омск, и прочее в том же духе, желая настроить Верховного Правителя против «учредивца».

Каппель прибыл в Омск и лично доложил Верховному Правителю о своей работе на Волге и в Приуралье. Адмирал Колчак оценил надлежащим образом деятельность Каппеля и его волжан. После этого доклада адмирал поручил Каппелю формирование 3-го Волжского стрелкового корпуса. Большинство противников Каппеля притихло — однако лишь временно.

Я тоже приехал с Каппелем в Омск и сам наблюдал, как после доклада Каппеля, произведшего благоприятное впечатление на адмирала Колчака, скоро начали осаждать вагон Каппеля разные окопавшиеся в тылу ловкачи. Они подобострастно просили Каппеля при случае замолвить за них словечко перед Верховным Правителем.

Особенно униженно просил один командир формировавшегося кавалерийского полка, полковник О., после чего Каппель отказался его



принимать. У этого командира был не только один штаб, как у многих омских «формирователей», но и полк, который был настолько недоформирован, что не мог выступить из района Омска. Но, чтобы застраховать себя вообще от выступлений на фронт, полковник О. умолял Каппеля рекомендовать Верховному Правителю взять этот полк в личный конвой.

### Формирование 3-го Волжского корпуса

Согласно указаниям Ставки Волжская группа была сосредоточена в окрестностях города Кургана. Каппель весь ушел в дело формирования. Казалось бы, что власть и все ее представители должны были всеми мерами пойти навстречу, помочь, усилить, укрепить этот корпус, за спиной которого они же сами могли еще долго благоденствовать. На самом же деле было совсем не так. Омские «калифы на час», где было возможно, ставили всякие препятствия формирующемуся корпусу: задерживали пополнение, не отпускали материальную часть, конский состав и прочее. Каппелю самому пришлось объявить среди занимаемого района конскую мобилизацию и провести ее в жизнь. Волжане, как муравьи, частным образом из всех городов Сибири тянули в корпус добротные обозные повозки, пулеметы и пулеметные двуколки, телефонные аппараты, кухни и другое военное добро, необходимое для формирования своего корпуса.

Вид у пришедших на формирование волжан был самый разношерстный. Они были одеты часто в лохмотья, обуты в дырявые валенки; вместо военной папахи на голове была в лучшем случае татарская тюбетейка. Они не умели как должно отдавать честь, потому что еще не было времени их этому научить. Зато они были закалены в Гражданской войне, храбро сражались с красными, верили своим начальникам так же, как и начальники верили им. Постепенно удавалось кое-что доставать, бойцы стали приобретать воинский вид. Но все это давалось не сразу.

Начальство местного гарнизона с явным пренебрежением относилось к пришедшим и было однажды страшно возмущено следующим случаем. Двое татар, добровольцев из-под Бутульмы, стояли у ворот своей квартиры. По улице мимо них шли офицеры гарнизона. Добровольцы или не видели их, или не обратили должного внимания. Офицеры подошли к ним и резко сделали замечание за неотдание чести. Татары, не понимая, чего от них хотят, на ломаном русско-татарском языке ответили:

— Лучше проваливай своей дорогой, наша вашу не знает! Наша знает поручика Б. и генерала Каппеля, больше наша ничего не знает.

Эти добровольцы были арестованы и отправлены в комендантское управление, откуда было сообщено об этом в штаб Волжского корпуса. Каппель приказал мне произвести дознание. Я объяснил начальнику гарнизона, что не все добровольцы еще обучены отдаванию чести и так далее. Их отпустили, и я видел, как один из них горько плакал, говоря, что он — доброволец, два раза ранен под Бутульмой, защищая Россию, а теперь, как преступник, был арестован.

### Рапорт о наименовании батареи «Каппелевской»

Среди офицеров батареи, которой я командовал, было решено присвоить ей название: «Каппелевская Отдельная Волжская конно-артиллерийская батарея». Об этом я написал рапорт командующему 3-м Волжским корпусом генералу Каппелю. Каппель вызвал меня в штаб и, отдавая обратно мой рапорт, сказал:

— Возьми и уничтожь! Я — не член императорской фамилии, чтобы моим именем при жизни назывались воинские части, и не из атаманов, которые при жизни называют своими именами полки и тем играют в руку нашим врагам.

Об этом я сообщил батарею. Мои люди грустно выслушали это сообщение, но все же сочли, что Каппель поступил правильно. Потом, после смерти генерала, вся армия называлась «каппелевцами» и был бронепоезд «Каппелевец», сражавшийся с красными в Приморье и под Волочаевкой.

Формирование 3-го Волжского корпуса лихорадочно продолжалось. Прошло полтора месяца, а обещанное пополнение не приходило. Бойцов упорно не присылали. Наконец, Ставка предложила Каппелю пленных красноармейцев, взятых под Екатеринбург и выразивших желание служить в рядах белых. Каппелю, за неимением других, пришлось взять этих бывших красноармейцев, с надеждой научить их бить большевиков.

Я получил 60 таких красноармейцев в пополнение батареи. Первоначальная неловкость с ними скоро исчезла. Большинство из них оказались отличными солдатами. И они лучше ухаживали за конями, так как были к этому привычны. В боевом отношении, конечно, добровольцы были значительно выше и надежнее, и влитые в них красноармейцы несколько не нарушали боевой работы и незаметно растворились среди кадровых добровольцев. В пехоте была другая картина. Это по-

полнение из бывших красноармейцев поглотило кадры; понадобилось 6 — 7 месяцев, чтобы привить им наш боевой дух и дисциплину.

В феврале и марте 1919 года 1-я Отдельная Волжская конно-артиллерийская батарея, которой я командовал, стояла в центре формирования 3-го Волжского корпуса в городе Кургане. Решено было сделать большой батарейный обед, на который был приглашен только командующий корпусом генерал Каппель. За обедом была самая дружеская атмосфера, ибо Каппель хорошо знал многих чинов батареи еще по Волге, начиная с Сызрани. Поэтому многое из боевого прошлого тепло вспоминалось, и велись беседы о будущем, говорилось много душевных тостов. И вот звон ножа о стакан или тарелку призвал всех к молчанию. Поднялся всегда стеснявшийся, скромный и немного неуклюжий прапорщик Т. и громким голосом начал так:

— А теперь я прошу поднять бокалы за здоровье того, кто дал каждому из нас возможность смело смотреть в глаза всему миру, за того, кто дал нам гордое право сказать: я — каппелевец!

Его слова были покрыты таким из души вырвавшимся мощным «Ура», что трудно описать словами. И после этого беседа продолжалась еще теплее, еще душевнее, потому что здесь была своя сплоченная и понимающая один другого семья. А потом, когда утро уже начинало входить в свои права и начало рассветать, Каппель, прощаясь, тепло благодарил за прием и сказал:

— В эту ночь мы пережили много незабвенных дружеских часов, но эту ночь мы украли у нашей родины России, перед которой у нас есть еще один долг: напрячь и удвоить нашу энергию для ее освобождения.

Громкое «Ура» не дало ему закончить фразу. Этот скромный обед еще больше спаял начальника с его подчиненными, которые с энтузиазмом готовились для продолжения борьбы с чудовищем — Третьим интернационалом.

### Успех уральских и сибирских частей

Ранней весной 1919 года молодая Уральская и Сибирская армии начали наступление, успешно продвигаясь вперед и тесня красных. Очищены были от них Уфа, Белибей, Бугульма и несколько железнодорожных станций. Белые уже приближались к Самаре и были в районе станции Кинель. Их фронт растянулся до невероятных размеров. А резервы были все израсходованы. Свежих пополнений тыл не

присылал, так как их не было. На что рассчитывала Ставка? Какой план она имела, отдав приказ наступать, не имея готовых резервов? Естественно, наступающие измотанные части, не получив подкреплений, остановились. К этому нужно добавить, что началось быстрое таяние снегов, начался буйный разлив рек и речушек, превративший их в целые моря. И к тому же бойцы были обуты в валенки, не имея другой обуви. Легко себе представить положение белых бойцов!.. В общем, произошла заминка.

К тому же Ленин и Троцкий выбросили лозунг по всей стране: «Все на Колчака!» — подвозя на Восточный фронт новые и новые красноармейские части. Южнее Самаро-Златоустовской железной дороги им удалось создать ударный кулак из нескольких дивизий, и они бросили его на стянувшийся у Самары фронт белых. Сдержать этот нажим было нечем. Началось неизбежное отступление.

### Волжский корпус спешно вызывается на фронт

Только что начавший разворачиваться Волжский корпус, две недели назад получивший, вместо нужного пополнения, красноармейцев, с которыми начальники не успели как следует ознакомиться, получил из Ставки приказ немедленно выступить на фронт в том виде, как он есть.

Командование Западной армии, видимо по халатности, назначило местом сосредоточения корпуса район Белибея, который был уже занят красными. И как будто по чьей-то злой воле, Волжскому корпусу пришлось выгружаться поешелонно в непосредственной близости к противнику, очень часто под сильным ружейным и пулеметным огнем, входя сразу в бой.

Необученные и непрофильрованные части, состоявшие почти сплошь из бывших красноармейцев, целиком переходили к красным, увозя с собой офицеров. Свои же надежные каппелевские части если не уничтожались, то несли громадные потери и отходили вместе с уральцами и сибиряками. И таким образом Волжский корпус, на создание которого было потрачено столько сил и энергии, в короткое время хотя и не был совсем уничтожен, но был сильно потрепан и уже не представлял той грозной силы, какая могла бы быть, если бы все было проведено планомерно.

Западнее реки Белой было сосредоточено большое число сибирских казаков под командой генерала Волкова, но эта группа не оказала должного давления на красных.

## Бои на реке Белой

После больших усилий Каппель собрал измотанные и полууничтоженные части Волжского корпуса на реке Белой, куда красные подтянули свежие резервы, почти ежедневно производя яростные атаки. Высшее командование приказало Волжскому корпусу продержаться на рубеже реки Белой еще несколько дней. Волжане, измотанные беспрерывными ежедневными атаками со стороны красных, еле держались на ногах и совершенно не спали по несколько суток. На успех трудно было рассчитывать.

Каппель приказал Уржумскому полку подтянуться из резерва к месту прорыва и атаковать красных с севера, а мне приказал прибыть с батареями к этому же месту прорыва, объединить артиллерию (три батареи, кроме моей) и содействовать наступающим частям в центре.

Прибыв немного раньше назначенного для атаки времени, я выбрал наблюдательный пункт близко к центру нашей наступавшей пехоты и связался телефоном с батареями, которым приказал в назначенный для атаки час открыть интенсивный огонь по району деревни, где скопились только что переправившиеся через реку Белую красные.

До этого деревня, занятая красными, переходила из рук в руки четыре раза. Наша пехота в непрерывных атаках была измучена до последней степени и понесла большие потери. И мне было ясно, что такими частями, как наша пехота, нельзя было атаковать врага и что из нашей затеи ничего не выйдет. Трещали пулеметы с той и другой стороны. Настойчиво била артиллерия. Красные продолжали расширять занятый ими участок на нашей стороне реки. Их пули из ружей и пулеметов жужжали, как пчелы.

За пять или десять минут до назначенного срока атаки на взмыленном коне прискакал, с одним только вестовым, сам Каппель и остановился у небольшой рощицы, почти в линии нашей пехоты. Весть о появлении Каппеля прошла по рядам нашей пехоты, как электрический ток. Все сразу оживилось. Оставив коня за рощицей, Каппель пошел вдоль цепей, шутил с солдатами, задавал им разные вопросы; все наперебой весело ему отвечали. За небольшим пригорком собралась кучка бойцов; он объяснил, как будем наступать:

— А с севера и с нашего правого фланга ударят уржумцы!

Правда, это — все, что было у Каппеля в резерве, да и от Уржумского полка после непрерывных боев осталось всего 80 бойцов.

При начавшемся среди каппелевцев оживлении красные заметно усилили огонь. А когда наступил срок атаки, Каппель крикнул:

— С Богом!

Наша пехота вся, как один, выскочила из своих укрытий и бросилась бегом на красных. Каппель ушел вдоль нашей линии. Скоро оттуда прибежал батарейный наблюдатель Беляев и со слезами на глазах доложил мне:

— Господин полковник, возьмите, пожалуйста, генерала куда-нибудь в укрытие — убьют его там!

Отдав распоряжение батареям прибавить прицел, так как наши передовые части подходили к деревне, я побежал к Каппелю и предложил ему присесть в небольшом окопе моих боковых наблюдателей. Огонь противника начал стихать. Наша пехота входила в деревню. Наши батареи перенесли огонь за деревню по переправам. Я перенес наблюдательный пункт в деревню, уже очищенную от красных. Там впервые после Ново-Девичьего увидел трупы замученных наших бойцов: у раздетых догола была вырезана кожа там, где полагается на одежде быть погонам. Один висел, приколотый штыком к стене амбара.

Переправившихся красных наши бойцы опрокинули в реку, так что большинство из них не попало на переправу. Более двухсот красных было взято в плен. Было захвачено 27 брошенных красными пулеметов, много винтовок, патронных двуколок и пулеметных лент.

Каппель тут же собрал начальников отдельных частей, поблагодарил их и просил благодарить бойцов за доблестную атаку. Рассказал задачу на будущее, сел на коня и уехал в штаб. Невольно возникал вопрос: какой силой, как гипнозом, действовал Каппель на солдат? Ведь на таком большом участке прибывшие резервы, остатки Уржумского полка, нормально не могли ничего сделать. Части же, стоявшие на этом участке, имели в продолжение четырех дней беспрерывный бой и в течение этого времени были почти без сна.

Потом, после боя, я много разговаривал с офицерами и солдатами на эту тему. Из их ответов можно было заключить, что огромное большинство их слепо верило, что в тяжелую для них минуту Каппель явится сам, а если так, то должна быть и победа.

— С Каппелем умирать не страшно! — говорили они.

Эта уверенность, что Каппель явится сам в тяжелую минуту, зародилась еще с первых волжских боев, когда он действительно был среди бойцов в момент, когда все ставилось на карту. Каппелевцы в это верили до самого дня смерти своего начальника.

Доблестные волжане продержались на реке Белой не несколько дней, а более недели. И когда красные подтянули большие резервы и наступали широким фронтом, волжане включились в общий отход Западной армии, не получившей пополнений.

## План набега на тылы красных

Неизвестно, по каким соображениям, в то время, когда потрепанная до последней степени Западная армия с большими потерями отходила, Сибирская армия под командой Гайды, можно сказать, бездействовала, будучи расположенной в районе города Перми. Западная армия, оставив город Уфу, выбивалась из последних сил, не получая подкреплений, тащилась через Уральские горы.

Тыл ясно обнаружил полную несостоятельность, и Каппель убедился, что Ставка потеряла инициативу, не имея планов на будущее, предоставив войсковым соединениям действовать вразброд. Это убедило Каппеля, что Ставка бессильна противодействовать общему отходу и что пополнений в тылу нет.

Каппель, можно сказать, жертвуя собой, решил собрать все тех же старых испытанных волжан-каппелевцев, заранее переговорив с начальниками их отдельных частей. Он не скрывал возможности серьезного конца в случае неудачи, прямо сказав: «Может быть, нам суждено погибнуть»

Каппель предложил Ставке разрешить ему собрать две тысячи сабель с конной батареей, пробраться где-нибудь на фланге в тыл красным, возможно быстрее уйти как можно глубже и там, где-нибудь в 100 или 200 верстах от фронта, произвести среди красных переполох, взрывая мосты, нападая на склады оружия и так далее. Он доказывал, что в тыловых городах так же, как и у нас, почти нет никаких сильных частей, кроме зачаточных формирований, и еще большой вопрос, на чьей стороне могут быть эти формирования. Каппель был уверен, что красному командованию для того, чтобы ликвидировать наш отряд, придется снять крупные части с их регулярного фронта и тем ослабить наступление, а это даст возможность омской Ставке получить передышку и время для подготовки свежих частей.

Все подчиненные Каппелем начальники отдельных частей, с которыми он разговаривал, всецело разделяли мнение генерала. Он подал разработанный план этого набега в штаб омской Ставки. Долго не было ответа. Тот же инспектор артиллерии штаба фронта генерал В.Н. Прибылович потом рассказывал, что он присутствовал на обсуждении предполагаемого набега генерала Каппеля. Многие чины штаба открыто были против этого плана, говоря: «Разрешит Каппелем этот прорыв — он заберется в красные тылы, возьмет Москву и организует каппелевское правительство. А о нас забудет или просто туда не пустит».

Спустя много времени, когда наши армии неуклонно отходили на восток от Урала, на мой вопрос при встрече генералу Каппелем о судь-

бе его рапорта о набеге на красные тылы Каппель сказал, что получил сообщение: «Ставка не располагает такими ресурсами, чтобы рисковать 2 тысячами всадников».

Ф. Мейбом<sup>130</sup>

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ<sup>131</sup>

Поправлялся я очень быстро и надеялся в скором времени выпиться и отправиться снова в свою боевую семью волжан, которые все еще продолжали стоять на отдыхе в процессе пополнения. Но увы! Обстоятельства сложились иначе, и я был надолго оторван от родных волжан.

Готовый к отъезду, я получил приказ явиться к начальнику гарнизона, он же начальник 13-й Сибирской стрелковой дивизии. В предписании, за подписью генерал-лейтенанта Зоценко, говорилось, что согласно приказу по армии все раненые и больные офицеры, находящиеся в госпитале города Ново-Николаевска, по выздоровлении зачисляются во вновь формирующуюся 13-ю Сибирскую стрелковую дивизию<sup>132</sup>. Это меня совсем не устраивало. Началась переписка, в результате которой я получил письмо от генерала Сахарова<sup>133</sup>, который просил меня смириться с мыслью разъединения с родной частью и помочь всеми силами скорейшему формированию новой дивизии и писал, что он уверен, зная меня, что я сумею привить новым бойцам доблестные заветы волжских героев — это так необходимо и важно для нашего общего дела. После такого письма что можно сделать? Надо явиться к начальнику дивизии генерал-лейтенанту Зоценко<sup>134</sup>. Представившись, получаю приказ явиться в распоряжение командира 49-го Сибирского стрелкового полка, полковника Моисеева. Добравшись до деревушки, где был расположен штаб полка, я представился полковнику Моисееву, и он пригласил меня в офицерское собрание на обед, где и представил меня всем господам офицерам. Я был поражен, что все офицеры были одеты в английские мундиры с русскими погонами и орденами, но выглядели браво.

После обеда полковник Моисеев пригласил меня в свой кабинет, подробно расспросил меня о моей прошлой службе и попросил написать временный краткий послужной список. Бланки для послужного списка были готовы, и я быстро их заполнил. После этого полковник пригласил меня поехать с ним на пролетке посмотреть на тактические занятия полка. Я был окончательно поражен тем зрели-

щем, которое открылось моим глазам. Все громадное поле было покрыто густыми цепями перебегающих фигурок. Обращаюсь к полковнику и спрашиваю: «Сколько же штыков в полку?» Полковник, дымя своей трубкой, сквозь зубы промычал: «3800 штыков!» Я чуть не подскочил. Боже мой! Ведь это почти вся наша Волжская армия, а тут лишь только один полк!!!

Прошло некоторое время, и я был временно прикомандирован к штабу полка без назначения на должность, что меня тяготило и волновало, но спрашивать об этом я не хотел. Решил, что если командир полка задумал сделать из меня офицера для поручений, то я, конечно, не соглашусь, а переберусь в свою часть. Пусть думают, что хотят, но я строевой офицер, имеющий боевой опыт Гражданской войны, и мне не место сидеть за столом. Покорно благодарю... не могу.

Прошло некоторое время, я все еще был не у дел, очень этим тяготился и уже было решил переговорить об этом с командиром полка, как вдруг был вызван в штаб полка. Полковник Моисеев предложил мне сесть и сказал:

— Капитан, вы, наверное, были в недоумении, почему я не назначил вас сразу по прибытии на командную должность? Дело в том, что ежемесячно от нас, то есть от всей дивизии, краткие послужные списки отправляются в город Омск, где они проверяются в отделе производства и по «Военному Инвалиду». Только сегодня я получил подтверждение вашего послужного списка. Что же это вы, капитан, не указали ваши боевые награды? Вы, я вижу, имеете их достаточно, включая и Владимира 4-й степени с бантом и мечами.

Я извинился, что, мол, заполняя послужной список, торопился и пропустил эту графу.

— Кроме того, вы были в чине капитана и командовали батальоном; таким образом, вы можете подать прошение о производстве в подполковники.

На это я ответил, что все чины я получил по Императорскому приказу, поэтому я воздержусь от подачи прошения до тех пор, пока мы не раздавим красную нечисть, а тогда сможем думать о себе.

Полковник Моисеев улыбнулся, предложил мне папиросу и продолжал:

— За месяц до вашего приезда у меня произошла большая неприятность. Мне был прислан штабс-капитан Гаврилов, с Георгиевским оружием и с Владимиром 4-й степени. В тот момент мне нужен был командир батальона, и я назначил его временно исполняющим обязанности командира 1-го батальона. На этих днях я получил полный

рапорт о нем. Оказывается, этот штабс-капитан в Чугуевском военном училище никогда не был и, конечно, он не офицер. Я вызвал его к себе в канцелярию и просил его честно и открыто признаться, кто он такой. Он пробовал оправдываться, но затем со слезами на глазах признался, что он вольноопределяющийся Н инженерного батальона. Не желая поднимать шумихи, я приказал ему тут же снять погоны и награды и, не заходя даже за вещами в батальон, отправиться в Ново-Николаевск. Теперь, капитан, вам понятна моя осторожность? Вас я назначаю командиром 1-го батальона, примете его завтра, а я дам приказ, чтобы батальон утром был выстроен в полном составе. Желаю вам успеха. Да, еще один вопрос: имеете ли вы при себе орден Владимира 4-й степени?

Я ответил, что нет, все осталось дома. Полковник Моисеев, встав, подошел ко мне и приколот орден мне на грудь, сказав:

— Видите, он нашел офицера, достойного носить его!

Я не спал всю ночь в ожидании приема батальона. Встал очень рано, пошел на кухню офицерского собрания, где выпил чашку чаю с хлебом и поболтал с поваром, пока не наступило время идти к батальону.

Выстроенный батальон произвел на меня очень хорошее впечатление. Все в английском обмундировании с зелеными погонами с белым кантом. Батальон построен поротно — три строевые роты и одна смешанная (сводная) — пулеметная команда, телефонисты, саперы.

По команде «На караул» батальон замер, и поручик, временно замещавший командира батальона, четко подошел ко мне с рапортом. Я спокойно выслушал его, прошел на середину батальона и поздоровался с ним: «Здорово, сибирские стрелки!» Получил четкий ответ тысячи голосов: «Здравия желаем, г-н капитан!» Затем была подана команда «Стоять вольно!», я пошел по ротам знакомиться с г. г. офицерами, фельдфебелем и унтер-офицерами. Дойдя до пулеметной команды, я искренне рассмеялся. В ней были исключительно татары — вот так сибирские стрелки! Но я был очень рад видеть их тут. Большинство из них было из Уфы, но было несколько человек и казанских татар, которые узнали меня, и их мордочки расплылись в улыбку. Спросил, как они попали сюда. Ответ — были ранены, после выздоровления зачислены в полк. Рад иметь их — они надежные бойцы.

Батальон отправился на полевые занятия, а я пошел в канцелярию, где меня встретил адъютант — молодой поручик Ямшинецкий, с которым мы пошли осматривать помещения солдат, а также и кухни, которые уже дымились вовсю, готовя обед. Везде чистота и порядок.

В пулеметной команде было всего три пулемета системы «Кольт». Я сказал адъютанту, чтобы он составил рапорт, указав, что нам нужно еще пять пулеметов — желательно «максим».

По окончании осмотра, которым я остался очень доволен, я написал рапорт командиру полка о том, что с сего числа, месяца и года я принял в командование 1-й батальон вверенного ему полка. Так и прошел мой первый день, и, проголодавшись, я пошел в офицерское собрание, чтобы подкрепиться. Придя туда, увидел командира полка, который подошел ко мне, взял меня за локоть и повел к бывшим уже там командирам батальонов и другим офицерам.

Большой стол с холодными и горячими закусками, а в буфете можно было получить и напитки, включая даже и коньяк, хотя по тому времени это было уже роскошью. Дежурный офицер командует: «Господа офицеры! — Все сразу смолкло. — Наш командир полка просит вас присоединиться к его тосту». Полковник обращается к собравшимся:

— Господа офицеры, я поднимаю бокал за наш полк и считаю за счастье иметь в нашей семье боевого, заслуженного офицера, который с 1918 года находился в боях с красными, командуя различными частями, включая и офицерскую роту в 300 штыков. Да здравствует наш 49-й Сибирский стрелковый полк! Ура!!!

Я был немного смущен таким приемом. Если бы это было на официальном обеде, это было бы понятно, а так, во время закуски... но все же такой прием приятен каждому. Офицеры подходили, пожимали мне руку. Мне очень понравился командир 2-го батальона капитан Васильев. Мы как-то сразу подружились.

Наш полк был размещен в деревне Берск. Красивая деревня, состоявшая из зажиточных сибирских крестьян. Полк был сформирован из мобилизованных молодых сибиряков. Выглядели они все молодцами, но, так как они были мобилизованные, я им особо не доверял. Полк выглядел как кадровая часть нашей Императорской армии. Чувствовалась твердая рука командира полка. После борьбы на Волжском фронте в малочисленных рядах каппелевцев, глядя на эту грозную силу, казалось, что совершилось какое-то чудо.

После принятия батальона я убедился, что обучение полка ведется неправильно. Все внимание обращено на строевые занятия и прохождение отдачи чести и церемониальное марширование. Первоначально я было хотел пойти к командиру полка и поговорить с ним о том, что все, что сейчас проходят солдаты, совершенно не нужно в настоящее время, но... по своей личной инициативе решил начать обучать батальон, готовя его к боям Гражданской войны. Собрав всех

офицеров батальона, сообщил им, что с настоящего момента они должны обращать очень мало внимания на маршировку, а уделить все внимание на стрельбу, владение штыком и т. п., то есть на то, что применимо в Гражданской войне. Тут же я назначил штабс-капитана Васильева командиром 1-й роты и моим прямым заместителем. К сожалению, из всего состава батальона только я один был с опытом Гражданской войны, остальные офицеры прошли почти всю Германскую кампанию и прибыли в полк по... мобилизации.

Вскоре я получил маленькую квартирку и совместно с моим денщиком перекочевал туда. У входа в наш дом я столкнулся с дивной красоты женщиной. Я остановился и отдал ей честь. Она мило улыбнулась и сказала:

— Так вы тот офицер, который будет моим соседом? Очень рада с вами познакомиться. Я зубной врач и лечу всех вас, офицеров и солдат 49-го полка. — Лукаво посмотрев на меня, добавила: — Если у вас будут болеть зубы... то заходите ко мне, милости прошу, меня зовут Надежда Васильевна Луцкова.

Я тотчас же отрекомендовался, и мы разошлись. Приведя в порядок комнаты, побрился, надел китель и был готов идти в офицерское собрание, но... мысли мои были с Надеждой Васильевной. Выйдя из дома, решил перед собранием заглянуть к ней. Постучал в дверь, которую открыла сама хозяйка. Она с милой улыбкой попросила войти и смеясь спросила:

— Ну, господин капитан, заболели зубы?

Я также рассмеялся, и мы начали знакомиться. Она из Симбирска, где при отступлении армии генерала Каппеля она потеряла своего супруга (он был коммерсант). Вспомнив, что мне надо идти на обед, я поцеловал ее прелестные ручки и торопясь пошел на собрание.

Мои мысли были серьезно сосредоточены на благосостоянии батальона. Я видел, что все, что творится в полку, ни к чему хорошему не приведет. Господа офицеры совершенно не интересовались своими солдатами, и те и другие вели отдельный, отчужденный образ жизни. Господа офицеры после занятий все свое свободное время проводят в собрании, солдаты в своих казармах. Учтя все это, на следующем собрании офицеров батальона я заявил им, что попойки в собрании кончены и я требую от них быть ближе к солдату, что после обеда в собрании они снова должны идти в свои части и проводить беседы со стрелками — это залог успеха в боевом деле.

Батальон пошел на стрельбище. Увидев их стрельбу, я пришел в ужас. Я приказал немедленно перевести все роты на наводку со станка, рассыпной строй, удар штыком. Я считал, что это является самым



основным и главным обучением. Как-то командир полка пришел на наше учение. Посмотрев на занимавшихся солдат, подойдя ко мне, поблагодарил и ушел на смотр других батальонов. Я же продолжал с большим напряжением учение батальона, хотя и знал, что г. г. офицеры «скулили», но возражать не могли, так как знали, что я прав. И так каждый день с утра и до вечера я проводил с батальоном учения. Один раз в неделю проводил тактические занятия, деля батальон на две части — одна часть в обороне, другая в наступлении. Эти занятия были более продолжительными, поэтому еду нам доставляли наши ротные кухни. Таким образом, находясь все время вместе, во время отдыха курили и болтали вместе со стрелками, стало появляться чувство сплоченности, братства, — мы стали чувствовать, что принадлежим к одной семье.

Будучи постоянно занят с батальоном, я бывал редко в собрании; если имел свободную минутку, проводил ее у Надежды Васильевны. Она была не только красивой женщиной, но была также воплощением доброты, культурности, и беседовать с нею было очень интересно. Наши встречи привели к тому, что я почувствовал своим юношеским сердцем, что я ее люблю, также я был уверен, что и она имеет такие же чувства ко мне.

Как-то ночью ко мне явился дежурный офицер батальона и доложил, что в 3-й роте не все благополучно, что во время обхода ротного помещения он был освистан и даже в него бросили какие-то грязные тряпки с верхних нар. Шел второй час ночи. Я приказал командиру роты выстроить таковую, после чего, подойдя к роте, приказал выдать зачинщиков этого безобразия, но... ответа не получил и приказал держать роту в строю до тех пор, пока не будут выданы зачинщики. Рота простояла в строю до 5 часов утра, но никого не выдала. Это было для меня сигналом тревоги. Это значило, что в наши ряды проникли провокаторы. Нужно было немедленно принять меры для их разоблачения, иначе вся работа, проведенная мною с людьми, пропадет зря. Вызвав командиров рот, я предупредил их, что среди стрелков затесались провокаторы, которых нужно поймать и выбросить из рядов стрелков. Предложил им найти верных, преданных солдат и внедрить их в массу наших стрелков. Командир 1-й роты штабс-капитан Васильев первый отозвался на этот призыв и заявил, что у него есть такие стрелки. Другие командиры рот не особенно охотно согласились, говоря: «Попробуем»... и т. п. Это меня взорвало, и я заявил им:

— Я вас вызвал сюда не для того, чтобы вы «пробовали», а для того, чтобы это было исполнено, в особенности это относится к командиру

3-й роты, где провокаторы уже проявили себя. Сегодня они бросили в дежурного офицера грязные тряпки, завтра бросят ручную гранату!

Командиры рот извинились и обещали все выполнить. Через несколько дней командир 1-й роты штабс-капитан Васильев доложил мне, что у него в роте поймали троих, четвертый же был крестьянин близлежащего села, исполнивший обязанности связного между стрелками-провокаторами и красными начальниками, приславшими директивы действий. Их отправили в Ново-Николаевск в распоряжение контрразведки. Что стало с ними, не знаю, но надеюсь, что их всех ликвидировали. Через пару дней поймали двоих в 3-й роте, их также отправили в контрразведку. После этой отправки настала тишина. Все вошло в свою колею, и батальон теперь выглядел настолько хорошо — и не только с точки зрения строевой, — что он был готов идти в бой в любое время, что вскоре и случилось.

Командир полка вызвал всех г. г. офицеров в офицерское собрание, где он поднял бокал за здоровье адмирала Колчака и поздравил нас со скорым выступлением на фронт. Помимо этого, он сообщил нам печальную новость, что красные прорвали наш фронт, наша армия отступает и мы пойдем ей на поддержку. После этого начались тосты за победу и т. п., я тихонько вышел и пошел навестить и известить Надежду Васильевну, что в скором времени мы идем на фронт. Долго мы с ней сидели, говорили и думали. Ведь впереди — только неизвестность. Когда мы сможем опять встретиться и встретимся ли? Она тихонько плакала и говорила: «Какой ужас, я потеряла супруга, а теперь теряю большого друга» Она решила немедленно переехать в Ново-Николаевск и сообщить мне адрес, где я мог бы связаться с ней, если представится возможность. На этом мы расстались.

Началась подготовка к посадке в эшелоны. Последний раз я повел свой батальон на стрельбище. Стрельба прошла великолепно, пулеметчики же особо отличились — были лучше всех по меткости.

Настал день выступления. Полк выстроили поротно. Помощник командира полка подполковник Ладыжин скомандовал: «Полк! Смирно! Равнение направо! Слушай на караул!» Оркестр грянул Преображенский марш, и командир полка с адъютантом начали обход полка. Все командиры батальонов и их адъютанты стояли на фронте своих батальонов. Картина незабываемая. Командир полка здоровался с каждым батальоном в отдельности. После обхода батальон свернулся и поротно двинулся в поход на Ново-Николаевск. Всю дорогу гремел оркестр. Шествие замыкали наш разведческий эскадрон и четыре орудия нашего полка — наша артиллерия. По прибытии в Ново-Николаевск началась посадка в эшелоны. Поданный состав

поразил меня. Вагоны были красиво разукрашены елью, а посередине состава был большой портрет нашего адмирала Колчака.

Получив разрешение отлучиться, я пошел к Надежде Васильевне, которая встретила меня поцелуем и усадила в кресло... Я умолял ее в срочном порядке уехать в город Владивосток, пока еще есть возможность, и если на то будет Божье благословение и мы оба будем живы, то там мы встретимся, предстанем перед святым Алтарем и с тех пор будем муж и жена. Настало время разлуки, нужно было возвращаться в батальон. Мы крепко обнялись, и перед выходом она меня перекрестила и сказала: «Храни тебя Господь, мой любимый!»

Прошел день, полный забот о батальоне. Я знал, что командир полка любит выпить, но не мог представить себе его пьяным, еле стоящим на ногах. Каждые два часа он вызывал нас — командиров батальонов и командиров рот — в свой вагон-салон, где пили водку, виски, шампанское и т. п. Бесперывные тосты за нашу победу и победу адмирала Колчака. После нескольких таких вызовов я увидел, что некоторые командиры злоупотребляют выпивкой, поэтому приказал командирам рот меньше пить и сказал, что если замечу кого-нибудь пьяным, то таковой командир моментально будет снят с занимаемого поста.

Пришел приказ, что наша дивизия будет иметь остановку в Омске на 24 часа. За это время адмирал Колчак произведет нам смотр, конечно, мы пройдем церемониальным маршем. Прибыв в Омск, наш эшелон стал на запасный путь, так как мы были головным эшелоном 49-го Сибирского стрелкового полка и должны были ожидать прихода остальных полков нашей дивизии.

Наутро наш полк первым пришел к намеченному месту смотра. Для каждого полка места были отмечены флажками. Вскорости пришли и остальные части. С военной точки зрения — зрелище было неописуемой красоты. Наконец настал момент, когда к нам начала приближаться кавалькада во главе с адмиралом Колчаком. Раздалась команда — и 30 тысяч штыков замерли, только наши знамена слегка шевелил ветер. Сводный оркестр трех полков грянул Преображенский встречный марш. Снова раздалась команда командиров полков, и к нам приблизилась конная группа, возглавляемая адмиралом Колчаком. Объехав полки, здороваясь с каждым полком в отдельности, адмирал со своей свитой занял открытую высокую площадку, и дивизия была готова к церемониальному маршу. Наш 49-й полк шел свободным отчетливым шагом, и, не доходя до адмирала, по команде командира полка, весь полк, как один человек, положил винтовки «на руку» и, повернув головы налево, прошел стройно перед нашим Верховным Правителем. Он благодарил нас за службу и получил от-

четливый ответ: «Рады стараться, Ваше Высокопревосходительство!» В приказе по армии адмирал восхищался нашим полком и писал, что 49-й Сибирский стрелковый полк напомнил ему славных преобразенцев. Мы торжествовали, что сумели затмить наших соседей — 50-й и 51-й полки. После парада все офицеры были приглашены в гарнизонное собрание на обед, на котором должен был присутствовать и адмирал Колчак. Как обычно, тосты следовали один за другим. Пили за все и за всех — и за адмирала, и за командиров полков, батальонов, рот и т. д. Я чувствовал, что «сильно устал», незамеченным вышел из собрания и по шпалам направился к своему батальону.

Пересекая пути, я подошел к нашему составу, к вагону, где была размещена 3-я рота. Подойдя ближе к вагону, я услышал не говорящий, а кричащий голос. Подойдя вплотную к открытой двери вагона, я мог видеть все происходящее в середине, а также и слышать. Какой-то тип в грязной солдатской шинели доказывал моим стрелкам, что их везут бороться против их же братьев, которые борются для их же пользы, за счастливое будущее без эксплуататоров и т. п. Когда, мол, вас привезут на фронт и поведут в бой, бросайте винтовки и переходите к нам. Весь рабочий люд на нашей стороне!..

Я внезапно вошел в теплушку — стрелки встали, но я сказал им: «Садитесь, побеседуем». Обращаясь к оратору, я спросил его:

— Где же у тебя правда? Ты говоришь, что все рабочие на стороне красных. Интересно, почему же в настоящее время 100 тысяч рабочих Ижевского и Воткинского заводов борются против красных?! Борются они за настоящую свободу, а не за иго коммунистическое!

Я продолжал еще некоторое время в том же духе. Стрелки с изумлением смотрели на меня, а затем начали издеваться над агитатором: «Нашелся «оратор», а нашему капитану и ответить не может. Что, небось крыть нечем? Матка-правда глаза колет?» и т. д.

Вызвав дежурного офицера по батальону, приказал ему арестовать «оратора» и доставить в штаб полка, если же попытается бежать — стрелять. Немного еще поговорив со стрелками после увода «гостя», я пошел к себе в вагон и быстро уснул. Не знаю, сколько времени прошло — час, полчаса? — но меня разбудил дежурный офицер батальона и доложил, что арестованный пытался бежать и его пришлось застрелить... Сквозь дрему я улыбнулся, сказал поручику «спокойной ночи» и, повернувшись на другой бок, мгновенно уснул.

Наш эшелон шел очень медленно, часто останавливался. Наконец наши эшелоны остановились в поле. Приказ из вагонов не выходить, только г. г. офицерам — командирам батальонов — срочно явиться к командиру полка. Он пригласил нас сесть к столу, на котором была

разложена карта. Указав на карту, командир сказал: «Мы здесь, а идти должны сюда (названия леса не помню). Расстояние довольно далекое». Нам предстояло пройти, судя по карте, 40 верст (26 американских миль).

49-й Сибирский полк 13-й дивизии высадился. Построились, и я с батальоном по команде: «Вольно, винтовки на ремень» — двинулся за проводником. Вот где выявилась большая ошибка незнания «марша» Гражданской войны. Проклятые английские ботинки — они растерли стрелкам ноги так, что, пройдя не более 15 верст, я потерял очень много стрелков, которые совершенно не в состоянии были идти — подбились. Вызвал штабс-капитана Васильева и попросил его, взяв с собой дюжину стрелков, пройти в близлежащее село, находившееся приблизительно в 2 верстах от нас, и мобилизовать столько подвод, сколько будет возможно. Доложил командиру полка, что четверть состава моего батальона подбились, что так продвигаться далее невозможно и что я послал в близлежащее село за подводами и советую то же сделать и остальным батальонам. Командир полка как-то странно посмотрел на меня и сказал:

— Что ж, пехота на подводах будет маршировать?

Я ответил:

— Так точно, господин полковник, это самый правильный способ передвижения в Гражданскую войну!

В этот момент подъехала колонна подвод, и мои стрелки начали рассаживаться. Полковник рассмеялся и сказал:

— Это что-то новое для меня! Ну что ж, прикажу и остальным батальонам сделать то же самое. Кажется, вы правы!

Подобрав всех оставших, быстро покатали к месту назначения. Стрелки повеселели. Начались шутки, песни. Стрелки прибыли к назначенному месту свежими. Остановились в лесу. Впереди была уже слышна пулеметная и винтовочная стрельба — там был фронт. Все как-то сразу притихло. Подъехали наши полевые кухни и накормили нас горячими щами с мясом и черным хлебом.

Получили приказ от каждого батальона выслать офицерскую заставу на опушку леса, а командирам батальонов явиться к командиру полка. Командир полка подробно объяснил нам нашу боевую задачу, указал месторасположение противника и сказал, что на рассвете мы пойдем в наступление. Хотя каждый батальон получил свою определенную боевую задачу, но первый удар должен был быть дан всем полком одновременно.

Утром, развернув полк в боевой порядок (полк, как на параде, равнял свои цепи), с развернутым полковым знаменем, с оркестром

впереди полка — командир полка с обнаженной шашкой повел полк в атаку. Картина грозная, внушительная и изумительная! Красные не выдержали и, не приняв боя, начали отступать. В этом бою я даже не развернул весь свой батальон, а ограничился одной 3-й ротой.

Получили приказ остановиться и ждать диспозиции, которую мы и получили на рассвете следующего дня. Нашему полку приказано атаковать деревню Ушланку с обхватом обоих флангов противника, а 50-му и 51-му полкам — атаковать деревню Озерную, расположенную между двух озер.

Наш полк очень быстро вошел в огневую связь с красными. На сей раз они оказывали упорное сопротивление. Моя боевая задача — взять Ушланку. На подступах к деревне местность была покрыта мелким кустарником. Слева от меня наступал 3-й, а справа 2-й батальон нашего полка. Прорыв между батальонами был довольно большой, поэтому связь поддерживалась конной разведкой. Я же с 1-й ротой стоял на правом фланге нашего батальона. Мне ясно была слышна артиллерийская стрельба, но по звуку довольно далеко от нас. Я был уверен, что это наши два полка ведут бой за обладание деревней Озерной.

Получив донесение от моих обходных рот, что они уже заняли позиции справа и слева от деревни, я решительным наступлением, одновременно со всех сторон ворвался в деревню. Повсюду слышится наше «Ура!». Деревня занята. Масса пленных, и все они кричат: «Мы мобилизованы!» В этом бою я потерял командира 2-й роты штабс-капитана Хвостова — убит. Штабс-капитан Волошин тяжело ранен. Оба храбрые и толковые офицеры, мне было очень тяжело потерять их. Связь с соседними батальонами и штабом полка прекратилась.

Занял позицию за деревней и выслал конную разведку, чтобы они нашли штаб полка, который был расположен на мельнице, и остальные батальоны связались бы с ними. Через некоторое время разведка вернулась из-за сильного обстрела и сообщила, что проехать они не смогли — везде красные. Значит, мы окружены. Оцениваю сложившуюся обстановку. Что делать с пленными? Комиссаров пленные выдали сразу без всякого принуждения. Приказал их расстрелять. Остальным пленным предложил:

— Вступайте в наши ряды и защищайте свою родину от красной гадины или расходитесь по домам!

Триста человек решили примкнуть к нам, остальные разбрелись по близлежащим деревням, то есть по своим родным местам.

Мы окружены — нам нужно пробиться в тыл, к исходному месту. Решаю действовать немедленно. Деревню оставляем и с авангардом и арьергардом начинаем наш отход по старой дороге к мельнице.

В пути мы неожиданно натолкнулись на два орудия, с двумя офицерами и полной прислугой. Была обоюдная радость. Для нас — большое подкрепление огневой силой, для них — моральная поддержка большого количества товарищей по оружию.

В авангарде 1-я рота вошла в огневую связь с красными, занявшими позицию у мельницы. Промедление в продвижении подобно смерти, поэтому я послал 3-ю роту на помощь 1-й с приказом очистить путь к мельнице, а командира орудий попросил открыть огонь по мельнице. Быстрым натиском и штыком красные были отброшены, и путь для нас был открыт. Батальон по-прежнему имел хороший боевой вид. Пленных, взятых в деревне, я распределил по ротам.

Пройдя 15—20 верст, я решил сделать остановку. Слава Богу, кухни были с нами. И только на привале я смог поговорить с капитаном артиллерии, который вкратце рассказал мне, что произошло. Оказывается, что 2-й и 3-й батальоны, за исключением малого количества стрелков, перешли на сторону красных. Штаб полка, не предупредив меня, ушел в тыл. 50-й и 51-й полки нашей дивизии были в боях с красными, но потом большинство перешло на сторону красных. Итак, свежая 13-я Сибирская дивизия, на которую возлагалась такая большая надежда, в течение 7—8 дней кончила свое существование. Остался мой батальон, который за это время не уменьшился, а, наоборот, пополнился за счет бывших красных.

Чем можно объяснить эту ужасную трагедию? Плохой командный состав? Нет, этого не было. В дивизии велась колоссальная подпольная агитация. К моему счастью, в моем батальоне этого не случилось, я сумел вовремя изъять агитаторов, а затем в каждой роте и в каждом взводе были преданные стрелки, смотревшие за всем происходившим и при малейшем подозрении сообщавшие мне, что происходит. Это и спасло мой батальон. По этому поводу я несколько раз беседовал с командиром полка и другими командирами батальонов, но они на мои предупреждения не реагировали. Вот это-то и было причиной гибели 13-й Сибирской дивизии.

Мой батальон в количестве 1200 штыков вышел к расположению Уфимской дивизии, где мне в конце концов удалось по телефону связаться с начальником дивизии генерал-лейтенантом Зоценко. Старик был очень рад, что мне удалось выйти из окружения и сохранить мой батальон. Получил от него приказ идти на соединение с остатками 50-го и 51-го полков. Эти «полки», если их так можно назвать, произвели на меня отвратительное впечатление. Из двух полков осталось не более 400 штыков. Все они были какие-то мрачные, со злобным выражением лица. Я боялся, что они испортят моих стрелков, поэто-

му получил от начальника дивизии разрешение остановиться в 2—3 верстах от них.

Генерал-лейтенант Зоценко вызвал меня к себе, поблагодарил за отличную боевую работу и приказал мне развернуть батальон в полк, влив в него остатки 50-го и 51-го полков. Я просил генерал-лейтенанта Зоценко разрешения сделать полк 2-батальонным, но он приказал формировать полк обычным, 3-батальонным. Разбив полк на три батальона, я рассчитывал на возможность пополнения. Немедленно распределил по ротам моих «тайных осведомителей» и в течение одной недели выловил 10 провокаторов, также подтянул полк в дисциплинном отношении. Выступил с полком на фронт. Полк дрался отлично и за взятие «Темляка» заслужил особую благодарность по армии. За этот бой я опять был представлен к Георгиевскому оружию, но началось наше полное отступление, а с ним было забыто и мое представление. Мои офицеры старались убедить меня, что я имею полное право на ношение Георгиевского оружия, но я остался при своем мнении: «Приказа о награждении не получил, значит, не имею права и носить таковое».

Бой за взятие «Темляка» был очень серьезным. Красные защищали его упорно. 2-й и 3-й батальоны наступали во фронт, я же, взяв 1-й батальон, зашел в тыл красных. Этого они никак не ожидали. Моя атака была настолько стремительной, что установленные на окраине деревни шесть орудий красных не успели сделать ни одного выстрела. Мои потери были незначительны. Мы захватили целиком санитарный обоз с шестью сестрами милосердия и двумя докторами, а также около 800 человек взяли в плен. Мост был взорван, поэтому красные бросили все свое имущество, как то: штаб 321-й советской дивизии, кухни и т. п. После боя я запросил штаб дивизии, что делать с пленными. Они все мобилизованные. Получил приказ — распустить их всех по домам. Выстроив пленных, поздравил их, что мною получен приказ распустить их по домам, а кто хочет вступить в наши ряды, пусть выйдет на пять шагов вперед. Я был очень удивлен, когда большая часть пленных вышла на пять шагов вперед. Подсчитал добровольцев — оказалось 500 человек. Опять мой полк пополнился!

Получил сообщение, что справа от нас Сибирская казачья бригада оставила фронт, не предупредив нас. Срочно сообщил генерал-лейтенанту Зоценко и просил дать указания, как мне поступить при создавшемся положении. Получил ответ: «Вам на месте виднее!» Я чувствовал, что в тылу происходит что-то неладное. Оказалось, что красные прорвали наш фронт и наша армия в беспорядке отступает. Связь прекратилась не только с флангами, но и с тылом. Собрав ко-

мандиров батальонов, я объяснил им создавшееся положение, и мы начали отступление вслепую. В конце концов мне удалось связаться с командиром Воткинской дивизии, Генерального штаба полковником фон Вахом, к которому я и вошел в подчинение, по моему личному желанию. Союзники наши оказались предателям. Наша армия отходила в глубь Сибири. Пал Омск...

Ф. Мейбом

### ГИБЕЛЬ 13-Й СИБИРСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В БОЯХ ПОД ГОРОДОМ ЧЕЛЯБИНСКОМ В 1919 ГОДУ<sup>13</sup>

Прошло больше пятидесяти лет с момента гибели 13-й Сибирской стрелковой дивизии, но до сих пор мне не пришлось читать в наших военных изданиях что-либо об этой трагедии. Я решил, что мой долг офицера, который состоял с самого начала формирования в дивизии, осветить ее кругозором строевого офицера, командира батальона. Конечно, кругозор очень ограниченный, мои воспоминания сосредоточиваются на моем батальоне, а потом полке. Пишу я по воспоминаниям давно, давно прошедших событий. Старость не радость... а потому прошу моих читателей отнестись к моим неточностям снисходительно.

Трагедия 13-й дивизии в боевой операции города Челябинска была не только ее трагедией, но и трагедией многих других частей. Разница заключалась в том, что другие наши части потеряли много из своего состава и потеряли сражение, что очень сильно отозвалось на нашей будущей возможности вырвать инициативу из рук красных, а 13-я дивизия позорно перешла к красным почти на 80 процентов своего состава. Причины к этому я опишу позднее.

Дивизия была полностью составлена из молодых сибиряков, по мобилизации, — и это самая главная причина. Вторая — все полки были поставлены на учение старого времени, масса маршировок, очень много парадов и полное невнимание к стрелкам со стороны г.г. офицеров. Третье: начиная с начальника дивизии и кончая командирами полков, а также и строевое офицерство не были совершенно знакомы с приемами тактики Гражданской войны. В нашем полку, к моему удивлению, со стажем одного года Гражданской войны был только я и больше никого. Четвертое: наш командир полка был под влиянием Омска, что наша дивизия будет гвардейской и на фронт пойдет только в том случае, если случится какое-либо несчастье с

нашей армией; а потому программа боевой подготовки была ниже всякой критики. Пятое: большое, открытое поле для большевистских провокаторов, на которых особого внимания не обращалось. Вот эти пять пунктов и послужили причиной гибели 13-й Сибирской дивизии.

\* \* \*

В жестоких боях с многочисленным противником Красной армии Волжская имени генерала Каппеля дивизия, истекая кровью, шаг за шагом отступала к городу Уфе. Волжская дивизия состояла из трех полков: Казанский (мы его называли «алаяры», сплошь из татар), Симбирский и Самарский. Этой славной дивизией командовал молодой полковник с Георгиевским крестом, храбрый из храбрейших и в недалеком будущем генерал-майор Николай Павлович Сахаров (умер в Сан-Франциско).

Ряды этой дивизии с каждым днем таяли, и из крупного состава добровольцев очень немногие оставались в строю. Полки доходили до 140—160 штыков, батальоны до 40 штыков и роты до 10 и 12 штыков. Я в то время был в Казанском полку командиром 1-го батальона и заместителем командира полка. Добровольцы до предела устали и часто голодали, но наш дух был высок, и много раз, опцетинившись, мы переходили в решительную контратаку и гнали красных на много верст назад. Ночью поход, а днем бой, и так изо дня в день.

Красные шли за нами по пятам и не давали нам возможности оторваться от них хоть на один день, но все это нас не особенно беспокоило, а главное, что нас духовно терзало, это то, что не было пополнения, которое давно нам было обещано. Но получали только всякие обещания от социалистов из города Уфы, обыкновенные «говорильные учредилки». Думали, что мы избавились от них, а они, как пиявки, на нашей шкуре.

Наконец, случился переворот в Уфе и у власти встал адмирал Колчак. Мы все с облегчением вздохнули. Теперь будет дело другое. В этом мы были уверены, и наша уверенность оправдалась... Мы получили радостную новость, что нас снимает с фронта вновь сформированная дивизия. Нашу радость описать трудно, добровольцы бросились танцевать... Но мне не повезло. Во время контратаки на красных я был тяжело ранен пулей в правую часть груди и потерял много крови. Очнулся в госпитале города Ново-Николаевска.

В то время я даже не имел мысли, что я оторвусь от моих волжан на долгое время. После выздоровления я был готов ехать обрат-

но в мою часть. Волжская дивизия в то время стояла на отдыхе и для пополнения в районе Златоуста.

Неожиданно ко мне пришел плац-адъютант начальника гарнизона и передал мне, что начальник хочет видеть меня. Являюсь и представляюсь генерал-лейтенанту Зандечко. Он очень мило встретил меня, пригласил сесть и справился о моем здоровье. Я ответил, что чувствую себя отлично. Генерал протянул мне бумагу, приказ по армии, в котором говорилось, что все офицеры после излечения от ран или болезней должны войти в полное распоряжение начальников гарнизонов.

— Итак, господин капитан, я назначаю вас в 49-й Сибирский стрелковый полк вверенной мне дивизии. Явитесь к командиру полка гвардии полковнику М. Всего хорошего. Адъютант вам выдаст необходимые документы.

Я прямо ошеломлен от такой неожиданности и начал объяснять генералу, что я старый волжанин, коренной офицер и должен вернуться обратно в мою часть, с которой совершил все бои, и что я не могу остаться без нее, это как моя родная семья и т. д. Генерал улыбался и сказал мне:

— Вот в таких, как вы, мы и нуждаемся. Всего вам хорошего, господин капитан!

Я еще не потерял надежды, срочно отправил письмо лично генералу Сахарову и просил его подействовать на высшие инстанции, чтобы мне разрешили вернуться в полк. Но получил обратно письмо от генерала Сахарова, в котором он сообщал, что все его старания получить меня обратно не увенчались успехом. «Смирись, дорогой Федор Федорович, и сообщи мне имя твоего командира полка. До скорого свидания. Твой Ген. Сахаров».

С разрешения начальника гарнизона я получил три дня отдыха, прежде чем отправиться в полк. Был в ресторанах, которых я не видел год, сходил в цирк и смотрел на французскую борьбу, а затем отправился по моему назначению. Берск, громадная деревня с широкими улицами, красиво расположена среди соснового бора. Добрался до расположения полка и очень быстро нашел штаб полка. Меня поразило, что проходившие стрелки отчетливо отдавали честь, я уже этого давно отвык. Вхожу в канцелярию полка. Обширная и светлая комната. При моем появлении все четыре писаря встали. Я просил их сесть, и ко мне подошел офицер в чине капитана с аксельбантами, адъютант полка, имя его было капитан Ермолов. Он представился мне и сказал, что он сейчас же доложит командиру полка о моем прибытии в полк. Адъютант пригласил меня в кабинет командира

полка. Вхожу и вижу полковника, который при моем появлении встал (а я не ожидал такого роста — 7,2!).

Я подошел с рапортом, после чего он пожал мне руку и просил меня сесть. Он долго меня расспрашивал: какого я училища, в каком году я его окончил и в какой части служил в Германскую кампанию, а также и в Гражданскую. Затем он предложил мне заполнить краткую записку о прохождении службы и сказал, что это особо важно, так как за последнее время появилось много самозванцев, а поэтому все списки должны быть отправлены с особым офицером в город Омск, в отдел производства, где их тщательно проверяют по «Военному Инвалиду» и другим документам.

— Ваш список отправится завтра, а пока я вас причислю к штабу полка.

Затем, посмотрев на мой Владимир с мечами и бантом, он спросил меня, в каком году я получил этот доблестный орден. Я ответил, что в ноябре 1915 года в боях в направлении Ковеля, Юго-Западного фронта. Тогда он меня спросил, как я мог попасть в третьеочередную дивизию и как это случилось, что я, окончив старшим портупей-юнкером Владимирское Петроградское военное училище 1 октября 1914 года, то есть выпущенный в чине подпоручика, попал в «какой-то» 497-й пехотный Билецкий полк. Я засмеялся и сказал:

— Господин полковник! Я ожидал, что вы меня об этом спросите, — и вкратце объяснил ему: — Я взял именную вакансию для совместной службы с моим братом Борисом, капитаном Генерального штаба и командиром 32-го отдельного Инженерного батальона, так как я был выпущен по инженерным войскам. Прибыв в батальон, я был назначен в телеграфную роту и через месяц форменным образом «завыл» от этой неинтересной для меня службы и упросил брата отчислить меня в пехоту. Видя, что он со мной ничего не может сделать, он решил меня отправить в распоряжение дежурного генерала Юго-Западного фронта. По прибытии я был направлен во вновь сформированную 125-ю пехотную дивизию. Начальником дивизии был генерал-лейтенант Энгельгард, который назначил меня в 497-й пехотный Билецкий полк. Генерал Корешков, командир полка, послал меня в распоряжение командира 1-го батальона, и я сразу же принял в командование 2-ю роту. Я провел с этим полком всю кампанию, включая «Брусиловский прорыв», был в нем дважды ранен и тяжело контужен. Полк в боевом отношении был выше всякой похвалы. Я закончил свою службу в чине капитана и командиром 1-го батальона.

Я быстро заполнил мою краткую записку и передал ее адъютанту.



Командир полка произвел на меня дивное впечатление. В его манерах и обращении чувствовался гвардейский офицер. Он имел Георгиевский крест 4-й степени, Георгиевское оружие, Владимира 4-й степени, а на рукаве пять нашивок за ранения. Выйдя из кабинета командира полка, я встретил адъютанта, который сказал, что для меня готова квартира и денщик.

Денщик встретил меня с радостной улыбкой, забрал мои вещи, и мы пошли на мою новую квартиру. Денщик Василий, молодой сибиряк, очень веселый, мне сразу понравился. Квартира состояла из двух комнат и маленькой кухни. Осмотрев их, я предложил Василию жить со мной и взять одну из комнат для себя. Он от радости громко рывкнул:

— Покорно благодарю, господин капитан!

Итак, с этого момента перелистывается новая страница новых переживаний. Я хочу описать подробно жизнь 49-го Сибирского стрелкового полка после года Гражданской войны. Мне все кажется так странно, как будто мы с полком живем на маневрах старого времени. Начальник хозяйственной части, через своего денщика, просит меня зайти к нему. Ничего не поделаешь, придется идти... Оказывается, по распоряжению командира полка все офицеры должны иметь одну и ту же форму, то есть английскую, которую пригоняет специальный портной. Все это надо сделать быстро, а я даже не имел возможности и времени представиться моей соседке, прелестной женщине, которая при моей с ней встрече подарила мне обворожительную улыбку.

Я должен идти в офицерское собрание и имею лишь один свободный час, чтобы «официально познакомиться» с ней. Я постучал в ее дверь, которая отворилась, и передо мной стояла «она» и грудным, бархатным голосом сказала: «Милости прошу». Я представился ей, и она пригласила меня войти. Я такой красивой женщины еще не встречал: дивные волосы, глаза... это что-то удивительное, они прозрачны голубые, как цвет морской волны, безукоризненная фигура с хорошенькими ножками, а пальчики... одна прелесть! Она зубной доктор. Мужа потеряла в городе Симбирске, при отходе белых частей. Я извинился, встал и сказал, что я должен идти в офицерское собрание на обед. Поцеловал ее ручку и зашагал сперва к себе, а затем в собрание.

Я буду подробно описывать жизнь и подготовку полка к предстоящим боям, и из этих описаний можно будет ясно представить главные причины гибели 13-й дивизии. С 49-м Сибирским стрелковым полком я прошел весь период его подготовки командиром батальона, помощником командира полка и, наконец, командиром полка и с ним же прошел весь Ледяной Сибирский поход.

Итак, я в офицерском собрании, которое удивительно красиво и богато обставлено мягкой мебелью и зелеными мягкими коврами. Две комнаты — одна «закусочная» и вторая — большой зал с обеденным столом, который сверкает серебром, белой скатертью и белыми же салфетками. На главной стене — портрет адмирала Колчака по весь рост. На закусочном столе самые разнообразные блюда, включая маринованного осетра и т. д. Спиртные напитки были также поданы для различного вкуса, начиная с водки и кончая коньяком.

Дежурный офицер представил меня помощнику командира полка, подполковнику Васильеву — очень милый офицер. Взяв меня под руку, он провел к закусочному столу и сказал, что он не считает своим правом знакомить меня с офицерами полка, эта честь принадлежит командиру полка. Мы выпили по рюмке водки и приступили к закускам, как раздалась команда: «Господа офицеры!» Все замерло, вошел командир полка и очень мило сказал: «Господа офицеры, прошу не беспокоиться» — и прямо пошел к нам. Поговорили о всяких пустяках, и он, выпив четыре рюмки водки одну за одной, пригласил нас всех к обеденному столу. Все заняли свои места, кроме меня и командира полка, который указал мне место рядом с ним.

Первый тост за адмирала Колчака, а затем он представил меня как вновь прибывшего после ранения офицера и, повернувшись ко мне, сказал:

— Рад вас иметь в нашей офицерской семье 49-го Сибирского полка. Милости просим, господин капитан.

С этими словами все офицеры поднялись и, как один, повторили: «Милости просим!»

Обед был простой, но очень вкусный, а особенно мне понравились «биточки в сметане». Я спросил моего соседа поручика:

— Откуда вы достали такого хорошего повара?

— О, — сказал он, — наш чародей командир полка достал его из города Омска, из самого лучшего ресторана. Ведь он имеет колоссальные связи в Омске и женат на дочери военного министра.

После обеда почти все офицеры полка остались в столовой, но я устал, незаметно вышел и тихонько поплелся домой. Ночь была лунная и очень теплая. Неожиданно мною овладела грусть... какая-то неясная... но тревожная... Вспомнились наши бои и теперь... какая разница!.. Что-то неправильно... болит мое сердце за наших добровольцев.

На следующий день командир полка вызвал меня в штаб и предложил мне поехать с ним и посмотреть на учение полка. Конечно, я с радостью согласился. То, что я увидел, — я не мог поверить моим глазам: громадное поле было покрыто маршировавшими стрелками,

я такого количества солдат давно не видел. Я обратился к командиру полка и спросил его:

— Сколько же штыков в дивизии?

Он сразу не ответил, а, подумав, сказал:

— Больше 13 тысяч штыков.

Я только мог покачать головой, а мысль сразу пробежала в моей голове: «А что бы было, если бы эту силу бросили нам в начале Гражданской войны? Я бы не сидел в деревне Берске, а был бы давно в Москве». Полковник М. также сообщил мне по секрету, что наша дивизия будет принадлежать к Новой Гвардии и шефом ее будет адмирал Колчак. Она будет брошена в бой только тогда, когда наш фронт попадет в критическое положение, чему он совершенно не верит, так как Красная армия разбита и наши доблестные части гонят ее к берегам Волги.

Через несколько дней меня снова вызвал командир полка, который с улыбкой встретил меня и провел в свой кабинет.

— Итак, господин капитан, ваша краткая записка вернулась, и, конечно, все в порядке, но почему вы не сообщили, что вы имеете и другие боевые ордена, кроме Владимира 4-й степени?

Я замялся и сказал, что я думал, что для настоящего времени Владимир 4-й степени будет достаточен.

— Потрудитесь, господин капитан, все исправить, так как ваша краткая записка будет служить вашим законным послужным списком. Кроме того, я получил письмо от вашего бывшего начальника дивизии генерала Сахарова, в котором он дает вам аттестацию как блестящего строевого и боевого офицера. Я ему, конечно, отвечу и поблагодарю его. Итак, господин капитан, я вас назначаю командиром 1-го батальона, я уже сообщил временному командиру капитану Иванову о моих перемещениях и прошу вас принять батальон завтра же, о чем письменно донести. Капитан Иванов отличный офицер и будет вам хорошим помощником по батальону.

Я поблагодарил и быстро пошел к себе на квартиру. Я много раз встречался с капитаном Ивановым, и он произвел на меня очень хорошее впечатление. Придя на квартиру, я срочно послал, в дружеской форме, записку капитану Иванову с приглашением прийти ко мне на чашку чая. Мы долго с ним сидели и разговаривали о батальоне и его подготовке к бою. Я ему сразу же сказал, что то, что я видел на учении батальона, я совершенно не одобряю и, конечно, срочно изменю. Вот что я хочу: как можно меньше времени на ненужную маршировку с перестроением и на произведение отдания чести и т. д. Главное, что я хочу видеть в батальоне, это стрельбище, рассыпной

строй, удар штыком и полевые занятия. Капитан Иванов замялся, а потом сказал мне:

— Как жаль, что вас не было раньше, я с вами, Федор Федорович, согласен на все 100 процентов, а также я знаю, что наши офицеры будут также этому рады. Я, как временный командир батальона, ничего не мог сделать. Командир полка настаивал и требовал этой рутины учения.

Мы условились, что я приму батальон завтра в 9 часов утра. Перед его уходом к нам вошла моя соседка, увидев у меня офицера, смутилась и сказала мне, что зайдет позднее. Я представил ей капитана Иванова, который просил ее остаться, так как он должен идти в батальон. Настало утро, я быстро выпил чашку чаю и направился к батальону, который уже был выстроен и ждал моего прихода.

С моим появлением раздалась команда: «Смирно! Для встречи командира батальона слушай — на караул!» Тысяча штыков блеснули в лучах солнца и замерли. Капитан Иванов подошел ко мне с рапортом, я пожал ему руку, и мы совместно начали обходить батальон. За долгое время я впервые видел передо мной действительно кадровую воинскую часть. Я здоровался с каждой ротой в отдельности, а капитан Иванов представлял мне офицеров батальона, их чины и занимаемую должность. После смотра я обошел казармы, а также и кухню батальона.

Собрав всех офицеров (их было 18) в канцелярии батальона, я сообщил им, что капитан Иванов назначается моим помощником, а также и моим заместителем, с исполнением обязанностей командира 1-й роты. После официальной стороны я пригласил всех офицеров в наше собрание, где мы съели дежурное блюдо «голубицы» и дружно беседовали. Я им описал несколько боев с красными, и они меня расспрашивали о всей пройденной Гражданской войне. Настроение у меня чудное. Впереди много работы, и единственное мое беспокойство — боюсь, что не так много осталось времени перед уходом на фронт. Несмотря на уверения командира полка, что мы, может быть, совсем не пойдем в бой — гвардия, мол, — я в это не верю.

По моему вызову явились все три командира рот. Я подробно объяснил им, что я изменяю всю программу обучения стрелка в моем батальоне. Как можно меньше внимания на всякие маршировки и т. д. и начать обучать стрелка полевой и боевой обстановке — рассыпной строй, удар штыком и т. д., а главное — стрельба. «Я дам вам письменно изложенную мною программу».

На следующий день я был на стрельбище и пришел в ужас — это было ниже всякой критики. Немедленно приказал начать одиночное обучение, наводку со станка, приказал капитану Иванову водить по-

роту на стрельбище не меньше чем три раза в неделю. Работа закипела с утра и до вечера. Предупредил г. г. офицеров батальона не задерживаться в собрании, а отдавать их время на беседу со стрелками. На этих днях дежурный офицер, при обходе ночью помещения рот, был демонстративно освистан, и с верхних нар были брошены грязные тряпки прямо в его лицо. Это меня очень обеспокоило, и я вызвал снова командиров рот и сказал им, что я думаю и даже уверен, что среди наших стрелков появились большевистские агитаторы. Угрозами ареста и даже расстрела этому не помочь, а этих агитаторов надо выловить.

— У каждого из вас, господа ротные командиры, найдутся верные вам стрелки, вот их-то и нужно завербовать как секретных агентов и узнать, что делается в ротах.

Все, конечно, согласились со мной, но вопрос, где найти таких преданных и верных стрелков. Капитан Иванов сразу же заявил, что у него такие есть и они срочно приступят к этому.

Батальон ходит на стрельбища, усердно проходит наводку со станка, и результат поразительный в лучшую сторону. Командиры рот по моему приказу набили мешки сеном и повесили их для удара штыком, и стрелок с яростным «Ура» бросается на это чучело. Кроме того, стрелки проходят штыковой бой — «удар направо», «удар налево», «удар кругом» и «отбей шашечный удар с лошади».

Командир полка приехал посмотреть мой батальон, просил меня не останавливать учение и спросил, где же одна рота. Я ответил, что на стрельбище.

— Я слышал от подполковника Васильева, что вы круто изменили программу обучения?

Я ответил, что я обучаю батальон к предстоящим боям и обращаю самое серьезное внимание на это, но, конечно, не забываю маршировку и строй. Он долго смотрел на штыковой бой палками и удар штыками, затем он с улыбкой сказал мне, что ему кажется, что я на правильном пути.

— Продолжайте, господин капитан, я с вами согласен. — Пожав мне руку, он спросил меня: — Почему я редко вижу вас и ваших офицеров в собрании?

Я с улыбкой ответил, что у меня не хватает времени, а мои офицеры так устают, что еле добираются до кровати.

Полковник М. — чудный человек, дивный гвардейский офицер, и я его очень уважаю, но, к несчастью, я думаю, что он алкоголик и все время под влиянием алкоголя, и я боюсь за него в боевой обстановке. Много он пережил. Весь он израненный, и раны его тяжелые,

мучают его, а в этом и есть причина алкоголя. Однажды он делал смотр полку, прискакал верхом на лошади, хотел что-то сказать, но упал с нее. Это произвело на меня очень тяжелое впечатление.

Я приступил к беседам с г. г. офицерами батальона. Ни у одного из них не было опыта в Гражданской войне, и, между прочим, начиная с начальника дивизии, среди всех офицеров полка я был единственный, который имел боевой опыт Гражданской войны. Вся дивизия, то есть ее состав, была мобилизована, включая и большинство офицеров, которые после Германской кампании осели и занялись другой работой, обзавелись семьями и, конечно, без особого удовольствия явились на призыв. Вот что является одной из самых главных причин трагедии 13-й Сибирской дивизии.

Кроме того, подготовка полка, а я думаю — и других полков, к боевым операциям была ниже всякой критики. Все внимание было обращено на маршировку, парады и т. д. (В этом сказывалось то, что полковник М. мне по секрету сообщил.) Офицерский состав, проведя несколько часов со стрелками, оставлял роты на фельдфебелей, а сами спешили в офицерское собрание, где проводили очень много времени и шли домой, не зайдя даже к своим стрелкам. Таким образом, стрелки жили своей одинокой жизнью, конечно очень скучной, и для большевистских провокаторов было открытое поле, так как свернуть молодого сибиряка было для них очень легкой работой.

Как-то капитан Иванов просил меня срочно прийти в 1-ю роту. Войдя в помещение роты и приняв рапорт дежурного по роте стрелка, я увидел трех солдат под конвоем. Капитан Иванов сообщил мне, что это пойманные большевистские агитаторы, которые были выловлены в его роте, и спросил, что я прикажу с ними делать. Конечно, если бы это было на фронте, то я сразу бы их ликвидировал, ну а теперь должен был сообщить командиру полка, который просил меня прислать их в штаб полка, а оттуда их направят в штаб дивизии. Когда мы остались одни с капитаном Ивановым, то я поблагодарил его за быстрый результат и сказал ему, что больше агитации в его роте не будет, так как если там и остались из них кто-либо, то они побоятся открыть рот, зная, что их «товарищей» предали, а кто — они не знают. Самый верный способ. Через несколько дней командир 3-й роты штабс-капитан Хвостов сообщил мне, что у него арестованы два стрелка за большевистскую агитацию. Их также отправили в штаб дивизии. Затем и капитан Петров сообщил, что у него во 2-й роте выловлен один агитатор, и я его отправил в штаб полка.

Время шло, и мой батальон был в работе с утра до вечера, и я думаю, что он готов к бою в любое время. Мои офицеры батальона

больше не засиживались в собрании, а все свободное время проводили в беседах со стрелками. Очень часто они меня просили познакомиться их с тактикой Гражданской войны. Я им мог только указать, что Гражданская война — это полевая война. Сплошного фронта не существует, всегда есть и будут прорывы между боевыми частями, и связь держится телефоном и разведкой. При всех обстоятельствах надо считаться с очень важным фактом, что успех в боевой операции — это не количество, а качество стрелка и его подготовки к бою.

Командный состав, начиная с командира роты, должен проявить собственную инициативу в зависимости от сложившейся обстановки, не нарушая общей боевой операции. Все операции, как наступательные, так и оборонительные, базируются на обхвате флангов и тыла противника. Резерв, которым можно нанести удар противнику при наступательном, а также и оборонительном движении, имеет большое значение.

Капитан Иванов передал мне просьбу офицеров батальона объяснить им хоть один бой, в котором я участвовал. Я с большим удовольствием согласился. Начал с того, что, прибыв в город Казань, я вступил в секретную офицерскую организацию. Какими-то предателями она была выдана Чека, и начались аресты и расстрелы. Я с двумя друзьями-офицерами удачно скрылись в Жигулевских горах и, холодные и голодные, бродили до тех пор, пока не наткнулись на отряд поручика Вотягина, имя которого было грозой для комиссаров — за его голову Чека предлагала 5000 рублей золотом.

В прошлом он был учителем в городе Свияжске. Большевики убили его жену и двух детей, и с тех пор он ушел в подполье. Будучи охотником и рыболовом, он знал всю местность отлично и, не задерживаясь в одном районе, был все время в движении и появлялся там, где его не ожидали. На чекистов он навел панику, ловя их в сельских и деревенских учреждениях и нападая на спящих чекистов карательных отрядов. Он был рожденным вождем партизан.

В плен он не брал, объясняя, что возиться с ними у него нет возможности, а оставить их живыми — они будут продолжать свою гнусную работу. Мы, три офицера старше его в чинах, с большим удовольствием подчинились ему. При взятии города Казани наши партизанские отряды ударили в тыл красным, помогая добровольцам полковника Степанова войти в город. В этом бою поручик Вотягин был тяжело ранен из пулемета. Умирая, он дал мне небольшую коробочку и просил передать его сестре, адрес которой был в коробочке. Позднее я открыл ее. Там лежал офицерский Георгиевский крест 4-й степени, о котором он никогда нам не говорил. После долгих

розысков я нашел его сестру. Оба мы поплакали о потере такого чудного человека и доблестного офицера.

Я перешел к описанию моего первого открытого боя с большевиками. Наш партизанский отряд разошелся по отдельным частям. Я лично забежал поцеловать маму и брата Георгия с его семьей, а после пошел согласно приказу полковника Степанова в здание военного училища, где формировались офицерские роты. Я вступил рядовым офицером в 1-ю роту, которой командовал доблестный офицер гвардии полковник Радзевич. При упоминании его имени я неожиданно услышал голос командира полка, который незаметно вошел во время моей беседы с офицерами. Повернувшись к нему, я подал команду: «Господа офицеры». Все встали, он подошел ко мне и просил извинения, что перебил меня, что он хочет сказать, что полковник Радзевич его большой друг, с которым он совместно служил лейб-гвардии в Семеновском полку. «Пожалуйста, продолжайте, я также останусь и буду слушать вас».

Наш первый бой был перед деревней Услон (на противоположном берегу Волги). Офицерская рота в 280 штыков при четырех пулеметах «максим» ночью шла на погрузку на пароходы. Всюду тишина, слышен только отчетливый шаг роты. Кто-то, открыв окно, кричал нам: «Храни вас Господь», многие крестили нас и желали победы.

Буксирный пароходик мог погрузить только одну четвертую часть роты. Полковник Радзевич заявил капитану буксира, что сажает по полроты на каждый рейс. Офицеры, как комары, облепили пароходик, и он тронулся. Перешла и вторая полурота... У нас была боевая задача захватить свияжский железнодорожный мост.

Рота, свернувшись в походную колонну, с походной заставой и дозорами, тронулась в направлении ближайшей деревни от Услона, где мы должны были остановиться на дневку. Неожиданно раздалась стрельба из нашей заставы. Посланный офицер сообщил, что заставка натолкнулась на разведку противника. Полковник Радзевич приказал прибавить ходу. Уже совсем рассвело. Когда мы поднялись на возвышенность, окружающую деревню, расположенную в котловине, начальник заставы доложил, что деревня занята матросским отрядом, судя по курткам разведки. Раздался злобный смех среди офицеров: «Так вот они где! Придется поковырять эту сволочь».

Командир роты после исследования позиции приказал 1-му взводу рассыпаться и хорошо окопаться, половине 2-го взвода скрытно добраться до густого кустарника, а другой половине — так же скрытно добраться до оврага. Таким образом, они подставляли оба фланга противника под удар. Я лежал в цепи, а рядом со мною справа был

подполковник, а слева штабс-капитан, недалеко от меня окопался пулемет. Полковник Радзевич строго приказал не открывать огня без его свистка.

Долго дожидаться не пришлось. Я ясно видел, как строились матросы и как они, развернувшись в цепи, пошли на сближение с нами. Цепи очень густые (их было три), заполнили все расстояние между нами и деревней. Матросы шли с пением, как на параде. Все ближе и ближе... уже видны очертания лиц... но свистка еще нет. Штабс-капитан слева от меня привлек мое внимание на огромного роста матроса, который все время грозился кому-то, может быть, нам, а может быть, и своим. «Господин капитан! Давайте возьмем его на мушку и уложим в первую очередь!» Я согласился, и мы старались не потерять его. Матросы уже не идут, а с криком «Ура» приближаются к нам. Мы ясно слышим, как они кричат: «Сдавайся, корниловцы!» Резкий свисток — и рота опоясалась огнем. Четыре пулемета, как швейные машины, безостановочно застучали. Первые ряды были скошены, и наш «большой» матрос как-то неестественно перегнулся и упал.

Матросы перегруппировались и снова пошли на нас. Приказ по цепи — быть готовыми принять их в штыки, резервный взвод вошел в наши ряды, и мы с громким «Ура» пошли на них; еще бы один момент, и мы вступили бы в штыковой бой, но в это время на противника обрушились наши два полувзвода с левого и правого флангов. Матросня попала в западню и с колоссальными потерями в панике бросилась обратно в деревню, но очень немного дошло их до деревни. Все поле было покрыто черными тужурками. Остановить нас было очень трудно, мы сидели на спинах в панике бегущих матросов и на их спинах ворвались в деревню. Но здесь нас ждал сюрприз. Мы не знали, что Московский отряд коммунистов находится в деревне. С жаром, под их огнем мы пошли в штыки, сбросили их с их позиций и погнались с остатками матросов к станции Свяжск. Пленных мы не брали. Жаль, что не было кавалерии, а то мы могли бы захватить и самого Троцкого, который удрал от нас из Свяжска перед самым нашим носом.

Первый наш бой! Какой успех! И все мы знали, что в этой победе мы должны быть благодарны полковнику Радзевичу. Какой он храбрый и в то же время спокойный... дивный командир, чудный офицер. Потери у нас незначительны, и те мы получили от Московского отряда. Крестьяне говорили, что мы их фактически уничтожили. Когда красные пришли в деревню, они орали, что перебьют всех «корниловцев», а как начали удирать, так штаны забыли надеть. «Ну и побили же вы их»

Я также рассказал своим офицерам, что вскоре мы имели серьезный бой с латышской дивизией, которую мы, совместно с 1-м Чешским полком полковника Швеца, разбили и вывели из строя на долгое время.

— На этом я кончаю мою беседу с вами и благодарю вас, господа офицеры, за внимание, которое вы мне оказали.

Командир полка подошел ко мне, крепко пожал мне руку и, не говоря ни одного слова, пошел к выходной двери, но прежде, чем открыть дверь, он громко сказал:

— Благодарю вас, господин капитан!

Мои офицеры также благодарили меня и говорили, что не знали, что я был в партизанском отряде и рядовым в офицерской роте. Они, конечно, знали, что я был в Волжской дивизии. Настроение у меня дивное, я вижу успех в моей работе, а впереди еще много работы.

Вскоре мы получили тревожную новость, что наш фронт прорван и наша армия отступает. Наша дивизия в срочном порядке перебрасывается на фронт. Начались поспешные сборы полка, но это не мешало командиру полка поднимать с утра до вечера бокалы за победу... Беспокоюсь я за него... что же будет с ним на фронте? И чем я могу помочь ему? Мне жаль его от всего сердца. Ведь он отдал все, что мог, на защиту Родины. Пять ранений — два очень серьезных, которые до сих пор не дают ему покоя.

Полк выступил с оркестром из деревни Берск. Удивительно красивая военная картина, когда 3 тысячи штыков, как на параде, начали свой марш. Посадка полка — на станции Ново-Николаевск. Эшелоны уже готовы. Меня удивило, что все вагоны были украшены ельником и портретами адмирала Колчака. Откуда они успели достать все эти украшения?

Перейду обратно к полку и его посадке в эшелоны. Посадка произошла быстро, и наш полк с громким свистом паровоза двинулся к Омску. В Омске сосредоточивалась вся наша дивизия, и адмирал Колчак хотел посмотреть на нас, на его последнюю надежду... Наш полк проходил церемониальным маршем и получил особую благодарность от адмирала Колчака. После парада мы, то есть все офицеры, были приглашены в гарнизонное собрание на обед, а стрелки получили по чарке водки и очень хороший обед со сладким от адмирала Колчака. После обеда начались тосты, и я решил незаметно пойти к себе в эшелон. Подойдя к теплушкам 3-й роты, я услышал голос, который с яростью что-то доказывал стрелкам...

— Что же вы? Стрелять в своих же братьев будете? — и т. д.

Я тихонько подошел к теплушке и увидел какого-то типа в солдатской грязной форме, который, размахивая руками, доказывал стрелкам, что их ведут на убой царские палачи-офицеры. «Товарищи! Придете на фронт, и в первом же бою бросайте ваше оружие и переходите на сторону ваших братьев, которые сражаются за вашу свободу!»

Я подумал, что если я его арестую сейчас же, то стрелки могут подумать, что я заткнул ему рот, а поэтому я быстро вскочил в теплушку. Все замерли, и я с улыбкой обратился к этому типу и сказал, что то, что я слышал, — это сплошное провокаторское вранье.

— А ну-ка, давай поговорим. Ты уверяешь моих стрелков, что большевики их братья. Значит, по-твоему, выходит, что 50 тысяч рабочих Ижевского и Воткинского заводов, которые восстали против этих «братьев», тоже царские палачи? — И начал приводить факт за фактом, и, прижав его к стенке под громкий смех стрелков, наконец, я его спросил: — Ну, что можешь на это ответить? Не можешь, потому что ты провокатор!

Стрелки кричали мне: «Господин капитан, дайте его нам! На нашу расправу... туды и сюды его...»

Внутренне я торжествовал и, вызвав дежурного офицера, передал его ему. Я предупредил дежурного офицера, что арестованный очень опасный большевистский агитатор, и просил быть очень осторожным с ним и, если он сделает попытку к бегству, открывать по нему огонь. Не знаю, пробовал ли он бежать или нет, но дежурный офицер доложил мне, что агитатор сразу же бросился бежать, и он открыл огонь и убил его. Ну, туда ему и дорога...

Кончились банкеты, парады и т. д., и мы снова в вагонах и подъезжаем недалеко к фронту. Наступает экзамен на боевую способность и на верность. За мой батальон я не беспокоюсь, я в него верю, а вот другие два батальона вызывают у меня тревожное чувство. Ведь они продолжали маршировать и к боевым операциям, мне казалось, совершенно не подготовлены. Ну, это дело их, в бою увидим, кто был прав и кто не прав. Я молю Бога, чтобы все было хорошо и мы своей мощью 13 штыков сбили бы части красных.

Наш полк высадился и должен пройти от 30 до 40 верст к нашей позиции. После десяти—пятнадцати верст я испугался, что приведу половину батальона. Проклятые английские ботинки натирали ноги до крови, и стрелки садились в стороне от дороги и отказывались идти. Я вызвал капитана Иванова и просил его взять двух-трех стрелков, отправиться с ними в ближайшую деревню и через старосту мобилизовать 15—20 подвод, что он и сделал. Мы быстро посадили их на телеги, а

на свободные я сажал по очереди других стрелков и таким образом сохранил почти весь батальон.

Полк подошел близко к фронту. Был слышен пулеметный и ружейный огонь и изредка бухала чья-то пушка. Полк расположился на окраине леса, лицом к невидимому противнику. Пришли кухни, и стрелки сразу же повеселели. Приказ — костров не разводить. Тут же мы и ночевали, а утром командир полка вызвал к себе всех командиров батальонов и, развернув карту, указал общую операцию полка. Впереди нас, говорил командир полка, красные, которые окопались. Он указал на карте, где их линия. «Мы от них в полутора верстах. Эту позицию я решил взять всем полком, и когда мы их собьем, то начинаются отдельные боевые задачи каждого батальона. Штаб полка будет находиться у мельницы. 1-й батальон идет на занятие деревни (названия не помню), после занятия донести мне и ждать дальнейших распоряжений».

Для двух других батальонов была задача перехватить дорогу и занять большое село севернее меня, в 6—7 верстах, и держать связь конной разведкой. Слева от меня находилась какая-то конная часть, которая свяжется со мной. Я был немного смущен, что в боевом приказе не было указано полкового резерва.

Итак, командир полка вызвал оркестр, обнажив свою шашку, развернул полк в цепь и во главе полка пошел в атаку. Картина действительно изумительная, когда 3 тысячи штыков, как на параде, с музыкой пошли вперед. Красные открыли ружейный огонь, но не выдержали и оставили свою первую позицию. С этого момента батальоны пошли выполнять данные им боевые задачи.

Оставив две роты в резерве, я третью, поручика Хвостова, бросил вперед. Рота наступала очень быстро, но под огнем противника залегла в полутора верстах от деревни. Я срочно выслал полуроту справа и полуроту слева с задачей обойти фланги противника, о чем донести мне, ждать моей фронтовой атаки и только тогда обрушиться на красных, как на левый, так и на правый фланг. 1-я рота в резерве. Я слышал сильный артиллерийский огонь справа, это наши батальоны вступили в бой.

Через некоторое время я получил донесение от обеих обходных колонн, что они выполнили свою задачу и ждут нашей атаки. Я подвел 1-ю роту ближе к 3-й роте и пробовал связаться по телефону с командиром полка, но телефонная линия, видимо, порвана. Тогда я послал конного с донесением командиру полка, что я перехожу в атаку.

С криком «Ура» мы бросились в штыки. Сильный огонь из пулеметов и винтовок наносит мне большие потери. Но в это время мои



обходные колонны обрушились на фланги и тыл красных. Огонь сразу прекратился, и красные бросились назад в деревню, но там их также встретили огнем наши обходные колонны. Побросав винтовки и подняв руки, они кричали: «Не бей! Мы мобилизованы!» Деревня взята. Я должен получить от командира полка следующую боевую задачу, но пока еще не имею. Выставив заставу, я дал отдых стрелкам. Пленных около 300 человек, я решил их загнать в скотню и поставить охрану. Я давно выслал конную связь к нашим батальонам, но их до сих пор нет. Слева должна быть казачья связь, ее тоже нет. Что-то странное и тревожное творится вокруг. Была артиллерийская стрельба, но ее больше нет.

В это время с полного карьера влетает конный, посланный мною с донесением командиру полка, и докладывает, что штаб полка ушел, а на его месте красные, которые обстреляли его. Это меня очень обеспокоило. Еще хуже, когда вернулись посланные для связи с нашими батальонами, которые они не нашли и также были обстреляны красными. Что-то случилось очень скверное, и для меня ясно, что мы окружены. Но с 900 штыками и с семью пулеметами я уверен, что мы пробьем окружение. Терять времени нельзя. Сперва развязаться с пленными. Собрав их вокруг себя, я сказал им, что они имеют два выхода: или разойтись по домам, или же желающие могут вступить в наши ряды. 40 человек изъявили согласие остаться с нами и в недалеком будущем показали себя отличными боевыми солдатами.

В будущем я узнал, что наши два батальона, попав под сильный огонь артиллерии красных и не выдержав атаки, подняли руки, и многие офицеры были ими убиты. Командир полка думал, что то же случилось и со мной. Конечно, это не есть оправдание уйти и не сообщить мне. Он был смещен с командования полком, в котором остался лишь один мой батальон.

Я потерял в этом бою 45 стрелков, из них убитых 12 и раненых 33. Офицеров убито 3 и ранено 5; все раненые офицеры остались в строю, за исключением прапорщика Мельникова 3-й роты, раненного в живот. Убитые офицеры: командир 3-й роты поручик Хвостов, штабс-капитан Лаптев и поручик Зеленков. Царство им небесное, были доблестные офицеры. Я похоронил всех стрелков на деревенском кладбище, а всех раненых посадил на телеги, также и тела трех убитых офицеров. Я вызвал трех командиров рот, объяснил наше положение и просил их не беспокоиться: хоть мы и окружены, но с нашими 900 штыками мы разорвем любое окружение. Я развернул карту и указал, куда я направляю удар, а после прорыва мы идем к железной дороге в надежде по пути встретить любую нашу часть, от

которой получить ориентировку. Наши стрелки вели себя в бою с доблестью, и перехода к красным не было ни одного случая, что мне было радостно чувствовать — ведь это мое воспитание...

Даю приказ: 1-я рота идет в авангарде (я считал ее лучшей из батальона) с заставой и дозорами и с приказом капитану Иванову действовать решительно, если встретятся какие-либо препятствия со стороны противника. 2-я рота в арьергарде с отходящей сильной заставой и дозорами. Весь обоз с ранеными посередине батальона. Наши санитары выбились из сил, но я на это не обращаю внимания. Авангард в составе 1-й роты вошел в бой с красными. Я послал в помощь полуроту 3-й роты и приказал немедленно очистить путь, что 1-я рота быстро исполнила и в штыковом бою отбросила противника.

Путь свободен, и батальон пошел вперед. Началась стрельба в нашем тылу, и я получил от командира 2-й роты паническое сообщение, что красные массой наступают на него. Взяв моих пленных «красных», я пошел в арьергард и приказал командиру роты начать контратаку. Он что-то замешкался, и я ему сказал, что смещаю его с должности командира роты, и, подняв стрелков, сам повел их в атаку. Мои «пленные» были выше похвал и, перегнав стрелков 2-й роты, пошли в атаку первыми. Красные отошли, но надолго ли?

Командиром роты я назначил штабс-капитана Краца и сказал ему во что бы то ни стало сдерживать красных. Он ответил, что сделает все, что в его силах. Мои «пленные» потеряли шесть своих стрелков, всех ранеными. Разведка батальона подходит к мельнице, где был раньше штаб полка. На пути нашего отступления мы наткнулись на группу стрелков 70—75 человек, это были остатки от 2-го и 3-го батальонов нашего полка при четырех офицерах и два английских орудия с полным составом прислуги. Командир батареи подполковник Смоленков, у него достаточное количество снарядов.

Я срочно влил остатки стрелков двух батальонов в отряд «пленных», и таким образом у меня образовалась довольно крупная 4-я рота в 100—115 штыков. Я вызвал из 1-й роты подполковника Жейкова и назначил его командовать этой ротой, которую мы называли «особая», без номера. У всех этих стрелков было паническое настроение и они были очень счастливы встретиться с нами. Один из офицеров не выдержал и заплакал от счастья... и жал мне руку. Одновременно я предложил командиру батареи войти в мое подчинение и объяснил ему обстановку. Я отозвал в сторону офицеров 2-го и 3-го батальонов и командира батареи и спросил: «Что же случилось, в конце концов?»

Стрелки 2-го и 3-го батальонов, попав под сильный огонь артиллерии, когда пошли в атаку, перешли на сторону красных, убив многих своих офицеров и многих захватив с собой в плен. Командир же батареи сказал мне, что такого безобразия он никак не мог ожидать, все бросили его, и он блуждал со своими орудиями без охранения, в надежде встретиться с нашими частями. «Слава Богу, что встретились с вами, господин капитан», — сказал он. Я просил их не говорить об этом с моими стрелками.

1-я авангардная рота вступила в бой у мельницы, где раньше был наш штаб полка. Тут мы встретились с упорным противником, и 1-я рота залегла под сильным ружейным огнем. Я бросил в помощь капитану Иванову другую полуроту из резерва и просил командира батареи встать на позицию и открыть огонь по мельнице.

В это время раздалась стрельба в нашем тылу, и командир 2-й роты донес, что на него снова нападают большие силы красных. 1-я рота с резервом бросилась снова в штыки и с помощью артиллерийского огня заставила красных отойти, а затем обратиться в паническое бегство. Путь открыт. Надолго ли? Я взял «Особую роту» и пошел с нею в арьергард, мы перешли в контратаку и также отбросили красных. Батальон быстро отходит. Я снова имею 3-ю роту и «Особую» в моем резерве. Я сменил 1-ю роту, так как она была все время в боях, и взамен выслал из резерва 3-ю роту. У нас есть потери убитыми и ранеными. Я потерял еще трех офицеров, двоих из 1-й роты и одного из 2-й, все ранены, один тяжело, в грудь. Доктора нет, а что санитары могут сделать?

Наступила ночь. Окружив себя со всех сторон охранением, поставив орудия в центре, батальон сразу же заснул крепким усталым сном, слышны были лишь стоны раненых... но что я мог сделать?

Рано, чуть поднялась заря, я тронул батальон, и мы тронулись в наш неизвестный путь. Все мои стрелки и офицеры голодные, и я решил выслать моих последних конных разведчиков в направлении железной дороги (командир полка по неизвестным нам причинам забрал от каждого батальона конную разведку и оставил для нас по 5—6 конных). Через полчаса они вернулись, будучи обстреляны. Значит, мы еще не вышли из окружения. Тем же порядком мы двинулись вперед. Вышли из леса, и перед нами было большое открытое поле, а на другой стороне этого поля снова шел лес.

Наша дорога шла через эту открытую местность. Как только батальон полностью втянулся в это открытое поле, с нашего левого фланга вышла громадная масса — лавы конницы; как черные тараканы, они

начали сперва шагом, а затем перешли на рысь. Я приказал быть готовыми к отражению конницы — 1-й и 2-й ротам встать в первую линию, 3-й роте продолжать охранение нашего тыла, и «Особой» роте быть в моем резерве. Каре я пока не ставил, так как хотел убедиться, куда противник решил нанести свой удар.

Мои стрелки отлично знали строй против кавалерии, и я о них не беспокоился. Два орудия встали позади первой линии и в любую минуту могли выкатиться вперед, то есть в ряды 1-й и 2-й рот; все наши пулеметы были готовы и заняли позиции — три в первой линии и по два на флангах. Лава кавалерии перешла в карьер. Команда: «Против кавалерии! Стройся!» — и, как на учении, роты построили каре. Все ближе... и ближе. Я все еще выжидаю и, допустив их на короткую дистанцию, команду: «Огонь!» Два орудия били на картечь, и первая лава конницы была сметена, а другие бросились назад и, перестроившись, снова пошли в атаку. Но их постигла такая же участь, как и первых. Было страшно смотреть, как орудийный огонь взрывал людей и лошадей... Все перемешалось в кучу лошадей и людей, и на этом их конная атака захлебнулась. Стрелки бросились ловить лошадей. От раненых кавалеристов мы узнали, что это был особый конный ударный отряд в 600 сабель.

Что мне делать с ними? Большинство мобилизованы. Приказал санитарам взять их с поля, и на опушке леса санитары постарались перевязать многих из них. Красные придут и позаботятся о них, а у меня нет времени заниматься ими. Батальон свернулся и тем же порядком двинулся вперед. Наша конная разведка натолкнулась на кухни этого особого конного отряда, их было две, полные щей и вареного мяса с гречневой кашей, а также масса хлеба. Радости было много, и я решил задержаться и накормить стрелков. Это взяло у меня около полутора часов, и я стал беспокоиться, что красные снова преподнесут нам сюрприз, — надо двигаться. Кухни мы не оставили, а взяли с собой, думая, что могут пригодиться в будущем.

С командиром батареи у нас были самые дружеские отношения. Он кадровый офицер, с большим опытом Германской кампании, и все время преподносил мне комплименты о том, как я умело распоряжаюсь боем и что все офицеры и стрелки в восхищении от меня и т. д. Эти комплименты всю мою жизнь смущали меня, я почему-то их не переношу... Мы очень много рассуждали о причинах гибели полка, и он удивлялся, как я мог сохранить батальон, ведь этот батальон был комплектован такими же стрелками, как и 2-й и 3-й батальоны. Как же так случилось? Я ему подробно все объяснил, и он только грустно вздохнул и покачал головой.

Мы идем, и никаких сопротивлений со стороны противника нет, видно, они получили хороший урок... Мои стрелки поймали 12 лошадей с седлами, и я решил их влить в конную связь, а для этого мы выбрали 12 стрелков, которые ездили верхом раньше. Я взял из 2-й роты прапорщика Норкина, который был вольноопределяющимся в 5-м Уланском Литовском полку, и приказал ему привести команду в порядок. Шашек было взято масса от убитых и раненых красных.

Наконец — радость: наш разъезд встретился с конной разведкой Уральского или Уфимского (не помню) полка. Перейдя их линию обороны, мы были встречены с большим удивлением, когда они увидели стройные ряды 900 штыков — сибирцев. Спрашивали — какая дивизия? И когда наши стрелки ответили, что это 1-й батальон 49-го Сибирского стрелкового полка, они кричали: «Врешь, сибиряк, таких батальонов нет!»

Я начал разыскивать штаб дивизии и после долгих поисков нашел начальника дивизии. Рапортую, что 49-го Сибирского полка 1-й батальон выбрался из этой каши и что он прикажет, как поступить дальше? Он спросил меня: «Сколько штыков вы вывели?» Я ему отвечаю, что около 900 штыков. «Прежде всего я вас благодарю за доблестную работу, господин капитан, и назначаю вас командиром 49-го Сибирского стрелкового полка. Остатки от двух батальонов и от двух полков вольются в ряды вашего полка. Сдайте всех больных и раненых в санитарный поезд, который будет ожидать на разъезде около деревни». Я ему ответил, что 70 штыков из двух батальонов я уже влил в наш резерв. Он также сообщил мне, что у него есть до 300 штыков — остатки 50-го и 51-го полков. «Отходите в деревню (не помню названия), я даю вам пять дней отдыха».

Таким образом, я имел полк больше 1200 штыков, которые я разбил на три батальона, назначив лучших офицеров на должности батальонных командиров. На этом я кончаю описание трагедии 13-й Сибирской стрелковой дивизии.

В будущем мой полк принял тяжелые бои и под Курганом, во встречном бою, разбил 318-ю советскую дивизию, забрав в плен около 600 человек, пять орудий с полной упряжкой, полевой санитарный отряд с двумя докторами и семью сестрами милосердия. За этот бой генерал Зоженко представил меня к Георгиевскому кресту, но получить его я не смог, так как началось полное отступление нашей армии. Хотя я имел от генерала Зоженко официальный документ о представлении меня к Георгиевскому кресту и что я могу считать, что я его получил, но этого для меня не было достаточно, и я никогда не представлял себя как георгиевского кавалера. Какая-то судьба пресле-

довала меня с георгиевскими наградами. В Германскую кампанию я был представлен к Георгиевскому оружию, но взамен получил Владимира 4-й степени.

С 49-м Сибирским стрелковым полком я прошел все бои, включая Ледяной Сибирский поход. Состав полка таял, и от тысячного состава оставалась третья часть. В бою под станцией Зима я потерял лучшего офицера и друга капитана Иванова, он был убит в атаке с Воткинской дивизией на станции Зима. Я пришел в город Читу с 200 стрелками и с массой больных сыпным тифом. Офицерский состав был в количестве 22 человек.

В. Молчанов<sup>136</sup>

### БОРЬБА НА ВОСТОКЕ РОССИИ И В СИБИРИ<sup>137</sup>

С левого фланга вести были неутешительные. Сейчас расскажу, в чем дело, так как это интересно, как факт бытовой. В Яркеево в мое распоряжение прибыл гусарский полк Уфимской кавалерийской дивизии<sup>138</sup> под командой полковника Павлова, который лично прибыл ко мне на четверке цугом, как архиерей. Впечатление он произвел на меня подавляющее как своим возрастом, так и внутренним содержанием, хотя обладал одним достоинством — пил здорово. Полк был отличный по составу офицеров и солдат, и зачем понадобилось назначать командиром этого полка офицера, не нюхавшего пороха и бывшего всю Великую войну в тылу?

Полку была дана задача охранять левый фланг отряда. Выполняя эту задачу, полк встретился с тысячным отрядом, который открыл стрельбу из орудия. Командир — в коляску, и «пошла писать губерния»: он решил, что все потеряно, и бежал с эскадронами в тыл до самого Бирска — если не ошибаюсь, 90 верст — там его остановил штаб корпуса.

Днем еще я знал от офицера этого полка о случившемся. Конечно, я не рассчитывал, что в тылу могут быть какие-либо части, кроме частей т. Кожевникова, но ведь тыл-то был угрожаем все время. Захватывались мои обозы, отдельные офицеры и солдаты. Суммируя все вместе взятое, я решил отойти в Асяново. Ночью отошли незаметно и на подводах за ночь прошли весь путь. Капитан Модестов в Асянове уже никого не застал, так как красные, узнав о движении отряда, ушли опять влево.

В Асянове ко мне присоединились остальные два батальона 13-го Уфимского стрелкового полка с пулеметной командой (командующий

полком капитан Карпов) и 1-й батальон 4-го Уфимского артиллерийского дивизиона. Таким образом, состав отряда был такой: Прикамский стрелковый полк: 3 батальона, пулеметная команда — 12 пулеметов, конная разведка — 120 шашек. Прикамская батарея — 2 орудия. 13-й Уфимский стрелковый полк: 3 батальона, пулеметная команда — 12 пулеметов. Уфимская батарея — 2 орудия. Гусарский же полк находился в тылу штаба корпуса и доформировывался, выполняя задачи, даваемые штабом корпуса, поэскадронно, главным образом по разведке.

Укрепленная позиция оказалась никуда негодной, окопы вырыты были посередине переднего ската в глинистой почве, обстрел только дальний, подступы же к селу и самое село в мертвом пространстве. Указал место построения окопов внизу, обратив особое внимание на расположение пулеметов для перекрестного огня. Выбор пехотной позиции был мой конек, и в этом случае эта позиция стоила красным очень дорого.

Расположение частей было таково: Прикамский полк — правый участок от Асянова включительно до пристани Дюртюли, занимая последнюю 3-м батальоном. 2-й батальон Уфимского полка примыкает к левому флангу. 1-й и 3-й были в боевом резерве, находясь за левым флангом уступами.

Красные подошли не скоро, оправляясь от боя под Яркеевом. Батальон Уфимского полка, занимавший деревню впереди Асянова, заставил красных развернуться в 12 верстах от Асянова и целый день заставил их мотаться цепями, и только к вечеру красные подошли к Асянову и немедленно повели атаку на батальон Уфимского полка и две роты Прикамского, обстреливая окопы наверху, где несколько стрелков и один пулемет изображали силы. Красные лихо пошли на село и, подпущенные на 200 шагов, были встречены пятью пулеметами в лоб, не считая с флангов. Потеряв около 150 человек убитыми и ранеными (оставшимися на поле), красные отхлынули назад.

Утром атака началась обстрелом артиллерией — снова незанятых окопов. Еще ночью я, получив сведение, что противник силою около двух батальонов пехоты при двух орудиях ушел в обход моего левого фланга, приказал усилить разведку и наблюдение тыловому батальону моего резерва. С началом наступления, ведшегося очень осторожно и медленно по всему фронту до Дюртюлей, было выяснено, что колонна до батальона пехоты при двух орудиях движется в обход батальона, стоящего на левом фланге первым уступом. Колонна, вышедшая ночью, была под наблюдением и к 10 часам утра находилась на высоте первого уступа, идя примерно в 7 верстах влево.

Я решил, не предпринимая ничего против этой колонны, разбить сперва ближайшую колонну. Это нам удалось, но не так, как я хотел: батальон второго уступа поторопился и ударил не в тыл, а во фланг, тогда, когда первый уступ еще не мог принять участия. Противник отошел, заняв позицию во фланг, и пришлось уже нам атаковать и нести потери.

В 12 часов дня стало известно, что противник переправился через реку Белую в тылу Дюртюлей и ведет атаку с тыла на батальон Прикамского полка. Не предвидя этой возможности, так как всецело уповал на флотилию, я не имел ничего ближе чем за 12 верст, то есть батальон второго уступа слева, который в это время вел атаку. Впоследствии оказалось, что флотилия, опасаясь осеннего мелководья, самовольно ушла в Уфу, не известив об этом меня. Командир Прикамского полка, имея в резерве к тому времени всего одну роту, приказал командиру батальона в Дюртюлях самому ликвидировать обход, как оказалось, двух рот красных.

Командир батальона, оставив в Дюртюлях одну роту, благо красные с фронта были не энергичны, строя, по-видимому, всю операцию на обходах, с двумя ротами незаметно ушел из Дюртюлей, в 4 часа ударил на красных, еще не окончивших переправу, всеми силами и сбросил их в реку, частично разметав по левому берегу. Человек 30 красноармейцев мы забрали на другой день в тылу. Тут же сдалась рота в 83 человека, заявив, что они попросились в обход, прочитав мое воззвание (напечатанное на машинке), где я писал, что сдавшиеся с оружием не подлежат допросу и немедленно отпускаются по домам или остаются у меня служить, по желанию. Рота вся осталась у меня, составив 8-ю роту полка, которую распределили между 7-й и 9-й. Впредь эта рота пополнялась на общем основании и великолепно дралась. Долго еще ее называли красноармейской ротой. Итак, к 4—5 часам вечера этот обход был ликвидирован.

Я не опасался более за этот фланг, так как из опроса пленных выяснилось, что и красные послали эти две роты на авось. Весь расчет их велся на глубоком обходе двух батальонов, к которым сегодня вечером должны присоединиться два отряда товарища Кожевникова. Задача отряда: занять в моем тылу позицию и встретить наши отходящие части. Да и мое впечатление было таково.

К вечеру красные стали более энергичны и против Асянова, где они повели атаки, главным образом, на 5-ю (студенческую) роту Уфимского полка и 4-ю Прикамского. Студенческая рота буквально измывалась — подпускала вплотную и шла в штыки, 4-я рота Прикамского полка избивала пулеметами. Наша артиллерия в этом на-

правлении не стреляла, будучи занята безрезультатной борьбой с двумя фланговыми орудиями красных. Ошибка была в том, что я не подчинил батареи начальникам боевых участков, оставив руководство ими за собой; связь же была так плоха, что обстановка меня сильно опережала. К ночи я решил на всем протяжении перейти в контратаку и, отбросив красных, отойти от Асянова, что советовал и штакор, так как по отношению к общему фронту я занимал очень выдвинутое положение.

Атака увенчалась успехом, красных отбросили. Подсчитали потери и убытки. У нас было убито 27, ранено 140—150 человек. Взято в плен 280, трупов и раненых на поле более 800, взято пулеметов пять и очень много пулеметных лент; около одного пулемета было выбито восемь номеров, по-видимому, попали под наш пулемет.

Отход начали в полночь, к каковому времени выяснилось, что обходная колонна вышла на наш путь, прервала связь и заняла деревню примерно в 20 верстах от Асянова. Эту деревню мы ночью обошли, оставив в непосредственном тылу две роты с пулеметами, с приказом в 6 часов утра обстрелять деревню и произвести панику. Паника удалась, противник бежал по старому пути, не зная, что мы освободили им главный путь. Роты присоединились к нам через два дня и сведений о противнике не имели.

Безусловно, красным был нанесен большой удар, и они оправились от него через 20—30 дней, когда смогли идти к нам на сближение. Мы отошли на 70 верст, заняв позицию в 12 верстах к западу от города Бирска. Немедленно приступили к оборудованию позиции, уже не опасаясь за левый фланг, хотя до Каппеля было около 120 верст, но я установил с его частями связь по фронту, посылая сильные конные разъезды с «подводной» пехотой. Впоследствии перешел исключительно на «подводную» пехоту, сберегая лошадей конницы.

Штаб отряда и полка расположился в 4 верстах от Бирска, где был штаб 2-го Уфимского Отдельного корпуса. Командиром корпуса был ген. шт. генерал-лейтенант Люпов<sup>139</sup>, начальником штаба первое время ген. шт. подполковник Пучков, а затем ген. шт. полковник Виноградов. Штаб 4-й Уфимской дивизии — начальник дивизии генерал-майор Ковальский, начальник штаба капитан Колокольников. Два штаба в 4 верстах — и в продолжение полутора месяцев, что я стоял под Бирском, никто не поинтересовался приехать в отряд и посмотреть части, посмотреть жизнь, обиход, офицеров, солдат. А мне кажется — было на что посмотреть: ведь это не была старая армия, основанная на уставах, это было новое, где часто офицер и солдат были на ты и тем не менее в бою были «начальник» и «подчиненный», способные жерт-

вовать собой для выручки погибающего. Много было хорошего, много было плохого, но ведь строителями-то мы были сами, никто нами сверху не руководил; ведь мы были молоды, хотели работать, хотели, чтобы все было хорошо, но учителей мы не видели. Было обидно, было даже впечатление, что мы никому не нужны, заботы о нас были минимальные; нам казалось, что за нашей спиной создается та армия, которая нужна начальству, а мы должны погибнуть. Во всех отношениях мы были какими-то пасынками. Никто нас не хотел и видеть.

И вот однажды я получаю извещение, что отряд приедет инспектировать пом. нач. дивизии полковник Сахаров<sup>140</sup>. Подготовились. Приезжает и первым делом заявляет, что до отряда и Прикамского полка он не касается, так как Прикамский полк не числится в составе дивизии, а 13-й Уфимский полк сформирован им, в командование им он был ранен и хочет видеть полк. Поехали вместе до штаба полка, где он просил собрать офицеров, бывших при нем в полку, и за рюмкой водки вспоминали былые дела. На этом смотр и кончился. Я много раз порывался ему доложить о нуждах, подавал ведомости, но он просил прислать все в штаб дивизии, он же грязной литературой не занимается. По отъезде его капитан Карпов рассказал мне, что из себя представляет полковник Сахаров, и я уж больше на него никаких надежд не возлагал. Впоследствии, в чине генерал-майора, Гавриил Иванович Сахаров был у меня в корпусе генералом для поручений. Наряду с ним я должен отметить командира 13-м Уфимским полком капитана Карпова, как выдающегося офицера, спокойного, способного разобраться в сложной обстановке. Я знал его до Забайкалья. В 1920 году он был полковником и там только ушел из строя в снабжение.

Затем однажды я получаю извещение, что такого-то числа придут в Бирск две роты французских войск и командир корпуса желает показать их нашим и нас им. Что посмотреть их, как передовую часть союзников, будет приятно... и полезно. Нас же показывать им смешно, мы, по внешнему виду, не армия, а «рвань Петра Амьенского», о чем я и написал командиру корпуса, изложив заодно и все свои горечи. В один из морозных дней ноября французы прибыли в Бирск и должны быть у меня.

Великий день настал, было объявлено, что союзники прибывают на фронт, и мне было приказано в месторасположении резерва подготовить для встречи французов по одному батальону от полков. Сделано. Я лично должен был встретить командира корпуса и французов «на большой дороге на линии штаба отряда».

Встретил командира корпуса, отрапортовал ему, он меня представил офицерам французской миссии, и все двинулись вперед — 3 вер-

сты. Командир корпуса пригласил меня к себе в сани, и сейчас же мы поехали большой рысью вперед. Подъезжая, я просил генерала разрешить мне уехать вперед и встретить его с частями. Он нашел это ненужным, и части при нем выбегали из изб и строились. Он быстро с ними поздоровался, упустив или не сочтя нужным поблагодарить за службу; нервничал и спрашивал моего мнения, кто же будет командовать «на караул». Я ответил, что отдал приказ командовать начальнику моего резерва. Он на это мне ответил, что тут встречаются две нации и он будет командовать сам.

И вот вообразите картину: движется обоз из розвальней, на которых сидят «союзники», одетые в тулупы. Подъезжают. Тулупы снимаются, и показываются в легких одеждах французы. Строятся. Начинается представление «наций» друг другу, затем прохождение церемониальным маршем поочередно, то мы, то они. Наконец, наши становятся вольно, а французы показывают показное наступление.

Сзади меня стоят солдаты и говорят: «Господин полковник, да ежели бы они так наступали на красных, то ничего бы от них не осталось!» и т. д. В общем, впечатление плохое, что такие изнеженные солдаты у нас воевать не смогут.

В конце концов, перед строем говорит поручик Марто из состава французской миссии при 3-й армии. Говорит по-русски о том, что германцы сломлены на западе и теперь все союзники придут на помощь русским войскам, дерущимся против германо-большевиков. Казалось бы, речь хоть куда, но то ли уж очень смышлен русский мужик, но только впечатления поручик не произвел. В понятии вятчика представляемое нам было недоброкачественным.

Для солдат-франгузов был приготовлен обед и чай, а для офицеров чай и бутерброды. Спиртных напитков не было по приказанию штаба корпуса, и прошло все очень вяло, натянуто. Но я все-таки спросил поручика Марто, говорил ли он о прибытии на наш фронт союзников, потому что действительно имеются об этом определенные указания сверху, или так думает подполковник Франсуа, начальник миссии? Тем же путем французы отправились в тыл.

После этого случая подполковник Франсуа и поручик Марто, а иногда и офицеры этих двух рот бывали у меня в штабе. Оба они искренне любили Россию, искренне верили, что мы не будем брошены, оба готовы были идти в бой вместе с нами. Я потом всегда с удовольствием встречался с ними.

Несмотря на спокойную стоянку, части не были одеты, тыл ничего не давал, особенно Прикамскому стрелковому полку, ссылаясь на то, что он входит в состав другой дивизии, а какой — ни я, ни кто-

либо другой не знал. Пришлось самому заботиться и добывать теплые вещи для солдат. Так как денег не было, то стали обменивать спирт, имевшийся у отрядного интенданта поручика Веникова, на теплые вещи. Таким обменом были одеты полк и все тыловые части. Запасливый поручик Веников давно уже возил две бочки, и вот они пригодились.

Кстати будет сказать о составе Прикамского полка. Об офицерах я уже говорил немного, но теперь остановлюсь более подробно. Как и везде, среди офицерских чинов полка, возможно, были самозванцы, и если он не попал на командную должность, то легко мог остаться нерасшифрованным. Случай расшифрования был один, да и то участник чех, назвавшийся поручиком русской службы, а на самом деле оказавшийся вором-рецидивистом. Я его судил полевым судом и расстрелял. Много офицеров ушло незаметно в тыл, пользуясь для этого отпусками, командировками и т. п.; погибло 23 убитыми и около 100 ранеными. Надо признать, что офицеры, находящиеся в ротах, были много лучше, боеспособнее офицеров в офицерских ротах. Это факт, ненормальный уже потому только, что убыль в ротах пополнялась из офицерских рот. Объясняю это только тем, что хотя командир офицерской роты штабс-капитан Новицкий и прилагал все усилия, чтобы сколотить роту, но не мог побороть внутреннего саботажа. Будь командир твердый, конечно, офицерские роты будут образцом, но у меня не было такого офицера свободного. Офицеры в ротах несли службу прекрасно, и среди них было столько героев, что перечислять их нет возможности.

Унтер-офицеров было мало, поэтому по формировании полка немедленно начала действовать учебная команда штабс-капитана Кирсанова, перед этим формировавшего Елабужский полк. Команду он всегда старался держать в глубоком тылу. Результатов я лично не видел, но мой заместитель по должности командира полка капитан Турков 1-й говорил мне об отличной подготовке. Выпуск был сделан к наступлению в марте 1919 года.

Во главе хозяйства — интендантства — был поручик Веников, елабужский купец, знавший местные рынки. Он умело подобрал людей. Все должности, связанные с деньгами, у него занимали такие лица, как председатель Мензелинской уездной земской управы — фуражир, главный лесничий Н-го лесничества — главный артельщик. Эти герои ходили такими же обтрепанными, как любой солдат, не знали ни днем ни ночью покоя, так как, я повторяю еще раз, 2-й Уфимский корпус формировался, а интендантство работало скверно все время, пока штакор стоял в Бирске. Мы жили тем, что среди нашего хозяйственного



управления было много интеллигентных работников, которые оказались опытнее и более знакомы с местными возможностями, чем те, кому это надлежало знать. Поэтому я не боялся давать интендантству больших задач — была уверенность, что найдутся исполнители.

Должен оговориться, что интендантство было громоздкое, так как все было в периоде формирования. Результаты были не плохи, что видно хотя бы по тому, что оперативный госпиталь по расформировании отряда был переименован в дивизионный лазарет. Во главе медицинской части стоял прекрасный организатор, молодой врач Морев. Этот человек, на редкость трудолюбивый, создал прекраснейший лазарет. Саперная рота состояла из пехотных солдат, да и во главе ее стоял малосведущий поручик Салков, офицер военного времени. Я видел также нужду в подрывной и мостовой команде. Эти две команды я старался развить и обучить. Но иногда этой ротой приходилось пользоваться как резервом.

Можно убежденно сказать, что состав полка был великолепный, но руководства там было мало. Я, командир полка, фактически им и не командовал, так как должность начальника отряда отнимала все время. Начальника штаба я не имел, так что фактически я исполнял все должности, вплоть до того, что сам писал сводки. Пробовал просить по начальству о присылке ко мне хотя бы одного офицера, знакомого со штабной службой, но мне ответили, что тыл беден так же, как и я. Это было не совсем так, как я увидел и узнал впоследствии, но не было такого человека, который мог бы откопать «окопавшихся».

Штаб корпуса перешел в селе Байки. В Бирске остался штаб дивизии. Для чего существовал последний штаб, думаю, что и теперь никто не объяснит. Части дивизии формировались в тылу, в Златоустовском уезде. Казалось бы, и штабу надлежало быть с тремя полками, а не с одним. Выходило, что были штабы, а войск не было.

Упустил еще один факт, который нужно отметить. Еще находясь в Бирске, комкор предполагал перейти в наступление моим отрядом, усилив его подходящим 21-м Челябинским стрелковым полком, которым командовал лихой штабс-капитан (фамилии не помню).

Как только полк пришел в Бирск, он вместо подготовки к бою начал месить церемониальным маршем улицы Бирска, показывая себя генералу Люпову и населению. Любовь к парадам еще не прошла у генерала, а кончилось это очень неблагоприятно. Полк, тесно расположенный в городе, скоро заболел тифом, да так, что о наступлении не приходилось и думать. В частях на фронте тифа не было.

Доходит до нас слух, что в Омске случился переворот и адмирал Колчак объявлен Верховным Правителем. Штаб корпуса не только

молчит, а присылает в отряд семь человек агитаторов в пользу Директории и формирования русско-чешских полков (эсеровского формирования). Паршивое было положение. Допустить в части не хотелось, тем более что в отряде ничего эсеровского не было. Переговорил с командирами полков и решил отправить адмиралу Колчаку телеграмму с признанием и поздравлением. Агитаторов отправил восвояси с предупреждением, что если явятся вновь, то будут арестованы. Посланный с телеграммой офицер должен был, через знакомых штаба корпуса, добиться передачи телеграммы в Омск при себе и тогда доложить мне. Когда это было сделано, я подал рапорт по команде с приложением копии телеграммы. Через несколько дней генерал Люпов послал телеграмму о признании с приветствием адмиралу Колчаку.

Итак, штаб корпуса выбыл. Обстановка складывалась так, что штаб дивизии тоже должен был отправиться в тыл. В это время между Байками и Бирском появились какие-то красные со стороны Сарыпула, и дорога была небезопасна. Штадив выехал в далекий объезд через Уфу, как путешественники.

Штаб корпуса, отходя в Байки, отходил ко всему корпусу, здесь же оставались два полка слишком впереди, тогда как около Байков собирались части 4-й Уфимской дивизии — 14, 15 и 16-й полки; 8-я Камская дивизия, сформированная из Пермской дивизии, прекратившей свое существование, из полков 29-го Бирского, 30-го Аскейского, 31-го и 32-го Прикамского стрелкового полка. Таким образом, мой отряд принадлежал к двум дивизиям, также и артиллерия. С выбытием из Бирска штадива я переходил в подчинение командующего Самарской группой генерала Войцеховского (штаб — Уфа); мой штаб — Бирск. Тыл мой переносился с направления на Байки — на Уфу.

Как-то сразу почувствовалась твердая рука сверху; начать с того, что генерал Войцеховский вызвал меня к прямому проводу, расспросил о состоянии отряда, дал полную ориентировку, а также много указаний. Разрешил во всякое время, если я найду необходимым, вызывать его к проводу. Я так уже привык, что сильных в тылу беспокоить не полагается, что не решился ни разу воспользоваться таким разрешением, но генерал Войцеховский много раз вызывал меня к проводу и всегда давал исключительно полезные советы.

Каптель приближался к Уфе, истощив все свои силы после ухода с фронта чешских частей. В его распоряжении находились три отдельные бригады — Казанская, Симбирская и Самарская, — в общей сложности едва ли насчитывающие 4000—4500 отличных бойцов-добровольцев. С ними он делал чудеса, разбивал во много раз превышающего противника. По ориентировке генерала Войцеховского — он оконча-

тельно выдыхался. С востока шел 6-й Уральский корпус, но едва ли он сможет предупредить занятие красными Уфы. Мне осторожно было указано, что через несколько дней удержание Бирска не представит особой выгоды. Я и сам отлично понимал, что с занятием Уфы красные легко перережут мой тыл и я могу быть отброшен в горы.

Красные пробовали несколько раз неожиданно атаковать нас, но не чувствовалось у них никакой уверенности. Но вот стало известно, что к ним прибыли какие-то части, и сразу их разведка стала настойчивой, нахальной. Мы к этому времени мобилизовали около восьмисот человек, которых поделили между полками. Среди этого пополнения поднялась сильная агитация за избиение офицеров и т. п. Контрразведка доносила, что агитация пользуется успехом. Я предложил командирам отправить все пополнение в обозы 2-го разряда, где и заняться их обучением, но командиры не согласились с этим, считая, что такое незначительное число не может повлиять на действия добровольческих полков.

Как-то ночью красные выбили из окопов части Прикамского полка. Утром положение было восстановлено, но ни одного мобилизованного не было в полку, все перешли к красным. Не жалко было их, жалко было винтовок. После этого случая 13-й полк согласился со мной и прислал всех ко мне. Осмотрев их, я решил никуда их не отправлять, а распустить по домам. Уж слишком они были не воинственны, с очень плохим душком; я был убежден, что, если красные их возьмут к себе, результат будет таким же.

В это время обстановка сложилась так, что надо было опасаться красных с севера, где действовали, с нашей стороны, два эскадрона гусар, подчиненных мне. Пришлось общий резерв перевести в Бирск и увеличить его; весь 13-й полк был оттянут в резерв — два батальона за прикамцами и один — в Бирске; но скоро пришлось еще один батальон перевести в Бирск, так как появилась угроза с востока не только Бирску, но и тыловой дороге. Случилось это потому, что отряды, оперирующие к северу от Бирска, на направлениях к Сарапулу и другим пунктам на Каме, частью отошли, частью были оттеснены к району Байков и севернее. Промежуток между Байками и Бирском был свободен от белых войск. Два эскадрона, конечно, не могли оказать сопротивления продвигающимся красным и очень часто после стычки отскакивали в Бирск; когда это повторялось несколько раз, я поддержал их пехотой, по роте за каждым эскадроном, и дело пошло успешнее.

Угрозы с севера и востока так меня не беспокоили, как возможность отхода моего левого фланга и захват тыловых путей. Прорыв между

Уфой и Бирском не только не оборонялся, но никем и не освещался. Как-то я говорил с генералом Войцеховским по прямому проводу, и он, выслушав меня, сказал, чтобы я продержался в таком положении 2—3 дня и отошел на юг, прикрыв пути с севера и запада.

В эту же ночь красные начали обстрел артиллерией, в 8 часов утра перешли в наступление по всему фронту прикамцев и потеснили центральные две роты, будучи отбиты в остальных пунктах. Затем красные почему-то отошли в исходное положение. С севера получено донесение, что отряд из одной роты и одного эскадрона ведет бой с тремя ротами красных в 17 верстах от Бирска. Я отдал приказ в ночь отойти всем частям в Бирск, заняв позицию по правому берегу реки Белой. Ночью красные вновь начали обстреливать артиллерией оставленную нами позицию, а утром повели наступление против арьергарда. Заняв оставленную нами позицию, красные далее не продвигались, весь день оставаясь пассивными.

Я совершенно не мог понять, почему они так осторожны, и невольно мозг работал в направлении какого-то глубокого обхода и, конечно, наперерез моему пути. Повторяю, обхода с востока я не боялся, так как эскадрон вел разведку в 30 верстах и ничего еще не обнаружил. Конная разведка прикамцев вела разведку на юг по левому берегу Белой на 25—30 верст и ничего не обнаружила. Силы красных были более наших на 1 полк и 8 орудий (на наших 4 — у красных было 12 орудий). Большое превосходство артиллерией — это было все, так как морозы были до 20° и люди на позиции долго оставаться не могли — борьба шла за помещения.

Но вот с севера послышалась артиллерийская стрельба, заговорили все 12 пушек с запада по Бирску (городу, а не позиции). Выпустив несколько очередей, стали осыпать гребень нашего берега и повели атаку в лоб по льду. Наши четыре орудия, поставленные с расчетом бить картечью по цепям, успели выпустить по четыре снаряда, как все бросились бежать. Атака захлебнулась. Ночью красные с севера, сбив наши части и с запада, в обход с юга повели наступление и сбили наши части южнее города (мое мнение — что мы не успели занять позицию, прозевав начало движения красных).

В городе загорелся казенный винный склад, охранявшийся 1-м батальоном 13-го полка, который весь был магометанский, и этот батальон весь перепился. В городе начался большой беспорядок, я приказал отходить, взяв один батальон прикамцев в свое распоряжение, и приступил к очистке города от пьяных. Удалось это частично — думаю, что наши потери пьяными и замерзшими превышали 400 человек. Магометанский батальон оставил до 200 человек. Искожу из

того, что всего потерь было около 500 человек, а так как ночная стрельба мало действительна, то и отношу  $\frac{4}{5}$  на пьяных. Потом красные говорили, что ими было взято в плен около 400 человек и около 100 осталось убитыми (замерзшими). Во всяком случае, красные могли торжествовать.

Отошли мы без помехи, хотя именно этот раз я боялся преследования, да и уверен: покажись хотя бы сотня конницы — было бы плохо, поднялась бы паника. Артиллерию я пропустил первую, дав Танаевцев в охрану. Отошли на 20 верст к югу, заняли заранее намеченную позицию, прикрыв две дороги, идущие с севера на юг, обеспечив себя слева расположением 2-го батальона Прикамского полка в деревне на реке Белой, уступом. Этот батальон подчинен был непосредственно мне, а два других батальона прикрывали главную западную дорогу. 13-й полк прикрывал восточную дорогу двумя батальонами, имея 1-й батальон в резерве на западной дороге.

Днем красные уже подошли по обеим дорогам и перешли в наступление, но были отбиты. В это же время эскадроны, бывшие на левом берегу Белой к северо-западу от 2-го батальона прикамцев, вошли в соприкосновение с наступающим противником и отошли ко 2-му батальону, имея несколько отличных стычек с красными; особенно отличился прапорщик Березенич, впоследствии награжденный Георгиевским оружием.

Начиная с этого дня, красные ежедневно нас атаковали, иногда врываются в деревни, занятые нами, но начальник боевого участка капитан Карпов всегда умело ликвидировал неудачи. Особенно тяжелые бои были весь день 18 декабря: по-видимому, красным было приказано продвинуться во что бы то ни стало. Один момент был таков, что прорвавшиеся красные атаковали мой резерв, но были отброшены. За эти бои на фронтальном участке было взято пять пулеметов и около 200 человек пленных. 2-й батальон прикамцев вел бои ежедневно, но благодаря отличной позиции на правом берегу реки Белой всегда удерживал позицию, но раз вздумал перейти в контратаку и потерял пушку Маклена.

Потери за эти 10-дневные бои выразились в 1000 человек убитыми, ранеными, обмороженными и попавшими в плен. Но позиция была удержана до конца, и отошли только, кажется, 23 декабря по приказанию свыше, и уже не на юг, а резко на восток, на деревню Ивановку. Уфа была наконец сдана, и задачей Каппеля было — как-либо вырваться из боя и отойти от красных.

Моим частям необходимо было дать отдых, дать возможность оправиться после понесенных потерь, но я знал, что за мной в тылу ни-

чего нет, и поэтому решил оттягивать полки по очереди в тыл (мой резерв), изматывая очередной полк. Сперва оттянул уфимцев, понесших потери около 650 человек. Прикамцы обещали, что будут биться за двоих, а дадут отдохнуть уфимцам. Взаимная выручка, дружба между полками никогда не омрачалась.

Общее положение отряда становилось плачевным и внушающим большие опасения. Уже не говоря про потери, которые были и без боев — обмороженными; вновь больше половины людей были без валенок — частью сожгли у костров, частью износили, частью забрали в госпитали, откуда почему-то всегда возвращались без валенок, в ботинках. С полушубками было тоже плохо. На просьбы в тыл отвечали — обращайтесь в свои дивизии, но мы даже не знали, существуют ли таковые, — связи абсолютно никакой. Поступлений никаких, а нужды все больше и больше.

Прикамский полк не смог долго продержаться и, отходя, перекатился за уфимцев, так мы и откатывались до села Красный Яр (штаб) на реке Уфимке. Позицию занимал на запад в деревне Нежино Прикамский полк, а Уфимский полк занимал деревню к югу от Красного Яра одним батальоном.

Ночью я проснулся от шума на улице села, приказал узнать, в чем дело. Мне было доложено, что обоз 1-го разряда Прикамского полка, а частью отдельные офицеры и солдаты бегут из Нежина, говоря, что последнее занято красными и весь полк погиб. Бросился к телефону. Прошу к телефону командира полка и заставляю его рассказывать мне интимности его жизни для проверки. Отвечает и невероятно хохочет. Наконец он рассказывает следующее: штаб мирно заснул, когда один ординарец спросонья сказал: «красные». Немедленно все повскакивали, один прапорщик штаба выскочил в другую комнату за перегородку, по дороге свалив железную печь, из которой посыпались угли и пепел. Шум, гам, кто-то потушил свечи; наконец, стали потихоньку выбегать во двор, затем и к воротам. Полная тишина. По улице идет врач полка Ермолин, весело посвистывая. Обращаются к нему: «Где красные?» — «Не мое дело знать, где они!» В это время из резерва, куда послали дать знать, что штаб захвачен красными, бегом летит рота, которую чуть не приняли за неприятеля. Хорошо, что паника не распространилась на передовые части. Пришлось бегунов вернуть обратно.

В это же время под Уфой происходила агония частей Каппеля. Войцеховский требует, чтобы я перешел к активным действиям и притянул на себя силы красных. Стоят жесточайшие морозы. Мы без боев, одним лишь движением вперед несем потери обмороженными, но тем

не менее, с плачем — это в буквальном смысле — атакуем, занимаем, отходим, снова атакуем. Был случай, когда из 2-го батальона прикамцев ноги у многих примерзли к подошвам ботинок. Все, что мы могли сделать для спасения Каппеля, мы сделали, но понесли потери обмороженными до 40 процентов всего отряда. Я не знаю, насколько нужно было Каппелю удерживаться под Уфой. Может быть, ничего еще не подошло из частей 6-го Уральского корпуса, но факт тот, что я стал бояться за части — казалось, что скоро у меня ничего не останется. Донес Войцеховскому, который ответил благодарностью за содеянное и просьбой удержать красных не более трех дней.

Мы стояли еще пять дней, и красные ничего не могли поделать с нами. Единственно, что теперь перестали занимать позиции, соображаясь с местностью, а обороняли лишь деревни, дома, доводя дело иногда до уличного боя. Части красных, благодаря нашим отходам под прямыми углами, все время менялись, но можно не преувеличивая сказать, что ни они, ни мы не были подготовлены и воевали так, как Бог на душу положит, кустарным способом, так как мы, офицеры, занимали должности без достаточного опыта и совершенно без стажа, были кустарями, а не ремесленниками.

В это время части Самарской группы генерала Войцеховского отошли за Уфу и были сменены частями 6-го Уральского корпуса. Я же остался и вошел в подчинение командиру этого корпуса ген. штаба генерал-майору Сукину. Штаб корпуса запросил меня об обстановке, нуждах и т. д. Подробно донес, но ничего не изменилось. Лишь обещано было, что скоро я буду поддержан частями 6-го корпуса и мои части смогут передохнуть. Части мои, по отношению к частям 6-го Уральского корпуса на линии железной дороги, были очень выдвинуты. Поэтому начальник штаба корпуса полковник Петров указал мне при нажиме красных боя не принимать.

Вскоре мы и отошли к юго-востоку, прикрывая железную дорогу с севера и, приданной мне Оренбургской казачьей бригадой, проходя к реке Юрезань; затем штаб отряда перешел на железную дорогу, на разъезд Крауль, заняв небольшую деревеньку около. Это было необходимо для лучшего управления частями и связи с соседями, так как тут, между моими частями и 11-й Уральской дивизией, занимавшей позицию к западу от разъезда Крауль верстах в 10—12 (мои части 20—30 верст к северо-западу имели единственную тыловую дорогу на разъезд Крауль), был прорыв в 20—25 верст, наблюдавшийся моими гусарами и контрразведкой прикамцев.

Здесь бои не были серьезными, красные выдохлись, как и мы, но мы и красные стали применять команды лыжников в белых халатах. Мне

был придан 43-й Уральский полк под командой полковника Сергеева, старого кадрового офицера, который не явился ко мне, а прислал офицера за приказаниями. Я крайне удивился, что он не пожелал повидаться со мной для получения новой ориентировки, но промолчал и отдал приказ занять деревню, занимаемую прикамцами, которых выводил в резерв. Смена произошла днем. Прикамцы решили переночевать под прикрытием сменивших и выступить утром. Ночью красные лыжники появились около деревни, обстреляли ее, и весь 43-й полк ринулся бежать в тыл, бросая полушубки и валенки, носимые на спине с вещевыми мешками. Прикамцы заняли околицу деревни и прогнали красных. Капитан Турков 1-й, донося об этом, говорил: «Отбив атаку, взял много полушубков и валенок, в тыл выслал батальон для сбора таковых же, думаю, что сегодня одна из удачных стычек, полк одену».

Уральцы докатились до меня и далее до штакара в Ата-Балашевской. Я просил полк взять из моего ведения, так как все равно свои части я не смогу отвести в тыл, а 43-й полк, в своей дивизии, должен принести больше пользы. Так и было поступлено.

Здесь же я получил телеграмму от начальника штаба армии генерала Щепехина о назначении меня командующим Отдельной Ижевской стрелковой бригадой, куда я должен выехать по расформировании моего отряда и отсылке частей в свои дивизии. Смена моих частей 11-й Уральской дивизией должна произойти 20 января. Получив такую телеграмму, я пришел в неописуемый ужас: было слышно, что ижевцы не дисциплинированы, бунтовщики, воевать не хотят и стоят в тылу 2-го Уфимского корпуса, занимаясь мародерством и грабежами. И вот назначают меня, молодого подполковника, когда в тылу полно старых кадровых офицеров. Не с моим характером командовать распушенными рабочими — неужели за все, что я сделал, меня шлют на верную гибель?

Так приблизительно я и ответил, прося доложить командующему армией генералу Ханжину мою просьбу — оставить меня командиром Прикамского полка. Ответ пришел в такой форме, что обидел меня ужасно: было сказано, что командарм приказывает исполнение и впредь не беспокоить его телеграммами, пахнущими чуть не большевизмом. Я смолчал.

В 20-х числах участок от меня принял командир 41-го Уральского полка полковник Крутлевский. Я отдал прощальный приказ и в сопровождении двух офицеров выехал в штакор 2-го Уфимского. Полки пошли усиленными переходами по своим дивизиям. Ехали мы около недели, так как пришлось пересечь Уральский хребет и двигаться на север.

В селе Дуван представился временно командующему корпусом генералу Джунковскому<sup>141</sup>, который указал мне получить все сведения об Ижевской бригаде от начальника штаба подполковника Пучкова и поговорить с ним. Последний дал мне все данные о бригаде, я познакомился с последними донесениями командующего бригадой о состоянии обмундирования и пришел к выводу, что требовать что-либо от бригады невозможно, не снабдив ее самым необходимым. Кое-что обещал дать подполковник Пучков, от которого я узнал, что в предполагаемое наступление в конце февраля бригада в числе наступающих.

Донес свои заключения, из знакомства по бумагам, командующему армией и получил ответ, что все требования мои по части снабжения одеждой будут выполнены, но мне ставится в задачу при приеме бригады выяснить, «способна ли и пойдет ли бригада в наступление», и донести командарму. В штаборе мне указаны были и места сосредоточения для движения в боевую полосу, было указано, что я, по-видимому, войду в состав 3-го Уральского корпуса горных стрелков.

Я решил поехать в расположение Прикамского полка и проститься с чинами его; провел в полку день и, сердечно провожаемый, выехал в расположение штаба Ижевской бригады, предварительно известив о моем приезде. По дороге ко мне присоединились капитан Агапиев, назначенный временно начальником штаба бригады, и доктор Шилляев, назначенный бригадным врачом. Въехал в селение около 10 часов ночи. На улицах никого, некого спросить, где для меня приготовлена квартира. Наконец встречаем верхового, который оказывается комендантом штаббрига поручиком Саламатовым, выехавшим встречать меня на свой страх, так как командир бригады штабс-капитан Зуев и начальник штаба штабс-капитан Баев, получив мою телеграмму, распоряжений никаких не отдали. Приказал везти себя в штаб бригады, так как квартиры отведено не было. Там нашел, в невероятно растрепанном виде, старшего адъютанта по оперативной части прапорщика Ещина и по хозяйственной — прапорщика Коновалова. Приказал освободить для меня и приехавших со мною маленькую комнату.

Немедленно отдал приказ о прибытии и вступлении в должность, а прибывшим со мной — вступить в исполнение обязанностей. Вслед за этим отдано было приказание на завтра, в котором указывался час представления мне всех начальников отдельных частей, которых представлять должен штабс-капитан Зуев. Так я был желателен офицерскому составу бригады, занимавшему командные должности. Взялся за гуж — будь дюж!

Было неприятно, и почти всю ночь я не спал, обдумывая дальнейшие шаги. В их представлении я был враг, приехавший их всех сменить, но они глубоко ошибались — мне назначен штаб, так как бывший не был способен к работе, а строевых начальников я не намерен был сменять, пока не удостоверюсь в негодности. Ночью же познакомился заочно с командным составом всей бригады.

Командующий бригадой штабс-капитан Зуев (военного времени)  
Начальник штаба штабс-капитан Баев (то же)

При штабе: Образцовая отдельная стрелковая рота — поручик Коновалов (1914 года)

1-й Ижевский стрелковый полк: командир полка поручик Михайлов<sup>142</sup> (военного времени)

Командир 1-го батальона штабс-капитан Астраханцев (военного времени)

Командир 2-го батальона прапорщик Евдокимов

Командир 3-го батальона поручик Ложкин

2-й Ижевский стрелковый полк — командир полка подпоручик Ляпунов (военного времени, не бывший на фронте)

Командир 1-го батальона штабс-капитан Посносков

Командир 2-го батальона штабс-капитан Гребенщиков (из солдат)

Командир 3-го батальона штабс-капитан Куракин (военного времени)

Ижевский артиллерийский дивизион — командир дивизиона прапорщик Кузнецов (военного времени)

Командир Гаубичной батареи штабс-капитан Яковлев

Ижевский кавалерийский дивизион — командир дивизиона прапорщик Орлов

Командир 1-го эскадрона (из солдат)

Командир 2-го эскадрона — прапорщик Багиянц<sup>143</sup> (рабочий)

Запасный Ижевский батальон — поручик Смолин (фельдфебель-гвардеец)

Интендант бригады — полковник, старый артиллерист, всю службу проводивший в Ижевском заводе.

Общий состав бригады 7500 человек.

Вот те лица, которые представились мне 8 февраля 1919 года.

Я указал им, что никаких перемен делать не собираюсь, все они себя покажут в бою. Штабс-капитану Зуеву и Баеву было тяжело, я видел, поэтому я им сказал, что если они пожелают, то могут ехать в Омск в академию Генерального штаба слушать курсы, за

что они благодарили, а я это выхлопотал заранее, чтобы убрать их из бригады.

Затем я отдал приказ на движение на новые места и во время пути несколько тактических учений и инспекторские смотры. Приказ состоял на параллельное преследование. В течение трех суток дороги шли параллельно в 6—8 верстах. Части выполняли задачу удовлетворительно. Я с начальником штаба проверял обе колонны, переход сделан был даже весело, все были заняты делом и старались. Донесения составлялись правильно, охранение в пути и особенно на ночле было отличное. Я порадовался. Пришли на новые места, и я немедленно начал принимать полки. Штаб бригады был в селе Михайловском.

Постараюсь более подробно описать их, так как на основании этих смотров я должен вынести впечатление — пойдут или нет в наступление. Первым я смотрел 2-й полк, составленный из крестьян деревень, окружающих Ижевск. В полку находилось 1500 штыков, пулеметная команда в шесть пулеметов, команда конных разведчиков — 40 лошадей (не сабель, так как ни таковых, ни седел почти не было, сидели на подушках). Полк был выстроен развернутым фронтом с оркестром на правом фланге. Подходя к полку, я прежде всего обратил внимание на оркестр; одеты они были грязно и пестро, один тип был в цилиндре, многие в женских кацавейках, в лаптях, валенках, сапогах, ботинках. Остановил музыку, поздоровался, ответили дружно и продолжали играть встречу. Пошел по фронту полка — винтовки держат отлично, не шелохнутся, видны старики прямо дряхлые, а рядом юнцы по 16—17 лет. Поздоровался, отвечают дружно, но не «господин полковник», а «Ваше Высокоблагородие»; к ноге взяли отчетливо. Спросил командира полка, почему отвечают не «господин полковник». Тот растерянно заявил, что это и для него неожиданность. Потом выяснилось, что так решили отвечать старые солдаты. Объяснил полку, что надо отвечать так, как теперь принято. Обходил роты, разговаривал с офицерами и солдатами, впечатление отличное, единственная жалоба на снабжение; отношения между солдатами и офицерами дружеские, все одеты одинаково плохо; все офицеры знают своих подчиненных, как близких родных. Разговаривая со стариками, я натолкнулся на картину — в строю отец 64 лет и сын 18 лет, стоят рядом; отец говорит, что при наступлении он еще хорош, а вот при отходе ему тяжело, не может успевать за молодыми; сын говорит о боязни за отца, но оба хотят бороться против большевиков. В ротах солдаты, говоря о ротном, называют его по имени-отчеству; так и этот старик говорит: «Да нам хорошо воевать, Пет-

рович (ротный) у нас храбрый и справедливый, одно слово, отец». А отцу-то едва ли исполнилось совершеннолетие. Я вызвал всех солдат старше 50 лет, таковых оказалось больше полусотни. Я им объявил, что все они переводятся в интендантство, а оттуда будут взяты более молодые; не преминул поблагодарить их. Произвело впечатление, из строя слышались возгласы: «Правильно!», «Справедливо».

Произвели на меня особое впечатление пулеметчики, молодец к молодцу, все почти фронтовики. Они мне заявили, что они были в числе восставших в Ижевске, хотят мстить большевикам и просят скорее отправить на фронт.

После обхода я говорил со всем полком, указал, что я, приняв бригаду, поставил себе задачей подготовить их в кратчайшее время к наступлению. Без теплой одежды я не поведу их в бой. Чтобы оправдать наше существование, необходимо как можно скорее идти вперед и освобождать родные края. Говорил о том, что им еще не приходилось воевать с большевиками бок о бок с другими многочисленными частями Русской армии.

Мне не дали кончить и начали говорить, что кто-то распустил слухи, что ижевцы не пойдут в наступление, но это неправда, дайте одежду, и мы покажем, как надо воевать. Я отвечал, что не сомневаюсь в их доблести и уверен, что полк прославит себя. Уезжал я под крики «Ура». Я был растроган всем — и их видом, и их сердечностью.

Капитан Агапиев встретил меня и спросил, буду ли я доносить сегодня командарму. Я ответил, что сейчас напишу телеграмму. Я ее помню: «Смотрел 2-й полк, пойдет, прекрасная часть». В тот же день послал большую телеграмму командарму о необходимости снабжения по всем требовательным ведомостям в кратчайшее время, до нового продвижения по фронту.

На следующий день смотрел 1-й полк тем же порядком. Выправка несколько хуже. Состав — исключительно рабочие Ижевска, прежде не бывшие в строю. Состав — 1500 штыков. Пулеметов восемь. Пулеметчики влюблены в свое дело. Настроение боевое, в бой пойдут дружно. Обмануться нельзя, обещают показать, что такое ижевцы.

Отношения между офицерами и солдатами те же, что и во 2-м полку. Особо отличное впечатление производит конная разведка полка — 120 шашек, солдаты исключительно казанские татары из деревень кругом Ижевска, в большинстве служившие в кавалерии, на прекрасных лошадях, прекрасное снаряжение как конское, так и людское; ставнаяковка, свой отличный кузнец; два пулемета Льюиса и один Максима, возимый на очень маленьких санках, номера конные. Впоследствии эта команда выполняла самые невероятные задачи боевого характера, но



она обладала одним недостатком, с которым я боролся все время, — любили пограбить. И когда говорили, что ижевцы грабят — это надо было всецело относить на счет этой команды. Также выбрал всех стариков — их оказалось менее 20.

После смотра я спросил командира полка, можно ли быть уверенным, что полк выполнит любую задачу. Поручик Михайлов ответил, что если он сумеет решить задачу, то полк исполнит ее наилучшим способом. Затем он выразил недоумение, что ижевцы могли бы не пойти в наступление: тогда зачем они восстали и ушли из Ижевска? Указал, что в полку много очень ценных квалифицированных рабочих, которых необходимо отправить в тыл, где они могут принести большую пользу. Я приказал представить список всем частям, а по получении донести о числе таковых в штаб армии.

Следующий смотр — Ижевского кавалерийского дивизиона. 1-й эскадрон — вполне строевая кавалерийская часть — всадники, лошади, снаряжение хорошее, во главе бывший вахмистр. Эскадронное учение по сигналам произвели отчетливо. Тактическую задачу эскадрон выполнил быстро и толково. 2-й эскадрон — с бору да с сосенки собранные люди, посаженные на коней, в большинстве на подушках; ни шашек, да прямо-таки ничего нет, и во главе бывший рабочий, прапорщик Багиянц. Никакого учения показать не могли. Приказал дать инструкторов из 1-го эскадрона и в короткий срок, три недели, обучить эскадрон действию в поле. Приказал построить дивизион для перехода в атаку на указанную высоту; командир дивизиона не смог этого сделать, да я увидел, что он не знает и эскадронного учения. Закралось сомнение, не самозванец ли. Заменить было некем, а то бы я ни минуты не сомневался.

Пулеметная команда — два пулемета, хорошо обучены; указал, что в первых же боях должны раздобыть еще два пулемета. В общем, впечатление от дивизиона плохое. Был не дивизион, а один эскадрон. У командира дивизиона штаб из пяти офицеров, ему подобных. Обещал выслать для руководства штаб дивизиона. Промелькнуло желание конную разведку 1-го полка обратить во 2-й эскадрон, но это было трудно, потому что команда и полк сроднились, да я и по опыту знал, что в полку должна быть своя конница; решил пока никаких перемен не делать.

Следующий смотр — Ижевскому артиллерийскому дивизиону. Не скрою, к смотру я тщательно подготовился, как и к смотру Кавалерийского дивизиона. Я ожидал увидеть массу недочетов при наличии во главе прапорщика без какого-либо боевого стажа, и я не поверил тому, что увидел. Это была отличнейшая часть во всех отношениях.

Думаю, что если бы вместо меня был кадровый артиллерист, то он плакал бы от умиления. Я не знаю, чем это объяснить, но к прапорщику Кузнецову относились все подчиненные с уважением, и я скоро его полюбил и уважал, как боевого товарища. Я думаю, что просто он родился с большим артиллерийским талантом. Я видел впоследствии, как он вел стрельбу дивизионом, и как соседи, так и красные знали ижевскую артиллерию — из шести пушек она обращалась в десятки пушек. Номера были обучены так, что лучше, я думаю, невозможно.

Пушки возились на саних, изобретении ижевского мастера Берсенева. Они могли идти по крутому склону, не переворачиваясь; там, где могла пойти конница, проходила и артиллерия; глубина снега измерялась только возможностью пройти лошади, сани шли поверху, не проваливаясь. Изготовка к бою — одна минута. Единственный недостаток — нехватка седел для ездовых. Лошади прекрасные, втянутые в работу, комплект полный. Зарядные ящики в разобранном виде находятся в запасном батальоне в артиллерийском запасном взводе, снаряды возятся на приспособленных дровнях парой лошадей. При батареях возятся по нескольку орудийных замков ижевского образца, так что захваченное орудие без замка начинает действовать немедленно.

После смотра я выехал в штаб, но поднялась вьюга, кучер потерял дорогу, и я неожиданно вернулся в деревню, занятую артдивизионом. Делать нечего, пришлось заночевать. Вечер я провел в дружной артиллерийской семье. В одной из батарей был капитан артиллерии; разговаривая с ним, я спросил его, почему Кузнецов командир дивизиона, а не кто-либо другой. Он ответил мне, что все признали его лучшим артиллеристом, что он очень серьезно изучил артиллерийское дело, а на практике он виртуоз. Я это увидел позже, когда началось наступление.

Смотр Ижевского запасного батальона был произведен мною поверхностно, так как не было времени, а интендантство и медицинскую часть не пришлось совсем увидеть перед наступлением. Ижевский запасный батальон состоял из двух рот 1-го и 2-го полка, артиллерийского взвода, кавалерийского полужэскадрона, саперной полуроты и нестроевого взвода. Из этих частей части получали укомплектование, сюда возвращались из госпиталей после ранений и болезней, здесь поправлялись, здесь подучивались, благодаря неустанным трудам командира батальона поручика Смолина. С большой благодарностью вспоминаю этого офицера-труженика. Он стремился в бой, я же неуклонно его удерживал, так он был необходим там, где нужно было применить настойчивость и опыт бывшего гвардейского фельдфебеля.

Запасный батальон при наступлении шел двумя эшелонами: 1-й эшелон — сводная команда от всех родов оружия, готовых вступить в строй взамен выбывших убитыми и ранеными; они шли в двух, а чаще в одном переходе и при нужде быстро догоняли. Эта команда — 400—500 человек. 2-й эшелон — более слабые — с тыловыми частями корпуса, но это часто нарушалось поручиком Смолиным, который все тащил ближе к фронту.

Саперную полуроту я счит нужным переименовать в инженерную роту, с саперной полуротой, мостовым взводом, подрывным взводом и телеграфным отделением. Инженерная рота никогда не была окончательно сформирована — не было средств, не было знающего энергичного офицера. Со временем перевелся из Прикамского полка поручик Саинов, командир саперной роты отряда, и он был во главе инженерной роты. Со временем нужда в инженерных силах была, но не чисто в саперах, а в мостовой команде, подрывниках и телеграфном отделении.

Части интенсивно обмундировывались, получалось все, начиная с белья и кончая полушубками. Работа в частях кипела по обучению стрельбе, было много добровольцев, никогда не стрелявших, и я допустил трату по 10 патронов на человека, то есть всего 40 тысяч. Это я выделил из тех запасов, которые получил из штабкора 2-го Уфимского и 3-го Уральского корпуса как боевой комплект. Были в частях патроны ижевского изготовления, с медной оболочкой, но ими не хотелось портить винтовок перед боями.

В это время в село Дуваны прибыл командир 3-го Уральского горных стрелков корпуса генерал-лейтенант Голицын, и выяснилось, что я вхожу в состав этого корпуса, где имелась лишь 7-я Уральская дивизия. Я поехал представляться и получил в штабкоре два приказа по военному ведомству с производством меня в полковники со старшинством 18 декабря 1918 года. Из этого увидел, что представил меня генерал Войцеховский, свой же корпус не был в том повинен. Этим же приказом командир 13-го Уфимского стрелкового полка капитан Карпов произведен в подполковники. Рад за этого чудного начальника. Доложил генералу Голицыну об оставшихся нуждах, он много обещал и не смог ничего выполнить, так как тыловые учреждения корпуса были лишь в периоде формирования. Был очень ласков, когда познакомился с численным составом бригады; его дивизия была в составе меньшем, полками же командовали три генерала и один полковник.

Наконец, получен был приказ двигаться на фронт. Тыловая дорога была одна на два корпуса, поэтому мне по этой дороге пришлось

направить лишь артиллерию и обоз, а части вести по ущелью реки Юрезань. Стоял конец февраля (25-е), и погода была довольно мягкая. Приказано и идти как можно скорее, что мы и сделали, прибыв 28-го уже штабригом в Усть-Байки.

27 февраля генерал Голицын захотел посмотреть ижевцев — мы с ним были в одном полку и артдивизионе. Мое мнение было, что он остался неудовлетворенным — не было лоску. 28 февраля получен приказ: на смену 2—3 марта и наступление 4—5. Так как левее 3-го Уральского корпуса частей не было, просил поставить меня на правый фланг корпуса, чтобы быть между своими.

Я уже говорил выше, что капитан Агапиев был временно начальником штаба бригады, а настоящим должен быть капитан Ефимов<sup>144</sup>, тоже курсант академии. О нем я знал и познакомился еще в первое мое представление командиру 2-го корпуса. Он произвел на меня впечатление слишком мрачного, нелюдимого — сапер, как и я; последнее, пожалуй, более всего мне не понравилось — два сапера на таких ответственных должностях; смолчал, но видел тогда в этом происки штаба 2-го Уфимского. Перед отъездом на позицию он был прислан. Как ни говорите, а присылать начальника штаба принимать должность, когда штаб сидит на повозках для переезда на позицию, немножко, я бы сказал, нехорошо. Делать нечего, забрал обоих. Капитан Ефимов уже дорогой начал знакомиться с делами, с частями. Я видел дельного, трудолюбивого офицера, а когда, по приезде на место, он немедленно принял должность и взял в руки немного распущенный штаб, я увидел в нем твердого человека, который вожжи не распустит. Так оно и было. С этого времени он был верным моим помощником, отважным офицером, ходившим в атаку с чинами штаба, дальше — близким моим другом, и я всю Гражданскую войну провел с ним и сдал ему ижевцев, когда был назначен командиром 3-го корпуса. Совершенно определенно могу сказать, что более офицера, чем Авенир Геннадиевич Ефимов, за обе войны я не видел. Это не только мое мнение, но полковника Ефимова знали и знают все, служившие в Ижевской бригаде, дивизии, 3-м стрелковом корпусе и в Дальневосточной армии. Если бы все были такими, едва ли бы пришлось нам переплывать океан.

Стояли мы за позицией, не зная своего будущего участка. Я ездил в деревню Байки, просил указаний, чтобы я и начальники могли немного ознакомиться, но ничего из этого не вышло. 3-го ночью бригада сменила 14-й Уфимский полк полковника Бырдина<sup>145</sup> в Урюме и 15-й Михайловский полк в Подлубове. В эту ночь не представилось возможным произвести необходимых мне разведок,

не говоря уже про знакомство частей с местностью, где мы будем наносить первый удар.

Началось то наступление, которое должно было привести нас на берега Волги, на соединение с армией генерала Деникина и к окончанию Гражданской войны с уничтожением большевизма. После первых дней наступления я в это верил твердо, да иначе быть не могло, так как я и действовал со своей бригадой тоже твердо.

Чем оказались ижевцы, которыми я боялся вступить командовать, пусть расскажут, хотя бы и бледно, мои правдивые строки. Таких частей не было нигде — пусть мне укажут, где могла быть такая «Рабоче-Крестьянская бригада». Я говорю не потому, что я ими командовал — ничего не приписываю себе. Начальник таких частей едва ли может сделать больше, настолько здесь было все самобытно, не похоже на других, что и придумать трудно. Я молю Бога о том, чтобы Он дал возможность наиболее справедливо, красочно описать их деяния.

В ночь с 4-го на 5-е — разведка по всему фронту. Командир 3-го батальона 1-го полка поручик Ложкин с 15 офицерами и солдатами заставил развернуться два батальона и 100 всадников красных. Это действительно разведка! 6-го утром пошли в наступление на левый фланг. 1-й полк занял в 8.10 Накоряново. Начали поздно, не захватили врасплох, шли во весь рост, и потери велики — более 100 человек. Самого наступления я не видел, так как боялся отлучиться далеко от штаба; возможно, что не было уверенности. Был на перевязочном пункте 1-го полка и видел по настроению раненых, что части идут хорошо.

Небольшая заминка во 2-м полку с гаубичной батареей — отстала из-за поломанного моста, — и командир полка приостановил движение вперед, а затем приказал двигаться, не ожидая гаубиц. В полдень задача, возложенная на бригаду, полностью была выполнена, но противника лишь оттолкнули, он не был разбит, а отошел в порядке, не оставив трофеев. Не было сделано ничего, чтобы произвести обход и ударить во фланг и тыл противнику. Я считал ошибкой, что 2-й корпус начал наступление днем раньше. Нужно было начать наступление левым флангом (7-й Уральской дивизией), что давало возможность разбить красных на две группы — Уфимскую и Бирскую. Я не помню смысла приказа Западной армии, но знаю, что наступление корпусами 3-м Уральским и 2-м Уфимским велось далеко не по этому приказу, а вполне самостоятельно, особенно 2-м Уфимским корпусом: Уральский корпус 7-й дивизией направлялся на Уфу, а Ижевская бригада обеспечивала это движение с севера, где только и был противник на фронте Уральского корпуса. 2-й Уфимский кор-

пус бил кулаком 4-й дивизией на Чишму, 8-й дивизией к северу от линии Байки—Бирск.

Я не помню точного направления 8-й дивизии в целом, но 32-й Прикамский полк, в составе: 1-й батальон — елабужцы, 2-й — чистопольцы и 3-й — мензелинцы — получив задачу двигаться на Бирск, по занятии этого города разбился побатальонно, двигаясь на свои города. Полк остался без управления, что и послужило к неудаче 3-го батальона, мензелинского, на тракте к этому городу. Впоследствии этот полк сыграл большую роль, действуя вполне самостоятельно в направлении Бирск—Чистополь, по занятии которого оставался там, удачно борясь с бригадой противника. Я остановился на действиях этого полка только потому, чтобы оттенить следующее предположение: что было бы, если бы ижевцы были приданы к 2-му Уфимскому корпусу, поставлены с 32-м Прикамским полком на правый фланг и направлены на Сарапул—Елабугу? Как бы дрались ижевцы, направляясь к своим местам? Вопрос другой, если их нечем было заменить в Западной армии, но, думаю, последствия были бы огромны. Дело специалистов в этом разобраться, но мне кажется, на место этих частей всегда можно было взять из армии Гайды одну-две дивизии.

Своими рассуждениями я не хочу поддерживать идеи северного наступления (английского), но думаю, что в то время выход на Волгу в районе Казани оказывал громаднейшее влияние на исход всей операции. О том, что у красных была Туркестанская армия, надо было знать командованию, учитывать все возможные последствия активности этой армии и принять меры или не начинать вообще наступательной операции, если не было частей для разгрома этой армии.

А. Ефимов<sup>146</sup>

## ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ<sup>147</sup>

За Камой

После отступления за реку Каму воткинцы заняли позиции вдоль левого берега, загибая свой северный фланг фронтом на северо-восток против красных, действовавших со стороны города Осы.

На левом фланге находился 4-й Воткинский полк, растянувшийся от села Сайгатка до деревни Ершовки. У деревни Ершовки воткинцы вошли в связь с отрядом уфимцев под командой поручика Воробье-

ва, который действовал в районе железной дороги Сарапул—Красноуфимск. Ижевцы сосредоточились в селе Сайгатка и ближайших деревнях, где их части переформировывались в бригаду в составе двух полков, запасного батальона, дивизиона артиллерии, конного дивизиона и инженерной роты. Через несколько дней один из полков ижевцев сменил 4-й Воткинский полк, который был отведен в тыл для формирования 2-й бригады Воткинской дивизии.

Потеря родных мест и семейных очагов, боязнь за семьи, часть которых осталась во власти мстительного врага, неизвестность, что предстоит дальше, — все это отражалось на настроении ижевцев и воткинцев. Удары судьбы не проходят даром, вызывают падение духа и выливаются наружу в тех или иных формах. Началось расхождение между ижевцами и воткинцами, до сего времени совместно и дружно боровшимися с красным гнетом.

Раскол появился среди старших чинов и потом распространился вниз. Отсутствие начальников, которые обладали бы неоспоримым авторитетом и могли бы сразу остановить зачатки взаимного недоброжелательства, привело к тому, что недовольство друг другом продолжало углубляться. Начались упреки в несправедливом распределении захваченных у противника орудий и другого имущества, в неправильном расходовании денежных средств, в отказе помочь в бою артиллерийским огнем и т. д.

Большое недовольство, главным образом у ижевцев, вызвал приказ из штаба армии с перечислением целого ряда обязанностей, нарушение которых будет караться расстрелом. Приказ заканчивался указанием, что те, кто не согласен подчиниться дисциплине в указанных рамках, могут уходить обратно домой. Приказ, имевший целью поднять дисциплину, был явно плохо обдуман и неудачен. По свидетельству одного из старших командиров ижевцев, этот приказ вызвал негодование среди рабочих-бойцов, добровольно поднявшихся против насилия большевиков, самоотверженно отдавших все силы на борьбу и принесших большие и кровавые жертвы. Разбираться в правильности, справедливости или необоснованности этих взаимных обвинений теперь не приходится и невозможно. Результат же был тот, что командующий ижевцами штабс-капитан Журавлев увел подчиненную ему бригаду в район Уфимского корпуса.

По мнению ижевца М.Д., внимательно наблюдавшего за всем происходившим, Журавлев сделал это, чтобы избежать недоразумений и, возможно, столкновений. По его впечатлению, взаимная неприязнь начала заходить очень далеко, и можно было опасаться, что горячие головы не остановятся перед пролитием братской крови, что был даже

заговор убить капитана Юрьева<sup>148</sup>, но этого не произошло, потому что Юрьев не появлялся в районе ижевцев.

С уходом ижевцев в район Уфимского корпуса их совместный с воткинцами путь борьбы с красными временно разошелся: первые дрались в рядах Западной (позднее 3-й) армии, а вторые в Сибирской (потом во 2-й Сибирской) армии. Только в Забайкалье поредевшие в тяжелых походах ряды ижевцев и воткинцев, сведенные в полки, в конце 1920 года вновь встретились и дружно продолжали бороться со своим смертельным врагом.

Уходя в район Уфимского корпуса и бросив боевой участок, штабс-капитан Журавлев не предупредил об этом воткинцев. Самовольный уход с позиции не может иметь оправдания, но указанные выше обстоятельства говорят о том, что это было сделано не без причин. Что же касается того, что Журавлев не предупредил об уходе штаб Воткинской дивизии или ближайшую часть, нельзя рассматривать иначе как предательство. Это отразилось на устойчивости положения воткинцев и облегчило красным форсирование реки Камы, к этому времени уже покрывшейся льдом. Воткинцы были вынуждены, под нажимом переправившегося через реку противника и под угрозой удара с севера, начать отход со своего выдвинутого вперед участка на восток.

После переправы через реку крупный красный отряд, проделав в два дня большой переход, занял деревню Зипуново и оказалась в тылу воткинцев за левым флангом их 2-й бригады. Навстречу был брошен 4-й полк под командой штабс-капитана Болонкина, который задержал дальнейшее продвижение красного отряда. Это дало возможность воткинцам и всем беженцам, двигавшимся с ними, благополучно выйти из задуманного красными окружения. Установив связь с Сибирской армией, Воткинская дивизия заняла участок на ее левом фланге, в 40 верстах к западу от города Красноуфимска.

В районе Уфимского корпуса Ижевская бригада была расположена по селам и деревням, примерно в 170 верстах к северо-востоку от города Уфы. Здесь ижевцы испытывали большие лишения от наступивших зимних холодов. Их собственное интендантство не могло достать обмундирование. Некоторые покупали теплые вещи сами, некоторым помогали крестьяне, другие мерзли или промышляли тем, что плохо лежало. Последний способ был исключением, но жалобы пострадавших доходили до высших штабов сильно преувеличенными. С другой стороны, тяжесть пережитой борьбы и кровавых потерь, неспособность молодого и неопытного командного состава наладить внутренний порядок толкали на желание забыть тягости жизни с помощью спирта и самогона.

В 1-м Ижевском полку, стоявшем в отдалении от остальных частей бригады, командиру полка удавалось поддерживать дисциплину и порядок на значительной высоте. В остальных частях дело это страдало, в большей или меньшей степени, в зависимости от качества командиров. Худая слава о бригаде все увеличивалась. На боевые качества и моральную устойчивость ижевцев, как упорных и непримиримых врагов большевизма, казалось, никто не хотел обратить внимания и использовать для общего дела.

Крепость своей спайки, любовь к Родине и ненависть к ее поработителям ижевцы вскоре доказали, когда власть от Директории, не сумевшей справиться с вопросами государственного управления, перешла в руки адмирала Колчака. Командовавший бригадой штабс-капитан Журавлев, ставленник эсеров, на собрании офицеров бригады, решавших, что делать дальше и за кем идти, был на стороне устраненной Директории. За ним никто, кроме двух его сообщников, не пошел. Эсеровское руководство полностью доказало свою несостоятельность во время защиты заводов, и это все помнили. Непродолжительное обсуждение — «за кем идти?» — закончил молодой прапорщик Ермаков, который громким голосом сказал: «Пойдем за Колчаком — больше толку будет!» Все, кроме Журавлева, согласились. «Устами младенцев глаголет истина», — вспоминал об этом капитан Зуев, вскоре занявший пост командира бригады.

Весь состав Ижевской бригады спокойно принял решение. Ижевцы вступили в ряды белых армий, где — хорошо или плохо — политические вопросы стояли на заднем плане, а на первое место выдвигалось уничтожение большевистского ядра. В лице адмирала Колчака все видели честного русского человека, доблестного солдата и патриота России, для которого благо Родины было выше всего.

Через несколько дней штабс-капитан Журавлев со своими приверженцами, захватив 2 миллиона рублей, скрылся из бригады. По сведениям из штаба армии, его последним днем командования бригадой было 13 декабря. Розыски его успехом не увенчались — по некоторым данным, он перешел на сторону большевиков.

В начале января 1919 года была сформирована Западная армия, в состав которой вошел Уфимский корпус и расположенная в его районе Ижевская бригада. Жалобы на поведение чинов бригады заставили командующего армией генерала Ханжина назначить инспекцию. Был послан генерал Тиманов<sup>149</sup>. Плохо питавшиеся, мерзнувшие и скупающие от безделья ижевцы обрадовались: наконец-то кто-то о них вспомнил. Для встречи инспектора ижевцы тщательно подготовились. Весь состав бригады выстроился на большой площади села стройны-

ми рядами. Раздалась команда для встречи, и винтовки четко звякнули «на караул». Генерал Тиманов поздоровался и услышал громкий, отчетливый солдатский ответ. Он обошел ряды, осматривал внимательно одежду и обувь, разговаривал.

Странное впечатление производили ряды ижевцев. Стояли как будто хорошо обученные солдаты, но были пестро одеты в пиджаки, в пальто, некоторые в шинели, в полушубки... На головах картузы, кепки, фетровые шляпы, папахи... На ногах — сапоги, штиблеты, валенки или башмаки с обмотками. Большая часть одежды обтрепана, заштопана, в заплатках, давно отслужила все сроки... Больше всего внимание генерала Тиманова привлекли глаза ижевцев. Он проходил по фронту, и тысячи глаз провожали его. Но это не было заученное казенное «есть начальство глазами». Старого царского служаку нельзя было обмануть. Эти глаза говорили, и генерал понимал, что они говорили: «Мы знаем, кто наш враг! И мы хотим с ним встречи!»

Генерал Тиманов доложил о всем виденном, считая необходимым прежде всего одеть ижевцев, наладить регулярное питание и дать опытного боевого командира. Он вынес убеждение, что бригада будет отлично драться. Особенно он подчеркивал то впечатление, которое произвели на него глаза ижевцев — их прямота, смелость и решимость.

Через Уфимский корпус ижевцы начали получать обмундирование и налаживать правильную доставку продовольствия. Были получены походные кухни. От Уфимского корпуса Ижевская бригада должна была получить и нового начальника.

К тому, что было уже сказано, как в ижевских и воткинских частях было встречено известие о вступлении адмирала Колчака на пост Верховного Правителя, следует добавить подробности, полученные от одного воткинского офицера. Он присутствовал на собрании, которое капитан Юрьев созвал после получения известия об изменениях в верховной власти. На это же собрание были приглашены также ижевцы. Капитан Журавлев, видимо через партийные круги получивший сведения раньше и, как уже говорилось, пытавшийся повести ижевцев против адмирала Колчака, на собрание не пошел. Туда отправилось несколько ижевцев во главе с капитаном Зуевым. Среди воткинских офицеров находились два моряка (в том числе строитель моста через Каму — капитан 1-го ранга Вологдин<sup>150</sup>). Оба морских офицера рассказывали воткинцам об адмирале Колчаке, о его высоких достоинствах, любви к родной стране и к морской службе. Один из них был вместе с адмиралом в полярной экспедиции, и его интересные рассказы захватывали слушателей, заставляя их с уважением

относиться к неизвестному им, но выдающемуся и славному адмиралу. Когда капитан Юрьев объявил о вступлении адмирала Колчака на пост Верховного Правителя, воткинцы дружно ответили на это громовым «Ура!». Ижевцы тут же сообщили, что у них уже было собрание и что они постановили идти за адмиралом Колчаком. Этот рассказ указывает, что сведения об изменении в организации верховной власти дошли раньше того времени, когда капитан Журавлев увел ижевцев в район Уфимского корпуса.

### Новые командиры

После включения в состав армий Восточного фронта у ижевцев и воткинцев были произведены изменения в их командном составе. Как указывал инспектировавший Ижевскую бригаду генерал Тиманов, ижевцам необходимо было назначить опытного боевого начальника. Его выбор определил весь будущий путь службы и боевой деятельности ижевцев. На должность начальника Отдельной Ижевской стрелковой бригады был назначен командир 32-го Прикамского полка полковник Молчанов. Трудно было сделать более удачный выбор. Судьба послала доблестным ижевцам выдающегося командира.

В сплоченной однородной Ижевской бригаде, уже прошедшей часть своего тяжелого крестного пути, новый командир являлся посторонним человеком. Несмотря на предупреждение о приезде, никто не вышел его встречать, когда он поздно вечером приехал в расположение бригады. Прежний командир со своим начальником штаба уехали раньше, не сдав должностей. Знавшие о приезде полковника Молчанова командиры частей не показывались из своих квартир, полагая, что они будут смещены со своих должностей. Другие еще не знали о его приезде. Случайно попавшийся на улице села комендант штаба поручик Саламатов отвел квартиру. Встреча нового командира была недоброжелательной.

Командир 1-го Ижевского полка поручик Михайлов, не извещенный о приезде полковника Молчанова, так вспоминает о первой встрече: «Конечно, командиры полков ожидали смещения с должностей — и я был к этому готов. Генерал Тиманов нам уже дал понять, что мы слишком молоды и что будут, наверное, присланы более опытные командиры. Вскоре по приезде к нам нового командира бригады я приехал в штаб бригады, явился и доложил: «По вашему приказанию явился» Полковник Молчанов удивленно посмотрел на меня и сказал, что не вызывал меня. Подаю записку. Он читает и улыбается. Говорит: «А

вы число посмотрели?» Дает мне. Смотрю, а дата старая. Итак, по ошибке я попал к новому командиру. «Ну, вот и прекрасно, что пришли. Мы с вами побеседуем». Справился о моем семейном положении и, узнав, что у меня никого нет, сказал: «Вы незаменимый человек для военной службы». Потом сообщил мне, что на должности командиров частей у него есть много предложений опытных офицеров в больших чинах и что им будут назначены новые командиры полков, но он дает слово, что мы, то есть я и Ляпунов (командир 2-го Ижевского полка), останемся на должностях помощников. На это я ответил: «Готов хоть ротой командовать». Весь разговор помню слово в слово. Так что было вперед уже решено нас сместить. А не сместил нас командир бригады потому, что в первых же боях мы оказались на должной высоте».

Полковник Молчанов начал быстро приобретать доверие и любовь, одновременно будучи очень требовательным. Это нелегко было достигнуть от ижевцев. Прошедших военную службу было немного. Остальных сделало бойцами восстание. Много особенностей наблюдалось в бригаде. В боях ижевцы действовали смело и дружно, признавали власть начальников и исполняли их приказы. Вне боя отношения менялись. Начальник обращался в Ивана Ивановича или просто в Ваньку, как было на заводе. Только командиры полков и соответствующие им по должности пользовались большим уважением, и к ним обращались не по чинам, а по занимаемой должности — «господин полковник». Приказы вне боя вызвали обсуждения и пререкания. Сторожевая служба, когда противника не было поблизости, неслась неисправно — часовые уходили с постов погреться и попить чайку. Ответы ижевцев отличались своеобразием. Например, новому начальнику бригады отвечали «ваше высокоблагородие». На вопрос: «Почему?» — отвечали: «Хотим по старинке». В ответ на благодарность к уставному: «Рад стараться» — прибавляли: «И охота есть» Не легко было переучить такое войско, заставить исполнять приказы без рассуждения и нести сторожевую службу строго по уставу. Обычные меры наказания не принесли бы пользы. Переучивать закаленных в боях бойцов, начиная со «словесности», было нелепо. Нужно было постепенно и упорно внедрять в сознание ижевцев, начиная с их начальников разных степеней, необходимость для внутреннего порядка и для успеха в бою поддерживать строгую дисциплину и выполнять все требования устава. Это и начал полковник Молчанов проводить в жизнь.

Свое родное гнездо ижевцы отстаивали, защищаясь на позициях среди хорошо знакомой местности и действуя «фронтами», состоящими из отдельных рот. Для маневренной войны в поле, с быстро



меняющейся обстановкой, подобная организация и упрощенный образ действий были неприменимы. На первых же трех переходах к новому расположению полковник Молчанов разбил бригаду на два отряда, направил их по двум дорогам и дал двухстороннюю задачу на параллельное преследование. Далее — другие задания. Обучение требовало много лишних движений на разведку, охранение и разворачивание для боя и делало переходы много утомительнее. Но ижевцы с большим вниманием относились к этим учениям, к их разбору и указаниям опытного командира и не жаловались на усталость. Учения вызывали явный интерес, и это закладывало прочный фундамент для будущих побед. Особую систему пришлось применить к привычке обсуждать приказы. Этого новый командир не выносил. Он обрушивался на непокорного таким потоком крепких слов, что тот быстро бросался выполнять приказ. Однако часто с ворчанием: «Ну и командир попался! Ты ему слово, а он десять!»

Более близкое знакомство ижевцев со своим командиром произошло в наступивших в начале марта боях. Горячая любовь к Родине и ненависть к ее врагам сближали и роднили ижевцев с их командиром. В своей борьбе на заводе ижевцы потеряли все. Только винтовки, выделанные ими самими, сжимались в их крепких руках, и им они вручили свою дальнейшую судьбу. Столь же решительно, не признавая никаких колебаний, вступил в борьбу с красным гнетом полковник Молчанов. Под его водительством, сначала непосредственным, а потом в составе находившихся под его командой корпуса и армии, боевой путь ижевцев обратился в ряд стремительных наступлений, упорных защит позиций, тяжелых боев в арьергардах и пробивании дороги в долгом отступлении во время Сибирского Ледяного похода и последующей борьбы в Забайкалье и Приморье.

В Воткинской дивизии было больше перемен на командных должностях. Капитан Юрьев, пользовавшийся любовью и авторитетом у воткинцев, оставался после переправы за Каму начальником дивизии недолго. В январе он был отозван в тыл по неизвестной причине. Однако, явившись Верховному главнокомандующему адмиралу Колчаку, он был произведен за руководство восстанием в полковники и награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В марте или апреле он вернулся в дивизию и вступил в командование. На этой должности он пробыл до боев на реке Ишиме, то есть до октября 1919 года, после чего был устранен, по имеющимся сведениям, за то, что отказывался отступать дальше на восток.

Перемен среди командиров отдельных частей в дивизии было много, и полных сведений собрать не удалось. Командир 3-го Сайгатско-

го полка — храбрый и энергичный полковник Жуланов — был переведен на должность помощника командира 4-го Воткинского полка, которым командовал полковник Вольский — совершенно новый в дивизии офицер. Полковник Вольский командовал полком очень недолго. Бывший командир 4-го полка, доблестный штабс-капитан Болонкин<sup>151</sup>, коренной воткинец, был тяжело ранен 1 января и эвакуирован во Владивосток. Вернувшись в дивизию в июне, он получил в командование батальон. По-видимому, выдвижения на должности в Воткинской дивизии носили случайный характер и не были в соответствии с заслугами назначаемых офицеров.

### Наступление к Уфе

Мартовское наступление было первым испытанием для ижевцев в новых боевых условиях. Перед наступлением был получен приказ командующего Западной армией генерала Ханжина, специально обращенный к ним. Не доверяя ижевцам и сомневаясь в их желании сражаться против красных, генерал Ханжин решил поднять их боевое настроение и указывал в приказе, что наступление приведет к освобождению Ижевска и они будут туда немедленно отпущены. Этим приказом генерал Ханжин исключал ижевцев из числа добровольцев, обязанных служить до конца. Ижевцы попадали в положение каких-то временно обязанных, которым разрешалось принять участие в военных действиях, но от которых было желательно избавиться. Неосторожное и ненужное обещание генерала Ханжина ижевцы крепко запомнили.

Несмотря на донесения полковника Молчанова, что настроение у ижевцев превосходное и они с нетерпением ждут приказа о наступлении, генерал Ханжин продолжал сомневаться до последнего дня. Накануне наступления он приказал полковнику Молчанову прислать ему краткую условную телеграмму: «пойдут» или «не пойдут». Хорошо уже изучивший своих подчиненных и вполне уверенный в них, полковник Молчанов без колебаний ответил: «Пойдут».

6 марта 3-й Уральский корпус, которому была придана Ижевская бригада, начал наступление из пункта сосредоточения на юг, в направлении на город Уфу. Ижевцы рвались в бой. В первые же дни они разгромили красных, бывших перед ними, и начали неотступное преследование. Враг не выдерживал ни одного удара. Если он был силен с фронта, обход с фланга или в тыл, обычно по глубокому снегу, решал участь боя. Во время атаки одной деревни батальон бро-

сился в незамерзшую горную речку и, по горло в ледяной воде, атаковал противника. Только выбив врага из деревни, они пошли в избы сушить свою одежду, обратившуюся в ледяную кору. Пленные красноармейцы говорили, что не могут понять, как белые способны так быстро атаковать по глубокому снегу. У них прошел слух, что их противник движется на паровых лыжах. «Не успеваю следить за орлиным полетом молодецкой бригады», — начинает свой приказ командир Уральского корпуса генерал Голицын.

Ежедневно было три-четыре боя. Наступавшие рядом соседи начали отставать. Через семь дней бригада подошла на полперехода к городу Уфе. Здесь, на фронте деревень Подымалово — Красный Яр, произошли последние бои перед захватом Уфы. 13 марта 1-й Ижевский полк получил задачу выбить красных из деревни Подымалово, а 2-й — из села Красный Яр. 2-й полк встретил упорное сопротивление у села Красный Яр, но после двухчасового боя выбил красных из этого села. Бой 1-го полка у деревни Подымалово был проведен быстро и очень удачно и посеял большую панику у красных в городе Уфе, которые поспешно оставили город.

Подробности этого боя заслуживают того, чтобы на них остановиться. Деревню Подымалово, находившуюся в 12 верстах от Уфы, занимал 229-й стрелковый полк 26-й красной дивизии. Полк был совершенно свежий, державшийся в резерве для отпора противника у самой Уфы. Он насчитывал более 1500 бойцов и укрепился около деревни. Красные были так уверены, что им удастся отбить наступление белых, что весь обоз держали в самой деревне. Утром 13 марта 1-й полк, ночевавший в деревне Камышонке, начал наступление двумя батальонами: 2-м с фронта и 3-м в обход правого фланга противника, угрожая отрезать его от Уфы. 1-й батальон был в резерве. Полку был придан один эскадрон Конного дивизиона и батарея из четырех трехдюймовых орудий. Когда 2-й батальон развернулся и начал наступление цепями, подойдя на 1 версту к противнику, из деревни Камышонки прискакал ординарец и доложил командиру полка, что эту деревню, где были оставлены хозяйственная часть и обоз полка, захватил коммунистический отряд, появившийся со стороны села Красный Яр. Командир полка решает сначала выполнить задачу и разбить противника в деревне Подымалово, а потом действовать против врага, появившегося в его тылу. Но нужно ускорить выполнение задачи. Батарея отдается приказ выдвинуться в цепь пехоты на открытую позицию и открыть усиленный огонь; 1-й батальон усиливает цепи 2-го батальона; эскадрону и конной разведке приказано приготовиться к атаке. Ижевцы, увидев пушки в своих цепях, не

дожидаясь команды, побежали вперед с криками «Ура!». Командир полка во главе конных бросился вдоль дороги в атаку.

Участник боя вспоминает: «Что получилось — трудно описать. У ижевцев неопишуемый подъем. Воля противника подавлена. Красные бегут на Уфу. Снаряды точно ложатся на дорогу и бьют бегущих. Конные доскакали до красных и остановились на момент — огонь своей же артиллерии претрадил дорогу. Артиллерия прекращает огонь и мчится в Подымалово. Противника преследуют на 5 верст в сторону Уфы. Красноармейцы с поднятыми руками возвращаются обратно и толпами сдаются».

У Подымалова было взято в плен 1280 человек, в том числе командиры всех трех батальонов, несколько комиссаров, захвачено 16 пулеметов и весь обоз 229-го полка с большим количеством патронов, запасов обмундирования и обуви, продуктов и фуража. Успел бежать в Уфу командир полка с небольшой горстью своих бойцов. Разгром красных произошел очень быстро и с небольшими потерями в 1-м Ижевском полку. Когда наш успех был налицо, командир полка послал две роты на деревню Камышонку, которые выбили оттуда отряд коммунистов и освободили наших пленных.

Отличные действия всего состава 1-го полка и приданных ему артиллерии и конницы в бою у Подымалова не являются исключением. Они выказывались ижевцами не раз в течение операции в эти дни мартовского наступления. Но здесь также обращает на себя внимание мужественное решение командира полка — сначала всеми силами разгромить главные силы врага и выполнить поставленную задачу, а потом уже заняться противником, прорвавшимся в тыл и захватившим полковой обоз. Решение, доступное военачальнику высокого класса, обладающему верным глазомером и твердой волей.

В то время как шли бои у Подымалова и села Красный Яр, конный разъезд ижевцев проник к железной дороге западнее Уфы и включил телефон в провода, по которым красные в городе вели разговоры со своим тылом. Выяснилась полная паника в рядах красных и растерянность среди их командного состава. Полковник Молчанов донес об этом генералу Голицыну и просил разрешения атаковать Уфу с запада. Уфа не входила в полосу наступления Ижевской бригады, но паника у противника и успешное движение бригады впереди остальных частей корпуса давали возможность использовать положение и захватить город ранее намеченного срока. Но честь захвата Уфы должна была принадлежать, по заранее разработанному плану, шефскому Уральскому полку, наступавшему левее ижевцев. Генерал Го-

лицын отказал полковнику Молчанову в его просьбе, а вместе с тем просил и молил не атаковать Уфы.

Уфа была захвачена позднее, чем это было возможно. Но 25-й Уральский полк, вошедший в город с севера, должен был разделить свои лавры с частями 11-й Уральской дивизии, наступавшими с востока и вошедшими в город одновременно с северной колонной.

Первые боевые действия ижевцев в составе Западной армии, под блестящим руководством полковника Молчанова, показали превосходное качество бригады и получили общее признание. Также вполне оправдалось желание начальника бригады не торопиться с заменой молодых и, как предполагалось, неопытных начальников в малых чинах более опытными офицерами с авторитетом прошлых заслуг. Гражданская война имеет свои особенности и, в том числе, предъявляет свои требования к командному составу. Борьба идет не для защиты Родины от нападения внешнего врага, а, в коротких словах, за установившиеся государственные и общественные порядки против новых, обычно разрушительных идей. Настроение борющихся масс меняется, и «перелеты» из одного лагеря в другой — обычное явление. Начальнику мало иметь авторитет, хотя бы и вполне заслуженный. Необходимо получить полное доверие от своих подчиненных, и тогда моральная устойчивость будет сильна. Не только при временных неудачах, но даже и при крушении всей борьбы рядовой состав армии идет до конца за начальником, заслужившим доверие, и готов на предельные подвиги и самопожертвование.

Молодые командиры ижевских частей выдвинулись на свои посты ходом событий — «война родит героев». Для выяснения вопроса об их «неопытности» полковник Молчанов дал им возможность показать свои способности управлять боем. Он действовал здесь очень осторожно и осмотрительно и не ошибся. Поэтому, хотя командир 1-го полка и получил предупреждение, что он может быть заменен, — теперь, когда он блестяще выдержал экзамен, в этом отпадала необходимость. Поручик Михайлов с большим искусством командовал своим полком и прошел с ним весь Сибирский поход до Забайкалья. Командир 2-го полка поручик Ляпунов хорошо руководил боевыми действиями своего полка и был вполне на своем месте. Он был тяжело ранен в октябре на реке Тоболе и умер через несколько дней. Командир артиллерийского дивизиона поручик Кузнецов оказался выдающимся артиллеристом. Его любили в бригаде за своевременную поддержку в бою и ценили необыкновенную способность точно и быстро определять расстояние до целей. Он часто открывал огонь на поражение без пристрелки.

Единственным начальником, оказавшимся не вполне на своем месте, был командир Конного дивизиона. Он был заменен командиром эскадрона прапорщиком Багиянцем. По происхождению турецкий армянин, он прибыл на завод для закупки винтовок, но события в России и восстание на заводе лишили его возможности вернуться на родину. Он быстро овладел русским языком, принял горячее участие в восстании и отличался большой смелостью, хотя и не всегда разбирался правильно в обстановке. С ижевцами он провел все походы и с ними же отступил в Китай. При нападении хунхузов на ресторан, где он работал, Багиянц уложил из револьвера несколько грабителей. Когда он был ими убит, разъяренные хунхузы распоролы его живот и обмотали убитого его же кишками.

### «Спасите Уфу!»

14 марта Ижевская бригада была выведена в резерв в район станции Чишма. В конце марта красные одновременным наступлением с запада и юга сделали попытку отобрать Уфу. С запада удар красных был отбит частями Уфимского корпуса. С юга противник потеснил малочисленные части 12-й Уральской дивизии и подошел на один переход к Уфе. Сюда уже перешел штаб Западной армии и многие тыловые учреждения. Уфа была под угрозой захвата.

Генерал Ханжин двинул на защиту города Ижевскую бригаду и вызвал в штаб полковника Молчанова: «Спасите Уфу! Надежда только на вас!» Полковник Молчанов обещал отстоять Уфу, но потребовал патроны, запас которых до сих пор не был пополнен. Патроны были обещаны. Рано утром 30 марта ижевцы атаковали красных и выбили их из ближайших занятых ими деревень.

1-й полк двумя батальонами захватил в 6.30 утра деревню Ново-Киевку, а обходивший справа 3-й батальон прапорщика Ложкина, не найдя дороги в деревню Ново-Киевку, атаковал деревню Романовку, занятую силами красных, значительно превышавшими силы его батальона в 600 бойцов. Батальон Ложкина ходил в атаку, забросив винтовки за плечи, а в руках бойцов сверкали ножи. На красных это производило большое впечатление. Они бежали, но батальон понес потери до 100 человек.

Получив подкрепления, красные готовились перейти в контратаку. К деревне (Петряево?), из которой они наступали, подходили с юга, со стороны Стерлитамака, все новые колонны, что отлично было видно из деревни Ново-Киевки. Артиллерия их стреляла очень мет-

ко. Один снаряд разбил на куски пулемет и убил семь человек. Батарея, приданная к полку ижевцев, выехав на открытую позицию, немедленно была обстреляна красной артиллерией. Снаряды ложились у самых пушек, и батарея должна была отойти на закрытую позицию. Последние патроны вышли, а пополнение не было доставлено. Командир полка посылает запрос Ложкину, нет ли у него патронов, а в это время Ложкин просит дать патроны ему.

Красные настойчиво продвигаются, но штыковых атак не принимают. Позиции у деревень Ново-Киевки и Романовки были неудобны, и командир полка приказал отойти к деревне, откуда началась атака утром. Отходили в полном порядке, подбирая всех раненых. У деревни залегли около поскотины, закопались в снег и ждали красных. Один развезд в семь всадников попал в плен к противнику. Обозленные за свои неудачи, красные порубили пленных на куски.

Эскадрон, прибывший на усиление, поделится своими патронами. Стрелки получили по две обоймы. Подъехал командир бригады. Командир полка доложил обстановку и предложил для захвата брошенных деревень, за отсутствием патронов, дожидаться ночи и в темноте окружить красных. Если же необходимо — наступать немедленно.

Полковник Молчанов приказал наступать немедленно. Поручик Михайлов отдал приказ двигаться без выстрела, равняясь по передним. Огонь открыть только по его приказу. Участник боя вспоминает: «Наступление вели под сильным огнем противника. Падают убитые и раненые. Вот закачался командир 2-го батальона прапорщик Ермаков и упал, тяжело раненный в пах. В снегу наступать трудно, но цепи идут все быстрее и быстрее. В ста шагах от красных приказ остановиться, передохнуть и выпустить по одной обойме. Открыли огонь и бросились без команды вперед с криком «Ура». Красные бежали, оставив нам драгоценный трофей — 20 подвод с патронами».

Прапорщик Ложкин вновь атаковал Романовку и взял ее в 13 часов, получив патроны от 25-го Уральского полка. Во 2-м полку также были большие успехи. В 8 часов занята деревня Бекетово, расположенная на тракте Уфа—Стерлитамак, и в 9 часов 30 минут — деревня Ибрагимово. Красные оказывали упорное сопротивление, но большой подъем духа у ижевцев и их стремительность в атаках заставляли противника быстро сдавать позиции, несмотря на их превосходство в силах. Наши потери были сравнительно невелики. За этот день 1-й полк потерял убитыми и ранеными (оставшиеся в строю

раненные в счет не вошли) 122 офицеров и бойцов, 2-й — 102 и конный дивизион — 2; 7 человек попали в плен и были зарублены.

Подъем духа ижевцев был на необыкновенной высоте. Они шли в бой как на праздник — с песнями и гармошками. Оставила по себе память любимица бригады — гимназистка Лидия Попова. Она работала сестрой милосердия, отличалась храбростью, смело ходила в опасные разведки, всегда перевязывала раненых в передовых цепях. Сначала она была в 1-м полку. Во время одного боя под Уфой батальон ижевцев попал под сильный, но плохо руководимый огонь противника. Получен приказ ждать результатов обходной части. В цепи появилась Лидия Попова. «Есть раненые?» — «Нет» Подбежала к другой группе: «Есть раненые?» — «Нет» У третьей группы тот же вопрос и тот же ответ... «Так чего же вы лежите?.. За мной!» И она бросилась к деревне, занятой красными. Батальон за ней — деревня была взята. Попова ранена в ногу. План командира нарушен, но «победителя не судят». Лидия Попова получила Георгиевский крест 3-й степени и после выздоровления вернулась в полк.

Эта смелая гимназистка отличалась не только своей лихостью, но была также очень привлекательной — всегда веселая и бойкая — и, само собой разумеется, имела много поклонников, которые, впрочем, ее не интересовали. Юнкер Булычев — «отвергнутый» — стрелялся. Чтобы охладить сердца суровых воинов, Попова была переведена во 2-й полк. При наступлении 2-го полка в описываемых здесь боях Лидия Попова появлялась там, где гремели песни, звучала гармошка и свистели пули. Она выскочила перед цепью и начала танцевать. Пулеметный огонь красных перебил ей обе ноги и надолго выбил из строя.

К вечеру 30 марта ижевцы остановили наступление красных на Уфу и отбросили их из нескольких захваченных ими населенных пунктов. Но безопасность Уфы еще не была обеспечена. Захват пленных и их показания указывали на то, что, кроме 26-й красной дивизии, здесь действуют подкрепления из 1-й красной армии. Число вновь появившихся полков определялось в три-четыре. Таким образом, в следующие дни Ижевской бригаде предстояли новые усилия отразить попытки упорного и многочисленного врага захватить Уфу.

Между тем обещанные патроны не прибывали. Начальник бригады несколько раз посылал требования об их присылке, а после полудня, когда отсутствие патронов заставило 1-й полк очистить захваченные утром деревни, полковник Молчанов донес командующему армией, что, если патроны не будут доставлены, бригада начнет отступление к Уфе. Запас огнестрельных припасов, очевидно, еще не был подве-

зен к Уфе, и их стали собирать или отбирать от находившихся поблизости частей и отправлять спешно пачками на городских извозчиках в распоряжение полковника Молчанова. Иногда в санях извозчика было всего два-три ящика.

Вечером выяснилось, что 1-й полк захватил патроны у красных при вторичном овладении деревней Ново-Киевкой. Захват патронов у противника и начавшийся подвоз с тыла давали возможность продолжать действия против красных. Но командир бригады не хотел тратить усилия на выбивание противника из ряда деревень. Это приводило к потере времени, требовало больших жертв, могло привести к новому недостатку патронов и не давало решительных результатов.

Учитывая высокий подъем духа у ижевцев и, с другой стороны, неудачи красных, которые не могли не поколебать их наступательного порыва, полковник Молчанов решил разбить противника, нанеся ему удар с тыла. На 31 марта он ставит задачу 1-му полку продолжать наступление в прежнем юго-западном направлении, очистить от противника район деревень Новое и Старое Мрясово — Новое Яныбеково и преградить пути отступления на запад главных сил красных, действовавших на Стерлитамак-Уфимском тракте.

Со 2-м полком, одним эскадром, одной пушечной и одной гаубичной батареями полковник Молчанов двинулся ночью из деревни Петряево в обход деревни, куда отступили красные после боев 30 марта. Цель обхода — захватить следующий пункт — село Старый Адзит, в котором были резервы противника, отрезать всю их главную группу от Стерлитамака и разбить эту группу. Для заслона в сторону Уфы полковник Молчанов оставил лишь инженерную роту, приказав ей занять небольшое возвышение к северу от деревни, в которой были красные. На рассвете рота должна была открыть усиленную стрельбу из винтовок и пулеметов и привлечь внимание красных. Поблизости были также 25-й и 46-й Уральские полки, но они не были подчинены полковнику Молчанову, и потому никакой задачи на 31 марта им не ставилось.

1-й полк, начав с рассветом наступление, без боя занял все указанные ему пункты. Обходное движение 2-го полка, сделанное по занесенным снегом полевым дорогам, было тяжелым. Расстояние в 16—17 верст взяло всю ночь, хотя проводники знали местность и добросовестно указывали лучший путь. На рассвете 2-й полк развернулся в тылу красных и повел наступление на село Старый Адзит, где оказались крупные силы противника. Красные не ожидали нападения с тыла, но после некоторого замешательства начали поспешно разворачивать на окраине села несколько цепей, ох-

ватывавших фланги ижевцев. 2-й полк, несмотря на усталость после тяжелого ночного перехода, быстро двинулся вперед, как и накануне, с песнями и гармошками.

Картина начинавшегося боя, когда появились большие цепи красных с сильными поддержками позади, вызвала все же сомнение: возможно ли сломить врага явно в превосходных силах? Вместо уверенности в победе, встал вопрос: кто в последнем счете окажется победителем? Полковник Молчанов увидел, что нужно каким-то путем поддержать победный дух у своих и поколебать силу сопротивления у противника. Наша артиллерия удачно обстреливала красных, но этого было мало. В резерве оставался только один эскадрон под командой прапорщика Багиянца.

Полковник Молчанов приказал эскадрону атаковать центр расположения противника, прорваться в деревню и оттуда обстрелять цепи красных с тыла. Прапорщик Багиянец, обычно исполнительный и храбрый офицер, увидев, что ему надо проскочить через две или три цепи противника, заколебался и стал возражать. Полковник Молчанов вскипел, сам скомандовал: «По коням!», указал направление и приказал атаковать. Впереди полетел командир эскадрона, за ним его лошадь нахлестывал командир бригады, и за ними летела лава. Эскадрон врубился в цепи красных, внес в них беспорядок, проскочил в деревню, где метались в панике красноармейцы, захватил две пушки в полной упряжке и 10 пулеметов. Часть спешенных всадников открыли из своих и нескольких захваченных пулеметов огонь вдоль улиц и по цепям противника. Пехота ижевцев подходила к деревне. Красные обратились в бегство. Оставив в руках ижевцев указанные пушки и пулеметы, значительную часть своих обозов и много пленных, они бежали в лес на запад и, по занесенным лесным дорогам, избегая деревень, проскочили мимо 1-го полка.

Паническое настроение красных, бежавших из села Старый Адзит, распространилось на их части, расположенные в обходной деревне. С севера их на рассвете обстреляла инженерная рота. Услыхав бой в своем тылу, эти части не предприняли никаких действий против инженерной роты и через некоторое время, видимо узнав о бегстве из села Старый Адзит, также бросились на запад. О степени их панического настроения свидетельствует то, что они бросили в деревне весь обоз и 12 орудий. Все это было обнаружено оренбургскими казаками, вошедшими вскоре в деревню. Впоследствии генерал Сахаров, вступивший в командование Западной армией после генерала Ханжина (в июне), заинтересовался происхождением брошенных красными орудий, произвел расследование

и приказал эти 12 орудий считать трофеями Ижевской бригады. За два дня боев было взято несколько сотен пленнх от 12 красных полков.

В настоящее время из красных исторических источников можно установить, что в контратаке на Уфу 1-я красная армия должна была помочь 5-й красной армии, выделив из своего состава четыре полка в район Стерлитамака и два — на направление станции Чишма (Н. Какурин, «Как сражалась революция», т. 2, стр. 168). Комиссар 233-го полка Ваврженкевич («Борьба за Урал и Сибирь», стр. 95—97) сообщает, что «части 26-й дивизии были подкреплены Южной группой тов. Великанова и уцелевшими частями 27-й дивизии». В числе полков Южной группы комиссар Ваврженкевич называет полк «3-го Интернационала», состоявший из мадьяр. Действительно, в бою 30 марта была отрезана одна рота мадьяр в 40 человек и взята в плен. Другой полк этой группы назывался 3-м Бузулукским. Таким образом, показания пленных подтверждены красными источниками, и Ижевской бригаде пришлось 30 и 31 марта иметь против себя силы противника в 13—15 полков и столкнуться по крайней мере с 12 из них, взяв от них пленных. Ижевцы имели около 4200 штыков, — красные полки в среднем насчитывали не менее 1000 штыков.

Интересно отметить вывод комиссара Ваврженкевича об этих боях. Противореча самому себе и путая события, не вспоминая, конечно, о панике и брошенном боевом имуществе, он самодовольно пишет (там же, стр. 96): «Но наша дерзость и угроза ст. Чишме настолько обозлила колчаковцев, что они в то же утро бросили против одного нашего полка Ижевскую бригаду, которая целый день безуспешно атаквала нас, а к вечеру перехватила единственные две дороги нашего отступления; но мы, получив приказ отступить, пробили себе новую дорогу, а противник, оставшись в дураках, злобно глядел на нашу отступающую колонну...»

31 марта всякая опасность захвата Уфы красными миновала. 26-я красная дивизия начала поспешное отступление на запад южнее железной дороги Уфа—Самара, а 27-я дивизия, грозившая Уфе с запада, отступала севернее железной дороги. Победа над противником, грозившим Уфе с юга, была достигнута необыкновенным подъемом духа ижевцев, что использовал полковник Молчанов в рискованном, но блестяще проведенном маневре. Быстрый и решительный успех был встречен в Уфе, жившей несколько дней в напряженной тревоге и с нетерпением ожидавшей каждого донесения о ходе боев, с большой радостью. Офицер штаба армии поручик

Арнольд в этот же день набросал стихи о подвигах ижевцев. Про бои под Уфой он написал такие строки:

Кто не слышал, как с врагами сражался  
Ижевский полк под кровавой Уфой!  
Как с гармонистом в атаку бросался  
Ижевец — русский рабочий простой!!!

Это стихотворение стало походной и боевой песней ижевцев.

### Преследование

Деморализованные красные части отступали большими переходами по 25—30 верст в сутки, пробуя оторваться от преследования. Но полковник Молчанов не дает им уйти безнаказанно. В течение нескольких дней удавалось нагонять и наносить поражение их арьергардам.

Преследование носило стремительный характер. Поддерживать правильную связь сделалось невозможным, и пришлось ограничиться посылкой в тыл донесений о движении бригады и достигнутых успехах. Приказы по бригаде начинались такой ориентировкой: «Противник продолжает отступать. Третий (четвертый, пятый...) день не имею связи с тылом и соседями. Завтра «... день» апреля приказываю 1-му Ижевскому полку преследовать противника по направлению...; 2-му Ижевскому полку...»

Верховный Правитель адмирал Колчак при встрече с полковником Молчановым несколько позднее обнял, поцеловал его и сказал: «Я читал ваши приказы, следил по карте за вашим движением с большим волнением и переживал все, что пришлось вам пережить на деле...»

Из отдельных эпизодов этого преследования выделяется случай окружения и уничтожения одного красного полка. После большого перехода 2-й Ижевский полк догнал поздно ночью полк противника, расположившийся на ночлег в деревне, которая находилась в лошине. Обнаружив красных, ижевцы без шума сняли заставу красных и окружили деревню. Поручик Ляпунов приказал отрезать все пути отступления, выставить пулеметы и подождать рассвета. Когда красные начали просыпаться и готовиться к выступлению, заговорили 24 пулемета. Без особого сопротивления деревня была взята. Много было убитых и раненых, остальные поспешили сдаться. Спасти удалось только бывшему с полком комбригу Эйхе и полковому комиссару. Они бросились в малозаметный проулок и выскочили в поле. Имея отличных верховых лошадей, они быстро скрылись из вида.



При подходе к железной дороге у станции Абдулино (около 180 верст к юго-западу от Уфы), у села Васильевка, которое находилось в 7 верстах от Абдулина, у 1-го Ижевского полка был упорный бой. Васильевка три раза переходила из рук в руки. По показанию пленных, на станции Абдулино в бронепоезде был военный комиссар Троцкий. Присутствие его заставляло командиров красных частей проявлять большое упорство, так как Троцкий за слабое сопротивление в бою и за поспешное отступление приказывал расстреливать старших начальников и комиссаров. Это, конечно, не касалось самого высокого комиссара военных дел. Когда ижевцы сломили сопротивление красных у села Васильевка, бронепоезд с Троцким поспешно ушел со станции Абдулино.

Красный историк Н. Какурин об этом периоде боевых действий в своей книге «Как сражалась революция» (т. 2, стр. 170) пишет: «...5-я армия, окончательно надорвавшись на этом контрманевре (то есть попытке отобрать Уфу. — А. Е.)... продолжала свое дальнейшее отступление, причем оно начало носить уже беспорядочный и разрозненный характер... О потере боеспособности частями 5-й армии в результате упорных и напряженных боев свидетельствует величина суточных переходов ее лучших частей. До 9 апреля 26-я стрелковая дивизия отходила суточными переходами по 20—25 километров, и лишь после этого числа величина ее отходов уменьшается до 12—15 километров».

В одном переходе от города Бугуруслана (около 250 верст от Уфы) бригаду нагнал 2-й или 5-й Оренбургский казачий полк, вручивший командиру бригады приказ от командующего армией. Казакам пришлось несколько дней двигаться усиленными переходами по следам бригады, прежде чем нагнать ижевцев. По приказу этому бригаде следовало перейти в район города Бугульмы в распоряжение 2-го Уфимского корпуса и находиться в резерве командующего армией.

Полковник Молчанов, явившись к командиру корпуса генералу Войцеховскому, вызвал у него недоуменный вопрос: «Зачем вас прислали сюда? Вы нужны южнее, где красные усиливаются. Здесь я могу собственными силами в любое время выдвинуться к Волге». Далее генерал Войцеховский пояснил, что его остановка на занимаемой ныне линии вызвана категорическим приказом командующего армией прекратить дальнейшее продвижение. Этот приказ был основан, возможно, на полученных сведениях о сосредоточении крупных сил красных в районе города Бузулука для удара с юга в левый фланг успешно наступавшей Западной армии. Но тогда тем более непонятной становилась переброска Ижевской бригады на север.

В несколько переходов, по совершенно испорченным весенней распутицей дорогам, бригада перешла к середине апреля в назначенный ей район — около 20 верст к востоку от города Бугульмы. За время с начала наступления 6 марта до середины апреля потери в стрелковых полках бригады убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 37 офицеров и 746 стрелков. Раненые, оставшиеся в строю, в этот счет не вошли. Кроме того, были потери в конном дивизионе и в артиллерии.

Эти потери, несколько превышающие 12 процентов общего боевого состава бригады, нельзя признать большими по сравнению с важностью выполненных задач. Они совсем незначительны по сравнению с потерями противника. Приблизительный подсчет потерь красных в боях с ижевцами следует считать в 7—8 тысяч, то есть в 9—10 раз больше потерь ижевцев. Кроме того, взято 14 орудий, до 100 пулеметов, большое количество винтовок и огнестрельных припасов. Необходимо также отметить, что после первых же столкновений в начале марта красные открывали артиллерийскую стрельбу на предельных дистанциях и затем отправляли свои пушки в тыл, так что захватить их артиллерию было нелегко.

### Воткинцы у Красноуфимска и в Осе

После отхода от берегов Камы к Красноуфимску воткинцы продолжали заканчивать свои переформирования и одновременно сдерживать напор красных с целью захватить Красноуфимск. Против них действовала 28-я красная дивизия под командой Азина. Первые дни воткинцам приходилось очень тяжело, так как у них вышли все патроны. Без боя им пришлось оставить Бикбардинский завод, но, когда были получены патроны, они стали делать вылазки в расположение противника силою от роты до батальона. Кроме необходимости разведывать силы и расположение противника, эти вылазки делались с целью охладить активность красных, привыкших делать нападения почти безнаказанно за те дни, когда воткинцы не имели патронов. В том числе делались вылазки в сторону Бикбардинского и Николаевского заводов.

Воткинцы особенно помнят о большом бое у Бикбардинского завода. Но собрать сведения о времени и других подробностях этого боя не удалось. В повести Н.А. Протопопова «Воткинцы» есть довольно подробное описание боя под Бикбардинским заводом, который вел 2-й Осинский полк поручика Балабанова под общим руководством

командира 1-й бригады капитана Мудрынина<sup>152</sup>. Однако как время («прошло несколько месяцев»), так и указание на участие здесь ижевцев (которые находились на самом деле в районе Уфимского корпуса), продолжительность боя («Прошло около недели. Воткинцы лежали в снегу...») и т. д. вызывают сомнения, что описание этого боя соответствует действительности. Воткинцы не подтверждают описания многих событий и их подробностей, указанных в этой повести.

С позиции перед Красноуфимском красные не смогли сбить воткинцев. В феврале они были сменены сибирскими частями генерала Гривина<sup>153</sup> и отведены в резерв. В марте или начале апреля Воткинская дивизия была переброшена в город Осы (который был взят Сибирской армией в конце декабря), и здесь дивизия стала готовиться для наступления в недалеком будущем для освобождения родного завода.

### Освобождения заводов

Части Сибирской армии, продолжая наступление на запад, в конце марта переправились у города Осы через Каму, еще скованную льдом, и 16-й Ишимский полк под командой полковника Метелева был двинут на Воткинск. Потрепанные полки 2-й красной армии не могли сдерживать сибиряков и под их ударами откатывались.

В день Благовещения (7 апреля по новому стилю) ишимцы выбили красных из Воткинского завода. В авангарде был 1-й батальон под командой капитана Кожина, который и был встречен радостными восторгами освобожденных от красного террора жителей. Переход красных в контратаку был отбит сибиряками в непродолжительном бою, в котором принял участие также 3-й батальон ишимцев.

Вскоре подошли и воткинцы. Радость одних, горе других встретили их в родных местах. Зверства красных палачей не знали пределов. Не имея возможности отомстить восставшим против них рабочим и крестьянам, они жестоко расправлялись с их семьями, не имевшими возможности отступить за Каму при оставлении завода.

Прибывшие части воткинцев недолго пробыли в родных гнездах. Через несколько часов они должны были выступить дальше и гнать красных к реке Вятке. Их наступление было на северо-запад в направлении города Вятки. Здесь следует оговорить, что время освобождения завода в день Благовещения не совпадает с другими показаниями. Некоторые участники этих событий считают, что красные были выбиты из завода 19 апреля по новому стилю, накануне праздника Св. Пасхи.

Примерно в эти же дни был освобожден от красных также Ижевский завод. Ижевцы стали собираться домой. Это было естественно и понятно. Там, на заводе, они оставили свои дома и семьи. Доходили слухи о свирепой расправе красных палачей с их близкими, о ежедневных расстрелах. Кто погиб от кровавого террора, кто остался в живых — тревожило и волновало каждого. Наконец, они имели обещание командующего армией отпустить их домой, как только Ижевск будет освобожден.

Генерал Ханжин имел в виду другое. Убедившись, что ижевцы являются боевой единицей, способной на сокрушительные удары, он не захотел расставаться с бригадой. Сведения разведки о намечавшемся сборе красных подкреплений заставляли быть настороже и опасаться за достигнутые успехи. Генерал Ханжин не придавал большого значения своему обещанию и собирался направить ижевцев для нового удара на юг, еще дальше от их родных мест. Нарушение обещания вызвало брожение.

Полковник Молчанов хорошо узнал суровый нрав своих подчиненных. Они плечом к плечу, могучей стеной шли на врага. Так же дружно и упорно они будут добиваться исполнения данного им обещания. Он донес о тревожном настроении ижевцев и предлагал, чтобы не разрушать бригаду, отправить ее в полном составе в Ижевск. Там, побывав дома и увидев новые зверства большевиков, ижевцы с новой силой ударят по смертельному врагу. Для генерала Ханжина такое предложение означало, что бригада уйдет из его района и его подчинения. Он отверг предложение.

Ижевцы собирались самовольно уйти домой. Полетели телеграммы в штаб армии, в Ставку и обратно. Новые требования выполнить приказ, новые обещания отпустить домой... но позднее. В ответ — недоверие и подозрение. Дошло до угрозы встретить ушедших сибирскими войсками и не пустить в Ижевск. «Сколько могут выставить против нас? Положим, одну дивизию. Это нам на два часа боя», — говорили ижевцы. 29 апреля ижевцы потеряли надежду уйти домой, получив разрешение, и начали самовольный уход. Рота за ротой, в полном порядке, под командой фельдфебелей и унтер-офицеров, шли к начальнику бригады, прощались с ним и направлялись домой. Начальник бригады уговорил не брать оружия, и оно было сдано.

Еще накануне ижевцы хотели захватить своих офицеров, с которыми вышли из Ижевска. Начальник бригады разъяснил значение долга, налагаемого на офицера его почетным званием, и невозможность для них самовольного ухода. Все офицеры остались на своих

постах, хотя на заводе большинство их было теми же рабочими и семьи ждали их возвращения.

Неделю тому назад за бои под Уфой полковник Молчанов был произведен в генерал-майоры. Теперь он просил отрешить его от командования и отправить в строй рядовым офицером. При нормальных условиях за все случившееся в бригаде он подлежал преданию суду. Никто не признал за ним никакой вины, и потому ни суда, ни отрешения от должности не последовало.

### Итог — 7983

Прибытие ижевцев на завод было рядом ужасных личных трагедий. Редко кто нашел свою семью невредимой. Действительность превзошла все слухи, доходившие к ижевцам на фронт. Красные палачи не знали пощады. Происходило безжалостное уничтожение тех, кто принимал какое-либо участие в восстании. Мстили родным тех, кто ушел за Каму. Радостных встреч было мало. Больше стоны и плач были приветствиями вернувшимся от оставшихся в живых.

Назначили перепись погибших. Переписчики по каждому кварталу обходили дома и записывали имена жертв. Подсчет дал сумму 7983. Неутомимые палачи арестовывали каждый день без особого разбора и вели за город к оврагу. Тут всаживали пулю и сбрасывали труп в овраг. Не щадили женщин и подростков. Предъявляли обвинение? Пролетарское правосудие этого не требует. Жена видит: ведут мужа в группе арестованных. «Куда забрали?» — «Идем, узнаешь!» Обоих расстреливают. Такая расправа была, по крайней мере, короткой.

Какие истязания претерпевали те, кто попадал в подвалы Чека, в каких мучениях они умирали от пыток садистов-палачей, можно судить по рассказам случайно спасшихся русских людей, которые редко доходят до внешнего мира. Немало ижевцев исчезло в этих подвалах Чека.

### 1-я Отдельная стрелковая бригада

По иронии судьбы почти накануне ухода ижевцев домой был получен приказ о развертывании бригады в дивизию. Хотели усилить ее придачей отдельных частей и пополнениями. Наличный состав к 20 апреля был: 4000 штыков и 1400 сабель, артиллеристов, саперов

и др. После ухода ижевцев в бригаде осталось 180 офицеров и небольшое количество солдат.

Из этого состава и нового пополнения формируется 1-я Отдельная стрелковая бригада. По старой памяти ее продолжают называть «Ижевской». Прибывшее в первых числах мая пополнение, около 2 тысяч, состояло главным образом из молодых, необученных башкир. Генерал Молчанов и весь офицерский состав энергично принялись за обучение, занимаясь с утра до позднего вечера. Но что можно было сделать в несколько дней?

9 мая бригада была брошена в бой. На один из батальонов наскоки красные казаки Каширина. Танцуя в атаке на своих лошадях, они произвели панику среди молодых башкир, которые бросились на землю и уткнули лица в грязь. Офицеры и пулеметчики были перерублены. Генерал Молчанов донес о неспособности бригады.

Получив разрешение увести ее в глубокий тыл, он сделал переход в 100 верст. Утомленные таким маршем, молодые солдаты повалились в непробудный сон и успокоились от боевых потрясений.

### Восточный фронт в 1919 году

Продолжительное и упорное сопротивление восставших рабочих Ижевского и Воткинского заводов красному натиску оказало значительное влияние на ход военных действий на Восточном фронте. Прежде чем переходить к продолжению темы этого очерка — описанию участия ижевцев и воткинцев в борьбе с красными, — желательно осветить кратко ход событий в 1919 году, в частности на Восточном фронте.

1919 год оказался тем годом в Гражданской войне, в котором противники проявили наибольшие усилия, в котором произошли наиболее упорные и кровопролитные битвы и в течение которого успех склонился в пользу большевиков. События этого года решили успех борьбы и судьбу России на много лет. Начало этого года застало красных в кольце окружения. Они не пропускают случая укалывать на тяжесть сложившейся обстановки, в которой они очутились, и на то, что они вышли из этого положения победителями. Однако, будучи окруженными, они имели на своей стороне огромное преимущество центрального положения, позволявшего им перебрасывать свои силы на важнейшие в данный момент участки, то есть действовать по внутренним операционным линиям. Это преимущество было для них особенно выгодно, потому что их против-

ники, разделенные пространством и трудностями сообщения, не только не могли помогать друг другу переброской резервов, но не могли и согласовать своих планов так, как этого требуют условия при действиях по внешним операционным линиям.

Причин этому было много. Поляки и украинцы Петлюры, образовавшие свои фронты после ухода германцев из оккупированных районов, не были склонны иметь дружеские отношения и согласовывать свои действия с белыми русскими фронтами. Они преследовали свои цели и не видели в большевизме общего врага. Запутанная обстановка с перекрещиванием русских, местных, германских и союзнических интересов создавалась в Прибалтике. Фронты белых (Южный, Восточный, Северный и Северо-Западный) зарождались и росли, усиливались и слабели, переходили в наступление и отступали в зависимости от разных причин и местных обстоятельств. Делались попытки к объединению и согласованию действий. Адмирал Колчак как Верховный Правитель был признан всеми отдельными русскими правительствами и как Верховный главнокомандующий — всеми русскими антибольшевистскими армиями. Но тесного объединения и полного согласования не удалось достигнуть не только между отдельными фронтами, но нередко и между составными частями одного фронта. Большевики же сумели, хотя и с большими перебоями и не сразу, использовать те выгоды, которые им доставляло их центральное положение.

На белых фронтах создались другие неблагоприятные условия, в общих чертах уже отмеченные, которые встали на пути к победе над большевиками. Из них особое внимание заслуживают причины, которые помешали наиболее сильным фронтам — Южному и Восточному — войти в тесное соприкосновение и объединить свои усилия. Обращаясь к обстановке, сложившейся еще летом 1918 года, профессор полковник А. Зайцев пишет: «Освобождение Дона, возвращение Добровольческой армии из похода на Кубань и образование фронта на Волге, естественно, ставило вопрос о согласовании усилий этих трех основных группировок русской контрреволюции. И эта проблема с военной точки зрения была проблемой Царицына» («1918 год», стр. 192). Эта проблема осталась лишь проблемой, и в 1919 году захват Царицына не был выполнен своевременно. Царицын был взят Кавказской армией генерала Врангеля в июне 1919 года, когда Восточный фронт под натиском красных уже отступил к Уралу.

На Восточный фронт выпала «почетная» задача научить красное командование применять правильно основные стратегии и от «масляного пятна» перейти к ударам сосредоточенных превосходных сил,

разбивая своих противников по очереди. Восточный фронт первым попал под такой удар.

В первых числах марта Восточный фронт начал наступление. Сибирская армия теснила 3-ю красную армию на город Вятку, отбросила 2-ю красную армию за реку Каму, освободила в апреле Ижевский и Воткинский заводы и заставила противника уйти за реку Вятку от города Малмыж до устья этой реки. Западная армия разгромила 5-ю красную армию, которая в беспорядке отступила к Волге, потеряв свою артиллерию и оставив в руках белых много пленных и трофеев. К концу апреля Западная армия подошла на три-четыре перехода к Самаре и была здесь остановлена приказом генерала Ханжина.

В красном лагере поднялась тревога. После ухода с фронта чехов (в ноябре 1918 года) и оттеснения слабых белых отрядов к Уралу красные считали положение здесь прочным. Тем большее впечатление произвела на красных «внезапность» сильного удара со стороны одного из фронтов «второстепенного значения». Со свойственной большевистскому стану истерической энергией были брошены крикливые лозунги: «Все на восток!», «Все против Колчака!» — и навстречу белым потекли резервные дивизии и большие пополнения в разбитые части.

К 15 дивизиям, бывшим на Восточном фронте, красные в ближайшие два месяца перебросили несколько дивизий, бригад и полков, общей силой около 6 дивизий. Для пополнения убыли и повышения надежности своих частей красные производят несколько мобилизаций. Нельзя отрицать, что этими мерами красные быстро пополнили растрепанные части и для надежности влили в них большое количество партийцев. «Коммунары», конечно, не все шли в боевую линию. Часть из них составляли отряды «особого назначения», которые сзади поднимали дух красноармейцев к наступлению, стреляя из пулеметов в их спины. Из указанного Какуриным движения подкреплений вполне очевидно, что красное командование наконец убедилось, что быть сильными всюду нельзя. Оно вынуждено было перейти для выигрыша войны к поочередному разгрому своих противников. Под впечатлением разгрома на Восточном фронте красные войска сосредоточивают здесь превосходные силы и к началу мая переходят в контратаку.

Выяснить с достаточной точностью соотношение сил противников при ограниченности имеющихся под рукой источников не представляется возможным. Белые архивы вообще не уцелели, а красные сведения грешат большими неточностями и противоречиями.

БОЕВОЙ СОСТАВ ЗАПАДНОЙ АРМИИ

	Бат./ эск.	офиц. шт.	офиц. обер.	штук.	саб.	пул.	оруд. 3"	оруд. проч.	Примечания
<b>2-й Уфим. корп.</b>									В Мих. пол.
4-я Уф. див.	12/-	17	422	5235	-	119	12	5	9 рот
8-я Кам. див.	12/-	15	446	7262	129	114	12	6	
Уф. Кав.	-/12	15	56	387	938	14	-	4	
<b>Всего</b>	<b>24/12</b>	<b>47</b>	<b>924</b>	<b>12 884</b>	<b>1067</b>	<b>247</b>	<b>24</b>	<b>15</b>	
<b>3-й Ур. корп.</b>									Два полка в Ор. арм.
6-я Ур. див.	7/-	15	147	2104	-	22	4	-	
7-я Ур. див.	13/-	10	219	2980	262	56	8	-	
Отд. Изж. бр.	7/2	1	177	3927	195	44	8	2	
18-й Ор. Каз. п.	?				494				
12-й Ор. Каз. п.	?				?				
<b>Всего</b>	<b>27/2</b>	<b>30</b>	<b>572</b>	<b>9011</b>	<b>951</b>	<b>145</b>	<b>20</b>	<b>2</b>	
<b>6-й Ур. корп.</b>									Свед. 42-го полка нет
11-я Ур. див.	9/-	5	203	2393	-	51	6	-	
12-я Ур. див.	13/1	10	220	4185	110	57	8	2	
3-я Отд. Ор. Каз.	1/12	7	43	406	1150	22	4	-	
<b>Всего</b>	<b>23/13</b>	<b>22</b>	<b>466</b>	<b>6985</b>	<b>1260</b>	<b>130</b>	<b>18</b>	<b>2</b>	
<b>Итого</b>	<b>74/27</b>	<b>101</b>	<b>1963</b>	<b>28 388</b>	<b>3278</b>	<b>522</b>	<b>68</b>	<b>19</b>	2—42"; 8—48"; 7 «макленок» и 2—?
<b>Западн. арм.</b>									

ЮЖНАЯ ГРУППА ГЕНЕРАЛА БЕЛОВА  
(временно подчиненная генералу Ханжину)

<b>4-й Оренб. Корп.</b>									
2-я Сырзр. див.	12/-	3	150	1509	154	35	5	-	
1-й Отд. Каз. отряд	-/12	6	38	-	1153	15	3	-	1-й и 4-й Орен. каз. п. Татищ. пласт. и Сакм.
Св. Каз. бр.	6/-	27	749	-	11	-	-	-	
5-я стр. див.	4/-	7	149	827	-	14	-	-	
<b>Всего</b>	<b>17/26</b>	<b>20</b>	<b>378</b>	<b>3631</b>	<b>1987</b>	<b>85</b>	<b>9</b>	<b>-</b>	
<b>Свод. Стерлит. Корп.</b>									29-й Ор. каз. п., Атам. бат. 23, 24 пп.
Свод. Ур. див.	4/6	8	88	1529	1298	30	6	-	6-й Ур. див. 1-й пласт. п. Белор. п. 2-й каз. и 7 ар. част.
Свод. Ор. див.	6/16	9	119	2823	2679	30	2	-	
<b>Всего</b>	<b>10/22</b>	<b>17</b>	<b>207</b>	<b>4352</b>	<b>3977</b>	<b>60</b>	<b>8</b>	<b>-</b>	
<b>Итого</b>	<b>27/47</b>	<b>37</b>	<b>585</b>	<b>7983</b>	<b>5964</b>	<b>145</b>	<b>17</b>	<b>-</b>	
<b>Южн. группа</b>									

Примечание: 1. Боевой состав относится к последней неделе апреля 1919 года. 2. Ижевцы ушли на завод 29 апреля; присланные на их место молодые необученные башкиры никакой боевой силы не представляли. 3. Таблица переписана без проверки, есть ошибки в подсчетах. 4. Мелкие части не помещены, но включены в итоги, как, например, в графах 4-го Оренбургского корпуса.

Сохранившийся «боевой состав» Западной армии (и находившейся на время наступления во временном подчинении генерала Ханжи-на группы генерала Белова) по состоянию к концу апреля дает численность бойцов армии, за вычетом ушедших на завод ижевцев, в 27 500. Подробный состав — в прилагаемой таблице.

В Сибирской армии насчитывалось около 40 тысяч, в Оренбургской армии (с группой генерала Белова) и в Уральской казачьей — вместе 30 тысяч.

Красные силы Какурин указывает в середине апреля, то есть после больших потерь при отступлении, в 84 тысячи. Присылка многочисленных подкреплений увеличила их силы на 50 тысяч штук и сабель, и ожидалось дальнейшие значительные переброски.

Наиболее опасным для себя успехом белых красные считали движение Западной Белой армии к Самаре и нацелили первый удар на ее левый фланг к северу от Бузулука. Перегруппировав свои части, они сосредоточили против Западной армии 5 дивизий и одну кавалерийскую бригаду и из тыловых районов направили сюда же, не считая мелких частей, три дивизии. Всего более 8 полных дивизий пехоты, не менее 80 000 бойцов.

Большой численный перевес дал возможность красным выиграть в мае ряд боев и отбросить Западную армию на восток. Этим они не ограничились. Военная наука требует разбитого врага преследовать: «Преследуй денно и ночью, доколе истреблен не будет; недорубленный лес опять вырастет». Эту суворовскую истину наш противник также усвоил и применил в полной мере, хотя другие красные фронты настойчиво требовали помощи. Не ослабляя своего натиска и не уменьшая своих сил, они продолжали теснить Западную армию дальше, в начале июня взяли Уфу и стремились окружить и уничтожить главные силы Белой армии в теснинах Урала. Это им не удалось, и Белая армия сравнительно благополучно отошла за Урал.

Отход Западной армии распространился в конце мая на Сибирскую, которая также ушла за Урал, 14 июля оставила Екатеринбург. В ней появились признаки начавшегося разложения. Только в конце июля красные начали переброску своих частей против Вооруженных сил Юга России, которые, взяв в июне Харьков и Царицын, успешно продвигались на север.

На востоке еще остаются достаточные красные силы для преследования поредевших белых армий. Во второй половине июля происходит многодневное сражение у Челябинска, а после отступления в августе за реку Тобол белые армии в сентябре вновь переходят в наступление и

отбрасывают противника за Тобол. Эта операция окончательно надломила силы белого Восточного фронта. Тая от боев, болезней, жестоких холодов и измен, они в середине февраля 1920 года достигают Забайкалья.

Конечно, не одна стратегия, какую бы важную роль она ни играла, решила судьбу борьбы в Гражданской войне. Стратегия — искусство полководца, ему нужна сильная армия, а армия создается всей мощью государства. Что мы встречаем в Гражданской войне? Революция разрушила весь установившийся долгими веками порядок, привела все к всеобщему хаосу, но последствия этого хаоса отразились не одинаково на боровшихся лагерях.

Большевики сумели наладить централизованный и дисциплинированный политический аппарат, который смог направлять их деятельность для достижения нужных им результатов, включительно до организации большой армии и создания для нее командного состава. В большевистской федеративной республике были вытравлены, кроме оставшихся вывесок, всякие федеративные и сепаратистские течения, быстро исчезли разные «уездные» и прочие «республики» и под гнетом кровавого, беспощадного террора раздробленные составные части России, разьединенные организации и группы населения и отдельные лица заставлялись работать и идти под руководством большевиков на создание будущего «рая».

В белом лагере оказалось много осколков политических и общественных организаций, много деятелей разных величин и окрасок. Большинство их было воспитано на борьбе со старым «режимом», который и был погублен ими, при их помощи или бездействии, в грозное время внешней войны. Управлять, создавать и строить они не умели, и никто из громких имен «великой и бескровной» — противников большевиков — не выдвинулся как талантливый государственный администратор.

К 1919 году вооруженные силы белых выросли, окрепли и были на пути к победе. Но эти силы нуждались в дальнейшем развитии, пополнении убыли, моральной поддержке, в здоровом и спокойном тыле. Нужна была энергичная и плодотворная работа за линией фронта, за спиной белых армий. К несчастью, у белых не было ничего, что могло бы сравниться с бешеной энергией большевистской партии.

Антибольшевистские организации были многочисленны, разрознены и слабы. Генерал Деникин вспоминает о прибытии в Добровольческую армию делегации от одной из крупнейших организаций — «Национального Центра». Старшие начальники связывали с этой организацией представление о «широком фронте русской об-

щественности». Но, как пишет Деникин: «Это было добросовестное заблуждение членов делегации, вводивших также добросовестно в заблуждение и всех нас. Сами они стремились принести пользу нашей армии, но за ними не было никого».

Главные деятели первых дней революции — Родзянко, Милюков, Гучков и другие, столь успешно поработавшие на гибель «старого режима», — были обязаны, казалось, принять участие в уничтожении большевизма и исправить свои ошибки. Но все они умыли руки в содеянном ими и исчезли. Показательно, что на всех белых фронтах руководство государственными делами находилось или быстро переходило в руки старших военачальников. Однородность такого возглавления создавала благоприятные условия для взаимного понимания по всем государственным и военным вопросам, по выработке планов и согласованности действий. Однако этого не случилось, и не по вине указанных лиц.

Раздробленный, неустойчивый в своих настроениях, страдавший от недостатка дальновидных, честных и энергичных людей, белый лагерь в целом не мог подняться до той степени самоотречения и самопожертвования во имя Родины, которыми отличались первые кадры белых армий. Под «белым лагерем» автор подразумевает вооруженные силы против большевиков, те организации и группы и тех отдельных лиц, которые помогли первым или действовали самостоятельно, имея целью сбросить власть большевиков и установить в России порядок и законность. Автор не считает принадлежащими к «белому лагерю» партии и группы, которые своей главной задачей ставили спасение «завоеванной революции» и преследовали узкопартийные цели (социал-революционеры, Комуч и проч.).

Там, где одни отдавали свою жизнь за спасение России, желая сохранить ее единой и неделимой, другие действовали так, как должно было бы наблюдаться у большевиков, твердивших о неограниченных свободах, «власти на местах», «самоопределении вплоть до отделения». Вместо тесной спайки и дружных усилий появляется и нарастает волна требований самостоятельности и независимости. Личное честолюбие или местные интересы ослепляют и заставляют забывать об общей цели борьбы, о неизбежности поражения при действиях вразброд. Даже в военной среде, привыкшей к строгому порядку и дисциплине, колеблются и расшатываются эти воинские начала.

Силы белых начинают слабеть, воинский дух угасает, тыл разваливается, разбегаются или переходят на сторону врага неустойчивые бойцы и целые части. Гражданская война протекла у большевиков в



исправлении своих слабых мест и постепенной консолидации сил. У белых — в раздробленности, в трениях, в открытой и скрытой борьбе за влияние, власть и привилегии. Огромные усилия, жертвенные порывы и подвиги лучших сынов России и их кровавые потери были недостаточны, чтобы сломить большевистское иго. Не потому, что армии врага были сильнее, но потому, что белый лагерь был поражен тяжелыми внутренними недугами.

Положение, создавшееся внутри враждующих сторон, отразилось соответствующим образом на отношениях с иностранцами. Красные не имели прямых сношений с другими странами, так как не находились в официальных сношениях с иностранными правительствами. В их рядах воевали мадьяры, латыши, китайцы и другие национальности в большом числе, но это были наемники интернационала, добросовестно исполнявшие свои обязанности и отличавшиеся хорошими боевыми качествами и большой жестокостью.

Большинство иностранных держав не было заинтересовано уничтожением большевизма в России, хотя отдельные представители этих держав предвидели опасность распространения красной заразы. Делались попытки своевременно это зло уничтожить. Оказывалась помощь борьбе с большевизмом, особенно пока еще продолжалась мировая война. После поражения Германии и заключения с ней мира помощь сильно сократилась, а к концу 1919 года прекратилась. Отряды союзников, вообще незначительные, появлялись вместе с их высокими комиссарами на белых фронтах, но участия в военных действиях избегали, нередко договаривались с большевиками о нейтралитете или прекращении враждебных действий и при появлении опасности быстро удалялись.

На Восточном фронте большое зло причинили наши бывшие военнопленные — чехи. Начавшие борьбу с большевиками ради собственного спасения, они помогли быстрому и одновременному выступлению противобольшевистских организаций от Волги до Владивостока и образованию Восточного фронта, но вскоре «устали» и ушли в тыл на охрану железной дороги. Здесь чехи превратились в спекулянтов и грабителей, не торопились домой и во многих тысячах вагонов везли свои «трофеи» во Владивосток. И без того слабо справлявшийся с огромным движением длинный Сибирский путь был окончательно расстроен. Во время отступления армии погибло много поездов, не пропущенных чехами, в которых замерзали раненные, больные и беженцы. Когда чехов настигли красные войска, предательской выдачей Верховного Правителя адмирала Колчака они купили себе право беспрепятственного движения дальше.

Иностранная помощь принесла больше вреда, чем пользы, и дала основание большевикам кричать в своей пропаганде против «при-служников иностранного капитала». Неопределенная и колеблющаяся политика союзных держав значительно помогла большевикам в их торжестве над белыми. Современные мировые события указывают с полной ясностью, что проигрыш белыми Гражданской войны оказался поражением и наших бывших недальновидных союзников.

### В горах Урала

После боя 9 мая и отступления в район города Уфы 1-я Стрелковая (Ижевская) бригада была расположена к северу от станции Чишма. Возник вопрос, ввиду небоеспособности бригады, об ее окончательном расформировании. По этому делу генерал Молчанов уехал в штаб 2-го Уфимского корпуса (Уфимской группы). Ему предлагали в командование 4-ю Уфимскую дивизию.

18 мая на станции Чишма, в вагоне командира 3-го Уральского корпуса (группы), собрались начальники 6-й, 7-й и 11-й дивизий для распределения боевого и прочего имущества ижевцев. Около 5 тысяч винтовок, сделанных ижевцами на своем заводе, трофейные пулеметы в количестве более 40 и 10 орудий (в том числе две полевые 48-линейные гаубицы), захваченные у красных, должны были перейти в другие руки. Главный приз — артиллерию — получил генерал Ванюков<sup>154</sup>, начальник 11-й Уральской дивизии.

За отъездом командира бригады, от ижевцев присутствовал со списками разного имущества начальник штаба бригады, который в конце заседания обратился к генералу Голицыну и сказал, что все распределенное имущество будет передано согласно полученным указаниям, но только после того, как об этом будет уведомлен генерал Молчанов, и с его разрешения. Генерал Голицын с этим согласился.

Известие о расформировании бригады вызвало подавленное настроение среди офицеров и немногих солдат-ижевцев, оставшихся в бригаде. Не прошло и трех месяцев, как в этих самых местах, где теперь стояла бригада, ижевцы громили красных и вызывали всеобщее восхищение своим победоносным наступлением к Уфе. Теперь всякие следы существования бригады уничтожаются и ее боевые трофеи передаются другим. Удрученные до последней степени, ижевцы несколько дней провели в тяжелом ожидании, беспокоясь об участи своих частей и всей бригады.

22 мая вечером генерал Молчанов сообщил, что бригада расформировываться не будет и будет позднее развернута в дивизию. Из района станции Чишма она была двинута на север и получила для обороны участок позиции на правом берегу реки Белой к северу от города Бирска. На возможность остановить наступление красных и отбросить их от реки Белой на запад возлагались большие надежды. Но этому не суждено было осуществиться. Сосредоточив свои части и тщательно подготовив средства для переправы, напугав более слабые места в расположении противника, красные начали форсировать реку одновременно во многих пунктах. В некоторых из них 6 июня удалось достигнуть успеха и закрепиться на правом берегу.

В районе Уфы, где были более сильные и лучше сохранившиеся части Волжской и Уфимской групп, они были отбиты, и только 9 июня им удалось захватить самый город. На участке 1-й Отдельной бригады они переправились без особых усилий. Когда наши башкиры увидели противника, переправляющегося на лодках и паромах через реку, они обалдели, перестали стрелять и начали разбегаться. Привести их в порядок не было возможности. Остатки бригады отступили, но неустойка эта не была причиной оставления позиций на реке Белой, так как отступление к северу от Уфы началось одновременно в нескольких местах. Бригада была направлена в глубокий тыл, а прикрытие оставленного направления было возложено на Уфимскую кавалерийскую дивизию генерала Джунковского.

В середине июня фронт проходил примерно по реке Уфе и только южнее города Уфы небольшой участок реки Белой упорно удерживался частью группы генерала Каппеля. Переход красными реки Белой и захват Уфы являлся для них крупным успехом, нашедшим соответственную оценку. Следующей задачей, и весьма срочной, красным войскам Восточного фронта было поставлено захватить Урал.

Завоевание Урала было возложено на 5-ю, 2-ю и 3-ю армии. 5-я армия была усилена частями расформированной Туркестанской армии и состояла из четырех пехотных дивизий (35, 27, 26 и 24-й) и 3-й Кавалерийской дивизии. 1-я и 4-я армии оставались для действий против оренбургских и уральских казаков. 2-я и 3-я армии действовали против Сибирской Белой армии на Северном Урале. Численность 5-й красной армии достигла 29 тысяч штыков и сабель, а численность противника Западной армии генерала Ханжина — 18 тысяч штыков и сабель.

Малая доступность Уральских гор к северо-востоку от города Уфы заставила красных использовать более удобные пути севернее, главным образом трактовую дорогу город Бирск — Байки — станция Су-

лея — Златоуст. Захватом города Златоуста они собирались отрезать белую армию с тыла, запереть ее в ущельях Урала и уничтожить. Ударную группу из 35-й дивизии (две бригады), 27-й дивизии и 26-й дивизии без одной бригады красные сосредоточили в районе у села Байки. Вдоль железной дороги от Уфы на Златоуст они поставили одну бригаду 26-й дивизии и 3-ю Кавалерийскую дивизию. 24-я дивизия направлялась через горный район южнее железной дороги.

Против ударной группы красных стояли сильно ослабленные части Уральской группы и приданная группе 2-я Уфимская кавалерийская дивизия. На железнодорожном направлении находился генерал Каппель со своей Волжской группой и 8-я Камская дивизия генерала Пучкова. Другая дивизия Уфимской группы — 4-я Уфимская — находилась в резерве к северо-западу от станции Сулея и защищала подходы к железной дороге. Там же была 12-я Уральская дивизия, вошедшая в Уфимскую группу генерала Войцеховского после расформирования 6-го Уральского корпуса. 1-я Отдельная стрелковая бригада была расположена в резерве армии в долине реки Ай, в районе села Петрушина, к северу от станции Бердяуш. Здесь она простояла около трех недель.

За это время в бригаду стали возвращаться ижевцы. Судьба заставила их вторично бросить завод. Говорят, что на этот раз ушло все коренное население завода и большинство рабочих поступило в армию. Многих задержал у себя генерал Казагранди<sup>155</sup>, пополнив свои сибирские части. Но большая часть ижевцев, в особенности те, кто уже был в рядах бригады, стремились обратно в свои прежние полки и батареи и к своим командирам. Пробирались в одиночку и группами, иногда единицами старого состава. Поручик Шмаков, ездивший в отпуск на завод, собрал свою 12-ю роту первого полка и привел ее в полном составе.

Возвращение ижевцев, хотя далеко не в прежнем числе, сразу восстановило боеспособность бригады. Их возвращение вернуло бригаде старое название, и приказом командующего Западной армией от 29 июня 1-я Отдельная стрелковая бригада вновь стала называться Ижевской. Этому содействовал новый командующий армией генерал Сахаров, за несколько дней перед этим сменивший генерала Ханжина. Он высоко расценивал боевые качества ижевцев. К 6 июля состав бригады был следующий: в стрелковых полках и егерском батальоне 1020 штыков и 23 пулемета; в инженерной роте 73 штыка, в сводном эскадроне 45 сабель и 3 пулемета, в артиллерийском дивизионе восемь трехдюймовых орудий, две 48-линейных гаубицы и несколько пулеметов. Конный дивизион, выделив сводный эскадрон, был отправлен на формирование конного полка.

К концу июня красные закончили свои перегруппировки и начали дальнейшее наступление в глубь Урала. Их ударная группа переправилась через реку Уфу в конце июня и потеснила малочисленную Уральскую группу, которая, отбиваясь и задерживая превосходные силы красных, отходила на восток.

2 июля начались упорные бои 4-й Уфимской и 12-й Уральской дивизий с 26-й красной дивизией, стремившейся выйти на железную дорогу на участке станций Сулея—Бердяуш. Бои продолжались несколько дней, и красным не удалось быстро проскочить к железной дороге. 27-я красная дивизия, оказав помощь 26-й, затем сосредоточила свои усилия на захвате города Златоуста через Кусинский завод — главной цели в их плане, разработанном командующим 5-й армией Тухачевским.

Задержать противника на этом направлении выпало на долю Ижевской бригады. С приближением противника сторожевое охранение было усилено. 5 июля ночью — ложная тревога у саперов: обстреляли на реке лодку, которая плыла пустой, а может быть, брошенной, после обстрела, разведчиками красных. Прошла через расположение бригады застава уральцев и сообщила, что за ней своих уже нет. Без какого-либо приказа от высшей инстанции или хотя бы предупреждения бригада оказалась лицом к лицу с неприятелем. Генерал Молчанов начал медленно с бригадой отходить, упорно задерживаясь на каждом удобном рубеже. Противник должен был сократить свой порыв и замедлить темп своего движения в наш тыл. Так дошли до Кусинского завода.

На железной дороге Уфа—Златоуст части нашей армии были еще далеко к западу — в 100 или больше верстах от Златоуста, — а Кусинский завод был, по прямому направлению, всего лишь в 20 верстах на северо-запад. От устойчивости бригады зависел благополучный выход Волжской и Уфимской групп из теснин Урала. Кусинский завод должен был стать ареной упорной борьбы.

Прибыв на завод, генерал Молчанов немедленно позаботился о выборе удобной позиции и ее укреплении. Местность была гористая и лесистая, труднопроходимая без дорог. Верстах в полутора от завода была поляна шириной около полуверсты, по которой шла грунтовая дорога на завод и рядом с ней железная дорога на север в сторону Екатеринбурга. На южной окраине этой поляны, окруженной лесами, начальник бригады приказал окопаться. С командирами полков и артиллерийскими офицерами он произвел разведку подступов противника и позиций для его артиллерии. Выбор артиллерийской позиции для красных был очень ограничен, и можно было с большой долей вероятности указать на лучшую из них — недалеко от дороги,

выходящей на поляну. По этому месту артиллеристы произвели точную пристрелку. Оба фланга позиции упирались в горы, покрытые лесом и труднопроходимые. Позиция шла по опушке леса и заходила на флангах на некоторую глубину в лесную чащу.

Со станции Бердяуш прибыл бронепоезд «Волжский» и получил задачу стоять укрыто за закруглением железной дороги и во время выхода красных на поляну выскакивать вперед и бить продольным огнем. Приехал командующий Уфимской группой генерал Войцеховский, сообщил генералу Молчанову обстановку, сложившуюся у волжан и уфимцев, и просил сделать все возможное для удержания завода.

Утром 10 июля красные густыми цепями пошли в атаку. Атака была отбита. Красные подкрепили свои цепи свежими силами и повторили атаку, но снова были отбиты. Молодцами вели себя ижевцы. И даже башкиры, оставшиеся в небольшом количестве, теперь уже несколько обстрелянные, а главное — видевшие пример стойкости и упорства, держались хорошо. Отлично работал бронепоезд. Согласно приказу он выскакивал вперед, когда цепи красных показывались из леса, наносил им большой урон, и его помощь была чрезвычайно ценной. Наша артиллерия удачно разгромила красную, ставшую на позицию там, где нами намечалось. Огонь красной артиллерии был быстро подавлен, и лихая работа бронепоезда была этим сильно облегчена. Только несколько красных пушек, часто меняя свои позиции, пробовали вступать в состязание с ижевской артиллерией и бронепоездом.

Еще много раз противник возобновлял свои атаки, но каждый раз стрелки и бронепоезд отбрасывали их назад. Атаки уже не велись с тем порывом, который был проявлен в начале боя, и было заметно, что красные выдохлись. Перед наступлением темноты красные затихли. Очевидно, что это была лишь передышка — противник готовился к ночным действиям. Располагая не менее чем шестью полками и сменяя их, они стремились выполнить задачу, не считая жертв. Не имея возможности пробиться вперед днем, они рассчитывали теперь достичь успеха с наступлением темноты.

Как предполагалось, так и вышло. Ночью красные с упорством возобновили атаки. Ходили в атаку на всем протяжении позиции, пробовали прорваться на отдельных участках. Но и на этот раз они неизменно отбивались. Иногда врагу удавалось подходить вплотную к окопам и дело доходило до штыков. Хорошую оценку дал командир 1-го полка о действиях 12-й роты поручика Шмакова, расположенной на тяжелом участке позиции, к которому красные имели скрытые подходы. На этот участок было ночью произведено 14 атак.

Прошла ночь, наступил второй день, положение противника не изменилось.

Ночью было захвачено несколько пленных. Среди них был один молодой, словоохотливый крестьянин из Пензенской губернии. Генерал Молчанов лично допросил его утром 11 июля. Пленный рассказал, что комиссары перед боем говорили красноармейцам, что надо во что бы то ни стало взять Кусинский завод, который стоит на пути к Златоусту, а когда будет взят Златоуст, война скоро закончится и все возвратятся домой. Комиссарам не верили, но на первые атаки шли охотно. Когда эти атаки были отбиты с большими потерями, настроение сильно упало и идти на верную смерть не хотели. «Больно много вас было», — пояснил пленный. Дальше сообщил, что красноармейцы стали разбегаться. «Немало убежали в лес», — добавил он. На вопрос, что они там будут делать, если их будут искать и вылавливать, он ответил: «Уходят больше кучками, сговорившись, забирают винтовки и будут отбиваться». Генерал Молчанов спросил пленного, что он будет делать, если его отпустят. «Сначала спрячусь, а потом проберусь домой». Пленный был отпущен. Показания этого пленного объясняют, почему красные командиры не пробовали по горам пробраться к нам в тыл. Помимо необходимости скорее, кратчайшим путем пробиться к Златоусту, они боялись ослабить свои ряды от большого дезертирства в леса.

Второй день начался так же, как и первый, и прошел в повторных атаках красных. Ижевцы устали от бессонной ночи и постоянного напряжения, находясь в окопах без смены, а красные полки, сменяя друг друга и подгоняемые угрозами комиссаров, шли в атаку без всякого порыва. Но у ижевцев появилась полная уверенность, что красные их сбить с позиции не смогут и Кусинский завод останется за нами. Наши части, застрявшие в горных проходах к западу от станции Бердяуш, ускорив свое движение, выходили из опасного положения. Удержать Кусинский завод нужно было до утра 12 июля.

К вечеру 11 июля на смену подошла Уфимская дивизия под командой генерала Ткачева<sup>156</sup>. Чтобы смену сделать незаметной для противника, пришедшие уфимцы должны были подойти к позиции с наступлением темноты. Младшие командиры отправились познакомиться с расположением своих участков и местностью засветло. Генерал Войцеховский оставил общее руководство боевыми действиями за генералом Молчановым. Уфимская дивизия оказалась богатой высокими чинами. Четыре генерала, включая начдива, были в составе дивизии. У ижевцев же не было даже штаб-офицеров. Генерал Молчанов пошутил: «Ну, раз много генералов — толку не будет». К сожалению, шутка оказалась действительностью.

На уфимцев красные произвели несколько атак, отбитых ими, а после полуночи бросились крупными силами в решительную атаку. Некоторые роты уфимцев не выдержали и оставили окопы; отступление распространилось на других. Уфимцы отошли на северную окраину завода, где бой еще продолжался. Руководить боем было уже трудно, и, дабы не подвергать мелкие части окружению на улицах завода, приказано было его оставить. Генералы Молчанов и Ткачев со своими штабами и выведенные из боя уфимцы собрались у выхода дороги на Златоуст. Завод был окончательно брошен в 2 часа ночи на 12 июля.

Поспешное отступление погубило бронепоезд «Волжский» и поставило в тяжелое положение ижевцев. Бронепоезд, как и раньше, вышел во время последней атаки противника вперед. Партия красных, пробравшаяся в его тыл, разрушила путь, починить его не было возможности, и бронепоезд погиб. Команда постаралась спасти, что можно, и вынесла несколько пулеметов. Мальчик-доброволец С. П. Р. приволок на своих плечах станковый пулемет Максима.

Ижевцы после смены не торопясь собирались на сборном пункте около железной дороги, где расположились на отдых и ожидали своих офицеров, передававших позицию уфимцам. Потом пошли по полотну железной дороги на завод. Выстрелы на окраине завода указывали, что позиция брошена и бой идет у самого завода.

Необходимо было разобраться, где свои, где противник и кому принадлежит завод. На разведку вызвался прапорщик Багиянц. Сняв погонь, он прошел по заводскому поселку несколько кварталов и выяснил, что завод уже в руках противника. В одном месте он, расспрашивая красноармейцев, вызвал у них подозрение, и они сами потребовали у него ответа, кто он такой и почему расспрашивает о расположении частей. Багиянц изобразил из себя комиссара, стал на них кричать, чтобы у него не отнимали времени глупыми вопросами, пригрозил наказать и сбил красноармейцев с толку. Среди комиссаров было много типов не русского происхождения, и в этом случае черты лица и армянский выговор Багиянца оказали ему услугу. Вернувшись, Багиянц доложил командирам полков о своей разведке.

Командиры стали совещаться, что предпринять дальше. Обиная усталость, большие силы красных, набивших до отказа все дороги, запутанный план заводских улиц привели к решению обойти завод по железной дороге и южнее свернуть на дорогу к Златоусту. Обойдя благополучно завод, ижевцы присоединились к отступавшей колонне. Красные, видимо сильно утомленные боями, заночевали на заводе и не преследовали.

Хотя завод был оставлен ранее назначенного срока, больших осложнений это не вызвало. Около станции Бердяуш красным удалось выйти на железную дорогу, прежде чем 8-я Камская дивизия успела пройти этот пункт. Один полк был отрезан, но он атаковал красных, отбросил их к северу и пробил себе дорогу.

К отступавшим от Кусинского завода ижевцам и уфимцам выехал генерал Войцеховский. Приняв доклады от генералов Молчанова и Ткачева, он поблагодарил первого и остался очень недоволен вторым. «Вы к нам не подходите, поищите себе другую службу», — сказал генерал Войцеховский. Искренний генерал Ткачев не скрыл от своих командиров полков полученную им аттестацию, что и было подтверждено одним из них, полковником С. Генерал Войцеховский сообщил о дальнейших планах. Предполагается, выйдя из Уральских гор, оказать красным сопротивление на линии озер, которые тянутся с севера на юг непосредственно за горами. Ижевской бригаде назначено идти на правый фланг Уфимской группы в район Киштымского завода (80 верст к северо-востоку от Златоуста).

Дорога через Златоуст оказалась сильно загруженной. Значительная часть армии со своими обозами прошла город, но все еще оставалось много частей и обозов, собравшихся на городской площади. Дорога от Златоуста на восток проходит по берегу глубокого искусственного озера и вырублена в скале. Движение могло происходить только в два ряда повозок в одном направлении.

Красные с утра 13 июля повели энергичное наступление на свою заветную цель — Златоуст. Их сдерживала Уфимская дивизия, на этот раз она стойко удерживала напор противника и дала возможность вывести из Златоуста последние эшелоны армии. 13 июля красные заняли Златоуст. Талантливо задуманный маневр Тухачевского устроить западню главным силам Западной армии не удался. Но Урал был потерян Белой армией, и в этом отношении цель красных была достигнута.

Верстах в десяти к востоку от Златоуста на главную дорогу выходила с севера трудно проходимая тропа из района Кусинского завода. По ней красные могли выйти к нам в тыл. Узнав о существовании этой тропы, генерал Войцеховский выслал небольшой отряд оренбургских казаков для прикрытия этого направления. Красные действительно использовали эту тропу. Ко времени захвата Златоуста они оттеснили Оренбургский отряд к главной дороге. Начальник отряда обратился за помощью к командиру проходившей мимо пехотной части. Это был капитан Цыганов с его егерским батальоном ижевцев. Он привлек на помощь следовавший за ним полк ижевцев и

бросился на красных во главе своего батальона. Красные упорно отбивались, но после штыковой схватки были отброшены в ущелье, и беспрепятственное движение по дороге было обеспечено. Ижевцы понесли урон около 30 человек, в том числе отважный капитан Цыганов был тяжело ранен в грудь.

О действиях в Уральских горах воткинцев и о пути их движения на восток точных сведений не сохранилось. После вторичного оставления своего завода некоторые их части переправлялись через Каму у города Оханск, где была паромная переправа. Дальше двигались мимо города Кунгура.

Разложение, начавшееся в Сибирской армии, отразилось тяжело на тех частях, которые сохранили свою боеспособность. К ним принадлежали и воткинцы, отступавшие в составе Сибирской армии. Этим частям пришлось выдерживать всю тяжесть арьергардных боев.

Один из таких боев вел батальон воткинцев под командой капитана Болонкина. Это было у Молебского завода в 60 верстах к юго-востоку от города Кунгура. Когда батальон попал под сильный артиллерийский обстрел, капитан Болонкин приказал отходить на следующий рубеж, а сам остался с пулеметным взводом прикрывать отход. Разрывом гранаты его лошадь была убита, а он, тяжело контуженный, свалился около лошади. Командир пулеметного взвода, оглушенный взрывом, не осмотрел своего начальника, посчитал его убитым и поспешил отступить к батальону. Придя в сознание, капитан Болонкин отполз с открытого места в кусты, и как раз вовремя, так как появились всадники противника. Только через год ему удалось пробраться через всю Сибирь в Забайкалье и присоединиться к своей части.

Названный выше завод дает указание, что Воткинская дивизия двигалась через Урал от района города Кунгур в направлении Екатеринбургa, по-видимому, на правом фланге группы генерала Вержбицкого.

### Бои под городом Челябинском

Бои под городом Челябинском, начавшиеся после перехода Западной армии через Уральский хребет, вместе с боями прикрывающих частей и перегруппировками обеих сторон, обратились в упорное сражение, продолжавшееся две последние недели июля.

Об этих боях в сохранившихся воспоминаниях белых участников, вообще немногочисленных, говорится очень мало. В книге «Белая Сибирь» генерала Сахарова, руководившего боями, можно найти лишь отрывочные сведения. Кроме того, имеются краткие записки автора

этого очерка и показания немногих лиц. Для общего ознакомления с этими боями и описания участия в них ижевцев приходится пользоваться также и красными источниками. Из них статья «Челябинская операция летом 1919 года», написанная Н. Санчуком и помещенная в 11-й книге (за 1930 год) журнала «Война и Революция», дает много интересных сведений как о планах красного командования, так и о действиях обоих противников.

Обстановка, сложившаяся после перехода Уральских гор, была для белых весьма неблагоприятной. Сибирская армия, за исключением некоторых частей, потеряла боеспособность и расплылась. Назначенный в начале июля главнокомандующим генерал Дитерихс выехал в расположение Сибирской армии, чтобы вывезти в тыл все, что можно было сохранить. Генерал Дитерихс не собирался давать боев и переходить в наступление, пока войска не будут приведены в порядок, пополнены, получат необходимый отдых и будут соответственно перегруппированы. Генерал Сахаров, при помощи начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Лебедева, оценивал положение по-другому. Он решил разбить красных при выходе их из гор. Генерал Сахаров считал, что подчиненная ему Западная армия сохранила полную боеспособность и, усиленная тремя сибирскими дивизиями, сформированными в тылу, может в единоборстве с 5-й красной армией разбить ее.

Между тем сибирские дивизии, на которые рассчитывал генерал Сахаров, не были еще полностью подготовлены, не прошли обучения в поле и курса стрельбы. Оперативный план генерала Сахарова был следующий: «Сдерживая красных арьергардами, Западная армия должна была быстро стянуть свои силы к Челябинску и сосредоточить две ударные группы: генерала Войцеховского к северу, генерала Каппеля к югу от города... а затем, когда красные втянутся в долину из гор, они будут атакованы с севера и юга, взяты в клещи, с целью окружить их... С севера всю операцию прикрывал и обеспечивал 3-й Уральский корпус». Короче говоря, генерал Сахаров рассчитывал устроить главным силам красных «Каньн». Чтобы поставить их под удары с двух сторон, он наметил заманить их в Челябинск, оставив город без боя.

На усиление малочисленной Уральской группы генерал Сахаров послал 12-ю Сибирскую дивизию из числа трех недавно сформированных. Генерал Сахаров подтверждает неблагонадежность 12-й Сибирской дивизии и переход ее частей к красным. 24 июля противник занял Челябинск, оставленный по приказу генерала Сахарова. Его же приказом на рассвете 25-го обе ударные группы должны были перейти в наступление.

Ижевская бригада в арьергардных боях участия не принимала. После выхода из гор бригада двинулась в район станции Аргояш, где простояла три дня. 18 июля бригаду посетил генерал Сахаров, проверил боевые запасы, расспросил о настроении бойцов, наградил отличившихся в последних боях. Он полон энергии, хорошо относится к бригаде и ценит ее боевые качества.

Когда красные начали теснить арьергарды армии, оборонявшие перешейки между цепью озер, бригада получила приказ отойти на восток и расположиться в резерве в 30 верстах севернее Челябинска. Здесь совместно с 4-й Уфимской, 8-й Камской и вновь прибывшей 13-й Сибирской дивизиями бригада вошла в ударную группу под командованием генерала Войцеховского и получила участок на правом фланге.

На рассвете 25 июля ударная группа перешла в наступление. Соседом ижевцев слева была свежая и еще не обстрелянная 13-я Сибирская дивизия. Генерал Войцеховский просил генерала Молчанова поставить какую-либо часть на правом фланге 13-й Сибирской дивизии, чтобы показать на примере, как надо вести наступление. Для этой задачи был назначен егерский батальон, который своим порывом увлек за собой не бывшие в боях молодые части. Они наступали хорошо. Уфимская ударная группа быстро двинулась вперед и нанесла ряд поражений противнику. Во многих местах красные сопротивлялись с большим упорством, происходили жаркие, кровопролитные схватки, но везде успех был на нашей стороне. Красные отступали на запад и на юг к Челябинску.

Ижевская бригада действовала с большим успехом. Встреченные полки 1-й бригады 35-й красной дивизии получили в течение трех дней несколько жестоких ударов, понесли большие потери и в беспорядке отошли к станции Аргояш.

Южнее Челябинска в Волжской группе дела шли не так удачно. Эта группа встретила упорное сопротивление, понесла значительные потери и не могла сдвинуть противника. На правом фланге армии, на участке Уральской группы, красные теснили слабые отряды. Только генерал Мамаев с 3-й Оренбургской бригадой, составлявшей левый фланг группы, держался на уступе впереди, удачно отражая красных на направлении вдоль южного берега реки Течи. К 25 июля 5-я красная дивизия уже угрожала с севера, с перешейки озер Маян и Уелги, выходом на фланг и тыл Уфимской группе. Через два дня эта дивизия оттеснила уральцев на южный берег реки Течи и нависла над тылом группы генерала Войцеховского, подходя к деревне Муслюмово. Тогда генерал Войцеховский срочно бросает на угрожаемый участок Ижевскую бригаду.



Бригада должна была сделать усиленный переход в ночь с 27 на 28 июля к деревне Муслюмово и сменить там уральцев. В эту ночь и утро 28-го бригада прошла около 60 верст и к 10 часам начала подходить к реке Тече. Генерал Молчанов с 5 офицерами своего полевого штаба и 15 ординарцами выехал вперед для ориентировки и приема участка от уральцев. По полевой дороге, вившейся среди кустов, всадники подъехали к реке Тече. Выехали на небольшую полянку, на северном конце которой стояло большое здание — кажется, амбар муслюмовской паровой мельницы. Левее — двор, обсаженный деревьями. Правее с открытого пригорка видна впереди лежащая местность. Шагах в пятидесяти протекала небольшая, проходимая во многих местах вброд, река Теча. За ней ровный, открытый заливной луг, шириной до полуверсты. Дальше на север, насколько глаз хватал, расстилалось море кустов. Все слезли с лошадей и стали осматриваться.

Снизу на пригорок вынырнула «макленка» (37-мм небольшая пушка) с четырьмя солдатами под командой офицера. Они навели свою пушку в кусты на северо-запад и дали несколько выстрелов.

- Где противник?
- Вон там в кустах, за поляной.
- А где ваши цепи?
- Наши все уже ушли, мы последние.
- Ваша задача?
- Прикрывать отход полка, и сейчас мы тоже уходим; нам приказано двигаться на восток к деревне Бродокалмацкое, где собирается наш полк.

Офицер-уралец предупредил, что противник — 5-я красная дивизия — имеет среди своих полков четыре полка с номерами, одинаковыми с полками 11-й Уральской дивизии (№ 41—44), и что у них уже были неприятные недоразумения из-за сходства номеров. Подняв хобот «макленки», уральцы на руках покатали ее дальше и скрылись в кустах. Так «авангард» Ижевской бригады сменил арьергард 43-го Уральского полка, едва успев застать его.

Генерал Молчанов немедленно послал ординарца навстречу колонне с приказом торопиться, как только возможно. Капитан Цветков, старший адъютант, залез на крышу амбара рассмотреть, что кругом делается. Его наблюдения были безрезультатны — кусты скрывали все, и следов противника обнаружить было нельзя. Прошло около получаса. Неожиданно по нашему расположению посыпались снаряды. Особенно досталось амбару. Наш наблюдатель был замечен, и после первых же выстрелов красные взяли точный прицел. Наблюдатель быстро скатился с крыши. Артиллерия красных стояла, по-видимому, недале-

ко, в одной, полутора верстах от речки, и это указывало, что пехота противника могла появиться из кустов каждую минуту. Приходилось отступать. Полянка перед амбаром закипела взрывами снарядов. Пройдя жаркое место, всадники стали садиться на лошадей. В это время из кустов с востока раздалась ружейная стрельба. Через десяток шагов кусты скрыли генерала Молчанова и его штаб от противника. Вышли благополучно, были ранены только две лошади.

Отойдя около версты, генерал Молчанов встретил артиллерийский дивизион, на рысях шедший вперед и обогнавший пехоту. Командир дивизиона полковник Якубович получил приказ немедленно сняться с передков и открыть ураганный огонь по району противника, стреляя через крышу амбара с наименьшим прицелом. Полковник Якубович, старый артиллерист, пробовал доказать, что в уставе термина «ураганный» огонь нет и стрелять без наблюдателя и пристрелки нельзя. Генерал Молчанов вскипел:

— Стреляйте по уставу и с наблюдателями, но чтобы огонь был открыт немедленно. Немедленно и самый усиленный.

При указанном направлении и прицеле снаряды должны были ложиться в кустах, где предполагался противник. Но важно было не столько поражение противника, сколько создание у него впечатления, что наши силы уже развернулись и готовы к наступлению. Артиллерия быстро стала на позицию и загрохотала. Канонада десяти орудий должна была заставить красных продвигаться с осторожностью и умерить свой порыв.

Услышав рев орудий, полки ижевцев, уставшие после большого ночного перехода по плохим полевым дорогам, но спешившие за артиллерией, напрягая последние силы, бросились бегом на выстрелы. Достигнув позиции артиллерии, полки сразу развернулись и пошли в наступление. 1-й Ижевский полк пошел налево, а 2-й полк — правее мельницы. Быстрым натиском ижевцев красная пехота, переправившаяся через реку Течу, была смята и отброшена обратно за речку. На южном берегу реки Течи генерал Молчанов приказал полкам остановиться, выставить охранение, привести себя в порядок и отдохнуть.

Тяжелый ночной переход по скверным, часто песчаным дорогам чрезвычайно обессилил и вымотал пешие части. По пути не было значительных населенных пунктов и нельзя было достать необходимого количества подвод даже для отсталых. Таковых было много из-за растертых ног. Несмотря на свои покалеченные ноги, стрелки старались держаться за хвостом колонны. Многие сняли сапоги, чтобы легче было идти. Позиция на берегу реки давала возможность с успехом

обороняться, и генерал Молчанов донес, что он остановился у Муслюмова, должен дать отдых изнуренным ижевцам и ручается за полную устойчивость на занятом участке. Генерал Войцеховский был другого мнения.

Ударная группа продвинулась на два перехода на запад от линии Муслюмово — город Челябинск и находилась под ударами на свой тыл с обоих этих пунктов. Обстановка для группы действительно оказалась очень тяжелая и вынуждала прекратить продвижение вперед. Генерал Войцеховский, по-видимому, опасался, что переход к обороне у Муслюмова понудит красных прорваться в другом месте, и хотел приковать внимание и силы противника активными действиями. Он направил на поддержку бригады школу<sup>157</sup> генерала Москаленко<sup>158</sup>, около 400 штыков, и приказал вести атаку свежими силами этой школы. На просьбу генерала Молчанова не губить отлично подготовленных юнкеров (они назывались егерями), необходимых для младших командных должностей, ответ был в духе «не рассуждать».

Встал вопрос и о пополнении боевых припасов. Необходимо было пополнить снаряды в артиллерии и патроны в пехоте, израсходованные в трехдневных боях наступления. Так как до артиллерийского склада на железной дороге было 70 верст, генерал Войцеховский отдал легковые автомобили своего штаба на срочную доставку снарядов. Таким же образом помог и штаб армии.

Утром 29 июля егеря начали наступление. Как на учебном поле, с разведчиками впереди, мелкими единицами, потом поодиночке начали правильные перебежки егеря. За речкой на ровной, как стол, поляне нигде не было никаких укрытий — ни кустов, ни кочек, ни малейших складок местности. Наша артиллерия вела интенсивную стрельбу по опушке кустов, занятых красными. Пулеметы ижевцев помогали фланговым огнем с обоих флангов. Красные, наверное, несли значительные потери, но кусты хорошо укрывали их передвижения, подход подкреплений и поднос патронов. Они держались в окопах среди кустов и расстреливали егерей одного за другим.

Без сомнения, здесь была применена неправильная тактика. Такое ровное поле выгоднее было бы проскочить не перебежками и переползаниями маленькими группами и поодиночке, а возможно быстрее пробежать двумя или тремя редкими цепями с короткими остановками для необходимой передышки. Бой затянулся на несколько часов. Егеря не могли достигнуть позиции противника. Потери их достигли половины состава. Но когда выяснилась невозможность достичь окопов противника, оказалось, что егеря не могут и отступить. Имея полное походное снаряжение, в том числе малые лопаты, они,

как могли, окопались на достигнутой линии или прикрывались телами убитых товарищей. Отход обозначал новые тяжелые потери.

Тогда генерал Молчанов приказал 2-му Ижевскому полку перейти в короткую демонстративную атаку и отвлечь внимание красных от егерей. 2-й полк собрался к правому флангу и под прикрытием сильного пулеметного и артиллерийского огня бросился на красных. Атака значительно облегчила положение егерей, и они отошли со заополучной поляны, обильно политой их кровью. Эта выручка дорого стоила 2-му полку, который потерял около 60 человек. К вечеру все части заняли позицию на южном берегу реки. Возможно, что цель была достигнута и тяжелые жертвы не были напрасны. 5-я дивизия красных была прикована к району деревни Муслюмово и не смогла обрушиться на тыл группы генерала Войцеховского. Группа начала отход из своего тяжелого положения и выполнила его достаточно благополучно.

Упорные бои у Челябинска вызвали большие потери у обоих противников. Сведения об этих потерях различны. Генерал Сахаров дает такие цифры: свыше 5000 убитыми, ранеными и пленными у нас и больше 11 000 у красных по их же сведениям. Санчук сообщает, что «в результате 18-дневной операции белые потеряли 8000 пленными и 4500 убитыми и ранеными. Потери красной стороны исчислялись в 2900 раненых и убитых, 900 без вести пропавших». Но сведения Санчука исправляет член революционного совета 5-й армии комиссар И. Смирнов («Борьба за Урал и Сибирь», стр. 239), который указывает, что убитых и раненых в 5-й армии было 15 тысяч.

Челябинские бои представляют много интересного для подробного изучения. К сожалению, с белой стороны сохранилось очень мало документов и сведений. Отметим здесь некоторые характерные черты в управлении ходом операций у обоих противников. На стороне красных вызывает удивление полное пренебрежение к своим обязанностям командарма 4-й тов. Тухачевского. Красные дивизии дрались самостоятельно, не руководимые сверху. Когда красные переживали тяжелый момент при переходе в наступление ударной группы белых и нуждались в согласовании действий, начдивы 26-й и 27-й красных дивизий совещаются 26 июля, что им делать дальше. Дивизии получают совершенно невыполнимые задачи, без малейшего учета создавшейся обстановки. Например, 5-я красная дивизия, переведенная в состав 5-й армии, получает от Тухачевского 22 июля задачу к 25 июля выйти в тыл белых у станции Чумляк. Задача, выполняемая для моторизованной дивизии, и то при условии слабого сопротивления противника. Дивизия к 25-му могла продвинуться только до перешейка

озер Майн—Уелги, почти 100 верст от назначенного пункта. Что может более точно определить деятельность или, вернее, бездеятельность начальника, когда положение на фронте создается «стихийно» и притом в течение целых двух недель. Если генерал Сахаров несет ответственность за поражение у Челябинска, то его противнику тов. Тухачевскому никак нельзя присудить лавры за эту победу.

### Отступление за Тобол

Неудача боев под Челябинском вынудила 3-ю армию (переименованную из Западной) начать отступление на восток. Правофланговая Уральская группа, теснимая численно превосходящим противником, отходила на один и более переходов на уступе позади главных сил армии. На отход уральцев влияло также и то, что наружный фланг этой группы обнажался с севера 2-й армией (Сибирская армия была разделена на 1-ю и 2-ю).

Уже к утру 28 июля тыл армии был открыт для удара с севера 5-й красной дивизией. К этому времени уральцы собирались в районе села Бродокалмыкое, в трех переходах к востоку от передовых частей генерала Войцеховского, успешно теснивших красных на запад. Выдвижение генерала Войцеховского к угрожаемому участку Ижевской бригады и усиление ее школой генерала Москаленко устранило создавшуюся опасность. В последующие дни бригада образовала боковой отряд главных сил, и на нее пала тяжелая задача обеспечить движение армии от дальнейших ударов противника с севера.

29 июля командующий 3-й армией отдал приказ № 233: «1-ю отдельную Ижевскую бригаду приказываю развернуть в дивизию...» Это свидетельствовало о признании боевых заслуг бригады и указывало на решение генерала Сахарова увеличить ее силу двумя полками. Отправка бригады на переформирование в тыл не предполагалась, и новые полки должны были формироваться на фронте. Приказ № 1 по Ижевской дивизии с указанным приказом по армии вышел 31 июля.

1 августа прибыло пополнение — 52 молодых офицера из Иркутской школы и 852 солдата, из которых более трехсот были поправившиеся от ранений и болезней ижевцы. Так как число штыков к концу июля, после боев на Урале и у Челябинска, уменьшилось до 650, пополнение пришло весьма своевременно. Формирование новых полков в напряженной боевой обстановке представлялось невозможным, и прибывшее пополнение было распределено в существующие части.

С началом общего отступления армии начальнику Ижевской дивизии генералу Молчанову была подчинена 13-я Сибирская дивизия, которой командовал генерал Зоценко. Численность этой недавно сформированной дивизии значительно уменьшилась как от потерь в боях под Челябинском, так, особенно, и от утечки элемента, не желавшего драться. Но оставшиеся в рядах дивизии хорошо себя показали в тяжелых и изнурительных боях отступления, занимая участки попеременно с частями ижевцев и упорно отбиваясь от наседавших красных.

В то время как Уфимская и Волжская группы сдерживали противника с запада, на правом фланге завязались бои с обходившими нас с севера дивизиями красных. Сложные маневры, о которых говорит генерал Сахаров, состояли главным образом в том, что, когда одни полки или батальоны встречали обходящих красных на одном участке, позади их проходили другие части, торопившиеся на следующую позицию. Происходили непрерывные перекаты с одной позиции на другую. Красных отбивали огнем и короткими контратаками. Большие затруднения были в доставке огнеприпасов, продовольствия для людей и корма для лошадей. Ночлеги сократились до коротких часов, привалов для отдыха почти не было. Многие участники этих боев говорили, что предпочли бы, вместо этих изнуряющих передвижений, большой и кровопролитный бой.

Начали уставать от этой кадрили и красные. Ко времени подхода к Тоболу они уже ослабили свой нажим и отказались от попыток отрезать нам путь отступления и отбросить к югу. Генерал Сахаров сообщает: «Только переправившись через Тобол, мы получили передышку и вышли из-под вечной угрозы быть отрезанными от железной дороги. Только перейдя через Тобол, 3-я армия получила возможность выделить пять дивизий, быстро перевести их эшелонами за 50 верст в тыл на реку Ишим в район города Петропавловска». Из этого района был намечен переход в наступление.

После переправы через Тобол Ижевская дивизия была отведена в резерв. Полного отдыха она не получила, оставшись за правым флангом армии. Но в течение нескольких дней, свободных от боев, можно было начать формирование новых двух полков, выделив для них командный состав и небольшие кадры, привести в порядок оружие, обозы и пр. Появились и другие дела повседневной военной жизни, которыми не было времени заниматься, пока шли бои. Среди пополнения были обнаружены ненадежные и распушенные в тылу солдаты. Было произведено несколько дознаний о грабежах. Во 2-м полку сами ижевцы избили двух молодцов — одного за кражу холста, дру-

гого за воровство огурцов. Встретив такое отношение из рядов ижевцев, грабители присмирели.

Преследование за воровство не осталось без внимания со стороны жителей. У них оказались свои люди, ловкие на доходные проделки. В селе Носковском, где стоял 2-й полк, одна женщина подняла вой, что увели двух лошадей и утащили тарантас. Стали проверять. Лошадей она умудрилась спрятать в погреб, а тарантас был найден скрытым в огороде. Был и такой случай: солдаты из штаба группы нашли у ижевцев своих лошадей. Лошади были возвращены «владельцам», но при проверке оказалось, что лошади были проданы крестьянам и попали в полк по ремонту.

22 августа дивизия стояла в районе села Арлагульского, около 60 верст к востоку от города Кургана. В этот день прибыл в дивизию Верховный Правитель адмирал Колчак и произвел смотр. С ним пришло несколько грузовых автомобилей с подарками — папиросы, консервы, варенье, какао и пр. После церемониального марша адмирал Колчак собрал к себе поближе ижевцев и обратился к ним с речью. Благодарил за славные ратные дела и самоотверженную службу Родине. Он старался объяснить цель борьбы с большевиками, хотел что-то сказать о положении рабочих, но смешался и смутился. Ижевцы постарались выручить адмирала — посылались голоса: «Не надо говорить», «Мы вам верим», «С вами пойдем до конца» и т. д.

Верховный Правитель был этой встречей с ижевцами очень растроган, а его искренность и желание найти путь к солдатскому сердцу были понятны и произвели больше впечатления, чем если бы он произнес блестящую речь привыкшего говорить опытного оратора. После дневки и смотра Верховного Правителя наше движение на восток продолжалось.

Красные вновь стали нажимать. Хотя дивизия числилась в резерве, 25 августа утром красные подошли к нашему расположению. 2-й полк не успел вытянуться с ночлега и ввязался в бой у деревни, где ночевал. Три часа удачно отбивал атаки противника и отошел с небольшими потерями (2 офицера и 12 стрелков). Дивизия направляется на юго-восток, должна перейти к югу от железной дороги и будет действовать в составе Волжской группы генерала Каппеля. Пока арьергарды волжан успешно задерживают красных в их стремлении к Петропавловску.

Боевой состав Ижевской дивизии к 31 августа был следующий: батальонов 10, рот 31, эскадронов 1, офицеров 182, штыков 1276, сабель 33, орудий 10, пулеметов 14. Дивизии приданы: 4-й Саткинский полк в составе: батальонов 2, рот 7, офицеров 38, штыков 222;

и отдельный Оренбургский казачий дивизион есаула Леонова в составе: сотен 1, офицеров 3, сабель 87. Всего в дивизии с приданными частями: офицеров 223, штыков 1498, сабель 120, пулеметов 19, орудий трехдюймовых 8, 48-линейных гаубиц 2. Приданные части находились в составе дивизии только несколько дней и потом получили новое назначение.

### Наступление к Тоболу

Переход в наступление, в котором все три армии должны были участвовать, был назначен на первые числа сентября. 3-я армия генерала Сахарова наступала вдоль железной дороги на город Курган, имея на правом фланге Уфимскую группу, а в центре и на левом фланге (южнее железной дороги) Волжскую и Уральскую группы.

На участке Ижевской дивизии бои начались раньше. Подходя 28 августа к месту назначенного сосредоточения в районе поселков Богатого и Кладбинского (около 90 верст к западу от города Петропавловска), ижевцы встретились с красными и имели с ними столкновения у этих двух поселков и у деревни Малая Приютная. У поселка Богатого был тяжело ранен командир 3-го батальона 1-го полка поручик Ложкин, прославившийся необыкновенной доблестью и водивший своих храбрецов в атаки с винтовками за спиной и ножами в руках.

Около поселка Богатого в распоряжение начальника дивизии прибыл 4-й Оренбургский казачий запасный полк, и его командир полковник Душ, не находившийся в «полном здоровье», стал уверять генерала Молчанова, что красные находятся не там, где они были, а в нашем тылу, и обстрел красными деревни Малая Приютная приписывал артиллерии волжан. Дать полковнику Д. какую-либо задачу по разведке сил и расположения противника было бесполезно, и генерал Молчанов приказал ему передать командование полком старшему офицеру.

Ижевцы, потрепав красных в указанных пунктах, расположились на ночлег в поселках Михайловском и Дубровном. Утром 29 августа красные под прикрытием тумана подошли к поселку Дубровному и атаковали 1-й полк. Бой отличался большим упорством и озлоблением бойцов, в рукопашной схватке враги дрались как звери, что редко наблюдалось раньше. Красные отступили с большими потерями. Ижевцы также понесли тяжелые потери.

На другой день, получив подкрепление, красные повторили атаку, но были отброшены после штыковой схватки. 1-й полк был выведен

в резерв для отдыха, а позицию у поселка занял 4-й Саткинский полк. Вскоре после смены он был атакован и не выдержал удара противника. Дубровный был захвачен красными. В контратаку были направлены 1-й и 2-й полки. 1-й полк штыками выгнал красных из поселка в поле, и здесь они были окончательно разбиты и бежали в поселок Сенжарский.

Интересные подробности об этих боях дает командир 1-го Ижевского полка капитан Михайлов. О первом бое у поселка Дубровного он сообщает: «Утром рано, с наступлением рассвета, под покровом густого тумана, красные близко подошли к окопам и с криком «Ура» бросились в штыки. Окопы занимал 1-й полк. Бойцы выскочили из окопов и приняли удар. Произошел ожесточенный рукопашный бой. Забывали про винтовки. Катались в обнимку по земле, грызли и душили друг друга. Фельдфебель 6-й роты чуть не был заколот штыками двух красных. Изловчившись, он поймал их винтовки и прижал подмышками. Он отличался большой физической силой, и красные, как ни старались вырвать свои винтовки, не могли этого сделать. Не выпуская винтовок, красные приблизились к нему вплотную и стали его грызть. Покусали щеки, одно ухо было почти все отгрызено, другое сильно исковано. Фельдфебель закричал на помощь. Подоспели двое наших и красных закололи... Красные были отброшены с большими потерями...»

О другом бое под Дубровным тот же участник рассказывает о смерти своего офицера: «В этот раз полк понес большую утрату в лице подпоручика Евстафьева, командира 7-й роты. Евстафьев всегда врывался в самую гущу красных и орудовал ножом. Отличаясь необыкновенной смелостью, находчивостью и ловкостью, он приводил своих врагов в оцепенение и заставлял разбегаться. В этом бою он был поднят на штыки. Семнадцать штыковых ударов закончили его жизнь. Когда я подъехал верхом к группе солдат, то увидел следующую картину: солдаты 7-й роты, окружив пленных, около 30 человек, плачут над убитым ротным командиром. Мне показывают на пленных и говорят: «Вот эти св... его убили; пощады им не будет». Эта картина врезалась мне в память навсегда. Забыть трудно».

Дальше командир полка рассказывает о положении на поле боя: «Красные были окончательно разбиты. Части их перепутались, некоторые, застрявшие у нас в тылу, прорывались к своим. Всю ночь полк стоял в открытом поле в боевой готовности, выставив охранение. Поздно ночью, считая, что в тылу нашем красных больше нет, мы заняли позицию фронтом на запад. Я пошел проверять заставы и перехожу от одной к другой. Неожиданно в перелеске в кустах слы-

шу треск ветвей и шум; в тишине ночи казалось, как будто идет табун лошадей и ломает все на своем пути. Я остановился. Мимо меня, шагах в тридцати прошел батальон красных. Шли очень быстро, в порядке, поддерживая равнение и не проронив ни одного слова. Это было под утро, начинало светать. Я их прекрасно видел, возможно, что и они видели меня. Им было не до меня, они пробирались из нашего тыла и проšli как раз между нашими заставами. Я ничего не мог предпринять и, пропустив их, отправился на следующую заставу...»

После боев у поселка Дубровного Ижевская дивизия перешла в станцию Становую — исходному пункту для перехода в наступление. Здесь она заняла расположение на левом фланге Волжской группы генерала Каппеля.

Начиная с 28 августа, противником Ижевской дивизии была 2-я бригада 26-й красной дивизии, части которой, как это показали бои, дрались с большим упорством. 26-й красной дивизией командовал начдив Эйхе. 2-я красная бригада после боев у Дубровного укрепилась в поселке Сенжарском и нашу разведку до 2 сентября встречала ружейным и артиллерийским огнем. 2 сентября утром красные отеснили наше охранение к Становой, но бежали при подходе подкрепления.

Перейдя в наступление, назначенное по всему фронту, ижевцы отеснили красных к поселку Сенжарскому и после упорного боя овладели этим поселком; красные отступили на северо-запад. У ижевцев бодрое настроение, чувствуется большой подъем. После долгого августовского отступления, боев на аррьергардных позициях, коротких контратак наступление всеми силами было встречено с большой радостью. Хотя дивизия численно много менее бригады тех дней, когда ижевцы отличались под Уфой, и их ряды теперь недосчитывают многих доблестных офицеров и солдат, они вспоминали мартовские стремительные наступления и рвутся вперед. Генерал Молчанов, учтя подъем духа ижевцев, идет на смелые и рискованные, но дающие большие результаты маневры.

Сбив красных у поселка Сенжарского, дивизия преследовала их до темноты, а в 2 часа, в ночь с 3 на 4 сентября, захватила село Большое Приютное совершенно неожиданно для красных. Фронт противника был прорван, и дивизия оказалась в тылу частей 2-й красной бригады. В стане врагов полная растерянность. Штаб бригады заматался во все стороны. Вместо того чтобы присоединиться к одному из своих полков, этот штаб, отрезанный от путей на запад, стал прорываться вкруговую через наш тыл и побывал в наших обозах. Обо-

зники навели на них панику, и они бросились наутек. Один красный герой, побоявшись плена, сорвал с себя орден Красного Знамени. Этот орден случайно нашли около дороги и доставили генералу Молчанову. Мы видели его первый раз. Красотой не отличался — золотая бляха с красным ромбом; сделан плохо — видимо, продукция еще не налажена. Обоз штаба 2-й бригады попал полностью в наши руки с оперативными делами. Документы были срочно, после короткого просмотра, отправлены генералу Каппелю.

Для собственных справок был записан боевой состав бригады по сведениям ко 2 сентября: в 229-м Новгородском полку 710 штыков, 15 пулеметов и 27/32 разведчиков (предположительно — пеших и конных); в 230-м Старорусском полку соответственно 880, пулеметов 17/11 (видимо — тяжелых и легких) и 20/22 разведчиков; в 231-м Сводном полку — 616, 10/9 и 28/21; в 7-й батарее 4 орудия и 2 пулемета; в 8-й батарее 4 орудия (одно неисправно); во 2-м отряде «особого назначения» 155 штыков и 2 пулемета; в 26-м кавалерийском дивизионе (?) сабель. В таблице потерь не было полных сведений и только указано: потери за 1 и 2 сентября в боевой состав не входят; 230-й полк потерял за 1 сентября более 100 человек; 231-й полк 28 августа потерял 154. Общий подсчет штыков (с разведчиками) дает боевой состав бригады более 2500. Перед началом последних боев 2-я бригада имела приблизительно 2900—3000 бойцов.

Ижевцам приходилось иметь дело с более чем двойными силами противника, имевшими четверное количество пулеметов. 2-я бригада, кроме того, имела на уступе своего правого фланга 66-й кавалерийский полк, но этот полк держался далеко сзади и 3 сентября, по словам начдива Эйхе, «ушел в неизвестном направлении».

После краткого ночного отдыха Ижевская дивизия в 7 часов утра была брошена генералом Молчановым на деревню Малое Приютное. Авангардный 2-й полк, столкнувшись на дороге с красными, начал разворачиваться для наступления, но подошли другие части, и действия вылились в безудержную атаку. Конные повозки всех родов, включая хозяйственные, бросились вперед. Пешие бежали или подсаживались на повозки или к всадникам. Все надрывались, крича «Ура!». Скачущая масса подняла огромное облако пыли. Красные, занимавшие Малое Приютное, сделав несколько выстрелов, в панике бросились в направлении на деревню Гусино. Часть наших обозов 2-го разряда, не поспевшая за своими частями, потеряла направление, и несколько повозок попали к красным, которые пробираются перелесками в свой тыл. Их полки рассеяны и бродят кругом мелкими отрядами. Наша артиллерия, следя за их появлением по окружающим лесам, где они стара-

ются скрываться, обстреливает их, не давая возможности собраться. Пушки поворачиваются во все стороны.

У нас все довольны и веселы. Усталости не чувствуется, хотя почти не спали. К вечеру двинулись дальше и выгнали красных из деревень Теплодубровной и Стрелецкой. У соседей справа — Самарской дивизии — дела также идут успешно. Они выбили из поселка Михайловского 228-й Карельский полк, и этот полк заночевал в лесу недалеко от нашего правого фланга.

Утром 5 сентября красные, подошедшие с севера, повели на нас атаку. Это были части 1-й бригады красных, к составу которой принадлежал и указанный Карельский полк. Бой разгорелся у одной из двух деревень, занятых ижевцами накануне вечером, кажется у Теплодубровной. Деревня была расположена на восточном и западном берегах небольшого озера. 1-й и 2-й полки развернулись на правом фланге дивизии. 3-й и 4-й полки, недавно начавшие свое формирование, расположились на левом фланге. Вследствие своей малочисленности они не могли оказать большого сопротивления и принуждены были отступить на южную окраину деревни, заняв позицию фронтом на запад и примыкая правым флангом к озеру.

1-й и 2-й полки отбили красных, которые отошли к северо-западу и стали готовиться к новой атаке. Общий фронт дивизии повернулся на запад. 1-й полк занял позицию к северу от озера. 2-й полк был отведен в резерв и должен быть в готовности, в случае надобности, поддержать 3-й и 4-й полки. Командир 1-го полка послал на правый фланг этих полков два пулемета, которые расположились укрыто в южной части западной половины деревни с задачей бить во фланг наступающим.

Когда генерал Молчанов принимал доклад от командира 1-го полка капитана Михайлова, красные начали обстрел деревни артиллерией. Начальник дивизии и чины штаба стояли у ворот крестьянского двора. Капитан Михайлов попросил всех встать за избу. Кто-то спросил: «А какая разница?» — «Плохая защита», — сказал Михайлов, указывая на ветхие доски ворот. Только отошли от ворот за избу, как во дворе разорвался снаряд и осколками разбил ворота в щепки. Есть какое-то шестое чувство у людей, которые живут среди опасностей и имеют способность вовремя их предусмотреть.

Окончив артиллерийскую подготовку, красные пошли в наступление. На фронте 3-го и 4-го полков атака была отбита. Присланные из 1-го полка пулеметы своим продольным огнем во фланг красным нанесли им большие потери. Главные силы красных обрушились на 1-й полк. Они пошли в атаку тремя густыми цепями, имея за ними



еще сильные поддержки. Чтобы не быть обойденными с открытого фланга, полк растянулся в одну цепь и остался без резерва. Подавляющие массы противника заставили нашу цепь начать отступление. Отходили спокойно и в полном порядке.

Генерал Молчанов помчался к 1-му полку. Ижевцы быстро повернули на красных. «Сам Начальник дивизии в цепи», — слышались голоса, и дружным натиском первая цепь красных была опрокинута на вторую, у них произошло замешательство, и отступление распространилось дальше. Наступавшие цепи красных можно было хорошо обстреливать во фланг из деревни. Здесь находился только штаб дивизии, который выставил к озеру все свои огневые средства — 7—8 офицеров и ординарцев с винтовками.

К концу боя подошли две дивизии Волжской группы — Самарская к правому флангу и Казанская — к левому. Все три дивизии преследовали отступившего противника и к вечеру 5 сентября захватили деревни Каравашкино и Монастырскую. За день у нас большие потери, особенно в командном составе. Во втором полку убит последний командир батальона Куликов; в 3-м полку — командир батальона Михеев и искалечен лошадью другой батальонный.

6 сентября дивизия перешла в село Макушино в резерв командующего армией. 8 сентября через Чубаково дивизия двинулась в деревню Гусиную.

9 сентября прибыл Верховный Правитель и произвел смотр. Адмирал Колчак благодарил ижевцев за новые успехи в последних боях. Дивизия награждена Георгиевским знаменем. В приказе отмечалось, что дивизия (прежде бригада) при наступлениях шла всегда впереди, отличалась стремительностью в авангардных боях; при отступлениях отходила последней, упорно обороняясь на арьергардных позициях, и никогда не имела поражений. Начальник дивизии генерал Молчанов за выдающееся руководство блестящими действиями дивизии награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Много доблестных солдат получили Георгиевские кресты и офицеры — повышение в чинах. Знамя было заказано заранее, но не было готово к приезду адмирала Колчака в дивизию.

Первая неделя наступления привела к большим успехам на всем фронте армии. Красные были отброшены от линии станица Мата-сы — станица Становая на 100 верст к западу, потерпев ряд поражений на всех участках фронта. Над ними нависла угроза проиграть операцию и отступить к Уральским горам.

С большой поспешностью противник начал усиливать свою 5-ю армию. Сильную группу свежих частей красные сосредоточили на своем

правом фланге в районе поселка Екатерининского. Эта группа должна ударить во фланг и тыл белым частям, теснившим их с юга (Уральская группа и Сибирский казачий корпус). Сюда они спешно перебрасывают 5-ю красную дивизию со станции Ваграши и из Троицкого и Звериноголовского районов части 35-й красной дивизии, усиленные Степной бригадой. Сильно пострадавшая 26-я дивизия подкрепляется бригадой 21-й красной дивизии (4 полка). Формируется 3-полковая кавалерийская дивизия. Производится мобилизация в Челябинском районе с призывом 24 000. Позднее из фронтового резерва присылается 54-я красная дивизия. Вновь собранная группа из 5-й и 35-й красных дивизий получает приказ перейти в наступление 7 сентября. Влившиеся в 5-ю красную армию большие подкрепления давали возможность Тухачевскому остановить наше наступление или, по его убеждению, «нанести противнику очень сильное поражение». Ни того ни другого он сделать и достигнуть не мог.

На большое увеличение красных сил наша 3-я армия, не менее уставшая, чем наш противник, и также понесшая тяжелые потери, не могла ответить сколько-нибудь значительным усилением своих рядов. Убыль в боях пополнялась возвращением в строй выздоровевших раненых и больных. На прибытие новых частей рассчитывать не приходилось. Неблагоприятная обстановка сложилась на обоих флангах армии — там, где генерал Сахаров предполагал нанести противнику решительные удары.

На правом фланге соседняя 2-я армия не могла принудить противника к отступлению. Продвинувшись вперед, Уфимская группа подставляла свой фланг и тыл под удар красных. Группе было приказано повернуть часть своих сил на север и оказать содействие 2-й армии. После упорных боев части Уфимской группы одержали успех над красными, и они начали отступать перед фронтом 2-й армии. Правый фланг 3-й армии растянулся на север. На южном фланге действия Степного отряда и Сибирского казачьего корпуса не оправдали расчетов генерала Сахарова. Такова была в главных чертах обстановка борьбы в течение двух недель после удачных боев первой недели наступления.

Столкновение Уральской группы с вновь появившимися силами красных потребовало усиления этой группы, и Ижевская дивизия в ночь 9—10 сентября была двинута на помощь уральцам.

10 сентября дивизия вступила в продолжительный и упорный бой с противником у деревень Большое и Малое Мартино. У противника была хорошая позиция с отличным обстрелом, он не давал нам возможности продвигаться по открытому полю. Бой затянулся до темноты. На ночь дивизия была собрана в ближайший лес, где и заноче-

вала. Противник был потрясен боем, и разведка выяснила, что, несмотря на кажущийся успех, красные около полуночи ушли со своей сильной позиции. Убит командир батареи Бабушкин.

11 сентября утром перешли в село Курейнское, занятое накануне 11-й Уральской дивизией. На площади и на улицах разбросаны разные домашние вещи, земля покрыта пухом от подушек, часть домов сожжена. Здесь ночью спрятавшиеся красноармейцы и местные большевики порубили топорами 60 спящих уральцев. В организации избиения участвовал священник, который подговорил нападавших не выпустить начальника дивизии генерала Круглевского. Последнему удалось вовремя выскочить и спастись. Когда уральцы справились с убийцами, пойманный и уличенный священник был по приказу генерала Круглевского расстрелян. Дома местных большевиков, участвовавших в ночном нападении, были разгромлены и некоторые сожжены.

12 сентября атаковали большое село Лопатинское. Атака на открытой, слегка всхолмленной местности, кое-где покрытой группами кустов, была хорошо видна с пригорков, с которых развернулись цепи ижевцев. Зрелище было чрезвычайно красивым. Этой атакой восторгался английский генерал Нокс, приехавший ко времени начала наступления на автомобиле. В свою очередь, ижевцы были удивлены хладнокровием и смелостью англичанина. Не вылезая из своего автомобиля, он ехал за цепями, не обращая внимания на огонь красной артиллерии и пулеметов. Лопатинское было взято сравнительно легко, красные отошли к деревне Худяково. Эта деревня видна с колокольни лопатинской церкви — завтра должны ее взять. Ночью красные наступали на сторожевое охранение, но были отбиты. Предполагалось, что красные атакуют ночью. Начальник дивизии поехал вперед и осмотрел занятые полками участки.

13 сентября завязался упорный бой у деревни Худяково. На наших флангах — уральцы. Около полудня деревня была захвачена. Красная кавалерия, пробравшаяся в тыл, создала в обозах и артиллерии панику. Часть обозников помчалась в тыл. Там, как в таких случаях полагается, распространились слухи, что вся дивизия погибла. Пропал командир 3-го полка капитан Зуев, но потом отыскался. Генерал Молчанов, поехавший без конвоя к одному из полков, едва не попал в плен. Красные всадники полчаса гонялись за ним по перелескам, но в конце концов ему удалось ускользнуть и добраться до Худякова. К вечеру выяснилось, что мы в очень невыгодном положении. Красные с трех сторон. Соседи наши исчезли без предупреждения. Полкам приказано бдительно охраняться и вести тщательную разведку. Офицер штаба залез на крышу для ориентировки. В это время сооб-

щили, что красные уже вошли в деревню. Бывшие у нас в гостях французские офицеры Марто и Франсуа озираются кругом и не знают, что им делать. И штабу, и гостям пришлось быстро уходить из Худякова. На ночь дивизия собралась в деревне Моховой.

14 сентября 1-й и 2-й полки направлены в деревню Давыдовку, остальные на село Курейнское.

15 сентября дивизия перешла в деревню Бородино, штаб — в деревню Степную. 16 сентября собрались в деревню Сухмень — намечается удар в тыл красным, удерживающим позицию у деревни Худяково.

17 сентября перешли в деревню Чистую. Ночью полки двинулись на Худяково, атаковали красных и посеяли у них панику. Они выпрыгивали из окон, выламывали рамы. К утру 18 сентября Худяково было вторично в наших руках. Приехал командующий армией, но ненадолго. Противник перешел в контратаку и занял Худяково. Дравшиеся рядом с нами уральцы вымотались и легко уступают врагу. Остановить их цепи и повернуть на противника не удалось даже под угрозой револьвера. Отступили в село Лопатинское.

В управлении боевыми действиями полный беспорядок. Генерал Круглевский отозван за расстрел священника; на его место прислан генерал Беляев — инспектор артиллерии армии. Он артиллерист старой выучки, занимал административные посты, управлять дивизией в бою не умеет. Не зная, что ему делать, он всех спрашивает: «Как повашему?» И продолжается это уже несколько дней. Генерал Косьмин, командовавший Уральской группой, честолюбивый и ревниво относившийся к успехам других, был весьма недоброжелателен к генералу Молчанову, как к начальнику с установившейся боевой репутацией. Вместо того чтобы для объединения действий Ижевской и 11-й Уральской дивизий подчинить генерала Беляева генералу Молчанову, он сделал наоборот, и неопытный генерал Беляев вносил много путаницы своими распоряжениями. Когда генералу Молчанову приходилось встречаться с генералом Беляевым, он по-дружески объяснял ему обстановку, что лучше всего предпринять и т. д. Генерал Беляев выслушивал, соглашался, но, как только генерал Молчанов уезжал, его помощники давали ему другие советы, и генерал Беляев совершенно терялся в незнакомом ему деле. В результате даже удачные бои приводили к бесплодным результатам и отступлениям. К этому надо добавить еще одну причину, задерживавшую нашу операцию: начались дожди, дороги попортились, появилось много больных.

19 сентября утром красные очистили Худяково, и туда сейчас же вошли наши разведчики. Они выяснили, что противник занял удоб-

ную позицию в  $3\frac{1}{2}$  верстах западнее. Атака этой позиции нашей и 11-й Уральской дивизией была отбита. В лесу нарвалась на засаду и перешла к красным часть 44-го Уральского полка. Для приведения в порядок обе дивизии отошли от Худякова в направлении к Лопатинскому. 4-й Ижевский полк, начавший свое формирование три недели тому назад, уже потерял часть своего набольшого состава и имеет сегодня всего 21 бойца. Но дерется упорно и вместе с оренбургскими казаками отбил атаку на деревню Чистую и помог 2-му полку при атаке на красную позицию, отвлекши на себя внимание их правого фланговой части. 2-я Оренбургская казачья бригада действует в нашем районе, но уже пять дней казаки не знают, кому они подчинены — Партизанской (Степной) группе или Уральской. Бригада должна обойти красных с юга, но не имеет точных указаний.

20 сентября наши разведчики выяснили, что красные деревни Худяково не занимают. Они держатся по-прежнему на своих позициях на  $3\frac{1}{2}$  версты западнее Худякова. Сегодня 7-я Уральская дивизия атакует деревню Калашную, а 11-я Уральская дивизия должна двумя полками зайти в тыл красной позиции. Наша дивизия должна вести наступление от села Лопатинского. В 14 часов Оренбургская казачья бригада сосредоточилась в деревне Чистой. Красные занимают деревню Батырево. Из-за путаницы в управлении оренбуржцы потеряли день. Только вечером от деревни Чистой Оренбургская бригада ударила по красным и гнала их 15 верст. 2-й Ижевский полк должен был продвинуться вперед, но из-за сильного огня противника это ему не удалось.

21 сентября противник, обнаружив наше сосредоточение в обход его сильной позиции, не выдержал и отступил, встретив нас в 12 верстах к западу на новой позиции. За ней в 4 верстах — деревня Хуторская. Казаки при преследовании едва не захватили 8-ю красную батарею. Батарея ускакала, оставив казакам свою походную кухню и пленных. После полудня деревня Хуторская была захвачена. Красные начали поспешное отступление. Недельные бои у деревни Худяково закончились. Двинулись вперед к Тоболу, по временам встречая сопротивление красных арьергардов. Отступление противника было общим перед всем фронтом нашей 3-й армии. 1 и 2 октября части дивизии подошли без боя к реке Тоболу и заняли участок от деревни Колесово до деревни Ялымское; штаб в деревне Глядянке.

Несмотря на значительные пополнения, которые красные периодически получали из тыла, и их по временам очень упорное сопротивление, наши враги получили ряд отдельных поражений и должны были оставить поле сражения. Тяжелые сентябрьские бои привели к

огромным потерям в рядах обоих противников. Эйхе дает сведения о потерях в четырех красных дивизиях (35, 5, 6 и 27-й): убитых 518, раненых и контуженых 4829, пропавших без вести 2627, больных 6729; всего 14 719 человек. Из этих дивизий особенно пострадала 26-я — 5825 человек. 27-я потеряла 4889, 35-я 2375 и 5-я дивизия — 1630 человек. О потерях полков 21-й дивизии, кавалерийских частей и позднее прибывших 54-й дивизии и других формирований сведения не указаны.

Потери ижевцев в этих боях частично сохранились из сведений «перевязочного отряда» дивизии. По этим данным, через отряд в течение сентября прошло раненых ижевцев 274, других частей 117, контуженых 24 и 4, больных 65 и 50; всего 363 ижевца и 171 человек других частей. Вместе с убитыми и ранеными, прошедшими мимо перевязочного отряда дивизии, потери дивизии были около 500 человек, или почти 405 из боевого состава.

Для 3-й армии тяжкие потери — более половины ее состава — явились кровавой раной, от которой она, не получая пополнения, была обречена на печальное будущее. Но, подводя итог этому наступлению, следует признать, что жертвы были не напрасны. Красные должны были прекратить на два месяца или больше переброски своих войск на другие фронты и даже направить резервы из своего тыла (54-ю дивизию и некоторые другие формирования), чтобы не потерпеть нового поражения и отступления к Уралу.

### Отступление к реке Ишиму

По выходе на Тобол наступили сравнительно спокойные дни до 14 октября. Обе стороны отдыхали и готовились к дальнейшим действиям. Красные усиливались, вливая новые пополнения. На нашу долю достался только отдых и никаких свежих пополнений, если не считать немногих возвратившихся после поправки раненых и больных. На отдых мы расположились просторно в деревнях, где сибирские крестьяне живут в большом достатке и хорошо относились к нам. Гостеприимные хозяйки угощали вкусными шанешками и другими изделиями своего искусства. Ижевцы в свободное время от сторожевой службы и приведения в порядок своего оружия и обмундирования занимались ловлей раков, которые водились в большом количестве в многочисленных рукавах реки.

Приезжал командующий армией и вспоминал с генералом Молчановым, как получил от него хорошую трепку. «Никогда мне ни от

кого так не попадало», — шутиливо сказал генерал Сахаров. Воспоминание касалось одного из боев в районе деревни Худяково. Красные держались на удачно выбранной позиции, и выбить их оттуда потребовало бы больших жертв. Генерал Молчанов в таких случаях неоднократно выманивал противника в открытое поле ложным отступлением. Так было и в этот приезд генерала Сахарова. Было отдано приказание произвести в определенном порядке поспешное «беспорядочное» отступление и атаковать неожиданно противника, когда он увлечется преследованием. Все движения должно исполнять точно по личным указаниям начальника дивизии по телефону. По намеченному плану артиллерия поспешно снялась с позиции. За ней последовали одна за другой части пехоты. Генерал Сахаров, встретив отступающую стремительно в тыл артиллерию, остановил ее, связался по телефону с генералом Молчановым и приказал прекратить отступление. Последний, возмущенный тем, что его план нарушается, резко обратился к генералу Сахарову, доложил ему, что все идет так, как ему нужно, и предложил своему начальнику уехать и не вмешиваться в распоряжения или принять командование дивизией и разрешить уехать ему, генералу Молчанову. Генерал Сахаров уехал. Теперь, спустя несколько недель, оба генерала с шутками вспоминали это происшествие.

Иначе сложились отношения у генерала Молчанова с его непосредственным начальником — командующим Уральской группой генералом Косьминым. Генерал Косьмин не мог не заметить, что генерал Беляев, заменивший генерала Круглевского, был не подготовлен для командования дивизией и тем более для объединения действий двумя дивизиями в той сложной и непрерывно меняющейся обстановке, в которой происходили бои. Тем не менее он ничего не предпринимал, чтобы внести порядок в руководство боевыми действиями, и даже ни разу не приезжал познакомиться с ходом дел на месте. Но, подчинив генерала Молчанова генералу Беляеву, он иногда вызывал первого по телефону и отдавал ему приказы помимо генерала Беляева. Однажды он приказал выполнить какую-то задачу и грозно добавил: «Если не выполните — я вас расстреляю». — «Приезжайте для расстрела сюда», — получил в ответ генерал Косьмин. Такие ненормальные отношения между двумя старшими начальниками продолжались до выхода Ижевской дивизии из Уральской группы.

Красные перешли в наступление через Тобол 14 октября. Красные считали силы 3-й белой армии в 28 000 бойцов, а свои — в 35 100 бойцов. За отсутствием белых источников трудно проверить правильность этих цифр, но, по-видимому, силы 3-й армии белых

сильно преувеличены. В начале боев у Челябинска в середине июля в этой армии было 30 000 бойцов. С этого времени большие потери, особенно в сентябре, и незначительное пополнение должны были снизить боевой состав армии примерно до половины, то есть 15 000. Навряд ли будет ошибкой считать, что красные силы 5-й армии к 14 октября имели более чем двойное превосходство, скорее — двухсполовинное.

Необходимо вспомнить здесь, что, кроме численного превосходства, красные войска имели одну сильную сторону, которой не могли иметь и не имели белые армии. Это их «особые части», которые гнали красноармейцев в наступление. Как было указано в списочном составе 2-й бригады 26-й дивизии, на 2500—3000 штыков красных солдат имелся «особый отряд» в 158 чекистов с двумя пулеметами. Кроме того, прослойки коммунистов или комсомольцев были и в мелких единицах до рот и взводов включительно. Таким образом, даже испытанная и известная своей надежностью 26-я красная дивизия нуждалась для успеха в боях в помощи «особых отрядов». Они расстреливали бегущих и дезертиров, а также поддерживали «героические порывы» красных бойцов при наступлении стрельбой в их спины. На равнинной и большей частью открытой местности в районе Тобола эти отряды встречали хорошие условия для своей «почетной» деятельности.

Ижевская дивизия занимала участок на левом фланге Уральской группы — в том пункте, где противник наносил главный удар. Здесь одной из переправ являлся мост около села Ялымского, в котором находился 3-й Ижевский полк, защищавший переправу. Мост не был нами разрушен в предположении возможности дальнейшего наступления. Несмотря на приказы усилить наблюдение за деятельностью противника и следить за всеми его передвижениями, командир 3-го полка капитан Ольховой прозевал наступление красных. 3-й Ижевский полк был выбит из села Ялымского, и красные заняли его большими силами. Они также захватили соседнюю деревню Каменный Лог к востоку от переправы.

Начальник дивизии направил для обратного захвата переправы 1-й и 2-й полки под общей командой капитана Михайлова. Оставив заслон против противника, занимавшего деревню Каменный Лог, капитан Михайлов выбил красных из села Ялымского, захватил переправу и отбросил находившегося там противника за Тобол. На деревню Каменный Лог в это время наступала 2-я Оренбургская казачья бригада, но красные, уже собравшие здесь значительные силы, отправили часть этих сил в тыл 1-го и 2-го полков. К переправе из-за реки

подошли новые части красных, и ижевцам грозило окружение. Было несколько горячих стычек, был тяжело ранен в живот командир 1-го полка капитан Ляпунов. Переправа была оставлена, и ижевцы отошли назад, заняв позицию недалеко от деревни Каменный Лог. В этот же день, правее участка Ижевской дивизии, красные переправились на участке уральцев. Их наступление началось на протяжении всего фронта нашей 3-й армии.

15 октября утром генерал Молчанов приказал вновь захватить и удерживать переправу, но вскоре были получены сведения, что противник распространяется в тылу за нашим правым флангом, и приказ об атаке переправы был отменен. На правом фланге дивизии оставался лишь малочисленный 4-й полк. Вследствие угрозы с севера штаб дивизии перешел вечером из деревни Гледянки на 3 версты восточнее и расположился на ночлег в находившихся здесь землянках.

16 октября в 3 часа ночи штаб был обстрелян. Ушли на 6 верст дальше к востоку. В 8 часов красные в тылу за нашим правым флангом атаковали село Давыдовское. Связь со штабом группы порвалась. Генерал Молчанов со своим штабом направился на юго-запад к району 1-го, 2-го и 3-го полков и, собрав их, повел всю дивизию, кроме 4-го полка, на северо-восток для удара по красным, теснившим уральцев. Шли, охраняясь во все стороны. На короткий ночлег остановились в легнем становище киргизов.

В 2 часа в ночь на 17 октября дивизия двинулась дальше на село Давыдовское, уже захваченное красными. 1-й полк атаковал село на рассвете и отбросил красных к северу. Взяты пленные 231-го полка 26-й дивизии. На колокольне был замечен наблюдатель противника, который отказался слезть вниз. Юнкер 1-го полка взялся захватить его и полез вверх. Завязалась борьба, юнкер одолел, и наблюдатель полетел вниз. Произошло недоразумение с 4-м полком. Он подошел с запада и обстрелял 1-й полк. Через некоторое время ошибка выяснилась.

К красным из деревни Гледянки подошли 186-й и 187-й полки (21-й дивизии), и с их поддержкой 231-й полк перешел в контратаку. От деревни Петракова появились еще 229-й и 230-й полки. Собралась вся их бригада, знакомая по боям в первые дни сентября.

Среди перелесков и на полях со сложенными в копны снопами пшеницы разыгрался упорный бой с наседавшими на нас красными. 2-я Оренбургская казачья бригада, присоединившись к дивизии, два раза посылала сотни в атаку. В первой атаке казаки порубили продвинувшуюся вперед цепь красных. Во второй атаке был убит коман-

дир головной сотни, красные выставили большое количество пулеметов, и атака не удалась.

Свирепо дрались ижевцы, бросаясь в штыковые атаки. Захвачено много пленных. У нас большие потери. Отбросить красных не удалось, они сильно превосходили нас численностью и пытались отрезать от тыловых путей. Дивизия с оренбуржцами направилась на Александровский. Для захвата этого поселка пошли 3-й Ижевский и 42-й Уральский полки. Последний был отрезан от своей дивизии и присоединился к нам. Александровский противником не занимался. Направились дальше на деревню Меньшиково. Впереди — 3-й Ижевский и 42-й Уральский полки. Но тут красные нас опередили, и эта деревня была занята их полками — одним пехотным и одним кавалерийским. Наши соседи, с которыми мы с утра 16 октября потеряли связь, отступали быстрее, и мы оказались в тылу красного фронта.

Необходимо было торопиться, чтобы не оказаться в тесном кольце окружения превосходных сил врага. Вести упорные бои не имело смысла. Командир 3-го полка донес генералу Молчанову, что противник успел у Меньшикова укрепиться, вырыть окопы, у него отличный обстрел, атака головного отряда отбита сильным ружейным и пулеметным огнем.

Генерал Молчанов выехал сам на рекогносцировку вместе с командиром 2-й Оренбургской бригады генералом Пановым<sup>159</sup>. Действительно, красные успели подготовиться к встрече с нами, продолжали рыть окопы, подступы к деревне были совершенно открыты на 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub>—2 версты, и только с севера от деревни в полуверсте находился небольшой лесок. Чтобы взять деревню, надо было потратить время и понести большие потери. У нас в обозе уже было много раненых. Приближался вечер.

Генерал Молчанов решил обойти деревню с севера, где, по сведениям проводника, была полевая дорога на деревни Ново-Байдарскую и Марайскую. Дорога проходила в 2—3 верстах от Меньшикова среди небольших лесных групп, но часть ее была видна от занятой красными деревни. 3-му Ижевскому и 42-му Уральскому полкам приказано оставаться перед деревней Меньшиково и поисками разведчиков привлекать внимание противника. Остальная колонна свернула на полевую дорогу.

Красные зорко следили за нами, и наши разведчики донесли, что эскадроны противника начинают выстраиваться и выслали разъезды в небольшой лесок, что к северу от деревни. Было очевидно, что красная кавалерия собирается преградить нам путь по северной дороге. Надо было не только отбросить конного врага с нашего пути, но по

возможности уничтожить, чтобы он не мог и в дальнейшем мешать движению.

Генерал Молчанов наметил план действий, сообщил генералу Панову и выразил сожаление, что этот план невыполним. Это был своего рода маневр. Генерал Панов не был официально подчинен генералу Молчанову, а характер имел упрямый, любил спорить и настаивать на том, чтобы все делалось так, как хочет он. Чтобы не терять много времени на уговоры, нужно было дать почувствовать генералу Панову, что решение зависит от него, что он план одобряет и будет его выполнять. На сомнение о выполнимости плана генерал Панов сразу же возразил: «Почему нельзя это сделать? Конечно, это выполнимо, и я это сделаю».

Немедленно были отданы распоряжения. Движение полков было приостановлено в лесу. Казаки собрались в лесу, не выходя на восточную опушку. Перед ними обширное поле. По полевой дороге потянулись обозы, выходя на открытое место. Первым двигался обоз штаба дивизии, и на передней повозке сидела жена начальника дивизии Наталия Константиновна Молчанова, показывая пример самообладания другим женам офицеров и солдат. Обозники были предупреждены, что на них предполагается нападение неприятельской кавалерии, которую казаки атакуют и отбросят прежде, чем они доскачат до обоза. Когда обоз вытянулся на поляну, красные действительно соблазнились легкой добычей и двинулись в атаку. Послышались громкие выкрики команд, засверкали шашки, раздался торжествующий крик «Ура!», и красная кавалерия бросилась на обозную колонну. Несмотря на предупреждение, некоторые обозники и крестьянские подводчики не выдержали грозного зрелища несущейся на них кавалерии и бросились бежать. Большая часть колонны продолжала движение, и можно представить себе, как чувствовали себя сидевшие на повозках обозники и семьи бойцов.

Но не успели красные доскакать до обоза, как на них обрушились казаки. Отчаянная схватка продолжалась недолго. От неожиданности всадники противника смешались и бросились назад и в разные стороны. В то время как часть казаков рубила опешившего врага, другие бросились отрезать им путь отступления на Меньшиково. 65-й кавалерийский полк противника погиб на три четверти. Казаки понесли незначительные потери. Это было лихое кавалерийское дело. На поляне осталось много убитых красных всадников, были взяты пленные, лошади, оружие. 37-й красный полк (5-й дивизии) не вышел на помощь своей коннице и не пробовал беспокоить нас на марше. Захватив за этот долгий и тяжелый день более 200 пленных, мы спокойно продолжали путь по полевым дорогам, которые указывал про-

водник. Вечером умер тяжело раненный три дня тому назад командир 2-го Ижевского полка капитан Ляпунов.

18 октября в 4 часа утра дошли до деревень Ново-Байдарская и Марайская, где и расположились отдыхать. Провели спокойно весь день. Перед вечером начали выступление дальше. В 16 часов появились красные, и мы под их огнем отходили к деревне Васильевке. Они не преследовали. В Васильевке связались с другими частями Уральской группы, о которых не имели сведений с утра 16 октября, и таким образом вышли на фронт всей армии.

19 октября утром к нам на подкрепление подошли части Сибирского казачьего корпуса. 2-й Ижевский полк вместе с 4-й Сибирской казачьей дивизией атаковали деревню Жилино. Красные были выбиты и отступили. Казаки действовали слабо и значительной помощи не оказали. Они сами сознавались в своей неподготовленности. 2-й полк понес значительные потери — 6 офицеров и 95 солдат. Казаки на вопрос о потерях отмалчивались.

20 октября в 9 часов утра 2-й Ижевский полк с 3-й Сибирской казачьей дивизией были направлены для обратного захвата деревни Марайской. Ввиду отхода на восток Степной группы, находившейся к югу от нас, наступление на Марайскую было вскоре отменено. 11-й Сибирский казачий полк был срочно послан занять деревню Батырево, захват которой противников угрожал нам с тыла. 3-й Ижевский полк и 4-я Сибирская казачья дивизия оттягиваются от выдвинутого положения в деревню Жилино. Около 11 часов отошли от деревни Васильевки на деревню Казенную. Вечером противник перешел в наступление, но не атаковал нас, а залег перед деревней Казенной.

21 октября рано на рассвете красные атаковали нас в деревне Казенной. Наши части отошли на 4 версты и здесь остановили наступление противника. Оставив арьергард, дивизия перешла на хутор Смоленский. Деревня Батырева, а потом и деревня Чистая были оставлены нашими соседями справа. Слева Степная группа продолжала откатываться, и дивизия вновь попадала под угрозу окружения. Охраняясь с севера и с юга, двинулись в столь знакомое село Лопатинское. Подходя к нему, еще не знали, кто его занимает. Выпал снег. Тяжелые недельные бои, отсутствие резервов и пополнений и большие потери вынудили армию к прекращению бесцельных операций и отходу за реку Ишим.

Ижевской дивизии было приказано усиленными переходами двинуться к городу Петропавловску, переправиться на восточный берег реки и, опустившись к югу, занять для обороны участок реки в районе станицы Бишкуль.



## Воткинцы в боях на Тоболе

Мало сохранилось сведений о действиях воткинцев на Урале и на реке Тоболе. После перехода через Уральские горы Воткинская дивизия была перебросена на правый фланг 2-й Сибирской армии, где вошла в состав Тобольской группы генерала Редько<sup>160</sup>. В этой группе также состояли: 7-я Сибирская дивизия<sup>161</sup>, 1-й Сибирский казачий полк, отряд полковника Франка и Иртышская флотилия из пяти пароходов. На участке 1-й Сибирской армии во время наступления в сентябре только группа генерала Редько имела большие успехи и отбросила красных за Тобол.

Воткинцам пришлось встретиться с сильным врагом — 51-й красной дивизией под командой Блюхера, позднее прославленного красного маршала. Воткинцы нанесли Блюхеру сильное поражение и едва не захватили его самого. Он спасся от плена, убежав в лес. О захвате воткинцами города Тобольска есть записка казначея 59-го полка Воткинской дивизии военного чиновника Залкана. Когда началось наступление, начальник дивизии полковник Юрьев отправил по реке Иртышу отряд на четырех пароходах с большим количеством пулеметов и с несколькими орудиями. Задача — высадиться в тылу врага. Отряд успешно выполнил задачу и атаковал встреченного противника. У красных поднялась паника. Часть их сдалась, другие разбежались по лесам, и их оттуда вылавливали. Этим смелым маневром группе был обеспечен выход на реку Тобол и захват города Тобольска. Берег реки к югу от города был очищен от противника до устья реки Тавды. Подробностей этой операции указанный автор не сообщает.

От него же узнаем, что во время отступления от Тобола, когда дивизия была недалеко от Усть-Ишима, красные захватили обозы 57-го и 58-го полков. Полковник Юрьев, находившийся со штабом на пароходе, немедленно собрал небольшой отряд и отправился на выручку обоза. Выяснив расположение красных, он обошел их лесом и неожиданно атаковал. Обоз был отбит с ничтожными потерями и вернулся к своим полкам. Полковник Юрьев был вскоре отставлен от командования дивизией и назначен помощником начальника дивизии Морских стрелков. При отступлении на восток, на станции Кемчуг (85 верст к западу от Красноярска) часть Морских стрелков перешла к красным и, видимо, тогда же погиб полковник Юрьев. Как причина отстранения полковника Юрьева, после блестящих действий, от командования Воткинской дивизией, так и неизвестность его дальнейшей судьбы вызывают до сих пор недоумение воткинцев, любивших своего командира.

Приводимый ниже боевой эпизод сообщен старшим фейерверкером 2-й батареи Воткинского артиллерийского дивизиона К.М. Зайцевым. Точного времени участник боя не помнит, но можно предположить, что это относится ко времени форсирования красными Тобола в середине октября.

Красные, заняв большое село Карачино, четыре дня не могли сбить воткинцев с их позиции и продвинуться дальше. Позиция воткинцев упиралась в большое озеро, также имевшее название Карачино. Прикрываясь озером от нападения с фронта, батареи воткинцев заняли позиции на фланге дивизии и продольным огнем били по наступавшему противнику. В тылу расположения воткинцев находился лес. Из этого леса можно было атаковать артиллерию и избавиться от ее губительного огня. Это красные и решили сделать. Скрытно, пробираясь оврагами, красная кавалерия, силой около одного полка, проникла в лес, не обнаруженная воткинцами, и бросилась в атаку на батареи. Ближайшей оказалась 2-я батарея, но, заметив атакующую конницу противника, батарея успела взять пушки на передки и помчалась под защиту своей пехоты. Увидев 2-ю батарею и преследующих ее красных всадников, командир полубатареи поручик С. повернул свои две пушки на противника и стрельбой на картечь обратил его в бегство. Оставив на поле несколько десятков убитых и раненых, красная кавалерия бросилась в лес и оттуда скрылась, не предпринимая новых атак.

К.М. Зайцев дал также краткие сведения о создании Воткинского артиллерийского дивизиона. При поспешном бегстве с завода в день восстания рабочих 17 августа 1918 года против советской власти большевики сбросили две трехдюймовых пушки в Каму. Эти пушки были вытащены из воды, вычищены, оказались в полной исправности и послужили к зарождению воткинской артиллерии. Была создана 1-я батарея, командиром которой был Трепицын. Помощником его был назначен упомянутый выше поручик С., который в мировую войну был наводчиком в артиллерии и вступил в ряды восставших рабочих с первого дня восстания. 2-я батарея была сформирована поручиком Алмазовым, который прибыл с двумя пушками из Ижевска. Его помощником был поручик Верцинский, позднее принявший батарею от Алмазова и прокомандовавший ею до конца Забайкальского периода. Первым командиром дивизиона был капитан Курбановский. Он был убит в бою у пристани Гальяны. В командование дивизионом вступил поручик Алмазов. 3-я батарея была сформирована позднее. Командовал ею Михаил Радыгин. В боях при защите своего завода воткинцы захватили новые трофеи, и все батареи имели по четыре орудия.

Свою артиллерию воткинцы сохранили в течение всего Сибирского похода и пришли с нею в Забайкалье. За это состав дивизиона был награжден георгиевскими петлицами.

### На реке Ишиме

Выступив 22 октября из района Лопатинского, Ижевская дивизия переправилась через реку у города Петропавловска и 26-го или 27-го заняла указанный ей для обороны участок к югу от города. Река Ишим протекает по сильно болотистой долине и во многих местах разветвляется на несколько рукавов. Это облегчало оборону реки защитой только тех пунктов, где были возможны переправы, и наблюдением за промежутками.

На участке дивизии наиболее вероятным местом переправы противника было там, где дорога от станции Вишкуль на поселок Архангельский подходила к реке и имелся мост. Дорога была насыпана на болоте, и через имевшуюся здесь протоку был второй мост. При подходе к главному руслу реки севернее дороги находился небольшой холм. Мост через главное русло реки был разрушен наполовину.

Оборона этого направления была поручена 1-му полку. Стрелковая позиция находилась у самой реки. «Хоть рыбу лови удочкой», — вспоминает один из участников этих событий. У холма были установлены приданные полку две пушки. Тут же размещался штаб полка, резерв и конная разведка. Окопов не рыли — не было лопат, и на болоте много не накопал. Лежали стрелки, где было посуше, среди кустов и камышей.

Заняв поселок Архангельский, красные несколько раз пробовали переправиться через реку, но все эти попытки были отбиты. В конце концов, отказавшись от возможности захватить переправу, красные заняли позиции на своем берегу, также у самой реки, и открывали огонь при всяком движении у ижевцев. Наступили заморозки, и лежать среди болот было холодно. Когда ижевцы, чтобы согреть ноги, поднимали их и хлопали одну о другую, противник открывал пулеметный огонь. Среди раненых было больше с ранениями в ноги.

Смена приходила в темноте. Стрелки пробирались поодиночке, чтобы не вызывать огонь и не нести потерь. На позиции находился один батальон, а два оставались в резерве у холма. Успех обороны этого пункта был полностью обеспечен. В 10—15 верстах к югу от

1-го полка у дороги, подходившей к реке, где, по-видимому, была переправа вброд во время мелководья, стоял 3-й полк. Здесь появлялись мелкие партии противника для разведки, но отгонялись нашими заставами. Таким образом, за оборону участка реки, назначенного для дивизии, можно было быть спокойным.

Дня через три или четыре после прихода Ижевской дивизии на реку Ишим начались ожесточенные бои за город Петропавловск. Здесь дралась, защищая город, Волжская группа генерала Каппеля. Станица Бишкуль находится в 8 верстах от Петропавловска к югу, и сюда доносилась почти непрерывная пушечная пальба. К сожалению, у автора очерка не сохранилось записей этого периода, и невозможно установить число, когда был сдан Петропавловск. Красные сведения противоречивы. По словам Тухачевского («Борьба за Урал и Сибирь», стр. 86): «29 октября утром, после упорного боя, 35-я дивизия, форсировав Ишим, овладела городом Петропавловском. Противник несколько раз переходил в контратаку, но подошедшими силами 27-й дивизии положение 35-й дивизии было закреплено и противник оттеснен». Из этих слов Тухачевского можно понять, что бой продолжался один день 29 октября. Но в том же сборнике (стр. 252) другой большевистский автор И. С. (член рев. совета 5-й красной армии) пишет, что «утром 30-го к белым подошли крупные подкрепления и два бронепоезда. Они перешли в контратаку. Весь день шел бой на улицах города. Он продолжался и 31-го, и лишь 1-го ноября противник окончательно отступил». А комдив 27-й красной дивизии Путня в этом же сборнике (стр. 15) указывает, что Петропавловск был занят 2 ноября. Белые источники также указывают разные сроки оставления Петропавловска, от 31 октября до 2 ноября.

С началом боев у Петропавловска всем частям дивизии было приказано усиленно охраняться и по тревоге быть готовыми к бою, артиллерии к занятию позиций, обозам иметь лошадей запряженными в повозки. 2-й полк под командой своего нового командира капитана Володкевича, кадрового офицера, выставил охранение к северу, вел разведку на Петропавловск и должен был не допускать противника в северную часть станицы. Тем не менее красные, вскоре после захвата Петропавловска, появились у станицы Бишкуль довольно неожиданно. Дело было под вечер.

Командир 1-го полка капитан Михайлов вспоминает такие подробности. Он сидел у телефона и слышал разговор капитана Володкевича с начальником дивизии: «Ваше Превосходительство! Мимо заставы № 1 проследовало 20 подвод красных». На это генерал Молчанов ответил: «Что вы панику разводите, здесь достаточно сил, чтобы

отразить 120 подвод». Но капитан Володкевич, человек нервный, действительно разводил панику. Прежде всего, непонятно, почему его застава пропустила передовой отряд противника мимо, а не задержала его огнем. Но еще преступнее было со стороны капитана Володкевича, что вместо того, чтобы встретить противника всем полком, он отошел с ним на дорогу, ведущую к деревне Плоской (на восток). Он открыл путь врагу на Бишкуль и оставил без защиты находившиеся там артиллерию, обозы и штаб дивизии.

Красные нагрянули значительными силами, крича «Ура!», и открыли сильную стрельбу вдоль улицы. Среди части артиллерии и обозов поднялась паника. Дорога на восток, отходившая от северной окраины станицы, была отрезана. Все бросились на юг. Противник быстро распространился по станице. Когда выстрелы стали раздаваться близко от штаба дивизии, пришлось спасаться и штабу. Последнее распоряжение генерала Молчанова по телефону было, по словам капитана Михайлова, 1-му полку: «С позиции не уходите, мы переходим в контратаку».

Генерал Молчанов со своими офицерами и ординарцами свернул в ближайший переулок и этим избежал опасности попасть под град пуль, несшийся вдоль главной улицы. На южной окраине станицы он стал собирать всех строевых. Здесь он узнал, что часть наших пушек попала к красным, в том числе все пушки 3-й легкой батареи, только недавно сформированной и присоединившейся к дивизии в этом роковом для нас пункте. Командовал батареей старый офицер капитан Миронов, который небрежно отнесся к распоряжению иметь лошадей в запряжках и быть в готовности на случай тревоги. Кроме того, попали к красным две пушки 2-й батареи.

Торопясь спасти захваченные орудия, генерал Молчанов не стал ждать, когда подберется достаточное число бойцов или будет возможность подтянуть к себе 3-й полк, который находился на берегу реки южнее Бишкуля. Собрав наскоро всего 14 человек с одним пулеметом «Шоша», он бросился на красных. Крича во всю глотку «Ура!» и паля из пулемета, кучка смельчаков заставила красных, уже располагавшихся по квартирам, отскочить назад. Нападавшие разбивали окна прикладами и бросали в избы, полные красноармейцев, ручные гранаты. У красных поднялась паника. Не видя никаких цепей или значительных групп противника, они не понимали, кто стреляет.

Генерал Молчанов дошел до пушек, но вывести их не мог. Красные начали собираться и нацупывать врага. Генерал Молчанов, увлекшийся спасением пушек, опасности не замечал. К нему подошел стар-

ший ординарец Алексеев и тихонько сказал: «Ваше превосходительство, кругом собираются красные, спрашивают, какого полка». Из 14 человек уже были убиты или ранены шестеро, осталось восемь бойцов. Генерал Молчанов приказал не спеша двинуться вдоль домов. Зашли в ближайший переулок и выбрались в поле. Паническое поведение капитана Володкевича привело дивизию к поражению и потерям, коих она не имела за все время своего существования. Капитан Володкевич был отстранен от командования полком и больше не назначался на командные должности. В дальнейшем он был ограничен обязанностями по хозяйственной части.

На удар красных ответил 1-й Ижевский полк. Смелыми и удачными действиями он отплатил врагу за поражение и вернул захваченные у нас трофеи. Когда противник ворвался в станицу и телефонная связь со штабом дивизии была прервана, телефонисты 1-го полка спрятались в кусты около дороги, ведущей из Бишкуля к реке. Установив телефон, они сообщали командиру полка все, что происходило в селении, и просили говорить потише. Кругом бродили красноармейцы, которые могли их обнаружить. Сообщили молодцы-телефонисты и о начавшейся контратаке генерала Молчанова, о переполохе у красных и обо всем, что происходило дальше.

Когда контратака не удалась и все стихло, победители разместились на ночлег. О присутствии в их тылу противника красные не подозревали и в сторону реки охранения не выставили. Пришла очередь действовать 1-му полку. Командир полка не торопился с атакой и дал красным возможность успокоиться и уснуть. Тем временем он приказал полку бесшумно сняться с позиции и вытянуться по дороге на Бишкуль. Колеса орудий были обернуты соломой. В полной тишине, не вызывая подозрений у частей противника, стоявших на противоположном берегу реки, полк двинулся на Бишкуль. Пройдя мост через протоку, шедшая впереди конная разведка бросилась вперед. За ней — остальной полк. С громким «Ура!» ворвались в Бишкуль. Красные выскакивали из домов и в полном беспорядке, не оказывая сопротивления, удирали к Петропавловску. 1-й полк их преследовал, и они понесли большие потери.

От красных были отобраны два орудия 2-й батареи, захваченные ими около двух десятков обозных повозок с разным грузом и освобождено около 100 человек, попавших в плен. На крыльце дома, где был штаб дивизии, был обнаружен значок штаба, не замеченный красными. Пушки 3-й легкой батареи были, видимо, отправлены красными в Петропавловск вскоре после захвата. Капитан Михайлов сообщает, что в Бишкуле находился дивизион артиллерии одной из

сибирских казачьих дивизий, все пушки которого, в количестве десяти, были захвачены противником, но отобраны 1-м полком. Также он отмечает, что красноармейцы, стоявшие у пушек часовыми, остались на месте и были взяты в плен. Сопротивления они никакого не оказали.

После захвата станции Бишкуль 1-й полк со всеми отобранными орудиями и повозками перешел на отдых на мыловаренный завод, находившийся в 2 верстах от станицы. Здесь было удобнее обороняться в случае новой атаки красных. Но они больше не появились, и разведка доносила, что Бишкуль оставался свободным от противника до выступления полка в деревню Плоскую — на 25 верст к востоку. В этом пункте собрались 1-й, 2-й и 4-й полки дивизии. Генерал Молчанов с 3-м полком и частью артиллерии и обозов, проскочивших из Бишкуля в деревушку в 4—5 верстах южнее и приведенных в порядок, двинулись утром следующего дня на восток степными дорогами.

Путь южной колонны дивизии шел по местности большей частью открытой. По временам встречались кусты и небольшие группы деревьев. Это был район кочевий киргизов. Попадались их становища, где они располагались на зиму, устанавливая свои юрты и устраивая загородки для скота. Иногда приходилось останавливаться для отдыха у киргизов и отогреться в их теплых и вместительных юртах. Чаще отдыхали в степи у костров.

В первый переход от реки Ишима на восток, поздно вечером, дозоры донесли, что замечена какая-то колонна. Движение было приостановлено, стали наблюдать за появившейся колонной. В наступившей темноте было трудно разобрать, кого встретили — своих или красных. По разным признакам выяснили, что это был полк противника силой 500—600 штыков. Красные стали устраиваться на ночлег, расположившись среди кустов. Запылали костры. В нашей колонне, включая всех строевых, было не больше 150 бойцов.

Окружив красных полукольцом 3-го полка и остальных чинов, генерал Молчанов приказал атаковать красных. Предварительно он распорядился как можно громче кричать «Ура!». Ослепленные светом своих костров и не видя ничего в окружающей темноте, красные не могли заметить нашей малочисленности. В большом беспорядке они бежали, оставив на месте убитых, раненых, пленных и часть своего обоза.

Через 2 или 3 дня дивизия собралась вместе и дальнейшее движение продолжала одной колонной. Красные также начали применять в эти дни ночные нападения. Пострадали некоторые полки уральцев. В одну из ночей к дивизии присоединились небольшие остатки одно-

го из уральских полков, прорвавшиеся из кольца красных. На следующую ночь прибежал только один командир полка, кажется 43-го, сумевший вырваться из плена.

Подобное окружение красные приготовили и для ижевцев. Это было, когда мы уже прошли кочевья киргизов и остановились в большой деревне. Наше охранение обнаружило противника своевременно и отбило его передовые части. Красные начали окружать деревню с обоих флангов. Их силы были значительно больше наших, им было легко полностью окружить нас. Отбиваться в деревне было невыгодно, можно было потерять много лошадей и не вывести всю артиллерию и обозы. Надо было отступать. Сделали это своевременно, хотя и пришлось на протяжении нескольких верст отбиваться с трех сторон — настойчивый противник не хотел выпустить дивизию из своих лап.

### На реке Иртыше

Приближаемся к Иртышу, сдерживая противника арьергардными боями. Положение не утешительное. Иртыш не замерз. На нем ледоход и мостов нет, кроме одного — железнодорожного, приспособленного к движению людей и повозок. Переправить массу войск с их артиллерией и обозами немыслимо. При армиях Восточного фронта, несмотря на обилие больших рек, не было ни одного понтонного батальона.

С другой стороны, если хватит мороз и река покроется льдом, Иртыш перестанет быть надежной преградой. Тогда, при отсутствии свежих подкреплений, усталости боевых частей и падении духа, нам не удержать Омска и линии по берегу реки Иртыша. На случай, если река не замерзнет, предполагается части 3-й армии направить на юг. Для Ижевской дивизии переправа назначена в 60 верстах к югу от Омска.

Генерал Молчанов выслал вперед Ижевский инженерный дивизион строить переправу, как только Иртыш замерзнет. Командир дивизиона поручик Санков энергично начал укреплять тонкий лед, когда начавшийся мороз сковал реку. Саперы набрасывали на лед слой за слоем солому и ветки, поливая их водой. Путь по льду становился все крепче и крепче, но еще не было уверенности, что пройдут пушки и тяжелые повозки. Накануне переправы дивизии два запряженных в сани быка свернули с дороги, провалились под лед и утонули.

На другой день, 14 ноября, предстояло переправиться полкам и перетаскивать орудия. Покрепчавший мороз дал надежду перейти благополучно. За ночь саперы еще больше укрепили переправу. Днем начали переправлять легкие обозные сани и продолжали укреплять лед. К вечеру дивизия начала переход. Пушки тянули со всеми предосторожностями, таща их веревками. Переправа кончилась благополучно. Арьергарды задерживали наседавших красных, но следует заметить, что противник не сделал попытки общим энергичным натиском сбросить нас в реку. Возможно, что красные не ожидали, что Иртыш замерзнет достаточно крепко, что мы успеем сделать переправу, и не подтянули вовремя свои резервы. Когда стемнело, от нас было видно в направлении к Омску зарево пожаров и доносились глухие раскаты взрывов.

Перед рассветом следующего дня наше охранение отошло с того берега. Когда рассвело, наша батарея разбила переправу снарядами. Распространившиеся сведения о сдаче Омска вызвали тревожное настроение. Появились разные темные слухи. Все насторожились. Что могло случиться, что Омск попал в руки красных так неожиданно? Позднее и постепенно выяснились многочисленные причины потери столицы Белой Сибири. Среди них указывалось на разложение в частях 1-й Сибирской армии, что вынудило главнокомандующего генерала Дитерихса отправить всю армию в тыл на отдых и пополнение. В начале ноября части 1-й армии были в движении в районе Новониколаевск—Томск.

Правый фланг фронта был ослаблен. Остались в первой линии 2-я и 3-я армии, имея теперь на крайнем правом фланге «Северную группу» 2-й армии под командой генерала Гривина. Эта группа отходила, не оказывая красным сопротивления. Дальнейшее поведение генерала Гривина указывало, что он стремился бросить фронт и самочинно уйти в тыл. После перехода через Иртыш генерал Гривин, не исполняя приказ командующего 2-й армией генерала Войцеховского, отдал своей группе распоряжение двинуться на станцию Барабинск (около 300 верст к востоку от Омска), захватить эшелон — если надо, силой — и отправиться в Иркутск. За неисполнение приказа генерал Гривин был застрелен генералом Войцеховским. Последующие события доказали, что состав Иркутской дивизии был более предан делу борьбы с большевиками, чем организатор и начальник этой дивизии, и честно нес свою службу родной стране. Иркутская дивизия дошла до Забайкалья, и остатки ее продолжали сражаться в Приморье в 1921—1922 годах.

Воспользовавшись отсутствием сопротивления на правом фланге противника, красные ворвались в Омск с севера и заняли его без боя. В неожиданно быстром падении Омска и начавшемся еще ранее беспорядке в эвакуации немалую роль сыграла смена главнокомандующих — всего лишь за несколько дней до этого трагического события. Генерал Дитерихс не предполагал оборонять Омск и задерживаться на реке Иртыше, а заменивший его генерал Сахаров уже не имел возможности вернуть на фронт 1-ю армию и не успел принять меры для подготовки обороны.

Захват Омска доставил красным крупнейшую победу без больших усилий и принес им значительные трофеи. Они захватили главную тыловую базу белого фронта — «с огромными запасами имущества разного рода и свыше 10 тысяч человек (Какурин, т. 2, стр. 358). Всех подробностей сдачи Омска в боевых частях не знали, но потеря «столицы» взволновала всех.

17 ноября в штабе Ижевской дивизии в селе Великоорусском собрались командиры и старшие офицеры. Начальника дивизии генерала Молчанова не было — он уехал в штаб армии. Собравшиеся совещались о том, что делать дальше, если правительство падет и армия разложится. Доносились слухи, что в некоторых частях идет брожение, расходятся по домам, сдаются красным... Раньше это были редкие и одиночные случаи. Теперь эти тревожные признаки распада армии значительно увеличились.

В нашей дивизии было все спокойно. Да и трудно было ожидать подобных явлений при той ненависти, которую ижевцы поголовно питали к красным поработителям. Но что делается у других! Выяснилось, что предстоящие события озабочивают и многих наших соседей. К ним готовятся также волжане, Уфимская группа и оренбургские казаки. Вчера от 4-го Оренбургского казачьего полка и от генерала Мамаева получены заявления, что они желают идти вместе с нами. Полковник Якубовский сообщил, что генерал Пучков также что-то подготавливает. Он только неправильно осведомлен, что Пучков прислан от Деникина. Он все время был на Восточном фронте. Поручик Попков сообщил сведения из «сфер» — был недавно в высших штабах. По этим сведениям, существуют четыре монархические организации, из них одна — большевистско-монархическая, состоящая из дворян и крестьян. Далее, что власть собирается захватить атаман Семенов и стать Верховным Правителем; к нему присоединились Хорват, Гайда, ставший монархистом, и Керенский, находящийся во Владивостоке, и многое другое... Чепуха невероятная. Но все эти слухи говорят о непрочности правительства или нарочно распространя-

ются, чтобы разложить и то, что держится. Разошлись, согласившись крепко держаться друг друга, поддерживать порядок, дисциплину и доверие к своим начальникам. На ближайшие дни, может быть недели, предвидится только отступление.

Д. Михайлов<sup>162</sup>

### КАК ВОЕВАЛИ ИЖЕВЦЫ, ПОКИНУВ ЗАВОДЫ<sup>163</sup>

13 марта 1919 года в боях под Уфой 1-й Ижевский полк получил задание — наступать из деревни Камышонки на деревню Подымалово, что находилась в 12 верстах от Уфы. Деревня была занята красными; 2-му Ижевскому полку вместе с 25-м полком Уральской дивизии было приказано наступать на Красный Яр, что в 18 верстах от Уфы. 1-му полку была придана четырехорудийная батарея и один эскадрон конного дивизиона бригады.

Полк выступил из Камышонки и, дойдя до открытого места, с которого можно было вести наступление, принял боевой порядок. 1-й батальон был оставлен в резерве, 3-й батальон выслан влево с заданием перекрыть дорогу, ведущую из Подымалова на Уфу, и 2-му батальону было приказано наступать в лоб. До противника оставалось немного больше одного километра. 2-й батальон, рассыпавшись в цепь, повел наступление. Со стороны противника велся пулеметный и ружейный огонь.

В момент начала боя прискакал конный связист из Камышонки и доложил командиру полка: «Камышонку занял коммунистический отряд. В обозе паника. Артиллеристы сбросили ящики со снарядами в снег, чтобы их не увезли красные, а сами разбежались». Командир полка моментально принял решение — как можно скорее занять Подымалово — и сказал связному конному: «Доложи, что через 10 минут Подымалово будет взято». Но связист это исполнить уже не мог, так как был занят противником и связи с бригадой не было.

1-й батальон, получив приказание наступать на Камышонку (свой тыл), сейчас же двинулся в направлении обратном движению полка. Батарее командир полка приказал стать на открытую позицию, в цепь 2-го батальона, и открыть беглый огонь. Расстояние до противника — 1 километр.

Взяв конную разведку в 50 человек и эскадрон в 100 шашек, рассыпав всех в лагу, командир полка сам повел конную атаку на око-

пы противника. Пехоту удержать было невозможно, с криком «Ура!» бойцы бежали, стараясь не отстать от своей кавалерии. Воля противника подавлена, он, бросив окопы, бежит по дороге на Уфу. Командир полка их уже настигает, но свои же снаряды с точностью ложатся на дорогу, приходится остановиться — по обе стороны дороги глубокий снег. Артиллерия, увидев это, прекращает огонь и мчит в деревню Подымалово. Преследование противника продолжается, он группами бежит обратно с поднятыми руками и сдается в плен. Однако еще не все сдались, и преследование продолжается. Проскакали таким образом 5 километров, и вся масса пехоты сдалась. Вот построены они в колонне по четыре с винтовками в руках. Еще не успели их разоружить. Единственная 6-я рота оставалась при пленных, остальные выступили по разным дорогам и отражают противника, идущего на поддержку своим. Рота расплылась по колонне пленных. Командир полка приказал ротному командиру немедленно собрать и построить роту и, обращаясь к этой роте, говорит: «Пленных приказываю не только не трогать, но и пальцами не прикасаться». На красных это произвело сильное впечатление. Красноармейцы бросают фуражки вверх и кричат: «Командиру полка ура, ура!» Происходит разоружение. Подсчет пленных дает цифру 1280 человек, в этом числе комиссаров два, командиров батальона три. Это был 229-й Новгородский полк красных. Остатки полка со своим командиром ускакали в Уфу, где и развели панику.

Разбив красных в Подымалове, командир полка послал две роты 3-го батальона с командиром батальона прапорщиком Ложкиным на Камышонку, в помощь 1-му батальону, и участь коммунистов была решена — они бежали на Уфу. Были взяты трофеи — весь полковой обоз, почему-то оказавшийся на фронте (очевидно, сильно надеялись на победу), 16 пулеметов, большое телефонное имущество и много лошадей. Потери в 1-м полку минимальные: был ранен в коленную чашечку начальник конной разведки прапорщик Столов. Из Уфы красные ушли без боя.

На другой день утром 1-й полк прибыл в Уфу. Прибывали и другие части 3-го корпуса, а также и штаб корпуса. Во всем городе было праздничное настроение. Население ликовало. Военачальники были приглашены в штаб корпуса, где широко праздновалась победа.

Командиром бригады были представлены к награждению орденом Святого Георгия — командир 1-го полка поручик Михайлов, командир 2-го полка подпоручик Ляпунов и начальник конной разведки прапорщик Столов. Георгиевская дума удостоила награждением орденом Святого Георгия 4-й степени только прапорщика Столова.



И. Акулинин<sup>164</sup>ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В БОРЬБЕ  
С БОЛЬШЕВИКАМИ<sup>165</sup>

По освобождении Оренбурга от советской власти и по очищении войсковой территории от большевистских банд Оренбургское войско не сложило оружия: оно продолжало борьбу за воссоздание России.

Но справедливость требует сказать, что после изгнания большевиков с казачьей земли энтузиазм среди казаков сразу упал; появилось желание разойтись по домам, тем более что наступило время сенокоса и уборки хлебов; многие казаки по близорукости считали большевиков совершенно разгромленными; некоторые смотрели на борьбу вне территории войска как на дело, их не касающееся. Казакам понятен был лозунг борьбы «за родные станицы», когда затрагивались их непосредственные интересы, но драться с большевиками «за мужичьи выгоды» у них не было никакого желания, особенно когда — во время преследования красных за пределами войска — они увидели, что крестьяне соседних областей и губерний не только не восстают против большевиков, но по-прежнему держат их сторону и всячески стараются вредить казакам. Многие сотни рабочих уральских горных заводов, побросав дома и семьи, уходили за большевистскими отрядами, пополняя их ряды. Такие факты обескураживали казаков и еще более укрепляли их в мысли, что они свое дело сделали, большевиков «из родного Войска» выгнали и, следовательно, теперь могут со спокойной совестью расходиться по домам, чтобы заняться своими казачьими делами, и в первую голову приведением в порядок своих разоренных хозяйств.

Что касается дальнейшей борьбы за освобождение России, то от нее казаки отнюдь не отказывались, но считали, что такой грандиозный подвиг им не под силу, что то дело не одних казаков, всего русского народа, в первую очередь крестьян, которые теперь получили от государства «землю и волю». Под давлением таких настроений среди казачьей массы Войсковому правительству пришлось часть казаков, из наиболее старших возрастов, распустить по домам на полевые работы и в то же время разрешить начальникам частей широко применять кратковременные отпуска. Эти меры сильно ослабили полки, а среди оставшихся под ружьем породили недовольство.

Между тем большевики далеко не были сломлены. Главные их силы отошли к Актыбинску. Получив подкрепления из Ташкента, они при-

остановили свой отход и перешли к активной обороне. По обеим сторонам Ташкентской железной дороги в 150 верст к юго-востоку от Оренбурга образовался Актыбинский фронт. Часть большевиков засела в Орске. Часть их отрядов из-под Оренбурга, Верхнеуральска и Троицка укрылись в Башкирии — в пределах Уфимской и Пермской губерний. Из района Челябинска большевики отступили к Екатеринбург и далее за реку Каму.

Большая часть казачьих сил 1-го округа была сосредоточена на Актыбинском фронте и под городом Орском. 2-й округ выслал свои отряды для преследования красных в Башкирии и для блокады Орска. Полки 3-го и 4-го округов были направлены на Уральское и Пермское направления, а частью на Актыбинский фронт. Из Оренбурга один полк был послан в Самару на помощь войскам Комитета членов Учредительного собрания, а другой полк — к уральцам, в благодарность за оказанную ими поддержку.

Таким образом, оренбургское казачество, помимо непосредственной обороны своей территории, приняло самое деятельное участие в борьбе с большевиками и на других фронтах. Поэтому напряжение войска, несмотря на роспуск части казаков по домам, было весьма значительно: под ружьем были оставлены все казаки до 34-летнего возраста включительно и мобилизованы 19-летние из призывного разряда.

С первых же дней по освобождении Оренбурга Войсковое правительство развило кипучую деятельность не только по ведению борьбы с большевиками, но и по направлению административно-хозяйственной и торгово-промышленной жизни обширного Оренбургского края, в состав которого вошли: Область войска Оренбургского, область Тургайская, губерния Оренбургская и уезды Бузулукский (Самарской губернии) и Стерлитамакский (Уфимской губернии). В Оренбурге находился оренбургский губернский комиссар Богданович, поставленный самарским Комитетом членов Учредительного собрания, но функции его были весьма ограничены и за городскую черту почти не выходили.

В оперативном отношении все действующие оренбургские части, кроме находящихся на Екатеринбургском и Уфимском фронтах, были сведены в отдельную Оренбургскую армию, впоследствии переименованную в Юго-Западную. Во главе армии стоял атаман Дутов, награжденный за освобождение Оренбурга чином генерал-майора. На должность начальника штаба армии был привлечен полковник Вагин<sup>166</sup>, молодой офицер Генерального штаба с большими организаторскими способностями.

Вновь был создан Оренбургский военный округ со всеми военными окружными управлениями. Главным начальником округа был назначен помощник войскового атамана, полковник Акулинин, произведенный в чин генерал-майора. Должность начальника штаба округа была соединена с должностью начальника штаба войска в лице заведующего военным отделом полковника Половникова<sup>167</sup>, получившего чин генерал-майора.

Во главе военно-окружных управлений были поставлены лица с большим административным опытом; так, например, начальником военно-окружного управления был приглашен заслуженный профессор Николаевской инженерной академии генерал-лейтенант Ипатович-Горанский<sup>168</sup> (не казак); военно-окружным интендантством — полковник Агапов, много работавший в голодные годы по хлебным заготовкам и снабжению населения Тургайской области; начальником военно-окружного артиллерийского управления — полковник Исаенко<sup>169</sup>, знаток артиллерийского дела и хороший организатор.

Совместительство руководящих должностей, то есть войскового атамана и командующего армией, помощника войскового атамана и главного начальника военного округа, начальника штаба войска и округа было проведено с целью избежать многоначалия, при котором всегда возможны личные недоразумения и ведомственные трения. Кроме того, имелось в виду сосредоточить все руководство делом борьбы с большевиками в руках казаков, как местных людей, хорошо знающих край.

Оренбургские войсковые части, находившиеся в районе Челябинска, Екатеринбург, Перми и Уфы, входили вместе с сибирскими отрядами в состав группы генерала Ханжина (оренбургский казак, был известен в Русской армии как знаток артиллерии), подчиненного сибирскому командованию. В Оренбургском уезде — на основании «устава о воинской повинности» — была объявлена мобилизация неказачьего населения (призывного возраста), из которого штаб армии сформировал стрелковую дивизию нормального типа.

В Оренбург прибыла из района Челябинска и Уфы Башкирская пехотная дивизия (в составе четырех полков без артиллерии и вспомогательных войск), сформированная Башкирским правительством под руководством русских офицеров. Вместе с дивизией перебралось в Оренбург и Башкирское правительство во главе с председателем Валидовым (бывший учитель). Было приступлено к организации киргизских конных частей, для чего штаб армии командировал в степь казачьих офицеров из татар и нагайбаков, как знающих киргизский язык.

У Войскового правительства Оренбургского войска начались оживленные сношения: с Комитетом членов Учредительного собрания, с правительствами Уральского и Сибирского казачьих войск, с Башкирским и Киргизским правительствами, а также с чехословацким командованием и представителями союзных держав: французами, англичанами и японцами.

Помимо всяких других причин, в силу географических, военных и экономических условий Оренбургское войско должно было поддерживать особенно тесные и дружественные сношения с Самарой, Сибирью и чехословаками: оружие, огнеприпасы, обмундирование и деньги можно было получить только из этих трех источников.

В первых числах июля атаман Дутов выехал в Самару и как член Учредительного собрания вошел в состав комитета, установив одновременно связь с чехословацким командованием. Из Самары он поехал в Сибирь для ведения переговоров с Сибирским правительством на предмет дальнейшей борьбы с большевиками. На возвратном пути атаман Дутов остановился в Челябинске и заезжал в Троицк, чтобы ознакомиться с положением дел в северных округах войска.

С Сибирским правительством у атамана Дутова сразу установились сердечные отношения, тогда как с Самарским комитетом, несмотря на ряд соглашений, хороших взаимоотношений наладить не удалось до самого конца существования комитета. Да оно и понятно: в Сибири и Оренбурге преобладали государственные начала; самарские же политики во главу всех своих решений ставили партийную программу социалистов-революционеров.

Чехословацкими и русскими добровольческими отрядами (в числе коих наибольшую известность своими решительными действиями приобрел отряд Генерального штаба полковника Каппеля) были захвачены в Самаре, Симбирске и Казани громадные склады артиллерийского, интендантского, инженерного и санитарного имущества, а также золотой запас, который большевики при отступлении не успели вывезти из казанского хранилища.

Все это перешло в ведение Комитета членов Учредительного собрания, а последний к отпуску всего необходимого оренбургским казакм чинил всевозможные препятствия, и агентам Оренбургского войска приходилось прибегать к разным ухищрениям, чтобы получить хотя бы небольшое количество оружия и патронов, в чем так нуждалась Оренбургская армия.

Самарский комитет смотрел на себя как на верховную власть, которой должны были подчиняться все государственные образования, возникшие на территориях, освобожденных от большевиков. Ни Си-

бирское правительство, ни войсковые правительства казачьих войск такой точки зрения комитета не разделяли. После ряда переговоров решено было для создания общегосударственной власти созвать особое совещание из представителей от всех государственных образованных общественных организаций и политических партий.

Предварительно для обмена мнениями депутаты совещания съезжались в конце августа 1918 года в городе Челябинске, а затем в сентябре месяце открылось и самое Государственное совещание в городе Уфе. Члены совещания сразу разделились на две группы: с одной стороны — представители комитета, инородцев, социалистов-революционеров и меньшевиков; с другой — представители Сибири, казачьих войск, кадетов и народных социалистов. Правда, всех участников совещания объединяла общая идея борьбы с большевиками за Учредительное собрание, но первая группа настаивала на признании Учредительного собрания, разогнанного большевиками; вторая же группа считала состав «Черновского» Учредительного собрания, избранного в ненормальных условиях и состоявшего почти наполовину из большевиков и левых социалистов-революционеров, неправомочным и мыслила борьбу за Учредительное собрание, которое должно будет собраться по свержении советской власти, в новом составе.

Результатом Государственного совещания в Уфе, в виде компромисса, явилась Директория из пяти лиц: Авксентьева, Зензинова, Виноградова, Вологодского и генерала Болдырева; последний был избран как главнокомандующий всеми армиями. Во время Государственного совещания в Челябинске и Уфе там же открылась казачья конференция, членами которой были представители казачьих войск, посланные на совещание. Цель созыва конференции заключалась в установлении единства взглядов казаков на создавшееся в России положение и в оказании взаимной помощи при борьбе с большевиками и разными антигосударственными течениями.

На Государственном совещании казачьи делегации выступили не порознь каждая от своего войска, а совместно — от лица всех казачьих войск, участвовавших на конференции. Поэтому голос казачества при решении всех вопросов имел первенствующее значение. Но на дальнейшее течение событий постановления конференции никакого влияния не имели; каждое войско действовало самостоятельно. На Государственном совещании участвовали представители: Оренбургского, Уральского, Сибирского, Енисейского и Иркутского казачьих войск. Во главе войсковых делегаций стояли: от Оренбургского войска — войсковой атаман Дутов (в Уфе) и помощник войскового атамана генерал Акулинин (в Челябинске); от Уральского войска — председатель Вой-

скового правительства Фомичев<sup>170</sup> и генерал Хорошкин; от Сибирского войска — войсковой атаман Иванов-Ринов и председатель Войскового правительства полковник Березовский<sup>171</sup>.

У Войскового правительства Оренбургского войска еще в 1917 году возникла мысль об образовании Восточного союза из трех казачьих войск: Оренбургского, Уральского и Сибирского с привлечением к нему «вольных народов Башкурдистана и Казахстана», то есть башкир и киргизов. В этот союз в будущем предполагалось включить и Туркестан, а затем соединиться с Юго-Восточным союзом, составленным из Дона, Кубани, Терека и народов Северного Кавказа.

Члены Восточного союза, самостоятельные в своих внутренних делах, должны были в политическом отношении составить одно целое и выступить на борьбу с большевиками единым фронтом. Был разработан проект договора для заключения союза и разослан всем предполагаемым участникам, но провести это начинание в жизнь, по многим причинам, не удалось, и самая идея Восточного союза была похоронена на Государственном совещании в Уфе.

Весной и летом 1918 года на Средней Волге, на Урале и в Сибири силами чехословаков, русских добровольцев и казаков большевики были ликвидированы сравнительно легко и быстро. Для продолжения дальнейшей борьбы и установления порядка в освобожденных областях Сибирское правительство организовало на началах воинской дисциплины молодую Сибирскую армию, призвав под ружье, путем мобилизации, два младших возраста — 19- и 20-летних.

Самарский Комитет членов Учредительного собрания — еще до возникновения Директории — объявил мобилизацию в приволжских губерниях и приступил к формированию Народной армии, порядки в которой сильно напоминали «керенщину». Мобилизация на территории комитета протекала вяло; мобилизованные шли в армию неохотно; комитет решительных мер не принимал. В конце концов, из Народной армии ничего не вышло: часть ее перешла на сторону красных, часть разбежалась, а остатки влились в Сибирскую и Оренбургскую армии, где стали служить на общих основаниях.

Между тем советские верхи не дремали: они собрали все, что могли, и бросили на Восточный фронт. К осени события на этом фронте стали складываться не в пользу белых сил: красные овладели Сызранью, Симбирском, Казанью и, наконец, Самарой. Утвердившись на Волге, они повели наступление на Урал по четырем направлениям: от Казани и Вятки на Пермь, от Симбирска на Уфу, от Самары частью на Уфу, частью на Оренбург и от Саратова на Уральск.

Наступление большевиков на Оренбург, со стороны Самары, вначале сдерживала Волжская дивизия, состоявшая из добровольцев-вожан и отступавшая из района Вольска, Хвалынска и Сызрани. На помощь к ней были переброшены с Актюбинского фронта оренбургские казачьи части и из Оренбурга стрелковая дивизия, сформированная из неказачьего населения Оренбургского уезда. В войске была объявлена мобилизация казаков — сначала до 45-, а потом до 55-летнего возраста.

Таким образом, у Оренбургского войска образовался новый Бузулукский фронт — названный так по имени города Бузулука, — правый фланг которого соприкасался с Уфимской группой (впоследствии Западная армия), а левый примыкал к уральцам. Командующим Бузулукской группой был назначен генерал-лейтенант Шишкин<sup>172</sup> (во время Великой войны генерал-лейтенант Шишкин командовал Оренбургской дивизией). Из 2-го и 3-го округов часть мобилизованных полков были направлены: дивизия на Уфу — в Западную армию и бригада в Екатеринбург — в Сибирскую армию. Актюбинская и Бузулукская группы были усилены мобилизованными казаками из 1-го и отчасти из 2-го округов. Кроме того, было сформировано несколько полков, в виде армейского резерва.

Снабжение оружием вновь мобилизованных частей встречало большие затруднения. Винтовок на всех казаков не хватало, и доставать их приходилось с большим трудом; в патронах ощущался постоянный недостаток; пушки и пулеметы имелись в самом ограниченном количестве.

Падение Самары для Оренбургского войска, помимо образования нового фронта, имело и другие весьма невыгодные последствия. С оставлением Самары терялся источник снабжения Оренбургской армии оружием и огнеприпасами (Сергиевский завод) и прерывалась железнодорожная связь с Сибирью. Из Оренбурга на восток к границам Сибири сплошного рельсового пути не было; между Орской и Троицкой железными дорогами оставался недостроенный участок в 300 верст. Следовательно, доставка из Сибири всего необходимого для Оренбургской армии теперь сильно затруднялась.

Много хлопот доставлял оренбургскому командованию город Орск, находившийся в тылу Оренбурга и отвлекавший значительные силы казаков, которые так нужны были на Бузулукском и Актюбинском фронтах. Большевики, засевшие в Орске, держались прочно благодаря помощи, получаемой ими из Ташкента. Время от времени они делали вылазки и производили опустошительные налеты на окрестные хутора и станицы. Все попытки казаков овладеть Орском кончались неудачами.

В конце сентября атаман Дутов решил во что бы то ни стало покончить с Орском и сам лично отправился руководить операциями под этим городом. Прежде всего в станицах, прилегающих к городу Орску, он собрал все население: от малолетков до глубоких стариков; сформировал из них конные, пешие и «тележные» дружины и повел их на помощь полкам, осаждавшим Орск. Правда, помощь эта была скорее морального свойства, потому что большинство дружинников шло и ехало без оружия — лишь «для устрашения врага», только у некоторых стариков были заржавленные шашки и охотничьи ружья (до этого спрятанные от большевиков в земле) да самодельные пики.

Трое суток продолжались бои на высотах, окружающих Орск с северо-востока и северо-запада. Большевики, пользуясь превосходством в артиллерии и особенно в пулеметах, легко прорывали тонкие казачьи цепи, но всякий раз были вынуждены возвращаться назад под давлением казачьих лав. Видя, как казаки постепенно спускаются с высот и облепают город со всех сторон, красные наконец не выдержали и, боясь быть отрезанными от своей базы, поспешно отступили на Актюбинск. Казачьи полки, осаждавшие Орск, были немедленно переброшены на усиление Актюбинского и Бузулукского фронтов. Атаман Дутов за взятие города Орска был произведен в чин генерал-лейтенанта.

В сентябре и октябре месяцах в Оренбурге заседал Войсковой круг, созданный на чрезвычайную сессию, ввиду серьезности положения на фронте и в войске. Помимо чисто внутренних хозяйственных дел, круг уделял большое внимание фронту, где не все обстояло благополучно: было несколько случаев неисполнения боевых приказов и нарушения воинской дисциплины; участились самовольные отлучки; многие казаки отсылали или увозили казенное обмундирование домой; некоторые полки прибегали к грабежам и насилиям над мирным населением.

Для улаживания всех недоразумений депутаты круга неоднократно выезжали на фронт — к полкам, где производили подробные расследования и давали казакам соответствующие указания в виде отеческих внушений или строгих приказов, требуя от фронтовиков неукоснительного исполнения приказаний начальства и соблюдения войсковой «субординации». Приходилось прибегать и к суровым мерам — до расстрела включительно. При всяком посещении фронта каждый депутат круга считал долгом подчеркнуть казакам необходимость борьбы с большевиками до полной победы. В середине октября сессия Войскового круга закрылась. Депутаты-старики разъехались по своим станицам, а депутаты мобилизованных возрастов вернулись к своим полкам.

К концу осени положение на Актюбинском и Бузулукском фронтах с каждым днем становилось серьезнее. Большевики все время получали из Центральной России и Туркестана подкрепления и усиливали напор. Чтобы противопоставить натиску красных более упорное сопротивление и во что бы то ни стало отстоять Оренбург, атаман Дутов решил возвести ряд укрепленных позиций: на Бузулукском направлении — у станций Ново-Сергиевская, Платовка, Каргалы и станции Сакмарской; на Актюбинском направлении — в районе Илецкой Защиты и у станции Донгуз. В конечном результате обе группы позиций предполагалось сомкнуть, прикрыв таким образом Оренбург полукольцом укреплений с запада и с юга.

Общее руководство работами по постройке укреплений принял на себя начальник военно-окружного управления генерал-лейтенант Ипатович-Горанский. В качестве рабочей силы были привлечены военнопленные и крестьяне окрестных деревень. Но благодаря недостатку денежных средств, отсутствию на местах строительных материалов и почти полной невозможности достать для рабочих теплую одежду, дело с постройкой позиций шло довольно медленно, и к тому времени, когда войскам пришлось на этих позициях вести бой, ни одна из них не была готова.

18 ноября 1918 года в Омске произошел государственный переворот: Директория была свергнута; члены ее арестованы и высланы за границу, адмирал Колчак провозглашен Верховным Правителем. Об омских событиях атаман Дутов получил немедленное извещение по телеграфу с просьбой адмирала Колчака о поддержке. В то же время Комитет членов Учредительного собрания, обосновавшийся после падения Самары в Уфе, всюду разослал телеграммы с призывом: не признавать новой власти. Войсковое правительство Оренбургского войска, после ряда совещаний, на которых была детально разобрана вся обстановка борьбы в тылу и на фронте, пришло к решению, что единственным выходом из создавшегося положения является признание власти Верховного Правителя, о чем немедленно было дано знать в Омск.

Но Башкирское правительство, находившееся в постоянных сношениях с Комитетом членов Учредительного собрания, сочло Омский переворот актом антигосударственным и власти адмирала Колчака решило не признавать. На такую же точку зрения стали под влиянием воззваний комитета лидеры местных социалистов-революционеров и меньшевиков, а также небольшая часть офицеров, солдат и казаков. Главарь Башкирского правительства Валидов в ночь с 1 на 2 декабря созвал в Оренбурге (в помещении Караван-Сарая) тайное совещание, на котором присутствовали: прибывший из Уфы член Учредительно-

го собрания Вадим Чайкин, командующий Актюбинской группой Генерального штаба полковник Махин<sup>173</sup>, атаман 1-го округа Каргин, некоторые члены Башкирского правительства и несколько офицеров (не казаков).

Валидов предлагал с помощью сосредоточенных в Оренбурге четырех башкирских полков арестовать атамана Дутова и некоторых высших чинов Оренбургского войска; объявить войскам и населению о непризнании адмирала Колчака и о подчинении Комитету членов Учредительного собрания. Но полковник Махин и Каргин находили такой переворот несвоевременным и опасным, ибо он мог повлечь за собой развал фронта. Участники совещания ни к какому решению не пришли. Намечавшийся заговор был открыт одним башкирским офицером. На следующий день полковник Махин получил от командующего армией генерала Дутова командировку в Омск, откуда он выехал за границу. В командование Актюбинской группой вступил генерал-лейтенант Жуков<sup>174</sup> (во время Великой войны командовал вначале 3-м Оренбургским казачьим полком, потом бригадой и, под конец, 12-й кавалерийской дивизией). Окружной съезд 1-го округа уволил атамана Каргина от занимаемой им должности.

Валидов выехал в пределы Башкирии. Башкирские полки были выведены из Оренбурга на усиление правого фланга Бузулукской группы и для прикрытия территории Башкирии. Вскоре Валидов перешел на сторону советской власти и увлек за собой часть башкирских войск; другая часть разбежалась по деревням, и лишь небольшие остатки, благодаря русскому командному составу, удалось удержать в Оренбургской (Юго-Западной) армии. Как раз в это время большевики, потеснив части генерала Ханжина к востоку, заняли Уфу и Стерлитамак, откуда стали продвигаться через пределы Башкирии — в обход Оренбурга с севера. Благодаря измене и уходу с фронта башкир правый фланг Бузулукской группы оказался обнаженным. В свою очередь на Актюбинском направлении красные перешли в решительное наступление и совершенно неожиданно для штаба Оренбургской армии заняли город Илецкая Защита (город Илецкая Защита, известный своими соляными промыслами, находится в 60 верстах южнее Оренбурга).

Таким образом, к январю месяцу 1919 года большевики повели наступление на Оренбург с трех сторон: с севера, запада и юга. Оренбургскому командованию пришлось спешно производить сложные маневры и перебрасывать войска с одного участка на другой. В полках ощущался недостаток в оружии, патронах и теплом обмундировании: благодаря отсутствию сплошной железнодорожной связи с Сибирью все грузы приходили в Оренбург с большим опозданием.

Наблюдалась усталость казаков от войны; боеспособность некоторых частей сильно понизилась; началось дезертирство, переход к красным и как следствие всего этого — моральное разложение. Большое смущение в ряды казачьей массы внесла измена башкир и участие в Валидовском заговоре бывшего командующего Актюбинской группой полковника Махина и атамана 1-го округа Каргина. Как всегда бывает в Гражданской войне, дело не обошлось без агитации и провокационных выступлений.

Несмотря на поголовную мобилизацию всего казачьего населения и другие экстренные меры, после ряда боев на Бузулукском и Актюбинском направлениях — причем особенно упорные столкновения произошли в районе станции Ново-Сергиевская и у Илецкой Защиты — Оренбург был оставлен в ночь на 21 января 1919 года и на следующий день занят большевиками. С потерей Оренбурга «армия потеряла сердце» — писал атаман Дутов, отдавая приказ об отходе на восток. Неоднократные попытки задержать наступление красных восточнее Оренбурга успехом не увенчались. Казаки катились назад, очищая станицу за станицей. После ожесточенного уличного боя был сдан и город Орск, с оставлением которого весь 1-й округ очутился в руках большевиков. После падения Орска из полков 1-го округа казаки стали расходиться по домам ватагами.

За Орском начиналась территория 2-го округа, население которого при приближении большевиков поголовно уходило за отступающей армией. В станицах оставались только немощные старики да женщины с малыми детьми. Здесь отступление армии стало постепенно задерживаться, но часть станиц и 2-го округа была занята красными. Войсковое правительство, штаб армии, штаб округа и все войсковые и губернские учреждения, окружной суд, казенная палата и пр. по оставлении Оренбурга переехали в Троицк. Кадетские корпуса — Неплюевский и 2-й Оренбургский, военное училище, Николаевский женский институт были впоследствии перевезены из Троицка в Иркутск. Многие жители города Оренбурга из так называемых буржуазных классов при приближении большевиков выехали в Сибирь.

С оставлением 1-го округа и потерей Орска железные дороги перешли в руки большевиков, благодаря чему связь красного Туркестана с красной Москвой была восстановлена и, наоборот, связь Уральского войска с оренбуржцами и Сибирью прервана. Положение на остальных участках Восточного фронта в это время было следующее. Уральцы, будучи отрезаны от Оренбургской (Юго-Западной) армии и от Сибири, вынуждены были оставить город Уральск и отойти на юг, к Калмыкову. Западная армия, отступив вдоль Самаро-Златоустовской же-

лезной дороги на восток, приостановила наступление большевиков в глубь Уральских гор на линии реки Уфы; Сибирская армия вела бои к западу от Екатеринбурга. После падения Уфы Комитет членов Учредительного собрания распался: видные члены комитета во главе с Черновым перебежали к большевикам, остальные рассеялись. В это же время снялись с фронта и ушли в глубь Сибири чехословацкие части.

В рассматриваемый период Оренбургское войско вело борьбу с большевиками не в одиночку, а совместно с другими государственными образованиями, возникшими в Сибири, на Средней Волге и на Урале, которые составили так называемый «Фронт Учредительного собрания». Пока был подъем, пока все действовали вместе, на фронте дела шли успешно. Но как только начались разногласия — фронт пошатнулся, и громадная территория с богатейшими городами была отдана большевикам; при этом власть, претендовавшая играть первую роль, но преследовавшая не государственные, а партийные цели и не создавшая за собой никакой реальной силы, сошла со сцены первой вместе с теми местными властями, которые ее поддерживали во имя своих эгоистических интересов (Комитет членов Учредительного собрания и правительство Башкирии).

Борьба Оренбургского войска проходила в общегосударственном масштабе; Оренбургский фронт составлял нераздельную часть всего Восточного фронта; оренбургское командование не ограничивалось защитой одной войсковой территории. В ущерб своим краевым интересам, когда того требовала общая обстановка, атаман Дутов по собственной инициативе посылал целые полки на поддержку соседних фронтов, которые как раз нуждались в коннице.

Напряжение Оренбургского войска было полное: в критический момент Войсковое правительство не остановилось перед поголовной мобилизацией всего мужского населения, способного носить оружие. Условия, в которых приходилось бороться оренбургским казакам, были чрезвычайно трудные. В крае почти не существовало никакой промышленности, за исключением мукомольной, кожевенной и отчасти мыловаренной. Поэтому все виды довольствия, кроме интендантского, приходилось доставать на стороне путем всевозможных ухищрений. Организовать правильное снабжение армии не представлялось возможным, прежде всего в силу географического положения Оренбургского войска, которое не имело в тылу оборудованной базы.

Помимо транспортных затруднений, недочеты в снабжении Оренбургской армии в конце рассматриваемого периода много зависели и от порядка, установившегося в омской Ставке, когда в первую очередь удовлетворялись требования Сибирской и Западной армий и лишь ос-



татки посылались в Оренбургскую (Юго-Западную) армию. Последняя испытывала постоянный недостаток во всех видах армейского снабжения, особенно в пулеметах и пушках, которые к тому же в самые горячие периоды боевых столкновений вынуждены были иногда бездействовать из-за полного отсутствия патронов. Эти обстоятельства крайне неблагоприятно отражались на психике бойцов и понижали боеспособность частей. Тем более, что на стороне противника наблюдалось постоянное превосходство в огневых и технических средствах. Тяжелой артиллерии, броневых машин, не говоря уже о танках и аэропланах, у казаков совсем не было. В Оренбурге большевики оставили несколько поломанных аэропланов, к починке которых были приняты меры, но дело дальше пробных полетов не пошло из-за отсутствия исправных моторов. Броневые поезда были оборудованы на скорую руку из подручного материала своими средствами.

В боях с красными оренбургские казаки проявляли большую доблесть и высокое мужество, несмотря на неблагоприятные условия боевой обстановки. Недостаток в технике и в вооружении приходилось заменять живой силой и искупать лишней кровью. Но военное искусство с обеих сторон сплошь и рядом отсутствовало. Многие боевые приемы и навыки, приобретенные за время внешней войны, почему-то были забыты и в борьбе с большевиками применялись редко. Начальники всех степеней и рядовые казаки под влиянием Великой войны испытывали чрезмерное преклонение перед техникой и очень часто забывали о маневре и бое в конном строю, для которых в условиях Гражданской войны имелся широкий простор.

Среди казаков, защищавших непосредственно войсковую территорию, подъем и энтузиазм при успехах, часто сменялся упадком духа при неудачах, особенно когда приходилось отступать к границам войска или вести бои на войсковой территории, например под Орском. В этих случаях на настроение казаков сказывалась постоянная боязнь потери и разорения своих станиц, сопряженная с опасностью для родных и близких. Неприглядная боевая обстановка многих казаков тяготила, в их среде чувствовалось утомление войной. В периоды затишья и во время отступлений появлялась тяга в станицы, с чем было трудно бороться. Но наряду с этим другая часть казаков проявляла большую выдержку и поразительную нравственную упругость, которая не гнулась ни при каких обстоятельствах.

Полки, находившиеся вдали от войска — на Екатеринбургском и Уральском фронтах, — были поставлены во всех отношениях, и особенно по части снабжения их оружием и огнеприпасами, в лучшие условия по сравнению с полками Оренбургской армии, по отзывам

всех начальствующих лиц, зарекомендовали себя во всех боевых столкновениях с самой блестящей стороны как образцовые боевые части. Настроение в этих полках всегда было бодрое; тяги в «родные станицы», которые были от них далеко, там не наблюдалось.

Башкирцы показали себя хорошими солдатами, сохранившими — несмотря на революцию — старую дисциплину и уважение к старшим и к начальникам; но в политическом отношении это были люди совершенно темные; поэтому их главари могли ими пользоваться в каких угодно целях и увлечь в любую сторону, объяснив предварительно, что того или иного исполнения требует от них долг службы. Все вышеуказанные обстоятельства, вместе взятые, повлекли за собою неудачи на фронте Учредительного собрания вообще и в Оренбургском войске в частности.

\* \* \*

В первых числах февраля 1919 года в городе Троицке собрался Войсковой круг, на который прибыл из Омска Верховный Правитель. В торжественном заседании, в присутствии представителей иностранных держав адмирал Колчак выступил перед кругом с программной речью, в которой подтвердил все казачьи права и вольности и указал, что своей целью он ставит доведение страны до Учредительного собрания, а ближайшей задачей — борьбу с большевиками. На восстановление разоренных станиц и оказание помощи семьям мобилизованных казаков Оренбургскому войску была отпущена денежная субсидия.

Незадолго до посещения города Троицка Верховным Правителем туда прибыли из Омска для ознакомления с положением на Оренбургском фронте миссии: французская, английская и японская. Миссии вошли в самые тесные сношения с атаманом Дутовым, Войсковым правительством, штабом армии и штабом округа. Начальники миссий — французской полковник Пишон, английской майор Нельсон и японской капитан Андо — неоднократно выступали на Войсковом круге с речами (все трое владели русским языком), в которых от имени своих правительств обещали оказать казачеству и всему делу освобождения России всемерную поддержку, особенно по части снабжения оружием и разным военным имуществом.

С французской миссией прибыли: французская батарея, небольшой отряд пехоты и инструкторы-пулеметчики с пулеметами разных систем. Немедленно были организованы курсы для обучения молодых казаков пулеметному делу. С целью детального ознакомления с положением в Оренбургской (Юго-Западной) армии и поднятия духа

в войсках на фронт выехали: майор Нельсон, французские офицеры (майор Гильоми, майор де Каранга, капитан Парис, поручик Фонтен и др.), которых население при проезде через станицы встречало с хлебом-солью и благословляло иконами.

С самого начала борьбы с большевиками среди казаков ходили всевозможные слухи о союзниках, прибытия которых ждали с нетерпением. Теперь при виде «настоящих» французских и английских офицеров и «подлинных» французских и английских солдат не только простодушным старикам в станицах, но и всем казакам и офицерам на фронте казалось, что разговоры о союзнической помощи начинают претворяться в действительность и что помощь эта не за горами. Появление французов и англичан среди оренбургских казаков было встречено восторженно и было очень кстати.

Обстановка на фронте Оренбургской армии в это время представлялась в таком виде: части отходили на восток, сдавая большевикам одну станицу за другой; казаки, покидавшие фронт, насчитывались тысячами; во многих полках шло глухое брожение.

Для успокоения фронта, подъема настроения и разъяснения казакам происходивших событий были командированы депутаты круга; в командном составе произведены изменения: так, командиром 2-го Оренбургского казачьего корпуса<sup>175</sup> назначен генерал-майор Акулинин (командовавший 2-м Оренбургским казачьим корпусом генерал-лейтенант Шишкин, бывший командующий Бузулукским фронтом, получил назначение в Омск на должность заведующего коневодством, как знаток этого дела); его место, главного начальника Оренбургского военного округа и помощника войскового атамана, занял генерал-лейтенант Тимашев<sup>176</sup>; во всех частях произведена «чистка»: ненадежный элемент всюду, по возможности, изъят; небоеспособные полки отведены в тыл и частью расформированы, частью приведены в должный порядок; причем были пущены в ход и крайние средства до расстрелов включительно; в составе Войскового правительства также произошли некоторые персональные перемены: вместо Рудакова, Пономарева и Богданова членами правительства были избраны: Арзамасцев, Вопилов и Мурат Качуров (мусульманин).

После ряда реформирований и пополнений Оренбургскую армию составили три корпуса: 1-й Оренбургский казачий корпус<sup>177</sup> (1-я<sup>178</sup> и 2-я<sup>179</sup> казачьи дивизии) генерал-лейтенанта Жукова, действовавший в районе к северо-востоку от Орска — на Кустанайском направлении; 2-й Оренбургский казачий корпус (4-я<sup>180</sup> и 5-я<sup>181</sup> казачьи дивизии) генерал-майора Акулинина, прикрывавший Троицкую железную дорогу и город Троицк — на Троицком направлении; 4-й Оренбургский ар-

мейский корпус<sup>182</sup> (3-я<sup>183</sup> и 5-я<sup>184</sup> стрелковые дивизии) генерал-майора Бакича<sup>185</sup> (серб по происхождению; в мирное время служил в одном из сибирских стрелковых полков), оперировавший в Башкирии и прикрывавший горные заводы на Верхне-Уральском направлении.

Общее количество полков, выставленных в это время Оренбургским войском на Оренбургском, Уфимском и Пермском фронтах, доходило до 45, не считая мелких отрядов и артиллерии. Во время Великой войны согласно мобилизационному плану было: 18 действующих и 3 запасных Оренбургских полка, один отдельный дивизион, гвардейская сотня, несколько отдельных сотен, 6 действующих и 3 кадровые конные батареи. Из сопоставления этих цифр видно, как велико было напряжение Оренбургского войска в период Гражданской войны.

4-й Оренбургский армейский корпус был образован из 3-й стрелковой дивизии, бывшей в Народной армии, основание которой положили добровольцы-волжане Хвалынского, Вольского и Сызранского уездов, составившие очень крепкое ядро этой дивизии, и 5-й стрелковой дивизии, сформированной атаманом Дутовым в Оренбурге из не-казачьих Оренбургского уезда.

Весной 1919 года обстановка на Восточном фронте резко изменилась. В первых числах марта, после тщательной подготовки, армии Верховного Правителя перешли в энергичное наступление по всему фронту, причем главный удар должны были нанести Сибирская и Западная армии в Пермском и Уфимском направлениях; на Оренбургскую (Юго-Западную) армию возлагалась второстепенная задача — содействовать наступлению двух правофланговых армий.

В связи с оставлением Оренбурга и разложением некоторых Оренбургских полков в Омске составилось представление об оренбургских казаках как об элементе неустойчивом и малобоеспособном; считали, что оренбургские казачьи части боевых операций в крупном масштабе самостоятельно вести не могут. Распространению такого мнения об оренбургских казаках много способствовали офицеры и гражданские лица, по тем или иным причинам покинувшие Оренбург и ряды Оренбургской армии и отправившиеся искать счастья в Омск.

Как раз в это время у атамана Дутова возникли нелады со Ставкой на почве снабжения Оренбургской (Юго-Западной) армии боевыми припасами; и затем произошли недоразумения с Омским правительством по вопросам, касающимся взаимоотношений Оренбургского войска с центральной властью, которая не всегда правильно учитывала положение на местах. Все представления атамана Дутова перед омскими правящими кругами были поддержаны Войсковым кругом. Но в результате этого появилась крайне нежелательная натянутость отно-

шений с обеих сторон и, как следствие всего, престиж Оренбургского войска в Омске сильно пал. Началось постепенное ослабление Оренбургской (Юго-Западной) армии путем выделения из ее некоторых войсковых частей. Прежде всего в виде привеска к Западной армии была создана Южная группа<sup>186</sup>, в состав которой омская Ставка включила правофланговый 4-й армейский корпус Оренбургской (Юго-Западной) армии и несколько отдельных оренбургских казачьих частей.

К весне в Оренбургской армии остались только два корпуса: 1-й и 2-й, которые совместно с Южной группой в первой половине марта не только приостановили натиск большевиков, но и сами перешли в наступление. Произошел ряд встречных боев — у станицы Кваркенской, поселка Кульмского и станицы Кизильской — сначала без решительных результатов для обеих сторон. Большевики ни за что не хотели выпускать инициативы из своих рук и настойчиво пытались продолжать наступление. Особую активность проявляла 24-я советская дивизия, носившая название Железной, на участке 2-го Оренбургского казачьего корпуса. Но казаки ошметинились вовсю. Искусно маневрируя, они нанесли большевикам ряд коротких ударов — у поселков Елизаветинского, Березовского и у деревни Верхняя Сосновка — с захватом артиллерии, обозов и пленных. Эти успехи ободрили казаков и подняли настроение в частях и станицах.

Большевики вынуждены были начать отход в сторону Башкирии (в Уральские горы). Казаки двинулись за ними. К сожалению, преследованию и маневрированию казаков и особенно действиям в конном строю мешали глубокий снег и потом наступившая распутица. Перед Орском большевики попытались задержаться. Произошел ряд новых боев — у хутора Савельевского, поселка Орловского, станицы Таналыцкой и в районе киргизских аулов восточнее Орска. В этих боях казаки понесли большие потери, особенно в командном составе, но не приостановили наступления. По левому берегу реки Урала наступал 1-й, а по правому 2-й Оренбургские казачьи корпуса.

Наконец красные не выдержали. Командующий 1-й советской армией товарищ Гай приказал своим частям отходить в двух направлениях: к западу на Оренбург и к югу на Актюбинск. Несмотря на разлив рек и окончательную порчу дорог, казаки преследовали красных по пятам. Их новые попытки остановиться у города Актюбинска — на Ташкентской железной дороге — и у станции Кувандык — на Орской железной дороге — окончились новыми неудачами. Головной участок Орской железной дороги у станции Сары-Кувандык был захвачен 2-м Оренбургским казачьим корпусом, а на Ташкентскую железную дорогу (у города Актюбинска) вышел 1-й Оренбургский корпус.

В первой половине апреля все верхние станицы 1-го округа по рекам Уралу и Сакмаре были очищены от большевиков. Орская железная дорога почти до самого Оренбурга, а Ташкентская от Актюбинска до Илецкой Защиты перешли в руки казаков. Этим прерывалась связь Центральной России с советским Туркестаном и восстанавливалась связь оренбуржцев и Сибири с уральцами. На линиях Ташкентской и Орской железных дорог казаки захватили большое количество подвижных составов с разным имуществом и сотни пудов хлеба, заготовленного и не вывезенного красными комиссарами.

К 20 апреля 2-й Оренбургский казачий корпус, наступая между реками Сакмарой и Уралом, подошел к Оренбургу двумя колоннами: одной со стороны станицы Пречистенской, а другой со стороны станицы Каменно-Озерной. Генерал-майор Акулинин решил взять город с налету и повел свои части в атаку как раз накануне Пасхи. Но атака окончилась неудачей. На главном направлении, вдоль полотна Орской железной дороги, наступал 42-й стрелковый Троицкий полк, незадолго перед тем получивший пополнение из солдат Кустанайского уезда Тургайской области, которые оказались, как потом выяснилось, яркими большевиками. В самый решительный момент боя кустанайцы, бывшие в передовых цепях, стали группами перебегать в сторону красных, а из резервных и фланговых рот открыли огонь по двум соседним казачьим полкам.

На участках, где наступали казаки, со стороны противника появлялись белые флаги и раздавались крики: «Сдаемся» — но, когда казаки прекращали стрельбу и подходили к окопам, оттуда по ним открывали пулеметный и ружейный огонь. В результате вся операция была сорвана.

Необходимо пояснить, что за недостатком в Оренбургской армии стрелковой пехоты атаман Дутов неоднократно просил омскую Ставку усилить казаков хотя бы одной пехотной дивизией. Для этого была намечена вновь сформированная 2-я стрелковая дивизия, но в действительности прислан был лишь один 42-й полк, который вошел в состав 2-го Оренбургского казачьего корпуса.

В предшествовавших боях этот полк дрался прекрасно и понес большие потери. Перед наступлением к Оренбургу полку было прислано пополнение из Кустанайского уезда, находившегося в тылу Оренбургской (Юго-Западной) армии, где большевизм с самого начала революции пустил глубокие корни, особенно среди крестьян-новоселов. Там все время шло брожение, а временами вспыхивали вооруженные восстания целых волостей, подавляемые казаками с большим трудом и с большими жестокостями. Насильно мобилизованные кустанайцы при-

бывали на фронт озлобленными и настроенными в пользу большевиков. Из 42-го стрелкового полка часть их перешла на сторону красных еще в бою под станцией Кувандык, а остальные перебежали во время ночного наступления на город Оренбург, причем им удалось увести за собой нескольких офицеров и многих солдат из старого состава полка.

В следующие дни, приведя части в порядок, генерал-майор Акулинин снова перешел в наступление и после ряда атак сбил красных с высот над подступами к Оренбургу (горы Алебастровая, Гребенская, массив Платова и др.); овладеть городом опять не удалось. Между тем в частях вышли патроны, а на скорое получение их с тыла рассчитывать было нельзя.

Выше упоминалось, что непрерывной железнодорожной связи Оренбурга с Сибирью не существовало. Между Орской и Троицкой железными дорогами оставался еще недостроенный промежуток в 300 верст. К весне 1919 года оренбургское командование успело продолжить конечные участки на 100 верст, но сомкнуть обе линии — за недостатком рельс — так и не удалось. В этом месте — от станции Карталы (Троицкой железной дороги) — воинские грузы перевозились гужом, на казачьих подводах, от станицы к станице. Перевозка производилась медленно и неаккуратно, а во время распутицы и совсем приостановилась.

Как уже неоднократно отмечалось, казаки всегда терпели недостаток в патронах; винтовок, пулеметов, пушек у них так же, как и раньше, не хватало. Большевики во всем этом превосходили казаков. Но особенное упорство и устойчивость красным частям придавали броневые поезда и броневые автомобили, которых у казаков в этот период не было. Броневые автомобили, как новое средство борьбы, производили наиболее сильное впечатление на старых и молодых казаков, не бывших на фронте во время Великой войны.

Вслед за 2-м Оренбургским казачьим корпусом, преодолевая сопротивление красных, подошли к Оренбургу: с северо-востока из Башкирии 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича (Южной группы) и с юго-востока, по Ташкентской железной дороге — 1-й Оренбургский казачий корпус генерал-лейтенанта Жукова (Оренбургской армии).

Генерал-майор Бакич повел энергичное наступление по правому берегу реки Сакмары в обход Оренбурга с запада. Но здесь произошла та же история, что и во 2-м Оренбургском казачьем корпусе, только в большем масштабе. Во время боев у станицы Сакмарской и Ситовского посада мобилизованные солдаты позднейших пополнений открыли огонь по своим частям и перешли на сторону красных. В

результате целая бригада пехоты и казачий дивизион были сброшены в реку Салмыш (приток реки Сакмары). Такой неожиданный поворот подбодрил большевиков, и они стали действовать более активно, особенно когда выяснили через перебежчиков силы и группировку своих противников.

Наибольшую угрозу для них представлял 2-й Оренбургский казачий корпус, подступивший к Оренбургу вплотную. На небольшом участке между реками Уралом и Сакмарой командующий 1-й советской армией товарищ Гай сосредоточил значительные силы и в первой половине мая перешел в наступление с целью смять и отбросить 2-й корпус к востоку, но, встреченный контрударом, принужден был с большими потерями отступить на заранее подготовленные позиции у самого города.

Следующая попытка товарища Гая наступать против 1-го Оренбургского казачьего корпуса окончилась для него также неудачно: несколько красных батальонов было изрублено казаками в конной атаке. Генерал-лейтенант Жуков не ограничился действиями под самым Оренбургом. Его части, постепенно продвигаясь в западном направлении, очистили от большевиков все линейные и низовые станицы (лежащие по реке Илеку и по левой стороне Урала, войдя в непосредственное соприкосновение с уральцами у Илецкого городка).

Таким образом, конец апреля и первая половина мая прошли в непрерывных боях вокруг Оренбурга. Большевиков спасали главным образом броневые автомобили, а также превосходство в артиллерии и особенно наличие большого количества пулеметов. Кроме того, следует указать, что подошедшие к Оренбургу корпуса были разобщены между собой реками Сакмарой и Уралом, которые во время половодья представляют серьезные препятствия, почему связь между штабами корпусов поддерживалась слабо, а взаимная выручка часто отсутствовала. Но что самое главное — корпуса не были объединены общим командованием: действовали врознь и несогласованно. 4-й Оренбургский армейский корпус был подчинен командующему Южной группой генерал-майору Белову, а 1-й и 2-й Оренбургские казачьи корпуса получали директивы от штаба Оренбургской (Юго-Западной) армии.

Атамана Дутова в это время на фронте не было. Занятый внутренними делами войска, он вынужден был оставаться в Троицке, а затем, по соображениям высшей политики, уехал в Омск. По должности командующего армией его временно заменил начальник штаба генерал-майор Вагин, который со штабом переехал в Орск; а в исполнение обязанностей войскового атамана вступил генерал-лейтенант Тимашев.

В двадцатых числах мая на участках 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов снова произошли ожесточенные бои, в которых ни одна из сторон решительного успеха не имела. Но казаки ни за что не хотели отказаться от мысли овладеть Оренбургом, хотя в последних боях выяснилось, что красные в Оренбургском районе значительно усилились. Командиры 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов, действовавшие до сих пор не вполне согласованно, стали готовиться к новой операции по овладению Оренбургом.

Для свободного маневрирования и взаимной поддержки было наведено через реку Урал два моста; принимались меры к возможно быстрому пополнению в частях боевых запасов; изучались до мельчайших подробностей подступы к Оренбургу; делались съемки местности; вычерчивались кроки; устанавливались батареи; производилась перегруппировка войска. Принимались меры и морального порядка: офицеры и заведующие в частях культурно-просветительными отделами вели с казаками и солдатами беседы, в которых разъясняли смысл происходивших событий, усиленно печатались и распространялись среди войск и населения, а также перебрасывались к красным приказы, воззвания, газеты. Одновременно с наступлением на фронте предполагалось выбросить конную группу на правый берег реки Урала (к западу от Оренбурга) для разрушения железной дороги (Оренбург—Самара) и нападения на противника с тыла.

В общем, намечалось повести на Оренбург методическое наступление, которое должно было завершиться конным ударом с фронта и с тыла. Всем казалось, что намеченная операция сулит несомненный успех, и падение Оренбурга ожидалось со дня на день; но 20 мая из Омска пришел приказ о расформировании Оренбургской (Юго-Западной) армии.

Этим же приказом создавалась новая — Южная армия, в состав которой должны были войти (после некоторых преформирований и перегруппировок) все части Оренбургской (Юго-Западной) армии и Южной группы, выделенной из Западной армии. Командующим Южной армией назначался Генерального штаба генерал-майор Белов (командовавший Южной группой). Штаб Оренбургской (Юго-Западной) армии расформировывался, и часть чинов штаба поступала на формирование разных учреждений Южной армии; остальные зачислялись в резерв. Командующий Оренбургской (Юго-Западной) армией генерал-лейтенант Дутов получал новое назначение — походного атамана всех казачьих войск и инспектора кавалерии, с оставлением войсковым атаманом Оренбургского войска.

Весеннее наступление Сибирской и Западной армий — в составе которой действовали лучшие Оренбургские казачьи полки — увенчалось большими успехами: были взяты Пермь и Уфа; части Сибирской армии переправились на правый берег реки Камы и угрожали Вятке и Казани; Западная армия приближалась к Симбирску и Самаре; начал оживляться и фронт уральских казаков; появились надежды на соединение армий Восточного фронта с Северной (Архангельской) и Добровольческой (Юга России) армиями. Победы на Восточном фронте за рассматриваемый период способствовали укреплению власти Омского правительства и высоко подняли имя Верховного Правителя адмирала Колчака.

Оставление оренбургскими казаками Оренбурга и недостижение крупных успехов на Оренбургском фронте умалили престиж атамана Дутова и Войскового правительства Оренбургского войска как в Сибири, так и среди казаков. С весны 1919 года в омских казачьих кругах не раз возникала мысль о созыве казачьего съезда и о создании центрального казачьего органа при Всероссийском (Омском) правительстве. Еще во время Директории в Омске было образовано Главное управление по казачьим делам, которое по своей конструкции мало чем отличалось от бывшего Главного управления казачьих войск. Но при новом Главном управлении состояло Особое совещание из выборных представителей от всех восточных казачьих войск, которое возбуждало и обсуждало разные вопросы по казачьим делам. Председателем Особого совещания состоял начальник Главного управления по казачьим делам генерал-майор Б.И. Хорошкин (Уралец), который входил в состав совета министров на правах товарища министра. В Особом совещании как раз и разрабатывались проекты о казачьей власти и о казачьем съезде, но последующие события на фронте не позволили приступить к практическому осуществлению этих начинаний.

Из мероприятий Войскового правительства Оренбургского войска за это время необходимо отметить два неудачных постановления: первых, приказ о роспуске казаков старших сроков по домам, отданный в период наступления к Оренбургу, что сильно ослабило численный состав полков и вызвало недовольство среди недеобилизованных; во-вторых, приказ о прощении дезертиров с возвращением их в свои части. Благодаря последнему распоряжению хотя численность некоторых частей и повысилась, зато боеспособность их значительно понизилась: большинство казаков, дезертировавших при зимнем отступлении и присланных в части при весеннем наступлении, были или слепые эгоисты, или шкурники, или скрытые большевики. Оставле-

ние дезертирства безнаказанным внесло большое раздражение в рядах верных долгу казаков и явилось соблазном для слабодушных и колеблющихся.

\* \* \*

В июне 1919 года в городе Троицке возобновил свои заседания Войсковой круг. Им было санкционировано вступление войскового атамана генерал-лейтенанта Дутова в должность походного атамана и инспектора кавалерии. Вызванная к жизни искусственно и получившая задачу действовать в пределах Башкирии и Оренбургского войска вновь сформированная Южная армия вначале себя ничем не проявила. Командующий армией генерал-майор Белов производил перегруппировку войск, получал укомплектование, налаживал тыл и штабной аппарат. Период реорганизации и формирования новой армии продолжался весь июнь и часть июля.

В конце концов, Южная армия составила из пяти корпусов: 4-го, 5-го<sup>187</sup> и 11-го армейских<sup>188</sup>, 1-го Оренбургского казачьего и Сводно-Туркестанского<sup>189</sup>. 2-й Оренбургский казачий корпус был расформирован; части его пошли на усиление 4-го и 11-го армейских и 1-го Оренбургского корпусов; командир корпуса генерал-майор Акулинин был отозван в Омск на должность начальника штаба походного атамана. 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича, усиленный казачьими частями, вошел целиком в состав Южной армии. 5-й армейский корпус генерал-майора Элерц-Усова<sup>190</sup> прибыл из Сибири. 11-й армейский корпус был сформирован генерал-майором Галкиным<sup>191</sup> в районе города Троицка из пленных красноармейцев, добровольцев и частью мобилизованных. На формирование Сводно-Туркестанского корпуса была обращена Оренбургская казачья пластунская дивизия с 1-м линейным конным полком, выделенные из состава 1-го Оренбургского казачьего корпуса; пластуны и линейцы после занятия Актюбинска наступали вдоль Ташкентской железной дороги в сторону Туркестана; туда же были направлены из Орска два стрелковых полка.

В состав 1-го Оренбургского казачьего корпуса, кроме его двух основных дивизий (1-й и 2-й), была включена еще одна дивизия (4-я) из расформированного 2-го корпуса. 1-й корпус в течение двух летних месяцев простоял под Оренбургом, не предпринимая никаких активных действий, так как не получал соответствующих директив из штаба армии.

Весенние успехи армии Верховного Правителя сильно встревожили большевиков, но они как раз к этому времени покончили с Укра-

иной и захватили Крым: у них освободились значительные силы, которые были немедленно переброшены на Восточный фронт, после чего красное командование повело здесь решительное наступление, особенно со стороны Самары.

К моменту перехода большевиков в наступление Сибирская и Западная армии, пройдя с непрерывными боями громадные пространства, понесли большие потери; части были измотаны, наступательный порыв в них ослабел; необходима была временная передышка и укрепление за собой занятой территории. Но желание поскорее выйти к Волге побудило высшее командование безостановочно двигаться вперед; тыл, как всегда, не поспевал за фронтом; части текли все больше и больше, причем выбывали из строя главным образом лучшие элементы: добровольцы и молодежь; для пополнения убыли была произведена мобилизация и сформировано несколько частей из пленных красноармейцев. Но мобилизованные — большей частью возвращенные и зараженные большевизмом еще на фронте Великой войны комитетчики и бывшие красноармейцы — в первых же боях поодиночке, партиями и даже целыми частями с оружием в руках переходили на сторону красных или разбегались.

В первых числах июня Западная и Сибирская армии под давлением большевиков стали отходить на восток; за ними потянулся и правый фланг Южной армии. Были оставлены Пермь и Уфа, а затем Екатеринбург и Челябинск. К концу июля весь Уральский горнозаводский район находился в руках красных. Остатки Сибирской и Западной армий, а в их составе дивизия и бригада оренбургских казаков, уже отходили по ту сторону Уральских гор в пределы Западной Сибири.

С потерей Челябинска Южная армия и Оренбургское войско лишились железнодорожной связи со своей базой Сибирью. После захвата большевиками Троицка и Кустаная и занятия ими территории 3-го и 4-го округов создавалась угроза не только правому флангу, но и тылу Южной армии. С падением Троицка, служившего промежуточной базой, тыл Южной армии повис в воздухе, а ее коммуникационные пути терялись в бесконечных степных пространствах.

Перед командующим Южной армией стала дилемма: принять ли удар большевиков, оставаясь на занимаемых позициях, или, не теряя связи со своей базой (Сибирью) и не отрываясь от соседей (Западной армии), отходить на восток в хлеботорный Атбасарско-Кокчетавский район. Генерал-майор Белов решил: «Или умереть на своей фланговой позиции, или разбить врага» — и в соответствии с этим решением приступил к перегруппировке войск. Некоторые команди-



ры корпусов, учитывая общее стратегическое положение и моральное состояние своих войск, настойчиво советовали командующему, прикрывшись арьегардами и заслонами, отходить на восток. Отрываясь от Сибири, Южная армия поворачивала тылом к пустынным степям Туркестана, занятого большевиками.

Вдоль Ташкентской железной дороги действовал небольшой и только что сформированный Сводно-Туркестанский корпус, состоявший главным образом из пластунских и конных казачьих частей, выделенных из 1-го Оренбургского казачьего корпуса. В течение лета эти части под командой полковника Фадеева довольно успешно продвигались вперед, захватывая у красных одну станцию за другой. В первых числах августа полковник Фадеев подошел к Аральскому морю; но как раз в это время большевики получили подкрепление с Асхабадского фронта и стали оказывать упорное сопротивление.

Оттеснив Сибирскую и Западную армии за Уральский хребет, большевики в начале августа повели наступление против Южной армии. В районе Оренбурга перед фронтом 1-го Оренбургского казачьего корпуса, в командование которым в конце июля вступил командированный из Омска генерал-майор Акулинин, были сосредоточены значительные силы красной конницы и пехоты (генерал-лейтенант Жуков был отозван для занятия должности в тылу).

Фронт 1-го корпуса был сильно растянут. 1-я Оренбургская казачья дивизия генерал-майора Смирнова стояла кордоном к северу от реки Сакмары. 4-я Оренбургская казачья дивизия генерал-майора Лосева занимала промежуток между реками Сакмарой и Уралом в районе станицы Пречистенской и Каменно-Озерной. Дивизия имела задачу прикрывать Орскую железную дорогу, с тем чтобы при первой возможности перейти в наступление для овладения Оренбургом. Участок 2-й Оренбургской казачьей дивизии полковника Шеметова тянулся на несколько десятков верст вдоль левого берега реки Урала, от поселка Благословенского до станицы Рассыпной (расположена на границе Оренбургского войска с Уральским войском).

Главные силы дивизии были расположены по линии Ташкентской железной дороги против города Оренбурга, где противников разделяла только река Урал; все пригородные рощи и дачные поселки были заняты казаками. Ниже города Оренбурга сплошного расположения не было; река наблюдалась разъездами, и лишь в пунктах вероятных переправ были выставлены сторожевые заставы. В распоряжении командира корпуса никаких резервов не было.

По прибытии к месту нового назначения генерал-майор Акулинин попытался перейти в наступление на участке 4-й дивизии между ре-

ками Сакмарой и Уралом, где местность благоприятствовала скрытому подходу (холмы, овраги); однако красные за лето здесь укрепились, атаки казаков были отбиты. Тогда командир корпуса решил принять более сосредоточенное расположение, чтобы выделить маневренную группу для активных действий. Части корпуса стали готовиться к перегруппировке, но в этот момент красное командование переправило через реку Урал, ниже города Оренбурга, конную дивизию, которая без труда оттеснила сторожевые казачьи отряды и вышла во фланг 1-му корпусу. Вслед за этим большевики повели решительное наступление вдоль Орской и Ташкентской железных дорог.

Растянутые части 1-го корпуса не могли сдержать большевистского натиска и стали постепенно отходить на восток, задерживая противника на попутных рубежах. Наиболее упорное сопротивление оказывала 2-я дивизия полковника Шеметова. В то же время обозначилось наступление большевиков и на фронте соседнего 11-го армейского корпуса генерал-майора Галкина, действовавшего севернее Орской железной дороги. 11-й корпус — как упоминалось выше — был сформирован преимущественно из пленных красноармейцев: к нему были приданы башкирские и казачьи конные части.

При первых же боевых столкновениях в 11-м корпусе началось дезертирство и переход на сторону красных, сначала поодиночке и небольшими группами, а потом целыми частями: так, целиком сдалась Башкирская конная бригада; были случаи, когда свои же части открывали огонь по своим. В результате измены и предательства на участке 11-го корпуса образовались интервалы, совершенно свободные от войск: резервов для их занятия не было. Красные ринулись в эти промежутки и захватили Орск — передовую базу Южной армии, где были сосредоточены запасы артиллерийского, инженерного и интендантского имущества и где находился штаб армии.

Спешно переброшенный из Башкирии в район Орска 5-й корпус уже не мог восстановить положение и лишь на время задержал развитие успеха большевиков. С захватом Орского участка Южная армия разрывалась на две части: 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича оставался севернее Орска, а все остальные корпуса оказались к югу и юго-западу от него. 1-й Оренбургский казачий корпус генерал-майора Акулинина сдерживал натиск противника по обеим сторонам реки Урала между Орской и Ташкентской железными дорогами — причем особенно ожесточенные бои произошли у станции Мартук; но вследствие падения Орска, когда противник очутился в тылу, и обхода левого фланга конницей красных части 1-го корпуса принуждены были отойти к Актюбинску.

Штаб Южной армии переехал сначала в Актюбинск, а затем, постепенно спускаясь по Ташкентской железной дороге на юг, остановился на станции Челкар в киргизской степи. Для удержания Актюбинского района была образована так называемая Северная группа в составе 11-го, 5-го и 1-го Оренбургского казачьего корпусов, но уже 2 сентября, после короткого боя, Актюбинск был оставлен. К Актюбинску были сосредоточены силы, достаточные для обороны города и его окрестностей по крайней мере в течение нескольких дней; но разложение уже настолько охватило войска, что части, оборонявшие Актюбинск, после нескольких выстрелов или отступали, или передавались красным; в начальника обороны города Актюбинска, генерал-майора Комаровского, стреляли свои же солдаты.

Видя неустойчивость фронта, командующий Южной армией решил пробиваться в Туркестан. Туда вел единственный путь — Ташкентская железная дорога, пролегающая на целые сотни верст по безводной пустыне; других путей подготовлено не было. Пробраться по такой узкой кишке целой армии — хотя и сильно уменьшившейся численно — едва ли представлялось возможным, особенно без запасов продовольствия. Правда, генерал-майор Белов рассчитывал заготовить хлеб и фураж в районе станций Челкар и Эмба, но благодаря недостатку транспортных средств и быстрой смене событий подвезти к железной дороге ничего не удалось. Кроме того, путь отхода был закупорен большевистским отрядом, упорно удерживавшим станцию Аральское Море, а в то же время и со стороны Актюбинска противник наседал повсюду. Генерал-майор Бакич, находясь к северу от Орска и считая отход своего корпуса на юг невыполнимым, двинулся на восток, о чем и донес командующему армией.

После падения Актюбинска туда же направился с небольшими остатками 11-го армейского корпуса генерал-майор Галкин. На юг по обеим сторонам Ташкентской железной дороги отходили 5-й армейский и 1-й Оренбургский казачий корпуса. По мере отхода деморализация среди войск увеличивалась все больше и больше. Разложению и панике способствовали многочисленные обозы и караваны беженцев, запрудившие все дороги. Тайные и явные агитаторы большевиков в это время уже энергично работали, играя главным образом на том, что начальство ведет солдат и казаков в «пески», где нет ни воды ни хлеба и где всех ждет неминуемая гибель. Был пущен в ход провокаторский слух, что генерал Белов — немец (его бывшая фамилия Витекопф), ставленник большевиков и что он преднамеренно ведет армию к катастрофе.

Все эти слухи, сплетни и разговоры, явная и тайная агитация, в связи с неудачами на фронте и недостатком продовольствия, действо-

вали угнетающе не только на малосознательную солдатскую массу, но и неустойчивую часть офицерства. Пробиваться с такими войсками на Ташкент нечего было и думать. Тем более, что, узнав о неудачах под Актюбинском, некоторые части Сводно-Туркестанского корпуса, действовавшие против станции Аральское Море, открыли фронт. 42-й стрелковый Троицкий полк перешел на сторону красных (тот самый полк, который в апреле месяце сорвал атаку Оренбурга во 2-м Оренбургском казачьем корпусе), а 2-й пластунский полк, захватив подвижной состав, двинулся по железной дороге к северу навстречу большевикам и на станции Челкар едва не арестовал штаб армии.

Генерал-майор Белов все еще пытался восстановить фронт, но это было невозможно: большая часть войск к этому времени представляла собой деморализованные митингующие массы. Чтобы спасти офицеров и хотя бы кадры полков, командиры 1-го Оренбургского казачьего и 5-го армейского корпусов настойчиво просили командующего армией как можно скорее вывести еще уцелевшие части из моря разложившихся тылов, с тем чтобы, оторвавшись от противника, начать планомерный отход.

Генерал-майор Белов, отказавшись от мысли пробиваться на Ташкент, предполагал сначала отойти с остатками армии к Каспийскому морю; но затем перерешил и отдал приказ двигаться на восток — в сторону Атбасара (находится на территории Сибирского казачьего войска). Однако к этому времени большинство солдат и казаков одиночке и группами, ротами и сотнями, с оружием и без оружия ушли на север сдаваться красным или разбрелись по аулам и поселкам.

В районе станции Джурун и города Темира (Темир и ст. Джурун Тургайской области, находятся в пределах Киргизской степи) вышли остатки 1-го Оренбургского казачьего и 5-го армейского корпусов и разные тыловые учреждения. От станции Джурун на Атбасар путь проходил по бесплодной Киргизской степи; по дороге лежали только два небольших городка — Иргиз и Тургай; у оставшихся частей не было в запасе ни хлеба, ни сухарей, ни фуража. На заготовку всего этого не имелось времени, да и не на чем было везти: все транспорты и обозы расстроились и разбежались.

Генерал-майор Акулинин и генерал-майор Элерц-Усов находили, что пускаться в длинный путь на восток с остатками деморализованных частей без запасов продовольствия рискованно, и настаивали на отходе к западу — в Уральскую область. Путь здесь был короче, и по дороге можно было найти небольшие запасы хлеба и фуража. Генерал-майор Белов с этим предложением не согласился. Пока шли переговоры между штабами корпусов и штабом армии, части 5-го ар-

мейского корпуса, сосредоточенные в районе станции Джурун, открыли огонь друг по другу: одни хотели уходить на север к большевикам, другие их не пускали. В результате большая часть 5-го корпуса разбежалась или ушла к красным; небольшие группы, по инициативе частных начальников, потянулись на запад и, следуя по рекам Эмбе и Сагизу, вышли впоследствии на Жилую Косу (рыбачий поселок на восточном берегу Каспийского моря) и к городу Уилу.

Командир 5-го армейского корпуса генерал-майор Элери-Усов со штабом и последними остатками своих войск ушел на восток. В 1-м Оренбургском казачьем корпусе после боев под Актюбинском относительный порядок сохранился, в 1-й дивизии генерал-майора Смирнова, которая вышла западнее Ташкентской железной дороги к городу Темиру. Наибольшему разложению подверглись 2-я дивизия полковника Шеметова и 4-я дивизия генерал-майора Лосева, отходившие восточнее железной дороги и попавшие в гущу обозов и беженских таборов. Начальники обеих дивизий с остатками своих частей отошли в направлении на город Иргиз, откуда в спешном порядке двинулись на восток, не успев предупредить о своем уходе даже командира корпуса. В арьергарде 1-го Оренбургского казачьего корпуса, прикрывая железную дорогу, отходил 21-й Оренбургский казачий полк (2-й дивизии) войскового старшины Керенцева. При приближении к станции Джурун полку пришлось пробиваться с боем через толпы солдат 5-го корпуса, двигавшихся на север к красным. Вокруг генерал-майора Акулинина на станции Джурун сгруппировалось около 500 офицеров и казаков разных частей, среди которых создалось определенное настроение идти на запад — к уральцам. Как раз в это время в штаб 1-го Оренбургского казачьего корпуса прибыли гонцы из Уральского войска с вестями о блестящих победах, только что одержанных Уральской армией над советскими войсками.

Корпусная радиостанция ежедневно сообщала об успехах Добровольческой армии на путях к Москве и Саратову. Появилась надежда на скорое соединение Уральского фронта с Добровольческой армией. Поэтому отрываться от уральцев, терять связь со своим войском и уходить на Восток, при полной неизвестности о положении в Сибири, всем офицерам и казакам казалось нецелесообразным.

Считаясь со всеми этими обстоятельствами и имея в виду, что наиболее сохранившаяся от разложения 1-я дивизия находилась к западу от Ташкентской железной дороги, командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса решил двинуться на запад — к пределам Уральского войска — и отдал приказ о выступлении на город Уил. Части корпуса выступили со станции Джурун 9 сентября. В тот же день Джурун была

занята взбунтовавшимися пластунами, прибывшими с юга. Поход совершался по Кыргызской степи двумя колоннами: полки 1-й дивизии шли по тракту Темир—Уил, а штаб корпуса с остатками войсковых частей и тыловых учреждений, под прикрытием отряда особого назначения есаула Крылова, следовал южнее — караванным путем вдоль реки Сагиза. Между 15—22 сентября остатки 1-го Оренбургского корпуса собрались в степном городке Уиле, расположенном на реке того же названия. (Уил — бывшее Уильское укрепление (Уральской области), находится в 250 верстах южнее города Оренбурга и в 180 верстах восточнее города Калмыкова. Известен своей богатой «Уильской ярмаркой», на которую съезжается «вся степь», а также купцы из юго-восточной России, Хивы, Бухары и Туркестана.) По дороге много казаков разбежалось, и до Уила дошло всего 2000 человек.

Командующий Южной армией генерал-майор Белов с частью своего штаба уехал в Атбасар, где стал собирать остатки своей армии, ушедшие на Восток. Вскоре он был вызван в Омск, и его место, по распоряжению омской Ставки, заступил генерал-лейтенант Дутов, только что вернувшийся с Дальнего Востока, куда он ездил в качестве походного атамана для ознакомления с положением дел в Забайкальском, Амурском и Уссурийском казачьих войсках.

В районе Атбасара—Кокчетава, на территории Сибирского казачьего войска, к атаману Дутову постепенно собирались офицеры, казаки и солдаты Южной армии, которым удалось пробраться на восток. Сюда же подошел окружной атаман 2-го округа Захаров со своим отрядом в 3000 человек и некоторые отдельные оренбургские полки и сотни, бывшие на разных участках фронта. Вместе с воинскими частями прибыли многочисленные обозы беженцев из оренбургских станиц.

К Атбасару вышел и 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича с Отдельной казачьей бригадой лихого партизана Разумника-Степанова, который при отходе от Троицка и Кустаная успел нанести красным отрядам ряд жестоких ударов. Всего к атаману Дутову собралось около 20 тысяч человек. Немедленно было приступлено к формированию армии, под именем Оренбургской, которая по плану Ставки должна была действовать совместно с мобилизованными сибирскими казаками, южнее Сибирской железнодорожной магистрали.

После поражения, нанесенного на востоке Сибирской и Западной армиям, трудно было рассчитывать, чтобы Южная армия, предоставленная самой себе, могла выдержать очередной удар объединенных советских сил. Но с другой стороны, едва ли кто мог допустить такой быстрый и катастрофический конец, какой постиг армию генерал-майора Белова. Казалось, что армия, состоявшая из пяти корпусов, хотя и

не полного состава, в состоянии была оказать большевистскому натиску более упорное и длительное сопротивление, чем это произошло в действительности. Следовательно, были какие-то причины, которые способствовали развалу войск и ускорили гибель Южной армии.

Эти причины можно усмотреть в следующих фактах.

1) Расформирование Оренбургской (Юго-Западной) армии и формирование вместо нее Южной повлекло за собой перерыв в операциях и перетасовку войск, что совершенно не вызывалось обстановкой. Оренбургская (Юго-Западная) армия представляла собою не мертвый труп, а живой организм, который сначала разрезали на куски, а потом снова соединили под именем Южной армии; но вдохнуть жизнь в новый организм не сумели и не успели: большевики скоро перешли в наступление.

2) Уничтожение Оренбургской (Юго-Западной) армии, созданной казаками, состоявшей главным образом из казачьих частей и под командой казака (атамана Дутова), больно ударило по самолюбию всех оренбургских казаков и, несомненно, отразилось на их настроении отрицательным образом. Обстановка требовала не расформирования Оренбургской (Юго-Западной) армии, а усиления ее пехотными частями и техническими средствами.

3) Командующий Южной армией со своим планом оставаться на месте в пределах Башкирии и в Области войска Оренбургского, после того как связь с соседней (Западной) армией и с основной базой (Сибирью) была прервана, поставил армию в критическое положение: армия оказалась без тыла. Решение же генерал-майора Белова, после неудач под Орском и Актюбинском, отходить на Ташкент (что на языке казаков и солдат называлось идти в «пески») окончательно погубило армию. Правда, принимая первое решение, командующий Южной армией исходил из предположений, что Сибирская и Западная армии, получив подкрепления, быстро оправятся и перейдут в наступление и что Южная армия до их подхода выдержит натиск советских войск. В стойкость своей армии — особенно башкирских частей — генерал-майор Белов верил глубоко.

4) После боев под Орском и Актюбинском необходимо было, прикрывшись арьергардами, отводить расстроенные части как можно скорее на восток; но генерал-майор Белов, находясь со штабом армии в тылу и не представляя истинной картины разложения войск, наоборот, пытался задержаться и восстановить фронт, чтобы затем начать планомерный отход по Ташкентской железной дороге в Туркестан.

5) Привлечение в строй пленных красноармейцев не оправдало возлагавшихся на них надежд и имело тяжкие последствия: со сто-

роны красноармейцев было проявлено много случаев предательства и обратного перехода на сторону большевиков.

6) Распыление казачьих полков между всеми корпусами, отсутствие в руках командующего армией конного кулака, возложение на всю конницу пассивных задач с приковыванием ее к позициям — все это содействовало неудачам армии.

7) Малая устойчивость некоторых казачьих частей и неумение их драться в конном строю понижали обороноспособность отдельных участков фронта. Последние обстоятельства объясняются отчасти тем, что казачьи полки в значительной степени были «разбавлены» плохо обученными малолетками и совершенно «не обстрелянными» стариками, «неспособными» казаками.

8) Наблюдались недовольство и апатия среди солдат и казаков на почве усталости от войны и тоски по семье и станице.

9) Среди солдатской и даже казачьей массы были сознательные большевики и сочувствующие большевизму, которые тайком от начальства, а иногда и открыто вели в частях разлагающую работу.

10) Громадную роль в разложении армии сыграла умело поставленная и широко развитая агитация большевиков и слабая постановка дела пропаганды с антибольшевистской стороны.

\* \* \*

Командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса считал, что после разгрома Южной армии большевики обрушатся на уральцев, почему, отойдя к Уилу, поставил себе задачей прикрыть правый фланг Уральской армии, содействуя ее операциям. Уильский район для Уральского войска имел громадное значение благодаря большим запасам хлеба. Это был единственный источник, откуда уральцы могли получить хлебные продукты, так как в районе, занимаемом Уральской армией, их совершенно не было, а расчеты уральского командования получить хлеб с Кубани не оправдались. Кроме того, город Уил представлял собою узел караванных путей, заняв которые оренбургцы прикрыли от большевиков Доссорские нефтяные промыслы, где имелись запасы нефти, в которой так нуждались и большевики, и уральцы.

Положение на фронте Уральской армии к моменту прихода 1-го Оренбургского казачьего корпуса было прочное: уральцы стояли по обоим берегам реки Урала южнее Уральска и Илецкого городка и готовились к операции по овладению городом Уральском. Утвердившись в районе города Уила и приведя остатки расстроенных частей в порядок, генерал-майор Акулинин стал высылать небольшие отряды в сто-

рону Илецкой Защиты и Ташкентской железной дороги. Одни из этих отрядов вели разведку и устанавливали связь с линейными станицами, расположенными по реке Илеку; другие производили налеты на Ташкентскую железную дорогу; третьи способствовали заготовкам и вывозу хлеба для Уральской армии из богатых крестьянских хуторов.

Для поддержания духа казаков и офицеров при штабе 1-го Оренбургского казачьего корпуса издавалась газета «Военный Вестник», материалом для которой служили главным образом добровольческие и большевистские радиосообщения, ежедневно перехватываемые корпусной радиостанцией. Из радиосообщений оренбургские казаки, заброшенные в глухую Киргизскую степь, видели, как Добровольческая армия неудержимым потоком двигалась на север, к Москве. Это вносило бодрость, заставляло забывать о собственных неудачах и вселяло уверенность в окончательной победе над советской властью.

В городе Уиле находилось Киргизское правительство Западной Алаш-Орды, так называемый Уилский Олейят, которое имело небольшие воинские части из киргизов, сформированные при помощи казаков. Между Алаш-Ордой и прибывшими оренбургскими казаками установились довольно хорошие отношения. Киргизы, прекрасно знавшие степь и имевшие постоянную связь со своими родичами самых отдаленных аулов, много помогали казакам в деле разведки и доставки донесений, давая знать о всех передвижениях большевистских отрядов. Первоначальные попытки большевиков овладеть Уилом отражались казаками с успехом; но в конце октября красные отряды, пополненные повстанцами из крестьян и киргизов, подступили к Уилу вплотную. Отходя с остатками 1-го Оренбургского казачьего корпуса в район Уила, генерал-майор Акулинин рассчитывал на приток беглецов из 1-го округа — по примеру прошлого года, на скорое восстание линейных и низовых станиц. Ни один из этих расчетов не оправдался.

А. Масянов<sup>192</sup>

### УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ<sup>193</sup>

Я не знаю, как восприняли революцию другие станицы. Скажу немного о моей, Чижинской. Когда пришли казаки с фронта, они сейчас же организовали Союз фронтовиков. Было у нас общество взаимной поддержки, куда вносили казаки известный маленький процент пшеницы с урожая. Это был как бы пшеничный банк, откуда, в слу-

чае нужды, каждый мог взять заимообразно пшеницу. Брали главным образом весной на посев. К данному моменту ее накопилось много. Так вот взяли и поделили, затем начали проводить как бы уравнение. Обложили богатых казаков доставить рогатый скот, чтобы его раздать бедным. С моего отца потребовали 10 быков, что для него было совершенно неощутительно. И это, кажется, все. Земля же была общая, и ее не нужно было ни у кого отнимать.

В Уральске в это время, после разгрома коммунистических организаций, стали поступать из Саратова требования об освобождении арестованных и о признании советской власти. Фомичев вел дипломатическую политику с иногородними жителями Уральска, и предполагалось выработать лучшие условия совместной жизни и образования коалиционного правительства.

В начале марта 1918 года советский комиссар Цвиллинг (из пленных австрийцев) прислал из Оренбурга ультиматум уральцам, и, так как ответа не последовало, он двинул отряд красных в 580 человек при 12 пулеметах и несколько подвод с оружием для мобилизации иногороднего населения, которое им сочувствовало, в Илецкую станицу. Илек — это самая северная станица Уральского войска, граничащая с Оренбургским войском. По свидетельству хорунжего А.П. Рыбинского, этот отряд, придя, расположился большими группами в центре станицы и, расставив патрули, собрал митинг. На митинге объяснил казакам, что они пришли установить советскую власть, уничтожить буржуазию и пр.

Казак Дьяконов заявил, что илецкие казаки неразрывно связаны с уральскими, что они маленькой группой не могут решить эти вопросы и что если все войско признает советскую власть, то они также. Вечером этого казака Дьяконова арестовали и арестовали всю буржуазию в количестве 40 человек. На них была наложена контрибуция в 3 миллиона рублей. На другой день запретили выезд из станицы и началась вакханалия, стрельба, срывание кокард, погон, обыски и аресты офицеров. Образовали местный совет, но казаки отказались в него войти и в свою очередь образовали комитет обороны. Раздали кое-какое оружие по секрету казакам. Тайно послали прапорщика Чернобровкина в Уральск и тайно же послали казаков в Мухрановскую и Студеновскую станицы с просьбой о помощи.

В Совдепе были два казачьих делегата: А.П. Рыбинский<sup>194</sup> и Разживин. Они всячески старались оттянуть время, чтобы казаки смогли организовать. Большевики же нервничали, реквизировали оружие, коней, сёдла и запретили вечером выходить на улицы. Арестовали прапорщика Юдкина, бывшего в казачьем комитете обороны, и отправили в тюрьму под охраной двух красноармейцев. Проходя по берегу Стари-

цы (старое название Урала), Юдкин выхватил у одного винтовку, ударил его прикладом и стал стрелять по другому, который бежал под берег. Сам же Юдкин где-то спрятался, но его выдал свой же казак, примкнувший к большевикам. Юдкина поймали и расстреляли. Большевики согнали казаков на сход, окружили их красноармейцами и требовали немедленного ответа. Казаки не дали никакого ответа и стали расходиться со схода, красные по ним открыли огонь из пулеметов. Хотя илецкие казаки и не имели еще ответа из Уральска, чаша терпения их переполнилась, на третий день ночью, по набату, — для этой цели был посажен на колокольню старик Набатеев, — выскочили, кто с чем попало, и начали избивать большевиков. Ворвались в Совдеп и совместно с казаками других станиц разгромили Чельшеевскую паровую мельницу, где находились главные силы красных.

Разгром был полный, перебиты были почти все пришедшие и присоединившиеся к ним. Успели спастись только 80 человек. Казаки пощадили только доктора, фельдшера и двух сестер милосердия. К красным шел на усиление еще один отряд силой в 350 человек, но, узнав о событии, повернул обратно.

Это событие потрясло и всколыхнуло все войско. Войсковой съезд послал гонцов по всем станицам, чтобы рассказать об Илецком бое. В Уральске казаки вынесли постановление собраться у святыни войска — старого Михаило-Архангельского собора, где исстари войско собиралось в важных случаях, отслужить молебен покровителю войска святому архистратигу Михаилу и принести перед войсковыми знаменами присягу в том, что нашу вольность, нашу землю, наш седой Яик, добытые кровью наших отцов, дедов и прадедов, отдать только тогда, когда ни одного из нас не останется в живых. С нами Бог и святой архистратиг Михаил.

И действительно, 14 марта собралось великое множество казаков, отслужен молебен и принесли присягу на верность войску. Из всех станиц посыпались постановления в таком же духе. Несмотря на то что все сознавали, что бороться горсти казаков против необъятной России безумие, все же колебаний не было.

Тщетны были многочисленные попытки уральцев предотвратить войну. Посылали делегатов в Саратов, но их просто арестовывали и расстреливали. И оттуда все время сыпались требования о признании советской власти. Вот одно из них. 20 марта 1918 года: «Уральск. Войсковому Правительству. Немедленно восстановите совет. Освободить членов Исполнительного Комитета. Сдать Совету все оружие. Извещение об исполнении через 24 часа. Если ответа не будет получено, то, по постановлению военного совета, Саратовский совет по-

сылает боевые силы на Уральск на защиту Совета. Председатель Антонов».

После этого ультиматума съездом, а также иногородними принимались меры, чтобы избежать конфликта. Иногородние сообщали, что они всецело солидарны с казачьим Войсковым съездом. В это время уральцы уже мобилизовали молодых казаков 18 и 19 постановок и сформировали из них три учебных полка. Придали им лучших офицеров войска, но не было ни урядников, ни вахмистров, так как у войска не было средств, чтобы оплачивать приглашенных урядников и вахмистров. И так как эти полки сразу пошли в бой, то там уже за отличия назначались и урядники, и вахмистры.

Комиссар Антонов исполнил свою угрозу и послал сильный отряд из Саратова, и он, дойдя до казачьей территории, повел наступление на Уральск вдоль полотна железной дороги. Казаки-фронтовики не хотели советской власти, но воевать также не хотели.

В самом начале войны, кроме учебных полков, постоянных частей почти не было, были маленькие партизанские отряды, главным образом из молодых офицеров и учащейся молодежи. Остальные казаки собирались в дружины с выборными командирами и выступали на фронт только в крайней необходимости, после чего снова расходились по домам. И выкинули лозунг: «За грань не пойдём». Казаки упорно желали доказать красным, что не хотят против них воевать и потому просят и их оставить в покое.

Красные, отойдя из Зеленого, оставили после себя ужас, от которого содрогнулись казаки и у некоторых колеблющихся пропала всякая надежда на то, чтобы с большевиками мог быть какой-то сговор. Большевики, после этой неудачи, вели уже по многим направлениям наступления на центр войска из Саратова, из Бузулука, из Александров Гая, а из Астрахани на Гурьев. Казаки постепенно раскачивались и образовали уже вместо дружин полки.

М.Ф. Мартынов<sup>195</sup> предпринял с небольшим отрядом рейд на Волгу на Иващенковский военный завод, чтобы достать оружие, снаряды и патроны, потому что войско начало войну буквально без оружия. Фурманов в своей книге «Чапаев» пишет, что уральцы захватили этот завод и казнили там зверски 2000 человек. Он сильно уклоняется от истины: уральцы завода не брали. Взят был завод чехами. Уральцы просто приехали, мобилизовали 220 подвод среди мужиков, наложили снаряды и вернулись домой.

В это время красные вели наступление вдоль железной дороги и, несмотря на сопротивление отдельных частей, дошли до хутора Халилова, что в 12 верстах от Уральска, но как раз здесь произошла зна-

менитая атака стариков. Возмущенные тем, что фронтовики не хотят взяться за оружие, и увидев, что столице войска угрожает опасность, они быстро собрались в солидную группу, и повел эту группу также старик полковник Мизинов<sup>196</sup>. Казаки были главным образом Кругло-Озерновской станицы. Как оружие они имели только шашки времен турецкой войны и немногие пики и вилы. С фанатическим рвением кинулись в атаку с шестиверстного расстояния и полным наметом смяли первую цепь красных, многих порубили, но когда в дальнейшем наткнулись на бронированные автомобили, то, имея только холодное оружие, ничего с ними не могли сделать. Пришлось отходить.

Многие старики сложили там свои головы, а с ними и их командир полковник Мизинов. Несмотря на то что атака кончилась печально для уральцев, все же она произвела громадное впечатление на красных, и они начали отходить; как раз в это время им в тыл ударил М.Ф. Мартынов, который возвращался из рейда на Иващенковский завод. И опять казаки догнали красных до грани и дальше не пошли. После этого события красные повели наступление со стороны Бузулука с большими силами и дошли до Красновской станицы.

Как раз в это время произошло нечто, что очень характерно для уральцев, а именно: старообрядец казак Кабаев организовал крестonosную дружину человек до шестидесяти. Для этой цели он взял из старого собора образ Христа Спасителя и возил его у себя на груди, остальные имели пики с восьмиконечным медным старообрядческим крестом или медный крест на груди. И так Кабаев бросался бешено в атаку, увлекая за собой казачьи части.

### Крестоносцы

— С ним не страшно... Потому он с крестом и с молитвою ходит. Как скажет: «Не бойся, сынок», — так тебя ни пуля, ни шрапнель не возьмет. Иди, куда хочешь. Только вот ругаться не велит. Как, говорит, выругался, так она и трахнет!

Так говорил молодой казак, сидя у костра, над которым был навешен закопченный чайник. И в голосе казака, и в его фигуре и жестах было столько убедительности, что не поверить ему было нельзя. Человек десять казаков, таких же молодых, сидели вокруг огня и с наивным любопытством слушали рассказчика. Я понял, что говорят о старике Кабаеве. О нем в это время писали газеты, говорили в войске, говорили на фронте. Вот что я знал о Кабаеве. Старик казак, старообрядец, участвовавший еще в походе Скобелева, он не мог примириться с мыс-

лью, что на его родном Яике будут хозяйничать большевики. Он в них видел врагов веры, слуг антихриста, и с ними он решил бороться, но бороться силою веры, силою креста, и к этой борьбе он призывал всех верующих. Он собрал вокруг себя таких же стариков, как и сам, и со своим небольшим отрядом выступил на фронт.

На груди каждого казака этого отряда висел большой восьмиконечный крест, а впереди отряда седой старик вез старинную икону. Это было главное вооружение стариков, и с этим вооружением — с верой и крестом — они делали чудеса. С пением псалмов они шли в атаку на красных, и те не выдерживали, бежали или сдавались в плен и после становились лучшими солдатами в наших полках.

Много побед одержали эти крестоносцы, но с каждой победой все меньше и меньше становилось их. Падали они, сраженные пулей, и, прославляя Бога, умирали, веря, что исполнили долг свой перед Богом, войском и перед Святынями нашими. И осталось их несколько человек, и решили они разбегаться в разные стороны, по разным полкам и там верою своею поддержать и укрепить слабых. В каждый полк привезли по иконе, и эти иконы, вместе со знаменами, были в походах, были в боях. И легче стало воевать казакам, и легче умирали они — как будто вместе с иконой передали им крестоносцы и часть веры своей.

Только старик Кабаев не захотел идти в полк. Не хотел он служить одному полку, а хотел служить всему войску. Ездит по широкой степи и слушает, что делается в ней. Как услышит выстрелы, так и едет на них благословить бойцов-казаков на святое дело и молитвою помочь им. И всегда его появление вдохновляло их, и смелее они шли в бой и одерживали победу.

Мне рассказывал один офицер: шли сильные бои, большевики силою, в несколько раз превышающей нашу, наступали по линии поселков от Соболева на Уральск. Упорно дрались казаки, но не выдерживали и отходили, отдавая поселок за поселком. Отдали хутор Пономарев, отдали Большой и Малый Озерные, отдали Каменный и подошли к поселку Красному. Уже паника охватывала полки, и уже многие говорили, что не удержаться нам, отдадим Уральск. Но вот в разгаре боя, когда большевики густыми цепями повели атаку на поселок Красный и когда уже некоторые части стали отходить, появился Кабаев. Оббегая полки, благославляя крестом и читая молитвы, говорил:

— Не бойтесь, станичники, не бойтесь, детки! Ничего он не сделает. Снаряды его рвать не будут, и не собьет он вас. А завтра мы погоним его!

Ободрились казаки. Отступавшие были части перешли в контратаку и отбили противника. К вечеру поселок остался в руках каза-



ков. Но что особенно поразило всех, это то, что действительно перестали рваться снаряды и только со свистом пролетали над нашими рядами и зарывались. Наутро подошло несколько сотен, снятых с другого фронта, и казаки сами повели наступление. Противник был сбит и, оставив в наших руках два орудия, много пулеметов, несколько сот пленных и усеяв степь трупами зарубленных конной атакой 12-го полка, поспешно стал отступать. И гнали его десятки верст, и только на третий день красные остановились в станице Соболевской, где у них были резервы.

Слухи об этом бое быстро разнеслись по фронту, и имя Кабаева повторялось каждым. Я еще не видел его, и представлялся он мне сильным, властным, умеющим владеть людьми и силой воли заставлять их идти на смерть и делать чудеса храбрости, и хотелось мне скорей встретиться с ним и разгадать, в чем же его сила. Но это мне тогда не удалось. Наш полк был переброшен на фланг армии, затем ряд боев, неудачных для нас, отступление, сдача Уральска; я был ранен и эвакуировался в тыл.

Ранней весной, когда стало таять, и степь превратилась в огромное море воды, и можно было проехать только по дорогам, да и то не везде; когда поселки, как маленькие острова, поднимались над водой, казаки начали наступление. Большевики не выдержали и стали отходить, задерживаясь на каждом островке, отчаянно защищая каждый поселок.

Я с сотней получил задание подойти к поселку Владимирскому и занять позицию на сырте перед поселком. Мы выступили. Далеко впереди на черном фоне оттаявшей вязкой степи виднелась какая-то одинокая фигура. Мы на рысях быстро нагоняли ее. Кто-то из казаков сказал:

— Это Кабаев!

И вспомнил я все, слышанное о нем, встал передо мной мощный образ богатыря, и захотелось мне скорей увидеть его, поговорить с ним. Он остановился, повернул коня и шагом поехал навстречу нам.

Когда он подъехал ближе и я мог ясно разглядеть его, я подумал, что казаки ошиблись, так он был не похож на того, каким я его себе рисовал. Передо мной на великольном белом коне сидел небольшого роста старик. Одет он был в белый китель, синие с малиновым лампасом шаровары и большие сапоги. Голова его была не покрыта, и его длинные, цвета пепла, седые волосы были перевязаны черной лентой, и только концы их слегка трепал свежий весенний ветер. На груди у него, на массивной цепи, висел серебряный восьмиконечный крест и большая икона. Его чуть сутуловатая фигура говорила о том,

что он сильно устал, и, несмотря на то что он еще бодро сидел в седле, весь вид его не напоминал воина. Его морщинистое серое лицо, окаймленное тоже серой седой бородой, на первый взгляд не представляло ничего особенного, и только серые глаза были интересны. В них светилась бесконечная доброта, любовь и наивность, но в них не было энергии и решительности вождя. И, глядя в эти глаза, я понял, что только его доброта, любовь и вера заставляют казаков верить ему и идти на смерть. Он подъехал к сотне и тихим голосом сказал:

— Снимите шапки.

Как один, казаки исполнили его приказание. Затем он благословил сотню своим крестом.

— Не бойтесь, детки, Господь с вами, идите и делайте свое дело во имя Его. Ни один волос не упадет с головы вашей, если не будет на то воля Господня!

Повернул коня и рядом со мной, впереди сотни, поехал, напевая псалмы и изредка обращаясь к казакам с краткими ободряющими словами. Мы подвигались ближе и ближе к поселку. Вдруг раздался выстрел, со свистом пронеслась граната и разорвалась за сотней, подняв столб воды и черной грязи. За ней другая, третья, и начался обстрел. Мы шли в колонне. Рассыпаться нельзя было. Везде мокрая, вязкая степь. Кабаев ехал шагом и пел псалмы, и удивительно спокойно шли сзади казаки... А гранаты рвались, рвались со всех сторон. Наконец мы вышли из обстрела и на несколько минут остановились за прикрытием увала. Кабаев не остался с нами. Он еще раз сказал нам, чтобы мы не боялись, и, обещав приехать к нам на позицию, шагом поехал в степь.

Нам предстояло пройти еще около 300 сажен открытого места, и тогда мы — у места назначения, за сыртом, на гребне которого надо окопаться. Эти триста сажен были под пулеметным огнем. Рассыпавшись лавой, двумя эшелонами, разомкнувшись, насколько позволяла местность, мы карьером проскакали это место и очутились за прикрытием, по крайней мере от пулеметов. Следующая сотня уже не смогла пройти здесь. Она, понеся потери ранеными, должна была вернуться.

Выбрав позицию, мы окопались и потом, оставив в окопах только караул, отошли к коноводам. Занятая нами позиция оказалась единственным удобным подходом к поселку; краевые знали это, а потому они, решив нас выбить оттуда, направили всю силу своего огня на наше расположение. После недолгой пристрелки они нащупали нас, и огонь их начал наносить нам урон. Уже появились раненые; вывезти их мы не решались, так как единственная дорога была под сильным пулеметным огнем, и они должны были оставаться под обстрелом.

Подошедшая к полю боя дивизия рассыпалась и стояла вдали, наблюдая за разрывами шрапнелей над нашей сотней. Несколько раз от нее отделялись сотни и старались прорваться к нам, чтобы, накопившись здесь, начать наступление, но каждый раз, как только они подходили к дороге, ведущей к нам, их встречал пулемет и они, неся потери, отходили обратно. Только одной сотне удалось пройти, проскочив место пулеметного обстрела, карьером, по одному.

Положение наше становилось хуже и хуже. Если за сыртом нас не доставали пули, то шрапнели рвались прямо над нами, и скрыться от них было некуда. Притихли казаки, и каждый только ждал, что вот-вот придет и его черед, и ему придется раненому лежать тут же и ждать новой раны.

— Кабаев едет! — услышал я чей-то голос, полный радости.

И действительно, на белом коне, в белом кителе, шагом ехал он по тому месту, которое не могли пройти сотни. Вокруг него, под ногами его лошади, взлетали небольшие куски грязи — это пулеметные пули срывали кочки дороги. В это время вся его фигура была удивительно величественна в своем спокойствии и пренебрежении к смерти.

Он медленно подъехал к сотне, слез с коня, осмотрел, не ранен ли он, и отдал его подбежавшему казаку. Казаки сами сняли шапки, а он благословил их, снял с груди крест и икону, поставил их перед сотней и стал молиться, громко читая молитвы. Все молились с ним, забыв о том, что над головой со свистом и визгом рвутся шрапнели. Окончив молитву, он пошел к окопам, где был караул. Как только он показался на гребне сырта, затрещали пулеметы и пули с характерным свистом понеслись над нами, падая сзади нас в воду, разбрызгивая ее маленькими красивыми фонтанами. А он шел и пел псалмы. Спустился к окопам и, под свист пуль и вой гранат, начал и там свою молитву. Вернулся, перекрестил нас, сел на коня и шагом уехал. Вскоре обстрел стал затихать, а потом и совершенно прекратился.

С темнотой мы отошли в ближайший поселок, и далеко за полночь утомленные казаки вспоминали переживания этого дня и говорили о Кабаеве. Но странно, ни один не удивлялся его храбрости, и только изредка кто-нибудь говорил:

— Ему что, его убить не может, потому он с крестом ходит!

Такова была моя первая встреча с этим героем.

Второй раз я его видел летом. Я, раненый, ехал по Уралу на санитарной барже. Вечером, когда я сидел с другими больными на палубе, к нам подошел на двух костылях старик, в халате, с непокрытой головой, перевязанной черной лентой. Я узнал Кабаева. Он подошел и сел рядом. Обе ноги его были забинтованы. Я заинтересовался, как

он был ранен, и он мне рассказал, как он шел в цепи, наступающей на занятый большевиками Уральск, как около него убили казака и как он выругал красных — «у, проклятые!» и сейчас же был ранен в ногу. Но он продолжал идти. Убило другого казака около него, и ему стало страшно; как только почувствовал он страх, так упал, раненый в другую ногу.

— Никогда не ругайся, сынок, и не бойся в бою, а иди с молитвою, и Господь сохранит тебя, — закончил он свой рассказ.

В Каалмыкове я остался, а он поехал дальше.

Прошел почти год. Войско оставило свою область и ушло с атаманом «от красных лап в неизвестную даль». Казаки были рассеяны по разным странам. В Крыму еще держались богатыри Врангеля. Я жил в Севастополе, лечась от ранения, полученного еще в войске. Однажды, выходя после обедни из собора, я увидел у изгороди знакомую фигуру. Это был Кабаев. Он был на костылях, с непокрытой головой, в каком-то больничном халате, с восьмиконечным крестом на груди. Прохожие принимали его за нищего, и некоторые подавали ему свои гроши, но он их не брал.

Я подошел к нему. Он меня не узнал, а когда я сказал, что я уралец, он заволновался и начал быстро, быстро рассказывать мне, что хочет собрать крестоносцев и идти освобождать Россию и родное войско. Я начал расспрашивать его, как он попал сюда, и услышал целую историю, как его увезли на Кавказ лечить раны, затем куда-то за море, куда, он не мог сказать, сказал только, что там были англичане, которые в Бога не верят, и его кипарисовые крестики, которые он делал и давал им, они не брали совсем или не носили на груди, как надо. Рассказал, как в море, во время бури, он молитвою спас корабль от крушения, наконец, что стало ему скучно по родной России и по войску и он со слезами упросил привезти его на Родину. Долго мы стояли у церковной ограды, и прохожие с удивлением смотрели на нас.

Потом я узнал, что его в Севастополе многие знали, да и сам я часто видел его после на базаре. Он стоял где-нибудь, окруженный небольшой кучкой народа, и призывал вооружиться крестом и идти против сынов антихриста. Но то, что можно было сделать на Урале, было невозможно в Севастополе. Толпа мелких торгашей и крупных спекулянтов не поняла его и считала юродивым, и около него, проповедника веры, сыпались шутки и базарная брань. Только изредка какая-нибудь женщина, протягивая ему сотенную бумажку, говорила:

— Помолись, родной, о душе новопреставленного воина...

Он не брал денег, но вынимал старый потертый поминальник и дрожащей рукой вписывал туда имя убитого.

Пришел октябрь 1920 года, и Крым был оставлен нашими войсками. Кабаев остался. Что с ним теперь, жив ли он, призывает ли опять с молитвою и крестом идти против слуг антихриста, или какой-нибудь латыш разбил прикладом его седую голову? Никто не знает. Вспомнит ли кто-нибудь о нем? Да и живы ли те, кто знал его? А может быть, через много лет, где-нибудь на берегу Урала или в широких уральских степях седой старик, сидя у костра, будет рассказывать своим внукам о великих подвигах войска, вспомнит Кабаева и скажет: «Да, с ним было не страшно... Потому он с крестом и с молитвою шел...»

\* \* \*

Здесь, в этом бою под Красновской станицей, опять проявил себя геройски наш Матвей Филаретович Мартынов. Будучи ранен, он не мог вести в атаку казачьей части, сидя на коне. Он взял легкой открытой автомобиль и, стоя в нем, повел части в атаку на красных. Шофер был ни живой ни мертвый, но все-таки исполнял приказания Мартынова. Сражение закончилось полным разгромом красных. Много их было порублено, много взято в плен. Со стороны красных войсками командовал Чапаев, и, по свидетельству Кутякова, он был разбит наголову.

Постепенно казаки бросают принцип «за грань не пойдем». Кстати, великолепные учебные полки не придерживались этого принципа и непрерывно дрались на чужой территории. На Славянском фронте полковник Н.Н. Бородин<sup>197</sup> не раз ходил за грань, он занимал Александров Гай и даже Новоузенск. Уральцы принимали участие, правда маленькими частями, при взятии чехами Бузулука, Самары и Казани. Уральцы принимали участие в организации Комуча в Западной Сибири. Уральцы держали связь с Добровольческой армией генерала Деникина. Уральцы держали связь с адмиралом Колчаком. Уральцы оказывали помощь и оренбургским казакам.

Оренбуржцы, в свою очередь, когда оправались, присылали нам свои части. Я помню, в 1919 году встретил на фронте 13-й Оренбургский полк под командой полковника Булгакова. Но в конце-то концов, уральцы не принадлежали ни к одной из Добровольческих армий, а были все время изолированы и самостоятельно вели войну. Поэтому во многих трудах, описывающих действия добровольческих армий, нет почти упоминаний о героической борьбе уральцев.

Восемь раз вели наступление на Уральск красные, всякий раз все большими силами, и восемь раз казаки отбивали эти наступления,

и наконец, девятый раз громадными силами, уже зимой, в январе 1919 года красные повели наступление на день раньше назначенного срока, что спутало, до известной степени, планы казаков, и главная надежда казаков — учебные полки были на Бухарской (Зауральной) стороне, не оправдала себя. Несмотря на героические усилия командующего армией генерала Мартынова, который, будучи ранен в четвертый раз, метался по фронту в санях, запряженных парой лошадей, Уральск был сдан 11 января по старому стилю. На другой день подошли учебные полки, уральцы ворвались в город и почти весь его захватили, но сразу же кинулись кто навестить родных, кто куда. Красные оправались и вытеснили казаков. По советским источникам выходит, что главная причина, почему красным удалось взять Уральск, это глубокий снег, мешавший казакам производить конные атаки, в которых они были особенно сильны, и что уральцы кинулись расхищать интендантское имущество красных.

Официальным девизом уральцев, выработанным на Войсковом съезде, был: «За веру, родину, Яик и свободу». Выпущен был орден Святого Архистратига Михаила с этой надписью на нем. Орденом этим награждались воины за отличия. В Учредительное собрание был избран делегат Н.А. Бородин, бывший член Государственной думы первого созыва, кадет. Причем, как известно, в Учредительное собрание выбирался делегат от каждых 250 тысяч населения, а в Уральском войске такого количества казачьего населения не было, а было немногим более 200 тысяч, поэтому казакам нельзя было разбивать голоса на других претендентов и рекомендовать всем голосовать за Бородина. Среди казаков же это была борьба за свою независимость и волю. Недаром в самом начале войны была популярна песнь:

Трансваль, Трансваль, страна моя,  
Ты вся горишь в огне.

В песне говорится о неравной борьбе буров с англичанами, и уральцы сравнивали себя с бурами, боровшимися за независимость.

К октябрю 1918 года армия состояла из 17 казачьих полков численностью приблизительно по 600 человек, Оренбургский казачий полк, Семеновская дружина, пришедшая откуда-то с Волги, 33-й Николаевский стрелковый полк. Численность армии нужно считать до 18 тысяч, из них приблизительно была одна треть пехоты при 120 пулеметах и 50—60 орудиях, которые в большинстве случаев были взяты с бою.

Всю главную часть этой борьбы приняли на себя три учебных полка. Командир 1-го полка полковник Курин<sup>198</sup>, герой Германской войны, был убит в самом начале своим же преждевременно разорвавшим-

ся снарядом. Его заменил полковник В.И. Донсков<sup>199</sup>. Командиром 2-го полка был полковник Беляев. Этот полк был частью пеший и находился на Илецком фронте. 3-й полк формировал А.Н. Карташев, но он вскоре был заменен полковником Быковым<sup>200</sup>. Затем Быков очень скоро был убит.

Дрались уральцы на четырех фронтах. Казаки мобилизовали все казачество, иногороднее же население края не мобилизовали и не мобилизовали и крестьян, когда занимали города и селения Самарской губернии. В Уральске скопилось очень много офицеров Русской армии и было богатое чиновничество и купечество, но они не пошли с нами, — чего они ждали, я не знаю. Ведь большевики были такие же враги и для них, как и для нас, казаков. Редкие пошли к нам добровольцами, и некоторые проявили большое геройство и стойкость — их всех приняли в казаки. Многие поустраивались на тыловых должностях, по всей линии, во всех поселках это были коменданты, заведующие какими-нибудь складами и т. д. Некоторые занимались спекуляцией. В общем — грустная картина.

Тогда как казачьи офицеры все были на фронте, и был такой сотник Арчаешников<sup>201</sup>, который был ранен девять раз и после короткого лечения снова возвращался на фронт. И казаки забрали даже тех казаков, которые при царском режиме были освобождены от военной службы по каким-либо болезням.

Многих иногородних приняли уральцы в казаки. Даже приняли двух евреев. Был принят в казаки инженер еврей Пейрос, который изобрел какую-то машину, которую прицеплял к бронированному поезду и она коверкала рельсы при отступлении, но согласно казачьей традиции переменили фамилию на Пейросов. Другой по фамилии Гурфейн поступил в нашу армию и выказал себя молодцом; приняли его под фамилией Гурфейнов. И это, кажется, не первый случай принятия евреев в казачество. По свидетельству генерала Хагондокова, на Дальнем Востоке во время Японской войны был принят уральцами боевой еврей по фамилии Гуревич. Но, кажется, он в войско не попал.

Когда пал Уральск, то там к большевикам присоединилось очень много иногородних, которые казаков ненавидели. Начались аресты, расстрелы и грабеж. Одна гимназистка казачьей женской гимназии, еврейка Роза Бух почему-то сразу приобрела власть и, вынеся стул на Урал, преспокойно села на него перед большой прорубью и пристреливала собственноручно всех, которых приводили к ней красноармейцы, и трупы их стаскивали под лед. Красные как в Уральске, так и во всех поселках, которые они занимали, стреляли в течение всей ночи в воздух. Сколько они тратили пуль, по-видимому, они их имели в без-

граничном количестве, и как они могли спать при такой стрельбе. И для чего они это делали, чтобы показать, что они бодрствуют?

Закрепившись в Уральске, красные повели наступление ниже Уральска по нижней линии, которая представляла собой беспредельную цепь поселков по реке Уралу. Это прежние форпосты для защиты России от зауральских кочевников, протяжением до Гурьева в 500 верст. А также они повели наступление на Александров Гай Самарской губернии, на станицу Сламихинскую, чтобы, взяв ее, выйти на Урал в тыл казакам. У казаков после падения Уральска мораль сильно пала и началось даже разложение армии, многие казаки решили разъехаться по домам. Красные очень легко дошли до города Абищенска и без боя взяли станицу Сламихинскую. Фурманов в своей книге «Чапаев» подробно описывает бой под Сламихином, но он оказался большой фантазер. Боя не было, был небольшой заслон, чтобы дать возможность эвакуироваться населению.

Войсковой съезд, обосновавшийся в это время в Калмыкове, искал выхода из положения и пришел к решению выбрать войскового атамана. Все взоры остановились на генерале Владимире Сергеевиче Толстове<sup>202</sup>. В. Толстов, георгиевский кавалер Германской войны, был сыном генерала С.Е. Толстова, бывшего одно время наказным атаманом Терского казачьего войска. Будучи в Гурьеве, он проявил большую энергию и организовал прекрасную защиту Гурьева от попыток красных завладеть им из Астрахани. Слава о нем шла хорошая. Толстов выставил свои условия, можно сказать диктаторские. Съезд, не занятые красными станицы и воинские части приняли эти условия, и В.С. Толстов был избран на пост войскового атамана 11 марта 1919 года.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЭКСТРЕННОГО СЪЕЗДА УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

№ 619

10 марта 1919 года

Идя навстречу желаниям и требованиям населения станиц, не занятых большевиками, и организованных воинских частей о необходимости вручения власти одному лицу, Войсковой Съезд постановил: запросить станицы и войсковые части, согласны ли они временно, до освобождения войсковой территории от большевизма, избрать Войсковым Атаманом генерал-майора В. С. Толстова и вручить ему неограниченную власть как над жизнью и смертью воинских чинов, так и над гражданским населением войсковой территории, при условии Войсковой Съезд временно не распускать. Съезд берет на себя обязанности помочь Войсковому Атаману по приведению в порядок всего войско-

вого достояния, боевых припасов и финансовых средств, оставшихся в руках Войска, и в деле снабжения всем необходимым армии.

Настоящие условия предлагаются генерал-майором Толстовым как единственные, на которых он соглашается встать во главе правления войсковой территории и Уральской отдельной армии.

Подлинное подписано: за председателя Съезда *П. Овчинников*,  
товарищу его *Иванаев*  
и секретаря *Истомин*.

*Копия.* Постановления Экстренного Съезда Уральского Казачьего Войска на 11 марта 1919 года.

Войсковой Съезд, заслушав приговора Частей и Станиц об избрании Войсковым Атаманом генерал-майора Толстова, считать избранным на пост Войскового Атамана Уральского Казачьего Войска, с правами, означенными в постановлении Съезда от 10 марта с. г. № 619.

Подлинное подписали: За председателя Войскового Съезда  
*П. Овчинников*,  
Товарищу председателя *Иванаев*,  
Секретарь *Истомин*.

Со времени выбора войскового атамана начинается второй период борьбы уральцев за независимость. К этому времени красные войска были в Абищенске. Разрозненные же казачьи части и остатки учебных полков находились в Мергене. Красные прислали делегатов, из них главный был Конде, из французов, и в одном из домов был устроен митинг.

Вот вам, по свидетельству есаула И.Д. Яганова<sup>203</sup>, описание того, как развернулись события. Штаб армии, находившийся в Сахарновской станице, узнал заранее о предстоящем митинге и выслал полусотню юнкеров под командой есаула М.Е. Мясникова, которая должна была, не доходя Мергенева, ждать дальнейших приказаний. В 4 часа утра 20 марта вышла вторая полусотня юнкеров под командой хорунжего, в то время И.Д. Яганова, со взводом конной батареи и присоединилась к первой полусотне. В это же время прибыл в автомобиле атаман и заявил:

— Я выбран атаманом, в войске завелась зараза, я ее хочу вырвать с корнем.

Сел в автомобиль с начальником штаба Моторновым<sup>204</sup> и быстро поехал в Мергенев, за ним наметом шла полусотня юнкеров с хорунжим Ягановым и полковником Кирилловым<sup>205</sup>.

По приезде в Мергенев полусотня окружила здание, где происходил митинг и где Конде предлагал прекратить войну и признать со-

ветскую власть. Когда вошел туда незаметно атаман с Моторновым, как оратор выступал диакон Горячинского поселка казак Спири. Спири убеждал казаков сдаться, что невозможно драться со своими братьями солдатами и прочее. Один казак сказал на все эти речи, что у нас теперь выбран войсковой атаман и что с ответом нужно подождать до его приезда сюда. Спири снова продолжал:

— Довольно проливать кровь, против кого воюем, что нам атаман, он разъезжает себе по Гурьевам и пьянствует.

При этих словах атаман Толстов вышел на середину и громко крикнул:

— Я атаман, расстрелять их сейчас же!

Юнкера моментально схватили Спирина и трех советских делегатов и на дворе их расстреляли. Перед расстрелом Спири упал на колени и просил пощады, тогда как Конде вел себя мужественно и сказал:

— Что ж, умрем, но знайте, что в конце концов мы победим.

Всех ж остальных, бывших на митинге, разделили на две партии. Оказывается, ранее были посланы туда казаки учебных полков, всегда верных казачеству, чтобы узнать, кто из присутствующих сочувствует большевикам. Атаман подошел к группе сочувствующих и приказал им вырыть во дворе яму, настолько большую, чтобы они все туда поместились. Момент был жуткий. Но эту угрозу в исполнение он не привел. После того как расстрелянные были похоронены, всем сочувствующим было дано по 100 плетей, а всем остальным по 25.

Это событие имело громадное значение в истории войска во время Гражданской войны. Сейчас же было отбито наступление красных на Мергенев и произошел первый Абищенский бой, когда красные были разбиты наголову и территория до самого Уралья была очищена. Теперь уже и фронтовики взялись за оружие как следует. Сорганизовались великолепные полки. Произошло много блестящих боев, в большинстве из них красные разбивались наголову.

Тактика казаков была почти одна и та же: они всегда атаковали на зорьке, а в дневных боях, в конном строю шашка решала дело. Уральцы не любили служить в пехоте, поэтому у них было мало казачьей пехоты, а была пехота из присоединившихся к нам русских. В смысле воинов уральцы, конечно, выше красных солдат, из которых много было мобилизованных красными. Когда казаки чувствовали, что им не совладать с противником, они просто отходили. Но вся трагедия у уральцев была в том, что пополнения не было никакого. Полки убывали. Учебные полки дошли сначала до дивизиона, а потом сошли на нет. Красные же имели неисчерпаемые запасы и людей, и оружия, слали все новые и новые части, каждый раз увеличивая численность.

У уральцев начались болезни — сыпной тиф и испанка. Не было ни одного человека, который бы не болел сыпным тифом. Многие умирали от него. А испанка в три дня доводила до могилы человека, который никогда ничем не болел. Лазаретов было мало, медицинских средств никаких, то, что иногда доставали на Кавказе, было далеко не достаточно.

Всех тяжело раненных отправляли на Кавказ. Вся казачья нация целиком делала непосильную работу. По линии от Уральска до Гурьева, на протяжении 500 верст, казачки, старики и дети на подводах везли раненых, снаряды и продовольствие. Казачки выпекали хлеб для всей армии. Так как эта часть территории войска пустынная, там хлеб не родился, то начали его доставать на Бухарской стороне у хохлов-переселенцев и на Кавказе. И наш генерал Шипов доставал его у кубанских казаков. Этот генерал рассказывал, что кубанцы берегли свой хлеб и многим отказывали. Но когда узнавали, что этот хлеб нужен до зарезу, то охотно продавали. Казачья солидарность.

18 марта 1919 года умер от последнего ранения герой войска генерал Матвей Филаретович Мартынов. Вот приказ атамана Толстова: «Казаки! Вчера в шесть часов 45 минут утра скончался талантливый, храбрый из храбрых, витязь родного Войска генерал-лейтенант Матвей Филаретович Мартынов. Войско понесло крупнейшую потерю. Да будет он примером в бою и в жизни каждому, кому суждено остаться в живых. Пусть каждый передаст в потомство, кем был Матвей Филаретович для своего Войска. Мир праху твоему, витязь без страха и упрека. Да послужишь ты примером всем любящим родное Войско. Генерал Толстов».

В очень короткое время все войско было освобождено, кроме Уральска. Уральск долгое время был совершенно отрезан от красных. Летом пытался крупный отряд красных прорваться к Уральску по линии железной дороги, и главные его силы были уже в Зеленом, а ближайший тыл с резервами и интендантским имуществом был в Каменской станице на станции Шипово. Казаки атаковали на зорьке это Шипово под командой полковника Сладкова и совершенно ликвидировали отряд, захватив много пленных, орудия и массу снаряжения и прочее. Главный отряд красных, бывший в Зеленом, спасовал и начал отходить в Самарскую губернию на город Николаевск. Казаки его преследовали, но уничтожить его не удалось. Идя за ним, казаки заняли город Николаевск. Помню случай, когда одной сотне приказано было собрать сход мужиков громаднейшего села Перелюб. На этом сходе командир сотни объявил мужикам, за что уральцы борются, предложил им вступить в наши ряды, обещая дать оружие. Мужики ответили, что своих детей

они не дадут ни белым, ни красным. А стоило только нам отойти обратно на свою территорию, пришли красные и объявили мобилизацию пяти лет, и мужики не протестовали.

Летом же было предпринято наступление на Уральск. Для этой цели казаки собрали с ближайших станиц, лежащих на Урале, большое количество рыболовных будар (лодок) для переправы через реку Чаган. Уральск расположен в вилке между Уралом и широкой рекой Чаганом, впадающим в Урал. Командовал боем старый генерал Чернышев, и бой окончился полным поражением казаков. На зорьке эти казаки подтянули эти будары и стали на них переправляться через Чаган, но были встречены бешеным артиллерийским и пулеметным огнем из сильно укрепленного Уральска. Так как кто-то и где-то опоздал, эти казаки на бударах, не поддержанные, были почти все перебиты. Это за всю войну самое большое поражение казаков. Считают, что около 1000 человек погибло. Атаман не мог себе простить того, что назначил генерала Чернышева командовать этим боем.

После всех этих событий красные снова повели наступление на Уральск на соединение с осажденными красными; на этот раз шла 25-я дивизия, командиром которой был советский герой Чапаев. Дивизия эта была переброшена с Колчаковского фронта, пришла она из-под Самары и почти без боев дошла до Уральска. У уральцев не было никакой возможности оказывать сопротивление везде.

Красные впоследствии повели наступление снова из Уральска ниже по Уралу, уже к осени дошли до Абищенска и спустились ниже до станицы Сахарновской. В Уральске было уже катастрофическое положение, все нижние станицы были переполнены беженцами, так как все население станиц, боясь зверств, уходило при приближении красных, больными, ранеными и красными пленными, с которыми абсолютно не знали что делать. Не было хлеба. Решено было, чтобы поправить немного положение, атаковать красных в городе Абищенске, где находились штаб Чапаева, его курсанты, масса провиантских складов и резервные части.

Назначенным отрядом командовал полковник Т.И. Сладков<sup>206</sup>. Отряд выдвинулся в степь, прошел скрытно 120 верст и очутился на высоте города Абищенска. По дороге встретили массу порубленных красных, валявшихся непогребенными. Это уральцы незадолго до этого разгромили отряд красных, вышедший с линии в степь.

На зорьке 5 сентября спешили казаки, ворвались в город, и начался ужасный уличный бой. Фурманов в своей книге «Чапаев» довольно верно его описал. Разгром красных был полный, несмотря на то что они упорно сопротивлялись, только единицам удалось бежать,

переправившись на Бухарскую сторону через Урал. И сам Чапаев был убит на Урале, когда он бежал на лодке. Казаки потеряли 150 человек, в их числе замечательный полковник Бородин. Захвачено много пленных и масса трофеев. Этот блестящий бой, можно сказать, был лебединой песней уральских казаков. Уральцы окончательно выдохлись, станицы были полны больными тифом. Каждое утро нагружали большие рыдваны трупами умерших — этим занимались пленные красные.

Их сваливали в большие вырытые ямы. Кони у казаков были измучены, кормить их было нечем. Начал ощущаться голод, так как красные весь скот угоняли из захваченных станиц куда-то за нашу грань. После этого разгрома красных в Абищенске их головной отряд, бывший в Сахарновской станице, трусил и начал отходить по направлению к Уральску. Разгромить этот отряд уральцам не удалось, он, уходя из станицы Сахарновской, наложил снаряды в великолепный собор псковского стиля и подорвал его.

Прошел этот отряд Абищенск и увидел весь ужас бывшего здесь боя, так как трупы еще не были убраны. Выйдя из Абищенска, отряд начал сжигать все станицы и поселки до самого Уральска на протяжении около 200 верст. А некоторое время спустя красные, оправившись, снова повели наступление вниз по Уралу и на станицу Сламинскую и ясно увидели, что, в сущности, воевать-то им уж не с кем. В станицах они увидели полные избы умирающих людей и на улицах трупы умерших.

По свидетельству полковника Т.И. Сладкова, который в это время конца 1919 года был назначен начальником штаба армии, атаман создал полк, названный «Атаманским полком Спасения», и сам решил руководить операциями. Полк насчитывал 350 человек. В середине декабря полк вышел на фронт, но в это время красные выслали парламентаров для переговоров. Атаман приказал выслать от частей по одному офицеру и казаку для присутствия при встрече с парламентарями. Ввели двух парламентаров, первый производил впечатление интеллигентного человека, второй же был из красной кавалерии кубанского сотника Попова, громадного роста, упитанный и довольно развязный. Оба вошедших сделали общий поклон, и старший заговорил, сильно волнуясь:

— Я, как парламентар, прислан к вам передать пакеты.

Пакетов было четыре: от Совета народных комиссаров за подписью Ленина, Троцкого, Каменева и др., от командующего Юго-Восточным фронтом Фрунзе, от начальника Уральской группы и от начальника фронтовой группы. В последнем говорилось: «Командующий

1-й Красной армией, отдавая справедливость героизму Уральской армии, считает для себя невозможным продолжать вооруженную борьбу с противником, который путь своего отступления устилает трупами людей, умирающих от эпидемий. Поэтому командующий армией предлагает прекращение боевых действий на условиях...» Дальше перечислялись условия. Ультиматум уральцы оставили без ответа и начали собираться в поход в Среднюю Азию.

Прежде чем приступить к описанию дальнейших событий, я немного задержусь на некоторых сведениях. Скажу о полковнике Тимофее Ипполитовиче Сладкове. Он был приемным сыном полковника Сладкова, бездетного. Приемный отец его дал ему военное образование. Т.И. Сладков окончил Елизаветградское военное училище и поступил в гвардию в Донской Атаманский полк. Был обаятельный, веселый, большой ухажер, но сильно отличался от типа уральца-офицера. Он выдвинулся настолько, что ему поручались сборные отряды в четыре-пять полков. Он командовал такими великолепными боями, как Шиповский и, особенно, Абищенский. И несмотря на это, к нему было какое-то предубеждение, а может быть, и зависть. Но казалось, что он не искал популярности, а был всегда весел и ровен со всеми в своих отношениях.

Так как во время Гражданской войны была большая убыль в офицерах, производились казаки за отличия в офицеры для пополнения офицерского состава, но этого было мало. Была организована школа прапорщиков с начальником полковником Исеевым во главе. До падения Уральска она находилась в Уральске. После она стала находиться при штабе армии и больше воевала, чем училась. После того как учебные полки, после колоссальных потерь, сошли на нет, то начальником школы был назначен полковник В.И. Донсков, командир 1-го учебного полка.

Во второй период войны, когда был выбран атаман, была произведена полная реорганизация армии, полки, кроме учебных, стали называться по станицам и были новые пришельцы. Назову конный отряд Позднякова, пришедший из Александров Гая Самарской губернии, Сафаровская татарская рота, пришедшая из татарского села Сафаровка, Партизанский небольшой отряд Решетникова, отряд терца Бичерахова с Кавказа, с бронированными автомобилями, был еще перешедший от красных Покровско-Туркестанский полк, численность его не знаю, вероятно, были и еще какие-нибудь части. Части эти были все хорошие, но нужно особенно выделить татарскую Сафаровскую роту.

Приведу несколько отзывов об уральцах как воинах. По свидетельству войскового старшины Е.Д. Коновалова, бывшего представителем



атамана Толстова при адмирале Колчаке, однажды на Войсковом круге Сибирского казачьего войска, в городе Омске, в присутствии всех союзных миссий, адмирал Колчак произнес речь. В ней он давал оценку, с полной беспристрастностью, участия казачества в борьбе за освобождение Родины. Он говорил о героизме и жертвах казаков. Особенно сильное впечатление на присутствующих произвели с подъемом сказанные им слова о небольшом, но сильном духом уральском казачестве. В уральцах он видел пример, обязывающий к подражанию.

— Ставлю уральцев на первое место, — сказал адмирал.

Генерал Деникин сказал одному из наших представителей:

— Вот если бы все казаки были как уральцы.

И вот советские отзывы. Из книги Фурманова «Чапаев»: «Это вам были не Колчаковские мобилизованные мужички. Здесь что ни казак, то непримиримый враг советской власти». Из книги Кутякова «Разгром белой Уральской Армии»: «...Уральское командование прекрасно оперировало своими частями не только на поле боя, но и на всем театре... Уральское командование правильно учло подвижность своей конницы. Перегруппировки и переброски, как правило, производились ночью, чем достигалась скрытность, а следовательно, и внезапность. Конные массы белых появлялись там, где их не ждали, и обрушивались на красные полки, окружая их и изматывая огнем боем и атаками... Командующий белой группой ген. Мартынов принял личное участие в бою за Уральск и нашел смерть как рядовой боец на улицах атакованной нами столицы белого казачества... Несмотря на то что красными открывался частый бурный огонь, выпускались сотни тысяч ружейно-пулеметных патронов, казачьи конные массы сплошь и рядом все же доводили до конца свои атаки...»

Одно короткое время командовал армией не казак, генерал Савельев<sup>207</sup>, но, кажется, он себя особенным ничем не проявил. Были два полковника Изергин<sup>208</sup> и Тетруев<sup>209</sup>, присланные от Деникина. Изергин командовал корпусом, а Тетруев же — отрядом, защищавшим Гурьев от Астрахани. Был полковник Генерального штаба Моторный; он был в нашей армии начальником штаба армии и был очень популярен, казаки приняли его в казаки под фамилией Моторнов.

Я раньше упомянул о сходе мужиков, собранных по приказанию командира казачьей сотни в громадном селе Перелюб. Они отказались нам оказать помощь. Здесь очень оправдалась русская поговорка: «Гром не грянет, русский мужик не перекрестится». В последнем бою в Абищенске мне достался портфель одного советского комиссара, где были официальные документы, где говорилось о том, как в окрестностях этого села Перелюб вспыхнули крестьянские восстания,

как крестьяне уничтожили два карательных отряда и, наконец, третий отряд, гораздо более сильный, с артиллерией, жестоко подавил эти восстания. А ведь только два-три месяца перед этим казаки их звали на борьбу, предлагая оружие и все необходимое. И уже после Абищенского боя к нам выбежали оттуда четыре человека, пройдя расстояние не менее 300—400 верст. Они полностью подтвердили эти документы. Один из них штабс-капитан, фамилию не помню, поступил в наш Чижинский полк, оказался очень боевым и, бедняга, в первом же бою был убит.

Теперь о киргизах. Букеевские киргизы на нашей территории не приняли никакого участия в войне и в душе, вероятно, были на стороне красных, так как красные им обещали золотые горы. Что же касается зауральских киргизов, которые после революции создали как бы государство Алаш-Орду, то они за спиной у казаков не имели общения с большевиками и создали с помощью уральцев небольшую конную армию. Уральцы им дали оружие, и они как будто притязали, что они наши союзники. Но стоило только рухнуть нашему фронту, как они стали вылавливать отдельные небольшие группы уральцев и их или уничтожали, или выдавали красным. Так они вырезали штаб Илецкого корпуса, разбросанного по отдельным киргизским землянкам. Погиб зарубленный генерал В.И. Акутин<sup>210</sup>, командующий корпусом, также такие видные генералы, как Загребин<sup>211</sup> и Балааев.

У уральцев не было большого предательства, но все же было. Вот те случаи, о которых я знаю. В самом начале войны прапорщики Н. Кузнецов и Хохлачев вели пропаганду за большевиков, были уличены, судимы и расстреляны. Доктор Ружейников примкнул к большевикам и из Саратова приезжал как делегат, уговаривал казаков признать советскую власть. Этого с миром и отказом отпустили. Депутат Каменской станицы, казак Кулаков, который еще на Германском фронте убеждал уральцев сдать оружие красным, присоединился к мнению доктора Ружейникова. Его лишили депутатского звания. Слышал про есаула Каймашникова, который будто бы был арестован. Слышал про студента Ф. Сергина. И был такой хорунжий Виктор Рябов. Обыкновенно к красным шли люди обиженные Богом или людьми. Рябов же окончил Оренбургское военное казачье училище вахмистром, спортсмен, георгиевский кавалер. Что потянуло его к красным? Мало этого — он поступил в Красную армию, дрался против уральцев, однажды под хутором Астраханкином провел отряд красных известной только казакам балкой и напал на уральцев неожиданно. Казаки его поймали и расстреляли. В моей станице оказалось семь или восемь казаков из молодых, которые перешли к крас-

ным; им также не повезло. Их поймали свои же казаки и всех расстреляли. Удалось бежать только одному Шапошникову, самому озлобленному.

По свидетельству атамана, были большие неприятности с Илецким корпусом. Однажды они бросили своих офицеров и своего командира полковника Балалаева и, под начальством подхорунжего Борханскова, ушли на Зауральскую сторону. Причина была та, что они хотели, прежде всего, освобождать свои станицы. С ними было много возни даже и в то время, когда им стал командовать заслуженный генерал Акутин. Атаман распустил Войсковой съезд и даже арестовал некоторых строптивых депутатов, не согласных с его действиями. Арестовано было, кажется, четверо во главе с председателем Войскового съезда, сотником Кирпичниковым.

Когда Оренбургское войско было разгромлено большевиками, то часть оренбуржцев, под командой генерала Акулинина, помощника атамана Дутова, пришла к нам. Но это были главным образом тыловые части. Эти части отказались вступить в нашу армию и идти на фронт. Генерал Акулинин удивлялся, что Толстов не хочет использовать эти тыловые части. Толстов же заявил, что ему нужны солдаты, а не тыловые учреждения.

*Н. Дорошин*<sup>212</sup>

### УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО<sup>213</sup>

До осени на Уральском фронте больших боев больше не было. На Сламихинском фронте полковник Н.Н. Бородин не раз отбивал атаки красных, сам выходил за грань, преследуя красных, и занимал в Самарской губернии большое селение Александров Гай и городок Новоузенск. В этом районе Самарской губернии жило много переселенцев, в большинстве зажиточных. Они были также против советской власти и дали казакам Семеновскую пешую дружину и Николаевский (по имени уездного городка Николаевска) стрелковый полк, которые боролись с красными в этом районе совместно с казаками.

К осени 1918 года Уральская отдельная армия состояла из 18 конных полков (600—800 шашек), 3 учебных конных полков, 3 пеших казачьих полков. Полевых пушек, приданных дивизиям и полкам, в армии было уже свыше 50. В частях было свыше 150 пулеметов. Большая часть вооружения была захвачена у красных в боях. Общая численность казачьей армии была около 20 тысяч. Кроме того, было не-

сколько иногородних добровольческих полков и отрядов. Затем два Оренбургских конных полка, присоединившихся к уральцам после разгрома Оренбургской армии. Казаки иногородних не мобилизовали, принимали только добровольцев.

В это время у казаков на фронте появился «дедушка Кабаев», старик, старообрядец, старше 70 лет, из станицы Соболевской, всегда с открытой белой головой и такой же бородой, с большим восьмиконечным медным крестом на груди, разъезжавший по казачьему фронту. Войсковое правительство по его просьбе разрешило ему сформировать команду из 15—20 человек «благочестивых» казаков-стариков, которые бы «бород не брили, табака не курили и нехороших слов в разговорах не употребляли». Все они с большими медными крестами сопровождали старца Кабаева, а впереди отряда один из стариков вез на груди древнюю икону. Команда эта называлась «Команда крестоносцев»!

А дедушка Кабаев так ободрял казаков: «Братцы! Стойте грудью за Якиushку, нашего кормильца!.. Не падайте духом, Господь не покинет нас!.. Я Богу за спасение войска молюсь!.. Против антихриста войска мы сражаемся, и Пресвятая Богородица закроет нас!»

Эта разъездная команда сильно поднимала дух казаков. Этот старик, старообрядец Кабаев, участвовавший еще в походах Скобелева, не мог примириться с мыслью, что на его родном Яике будут хозяйничать безбожники большевики! Он видел в них врагов веры, слуг антихриста и с ними решил бороться, но бороться силою веры, силою креста, и к этой борьбе он призывал всех верующих. С пением псалмов старики мчались в атаку на красных и увлекали за собой казаков!

Красные часто не выдерживали такой атаки и бежали или сдавались в плен. Много побед одержали эти «крестоносцы», но их становилось все меньше и меньше от вражеских пуль! Сам Кабаев уцелел до конца 1918 года, раненый, был эвакуирован с другими ранеными в Крым с последним пароходом перед замерзанием моря, и больше о нем ничего не известно.

Среди ряда удачных для казаков боев в течение осени этого года на Бузулукском и Новосергиевском направлениях следует отметить одно удачное для казаков сражение, которое произошло уже в ноябре на Соболевско-Бузулукском направлении: от Бузулука в пределы войска вошла красная дивизия пехоты с кавалерией и артиллерией. Генерал М.Ф. Мартынов со своими казачьими силами встретил эту дивизию около поселка Соболева и разгромил ее. Было взято 2500 пленников, 10 орудий, много пулеметов и другого снаряжения. Но эти потери уже не останавливали красных.

Большевики, покончив с Украиной, осенью 1918 года перебросили на восток большие силы и повели энергичное наступление. Казань, Симбирск, Сызрань и Самара перешли в руки красных. Перейдя Волгу, красные усилили нажим по всему фронту за Волгой, и к зиме Сибирская армия вместе с чехословацкими отрядами принуждена была отступать на восток. Оренбургские казаки оставили город Оренбург и отошли в восточные пределы своего войска. Фронт оренбургских и уральских казаков был прорван. Красные силы со стороны Самары и из Туркестана соединились в Оренбурге. Развязав себе руки в Оренбурге, красные устремились на Уральск.

Несмотря на потери, наносимые красным казаками на их Северном фронте в течение осени и начала зимы 1918 года, красные не усиливали свой нажим, подбрасывая все новые и новые силы. В конце декабря красные заняли станицу Соболевскую, а 6 января 1919 года красные, ударив из Новосергиевки, заняли город Илек. Наступление подавляющих сил красных со стороны Бузулука через Соболевскую станицу в направлении на Уральск, несмотря на снег и мороз, продолжалось.

Упорные бои вели казаки перед Уральском в течение нескольких дней. В этих боях был смертельно ранен командующий казачьими войсками генерал М.Ф. Мартынов. 11 января 1919 года, после ожесточенного боя, Уральск был оставлен казаками. Отчасти это произошло оттого, что не успели подойти все силы казаков к Уральску с других направлений. На другой день, когда подошли эти силы, казаки ворвались обратно в город, но удержаться в нем уже не смогли и ушли опять.

Уральцы отошли на юг по течению Урала к станице Круглоозерной (18 верст от Уральска), но позицию занимали в 10 верстах южнее города, а с Бухарской (восточной) стороны — на селе Подстепном, бывшем меновом дворе с киргизами, за Уралом, в 7 верстах от Уральска. Штаб армии помещался в поселке Большой Чаган, в 30 верстах на юг от Уральска. На этих позициях казаки стояли целый месяц.

Красные, заняв Уральск, свою власть вокруг не распространяли, а держали лишь узкие полосы земли для связи со своими базами: железная дорога Саратов—Уральск, полевой тракт Уральск—Бузулук, через станицы Красновскую и Соболевскую, полевой тракт Илек — железнодорожная станция Новосергиевка. Станицы вверх по Уралу от Уральска: Трекинская, Рубежинская, Кирсановская, Иртецкая и Студеновская — были свободны от большевиков, и поэтому полки этих станиц после сдачи Уральска из-за растерянности Войскового

правительства, а также из-за отсутствия раненого командующего армией генерала Мартынова не получили сразу приказаний, как и где находиться после окончания боевых операций у Уральска. А тыл в районе станицы Круглоозерной был забит войсковыми частями и беженцами. Была суровая зима, и в этом замешательстве после сдачи города не хватало жилья для размещения людей, не хватало продовольствия и фуража. Поэтому казаки этих верховских станиц разъехались по домам. Офицеры этих полков остались на фронте.

В этом сказались недостатки в управлении войском в условиях войны. Всеми внутренними и внешними делами войска ведал Войсковой съезд. Он же руководил боевыми операциями, причем очень часто вмешивался в чисто оперативные распоряжения как войскового штаба, так и начальствующих лиц. И не только съезд как таковой, но даже отдельные депутаты сплошь и рядом давали командному составу те или иные указания по оперативной части.

На этой почве создавались недоразумения и трения между членами съезда и высшим командным составом. Это сказалось особенно резко, когда во время боя за Уральск выбыл из строя тяжело раненный генерал М.Ф. Мартынов, пользовавшийся громадным авторитетом, руководивший военными действиями по защите Уральска. Несомненно, положение для Уральского войска создалось трагическое. Как уже было выше указано, была некоторая растерянность и падение духа как в управлении, так и среди казаков. Поднимался тревожный вопрос: что будет дальше?

Но были еще люди в войске, крепкие духом. Председатель Войскового правительства Г. М. Фомичев и член Войскового правительства войсковой старшина И.И. Климов<sup>214</sup> сдвинули дело с мертвой точки, расшевелили станичные комитеты обороны и с их помощью стали воздействовать на казаков, самовольно отлучившихся с фронта, требуя их возвращения на фронт! От самих же комитетов требовали усиления доставки продовольствия и фуража на фронт.

Обстановка в тылу была чрезвычайно тяжелая. Зима. Все дороги забиты беженцами, обозами тыловых учреждений. В сущности, дорога была одна: из Уральска в Гурьев, на юг, проходящая через все станицы, расположенные на берегах реки Урала до впадения его в Каспийское море. Только Сламихинская и Кармановская станицы были расположены в стороне от Урала, на западной границе войска с Букеевской Ордой Астраханской губернии. После сдачи Уральска вся дорога на юг была забита беженцами, обозами тыловых учреждений. Около дороги были сложены снаряды для орудий, винтовочные патроны и другое снаряжение, подлежавшее эвакуации на юг, в

тыл. Члены комитетов обороны задерживали всех, кто двигался в тыл, и на каждую подводу укладывали по несколько ящиков боеприпасов для доставки в указанные станичные склады.

Офицеры, находившиеся на фронте, стали беспокоиться о судьбах своих и казаков, оставшихся верными войску, в случае возможного дальнейшего продвижения красных на юг и полного краха фронта. Чувствовалось, что недостает твердой, единоличной, авторитетной власти для спасения положения. В результате собрания фронтовых офицеров, по инициативе начальника штаба Уральского фронта генерала Моторнова, было вынесено решение отправить делегатов к генералу В.С. Толстову, уральскому казаку, с наказом — просить его принять командование армией и войском, объявить себя войсковым атаманом.

Были выбраны делегаты: полковник Абрамов<sup>215</sup>, войсковой старшина Фадеев<sup>216</sup> и хорунжий Самаркин. Делегация прибыла 10 февраля в Калмыков, где в то время находился генерал Толстов. Он принял делегацию 15 февраля. После доклада полковника Абрамова о положении на фронте, о постановлении фронтовых офицеров генерал Толстов выразил свое согласие. В тот же день генерал Толстов объявил свой приказ № 1, где сообщалось, что он, генерал Толстов, видя беспорядки как на фронте, так и в тылу, для спасения войска берет на себя власть командующего армией и тылом. Всякое невыполнение приказаний, самовольные отлучки из полков будут строго караться, вплоть до расстрела. Войсковой съезд и Войсковое правительтельство распускаются до нового созыва. Этот приказ нужно было немедленно довести до сведения всех станиц для подтверждения!

На другой день в Калмыкове станичный сход вынес приговор, что генерал Толстов им избирается войсковым атаманом и командующим армией. Об этом всем было сообщено во все свободные от большевиков станицы, и они все присоединились к этому приговору. Был созван экстренный съезд делегатов от всех станиц, не занятых большевиками, который в своих постановлениях от 10 и 11 марта утвердил избрание генерала Толстова войсковым атаманом. Тем самым избранный фронтового офицерства был утвержден экстренно собранным Войсковым съездом. Не одно только постановление офицеров фронта повлияло на избрание войсковым атаманом генерала Толстова. Общественное мнение большинства казачества уже давно было против многоликого управления войском во время войны.

Атаман Толстов тотчас же принялся за дело. Он был известен в войске по Германской войне как человек выдающейся храбрости, георгиевский кавалер, командовал до революции казачьим полком. Он немедленно свел мелкие части в полки, а полки в дивизии. Сформи-

ровал новые 1-й и 2-й партизанские полки, укрепил военную дисциплину и порядок подчиненности соответствующими приказами. Упорядочил войсковой транспорт и наладил довольствие фронта и тыла. В каждой станице был назначен комендант для охраны складов продовольствия и боеприпасов. Этим он разгрузил комитеты обороны.

Между тем на фронте произошли следующие события: 11 февраля 1919 года красные большими силами вышли из Уральска и, потеснив небольшие казачьи части, заняли станицу Круглоозерную. Через несколько дней выступили дальше и, не встречая упорного сопротивления, начали вытеснять казаков из следующих станиц вниз по течению Урала. У казаков в это время решался вопрос с выбором генерала Толстова на пост войскового атамана, поэтому красных только задерживали, давая возможность эвакуировать огнеприпасы и тыловые учреждения.

У каждого селения задерживались на день, на два, чтобы вывезти что можно, и, как только красные накапливались для удара, отходили к следующему поселку. Таким образом, к 1 марта красные заняли поселок Горячкин, растянувшись по цепи станиц на 165 верст от Уральска, и остановились, ожидая себе подкреплений. Очевидно, красные знали, что войско находится в критическом положении, и начали засылать своих агентов и агитаторов к казакам, чтобы склонить их к переговорам и сдаче. Колеблющиеся казаки, конечно, были. Между ними и тайными агентами красных состоялось соглашение, что 20 марта большевики вышлют своих представителей и агитаторов в Мергенев, занятый еще казаками следующий к югу от Горячкина поселок, на проведение митинга с казаками.

Об этом узнал атаман Толстов и с сотней юнкеров и молодых казаков, а также с несколькими офицерами отправился в прифронтовой Мергенев. Там юнкера окружили здание, где происходил митинг, где депутаты от красных, — их приехало три человека, — уговаривали казаков прекратить войну и признать советскую власть. Атаман Толстов в сопровождении генерала Моторнова, полковника Кириллова и с несколькими юнкерами и казаками незаметно вошли в залу митинга. Как раз выступал казак Спирин из Горячкина, убеждая казаков, что невозможно больше драться со своими братьями-солдатами. Тут атаман вышел на середину и громко крикнул: «Я — атаман! Расстрелять их тотчас же!» Юнкера и казаки моментально схватили Спирина и трех советских делегатов и на дворе их тотчас же расстреляли.

Всех бывших на митинге разделили на две партии: 1) сочувствующих переговорам и 2) заранее посланных туда верных казаков из

учебных полков. Сочувствовавшим было всыпано по 100 плетей, и атаман уехал. Это событие подняло авторитет атамана Толстова и дух войска.

Через день красные, узнав о гибели своих депутатов, выступили из Горячкина и атаковали Мергенев. Но на этот раз казаки перешли в контратаку, выбили красных из Горячкина и загнали их в поселок Абищенск, где были их главные силы. Абищенск был окружен со всех сторон. Казаки подтянули все свои силы, в конце марта на заре атаковали со всех сторон, и Абищенск был взят. Трофеями были свыше 2 тысяч пленных, несколько орудий и 80 пулеметов, не считая винтовок и снаряжения.

После этого войсковой атаман с главными силами двинулся вверх по Уралу к Уральску. Началась распутица. Станицы, занятые небольшими гарнизонами красных, окружались и захватывались. Приблизительно в середине апреля казаки подошли к Уральску, но в это время начался разлив Урала и Чагана, и о переправе для взятия города нельзя было и думать. Казаки остановились напротив Уральска.

В это время разведка с левого фланга донесла, что на железнодорожной станции Зеленая высадился большой конный отряд красных, прибывший из Саратова, который с обозом степью направляется в сторону Абищенска, не заходя в Уральск. По-видимому, красные еще не знали, что Абищенск уже занят казаками. Навстречу этому отряду был послан 1-й партизанский полк. На речке Усике в кавалерийском бою красные не выдержали атаки казачьей лавы и повернули назад. Их преследовали, часть порубили, частью взяли в плен. Взято было 220 пленных, свыше 300 коней, шесть пулеметов, оружие и обоз с провиантом для Абищенска. После этого партизанский полк вышел на линию железной дороги на Саратов и разобрал частично путь на Уральск.

В это время на Илецком фронте полковник Балалаев взял у красных обратно Илек и потом двинулся к станции Новосергиевка на линии железной дороги Самара—Оренбург. Но, встретив большие силы красных, отошел обратно к Илеку. На Сламихинском фронте в апреле полковник Н.Н. Бородин разбил красных, прогнал их из области и преследовал в Самарской губернии до города Николаевска в одном направлении и до станции Красный Кут на железной дороге Саратов—Астрахань в другом направлении.

Таким образом, к середине мая 1919 года положение на Уральском фронте выглядело так: красные занимали город Уральск, узкую полосу вдоль железной дороги Уральск—Саратов и узкую полосу гужевого пути, связывающего Уральск с базой красных в городе Бузулуке (около 200 верст), через станицы Красновскую и Соболевскую.

Линия железной дороги на Саратов фактически контролировалась казаками. Для исправления подорванного казаками железнодорожного пути подходили бронированные поезда из Саратова и исправляли путь. Но после их отхода казаки опять подрывали железнодорожный путь в разных местах, так что поезда красных не могли ходить и подвозить в Уральск снабжение и подкрепления. Связь красных из Уральска в Бузулук во второй половине мая была совершенно отрезана, и город Уральск находился в полном окружении казаками.

В начале мая войсковой атаман прибыл в станицу Круглоозерную для подготовки наступления на город Уральск после спада весеннего разлива рек Урала и Чагана. Сюда к нему приехали депутаты прежнего войскового съезда от станиц выше по Уралу: Трекинской, Рубежинской, Кирсановской, Соболевской и Иртецкой, не занятых красными, но отрезанных от Уральска разливами рек. Полки именно этих станиц разъехались по домам после сдачи Уральска. Они старались выгородить казаков своих полков, говоря, что им не было приказа оставаться на фронте после сдачи Уральска, а они красным не сдавались. Депутаты просили атамана прислать им как можно скорее офицеров (когда казаки разошлись по станицам, офицеры остались на фронте) для приведения в порядок групп казаков, собравшихся в степях по хуторам, начавших разрозненно нападать на пути сообщения красных Уральск—Бузулук и фактически перерезавших эти пути. В общем, конфликт был улажен, и из казаков Соболевской линии была сформирована конная дивизия.

К этому времени относится также соглашение войскового атамана с киргизским правительством Алаш-Орды, расположенной на Бухарской стороне за Уралом, ее ханом был выбран адвокат Досмухамедов, управлявший со своим братом, доктором Алаш-Ордой. Оба брата были воспитанниками Уральского войскового реального училища. По этому соглашению атаман обязался помочь правительству Алаш-Орды организовать юнкерскую школу для киргизов, для чего был послан полковник Ерыклинцев с несколькими офицерами. Они привезли для школы оружие и учебные пособия. Взамен этого правительство Алаш-Орды обещало по сформировании армии выступить на стороне уральцев против большевиков, а до этого оказывать казакам помощь в вывозе хлебных запасов из Уильского района. Там было много переселенческих сел, богатых хлебом. Северные хлебопашеские станицы второй год не сеяли из-за войны, а их запасы пошли на питание населения и проходивших войск обеих сторон да частично были уничтожены. Поэтому в Уильском районе был закуплен хлеб, и обоз в 500 подвод, большей частью киргизских, под управлением

полковника Беляева перевозил оттуда хлеб в Калмыков и Гурьев. Так что хлебом армия была обеспечена.

Для нападения на Уральск и переправы войск через реку Чаган собраны были все бударки (рыболовные челны) в Круглоозерном и соседних поселках. Для атаки прибыл пеший Гурьевский полк. По плану Уральск должны были атаковать с двух сторон: с севера, со стороны Соболева, и с юга, у переправы через Чаган у Ханской рощи. На заре 24 мая переправа через Чаган прошла незамеченной, и гурьевцы ворвались в татарскую слободу (предмestье города), но с севера атака запоздала и была отбита.

Тогда красные всеми силами бросились на гурьевцев, которые не устояли и, неся большие потери, стали отступать к своей переправе на Чагане. Во время обратной переправы казаки сильно пострадали от артиллерийского огня красных. Погибло более половины атакующих, что являлось большим уроном для Уральской армии. После этого попыток взять Уральск штурмом не было.

9 июня 1919 года красные взяли Уфу и смогли после этого перебросить на Уральский фронт 4-ю советскую армию, в том числе известную 25-ю дивизию, командующим которой был Чапаев. В конце июня чапаевская дивизия выгрузилась в Бузулуке и начала с севера с другими советскими частями наступать на Уральск, чтобы прорвать окружение города казаками. Соболевская дивизия не могла сдержать значительно сильнее и лучше вооруженного противника и стала с боями отходить на юг.

В первых числах июля 1919 года чапаевская дивизия вошла в Уральск и сняла блокаду города. Вскоре после снятия блокады с Уральска, в начале июля, оттуда выступили 22-я и 25-я пехотные дивизии с приданной им конницей, артиллерией и другими вспомогательными частями под общей командой Чапаева. Оттеснив уральцев от города, красные медленно, с боями, спускались по линии станций вниз по течению Урала. В конце июля они дошли до Абищенска (145 верст от Уральска). Затем к середине августа чапаевцы еще продвинулись на юг до поселка Сахарного (45 верст от Абищенска), где остановились и окопались. Штаб и вспомогательные части с прикрытием остались в Абищенске.

Здесь надо сказать, что пленных красных в Уральской армии было огромное количество, не знали даже, сколько их и что с ними делать. К концу лета 1919 года число их, безусловно, превышало численность казачьей армии. Казаков же пленных у красных почти не было, если не считать оставшихся жителей в захваченных красными станицах, состоявших из женщин, детей и дряхлых стариков.

Работ для пленных у населения почти никаких не было, потому что никаких работ не производилось — все воевали! Часть пленных работала в Гурьевском порту, в военных мастерских, на погрузках и разгрузках военного имущества и снаряжения на линии. Но громадное большинство ничем не было занято. Их не сторожили, и не было никакой организации для их прокормления. Бродили они по станицам, питаясь чем попало и подаванием сердобольных казачек. Кто мог и хотел, бежал на Бухарскую сторону и прятался там в переселенческих селах, не разоренных войной. Удерживало их от побегов также незнание местности, кругом голая степь, пустынная и без воды. Да и что было делать с ними, когда все тыловые поселки были забиты или военными, или беженцами? Их некуда было девать! Не находя мест в селениях, беженцы располагались прямо в степи, таборами по берегам Урала. Питались тем, что везли с собой, никакого снабжения населения не было, медицинской помощи не было, а между ними были и больные, и раненые с фронта.

Одновременно с наступлением чапаевского отряда из Уральска вниз по линии станций, из Саратова по железной дороге подбросили крупные силы красных, которые высадились, не доезжая до Уральска, на станциях Шипово и Зеленая и стали двигаться хуторами по степи в направлении на Абищенск, стараясь отрезать Уральскую армию под Уральском. В заслон этим силам были направлены 1-я и 2-я конные казачьи дивизии. Они применяли старую тактику уничтожения неприятеля по частям. Следя за ними разведкою, казаки всегда знали, на каком хуторе ночевала какая часть. Обычно на заре этот хутор внезапно атаковывался казаками, и красный батальон или рота уничтожались или брались в плен. Но половине красных все же удалось пробиться к Уралу, где они присоединились к чапаевцам, выступившим из Уральска.

Как было сказано выше, чапаевцы окопались в поселке Сахарном. В следующем поселке, Каленом, окопались и казаки. Фронт замер на этих позициях. В это время с левого фланга на фронт к Каленому была отозвана 2-я конная дивизия, так как Саратовский отряд присоединился к чапаевцам в Абищенске. Дивизия эта расположилась позади поселка Каленого, на берегу Урала, в лесочке. Для коней дивизии не было сена, не было и подножной травы, так как по правой стороне Урала в степи и в лутах вся трава до корней была съедена скотом беженцев, конским составом частей и обозов при их отходе вниз по линии. Имея в Каленом посаженные в окопы казачьи пешие части, полки 2-й конной дивизии, с риском быть захваченными врасплох, каждое утро переправляли коней вплавь через Урал на Бухар-

скую сторону на выпас! Вечером вплавь переводили коней обратно на правый берег, привязав на хвост каждому коню по связке травы на ночь. Зерном коней снабжали из обоза дивизии 2-го разряда. У казаков появился план обхода красных с тыла и нападения на Абищенск, где находился штаб красных, сам Чапаев и вспомогательные части.

31 августа 2-я конная дивизия под командой полковника Сладкова выступила из поселка Каленого в степь. Ей были приданы два конных орудия и легкий обоз с провиантом. Чтобы не быть замеченной красными, дивизия выступила в ночь и углубилась в степь. Днем отдыхали, а ночами шли на север и вышли на высоту Абищенска. К этому времени туда к ним подошел полковник Н.Н. Бородин с двумя конными полками со Сламихинского фронта. Остановились в складке местности, в 15 верстах от Абищенска. Постояли там два дня, чтобы дать отдых коням. Днем высылали дозоры и задерживали всех в степи, не исключая и женщин, чтобы никто не мог вернуться в поселки на линии Урала и рассказать о казаках. Шесть конных полков простояли в 15 верстах от Абищенска два дня и не были замечены красными.

В ночь нападения отряд приблизился к Абищенску, спешил, оставил коноводов и 2-й партизанский полк на конях на всякий случай. Пешие части окружили Абищенск со всех сторон. Подошли чуть не вплотную ко дворам поселка и залегли в ожидании сигнала «подниматься!». Наконец, сигнал был дан, и цепи казаков без выстрела вошли на улицы станицы. Была еще ночь. Расположение улиц было хорошо известно всем, и скоро началась очистка домов. Сопротивление было редким и ликвидировалось быстро: один-два выстрела в окно, и заспанные красные выбегали. В центре селения, у штаба, началась ружейная и пулеметная перестрелка. В доме штаба засело некоторое количество красных вместе с самим Чапаевым. У них было два пулемета, и они отстреливались. В это время был убит полковник Бородин. Задний двор штабного здания выходил непосредственно на реку Урал. Казаки начали усиленно обстреливать здание штаба. Пулеметы красных затихли. Казаки бросились в дом и нашли несколько убитых и умирающих. Бросились к Уралу. Уже рассветало, и видно было, как по реке красные плыли на Бухарский берег, некоторые на лодках. Из пулеметов всех их расстреляли на воде. Среди них был убит и знаменитый Чапаев. Казаки с конями переплыли Урал, обыскивали всю прибрежную окрестность — убежавших не было. Кроме утонувших, примерно десять красных были убиты пулеметным огнем уже на берегу.

Так уже утром 5 сентября 1919 года Абищенск опять оказался в руках казаков. Красные ни в Уральске, ни в Сахарном еще не знали о случившемся. В Абищенске днем 5 сентября сел самолет, посланный из Уральска для связи с Чапаевым. Потом прилетел самолет от Уральской армии — красные еще стояли в Сахарном. Взятие Абищенска было большой победой для казаков. Погиб Чапаев и весь его штаб. Красные понесли большие потери в людях, много было пленных. Были захвачены обозы и склады провианта и боеприпасов.

На другой день, 6 сентября утром, конная дивизия Сладкова выступила из Абищенска на север очищать станицы от красных. В заслон от красных в Сахарном оставлены были два полка сламихинцев. Один из этих полков выступил на позицию в Горячкин 6 сентября и к вечеру увидал за поселком цепи красных, быстро двигавшиеся со стороны Сахарного. Красные узнали о падении Абищенска и отступали на север. Встретив казачий заслон, красные потеснили его и следовали за ним всеми своими силами (две пехотные дивизии) по пятам. 8 сентября казачий заслон догнал отряд Сладкова у поселка Прорвинского. В следующем поселке, Богатском, Сладков встретил сильный отряд красных, высланный из Уральска.

Казачьи отряды, также соединившиеся, ночью держали совет и решили утром уйти от Урала в степь, чтобы не попасть в клещи красных, наступавших с юга и с севера. Утром 9 сентября казаки ушли в степь у поселка Прорвинского. Они видели днем, как соединились красные также у поселка Богатского. К вечеру в тот же день подошли к поселку Прорвинскому с юга главные силы Уральской армии.

10 сентября соединенные силы казаков атаковали красных, находившихся в поселке Богатском, и оттеснили их на север, до станицы Скворкинской, в 18 верстах севернее Богатского поселка. В Скворкине у красных была укрепленная позиция, и фронт остановился там на целый месяц. Таким образом, рейд отряда полковника Сладкова разрушил всю организацию красного фронта, нанес красным большие потери в людях и снаряжении и отбросил их на 140 верст на север.

После Абищенского рейда настроение казаков на некоторое время поднялось, но усиление эпидемии сыпного тифа, ввиду большой скученности людей как в тылу, так и на фронте, разрежало и без того густые ряды казачьих полков.

Надо принять во внимание, что пополнение казачьих полков шло только за счет выздоровевших раненых и больных. Тиф расстраивал транспорт, затруднял питание армии. Всех больных и раненых походные госпитали не могли вместить, и они лежали без медицинской помощи по станицам или в беженских станах. В октябре, с усилением



холодов, скученность увеличивалась, а с нею увеличилась и эпидемия. Печальные новости с фронтов адмирала Колчака и генерала Деникина, полная самоликвидация Оренбургской армии, обнажившая правый фланг Уральской отдельной армии, создали для уральцев обстановку исключительно тяжелую.

В половине октября красные, получив подкрепления и новое начальство (вместо Чапаева), вышли из поселка Скворкина и повели наступление на юг. Несмотря на наше сопротивление, красные в конце октября заняли опять Абищенск (в третий раз).

В станице Мергеневской атаман обсудил создавшееся положение на совещании в штабе корпуса, куда были приглашены все командиры полков. Выяснилось, что фронт долго держаться не может, и наше поражение в недалеком будущем неизбежно. Тиф продолжал косить ряды и все усиливался. Открыто говорилось о необходимости подготовиться к отходу на форт Александровский. Атаман обещал сделать все нужное для этого похода.

В Калмыкове, штабе казачьей армии, чувствовалась расхлябанность. Там скопилось много офицеров из добровольческой и других армий, которые ожидали каких-нибудь назначений в тылу, но в тылу все было заполнено, в армии можно было служить только рядовыми бойцами, но это редко кого устраивало. Предпочитали «выжидать», порой занимаясь разными темными делами, пьянствуя.

Красные сильно нажимали, стараясь до зимы занять Гурьев и ликвидировать Уральскую армию. В середине ноября красные дошли уже до поселка Антоновского, в 40 верстах от Калмыкова.

**В. Варженский**<sup>217</sup>

#### КУДЕСНИК<sup>218</sup>

В 1918 году Белая Сибирская армия, как весенний поток, скатившись с Уральских гор, молниеносно заняла город Пермь и победоносно пошла дальше на запад и север, в направлении на Казань и Вятку.

Отряд особого назначения, в составе которого находился и я, занимал самый правый фланг боевой линии и двигался в северо-восточной части Соликамского и Чердынского уездов Пермской губернии, в обход города Глазова. Вся эта местность, первобытно дикая и бездорожная, покрыта огромным девственным лесом преимущественно хвойных пород, с редким населением, которое в большинстве состав-

ляют инородцы-пермяки. Природные условия местности и снежная холодная северная зима затрудняли наше наступление.

Трудности заключались еще и в том, что эти инородцы имеют свой язык и многие из них не говорят по-русски. Живут они бедно, в курных избах, в окнах которых не стекло, а бычий пузырь. По религии они — язычники. Промысел их — охота на пушного зверя и рыбная ловля. Немногочисленные поселки разбросаны в лесу на расстоянии не менее 25—30 верст один от другого. Между ними — плохие проселочные дороги, а чаще всего — просто труднопроходимые тропы, называемые «волоком». Все эти неблагоприятные условия очень мешали нашему продвижению и изнуляли силы. Но мы не сдавались и неукоснительно продвигались вперед, тесня красных, которые, отступая, оказывали нам слабое сопротивление.

Итак, мы находились в Чердынских лесах, в только что занятой довольно значительной деревеньке, которую, не в пример прочим, красные защищали упорно. Следующий населенный пункт на пути нашего продвижения находился за 25 верст «волоком». По полученным от разведки сведениям, это было уже село, которого красные без серьезного боя не уступят, так как оно для них представляет какое-то стратегическое значение.

Принимая во внимание все эти соображения, мы должны были хорошо продумать и разработать план наших дальнейших действий. Выступить решено было ночью, с расчетом, чтобы подойти к цели на рассвете, так как в той обстановке, в которой мы находились, ночной бой для нас был бы неприемлем. Кроме того, необходимо было дать некоторый отдых людям, уставшим после тяжелого перехода.

План был таков: в 9—10 часов вечера должна была выступить большая разведывательная партия в составе 25—30 человек под командой младшего офицера и идти до соприкосновения с противником; если будет возможно — занять село, а в противном случае — завязать бой и держаться до подхода главных сил. Выбор вести разведку пал на меня, и я, получив боевую задачу, выступил в назначенный час под искренние пожелания успеха остающихся однополчан.

Зима тогда стояла снежная и холодная, но в дремучем лесу казалось теплее, чем можно было ожидать. Полная луна в радужном круте, как это бывает в морозы, феерически освещала молчаливый лес. Голубоватый фосфорический отблеск искрился на дороге, на засыпанных снегом огромных ветках вековых сосен, и было что-то таинственно-сказочное в этой волшебной картине. Дремучий лес спал, как закодированный, и кругом была такая тишина, что от нее звенело в ушах. Местами дорога проходила под сросшимися, казалось, ветвя-

ми деревьев, на которых лежал девственный снег, и мы шли как в туннеле.

Солдаты после дневного отдыха шли бодро и внимательно всматривались в окружающую нас ажурную чащу, где на блестящей парче снежного ковра причудливо переплетались фантастические тени огромных сосен, елей и пихт. Кроме 25 стрелков, со мной был пулемет Виккерса и одна подвода для раненых, с ротным фельдшером.

У меня в то время довольно часто побаливали зубы, и, как на грех, едва мы прошли полпути, меня стало лихорадить и начался сильный приступ зубной боли. Тот, кто когда-либо испытал это мучительное состояние, поймет без всяких объяснений человека, который, как говорят, света Божьего не видит и жизни не рад. Вот именно такое состояние и постигло меня в момент исполнения возложенной на меня ответственной боевой задачи. Возвращаться было уже поздно, да и бесполезно, так как получить облегчение все равно было невозможно. Подозвав своего заместителя, взводного унтер-офицера, я сообщил ему о своей болезни и приказал быть как можно бдительнее и обо всем замеченном немедленно доносить мне.

Луна заметно скатилась к горизонту, и в просветы верхушек гигантских деревьев видны были крупные яркие звезды, но в лесу было темно. Все заставляло нас соблюдать самую тщательную осторожность: мы двигались вперед так бесшумно, что как будто слышали, как колотятся наши сердца. Я, сжав зубы, беззвучно ныл и стонал от боли и был бы рад неприятельской пуле, которая прекратила бы мои нечеловеческие страдания...

Время, казалось, остановилось, и напряжение дошло уже до предельной точки, когда взводный мне доложил, что дозоры заметили в лесу какой-то огонек. Конечно, это еще не было село, к которому мы пробирались. Огонек, тускло мерцая, виднелся влево от дороги, в лесной чаще, но как близко — определить было невозможно. Мы приняли боевой порядок и залегли, ожидая сведений от посланной разведки. Через полчаса было установлено, что в двухстах шагах от дороги находится лесная сторожка и в ней один сторож. Красных поблизости нет. И я решил сделать здесь небольшой привал.

Сторожка была маленькая и освещалась сальной плашкой, при свете которой можно было разглядеть все ее несложную обстановку. В левом углу — печь; в правом, красном, стол и около него широкая скамья, она же, вероятно, и кровать сторожа. У двери на гвозде висел меховой полушубок, в углу стояла двустволка, а на стенах висели кое-где пучки сушеных трав да две или три заячьих шкурки — вот и все.

Хозяин — очень благообразный мужик, крепкий, ростом выше среднего, на вид лет пятидесяти, но, как я узнал позднее, ему было много больше. Темно-русые с проседью, гладко расчесанные волосы и аккуратная борода напоминали скорее какого-нибудь боярина или персонаж из былинного эпоса, чем лесного сторожа, затерянного в глуши. Если еще прибавить к описанию большие открытые глаза, которые светились добродушием и отвагой, а также одну характерную черту его разговора — он всем говорил «ты», но себя величал «мы», — то портрет готов.

В караулке было тепло, но не жарко. Я сел у стола и, зажав лицо руками, застонал и заохал от боли. Солдаты разместились на полу, пользуясь случаем отдохнуть после длительного и напряженного перехода. Хозяин стоял у печки.

— Кто набольший-то вашей ватаги? — спросил он после короткой паузы.

— Вон, офицер, — ответил один из солдат.

— Офицер? — недоумевающе повторил сторож. — Стало быть, барин!

— Должно, барин, — согласился солдат.

— Вишь, хворый.

— Занемог в походе, — пояснил другой.

— Недужится, барин?... Зубная хворь напала? Это бывает... Хошь, вылечу? — обращаясь прямо ко мне, предложил хозяин.

— Что? — охая, переспросил я.

— Хворость твою, говорю, можем выгнать, — уверенно сказал он.

— Как же это?! — со злобой выкрикнул я.

— Заговор такой знаем.

— А-а!.. — произнес я с досадой и отмахнулся.

— Не веришь? — продолжал он. — Ну, как знаешь... А нам што...

В голосе старика прозвучала обида, и он замолчал. Мне стало его жаль. В заговор я, конечно, не верил, но, чтобы успокоить старика, согласился:

— Ну ладно, заговаривай, колдун!

— У нас колдуна в позапрошлом году мужики на деревне дубьем убили. Вот то — колдун... А мы — нет, — проговорил он еще с большей обидой и огорчением.

— Ну ладно, ладно... Я, отец, пошутил, — заговаривай, — пытаюсь поправить дело, говорил я.

— А ты не шути!.. Колдуны — они порчу на людей наводят... и на скотину... А мы порчу эту — выгоняем.

— Я понял... не сердись... помоги мне...

— Вот так-то лучше, мил-человек, — подбрав, сказал он, заулыбавшись. — Погодь малость, мы сейчас.

Он вышел в сени и тотчас же вернулся с большим жестяным ковшом, полным холодной воды, в которой плавали небольшие кусочки льда. Он молча сел около меня, поставил перед собой ковш и сосредоточенно что-то начал шептать. Потом не то подул, не то поплавал на воду, затем заскорузлым пальцем помешал воду, и светлые, как стеклышки, льдинки закружились и, ударяясь о края ковша, издавали приятный мелодичный звук... Прodelав весь этот ритуал, старик перекрестился большим крестом и, подвигая ко мне ковш, сказал:

— Ну вот, теперича пей с Богом.

Я недолго думая сделал глоток. От невыносимой боли во рту у меня захватило дыхание и я едва не потерял сознание... В голове была только одна мысль, за которую мне стыдно и по сей день: «Вот только немного приду в себя, как схвачу этот железный ковш и хвачу им изо всех сил по башке, чтобы убить сразу, наповал, этого проклятого колдуна. Так же, как сделали мужики в деревне...»

Через минуту, а может быть и меньше, ледяная вода согрелась во рту, и я ее проглотил. Открыв глаза, я встретил ласковый и отечески заботливый взгляд старика, который с какой-то особой, только ему присущей нежностью вдруг спросил:

— Ну что, сынок, болит?

Я, в сущности, не понимал, что произошло, но боли не было!

Я ошупал челюсти, пошевелил во рту языком, еще хлебнул холодной воды — и никакой боли... От радости я закричал:

— Не болит! Не болит! Слышишь ты, кудесник, не болит!

— Чаво? Кудесник? — усмехнулся он. — Это по-нашему, стало быть, кудасей?... Не угадал, барин, нет...

— Кудесник — это мудрец, — пояснил я.

— Ну, коли мудрец, стало быть, хорошо.

— Еще раз спасибо, отец, не болит!

— Благодарю Бога, сынок, а нас — за что?

— Ты русский, отец?

— Нет, старовер.

— Старовер? — засмеялся я.

— Что? Аль не гоже?

— Нет, почему же... Я спросил тебя, какой ты нации.

— Говорю — старовер... По старой вере живем и мы, и деда, и прадеда — все по старой вере... У нас все здесь так. Вон там пермяки, дальше вогулы — все по своей вере живут.

— Ну что ж, это хорошо, — согласился я. — А что ты тут делаешь?

— Как что?... Сторожку нес, вот что.

— А не страшно в лесу одному-то? — приставал я, довольный тем, что не чувствую никакой боли.

— А чаво? У нас не балуют... А на зверя — вон ружьишко припасено, — отвечал он охотно.

— Ты грамотный? — продолжал я.

— Нет!.. Не умудрил Господь... нет...

— А далеко отсюда до деревни-то?

— До какой? До села верст десять будет, а до Перямяков, почитай, и все пятнадцать. Вы отклева?

— Вероятно, от Пермяков, — ответил я и продолжал допрос: — А войска-то здесь много?

— Вчерась их людно пробегло в село.

— А к тебе заходили?

— Нет!.. Шибко торопко пробегли, не заходили.

В это время отворилась дверь, и вошел фельдшер, который доложил, что подвода к избе подъехать не может, так как единственная просека завалена огромной сосной, которую пять человек, как ни пытались, не могли отворотить.

— Пять человек, говоришь? — добродушно усмехнувшись, сказал старик. — Ну ладно, пойдем, это мы спроворим мигом.

Он направился к выходу. Я и фельдшер последовали за ним. Уверенно, не торопясь подойдя к лежащему поперек просеки действительно огромному дереву, он взял его обеими руками за конец и один, без всякой помощи, своротил с дороги, положив вдоль просеки с одной стороны. Я ахнул от изумления.

— Ну вот и дорога, — сказал старик, отряхая снег со своих рук.

— Да ты богатырь — Добрыня Никитич! — воскликнул я.

— Никита-то Никита, но не Добрынин!

— Сила-то, сила какая! — не унимался я.

— Да! Силушкой нас Бог не обидел. Только ты, барин, никому не говори, негоже... Сглазят.

— Не беспокойся, не скажу.

Всем виденным и случившимся я был так поражен, что готов был еще долго говорить с этим кудесником-богатырем, но надо было уже двигаться дальше, так как до рассвета оставалось недолго. Простившись с гостеприимной сторожкой и ее хозяином, мы двинулись. Луны уже не было, и в лесу было так темно, что мы с трудом могли различать дорогу.

После часу пути из села донесся до нашего слуха отдаленный собачий лай и потянуло дымком. Перед селом лес как-то расступился, и в свете раннего туманного утра, версты за две, показалось на взгорье село, обнесенное поскотиной. Мы находились у небольшого мостика через глубокий овраг, почти до краев заваленный снегом, что делало его непроходимым. За оврагом было поле, а на нашей стороне — лес. Вокруг было так тихо, что трудно было подумать, что здесь война. В селе не было видно ни души, и мы решили перейти мост и идти в село. Но только мы вступили на мост, как застрочил неприятельский пулемет, и трое из нас были ранены. Мы залегли перед мостом. Пулемет был так хорошо пристрелян, что и думать нечего было форсировать мост; мы поджидали наши главные силы.

Приблизительно в полдень, после еще одной попытки перейти этот мост, я был ранен. Пуля прошла навылет в мускул левой руки выше локтя, и поэтому я принужден был отправиться на перевязочный пункт, который расположился в той самой лесной сторожке, где я так чудесно избавился от зубной боли. В избе было уже человек десять раненых. Мой старый знакомый, кудесник, энергично помогал фельдшеру, исполняя обязанности санитаря. Он как-то особенно обрадовался мне и очень беспокоился, узнав, что я ранен. Он все время не отходил от меня, пока мы ждали подводы, чтобы ехать дальше в тыл в госпиталь, видимо, ему так хотелось помочь мне.

Когда мы уже сидели на подводах, прощаясь со мной, он говорил:

— А ты на сердце-то горькую думу не клади... Образуется... До свадьбы заживет... Полюбился ты мне, сынок, вот как!.. Ну уж ладно! Прощай!.. Будешь ехать обратно по этой дороге, зайдя проведать колдуна.

— Обязательно, обязательно заеду... До свиданья!

Мы двинулись. Старик шел у подводы до дороги и долго еще стоял на ней, смотря нам вслед, пока мы не скрылись...

Но случилось так, что не успел я залечить свою рану, как наша армия начала свое отступление, и я присоединился к своей части уже в Перми, а затем отступал вместе со всеми до китайской границы.

Прошло много, много лет... Много отшумело житейских гроз и непогод... Давно уже засеребрилась голова. Болят иногда старые раны. Порой дают себя чувствовать хронические болезни, залеченные нашими учеными эскулапами, — а вот зубы, заговоренные моим кудесником, встреченным в Чердынском лесу в бедной лесной сторожке, никогда не болели и не болят. Повесть окончена...

О ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРАХ В СИБИРИ<sup>220</sup>

Казань продолжала переживать последние дни перед падением; как мираж, постепенно исчезала и, наконец, совершенно исчезла надежда на помощь союзников. Обстрел города усилился, к большевикам подошли сильные подкрепления из интернациональных отрядов, формирование которых ими в то время тщательно скрывалось. И вдруг, как-то внезапно, стало известно, что Казань оставлена не только представителями правительства, Лебедевым и Фортунатовым, но и военным командованием и что войска отходят на Сибирский тракт, — в городе началась паника.

Известие об оставлении Казани войсками пришло поздней ночью с 7 на 8 сентября, и все казанцы, кто хоть мало-мальски был связан с делом обороны родного города, поняли, что они первые подвергнутся всем жестокостям, неоднократно обещанным Троцким в его приказах...

Начались тяжелые сцены расставания. Голосила молодая жена, прощаясь с мужем-добровольцем и не могущая последовать за ним в неизвестность с двумя маленькими детьми. Старый русский генерал, участник многих кампаний, последний раз крестил своего единственного сына-гимназиста-добровольца, наказывая ему стоять до конца за трехцветное русское знамя. Бессильно рыдала пришибленная горем старушка мать, надевая на сына-студента образок Казанской Божьей Матери.

Вот идет слободской рабочий, окруженный целым выводком своих ребятишек. Несколько раз он останавливается и берет по очереди на руки то того, то другого малыша, никак не желающих отстать от «тятя». Уже розданы все гостинцы, обещаны все подарки, а ребятишки все бегут за отцом. Наконец, уговаривавшая их мать махнула рукой и кинулась назад — в свой слободской домишко. Наспех захватив кое-что, она возвращается, и уже все вместе они спешат к городским воротам. Помню, как потом я собирал эту детвору на большую скрипучую телегу; дети беззаботно пели песни, смеялись, а вокруг шли понурившиеся родители...

По дорогам тянулись беженцы, также нагруженные детьми и захваченными впопыхах вещами... Попадались встречные — это были подаввшиеся первой панике и теперь возвращавшиеся обратно. Среди них вижу измученное бессонной ночью доброе лицо старого преподавателя нашего реального училища; он перекрестил меня: «Вы идите, а я не могу уже, болен я, да и стар», — и мы расстались.

Отходящих начали догонять новые волны беженцев, которые рассказывали, что красные уже вошли в крепость и набросились на ближайшие улицы, что они грабят и разбивают лавки, что уже сбросили с колокольни священника и вообще творят разные бесчинства.

Над дорогами, усеянными беженцами, летали немецкие аэропланы. А в голове, как удары молота, раздавались слова проклятий остающихся в городе: «Зачем вы приходили? Вы растоптали нашу веру в вас. Вы хуже большевиков, — те хоть прямо говорят, что идут грабить и убивать нас, вы же говорили, что пришли нас спасать и... обманули... предали нас в руки палачей, а сами трусливо убегаете».

Над головами в смутном сентябрьском небе курлыкали перелетные птицы, наводя на одних горькие думы о только что покинутых гнездах, у других же вызывая надежды на лучшее, в этой притаившейся где-то впереди неизвестности — куда они, шаг за шагом, день за днем, все дальше и дальше уходили от родной реки...

В мою задачу не входит описание спора за власть между Уфимской директорией и Сибирским правительством и затем вступление в единоличную власть Верховного Правителя адмирала Колчака, бывшего до этого времени министром Сибирского правительства.

Роль чехов и отношение их к этим событиям вкратце таково. Попытка «учредилонцев» утвердить свою власть чешскими штыками не удалась. Чехи поддерживали их открыто до тех пор, пока было возможно. Возможность эта прекратилась по той простой причине, что некого стало поддерживать, ибо твердая власть оказалась в руках неосоциалистов. Товарищи эсеры побежали было жаловаться чехам, но русская национальная власть оказалась выше возможности поставить ей какие-либо ультиматумы. Власть эта тотчас же принялась за укрепление русской военной силы, не переставая в то же время считать чешских легионеров своими союзниками. Чехи объявили, что вопрос власти их не касается и что они не вмешиваются во внутренние русские дела. Что иного оставалось сказать после того, как вмешательство, и очень даже серьезное, потерпело неудачу? Отсюда начинается второй, прозаический период пребывания чехословаков в Сибири. Они сильно рассердились на «реакционного адмирала» Колчака и так и не могли простить ему его самого до тех пор, пока не выдали его большевикам. В дальнейшем мы увидим, в каком тесном единении с чехословацкими легионерами проходила вся борьба эсеров с властью адмирала Колчака и чем борьба эта закончилась.

На фронте у чехословацких легионеров давно прошел пыл дальнейшей борьбы с большевиками, после того когда они встретились лицом к лицу с регулярной Красной армией (под Бузулуком) и по-

несли большие потери. Это начало развала Чехословацкого войска в России отмечено трагическим самоубийством начальника Чехословацкой дивизии полковника Швеца. Он застрелился после отказа своих войск выполнять боевые приказы против Красной армии.

Я помню похороны полковника Швеца в Челябинске. Торжественно, грустно и стыдно было чего-то, тогда еще не совсем понятного. Этот одинокий выстрел прозвучал как грозное предостережение чехословацким войскам, — любимый начальник предпочел одинокую смерть, чем жизнь без воинской чести. Быть может, он думал, что его поступок заставит образумиться покотившееся назад Чехословацкое войско. Но Швец ошибся. Легионеры похоронили его с музыкой, с речами, с биением себя в грудь и продолжали уходить в тыл.

Это новое положение чехословацких легионеров русскими понималось как временное — отдохнуть идут, устали, все лето были в напряжении. Не остыли еще благодарные сердца, еще перед глазами было их победное выступление. Никому и в голову не приходило, что чехи окончательно бросают фронт и более туда не вернутся. Разве могут герои сидеть в тылу? Одна мысль об этом была бы тогда оскорбительна. Ведь недавно еще не было разделения среди наших военных, — чех ли, русский ли — все равно. Чехи — это мы. Не считались ни жертвами, ни подвигами; население занятых городов одинаково осыпало цветами и подарками русских и чехов — наши пришли.

До этого мы были — одно. Один порыв, одно стремление, одна могучая волна взмыла нас и несла, прокатилась победно по всей Сибири до Волги. Наши тайные офицерские и казачьи организации, без которых немыслим был бы успех выступления чехов, оставаясь в тени, помогали закрепляться чешской тонкой нити на Великой Сибирской магистрали. Не считались рангами и чинами — наши многоопытные боевые офицеры подчинялись чешским, часто безграмотным и глубоко штатским начальникам. Словом, в то время никто не считал чехов иностранцами, к ним относились с беззаветной любовью и доверчивостью, как к своим собственным детям и братьям, на всем пространстве Сибири.

И вот новое положение — отстранение чехами себя в иностранцы. «Невмешательство» в русские дела долго не могло вписаться в русские головы. Благодаря этому много было совершено ошибок, слишком болезненно потом переживалось разочарование, больно отразился братский удар в размякшее русское сердце.

Теперь издаലെка, через опыт и спокойное изучение вопроса, видим, что прозаически и без всякой волнующей славянской романти-

ки дело произошло вот как: «Прошли легкие победы, триумфальные захваты пустых городов», веселый разгон неорганизованных доморожденных красных шаек. Победа эта досталась необыкновенно быстро, легко, «играючи», ибо у большевиков во всей Сибири не было тогда никаких регулярных войск. Импровизированные «красногвардейцы» с винтовками на веревочках, наскоро собранные толпы рабочих — это не армия.

В № 34 «Красного Архива» опубликованы интересные донесения майора Пишона, члена французской военной миссии в Петрограде, командированного в Сибирь после октября. Майор Пишон в то время (в начале 1918 года) был главным советником и осведомителем Парижа по сибирским делам. Он настаивал на создании военной базы в Сибири и считал эту задачу вполне осуществимой, главным образом потому, что у большевиков в Сибири не было в то время армии. «С хорошо дисциплинированной дивизией можно отвоевать всю железную дорогу до Омска», — доносил майор Пишон в Париж. И так «захваты пустых городов» прошли победно, весело, и герои почтили на лаврах.

Но вот пришла другая пора, и дело приняло серьезный оборот. Из Европейской России надвинулась Красная армия, какая-никакая, но все же за ней лежала одна из великих мировых держав. За фронтом безмолвствовала стомиллионная страна...

Подумать было о чем. То есть подумать-то надо было немного раньше, перед выступлением — если замахнулся, так уж бей. Но чехи все же решили подумать — лучше поздно, чем никогда. И думали они так — ни много ни мало — целый год. Тот самый год, когда Русская Сибирская армия держала фронт на Урале, чехословацкие легионеры сидели в тылу, и сидели до тех пор, пока не настал трагический конец и армии, и всего, что было с нею связано.

Прозаическая, без славянского романтизма, суть дела заключалась в том, что цель выступления чехов была теперь достигнута. Цель выступления — воспротивиться требованию Троцкого сдать оружие. Требование это имело логическое основание: чехи — военнопленные, снаряженные и одетые русской властью, и русская же, та или иная, власть имела право взять это снаряжение обратно. Теперь между Троцким и чехами стал адмирал Колчак, Красный Халиф на Час остался за Уралом. Угроза разоружения отпала, что и требовалось доказать. Чехи решили — мир с Германией на Западе ведь означал мир и с большевиками.

Хотя мнение большевиков на этот счет не совпало с чешским — большевики остались на прежней точке зрения, а именно: через год, когда Колчаковский фронт рушился и чехи оказались лицом к лицу с

красными, чехи так поспешно бежали от красных, что вылезали даже из своих драгоценных насиженных теплушек, оставляя не только все свои пожитки, но бросая даже броневики. Однако это не помогло, красные достигли чешский тыл и открыли огонь. Наконец чехословацкие легионеры сделали попытку выслать парламентариев на переговоры. Однако тут красный командир ответил им: «Разговаривать нам не о чем. Вы — русские военнопленные и должны немедленно сдать все русское вооружение». Ниже мы увидим, что потом, в Куйтуне, между красными и легионерами мир все-таки был заключен.

С родины шли вести о провозглашении самостоятельной Чехословацкой Республики. Стоило ли дальше воевать — ведь «мы уже освободили наш народ». «До бот войну! Домой!» Так писал «Ганак», один из легионерских журналов, издававшихся в Сибири. «В Версале начинается грандиозная торговля... Народ наш не нуждается в просьбах, потому что не нуждается ни в чьей помощи. Он сам себе помогает, он это доказал!»

В общем, выстрел полковника Швеца прозвучал одиноко. Это был последний чешский выстрел в войне с большевиками. Все последующее была уже не война. В частях начались митинги, появились ораторы против командного состава, требование выборных начальников, съезды делегатов воинских частей — и надо всем этим стоял вопль: «Домой!» Политические руководители и военное командование переполошились. Но все же кое-как усидели на своих местах, уладили дело компромиссами и стали ждать эвакуации домой.

Итак, Чехословацкое войско, отступая, бросило фронт и потянулось по Сибири длинной лентой эшелонов или, как они сами говорили тогда, «гадом» (змеей), возвратилось опять на те места, где находилось до своего славного выступления. Началась для легионеров теплушечная жизнь на станциях Сибирской железной дороги, с малыми передвижениями. Типичная картина для сибирских станций на протяжении всего 1919 года. Всюду, в тупиках и на запасных путях, стоят эшелоны красных вагонов — «40 человек, 8 лошадей». Только теплушки благоустроенные, с печками и окнами. Снаружи все разрисованы целыми картинами и украшениями из березовой коры. Среди «жилых» теплушек стоят обычно груженные составы, платформы, тщательно обтянутые брезентом. Разместились легионеры также и по городам, по казармам, в военных городках, поселках и станционных зданиях. Их эшелоны тянулись по всей магистрали, от Урала до Владивостока.

Надо сказать, что к тому времени Чехословацкий корпус неимоверно распух — в нем было более 50 тысяч людей. К чехам-добровольцам,

составлявшим первоначальное войско, присоединилось много «соотечественников» из мадьяр, евреев и немцев, оставивших лагерь военнопленных. Они только что записались в «соотечественники» здесь же, как только была провозглашена новая свободная Республика Чехословаков. Новенький чехословацкий мундир был тогда удобным прикрытием для всевозможных новоиспеченных «граждан», дельцов и талантов, поистине завидных. Это было очень хорошее подданство. «Граждане» в новеньких чехословацких мундирах ездили по железной дороге туда и сюда, что-то покупали, продавали, нагружали, перегружали, отправляли, получали и наводняли станции и улицы сибирских городов толпами «знатных иностранцев».

А кругом бушевало взбаламученное русское море. Волны беженцев с Волги и Урала заливали и без того переполненные города. Местные власти, бессильные что-либо исправить, метались в тщетных попытках улучшить положение городов. Сытый сибирский город стал неузнаваем. Ободренные столовки, длинные очереди с карточками, серые, обветренные обыватели, терпящие нужду в самом необходимом. Когда-то богатые, сибиряки должны были вновь и вновь жертвовать своим последним, самым необходимым, делиться с бегущим из-за Урала братом и кровом, и пищей. Разьедаемый красной и полукрасной пропагандой, одурманенный кровавою страстью, русский народ пил горькую чашу, поднесенную ему Судьбой...

С фронта везли раненых, не хватало лазаретов, медикаментов, во всех направлениях отправлялись мобилизованные к местам призыва. Постоянные мелкие восстания в тылу, порча единственной артерии огромной страны — железной дороги — довершали трудную обстановку.

В то время Совет союзных миссий придумал использовать стоящих в тылу чехов для охраны дороги. Благо они жили на путях совершенно бездельно. На каждой станции был поставлен чешский комендант, в распоряжении которого были паровозы и весь подвижной состав. Он обладал в своем районе огромной властью. Так, с согласия адмирала Колчака, дана была чехословацким легионерам тыловая сдача. Задержка транспорта из-за злостного вредительства Сибирской дороги прекратилась.

Но впоследствии мало-помалу появилась другая болезнь — из охранителей дороги чехословацкие легионеры стали превращаться в фактических ее владельцев. С особенной силой это завладение дорогой сказалось после падения Омска. Тогда отступавшая Сибирская армия принуждена была свернуть с магистрали на таежные дороги. Сам адмирал, рискнувший поехать по железной дороге, был задержан леги-

онерами в пути и после целого месяца пленения был выдан ими большевикам. Обо всем этом будет рассказано ниже.

В начале же, когда легионеры оставили фронт и ушли в тыл, ни правительство адмирала Колчака, ни общество еще не видели, что чехи уже не вернутся на фронт. Все думали, что это только временный отдых, необходимый после пережитого летнего напряжения. То же говорили и союзные представители. Однако было известно, что Чехословацкое войско нуждается не только в отдыхе, но и в некоторой реорганизации, некоторой «чистке».

Не только русские военные руководители, но и некоторые из чешских, типа полковника Швеца, считали, что необходимо отобрать из войска негодный элемент и посадить обратно в лагерь или куда угодно, лишь бы убрать. «Отвыкших от дисциплины, приучившихся жить на положении опекаемого лентяя и мелкого спекулянта, распропагандированных большевиками — убрать из войска!» Кроме того, прекратить выборность начальников, выгнать вон политических ораторов, восстановить воинскую дисциплину — вот что нужно было сделать для того, чтобы Чехословацкая армия была бы не сборищем вооруженных людей, а настоящей армией, годной для возвращения на фронт.

Союзники, или «интервенты», как их называли тогда в Сибири, которые признали адмирала Колчака Верховным Правителем и оказывали поддержку всем противобольшевистским вооруженным силам (Деникин, Юденич, Архангельский фронт), продолжали держать Чешское войско в Сибири, не торопились с его эвакуацией. Кроме чешских, было в Сибири и некоторое количество войск сербских, польских, румынских, английских, американских. Прибыл в Омск и командующий союзными войсками в Сибири, французский генерал Жанен. Выходило так, что есть союзные войска, есть союзный командующий, но ни войска не воевали, ни командующий не командовал. Генерал Жанен фактически не был командующим, а им командовали чехословаки, он же поспешно бросался выполнять их команду, как увидим ниже. Мало-помалу его подчиненные начали вести себя так, как ведут себя победители в завоеванной стране. Против этих сытых, откормленных, без дела в тылу торчащих войск нарастало глухое раздражение в населении, в армии и в правительстве.

В населении, измученном Гражданской войной и недостатком во всем, чехи, эти недавние баловни и любимцы, теперь же какие-то разжиревшие бездельники, вызывали косые взгляды.

— Только девок сманивают, гладкие...

— Ерои, попрыгали, нас впихнули в петлю, а сами наутек.



— Чего везете-то? Али завоевали?

Русская армия в рубище, кое-как снаряженная — на фронте, — чехословаки же одеты, обуты, вооружены — в тылу. Но кровавый жертвенник Гражданской войны еще просит жертв. Русская армия смотрит на фронт, а не в тыл. Разъяренный враг у ворот, все силы надо сберечь для борьбы с ним, пока еще теплится надежда победить.

Г. Думбадзе<sup>221</sup>

### ТО, ЧТО СПОСОБСТВОВАЛО НАШЕМУ ПОРАЖЕНИЮ В СИБИРИ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ<sup>222</sup>

Со школьной скамьи мы знаем, что летописи, записки и наблюдения очевидцев играют большую роль в составлении описания исторических событий государства. Для «историков-детективов» всякий маленький факт часто является «исторической уликой» для разрешения и правильного понимания жизни народов.

В сравнении с Нестором-летописцем мой голос, конечно, будет звучать как писк комара, но теперь и жужжание насекомых записывается на пленках чувствительных аппаратов, и это дает мне смелость сказать несколько слов в интересах историков Гражданской войны.

По окончании ускоренного курса академии Генерального штаба я был назначен в штаб представителя Верховного Правителя и Верховного главнокомандующего и командующего всеми русскими и иностранными войсками, действующими и расположенными в Енисейской и части Иркутской губерниях, Генерального штаба генерал-лейтенанта Розанова — в город Красноярск.

Военная цензура совершенно воспрепятствовала газетам печатать что-либо, касающееся событий, происходящих в самом центре Сибири. Прибыв в Красноярск, я впервые увидел огненное пламя партизанщины, охватившее всю губернию.

Хожение по улицам Красноярска было сопряжено с большим риском. Банды красных и отдельные большевики под видом правительственных военнослужащих убивали офицеров, пользуясь покровом ночи. Никто не был уверен, кем он остановлен для проверки документов: настоящим законным патрулем или маскированными красными террористами. Поджигание складов и магазинов, перерезывание телефонных проводов и многие другие виды саботажа происходили буквально каждые сутки. Свет в домах не зажигался или окна

завешивались темной материей, иначе ручная граната бросалась на свет в квартиры. Я помню, как мне приходилось ходить по улицам ночью, держа в кармане заряженный браунинг. Все это было буквально в сердце Белой Сибири.

Трудно было поверить тому, что было, но факт есть факт, и скрывать от читателя правду теперь, после стольких лет со времени Гражданской войны, будет недобросовестным. Вся Енисейская губерния и часть Иркутской буквально горели в огне партизанщины. Удаляться на несколько верст от железной дороги было совершенно невозможно. Даже наши небольшие отряды попадали в засаду красных и несли потери.

Район наиболее активной работы партизан был равен 45 000 кв. верст. Внутренний фронт заключался главным образом в четырехугольнике: на севере — река Ангара; на западе — линия от точки слияния рек Ангары и Енисея до города Ачинска и далее до города Минусинска. От Минусинска линия продолжалась на восток до реки Тубы и затем на север до города Канска и далее до реки Ангары. Сибирский железнодорожный путь идет как раз посередине указанного четырехугольника. Железная дорога Ачинск—Минусинск являлась его западной границей.

Советское главное командование, конечно, учло важность путей сообщения в тылу Сибирской армии и особенно — единственного пути снабжения нашего Белого фронта с Дальнего Востока. Разрушение всех важных путей перевозки войск, вооружения, снабжения и продовольствия явилось главнейшей задачей красного командования. Лучшего района для партизанщины и для разрушения железных дорог, чем Енисейская губерния, нельзя было и придумать. Местность, покрытая лесами, большое количество сопок, больших и маленьких рек — все это затрудняло наши операции в этом довольно густонаселенном районе.

Помимо разрушения наших путей снабжения, в планы красного командования входила также необходимость приковать возможно большее количество белых частей на месте и не дать им возможности быть переброшенными на Западный фронт Гражданской войны. Последнее удалось красным на все сто процентов. От Енисейской губернии до Приморья партизанщина приковала десятки тысяч наших войск и воспрепятствовала их присоединению к главному фронту. Судить о том, в каком масштабе шла внутренняя борьба, можно по тому, что делалось в Енисейской губернии.

Хрущев и компания теперь реабилитируют расстрелянных Сталиным красных военачальников. Не знаю, что случилось с командующими партизанами в Енисейской губернии, но по всей справедливо-

сти я обязан отдать им должное за их из ряда вон выходящие способности по организации борьбы с нами. Если Хрущев справедлив, то два человека достойны всяких званий Героев Советского Союза, красных звезд и других большевистских наград: лесничий Кравченко и бывший штабс-капитан Щетинкин. Эти два лица были верховным командованием всеми силами красных в Енисейской и части Иркутской губерниях. Выдающиеся способности этих большевистских лидеров в ведении операций против нас, их необыкновенная изобретательность в снабжении вооружением отрезанных от всего мира частей, при всей моей ненависти к большевикам, должны быть отмечены как пример необыкновенного военного таланта, редко встречающегося даже у профессиональных военачальников.

Кравченко и Щетинкин разделили весь свой фронт на два района: 1-й, к северу от Сибирского железнодорожного пути, назывался Тасеевский фронт; 2-й, к югу, — Степно-Баджейский фронт. Штаб первого находился в селе Тасееве, штаб второго — в селе Степной Баджей. По данным нашей разведки, Северный фронт имел дивизию партизан, батарею полевой артиллерии, дивизион конных разведчиков и саперный отряд подрывников. Южный фронт имел дивизию четырехполкового состава, батальон лыжников, отряд конных партизан и два полевых орудия.

В Степном Баджее находился кустарный оружейный завод, созданный Кравченко. На этом заводе самодельным путем делались винтовки, гранаты и даже, из дулистых стволов деревьев, плавучие мины, заряженные динамитом, для взрывания наших вооруженных и пассажирских пароходов на реке Енисее.

Имея очень слабую связь с остальным миром, красные испытывали большие затруднения с патронами. Им приходилось отливать свои собственные пули. Помню приказ Кравченко его частям: «После стрельбы оловянными пулями необходимо выстрелить хотя бы раз настоящим патроном, дабы прочистить нарезы винтовки от олова».

По нашим данным, силы красных в обоих районах были равны 30 000 человек. Наши части также учитывали два фронта — Северный и Южный. Северный, под командой атамана генерал-майора Красильникова, состоял из: дивизии имени атамана Красильникова, четырех полков пехоты, полка конницы, бригады полевой артиллерии. Железная дорога охранялась силами 2-й Чехословацкой дивизии от города Ачинска до города Канска. Два выдающихся чешских офицера командовали этой дивизией, и я считаю за честь быть близко с ними знакомым. Это были — начальник дивизии генерал Прхала и его начальник штаба майор Квапил.

От города Канска до станции Зима дорога охранялась румынскими частями полковника Кадленцы. Южный фронт под командой генерал-майора Розанова (однофамильца командующего войсками генерал-лейтенанта Розанова). Силы Южного фронта состояли из: дивизии генерала Розанова, отряда енисейских казаков под командой полковника Бологова<sup>223</sup> (живущего ныне в Сан-Франциско), одного полка сибирских стрелков, отряда капитана Юрени, ТАОНа (тяжелая артиллерия особого назначения) под командованием генерала Шарпантье<sup>224</sup>, двух батарей полевой артиллерии, дивизиона итальянской горной артиллерии под командованием полковника барона Фасини-Камисси.

Река Енисей охранялась вооруженными пароходами «Енисей» и «Ангара», а также несколькими военными катерами. Командующим речной флотилией был капитан 2-го ранга Покровский (умерший в Сан-Франциско). Стратегическим резервом генерал-лейтенанта Розанова являлся 3-й Ставропольский полк славных каппелевцев под командой геройского командира полковника Ромерова<sup>225</sup> (сваренного впоследствии красными в асфальте за его действия в Енисейской губернии). Ромерову подчинялась батарея полевой артиллерии, дивизион конницы и саперный батальон.

Между прочим, охранение реки Енисея южнее города Минусинска пароходами и катерами было невозможно ввиду наличия к югу от города больших порогов. Капитан 2-го ранга Покровский вытянул два катера на сушу, поставил их на колеса и протаскал по шоссе, миновав пороги; затем он спустил катера в Енисей. Впервые в истории России вооруженные катера пришли в столицу Урянхайского края город Белоцарск. Здесь глава урянхов Хайдуп сформировал для нас хакасский конный дивизион, прибывший на плотках по Енисею в подчинение генерал-лейтенанта Розанова.

Все, что я описываю, происходило в 1919 году. К концу этого года генерал-лейтенант Розанов, видя, что разрушение железной дороги и атаки водных путей буквально прекращают всякое снабжение Западного фронта, решил уничтожить всю партизанщину во вверенных ему губерниях.

Для выполнения этой задачи капитан 2-го ранга Покровский получил приказ доставить отряд полковника Ромерова по реке Енисею до деревни Стрелки при слиянии рек Ангары и Енисея. Полковнику Ромерову было приказано высадиться в деревне Стрелке, что было сделано с боем, и дальше продвигаться на юг в направлении села Тасеева для соединения с силами атамана Красильникова. Последний продвигался вдоль реки Усолки по западному ее берегу. Атаману Кра-

сильникову и подчиненному ему чехословацкому гусарскому полку полковника Червинка это продвижение стоило многих жизней. Немало погибло и красных. Дивизион живущего сейчас в Лос-Анджелесе полковника Гарузо<sup>226</sup> в конном строю изрубил комиссара Тигра и его конный отряд. 2-я Чехословацкая дивизия под командованием генерала Прхалы сдерживала и отражала все попытки красных пересечь железную дорогу и соединиться с южными силами большевиков. Генерал Прхаала выполнил это задание блестяще. Противник был разделен на две группы. Северная, зажата с севера полковником Ромеровым, с запада нашим речным флотом, а с востока силами атамана Красильникова, почти вся была уничтожена. Маленькие отряды красных прорвались на север через реку Ангару.

Иначе обстояло дело с южной группой. Генерал-майор Розанов буквально окружил красных и готов был к их ликвидации. Противник учел, что один участок нашего наступления на юге был в руках итальянцев. Сосредоточив большой кулак, дивизия красных прорвала этот участок и ушла в Урянхайский край.

Таким образом, разрушение железной дороги партизанами прекратилось, но это было уже поздно, кончался 1919 год, и положение фронта адмирала Колчака было к этому времени не в блестящем состоянии.

По моему скромному мнению, партизанщина в Енисейской губернии нанесла Сибирской армии страшный удар. Как я раньше указывал, виновниками этого были командиры Кравченко и Щетинкин. Помимо таланта командования, эти два человека пользовались своим знанием психологии русского рабочего и крестьянина. В селе Степной Баджей мы захватили типографию красных. В ней были тысячи листовок приблизительно следующего содержания: «Я, Великий Князь Николай Николаевич, тайно высадился во Владивостоке, чтобы вместе с народной советской властью начать борьбу с продавшимися иностранцам предателем Колчаком. Все русские люди обязаны поддерживать меня. Великий Князь Николай. — С подлинным верно, главнокомандующие народным фронтом Енисейской губернии Кравченко и Щетинкин».

За время господства этих большевиков на внутреннем фронте было убито в самом городе Красноярске, Канске и Минусинске сотни офицеров и солдат. Потери на фронте исчислялись сотнями. Железнодорожных катастроф, по статистике, приходилось 11 на каждые 10 дней. Было сожжено три села, много зданий в городах губернии. Кравченко и Щетинкин подняли восстание в лагере австро-венгерских военнопленных и в военном городке нашего запасного полка. Умирение и

результат военно-полевого суда стоил 167 жизней русских и венгерцев, среди этих жертв 73 солдата правительственных войск.

Впоследствии Кравченко и Щетинкин в Урянхайском крае, куда они бежали, повесили духовного главу урянхов Хайдупа и расстреляли его приближенных. Захватив в плен итальянцев, красные, развед их, всех расстреляли, и нам попадались красные партизаны в берсерьерских плащах и шляпах.

Отряды партизан, ушедшие на юг, впоследствии, при отходе Белой армии, вернулись в Красноярск и присоединились к поднявшему восстание против своих белых в этом городе генералу Зиневичу<sup>227</sup> и явились сильнейшей преградой для отступающих на восток через Енисейскую губернию белых армий. В 1919 году Кравченко и Щетинкин свели до минимума объявленную Верховным Правителем мобилизацию. Нет точной меры для определения страшного морального, политического и материального ущерба, причиненного нам партизанами.

Я всегда буду при своем мнении, что дела в Енисейской губернии были ножом в спину Сибирской армии. Советский генерал Огородников, описывая «Фронт Колчака», говорит, что белые проиграли в Сибири без всяких стратегических поражений от Красной армии, а причина их гибели была в беспорядках в тылу. Имея опыт на этом вооруженном тылу, я не могу не согласиться с тем, что говорит Огородников. Что отшатнуло от нас население Енисейской губернии и заставило его взять оружие против нас — на это пусть ответят специалисты. Пусть они разберутся: отсутствие ли политической программы, лозунгов, земельных и социальных реформ или еще что-нибудь явилось катастрофой для нас в самом сердце Сибири.

А. Ленков<sup>228</sup>

#### НИКИТА ЛЬВОВ<sup>229</sup>

Южная армия белых войск, под командованием доблестного атамана Дутова, наносила Красной армии удар за ударом, но вскоре была вынуждена прекратить свое продвижение вперед и двинуться назад, ибо обозначился общий отход всей Сибирской армии, а посему был обнажен правый фланг, который и заставил Южную армию тоже отходить.

Красный Генеральный штаб сумел разъединить Южную армию с Сибирской, с полным прекращением связи между ними. Южная Белая армия, оперировавшая в районах, бедных железнодорожными пу-

тями, естественно, не могла согласовать свой отход с Сибирской армией, а потому осталась при отступлении далеко уступом впереди от отступающей на восток Сибирской армии. Попытки Южной армии соединиться с Сибирской были безуспешны, ибо на главном пути предполагаемого соединения красными были уже заняты города Челябинск, Кустанай и Троицк.

Потеряв всякую надежду на соединение с Сибирской армией, Южная армия повернула свое направление на город Верный, в надежде соединиться с частями атамана Анненкова, но и здесь потерпела неудачу, проиграв сражение у станции Челкары, где обнаружилось наступление на белых Туркестанского советского корпуса.

Южная армия, опять переменяв направление, двинулась к Аральскому морю в надежде соединиться с частями генерала Акулина у города Гурьева, но время было упущено, и оттуда двигались большие силы красных. Путей отступления не осталось. Видя такое безвыходное положение, при наличии большой усталости, в армии начался развал. Появились какие-то юркие, горластые люди, уговаривавшие солдат и казаков никуда не двигаться, а ожидать прихода красных, которым и сдать, а чтобы красные не были так суровы к казакам и солдатам, агитаторы предлагали, даже требовали арестовать всех офицеров, как виновников всего происшедшего. В это время Южная армия состояла из восьми казачьих полков Оренбургского войска и не казачьей 21-й пехотной Яицкой дивизии с малочисленными полками по 200—300 человек в полку (полки 81, 82, 83 и 84-й), плюс гусарский дивизион ротмистра Марсова<sup>230</sup>, конный дивизион ротмистра Львова<sup>231</sup>, каждый примерно по 100 сабель, и артиллерийский дивизион подполковника Гринева (четыре легкие трехдюймовые пушки). Вот такая воинская группа фактически была окружена красными с трех сторон, и лишь с восточной стороны никто не наступал и не угрожал, ибо с этой стороны зияла желтая «пасть» этой русской Сахары — голодной, безлюдной Тургайской степи, и вот сюда-то и были прижаты остатки Южной армии.

Оренбургские казаки, составлявшие три четверти этой армии, как аборигены этого края, прекрасно знали эту страшную площадь горячих песков и, конечно, не думали туда уходить. Но не казаки части упомянутой выше 21-й дивизии предпочли лучше погибнуть в горячих песках, чем сдать красным.

Стоял жаркий август 1919 года. 21-я дивизия, перейдя границу сыпучих песков у последнего населенного пункта, маленького поселка Казачьего, была поглощена русской Сахарой. Через четыре дня путешествия по пескам, раскаляемым жарким августовским солнцем,

пали все до одной лошади, не имея воды и корма, и, конечно, была брошена и артиллерия (взорвана). Томимые голодом и жаждой люди брели как тени, имея для еды примерно фунт муки и самое ограниченное количество воды.

На пятый день добрались до маленького киргизского поселка — городка Иргиз, где стоял охранный отряд Олашь-Орды, примерно 100 человек. Усталые, голодные люди сделали здесь двухдневный привал. Запаслись водою, кто как и сколько мог ее набрать, а главное то, что начальник этой группы генерал Галкин (начальник дивизии генерал Гоппер был болен) распорядился закупить у киргизов 300 верблюдов, которые и были доставлены через два дня.

Не буду здесь описывать этот ужасный поход остатков Южной армии (примерно 1500 человек) по горячим пескам бесплодной пустыни, продолжавшийся более двух месяцев. Этот поход мною уже давно был описан в газете «Наше Время» 26 марта 1960 года в Сан-Франциско. Здесь буду краток. Из степи отряд вышел в Акмолинскую область, на город Кокчетав, в числе 1200 человек. Здесь предполагалось начать переформирование, но этого сделать не удалось. Артиллерийская канонада на Курганском направлении становилась все слышнее и слышнее — это отступающая Сибирская армия вела сильные арьергардные бои на реке Тоболе.

Вышедшие из степи остатки Южной армии были влиты в Сибирскую как пополнение и начали, не отдыхая, другой боевой поход, Ледяной, где горячие пески пустыни сменились трескучими сибирскими морозами. В Сибирский поход ротмистр Львов выступил уже в должности командира кавалерийского полка, имея 400 всадников.

Омск, Алтай, Красноярск, Щеглов, сибирская тайга, Нижне-Удинск, станция Зима, Черемховские копи, «священный» Байкал, Верхне-Удинск (где ротмистр Львов был произведен в полковники), Чита, станция Оловянная, Даурия и Борзя — были безмолвными свидетелями физических страданий и больших потерь живой силы Белой армии в кровопролитных боях с красными. Эти колоссальные потери живой силы давали себя знать. Полки уставших белых бойцов доходили до 300 штыков, не имея возможности хотя бы частично пополнить эти ужасные потери. Эта героическая Белая армия, защищавшая родную землю от захвата коммунистами и прошедшая боевой путь от Волги до Маньчжурии, не отдала красному дьяволу свое знамя чести и веру в правоту своей с ним борьбы.

Прижатая к границе Китая, Белая армия, долго не размышляя, прошла через Китай в русское Приморье — последний кусочек земли когда-то великой России, сдав Китаю свое оружие. Наличие в Приморье

японских войск дало возможность пришедшей Белой армии отдохнуть более полугода. Утвердившаяся в Приморье «розовая» власть «товарища» Тобельсон-Краснощекова (Дальневосточная республика) быстро была ликвидирована безоружной Белой армией и перешла в руки Временного Национального правительства, которому снова удалось, хотя и частично, вооружить малым количеством винтовок безоружные части белых, пришедших в Приморье. Снова заиграли трубы на учебных плацах: армия готовилась к расширению занятой территории, без оккупационных японских войск. Заманчивой целью был город Хабаровск.

Зимой 1921 года Белая армия повела общее наступление на север, на город Хабаровск, который и был взят белыми. Победа эта дала белым полное вооружение вплоть до артиллерии и бронепоездов, но и стоила опять больших жертв. В жесточайшие морозы под 50 градусов ниже нуля белые воины в резиновых галошах, рваных шинелях и полушубках, с недостаточным питанием, почти без медикаментов, с малочисленным составом в строевых частях, а главное — среди враждебно настроенного к белым местного населения вели неравную борьбу с противником, имеющим неисчерпаемые запасы во всем. Большая убыль в частях ранеными, убитыми, обмороженными и больными сделала боевые части настолько малочисленными, что пришлось отказаться от дальнейшей борьбы, покинув завоеванную территорию, и вернуться в исходное положение: в районы приморских городов Спасска, Никольска-Уссурийского, Раздольного и Владивостока.

Белые воины, отдав Родине все, что могли, усталые, больные, обмороженные, израненные — покинули родную землю в конце октября 1922 года и опять безоружно ушли в Китай. И так закончилась героическая борьба истинных сынов Национальной России, белых борцов, с интернациональными красными полчищами, захватившими всю Россию и поработившими русский народ, при полном попустительстве и даже помощи красным европейским союзникам, которые не хотели понять, что Белые армии проливали реки своей крови не только за Россию, но и за союзников, даже за весь свободный мир. И вот только теперь они, вероятно, поняли свои ошибки, которые они совершили, поддерживая коммунистов, и узнали цену русской крови в написанных и предъявленных им счетах.

\* \* \*

Никите Львову было 25 лет, когда он с армией покинул родную землю и оказался в Харбине без всяких средств к существованию. Поиски какой-либо работы не увенчались успехом, уж слишком много

в Харбин понаехало людей из России. Никита Львов, как человек большой физической силы, бывший спортсмен, молодой, здоровый, потеряв надежду на скорое получение какой-либо службы или работы, поступил в работавший в то время в Харбине цирк в качестве борца, что дало ему возможность безбедно прожить два месяца. Потом был грузчиком на лесопильном заводе Китайской Восточной железной дороги, а позднее полтора года работал кочегаром у одного местного коммерсанта. Но все эти профессии были не по душе Никите Львову.

В конце 1924 года вспыхнула война в Китае. Воевал антикоммунистический Север против коммунистического Юга. Правитель Северного Китая, маршал Чжан Цзолин, решил сформировать у себя большой русский отряд всех родов войск: пехоту, артиллерию, кавалерию, инженерные части, бронепоезда и авиацию с русскими начальниками. Русский отряд возглавил доблестный русский генерал Нечев К.П., лихой кавалерист Императорской армии. Бросил свою работу Никита Львов. Собрал из бывших своих соратников 90 человек, которым он верил и которые ему верили, и с ними поехал в китайскую армию к генералу Нечеву.

Генерал, зная Никиту Львова по Русской армии, охотно его принял с отрядом и назначил командиром дивизиона в формируемом конном полку в чине капитана китайской армии. Начались строевые занятия русских солдат на китайской земле. Опять, как в России, красивые кавалерийские сигналы запели на учебных плацах, и звуки их таяли где-то далеко в горах этой «китайской Швейцарии». Снова боевые походы, снова бои, снова победы и поражения — побед больше, — и снова клинки русских кавалеристов окрасились вражеской кровью. В 1928 году кончилась и эта эпопея. Юг Китая, при явной поддержке некоторых европейских стран, из этой борьбы вышел победителем над Севером. В результате такого положения ненужными оказались в китайской армии русские штыки, сабли, пушки и т. п. Русский отряд, прошедший Китай от Мукдена до Шанхая, от Циндао до Калгана, был расформирован, и что же после него осталось там? 2000 могил русских офицеров и солдат, разбросанных по разным городам, деревням, горам и рисовым полям.

Никита Львов оказался в городе Тяньдзине, где находилась сравнительно большая русская колония. Здесь Львов устроился сравнительно хорошо — писал плакаты для одного кинотеатра. Казалось, можно было как-то существовать. Но вдруг по городу поползли какие-то зловещие слухи о том, что всех бывших участников Русского отряда, воевавших на стороне убитого маршала Чжан Цзолина, бу-

дут арестовывать и сажать в тюрьму. Никита Львов недолго думая решил покинуть Тяньдзин и уехал в Шанхай.

Шанхай принял Никиту Львова неприветливо, сурово. Трудность найти сразу работу или службу, не зная английского языка, пугала Львова, он стал посматривать в сторону наименьшего сопротивления, чтобы найти работу, и решил поступить в Русский охранный отряд (потом переименованный в Русский полк) Шанхайского международного волонтерского корпуса... Опять военная служба. Караулы, патрули, винтовки, пулеметы и участие в японо-китайском конфликте, войне в 1932 году, где Никита Львов был, как и некоторые другие, ранен ружейной пулей в плечо. Никита Львов был сержантом. Прослужил Львов в этой полурусской, полуанглийской (по организации) воинской части восемь лет и наконец сказал себе: «Довольно, надо демобилизоваться!» Календарь показывал 1936 год. И поступил Никита Львов на частную службу в Международное сберегательное общество в Шанхае.

М. Манжетный<sup>232</sup>

### ИРТЫШ — ВОЛЯ БОЖЬЯ<sup>233</sup>

Есть старая русская пословица: «Кто на море не бывал, тот и Богу не молился». Она, как всякая пословица, является произведением народной мудрости и имеет глубокий смысл. Но и нам в Гражданскую войну приходилось молиться с не меньшим рвением, ибо красная стихия не менее ужасна, чем стихия водная. И доходили до Престола Всевышнего наши грешные молитвы, и творил Господь чудеса. Но мы привыкли все объяснять естественным ходом вещей, подчас — совпадениями. Но я верю в чудеса. Вспоминается один случай, когда мы, то есть вся Сибирская армия, были на волосок от верной гибели. Конечно, то, о чем я хочу рассказывать, можно также объяснить естественным ходом вещей, но я иного взгляда.

Октябрь в Западной Сибири обычно довольно теплый. Помню, охотясь на станции Маммотка в середине октября за зайцами и тетеревами, я сжег на солнце руки, когда в кустах порвал сторяча рубашку.

Итак, октябрь нас застал в 1919 году между Курганом и Петропавловском, несколько северо-западнее последнего. Ни казачий корпус, ни резервы, подтянутые к фронту, не могли спасти положения. Моральный перевес был на стороне красных. Мы медленно с боями, подчас сильно ущемляя противника, тем не менее отходили и отхо-

дили. Подошли к Ишиму. Тепло. Навели мосты и переправились на северный берег. У каждого в сознании, что сзади еще грозный Иртыш, который может быть для нас могилой, как когда-то по легенде стал могилой Ермака. На фронте были лишь боевые части. Все обозы двигались согласно приказу к Омску, до которого оставалось верст сто с лишним. У меня при обозе находилось несколько семей: моя, офицерские и солдатские.

Однажды вечером вызвали меня в штаб дивизии. Казагранди сообщил, что получено секретное сведение о движении к Омску от Тобольска большой колонны красных, которая, сбив наши части на том направлении, имеет задачу отрезать нас от Иртыша, заставив или повернуть вверх по течению, то есть совершать фланговый марш без надежды переправиться, или погибнуть в бою, так как намечался стратегический охват нашей армии. Приказал послать немедленно на лучших лошадях о двуконь нескольких конных егерей с приказанием к начальнику обоза дивизии, чтобы тот форсированным маршем двигался к Иртышу и без замедления переправлялся на правый берег.

Возвратился из штаба дивизии и тут же послал шесть человек, приказав не жалеть лошадей, так как предстояло сделать в один переход около ста верст. Сами же мы впали в уныние. Как переправиться через такую огромную реку? Погода стоит теплая; вечерами, правда, слегка морозит, но днем хоть в одной рубашке ходи. Сведения и слухи идут грозные. И стали мы в душе молиться. Вижу, солдаты креститься стали больше, чем обычно. Прекратились шутки, даже обычной ругани как-то не слышно. Наступает грозный час.

На другой день к вечеру оттепело и пошел дождь. Мы впали в уныние. Господи, не дай погибнуть. Пошли мороз. Единственное спасение в ледоставе. Но какие нужны морозы, чтоб бурный Иртыш стал в три-четыре дня. Наконец, на другой день к дождю присоединился снег и к вечеру ударил мороз. Но надежда на ледостав слабая. Мороз между тем стал резко крепчать. Противник, учтя наше настроение, жмет по всему фронту. Медленно отходим, но психика наша подломлена. Чуть ли не тысячеверстный систематический отход с упорными боями, где каждая пядь земли заливалась обильно кровью, наконец отразился на моральной стороне армии. Пропала вера в победу. Как известно, моральный перевес — половина победы. Но нам нужно выиграть время. Сзади наше имущество, без которого мы обойтись не можем, а также близкие, которых нужно спасти. Нечеловеческими усилиями, бессменно, не зная отдыха ни днем ни ночью, сдерживаем бешеные атаки красных, которые, не обращая внимания на потери, как лавина движутся на нас...

Но вот дней через пять-шесть Омск. С ужасом приближаемся к Иртышу. И, о счастье. На реке лед. Видна дорога, пробитая на льду проходившими здесь обозами и частями. Валяются трупы лошадей и обломки телег. Значит, путь свободен. Через несколько дней догнали свой обоз восточнее Омска. И вот что рассказал мне заведующий хозяйством, ротмистр Свида.

Сведения о движении противника с северо-запада они имели, но не было приказа о переправе, поэтому обоз медленно двигался, имея направление на Иртыш верстах в 15 ниже Омска. Получив приказ о переправе, двинулись на рысях. Подошли к реке, а на ней ни следа льда. Всех обуял ужас. Простояли на берегу два дня. Ударил мороз, и на третий день река стала. Поднялся буран при сильном морозе. К ночи решили попробовать крепость льда. Человека держит. Но этого мало. Обоз очень тяжелый. Решили наморозить дорогу. Стали насыпать солому и заливать водой. Работала масса народу целую ночь, и под утро начали переправу. Лед тонкий, гнется. Лошади идут по полколена в воде. Ужас. Но другого выхода нет. Вдали слышна стрельба — то наши части задерживают красных, стремящихся опрокинуть нас в реку. Но Господь не допустил гибели. Все переправились благополучно.

Разве не чудо, что после теплой погоды сразу хватил мороз? В Сибири обычно зима медленным темпом вступает в свои права, отвоевывая у осени час за часом, день за днем. Скептики и неверующие объясняют это космическим случаем. Я же верю в промысел Божий. Без воли Всевышнего не упадет ни один волос. Задержись мороз на день — погибли бы все, так как красные ровно через сутки подошли к реке. Да, на все воля Божья.

## КОММЕНТАРИИ





<sup>1</sup> **Петров Павел Петрович**, р. в 1882 г. Окончил академию Генштаба. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. начальник оперативного отдела штаба Народной армии, в 1919 г. начальник штаба 6-го Уральского армейского (стрелкового) корпуса, с 1 июня 1922 г. начальник штаба войск Приамурского Временного правительства (Земской рати). В эмиграции в 1931 г. начальник канцелярии Дальневосточного отдела РОВС в Мукдене. После 1949 г. в США. Умер 24 июля 1967 г. в Сан-Франциско.

<sup>2</sup> Впервые опубликовано: *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Рига, 1923.

<sup>3</sup> **Каппель Владимир Оскарович**, р. в 1881 г. в Белеве. Из дворян, сын офицера. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1900), академия Генштаба (1913). Подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. во главе отряда особого назначения Народной армии («Добровольческого Партизанского отряда подполковника Каппеля»), на 15 августа 1918 г. командир бригады своего имени, в сентябре 1918 г. полковник, командир Самарского отряда, с 20 августа 1918 г. возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 17 ноября 1918 г. командир Сводного корпуса (генерал-майор), с 3 января 1919 г. — 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 г. — Волжской группы 3-й армии, с 4 ноября 1919 г. командующий 3-й армией и Московской группой армий, с 9 декабря 1919 г. — главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант. Орден Св. Георгия 3-й (12 сентября 1919 г.) и 4-й (22 июня 1919 г.) ст. Умер 26 января 1920 г. у разезда Урей.

<sup>4</sup> **Дутов Александр Ильич**, р. 5 августа 1879 г. в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище (1898), академия Генштаба (1908). Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 октября 1917 г.), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) декабря 1917 г. командующий войсками Оренбургского военного округа, с августа 1918 г. генерал-майор, с 17 октября 1918 г. командующий Юго-Западной армией (с 28 декабря 1918 г. Оренбургская отдельная армия). С 23 мая до 16 октября 1919 г. генерал-инспектор кавалерии, с 2 июня 1919 г. одновременно

походный атаман всех казачьих войск, 21 сентября — 16 октября 1919 г. командующий Оренбургской отдельной армией, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 14 октября 1918 г.). В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен 24 января в руку и живот и скончался 25 января (6 февраля) 1921 г. в Суйдине при попытке похищения.

<sup>5</sup> Сибирская отдельная армия (нового формирования). Образована приказом адмирала Колчака от 24 декабря 1918 г. на Пермском направлении из Екатеринбургской группы. Включала 1-й Средне-Сибирский и 3-й Степной Сибирский корпуса, Воткинскую дивизию и Красноуфимскую партизанскую бригаду. В феврале—марте 1919 г. — 1-й Средне-Сибирский, 3-й Степной Сибирский и Сводный корпуса. На конец апреля 1919 г. боевой состав армии (штыков и сабель) насчитывал около 40 тысяч. 25 апреля 1919 г. в ее составе были выделены группы генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева (начальник штаба — генерал-майор А.А. Сурнин) и генерал-лейтенанта Г.А. Вержбицкого (начальник штаба — полковник Крузе). Включала 1-ю кавалерийскую дивизию, 8-й Камский, Сводный Ударный Сибирский, 1-й Средне-Сибирский (в группе Пепеляева), 3-й Степной Сибирский и 4-й Сибирский корпуса (в группе Вержбицкого), а также ряд отдельных частей: 1-й Ударный Бессмертный полк (полковник Власов), Королевский Сербский партизанский отряд (воевода Воскар), формирующуюся Особую бригаду, 1-й Отдельный дивизион бронепоездов (подпоручик Щербачев), 3-й этапный батальон (полковник Лебедев), 4-й железнодорожный батальон, 3-й (подполковник Парицкий), 7-й (подполковник Папин), 8-й (подполковник Ненашев) и 10-й батальоны охраны железных дорог, конвой командующего (ротмистр Тиме), Егерская (прапорщик Латынин), Отдельная охранная штаба армии (штабс-капитан Захаров) и Отдельная саперная (поручик Урусов) роты; кроме того, в группе Пепеляева имелись: 11-й Оренбургский казачий полк (полковник Сукин), Унтер-офицерский, Саперный (подполковник Зверев) и Железнодорожный батальоны, 1-й Сибирский драгунский дивизион (ротмистр Янерт), Сибирский дивизион бронепоездов, Воздухоплавательный и 2-й Сибирский (штабс-капитан Ильин) отряды, конвойная сотня, Отдельная телеграфная (штабс-капитан Александров), Отдельная автомобильная (подпоручик Мигай) и 1-я Сибирская прожекторная роты. В состав армии входила также Камская флотилия.

В ходе весеннего наступления в 1919 г. освободила Оханск, Осу, Сарапул и Ижевск, но в мае начала отход под угрозой обхода ее южного фланга. В июне наступала на Глазов, но к июлю отошла в Зауралье. К июню 1919 г. подразделялась на Северную (1-й Средне-Сибирский и 5-й Сибирский армейские корпуса) и Южную (3-й Степной Сибирский и 4-й Сибирский корпуса) группы, Сводный Ударный Сибирский и 8-й Камский армейский корпуса и 1-ю кавалерийскую дивизию. Насчитывала 350 тысяч человек (56,6 тысячи штыков, 3,9 тысячи сабель, 600 пулеметов, 164 орудия, 4 бронепоезда и 9 самолетов). 22 июля 1919 г. разделена на 1-ю и 2-ю армии. Командующие: генерал-лейтенант Р. Гайда (1 января — 10 июля 1919 г.),

генерал-лейтенант М.К. Дитерихс (11—22 июля 1919 г.). Начальник штаба — генерал-майор Б.П. Богословский.

<sup>6</sup> **Ханжин Михаил Васильевич**, р. 17 октября 1871 г. в Самарканде. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Михайловское артиллерийское училище (1893), Михайловская артиллерийская академия (1899), Артиллерийская артиллерийская школа (1903). Генерал-лейтенант, полевой инспектор при штабе ВГК. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. участник восстания на Урале. 8 июля — 24 декабря 1918 г. командир 3-го Уральского армейского корпуса (Уральский отдельный корпус) в Челябинске, 1 января (25 декабря 1918 г.) — 20 июня 1919 г. командующий Западной армией, с 6 октября 1919 г. по январь 1920 г. военный министр Всероссийского правительства. Генерал от артиллерии (20 апреля 1919 г.). В эмиграции в Китае, начальник Дальневосточного отдела РОВС в Дайрене. В 1945 г. арестован и вывезен в СССР, до 1956 г. в лагерях. Умер в 1961 г. в Ашхабаде или Джамбуле.

<sup>7</sup> Имеется в виду штаб Поволжского фронта. Образован 15 августа 1918 г. Разделялся на Казанскую, Симбирскую (обе под командованием В.О. Каппеля), Сызранскую, Хвалынскую, Николаевскую, Уральского войска, Оренбургского войска и Уфимскую группы. С образованием Западного фронта 12 октября 1918 г. упразднен, а штаб его стал штабом Самарской группы. Командующий — полковник С. Чечек (с 20 августа 1918 г.).

<sup>8</sup> **Войцеховский Сергей Николаевич**, р. 16 октября 1883 г. в Витебске. Из дворян Витебской губ., сын офицера. Великолуцкое реальное училище, Константиновское артиллерийское училище (1904), академия Генштаба (1912). Подполковник, начальник штаба 1-й Чехословацкой дивизии, командир 3-го Чехословацкого полка. В белых войсках Восточного фронта; 26 мая 1918 г. во главе группы Чехословацкого корпуса освободил Челябинск, с 11 июня 1918 г. полковник, с 12 октября по 25 декабря 1918 г. командующий Самарской группой, затем генерал-майор, с осени 1918 г. командир 6-го Уральского армейского корпуса, с 1 января по 18 августа 1919 г. командир 2-го Уфимского армейского корпуса, с 29 августа по 1 октября 1919 г. командующий Уфимской группой, с 12 сентября 1919 г. командующий Уральской группой войск, затем командующий 2-й армией, с 25 января 1920 г. главнокомандующий Восточным фронтом, с 20 февраля 1920 г. командующий войсками Российской восточной окраины (Дальневосточной армии). В эмиграции в Чехословакии, военный министр, генерал армии. Арестован 11 мая 1945 г. в Праге. Умер 7 апреля 1951 г. в лагере под Тайшетом (Иркутская обл.).

<sup>9</sup> **Чечек Станислав**. Поручик, командир 4-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; командир группы, с 20 августа 1918 г. командующий Поволжским фронтом Народной армии, полковник, со 2 сентября 1918 г. командир 1-й Чехословацкой дивизии. Генерал-майор (2 сентября 1918 г.).

<sup>10</sup> **Фортунатов Б.К.** Член Учредительного собрания от партии эсеров. Летом 1918 г. в подпольной организации в Самаре, с 8 июня член штаба Народной армии от Самарского правительства, служил рядовым в отряде

Каппеля; до ноября 1919 г. начальник отряда в Южной армии, затем Уральской армии.

<sup>11</sup> **Сыровы Ян**, р. в 1888 г. Офицер австрийской армии. Поручик, командир 2-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; командир группы, полковник, с августа 1918 г. командир Чехословацкого корпуса, до 4 февраля 1919 г. командующий войсками Западного фронта. Генерал-майор (с августа 1918 г.). В эмиграции в Чехословакии, начальник Главного штаба, затем генеральный инспектор армии, осенью 1938 г. премьер-министр. Умер в 1971 г.

<sup>12</sup> **Дитерихс Михаил Константинович**, р. в 1874 г. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1894), академия Генштаба (1900). Генерал-лейтенант, с 3 ноября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего; 8 ноября 1917 г. уехал на Украину, где стал начальником штаба Чехословацкого корпуса (до января 1919 г.), с которым начал Белую борьбу в белых войсках Восточного фронта; с января 1919 г. начальник штаба русских войск Западного фронта, 20 июня — 4 ноября 1919 г. главнокомандующий армиями Восточного фронта, в июле 1919 г. также и командующий Сибирской армией, с 10 августа по октябрь 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 12 августа по 6 октября 1919 г. одновременно военный министр в правительстве адмирала Колчака. С 4 ноября 1919 г. — в распоряжении адмирала Колчака. В июне 1922 г. избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой Земской рати, с 1/11 июня по 3 ноября 1922 г. воевода Земской рати. В эмиграции с 1923 г. в Шанхае, с 1924 г. начальник Дальневосточного отдела РОВС. Умер 8 (12) октября 1937 г. в Шанхае.

<sup>13</sup> 6-я Уральская горных стрелков дивизия. Сформирована 11 июля 1918 г. в Челябинске (развернута из добровольческих формирований первых дней антибольшевистского восстания) как Челябинская отдельная дивизия (с 17 июля — 1-я Уральская пехотная). С 26 августа 1918 г. — 6-я Уральская горных стрелков, а полки получили новые номера. Входила в состав 3-го Уральского горных стрелков корпуса. Состав: 21-й Челябинский (бывший 1-й Народный), 22-й Златоустовский (бывший 2-й), 23-й Миасский (бывший 3-й) и 24-й Саткинский (бывший 4-й) горных стрелков полки и 6-й отдельный Уральский стрелковый артиллерийский дивизион. Выступила на фронт поздней осенью — зимой 1918 г., приняла участие в весеннем наступлении и к концу лета 1919 г. оказалась сильно потрепанной и малочисленной. Попытки пополнить дивизию не привели к цели, ибо прибывшие из Сибири пополнения были сильно распропагандированы и переходили на сторону противника. 1 февраля 1919 г. 23-й и 24-й полки были отправлены на формирование 10-й Верхнеуральской стрелковой дивизии. Летом 1919 г. на р. Белой два батальона 21-го Челябинского полка перешли на сторону красных, которые воспользовались этим обстоятельством и прорвали фронт. Расформирована 20 октября 1919 г. Два ее полка и артиллерийский дивизион влиты в состав 12-й Уральской стрелковой дивизии: 21-й Челябинский — в 47-й Тагильский и 22-й Златоустовский — в 46-й Исетский стрелковый полк. Начальники: полковник Сорочинский (17, 21—22 июля 1918 г.), пол-

ковник Иванов (врид; 18—20, 23—30 июля 1918 г.), полковник (генерал-майор) Нейланд (31 июля 1918 г. — 30 июня 1919 г.), полковник Кузьмин (врид; 1 июля — 20 октября 1919 г.). Начальники штаба: штабс-капитан (капитан) Москвичев (23 июля — 1 августа 1918 г.), полковник Косьмин (2—3 августа 1918 г.), капитан Глазков (7—23 января, 6—7, 14—15 февраля 1919 г.), полковник Сабельников (24 января — 5 февраля, 8—13, 16—28 февраля, 3 марта — 28 мая, 31 мая, 30 июня — 12 июля, 14—17 июля 1919 г.), капитан Крестьянов (врид; 29—30 мая, 23—29 июня, 18—23, 28—29 июля, 1—12, 14—21, 25—26 августа, 28 августа — 4 сентября 1919 г.), капитан Григорьев (13, 24—27 июля, 13, 22—24, 27 августа, 5 сентября — 20 октября 1919 г.).

<sup>14</sup> **Болдырев Василий Георгиевич**, р. в 1875 г. Военно-топографическое училище, академия Генштаба. Генерал-лейтенант, командующий 5-й армией. В декабря 1917 г. — мае 1918 г. в тюрьме, затем в белых войсках Восточного фронта; с 24 сентября по 18 ноября 1918 г. главнокомандующий войсками Уфимской директории, затем выслан в Японию, с апреля 1920 г. вернулся во Владивосток, член правительства ДВР, с 7 апреля по 12 декабря 1920 г. главнокомандующий войсками Временного правительства Приморской областной земской управы во Владивостоке. Остался в СССР, в октябре 1922 г. арестован, летом 1923 г. освобожден и служил в советских учреждениях. Расстрелян 20 августа 1933 г.

<sup>15</sup> **Семенов Григорий Михайлович (Семенов-Мерлин)**, р. в 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г. в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурii Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 18 июня 1919 г. по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 августа 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 12 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 11 февраля 1920 г. главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г. походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Арестован 22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаши, под Дайреном. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

<sup>16</sup> 12-я Уральская стрелковая дивизия. Сформирована 4 октября 1918 г. в Екатеринбурге в составе 3-го Уральского армейского корпуса как 2-я стрелковая кадровая из 4-го, 6-го и 8-го Уральских кадровых горных стрелков полков (преимущественно из мобилизованных), переименованных в 5-й, 6-й и 8-й стрелковые кадровые, 2-й кадровой инженерной роты и Уральского кадрового артиллерийского дивизиона. 7 декабря 1918 г. переименована в 12-ю Уральскую стрелковую с новыми названиями полков. Состав: 45-й Сибирский, 46-й Исетский, 47-й Тагильский, 48-й Туринский стрелковые полки (все по три батальона) и 12-й Уральский стрелковый артиллерийский дивизион. С января 1919 г. входила в состав 6-го Уральского армейского корпуса. Выступила на фронт поздней осенью — зимой 1918 г., приняла участие в весеннем наступлении и к концу лета 1919 г. оказалась сильно потрепанной и малочисленной. При расформировании 6-го Уральского стрелкового корпуса и реорганизации Западной армии 26 мая 1919 г. была включена в состав Уфимской группы 3-й армии, с которой и совершила Сибирский Ледяной поход. В сентябре 1919 г. в состав дивизии были влиты два стрелковых полка и артиллерийский дивизион расформированной 6-й Уральской стрелковой дивизии. По прибытии в Читу остатки дивизии были сведены в 12-й Уральский стрелковый полк, а частью слиты с Алтайским конным дивизионом, образовав Урало-Алтайский конный полк. После оставления Забайкалья этот полк был расформирован, так как из-за недостатка подвижного состава железной дороги перебросить его в Приморье было нельзя. Первые два эскадрона (алтайцы) были влиты в кавалерийский полк, а уральцы (3-й, 4-й эскадроны и пулеметная команда) были влиты в 4-й Уфимский стрелковый полк. Распродав конский состав на станции Маньчжурия, уральцы частично проследовали в Приморье в составе этого полка, но большинство, получив отпуска впредь до распоряжения, осело в Харбине. Начальники: полковник (генерал-майор) Р.К. Бангерский, полковник Боржинский (с ноября 1919 г.), полковник Бутенко (до февраля 1920 г.). Начальники штаба: подполковник Шохов (ноябрь 1918 г. — 8 февраля 1919 г.), капитан Герасимович (10 февраля — апрель 1919 г.), капитан Голышев (май — сентябрь 1919 г.).

<sup>17</sup> 11-я Уральская стрелковая дивизия. Сформирована 4 октября 1918 г. в Челябинске в составе 3-го Уральского армейского корпуса как 1-я стрелковая кадровая из 1, 2, 3 и 5-го Уральских кадровых горных стрелков полков (преимущественно из мобилизованных), переименованных в 1-й — 4-й стрелковые кадровые, 1-й кадровой инженерной роты, школы подготовки унтер-офицеров и Украинского куреня Тараса Шевченко. 7 декабря 1918 г. переименована в 11-ю Уральскую стрелковую с новыми названиями полков. Состав: 41-й Уральский (полковник Круглевский, полковник Рык), 42-й Троицкий, 43-й Верхнеуральский (Азаров), 44-й Кустанайский стрелковые полки и 11-й отдельный Уральский стрелковый артиллерийский дивизион (полковник Бек-Мамедов). 42-й полк все время действовал отдельно от дивизии, находясь сначала в Отдельной Оренбургской, а затем в Южной армиях. 43-й полк имел знамя Инсарского пехотного полка Императорской армии. В составе 41-го полка имелась Егерская рота, в мае 1919 г. развернутая в

батальон из трех рот (командир Кудрявцев). С января 1919 г. входила в состав 6-го Уральского армейского корпуса. Выступила на фронт поздней осенью — зимой 1918 г., приняла участие в весеннем наступлении и к концу лета 1919 г. оказалась сильно потрепанной и малочисленной. Прибывшие из Сибири пополнения были сильно распропагандированы и переходили на сторону противника. При расформировании 6-го Уральского стрелкового корпуса и реорганизации Западной армии дивизия 26 мая 1919 г. вошла в состав Уральской группы. 6 августа 1919 г. на ее укомплектование обращена расформированная 12-я Сибирская стрелковая дивизия, 45-й полк которой переименован в 42-й Троицкий. Погибла в январе 1920 г. под Красноярском. Остатки ее по проходе в Забайкалье были свернуты во 2-й Уральский стрелковый полк. Начальники: полковник Вельк (11 октября 1918 г. — 24 марта 1919 г.), полковник (генерал-майор) Ванюков (24 марта — 4 июня 1919 г.), генерал-майор Круглевский (4 июня — 4 сентября 1919 г.), генерал-майор Беляев (с 15 сентября 1919 г.). Начальник штаба — капитан Кугушев.

<sup>18</sup> Бангерский Рудольф Карлович, р. 21 июля 1878 г. в Паурупской волости Лифляндской губ. (три его младших брата офицера погибли в 1-ю Мировую войну). Офицерский экзамен при Казанском(?) военном училище, академия Генштаба (1914). Полковник, командир 2-го Латышского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; 6 августа — 10 сентября, 18 сентября, 22 сентября — 5 октября, 29 октября 1918 г. начальник штаба 7-й Уральской горных стрелков дивизии, с 5 февраля 1919 г. генерал-майор, с 16 марта 1919 г. начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии, с 1 октября 1919 г. командир 2-го Уфимского армейского корпуса, в сентябре — декабре 1919 г. начальник 12-й Уральской стрелковой дивизии, с декабря 1919 г. по апрель 1920 г. командующий Уфимской группой, на сентябрь — октябрь 1920 г. командующий войсками Читинского района Дальневосточной армии, в 1920 г. начальник Союза чинов Дальневосточной армии. Генерал-лейтенант (май — сентябрь 1920 г.). В эмиграции в начале 1920-х гг. в Латвии. Полковник в латвийской армии, с 1925 г. генерал-майор, командир дивизии, 4 года военный министр, с 1937 г. в отставке, в 1943 — 1945 гг. генерал-инспектор Латышского добровольческого легиона СС, с 1944 г. генерал-лейтенант. Погиб в автокатастрофе 25 февраля 1958 г. в Ольденбурге (Германия).

<sup>19</sup> Воспоминания В.М. Молчанова публикуются ниже.

<sup>20</sup> Западная отдельная армия. Образована на Восточном фронте 1 января 1919 г. на Уфимском направлении (штаб — в Челябинске) на базе Камской и Самарской групп и 3-го Уральского корпуса. Первоначально включала 3-й Уральский горных стрелков, 6-й Уральский, 8-й Уфимский (Воткинская и Сводная Уфимская дивизии) и 9-й Волжский (4-я стрелковая и Волжская дивизии) корпуса. В ее составе к 1 января 1919 г. находились также 2-я Уфимская кавалерийская дивизия, 3-я Оренбургская казачья дивизия, 2-я и 3-я Оренбургские казачьи бригады, 22-й казачий полк, отдельная сотня, 2-й и 3-й пластунские казачьи полки, Сербский добровольческий им. майора Благодича полк, конный партизанский отряд, Кустанай-

ский киргизский полк, Уральский артиллерийский кадровый дивизион и Челябинское отделение конского запаса. К марту 1919 г. состояла из 2-го Уфимского, 3-го Уральского горных стрелков и 6-го Уральского корпусов, а также Южной группы. На конец апреля 1919 г. боевой состав армии (штыков и сабель) насчитывал около 34 тысяч. В мае была усилена 1-м Волжским армейским корпусом. Насчитывала (без Южной группы) 32,4 тысячи штыков, 6,3 тысячи сабель, 570 пулеметов и 98 орудий. В ходе весеннего наступления в 1919 г. освободила Уфу, Белибей, Бугульму и Бугуруслан, но в мае отошла за реку Белую. В конце мая 1919 г. армия была разделена на три группы: Волжскую, Уфимскую и Уральскую. В июне армия, насчитывавшая 140 тысяч человек (23,6 тысячи штыков, 6,5 тысячи сабель, 1,7 тысячи невооруженных, 590 пулеметов и 134 орудия), отступила в район Челябинска, где 22 июля преобразована в 3-ю армию Восточного фронта. Командующие: генерал-лейтенант М.В. Ханжин (1 января — 20 июня 1919 г.), генерал-лейтенант К.В. Сахаров (21 июня — 22 июля 1919 г.). Начальники штаба: генерал-майор С.А. Щепихин (1 января — 21 мая 1919 г.), генерал-майор К.В. Сахаров (22 мая — 20 июня 1919 г.), полковник В.И. Оберюхтин (22 июня — 22 июля 1919 г.).

<sup>21</sup> 2-й Уфимский армейский корпус. Создан в самом начале Белого движения из частей Уфимского района как штаб формирования частей Народной армии Уфимской губернии. С 30 сентября 1918 г. — Уфимский армейский корпус, с 19 октября — Уфимский отдельный корпус. Осенью 1918 г. составлял основу Камской группы. С 1 января 1919 г. входил в состав Западной отдельной армии как 8-й Уфимский армейский корпус в составе Воткинской и Сводной Уфимской дивизий. 10 января 1919 г. реорганизован во 2-й Уфимский армейский корпус, включал 4-ю Уфимскую и 8-ю Камскую стрелковые дивизии и Уфимскую кавалерийскую бригаду. Ему была также придана Ижевская бригада (с августа — дивизия). 14 июля 1919 г. вошел в состав 3-й армии, 17 августа (утвержден 12 октября) 1919 г. преобразован в Уфимскую группу, которая по приходе в Читу была сведена во 2-ю Уфимскую стрелковую дивизию. Командиры: генерал-лейтенант С.Н. Люпов (30 сентября — 13 января 1919 г.), генерал-майор Джунковский (врид; 13 января — 23 марта 1919 г.), генерал-майор С.Н. Войцеховский (25 марта — 18 августа 1919 г.). Начальники штаба: подполковник (полковник) Ф.А. Пучков (4 октября — 5 декабря 1918 г.; 18 января — 1 июля 1919 г.), полковник Виноградов (врид; с 5 декабря 1918 г.), полковник Москаленко (врид; с 21 декабря 1918 г.), подполковник Финицкий (врид; 2 июля — 1 августа, 1 сентября 1919 г.), подполковник Бодров (врид; 1 августа — 1 сентября 1919 г.).

<sup>22</sup> 3-й Уральский горных стрелков корпус. Сформирован 4 июля 1918 г. в Челябинске из Челябинского отряда и пехотных и казачьих частей Челябинского и Миасского отделов как Уральский армейский корпус (с 14 июля — Уральский отдельный, с 26 августа — 3-й Уральский отдельный, с 30 сентября — 3-й Уральский армейский). В октябре 1918 г. включал 7-ю стрелковую дивизию, 2-й Чехословацкий полк и три Оренбургских казачьих полка. Входил в состав Сибирской армии (1918 г.) и Западной отдельной армии,

с июля 1919 г. — 3-й армии. На 1 января 1919 г. включал 6-ю и 7-ю Уральские горных стрелков дивизии, 3-ю Уральскую кадровую горных стрелков бригаду (6-й и 7-й кадровые полки), 6-е Сибирское отдельное кабельное отделение, отдельную саперную роту, 1-й и 2-й бронепоезда, головной железнодорожный отряд и приданный Екатеринбургский уланский полк. 3 января 1919 г. преобразован в 3-й Уральский горных стрелков корпус и из него был выделен 6-й Уральский армейский корпус. К марту 1919 г. включал, кроме 6-й и 7-й дивизий, также Ижевскую бригаду и пять казачьих и кавалерийских полков. С июня включал также 12-ю Сибирскую стрелковую дивизию. 11 июня (утвержден 12 октября) 1919 г. при общей реорганизации армии преобразован в Уральскую группу. Командиры: генерал-лейтенант М.В. Ханжин (8 июля — 24 декабря 1918 г.), генерал-майор (генерал-лейтенант) В.В. Голицын (10 января — 11 июня 1919 г.), генерал-майор В.И. Волков (12—27 июня 1919 г.), генерал-майор П.А. Иванов-Мумжиев (29 июня — 24 июля 1919 г.). Начальники штаба: полковник (генерал-майор) Н.Т. Сукин, полковник Рютель (10 января — 11 июня 1919 г.), полковник Смельов (12 июня — 3 июля 1919 г.), подполковник Киселев (с 4 июля 1919 г.).

<sup>23</sup> 6-й Уральский армейский корпус. Сформирован 3 января 1919 г. путем выделения из 3-го Уральского армейского корпуса. С 13 марта 1919 г. переименован в стрелковый. Входил в состав Западной отдельной армии. Включал 11-ю и 12-ю Уральские стрелковые дивизии, кадровую бригаду, а также 2-ю и 3-ю Оренбургские казачьи бригады. 26 мая 1919 г. расформирован — 11-я дивизия вошла в состав Уральской, 12-я — в состав Уфимской группы. Командир — генерал-майор Н.Т. Сукин. Начальник штаба — полковник П.П. Петров.

<sup>24</sup> Бывшая Оренбургская армия. Образована 17 октября 1918 г. на базе формирований восставшего против большевиков оренбургского казачества как Юго-Западная армия, подчинявшаяся до ноября назначенному Уфимской Директорией Верховному главнокомандующему генерал-лейтенанту В.Г. Болдыреву, а затем — адмиралу Колчаку. 28 декабря переименована в Отдельную Оренбургскую армию, состоящую из 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов, 4-го Оренбургского армейского, Сводного Стерлитамакского и Башкирского (четыре пехотных полка) корпусов и 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии. Численность ее красные оценивали в 10 тысяч человек. Весной 1919 г. из нее выделена и подчинена Западной армии Южная группа. В начале 1919 г. армия оставила Оренбург и Орск, но в апреле вернула Орск и развила наступление на Актюбинск. 23 мая 1919 г. армия, Южная группа и Оренбургский военный округ перереформировываются в Южную армию, состоящую из корпусов: 1-го (включавшего части расформированного 2-го) Оренбургского казачьего, 4-го Оренбургского, 5-го Стерлитамакского (или 5-го Сибирского из 19-й и двух полков 20-й стрелковой дивизии), 11-го Яицкого армейского (21-я Яицкая стрелковая дивизия и 29-й Оренбургский казачий полк (или два полка 20-й дивизии), Сводно-Туркестанского (Оренбургская пластунская дивизия, 42-й Троицкий, 24-й Уральский и 1-й Линейный казачий полки) корпуса, 1-й Оренбургской казачьей и Отдельной конной башкирской бригад. В июне она на-

считывала 15,2 тысячи штыков, 12 тысяч сабель, 7 тысяч невооруженных, 247 пулеметов и 27 орудий. В середине июля 1919 г. армия пополнилась 11-й Сибирской стрелковой дивизией.

Армия участвовала в июньском наступлении на Оренбург, а с конца июля 1919 г. действовала самостоятельно (Ставка не имела о ней сведений), в августе прикрывала Башкирию и Оренбургскую область и удерживала Верхнеуральский район, пытаясь сохранить связь с Уральской армией. В это время она состояла из восьми оренбургских казачьих полков, 21-й Яицкой пехотной дивизии (81, 82, 83 и 84-й полки по 200—300 человек), двух конных (ротмистров Марсова и Львова) по 100 сабель и артиллерийского (подполковник Гринев) дивизионов. После потери Верхнеуральска отошла на юго-восток, в сентябре вышла из Тургайской степи в районе Петропавловска (за это время из 1500 человек в ней осталось 1200) и 18 сентября вновь была переименована в Оренбургскую армию. 10 октября 1919 г. она (насчитывала 20 тысяч человек) вошла в состав Московской группы армий. После боев под Орском и Актюбинском отошла в Семиречье, где 6 января 1920 г. вошла как Оренбургский отряд (1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии и Сызранская отдельная егерская бригада) в состав Отдельной Семиреченской армии. Командующие: генерал-лейтенант А.И. Дутов (17 октября 1918 г. — 23 мая 1919 г.), генерал-майор П.А. Белов (23 мая — 21 сентября 1919 г.), генерал-лейтенант А.И. Дутов (21 сентября — 16 октября 1919 г.). Начальники штаба: полковник (генерал-майор) А.Н. Вагин (17 октября 1918 г. — 23 мая 1919 г.), генерал-майор И.В. Тонких (с 23 мая 1919 г.).

<sup>25</sup> Образована из восставших рабочих Ижевского завода. Во второй половине ноября остатки восставших прорвались за Каму, где соединились с частями Народной армии. 3 января 1919 г. из ижевцев была сформирована Ижевская отдельная стрелковая бригада (более 2 тысяч человек), которая включена во 2-й Уфимский армейский корпус. На 8 февраля 1919 г. весь комсостав состоял из младших офицеров: командующий и начальник штаба были штабс-капитанами, полками командовали поручики и подпоручики, батальонами, дивизионами и батареей — 5 штабс-капитанов, 2 поручика и 3 прапорщика. С марта до середины апреля 1919 г. бригада потеряла 37 офицеров и 746 солдат. 29 августа 1919 г. развернута в дивизию. Пополнившись 1 августа 1919 г. 52 офицерами и 842 солдатами, к 31 августа она насчитывала 182 офицера и 1309 штыков и сабель, а с приданными частями — 223 и 1618. Ижевский конный полк в конце ноября 1919 г. насчитывал в строю 25 офицеров и 700 солдат. К середине декабря 1919 г. в дивизии в строю оставалось 400 человек. После Сибирского Ледяного похода сведена в Ижевский стрелковый полк. Ижевские части имели синий цвет (символ связи со своими заводами — железом и сталью) погон, выпушек и петлиц и буквы «Иж» на погонах. Галунных погон офицеры и подпрапорщики никогда не носили: на синих погонах были белые просветы, зигзаги, канты.

<sup>26</sup> 1-й Волжский армейский корпус. Сформирован 20 августа 1918 г. как Симбирская группа Приволжского фронта, которая 17 ноября 1918 г. переименована в сводный корпус (Самарская, Казанская и Симбирская отдель-

ные бригады) в составе Самарской группы. 3 января 1919 г. переименован в 1-й Волжский корпус (1-я Самарская, 2-я Казанская, 3-я Симбирская отдельные бригады и 1-й Троицкий кадровый полк) в составе Западной отдельной армии, но 1 февраля 1919 г. отведен в тыл как резерв Ставки. Фактически заново сформирован с 27 февраля 1919 г. из трех дивизий (1-я Самарская, 3-я Симбирская и 13-я Казанская) и Волжской кавалерийской бригады (двухполкового состава). Со 2 мая 1919 г. снова входил в состав Западной отдельной армии. 22 мая 1919 г. в состав корпуса вошли также 12-я Уральская дивизия, 3-й Уфимско-Самарский и 6-й Иссетско-Ставропольский казачьи, Уфимский гусарский и 3-й Украинский гетмана Сагайдачного полки, Сербский отряд воеводы Киселева, бронедивизион и 3-й авиадивизион. 14 июля 1919 г. вошел в состав 3-й армии и преобразован в Волжскую группу, которая 10 октября 1919 г. вошла в состав Московской группы армий. Группа понесла большие потери под Кемчутом, и в Читу пришли (Волжский отряд) остатки главным образом 1-й Самарской дивизии. Части корпуса, создававшиеся непосредственно на фронте в боевой обстановке, почти целиком состояли из добровольцев — учащих и горожан — и отличались высокими боевыми качествами. Мобилизованных солдат в частях было очень немного, процент же офицеров весьма высок (весной 1919 г. их насчитывалось в корпусе до 2 тысяч человек), лишь весной 1919 г., перед возвращением на фронт, корпус был пополнен мобилизованными сибиряками и бывшими красноармейцами. Дивизии корпуса состояли из трех стрелковых полков, егерского батальона, конного и артиллерийского дивизиона, но все полки были далеко не полного, даже малого состава. По приходе в Забайкалье остатки корпуса были сведены в Отдельную Волжскую бригаду, состоявшую из стрелкового и драгунского полков и батареи. В этой бригаде бывших «самарцев» было приблизительно до 70%, «симбирцев» — всего несколько случайных человек, остальные были «казанцами» — бывшими чинами 13-й Казанской и 13-й Сибирской стрелковых дивизий (кадром 13-й Сибирской явились также «казанцы» — части полковника Степанова, снявшиеся с фронта осенью 1918 г. и отведенные в тыл, в Новониколаевск). При проходе через полосу отчуждения КВЖД в конце 1920 г. драгунский полк почти целиком остался в Харбине, и по приходе в Приморье бригада свернулась в 1-й Волжский стрелковый имени генерала Каппеля полк, из которого позже выделилась 3-я Волжская имени генерала Каппеля батарея. Командиры: генерал-майор В.О. Каппель (август 1918 г. — 4 ноября 1919 г.), генерал-майор А.С. Имшенецкий (с 4 ноября 1919 г.). Начальники штаба: капитан Ловцевич (с 20 августа 1918 г.), генерал-майор Барышников (с октября 1919 г.).

<sup>27</sup> 3-я Симбирская стрелковая дивизия. Сформирована 17 ноября 1918 г. как Симбирская отдельная бригада сводного корпуса. С переименованием его 3 января 1919 г. в 1-й Волжский армейский корпус получила номер 3-й, с 27 февраля 1919 г. переформирована в дивизию. Состав: 9-й Симбирский, 10-й Бугульминский, 11-й Сентилеевский и 12-й Бузулукский стрелковые полки и 3-й Симбирский стрелковый артиллерийский дивизион, 3-й егерский батальон, отдельный конный и артиллерийский дивизионы, отдель-

ная гаубичная батарея и артиллерийский парк. В мае 1919 г. после выдвижения на фронт и переформирования дивизии Бугульминский полк был охвачен противником, окружен и после неудачной попытки пробиться сдался красным. 19 ноября 1919 г. дивизия выведена в резерв. Фактически сведенная в полк уже в начале Сибирского Ледяного похода в районе Новониколаевска, расформирована в конце декабря 1919 г. Начальник дивизии — полковник (генерал-майор) К.Т. Подрядчик. Начальник штаба — подполковник Гренгаген.

<sup>28</sup> 13-я Казанская стрелковая дивизия. Входила в состав 1-го Волжского армейского корпуса. Бывшая 1-я Казанская стрелковая дивизия Народной армии. Состав: 49-й Казанский, 50-й Арский, 51-й Уржумский и 52-й стрелковые полки. Фактически сведенная в полк уже в начале Сибирского Ледяного похода в районе Новониколаевска, дивизия целиком погибла под Красноярском (к Чите вышла группа в 50 человек: начдив со своим штабом и ординарцами). Начальники дивизии: генерал-майор А.П. Перхуров, генерал-майор Воронов (врио), генерал-майор Ромеров, генерал-майор Ястребцов.

<sup>29</sup> **Лебедев Дмитрий Антонович**, р. в 1883 г. Сибирский кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903), академия Генштаба (1911). Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., на 30 декабря 1917 г. начальник штаба 1-го отряда армии. В феврале 1918 г. направлен в Сибирь (в январе 1918 г. через Москву и в марте 1918 г. с отрядом через степи на Волгу). В белых войсках Восточного фронта; с 21 ноября 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, в январе 1919 г. командир Степной группы, 23 мая — 12 августа 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего и военный министр. 9 августа — 16 ноября 1919 г. командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 ноября 1919 г. командующий Уральской группой войск. В октябре 1922 г. начальник вооруженных сил Владивостока. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, основатель газеты «Русская Мысль». Умер в 1928 г. в Шанхае.

<sup>30</sup> Воспоминания К.В. Сахарова публикуются ниже.

<sup>31</sup> Поволжская группа Западной армии. Образована в конце мая 1919 г. при реорганизации Западной отдельной армии. Ядром ее являлся бывший 1-й Волжский армейский корпус. Включала 1-ю Самарскую, 3-ю Симбирскую, 13-ю Казанскую дивизии, Волжскую кавалерийскую и Оренбургскую казачьи бригады. Командир — генерал-майор В.О. Каппель.

<sup>32</sup> Уфимская группа. Образована 17 августа (утверждена 12 октября) 1919 г. при реорганизации Западной отдельной армии. Ядром ее являлся бывший 2-й Уфимский армейский корпус. Включала 4-ю Уфимскую, 8-ю Камскую, 12-ю Уральскую стрелковые дивизии и Сибирскую казачью бригаду, а с конца июля 1919 г. — также 13-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Командующие: генерал-майор Тарновский (врио; 19—29 августа 1919 г.), генерал-майор С.Н. Войцеховский (29 августа — 1 октября 1919 г.), генерал-майор Р.К. Бангерский (с 1 октября 1919 г.).

<sup>33</sup> Уральская группа. Образована 11 июня (утверждена 12 октября) 1919 г. при реорганизации Западной отдельной армии в 3-ю армию на базе

3-го Уральского горных стрелков корпуса. 16 ноября 1919 г. в нее влиты части упраздненной Степной группы. Включала 6-ю и 7-ю Уральские горных стрелков, 11-ю Уральскую стрелковую, 2-ю Уфимскую кавалерийскую дивизии и 1-ю Отдельную стрелковую бригаду. Командующие: генерал-майор В.Д. Косьмин (3 августа — 15 ноября 1919 г.), генерал-майор Д.А. Лебедев (с 16 ноября 1919 г.). Начальник штаба — подполковник Киселев.

<sup>34</sup> **Голицын Владимир Васильевич**, р. 9 июля 1878 г. в Волынской губ. Из дворян Рязанской губ. Полоцкий кадетский корпус, Александровское военное училище (1897). Офицер л.-гв. Санкт-Петербургского полка. Полковник, командир 3-й гвардейской резервной бригады, штаб-офицер для поручений при штабе 8-й армии. В отставке генерал-майором. Содействовал освобождению генерала Корнилова из Быховской тюрьмы. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. в Новочеркасске с Корниловым, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода при штабе армии, затем начальник военно-политического центра Нижней Волги, в апреле 1918 г. в Москве, затем в белых войсках Восточного фронта; с 6 августа 1918 г. формировал 7-ю Уральскую горных стрелков дивизию, до 27 декабря 1918 г. начальник той же дивизии, с 6 (10) января по 11 июня 1919 г. командир 3-го Уральского горных стрелков корпуса, с июня 1919 г. начальник добровольческих формирований в Новониколаевске, с июля 1919 г. командующий Уральской группой. Георгиевский кавалер. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. В 1945 г. — в комитете старейшин Российского эмигрантского собрания в Харбине.

<sup>35</sup> **Гайда Радола (Гейдаль Рудольф)**, р. в 1892 г. Офицер австрийской армии. Один из руководителей Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с 12 октября по 24 декабря 1918 г. генерал-майор, командующий Екатеринбургской группой войск, с января по июль 1919 г. командующий Сибирской армией. Генерал-лейтенант (с 17 января 1919 г.). 17—18 ноября 1919 г. поднял во Владивостоке мятеж против адмирала Колчака, после подавления которого убыл в Чехословакию. 16 декабря 1927 г. лишен чина и заключен в тюрьму за попытку переворота по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Арестован в 1945 г. в Праге. Умер после заключения в 1948 г. там же.

<sup>36</sup> 1-я армия Восточного фронта. Образована 14 (22) июля 1919 г. на Тюменском направлении в результате разделения Сибирской отдельной армии из ее Северной группы. Первоначально ее основу составили 1-й Средне-Сибирский корпус, 7-я и 16-я Сибирские, 15-я Воткинская стрелковые дивизии, а также 17-я Сибирская отдельная стрелковая, штурмовая и егерская бригады и отряд полковника Борзиловского. В сентябре 1919 г. 7-я и 15-я дивизии были изъяты из состава армии, но переведена из 2-й армии 1-я кавалерийская дивизия. В ноябре 1919 г. армия отведена в тыл для охраны Сибирской магистрали, и в ее составе с 18 ноября начал формироваться 2-й Сибирский егерский корпус (3-я и 4-я Сибирские егерские дивизии). В декабре 1919 г. после ряда мятежей разложилась и перестала существовать, ее остатки в 500—600 человек были присоединены ко 2-й армии. 11 марта 1920 г. из бывших чинов армии был сформирован Сибирский парти-



занский отряд. Командующий — генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев. Начальник штаба — подполковник К.А. Кононов.

<sup>37</sup> 2-я армия Восточного фронта. Образована 14 (22) июля 1919 г. на Курганском направлении в результате разделения Сибирской отдельной армии. Подразделялась на Северную (генерал П.П. Гривин; бывший 4-й Сибирский армейский корпус и отряды генералов Миловича и Редько), Южную (генерал Г.А. Вержбицкий; до 12 октября 1919 г. 3-й Степной Сибирский армейский корпус) и Конную (первоначально — Южная конная (генерал В.И. Волков); 1-я, а с 7 августа 1919 г. и 2-я Сибирские казачьи и 2-я Уфимская кавалерийская дивизии, Сводный Ударный Сибирский стрелковый корпус и Красноуфимская партизанская бригада) группы. До сентября 1919 г. в нее входила также 1-я кавалерийская дивизия. В феврале 1920 г. остатки армии вышли к Чите, где были переформированы во 2-й корпус. Командующие: генерал-майор С.Н. Войцеховский, генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий (с 29 июля 1919 г.). Начальник штаба — полковник К.К. Акинтьевский.

<sup>38</sup> 3-я армия Восточного фронта. Образована 14 (22) июля (1 августа) 1919 г. путем переименования Западной отдельной армии. Летом 1919 г. участвовала в Челябинской операции, в августе—октябре — в Петропавловской операции на реках Тобол и Ишим. 10 октября 1919 г. вошла в состав Московской группы армий. В феврале 1920 г. остатки армии, сведенные в отряды (Егерский, Уральский, Волжский, Ижевский, а также 1-я кавалерийская дивизия, 4-я Оренбургская казачья бригада и другие части), вышли к Чите, где 22 февраля были переформированы в 3-й корпус Дальневосточной армии. Командующие: генерал-лейтенант К.В. Сахаров (22 июля — ноябрь 1919 г.), генерал-лейтенант В.О. Каппель (ноябрь — 14 декабря 1919 г.), генерал-майор В.В. Петров (14 декабря 1919 г. — 23 января 1920 г.), генерал-лейтенант К.В. Сахаров (с 23 января 1920 г.). Начальник штаба — полковник В.И. Оберюхтин (22 июля — ноябрь 1919 г.).

<sup>39</sup> Степная группа (Отдельная Степная группа войск). Образована 9 августа 1919 г. Входила в состав Восточного фронта на правах армии. Действовала в районе Семипалатинска. 10 октября 1919 г. вошла в состав Московской группы армий. 16 ноября 1919 г. упразднена с передачей частей в Уральскую группу. Командующий — генерал-майор Д.А. Лебедев. Начальник штаба — генерал-майор Леонов.

<sup>40</sup> Иванов-Ринов Павел Павлович, р. 26 июля 1869 г. в Семипалатинской обл. Из дворян, сын офицера. Сибирский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Полковник, командующий Отдельной Сибирской казачьей бригадой. В белых войсках Восточного фронта; глава офицерских организаций Омска и Петропавловска. 7 июня 1918 г. возглавил антибольшевистское выступление в Омске, начальник гарнизона, с 13 июня по 7 сентября 1918 г. командир Степного корпуса (со 2 июля 1918 г. генерал-майор), с 15 августа 1918 г. войсковой атаман Сибирского казачьего войска, с 5 сентября врио (с 7 сентября 1918 г. постоянно) до 15 октября (2 или 4 ноября) 1918 г. управляющий военным министерством и 5 сентября — 13 октября 1918 г. командующий Сибирской армией (до 24 декабря 1918 г.), с 3 (23) декабря 1918 г. — одновременно помощник Верховного уполномо-

моченного на Дальнем Востоке по военной части (до 15 (20) мая 1919 г.), с 23 декабря 1918 г. командующий войсками Приамурского военного округа (до 11 мая 1919 г.). С августа 1919 г. командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса (до 19 сентября 1919 г.). Осенью 1919 г. помощник командующего 3-й армией, с начала ноября 1919 г. помощник главнокомандующего Восточным фронтом по военно-административной части. Георгиевский кавалер (9 сентября 1919 г.). Генерал-лейтенант (10 августа 1919 г.). С 23 марта 1920 г. в Харбине, с 7 июля 1921 г. начальник штаба атамана Семенова (походного атамана казачьих войск Сибири и Урала) в Гродекове, в 1922 г. начальник тыла армии; в эмиграции в Китае. Осенью 1925 г. выехал в СССР.

<sup>41</sup> 4-я Уфимская стрелковая генерала Корнилова дивизия. Сформирована в Уфе летом 1918 г. (комендантом Уфы сразу же после переворота был полковник Моисеев, начальником штаба формирований Народной армии Уфимской губернии — полковник Ф.А. Пучков; 6 сентября 1918 г. этот штаб преобразован в штаб дивизии). Основой ее состава послужили крестьянские повстанческие отряды, в июне и июле 1918 г. при содействии чехов освободившие от большевиков почти всю Уфимскую губернию, а потом сведенные в полки. Три полка дивизии состояли исключительно из добровольческих повстанческих отрядов, четвертый был сформирован осенью 1918 г., но также в значительной степени был укомплектован добровольцами. Одна из самых больших на Восточном фронте по количеству штыков (от 16 тысяч до 20 тысяч) и наиболее прославленных дивизий. Укомплектовывалась русскими и татарами — жителями бассейна р. Белой и левого берега нижнего течения Камы. Офицеры в абсолютном большинстве — также местные уроженцы. С октября 1918 г. входила в состав 2-го Уфимского армейского корпуса, с 17 августа 1919 г. — Уфимской группы 3-й армии. 20 мая 1919 г. получила имя генерала Корнилова. Состав: 13-й и 14-й Уфимские, 15-й Михайловский, 16-й Татарский стрелковые полки и 4-й Уфимский артиллерийский дивизион, с июля 1919 г. — также 3-я Оренбургская казачья бригада. Сыграла ведущую роль при наступлении в марте 1919 г., а при отступлении в Уральские горы и далее к Челябинску принимала на себя основные удары красных. Под Красноярском потеряла приблизительно половину оставшихся в строю и по приходе в Читу была сведена в 4-й Уфимский стрелковый полк. Начальники: генерал-майор (генерал-лейтенант) С.Н. Люпов, полковник (генерал-майор) Косьмин, генерал-майор Г.И. Сахаров (врио), полковник Слотов, генерал Токмачев, генерал-майор В.В. Петров, полковник Карпов (врио, январь—февраль 1920 г.). Начальник штаба — штабс-капитан (полковник) Ивановский (до февраля 1920 г.).

<sup>42</sup> 8-я Камская стрелковая адмирала Колчака дивизия. Сформирована 30 сентября 1918 г. из частей Камско-Буйского фронта как Сводная Уфимская стрелковая (с 1 января 1919 г. — 8-я Камская). Основой ее состава также (см. комментарий 41) послужили крестьянские повстанческие отряды, в июне и июле 1918 г., при содействии чехов освободившие от большевиков почти всю Уфимскую губернию, а потом сведенные в полки. Три полка дивизии состояли тоже исключительно из добровольческих повстанческих

отрядов, четвертый был сформирован осенью 1918 г., но также в значительной степени был укомплектован добровольцами. Одна из самых больших на Восточном фронте по количеству штыков (от 16 тысяч до 20) и наиболее прославленных дивизий. Укомплектовывалась русскими и татарами — жителями бассейна р. Белой и левого берега нижнего течения Камы. Офицеры, за небольшим исключением, — также местные жители, причем многие из них имели законченное среднее образование и окончили военные училища или школы прапорщиков. Входила в состав 2-го Уфимского армейского корпуса, с 17 августа 1919 г. в Уфимскую группу 3-й армии. Состав: 29-й Бирский, 30-й Аскинский, 31-й Стерлитамакский, 32-й Прикамский стрелковые полки, 8-й Камский стрелковый артиллерийский дивизион (позднее — артиллерийская бригада, потом — артиллерийский полк) и конный дивизион Щеголихина (развернут из партизанского отряда того же командира). В нее были влиты части бывшей 8-й Пермской стрелковой дивизии. Сыграла ведущую роль при наступлении в марте 1919 г., а при отступлении в Уральские горы и далее к Челябинску принимала на себя основные удары красных. Во второй половине ноября потери в полках дивизии достигли от  $\frac{1}{3}$  до  $\frac{2}{3}$  боевого состава, одно время оставалось по 150—200 боеспособных людей на полк. За время Сибирского Ледяного похода тифом переболело до 100% солдат и 50% офицеров. Под Красноярском потеряла приблизительно половину оставшихся в строю и, по приходе в Читу, была 22 февраля 1920 г. сведена в 8-й Камский стрелковый полк. Ее наследником в Приморье был также Отдельный Камский конный дивизион. Начальники: полковник (генерал-майор) Пронин, подполковник (генерал-майор) Ф.А. Пучков (до февраля 1920 г.). Начальник штаба — гв. ротмистр Соболев.

<sup>43</sup> Московская группа армий Восточного фронта. Образована 10 октября 1919 г. с целью проведения планировавшейся наступательной операции. Включала 3-ю армию, Оренбургскую армию и Степную группу войск. Командующие: генерал-лейтенант К.В. Сахаров (10 октября — 4 ноября 1919 г.), генерал-лейтенант В.О. Каппель (с 4 ноября 1919 г.).

<sup>44</sup> Сахаров Константин Вячеславович, р. 18 марта 1881 г. Кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, академия Генштаба (1908). Полковник. В белых войсках Восточного фронта с осени 1918 г. (бежал из Астраханской тюрьмы). С 2 ноября 1918 г. во Владивостоке, с 15 ноября 1918 г. генерал-майор, с 23 ноября 1918 г. начальник гарнизона Русского Острова, с 5 декабря 1918 г. начальник Учебно-инструкторской школы (школы Нокса), с 23 марта 1919 г. генерал для поручений при Верховном главнокомандующем, с 5 июня 1919 г. начальник штаба, с 20 июня командующий Западной армией, с 14 июля 1919 г. — 3-й армией, с 10 октября 1919 г. командующий Московской группой армий, с 4 ноября 1919 г. главнокомандующий армиями Восточного фронта, с 9 декабря 1919 г. в распоряжении Верховного главнокомандующего, с 23 января 1920 г. (с декабря 1919 г.) до 22 февраля 1920 г. снова командующий 3-й армией. Генерал-лейтенант (с октября 1919 г.). В эмиграции в Германии. Умер 23 февраля 1941 г. в Берлине.

<sup>45</sup> Впервые опубликовано: Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.

<sup>46</sup> Щепихин Сергей Арефьевич, р. в 1880 г. Кадетский корпус, военное училище, академия Генштаба. Офицер с 1899 г., с 1908 г. есаул. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 17 февраля (4 марта) 1918 г. по начало июня 1918 г. начальник штаба Уральской армии, начальник войскового штаба Уральского казачьего войска, осенью 1918 г. начальник штаба Народной армии, с октября 1918 г. начальник штаба Самарской группы войск, 1 января — 21 мая 1919 г. начальник штаба Западной армии, в январе 1920 г. начальник штаба 2-й армии, с 27 января 1920 г. начальник штаба главнокомандующего. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-майор (с 24 декабря 1918 г.).

<sup>47</sup> Розанов Сергей Николаевич, р. в 1869 г. В службе с 1886 г., офицером с 1889 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); с 25 сентября 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, командующий войсками в Енисейской губ., с лета 1919 г. начальник Приамурского края, с 18 июля 1919 г. по 31 января 1920 г. командующий войсками Приамурского военного округа. Генерал-лейтенант. В эмиграции во Франции, в начале ноября 1920 г. в Париже. Умер 28 августа 1937 г. в Медоне (Франция).

<sup>48</sup> Хорошкин Борис Иванович. Из казаков ст. Уральской Уральской обл. Подполковник 9-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 1917 г. по 8 января 1918 г. (26 декабря 1917 г.) начальник штаба войск Уральской области и войскового штаба Уральского казачьего войска, с начала 1918 г. по 17/4 февраля 1918 г. начальник штаба Уральской армии, в марте 1918 г. тайно прибыл в Уральск из Москвы и привез 1 млн. рублей. В сентябре 1918 г. представитель во Временном Всероссийском правительстве от Уральского войскового правительства. С осени 1918 г. в Сибири, в 1919 г. начальник Главного управления по казачьим делам, глава представительства всех казачьих войск при Ставке адмирала Колчака. Генерал-майор. В эмиграции в Югославии, затем во Франции, к 1931 г. помощник уральского атамана, председатель Союза чинов Сибирских войск в Париже.

<sup>49</sup> Кроль Лев Афанасьевич, р. в 1871 г. Инженер, кадет, член Союза Возрождения России. В августе—ноябре 1918 г. заместитель председателя и министр финансов Временного областного правительства Урала.

<sup>50</sup> Хорват Дмитрий Леонидович, р. 25 июля 1858 г. Николаевское инженерное училище (1878). Офицер л.-гв. Саперного батальона. Генерал-лейтенант, управляющий и глава военной администрации КВЖД. В белых войсках Восточного фронта; 10 июля — 14 ноября 1918 г. возглавляла «Деловой кабинет» в Харбине и Владивостоке, Временный верховный правитель России, 1918 г. Верховный уполномоченный Всероссийского правительства на Дальнем Востоке, 11 мая — 18 июля 1919 г. командующий войсками Приамурского военного округа. В эмиграции в Китае. Умер 16 мая 1937 г. в Пекине.

<sup>51</sup> Дербер Петр Яковлевич, р. в 1888 г. Член Учредительного собрания от партии эсеров. С 27 января 1918 г. председатель Временного Сибирского правительства в Томске. 29 июня — 30 июля 1918 г. председатель Временного правительства Автономной Сибири.

<sup>52</sup> **Красильников Иван Николаевич**, р. в 1880 г. Есаул. В белых войсках Восточного фронта; в июле 1918 г. начальник отряда, освободившего Иркутск; в июле—августе 1918 г. командир Отряда особого назначения, в ноябре 1918 г. войсковой старшина, командир партизанского отряда в Сибири, участник Омского переворота, с ноября 1918 г. полковник. В сентябре 1919 г. командир партизанской бригады (отдельной Егерской бригады Сибирского казачьего войска), затем начальник северного антипартизанского фронта в Енисейской губ. Генерал-майор (с 17 августа 1919 г.).

<sup>53</sup> **Родзянко Павел Павлович**. Пажеский корпус (1901). Полковник Кавалергардского полка. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 г. в английской армии в Омске; летом 1919 г. преподаватель Владивостокской учебно-инструкторской школы (школы Нокса). Полковник английской армии. В эмиграции в Англии. Умер 17 апреля 1965 г. в Лондоне.

<sup>54</sup> **Степанов Николай Александрович**, р. 2 мая 1869 г. 1-й кадетский корпус (1886), Михайловское артиллерийское училище (1889), академия Генштаба (1900), Офицерская кавалерийская школа. Генерал-майор, начальник штаба 4-го кавалерийского корпуса, начальник военно-сухопутного управления штаба Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 г. прибыл в Омск из Владивостока с генералом Ноксом; с 4 ноября 1918 г. по 30 января 1919 г. помощник военного и морского министра по организационно-инспекторской части, с 3 (30) января по 23 мая 1919 г. военный министр. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, затем во Франции. Умер 19 января 1949 г. в Шелль (Франция).

<sup>55</sup> **Круглевский Александр Владимирович**, р. 10 апреля 1891 г. Из дворян, сын полковника. Воронежский кадетский корпус, Павловское военное училище (1910). Капитан, начальник команды конных разведчиков л.-гв. 2-го стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Формировал 1-й Уральский кадровый стрелковый полк (затем 41-й Уральский стрелковый полк), с октября 1918 г. по январь 1919 г. полковник, командир того же полка. 4 июня — 4 сентября 1919 г. начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии, командующий Уральской группой 2-й армии (вывел остатки дивизии из-под Красноярска в Читу); в марте 1920 г. начальник Уральской дивизии, с марта 1920 г. начальник 1-й сводной стрелковой дивизии. Генерал-майор (18 мая 1919 г.). Убит в ноябре—декабре 1920 г. на ст. Даурия.

<sup>56</sup> **Крымов Александр Михайлович**, р. в 1871 г. Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1892), академия Генштаба (1902). Генерал-лейтенант, командир 3-го конного корпуса. Участник выступления генерала Корнилова, по приказу которого двинул свой корпус на Петроград. Застрелен 31 августа 1917 г. в Петрограде.

<sup>57</sup> **Духонин Николай Николаевич**, р. 1 декабря 1876 г. Киевский кадетский корпус (1894), Александровское военное училище (1896), академия Генштаба (1902). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-лейтенант, начальник штаба и с 1 ноября 1917 г. исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего. Георгиевский кавалер. Выступил против власти большеви-

ков, обеспечив выезд на Дон участников выступления генерала Корнилова. Убит большевиками в Могилеве 20 ноября 1917 г.

<sup>58</sup> 7-я Уральская горных стрелков дивизия. Сформирована 6 августа 1918 г. в Екатеринбурге (развернута из добровольческих формирований первых дней антибольшевистского восстания) как 2-я Уральская стрелковая дивизия (с 26 августа — 7-я Уральская горных стрелков, с новыми номерами полков). Входила в состав 3-го Уральского горных стрелков корпуса. Состав: 25-й (бывший 5-й) Екатеринбургский (позднее — имени Верховного Правителя адмирала Колчака; полковник Герасимов), 26-й (бывший 6-й) Шадринский (или Верхисетский), 27-й (бывший 7-й) Камышловский (Камышлово-Орвайский), 28-й (бывший 5-й) Красноуфимский (Ирбитско-Перновский гренадерский) горных стрелков полки (двойные названия полков объясняются тем, что эти полки имели знамена старых полков Императорской армии) и 7-й Уральский горных стрелков артиллерийский дивизион. Дивизия считалась лучшей из уральских частей. Выступила на фронт поздней осенью — зимой 1918 г., приняла участие в весеннем наступлении и к концу лета 1919 г. оказалась сильно потрепанной и малочисленной. Попытки пополнить дивизию не привели к цели, ибо прибывшие из Сибири пополнения отличались низким качеством. На нее было возложено прикрытие отхода в Щегловскую тайгу частей 3-й армии. У дер. Дмитриевской в Щегловской тайге 25 декабря 1919 г. дивизия почти полностью погибла, остатки сдались в плен 2 января 1920 г. под дер. Алтатской. Начальники: полковник (генерал-майор) В.В. Голицын (6 августа — 27 декабря 1918 г.), полковник (генерал-майор) Торейкин (29—31 декабря 1918 г., 13 января — 17 февраля, 2 марта — 6 мая, 21 мая — 27 июня, 14 июля, 17—19 октября 1919 г.), генерал-майор Тарасевич (врид; 18—19 февраля, 10—16 мая, 28 июня, 5 августа 1919 г.), полковник Пустовойтенко (1 июня, 6 августа — 13 сентября 1919 г.), полковник Выдрин (14 сентября — 4 октября 1919 г.), полковник (генерал-майор) Бондырев (5—15 октября, 20 октября — 1 декабря 1919 г.). Начальники штаба: полковник Р.К. Бангерский (6 августа — 10 сентября, 18 сентября, 22 сентября — 5 октября 1918 г.), подполковник (полковник) Рютель (11—17 сентября, 6—16, 19—28, 30 октября, 3, 4, 6—14 ноября, 20 ноября — 24 декабря 1918 г.); штабс-капитан Люба (19—21 сентября, 17 октября, 2, 5, 15—19 ноября 1918 г., 9 января — 18 февраля 1919 г.), подполковник Соколов (19 февраля — 29 апреля, 6 мая 1919 г.), капитан Андреев (врид; 1—5, 7 мая — 6 июня 1919 г.), подполковник Гуммель (10 июня — 2 сентября 1919 г.), штабс-ротмистр Покровский (10 сентября — 5 октября 1919 г.), подполковник Неловицкий (7, 18—21, 25 октября — 1 ноября 1919 г.), поручик Терещенко (2—4, 6—27 ноября 1919 г.), штабс-капитан Сафонов (врид; 16—17, 22—24 октября, 5 ноября 1919 г.).

<sup>59</sup> **Вержицкий Григорий Афанасьевич**, р. 25 января 1875 г. Из мещан г. Летичева. Каменец-Подольская гимназия (не окончил), Одесское пехотное юнкерское училище (1897). Георгиевский кавалер. Полковник, командир бригады 134-й пехотной дивизии. При большевиках отказался от предложенной ему должности начальника 134-й пехотной дивизии, был при-

говорен за неповиновение к смертной казни, но, спасенный солдатами, уехал в Омск 8 декабря 1917 г. Спасаясь от преследования большевиков, перебрался в Усть-Каменогорск. В белых войсках Восточного фронта; участник свержения большевиков и организации Усть-Каменогорского офицерского отряда, с 20 июня 1918 г. начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, с 20 июля 1918 г. генерал-майор. По очищении района р. Туры назначен уполномоченным правительства с правами генерал-губернатора по насаждению государственного и общественного аппаратов управления освобожденных районов Западной Сибири. В дальнейшем командовал Западно-Сибирским отрядом. С 1 января 1919 г. командир 3-го Западно-Сибирского стрелкового корпуса, с января 1919 г. генерал-лейтенант. С 10 апреля 1919 г. командующий Южной группой Сибирской, затем 2-й армией. Орден Св. Георгия 3-й ст. 20 февраля 1919 г. Орден Св. Владимира 3-й ст. 2 мая 1919 г. Участник Сибирского Ледяного похода. Начальник колонны на правах командующего армией в составе Южной и Тобольской групп, с января 1920 г. командующий 2-й армией, с 25 марта 1920 г. командир 2-го Отдельного Сибирского стрелкового корпуса, с 22 августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, командующий вооруженными силами Приморской области, с 31 мая 1921 г. командующий войсками Временного Приамурского правительства и с 12 октября 1921 г. одновременно управляющий военным и морским ведомствами, в декабре 1921 г. — июне 1922 г. главнокомандующий Дальневосточной армией; в эмиграции в Китае; с 1930 г. помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС, в 1932 г. начальник отдела РОВС в Харбине, с 1936 г. — Тяньцзиньского отдела РОВС. Умер 20 декабря 1941 г. (1942 г.) в Тяньцзине.

<sup>60</sup> **Лабунцов Александр Николаевич.** Полковник. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в октябре 1918 г. в Иркутске; командир 1-й Ударной Сибирской стрелковой отдельной бригады, на 9 мая 1919 г. начальник 1-й Ударной дивизии.

<sup>61</sup> **Бутенко Харитон Ефимович,** р. 27 сентября 1878 г. Из казаков Полтавской губ. Благовещенская гимназия (экзамен) (1898), Иркутское военное училище (1900). Полковник (с 1917 г.), командир 35-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 20 июля 1918 г. командир 2-й бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии, в августе 1918 г. начальник гарнизона Николаевка-Уссурийского, с 2 сентября 1918 г. командующий военно-сухопутными и морскими силами Приморской области и комендант крепости Владивосток, с 1 декабря 1918 г. и на 19 февраля 1919 г. и. д. коменданта Владивостокской крепости. В 1919 г. начальник 12-й Уральской стрелковой дивизии (принял ее около Татарской). Участник Сибирского Ледяного похода (дошел до Читы с 47-м стрелковым полком).

<sup>62</sup> **Бурлин Петр Гаврилович,** р. в 1879 г. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Оренбургское военное училище (1901), академия Генштаба (1914). Полковник. В белых войсках Восточного фронта; глава офицерской организации во Владивостоке, с 10 июля 1918 г. генерал-квартирмейстер штаба военно-сухопутных сил Приморской области, врид начальника

штаба командующего и начальник этапно-хозяйственного отдела, с 2 августа 1918 г. заместитель председателя военного совещания при штабе командующего, затем в распоряжении штаба ВГК, с 28 января 1919 г. и. д. помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего, в апреле 1919 г. врио начальника того же штаба, в августе 1919 г. начальник канцелярии управляющего военным ведомством, с 1 октября 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Восточного фронта. Генерал-майор (с 20 августа 1919 г.). В эмиграции в Китае (Ханькоу), с 1930 г. советник при Генеральном штабе китайской армии, с 1932 г. профессор военной академии, с 1948 г. на Тайване, затем в Австралии. Умер 10 февраля 1954 г. в Сиднее.

<sup>63</sup> **Романовский Георгий (Юрий) Дмитриевич,** р. 13 ноября 1877 г. Пажеский корпус (1896), академия Генштаба (1902). Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, и. д. начальника Генерального штаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 23 октября 1918 г. представитель Всероссийского верховного командования при представителях союзного командования на территории России. В эмиграции в Югославии. Умер в 1930-х гг. в Белграде.

<sup>64</sup> **Волков Вячеслав Иванович,** р. в 1877 г. Офицер с 1896 г. Войсковой старшина 1-го Сибирского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; в мае 1918 г. организатор восстания в Петропавловске, начальник военного района, в ноябре 1918 г. полковник, начальник 1-й Сибирской казачьей дивизии. Участник Омского переворота 18 ноября 1918 г., с 1 декабря 1918 г. командующий 4-м и 5-м корпусными районами (с 1 декабря 1918 г. по 24 января 1919 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией), с 24 декабря 1918 г. по 17 февраля 1919 г. главный начальник Иркутского военного округа, с 10 января 1919 г. командующий войсками Средне-Сибирского военного округа, с 18 марта 1919 г. командир Сводного казачьего корпуса, 12—27 июня командир Уральской группы войск, с 20 июля 1919 г. командир Южной конной (с конца июля Конной), с 20 ноября 1919 г. Сибирской казачьей группы 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-майор (с 19 ноября 1918 г.). Убит в январе (11 февраля?) 1920 г. у деревень Пацаны и Пашки юго-восточнее Иркутска под ст. Ангара.

<sup>65</sup> **Катанаев Аполлос Всеволодович,** р. 2 сентября 1890 г. Из казаков Сибирского казачьего войска ст. Новорыбинской. Сибирский кадетский корпус (1908), Николаевское кавалерийское училище (1910). Подъесаул (с 1916 г.), помощник командира пешего стрелкового дивизиона Сибирской казачьей дивизии. В Добровольческой армии с 8 ноября 1918 г. по 22 марта 1918 г. В белых войсках Восточного фронта; с 10 апреля по 2 июня 1918 г. в тайной организации в Сибири, 16 июня 1918 г. назначен во 2-й Сибирский казачий полк, с 1 июля 1918 г. командир 1-го Сибирского казачьего полка, с 21 сентября 1918 г. есаул, с 22 сентября 1918 г. войсковой старшина, с января 1919 г. командир бригады Сибирской казачьей дивизии. Участник Омского переворота 18 ноября 1918 г. Участник Сибирского Ледяного похода, в январе 1920 г. начальник 4-й Сибирской казачьей дивизии, с марта 1920 г. некоторое время командир Сибирского казачьего пол-

ка, с весны 1921 г. командир Сибирского казачьего полка, с лета — Сибирского казачьего дивизиона. Полковник (с 19 ноября 1919 г.). Убит в 1930 г. на ст. Пограничная.

<sup>66</sup> Особый Маньчжурский отряд. Первый очаг сопротивления большевикам в Восточной Сибири. Сформирован в декабря 1917 г. в Забайкалье есаулом Г.М. Семеновым, который прибыл туда еще в июне 1917 г. в качестве комиссара Временного правительства по формированию добровольческих частей из казаков и бурят. 19 ноября 1917 г. в Верхнеудинске Семенов во главе Монголо-бурятского полка вступил в бой с местными большевиками, после чего отступил в Маньчжурию. В середине декабря отряд насчитывал 90 офицеров, 35 казаков и 40 бурят. В конце 1917 г. в Забайкалье стали прибывать полки Забайкальской казачьей дивизии, большая часть офицеров и значительная часть казаков которых присоединилась к Семенову. К апрелю 1918 г. отряд, базировавшийся в полосе отчуждения КВЖД и получивший название Особый Маньчжурский, включал Монголо-бурятский конный полк, два полка монголов-харачен, 1-й Семеновский и 2-й Маньчжурский пешие полки, две офицерские роты, две сербские роты и батальон японских добровольцев, имел 4 бронепоезда и 14 орудий. В середине апреля 1918 г. на ст. Маньчжурия у Семенова было до 700 человек. К июлю отряд состоял из 1-го Семеновского и 2-го Маньчжурского пеших, 1-го Монголо-бурятского и 2-го Даурского конных полков, Ургинского отряда, артиллерийского дивизиона (три батареи), инженерной и автомобильной рот. 1 сентября сформирован 3-й Даурский полк, 23 сентября составивший со 2-м отдельную Туземную конную бригаду. 8 октября 1918 г. отряд включен в состав 5-го Приамурского отдельного корпуса, штаб которого был создан на базе штаба отряда.

<sup>67</sup> Пепеляев Анатолий Николаевич, р. 3 августа 1891 г. в Томске. Сын офицера. Омский кадетский корпус (1908), Павловское военное училище (1910). Офицер 42-го Сибирского стрелкового полка. Подполковник (капитан), преподаватель тактики в школе прапорщиков. Георгиевский кавалер. Служил у большевиков в охране лагеря австро-венгерских военнопленных. В белых войсках Восточного фронта; 27 мая 1918 г. во главе офицерской организации возглавил восстание в Томске, поддержанное чехами, с 13 июня 1918 г. командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, с августа 1918 г. полковник, с 10 сентября 1918 г. генерал-майор. Генерал-лейтенант (с 31 января 1919 г.), с 25 апреля 1919 г. командующий группой (Северной) Сибирской армии, с 14 июля 1919 г. командующий 1-й армией, с 11 марта 1920 г. командир Сибирского партизанского отряда, сформированного из остатков армии. 20 апреля 1920 г. уехал в Харбин, работал извозчиком. Взят в плен в 1923 г. в Якутии, до 4 июля 1936 г. в Ярославском политизоляторе. Работал краснодеревщиком на мебельной фабрике в Воронеже; 20 августа 1937 г. арестован. Расстрелян 14 января 1938 г. в Новосибирске.

<sup>68</sup> 15-я Воткинская стрелковая дивизия. Сформирована 3 января 1919 г. на фронте за Камой из реорганизованной Воткинской Народно-Революционной армии, созданной в августе 1918 г. в Воткинском Заводе и его округе. После отхода за Каму во второй половине ноября 1918 г. воткинские

части были сведены в Сводную стрелковую дивизию Западной армии, 7 февраля переименованную в Воткинскую, с 16 апреля — 15-я. В январе 1919 г. состояла из 1, 2, 3 и 4-го (Сводного) Воткинских полков, Отдельного Воткинского конного дивизиона и Отдельного Воткинского артиллерийского стрелкового дивизиона. Принимала участие в весеннем наступлении в составе 1-го Сводного Сибирского корпуса Сибирской отдельной армии, но сразу же по освобождении родного завода от красных была распущена по домам. Однако вскоре из добровольцев и призывников начала формироваться вновь. На 9 мая 1919 г. включала 57-й Воткинский заводской «17-го августа» (полковник Вольский), 58-й Сайгатский им. Чехословаков (полковник Крейер), 59-й Осинский им. Минина и Пожарского (поручик Жуланов), 60-й Воткинский им. Союзных держав (полковник Отмарштейн) стрелковые полки, 15-й прифронтовой (запасный) полк, 15-й легкий артиллерийский дивизион (поручик Курбаловский) и 16-й саперный батальон. 11 мая переформирована из добровольческой в регулярную. 27 июня 1919 г. была слита с 16-й Казанской (Сарапульской) стрелковой дивизией, вместе с которой с июня 1919 г. входила в состав 8-го Камского армейского корпуса. После слияния состав дивизии включал: 57-й Воткинский, 58-й Казанский, 59-й Лаишевский, 60-й Чистопольский стрелковые полки, Отдельный Воткинский конный дивизион и 15-й отдельный Воткинский артиллерийский стрелковый дивизион. С июля 1919 г. вошла в 1-ю армию, с сентября — в Тобольскую группу. Во время Сибирского Ледяного похода у д. Дмитриевской в Щегловской тайге 25 декабря 1919 г. почти полностью погиб Воткинский запасный полк, 58-й и 59-й полки попали в плен в начале января 1920 г. под Красноярском. В Забайкалье пехотные части дивизии были сведены в Воткинский стрелковый отряд Дальневосточной армии (потом Воткинский стрелковый полк). Воткинские части имели синий цвет (символ связи со своими заводами — железом и сталью) погон, выпушек и петлиц и буквы «Втк» на погонах. Галунных погон офицеры и подпрапорщики никогда не носили: на синих погонах были белые просветы, зигзаги, канты. Начальники: капитан (полковник) Г.Н. Юрьев (до 11 января 1919 г.), подполковник Н.П. Альбокринов (с 11 января 1919 г.), полковник Михайлов, полковник фон Вах. Начальник штаба — ротмистр (полковник) фон Вах.

<sup>69</sup> Домонтович Сергей Алексеевич. Пажеский корпус (1903). Полковник л.-гв. Уланского Его Величества полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. участник восстания в Екатеринбурге, с июля 1918 г. командир 1-го уланского Екатеринбургского полка, с середины августа 1918 г. в Ижевской армии, затем формировал кавалерийскую часть в Челябинске, с 13 декабря 1918 г. и на март 1919 г. помощник главного начальника Уральского края, до начала 1919 г. начальник военно-административного отдела Сибирской армии, с 13 мая по 8 июля 1919 г. состоял при генерале Дитерихсе, с 8 июля 1919 г. главный начальник военно-административного управления Восточного фронта. Генерал-майор (с 8 марта 1919 г.). Умер в конце 1919 г. от тифа у станции Зима.

<sup>70</sup> Марковский Василий Иосифович, р. в 1878 г. В службе с 1895 г., офицером с 1897 г., академия Генштаба. Генерал-майор штаба Иркутского

военного округа. В белых войсках Восточного фронта; с ноября 1918 г. начальник главного штаба, с 3 января 1919 г. и. д. помощника военного министра по организационной части — начальник главного штаба, затем командующий войсками Енисейской и части Иркутской губерний. Генерал-лейтенант. В эмиграции.

<sup>71</sup> **Косьмин Владимир Дмитриевич.** Из казаков ст. Арсинской Оренбургского казачьего войска. Академия Генштаба. Полковник (Московского?) гренадерского полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; 2—3 августа 1918 г. начальник штаба 1-й Уральской пехотной дивизии (потом 6-я Уральская горных стрелков), весной 1919 г. начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, 3 августа — 15 ноября 1919 г. командующий Уральской группой войск. Участник Сибирского Ледяного похода. С 8 июля 1920 г. начальник дивизии броневых атамана Семенова поездов, затем генерал для поручений при главнокомандующем всеми вооруженными силами и походном атамане всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 30 июля 1920 г. генерал-квартирмейстер штаба Дальневосточной армии. Орден Св. Георгия 3 ст. (12 сентября 1919 г.). Генерал-майор. В эмиграции в Китае, в 1921—1923 гг. в Харбине. Член правления Восточного Казачьего союза, с 1933 г. в Харбине, до 1941 г. в Шанхае, глава Российской фашистской партии. Умер после 20 декабря 1945 г.

<sup>72</sup> **Богословский Борис Петрович.** Академия Генштаба. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с 22 июля 1918 г. штатный преподаватель военной академии, с 12 октября 1918 г. начальник штаба Екатеринбургской группы войск, на 9 декабря 1918 г. полковник, с 4 января 1919 г. врид, с 17 марта начальник штаба Сибирской армии, с 7 августа 1919 г. инспектор фронта, с 8 сентября 1919 г. инспектор пополнений, в январе 1920 г. начальник штаба главнокомандующего фронтом. Генерал-майор (с 24 декабря 1918 г.). Взят в плен в январе 1920 г. под Красноярском и расстрелян.

<sup>73</sup> 1-я Сибирская казачья дивизия с 20 июля 1919 г. входила в состав Конной (Южной конной) группы 2-й армии.

<sup>74</sup> **Котомин Василий Васильевич.** Служил в туркестанских стрелковых частях. Полковник 65-й ополченческой бригады. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных в июле 1919 г.; командир бригады 35-й стрелковой дивизии) в Западной армии. Умер в 1919 г.

<sup>75</sup> 12-я Сибирская стрелковая дивизия. Сформирована 5 марта 1919 г. как 2-я кадровая Омского военного округа. 18 марта переформирована в 12-ю Сибирскую стрелковую. 18 июня выступила на фронт в Западную армию, где включена в состав 3-го Уральского корпуса (с июля — Уральской группы 3-й армии). Состав: 45, 46, 47, 48-й Сибирские стрелковые полки (46-й полк оставлен в Томске для несения гарнизонной службы). Своей артиллерии не было, она, как и пулеметы, была получена 18 июля из полууничтоженной 7-й Уральской горных стрелков дивизии. 20 июля 1919 г. 47-й полк в полном составе — 53 офицера и 1010 солдат — сдался красным, в первые же дни боев. 17 августа 1919 г. расформирована и обращена на пополнение 11-й Уральской стрелковой дивизии (ее 45-й полк пере-

именован в 42-й Троицкий). 46-й полк 11 декабря 1919 г. в полном составе перешел к повстанческим бандам. Начальники: полковник Иванов (до 31 марта 1919 г.), генерал-майор Сергеев (31 марта — августа 1919 г.). Начальники штаба: гв. капитан Сумароков (и. д.; до 24 мая 1919 г.), подполковник Сычев (1 июня — август 1919 г.).

<sup>76</sup> **Лохвицкий Николай Александрович,** р. 7 октября 1868 г. в Москве. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын присяжного поверенного. 4-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1889), академия Генштаба. Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, начальник 1-й Особой дивизии во Франции. В белых войсках Восточного фронта; с 14 (29) июля 1919 г., в августе 1919 г. командующий 2-й армией, с 27 апреля до 22 августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, 2 июня — 1 октября 1920 г. начальник штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. На 8 января 1922 г. во Владивостоке, член общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. В эмиграции с 1923 г. во Франции, с 1927 г. председатель Общества монархистов-легитимистов. Генерал от инфантерии. Умер 5 ноября 1933 г. в Париже.

<sup>77</sup> **Белов Петр А. (Виттекопф Ганс Альфредович),** р. 22 апреля 1881 г. Гимназия (1899), Виленское пехотное юнкерское училище (1902), академия Генштаба (1911). Полковник (1917), старший адъютант штаба 27-го армейского корпуса, 9-й кавалерийской дивизии, 3-й армии. В белых войсках Восточного фронта; 2 июня 1918 г. начальник штаба Сибирской армии и Омского военного округа, с 13 июня 1918 г. начальник штаба Сибирской армии, с 13 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего, с 21 февраля 1919 г. командующий Стерлитамакским сводным корпусом, с 23 февраля 1919 г. начальник штаба 5-го Стерлитамакского армейского корпуса, с 9 марта 1919 г. командующий 8-й стрелковой Камской дивизией, затем командующий Южной группой войск Западной армии, с 23 мая командующий Южной армией. Орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами; с 18 сентября 1919 г. в распоряжении Верховного главнокомандующего, затем помощник военного министра по мобилизационно-организационной части, с 24 октября и на 14 ноября 1919 г. главный начальник по разгрузке Омска и Сибирской магистрали (магазинов). Генерал-майор (12 августа 1918 г.). В 1921 г. начальник партизанского отряда в Западной Сибири. В эмиграции в Харбине.

<sup>78</sup> **Пучков Федор Абрамович,** р. 31 мая 1886 г. Виленское военное училище (1906), академия Генштаба. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с 18 июля 1918 г. начальник штаба войск Народной армии Уфимской губернии, на 15 августа 1918 г. начальник штаба 4-й стрелковой дивизии, с 4 октября по 5 декабря 1918 г., с 18 января по 1 июля 1919 г. начальник штаба Уфимского отдельного корпуса (затем 2-го Уфимского армейского корпуса), затем начальник 8-й Камской стрелковой дивизии, участник Сибирского Ледяного похода. К 27 мая 1920 г. генерал-квартирмейстер, с 28 июля 1920 г. по 18 июня 1921 г. начальник штаба Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 г. по 10 августа 1922 г. начальник штаба войск



Приамурского Временного правительства и Земской рати, с декабря 1921 г. по 2 января 1922 г. одновременно войсковой атаман Уссурийского казачьего войска. Генерал-майор (1919 г.). В эмиграции в США. Председатель Общества ветеранов. Умер 2 февраля 1953 г. в Сан-Франциско.

<sup>79</sup> Морской учебный батальон. Сформирован в составе Восточного фронта в августе—сентябре 1919 г. из чинов Камской флотилии (1500 человек при 70 офицерах). Включал 4 роты. В начале сентября 1919 г. прибыл на фронт, где находился непрерывно в боях до полного истребления. Командир — капитан 2-го ранга В.П. Тихменев (убит 12 сентября 1919 г.).

<sup>80</sup> Устругов Леонид Александрович, р. 23 ноября 1877 г. Санкт-Петербургский институт путей сообщения (1902). Начальник Омской железной дороги, помощник начальника управления железных дорог. В белых войсках Восточного фронта; с 4 ноября 1918 г. министр путей сообщения Временного Сибирского правительства и правительства адмирала Колчака. Умер в 1938 г.

<sup>81</sup> Филатьев Дмитрий Владимирович, р. 7 сентября 1866 г. 2-й Московский кадетский корпус (1885), Александровское военное училище (1887), академия Генштаба. Генерал-лейтенант, помощник военного министра. В Добровольческой армии; с 1 сентября 1918 г. в Киевском центре (утвержден 2 февраля 1919 г. в резерв армии), в ноябре—декабре 1918 г. начальник снабжения представителя армии в Киеве; в декабре 1918 г. в Одессе, участник организации десантной армии для захвата Петрограда, выехал по ее делам в Париж, затем в белых войсках Восточного фронта: профессор академии Генштаба; с 5 ноября 1919 г. помощник главнокомандующего по части снабжения, с 29 февраля 1920 г. главный начальник снабжений вооруженных сил Российской восточной окраины; с 30 апреля 1920 г. руководитель комиссии пограничным заготовкам в Харбине, летом 1920 г. выехал из Харбина для закупки патронов для атамана Семенова. В эмиграции во Франции. Умер 21 сентября 1932 г. в Ницце (Франция).

<sup>82</sup> Впервые опубликовано: Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918—1922. Париж, 1985.

<sup>83</sup> Сукин Иван Иванович. Александровский лицей (1911). Чиновник МИД. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. министр иностранных дел правительства адмирала Колчака. В эмиграции в Париже. Умер после 1929 г.

<sup>84</sup> Гришин Алексей Николаевич (-Алмазов), р. в Кирсановском уезде. Полковник. Георгиевский кавалер. По заданию генерала М.В. Алексева организовывал офицерское подполье в Сибири. Организатор свержения большевиков в Новониколаевске 27 мая 1918 г. 28 мая — 12 июня командующий войсками Омского военного округа, с 13 июня до 5 сентября 1918 г. командующий Сибирской армией, с 1 июля одновременно управляющий военным министерством. В сентябре 1918 г. отбыл в Екатеринбург, с 29 ноября 1918 г. в Одессе, с 4 декабря 1918 г. военный губернатор Одессы и (до 15 января 1919 г.) командующий войсками Добровольческой армии Одесского района, с 24 февраля по 23 апреля 1919 г. врид командующего войсками Юго-Западного края. В апреле 1919 г. послан в Омск во главе

делегации к адмиралу Колчаку. Генерал-майор. Застрелился под угрозой плена 22 апреля (5 мая) 1919 г. в Каспийском море.

<sup>85</sup> Иностранцев Михаил Александрович, р. 26 июля 1872. Сын академика. Ларинская гимназия в Санкт-Петербурге (1891), офицерский экзаме́н при Константиновском военном училище (1893), академия Генштаба. Офицер л.-гв. Финляндского полка. Генерал-майор, профессор академии Генштаба. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1919 г. преподаватель академии Генштаба, с 31 мая 1919 г. в распоряжении военного министра, с 4 июля 1919 г. генерал для поручений при адмирале Колчаке. С 29 августа 1920 г. в отставке. В эмиграции в Чехословакии. Умер 7 августа 1938 г. в Праге.

<sup>86</sup> Матковский Алексей Фелицианович, р. в 1877 г. В службе с 1894 г., офицером с 1897 г., академия Генштаба. Генерал-майор 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, профессор академии Генштаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 30 августа 1918 г. состоял при управляющем военным министерством, с 5 сентября 1918 г. инспектор кавалерии с зачислением по кавалерии и оставлением по Генеральному штабу, с 6 сентября 1918 г. командир 2-го Степного Сибирского армейского корпуса, в ноябре 1918 г. председатель военного суда, с 15 декабря 1918 г. командующий Сибирской армией, с 25 декабря 1918 г. командующий войсками Омского военного округа, в 1919 г. в Ставке, затем командующий войсками Томского военного округа. Генерал-лейтенант. Расстрелян большевиками.

<sup>87</sup> Андогский Александр Иванович, р. 25 июля 1876 г. Из дворян Новгородской губ., сын действительного статского советника. Вологодская гимназия, Санкт-Петербургский университет (1898), офицерский экзамен при Павловском военном училище (1899), академия Генштаба (1905). Офицер л.-гв. Московского полка. Генерал-майор, начальник академии Генштаба. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); до 23 октября 1922 г. оставался начальником академии Генштаба; экстраординарный профессор той же академии (с 18 сентября 1919 г. ординарный профессор с оставлением в должности начальника академии), с 18 сентября 1918 г. помощник управляющего военным министерством по снабжению с оставлением в прежней должности, с 18 июня 1919 г. 1-й генерал-квартирмейстер Ставки, с 12 августа 1919 г. 1-й помощник начальника штаба, с 8 октября 1919 г. в распоряжении начальника штаба Верховного главнокомандующего с оставлением в должности начальника академии и ординарного профессора, с октября 1921 г. преподаватель Владивостокского военного училища, в 1922 г. городской голова Владивостока. В эмиграции в Китае. Покончил самоубийством 25 февраля 1931 г. в Харбине.

<sup>88</sup> Рябиков Павел Федорович, р. 24 марта 1875 г. Сын подполковника. Полоцкий кадетский корпус (1893), Константиновское артиллерийское училище (1896), академия Генштаба. Офицер л.-гв. Финляндского полка. Генерал-майор, профессор академии Генштаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 7 мая 1919 г. экстраординарный профессор Военной академии, с 9 мая в прикомандировании к главному штабу, с



28 мая 1919 г. 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного Правителя с оставлением в должности профессора, с 1 октября по 8 ноября 1919 г. начальник штаба Восточного фронта, одновременно в 1918—1919 гг. профессор академии Генштаба. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Японии, в Шанхае, в Чехословакии, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. Умер 27 августа 1932 г. в Праге.

<sup>89</sup> **Сурий Виктор Ильич**, р. 14 декабря 1888 г. В службе с 1893 г., офицером с 1896 г. Академия Генштаба. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; преподаватель академии Генштаба, с 16 августа 1918 г. главный начальник снабжений, с 13 сентября 1918 г. помощник управляющего военным министерством по снабжению с оставлением в прежней должности, с 4 ноября 1918 г. помощник военного министра по снабжению и технической части, с 21 ноября по декабрь 1918 г. и. д. военного министра, с 5 июня 1919 г. главный начальник снабжений действующих армий с оставлением в должностях помощника военного министра и штатного преподавателя Военной академии. Участник Сибирского Ледяного похода; с 17 июня 1920 г. в резерве чинов Временного правительства Дальнего Востока. Генерал-лейтенант (с 15 июня 1919 г.). С 1 сентября 1920 г. в отставке. В эмиграции в США. Умер 5 января 1985 г. в Сан-Франциско.

<sup>90</sup> **Флауг Василий Егорович**, р. 19 марта 1860 г. 2-й кадетский корпус (1877), Михайловское артиллерийское училище (1880), академия Генштаба (1890). Генерал от инфантерии, командующий 9-й армией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. В начале 1918 г. командирован в Сибирь для работы в тылу большевиков, с 1 февраля 1918 г. в Сибирском центре (утвержден 2 февраля 1919 г. в резерв армии). В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. член правительства генерала Хорвата, с 21 ноября 1918 г. помощник по военной части верховного уполномоченного на Дальнем Востоке, врид командующего войсками Дальнего Востока, 1—14 декабря 1918 г. командующий войсками Приамурского военного округа, с 13 декабря 1918 г. помощник верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по гражданской части. С конца 1918 г. в Ставке адмирала Колчака, с начала 1919 г. в Вооруженных силах Юга России; с сентября 1919 г. помощник по военной части командующего войсками Киевской области, с 4 ноября 1919 г. член проверочной комиссии тыловых учреждений, в резерве чинов войск Киевской области, с 8 декабря 1919 г. в резерве чинов войск Новороссийской области (на 25 марта 1920 г. не прибыл). В Русской армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, служил в военном министерстве, председатель района Общества офицеров Генерального штаба в Белграде. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. — в Германии, затем в США, член Общества ветеранов. Умер 3 декабря 1955 г. в Сан-Франциско (США).

<sup>91</sup> **Барон Будберг Алексей Павлович**, р. 21 мая 1869 г. в Лифляндской губ. Орловский кадетский корпус (1886), Михайловское артиллерийское училище (1889), академия Генштаба (1895). Офицер л.-гв. 3-й артил-

лерийской бригады. Генерал-лейтенант, командир 14-го армейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; в распоряжении начальника штаба ВГК, с 3 мая 1919 г. главный начальник снабжений и инспекций при Верховном главнокомандующем, с 23 мая 1919 г. помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра с правами военного министра по управлению военным министерством, с 27 августа 1919 г. и. д. военного министра, с 5 октября 1919 г. в распоряжении ВГК, с 19 ноября 1919 г. начальник штаба Приамурского военного округа. В эмиграции с 1921 г. в Сан-Франциско, начальник 1-го отдела РОВС в США, председатель Общества ветеранов Великой войны. Умер 14 декабря 1945 г.

<sup>92</sup> **Клерже Георгий Иосифович**. Академия Генштаба. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; помощник начальника главного штаба. Участник Сибирского Ледяного похода; генерал для поручений при главнокомандующем всеми вооруженными силами Российской восточной окраины (Дальневосточной армией), с 21 мая 1920 г. председатель комиссии для изучения офицерского вопроса, к 16 июня 1921 г. начальник штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, к 1923 г. в Мукдене, в 1922—1927 гг. военный советник маршала Чжан Цзолина, к 1938 г. в Шанхае.

<sup>93</sup> Впервые опубликовано: **Клерже Г.И.** Революция и Гражданская война. Ч. 1. Мукден, 1932.

<sup>94</sup> Под этим именем Г.И. Клерже пробыл в расположении Белой армии.

<sup>95</sup> **Сальников Дмитрий Николаевич**, р. ок. 1884 г. Гимназия, Одесское военное училище, академия Генштаба. Подполковник. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — начальник оперативного отдела штаба армии, на 26 июня 1918 г. в Донской армии, затем полковник, и. д. генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии, с 27 ноября 1918 г. по март 1919 г. командир 1-го Офицерского (Марковского) полка. В белых войсках Восточного фронта; в июне—сентябре 1919 г. начальник штаба Восточного фронта, с ноября 1919 г. командующий войсками Барнаульского и Бийского районов (не прибыл). Участник Сибирского Ледяного похода, в начале 1920 г., до середины февраля 1920 г. начальник штаба Северной колонны. К 17 июня по 1 октября 1920 г. начальник осведомительного (особого) отдела Дальневосточной армии. Участник Хабаровского похода, затем начальник Камчатской области. Генерал-майор. В эмиграции в Китае, техник путей сообщения, учитель. Один из организаторов и начальник штаба Союза военных. Умер 29 мая 1945 г. в Харбине.

<sup>96</sup> **Нагаев Виктор Владимирович**, р. в 1863 г. в Тобольской губ. Казанское военное училище (1888), академия Генштаба (1901). Генерал-майор, начальник 173-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 17 декабря 1918 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР до 4 августа 1919 г., затем в белых войсках Восточного фронта (переезд из Екатеринодара в Омск с 14 февраля по 22 июля 1919 г.), с 22 июля в прикомандировании к штабу

ВГК, с 27 августа 1919 г. командирован во ВСЮР (Омск — Владивосток — Новороссийск — Екатеринодар). В эмиграции в Югославии. Умер в начале 1938 г.

<sup>97</sup> **Карцов Владимир Александрович**, р. 15 июля 1860 г. Из дворян. Пажеский корпус (1879), академия Генштаба (1885). Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Генерал-лейтенант, командир 1-й бригады Кубанской казачьей дивизии (с 1915 г. в отставке). Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской дружине, начальник обоза Кубанского отряда. С 11 мая 1918 г., с 15 ноября 1918 г. и на 22 января 1919 г. до 4 августа 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, затем в белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1919 г. в прикомандировании к штабу Верховного главнокомандующего, с 2 октября 1919 г. в распоряжении командира 2-го отдельного Степного корпуса. В Русской армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, председатель офицерского суда чести. Летом 1921 г. ближайший помощник и переводчик Кутепова. В эмиграции в Югославии, председатель объединения 5-го гусарского полка. Умер 15 октября 1938 г. в Белой Церкви (Югославия).

<sup>98</sup> **Лебедев Николай Владимирович**, р. в 1877 г. В службе с 1894 г., офицером с 1897 г. Академия Генштаба. Генерал-майор. В Вооруженных силах Юга России, затем в белых войсках Восточного фронта (переезд из Екатеринодара в Омск с 14 февраля по 22 июля 1919 г.); с 22 июля 1919 г. в прикомандировании к штабу Верховного главнокомандующего, с 12 августа 1919 г. главный начальник военных сообщений, с 17 сентября 1919 г. командирован во ВСЮР. Эвакуирован из Новороссийска.

<sup>99</sup> **Дашкевич-Горбатский Владислав Владиславович**, р. в 1879 г. в Обухове Киевской губ. Академия Генштаба (1905). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор, и. д. начальника 21-й пехотной дивизии. В апреле 1918 г. ликвидировал Центральную Раду, затем начальник штаба гетманской армии, с 27 июня 1918 г. генеральный старшина при гетмане. В белых войсках Восточного фронта; с осени 1919 г. прибыл из Константинополя. Участник Сибирского Ледяного похода, командир Северной группы; на 27 мая 1920 г. генерал для поручений при командующем войсками Дальневосточной армии, с 6 июня 1920 г. в распоряжении главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. В эмиграции на 1920 г. в Германии.

<sup>100</sup> **Головин Николай Николаевич**, р. 22 февраля 1875 г. в Москве. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1894), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Конной артиллерии. Генерал-лейтенант, и. д. начальника штаба Румынского фронта. Георгиевский кавалер. К 21 ноября 1918 г. в гетманской армии. Генерал. В белых войсках Восточного фронта; с 14 августа 1919 г. в распоряжении ВГК, с декабря 1918 г. член делегации в Англию, с 24 декабря 1918 г. помощник представителя белого командования при союзном командовании (утвержден 2 февраля 1919 г.). В эмиграции во Франции, на декабрь 1924 г. председатель объединения л.-гв. Гродненского гусарского полка, в 1931 г. возглавлял группу л.-гв. Конной артиллерии в Париже,

к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, в 1936—1938 гг. редактор журнала «Осведомитель». Создатель и руководитель Высших академических курсов в Париже. Военный теоретик и историк. Умер 10 января 1944 г. в Париже.

<sup>101</sup> **Занкевич Михаил Ипполитович**, р. 17 сентября 1872 г. Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1893), академия Генштаба (1899). Офицер л.-гв. Павловского полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер Генерального штаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта (прибыл с июля 1919 г. из Франции); генерал-квартирмейстер Ставки, в начале 1920 г. начальник штаба адмирала Колчака. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-лейтенант. В эмиграции на 1920 г. во Франции, на декабрь 1924 г. председатель объединения л.-гв. Павловского полка, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, с 1934 г. председатель объединения Псковского кадетского корпуса. Умер 14 мая 1945 г.

<sup>102</sup> **Базаревский Александр Халилович**, р. 1 июля 1884 г. в Лодзинской губ. Из дворян, сын генерал-майора. Кадетский корпус (1901), военное училище (1903), академия Генштаба (1909). Полковник, генерал-квартирмейстер 8-й армии. В белых войсках Восточного фронта. Взят в плен, служил в Красной армии, преподаватель военной академии. Арестован 30 августа 1930 г. В 1931 г. осужден на 5 лет лагерей по делу «Весна», затем полковник, начальник отделения Генерального штаба, расстрелян в 1938 г.

<sup>103</sup> **Церетели Зинови Филимонович**. Офицер л.-гв. Конной артиллерии. Академия Генштаба. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; и. д. генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, с 19 апреля 1919 г. командир 5-го Стерлитамакского армейского корпуса, 22 июля 1919 г. в резерве чинов при штабе при управлении 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. Генерал-майор (с 20 апреля 1919 г.). Убит в январе 1920 г. у ст. Кемчуг.

<sup>104</sup> **Бабушкин Василий Александрович**, р. в 1857 г. В службе с 1876 г., офицером с 1878 г. Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (с 1917 г. в отставке), начальник Рязанского губернского жандармского управления. В белых войсках Восточного фронта; с 23 марта 1919 г. начальник контрразведывательного отдела главного штаба, с августа 1922 г. председатель Приморского Поместного совета и министр внутренних дел.

<sup>105</sup> **Акинтьевский Константин Константинович**, р. 14 октября 1884 г. в Черниговской губ. Орловский кадетский корпус (1902), Константиновское артиллерийское училище (1905), академия Генштаба (1913). Офицер л.-гв. запасной пешей батареи и 16-й конно-артиллерийской батареи. Полковник, начальник штаба 1-го гвардейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; 1 июня — 17 июля 1919 г. и. о. начальника походного штаба ВГК, 17 июля — 12 ноября 1919 г. начальник штаба 2-й армии, затем генерал-квартирмейстер Дальневосточной армии, с 12 февраля 1920 г. помощник начальника штаба армии, с 3 мая по 28 июля 1920 г. начальник штаба той же армии. Генерал-майор (1 сентября 1919 г.). В эмиграции в Китае, на 8 января 1922 г. в Харбине, член Общества офицеров гвардии на

Дальнем Востоке, в 1937—1941 гг. в Шанхае; затем в США, член ОМФ. Умер 17 (19) марта 1962 г. в Нью-Йорке.

<sup>106</sup> **Матковский Алексей Фелицианович**, р. в 1877 г. В службе с 1894 г., офицером с 1897 г., академия Генштаба. Генерал-майор 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, профессор академии Генштаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 30 августа 1918 г. состоял при управляющем военным министерством, с 5 сентября 1918 г. инспектор кавалерии с зачислением по кавалерии и оставлением по Генеральному штабу, с 6 сентября 1918 г. командир 2-го Степного Сибирского армейского корпуса, с ноября 1918 г. председатель военного суда, с 15 декабря 1918 г. командующий Сибирской армией, с 25 декабря 1918 г. командующий войсками Омского военного округа, в 1919 г. в Ставке, затем командующий войсками Томского военного округа. Генерал-лейтенант. Расстрелян большевиками.

<sup>107</sup> **Богомолец Николай Федорович**, р. в 1871 г. В службе с 1890 г., офицером с 1892 г. Полковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; и. д. инспектора артиллерии Омского военного округа, с 20 апреля 1919 г. генерал-майор, с 11 июня 1919 г. член окружной следственной комиссии, с 19 ноября 1919 г. в распоряжении командующего войсками Примурского военного округа, до 30 сентября 1920 г. начальник дивизии броневых атамана Семенова поездов, с 16 февраля 1920 г. одновременно вр. командующий Сводной Маньчжурской стрелковой атамана Семенова дивизией. 30 сентября/10 октября 1920 г. в отставке генерал-лейтенантом.

<sup>108</sup> **Агарков Александр Александрович**, р. в 1868 г. В службе с 1886 г., офицером с 1888 г. Генерал-майор в отставке. В белых войсках Восточного фронта; 23 июля 1918 г. определен на службу генералом для поручений при главном начальнике Западно-Сибирского военного округа, затем дежурный генерал штаба Омского военного округа, с 12 июня 1919 г. одновременно временный член Омского военно-окружного суда, с 22 августа 1919 г. также и. д. инспектора военно-спортивных обществ округа. В эмиграции в Китае. Директор ремесленных курсов в Харбине. Умер 17 февраля 1932 г. в Харбине.

<sup>109</sup> **Оберюхтин Виктор Иванович**, р. 31 октября 1887 г. в Воткинском Заводе. Казанское военное училище (1908), академия Генштаба (1914). Подполковник, помощник генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта. В белых войсках Восточного фронта с 6 августа 1918 г. в Казани (перешел от красных); с 13 сентября 1918 г. помощник начальника канцелярии военного ведомства, с 10 октября 1918 г. начальник отдела снабжений главного штаба, с 25 октября 1918 г. начальник организационного отдела, с 25 марта 1919 г. генерал-квартирмейстер Западной армии, с 26 июня 1919 г. начальник штаба 3-й армии, осенью 1919 г. начальник штаба Московской группы армий, с 8 ноября 1919 г. по январь 1920 г. начальник штаба армий Восточного фронта, 9—11 декабря 1919 г. врид главнокомандующего фронтом, с 11 декабря 1919 г. инспектор школ и пополнений. Генерал-майор (с 12 сентября 1919 г.). Взят в плен 5 января 1920 г. под Красноярском. К 1923 г. в РККА (в 1935 г. полковник).

<sup>110</sup> **Песоцкий Вениамин Дмитриевич**. Восточный институт (1911), академия Генштаба (1916). Подполковник, начальник оперативного отдела штаба Одесского военного округа. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1919 г. главный комиссар Сибирского правительства в Омске, затем командир учебного полка Морской дивизии. Попал в плен в январе 1920 г. на ст. Камышет.

<sup>111</sup> **Колегов Степан Николаевич**, р. 24 марта 1890 г. в Минусинском уезде. Из крестьян. Офицер с 1909 г., Киевская авиационная школа (1916), академия Генштаба (1917). Капитан, начальник штаба 39-го армейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта с июня 1918 г., помощник командира Морского учебного полка. Подполковник. Взят в плен в Иркутской губ. 4 февраля 1920 г., к 1923 г. в РККА.

<sup>112</sup> **Нечаев Константин Петрович**. Тверское кавалерийское училище (1904). Офицер 5-го уланского полка. Полковник 5-го драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командир кавалерийского отряда, на 27 августа 1918 г. командир 1-го Казанского кавалерийского Добровольческого полка Народной армии, затем в Казанском (бывшем Каргопольском) драгунском полку, с начала 1919 г. генерал-майор, командир кавалерийской бригады 3-го корпуса (Отдельная Волжская кавалерийская бригада). Участник Сибирского Ледяного похода; с марта 1920 г. начальник 1-й Маньчжурской конной дивизии, с начала сентября 1920 г. начальник 1-й Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, 1925 г. военный советник, начальник русского отряда в армии Чжан Цзолина.

<sup>113</sup> **Драгомиров Абрам Михайлович**, р. 21 сентября 1868 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Черниговской губ., сын генерала от инфантерии. Пажеский корпус (1887), академия Генштаба (1893). Офицер л.-гв. Семёновского полка. Генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками Северного фронта. Георгиевский кавалер. С августа 1918 г. помощник верховного руководителя Добровольческой армии, с 3 октября 1918 г. по сентябрь 1919 г. одновременно председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. С 11 сентября 1919 г. и в декабре 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками Киевской обл. С 8 марта 1920 г. заместитель председателя комиссии по эвакуации Новороссийска, с 19 сентября 1920 г. председатель Кавалерской думы Ордена Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1924 г. генерал для поручений при председателе РОВС, с 1931 г. во Франции, руководитель особой работы РОВС, председатель Общества офицеров Генерального штаба. В годы Второй мировой войны в резерве чинов при штабе РОА. Член Общества ветеранов. Умер 9 декабря 1955 г. в Ганьи (Франция).

<sup>114</sup> **Клафтон Александр Константинович**. В белых войсках Восточного фронта; директор-распорядитель Русского бюро печати правительства адмирала Колчака. Осужден 30 мая 1920 г. к расстрелу. Расстрелян большевиками 23 июня 1920 г. в Омске.

<sup>115</sup> **Михайлов Иван Адрианович**, р. в январе 1891 г. в Сибири. Сын врача (участника заговора Петрашевского). Гимназия в Чите, 1-я Санкт-

Петербургская гимназия, Санкт-Петербургский университет. Доцент того же университета, служил в министерстве земледелия, гражданский шифровальщик штаба Балтийского флота. Прибыл в Сибирь из США, министр финансов Сибирского Временного правительства и с 4 ноября 1918 г. — Уфимской директории, затем министр финансов правительства адмирала Колчака. В эмиграции в Китае (Харбин), в 1945 г. схвачен в Дайрене. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве с генералом Семеновым и другими.

<sup>116</sup> Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923.

<sup>117</sup> **Смирнов Михаил Иванович**, р. 18 июня 1880 г. Морской корпус (1899), Морская академия (1914). Капитан 1-го ранга, начальник штаба Черноморского флота, начальник морского отдела Русского заготовительного комитета в Америке. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1918 г. командующий Волжской флотилией, с 20 ноября 1918 г. управляющий морским министерством правительства адмирала Колчака, с апреля 1919 г. Камской флотилией (с 27 августа 1919 г. Речной боевой флотилией). Орден Св. Георгия 4-й ст. (27 августа 1919 г.). Контр-адмирал (20 ноября 1918 г.). В эмиграции в Германии, председатель правления и председатель Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине, затем в США, Франции, Англии. Умер осенью 1939 г. (1940, 1943?) в Лондоне.

<sup>118</sup> **Калмыков Иван Михайлович**. Есаул Уссурийского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с 20—31 января 1918 г. атаман Уссурийского казачьего войска, с 25 марта 1919 г. командир Уссурийского особого отряда, с 29 августа 1919 г. — начальник Уссурийской отдельной бригады, с 1 января 1920 г. — Уссурийской отдельной сводной дивизии. Генерал-майор (1919). Убит в 1920 г. в Китае.

<sup>119</sup> **Анненков Борис Владимирович**, р. в 1890 г. Из дворян Новгородской губ. Одесский кадетский корпус (1906), Александровское военное училище (1908). Есаул 1-го Сибирского казачьего полка, начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с конца 1917 г. действовал в районе Омска со своим партизанским отрядом. С 28 июля 1918 г. войсковой старшина, с середины 1919 г. на Семиреченском фронте, командующий Отдельной Семиреченской армией. Генерал-майор. В эмиграции с весны 1920 г. в Китае. В 1925 г. выдан большевикам. Расстрелян 24 августа 1927 г. (25 августа 1926 г.) в Семипалатинске.

<sup>120</sup> **Пилкин Владимир Константинович**, р. 11 июля 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын адмирала. Морской корпус (1890). Контр-адмирал, командир 1-й бригады крейсеров Балтийского флота. В Северо-Западной армии; с января 1919 г. член Особого комитета в Финляндии, с июля 1919 г. начальник Морского походного штаба, с августа по 3 декабря 1919 г. морской министр правительства Северо-Западной области. В эмиграции во Франции, секретарь Кают-компании в Ницце. Умер 6 января 1950 г. в Ницце (Франция).

<sup>121</sup> **Бахирев Михаил Коронатович**, р. 17 июля 1868 г. Сын коллежского секретаря из казаков ВВД. Новочеркасская гимназия, Морской корпус (1888). Вице-адмирал, начальник морских сил Рижского залива. Остал-

ся в Петрограде. Готовил восстание против большевиков. Арестован 17 ноября 1919 г. Расстрелян большевиками 16 января 1920 г. в Петрограде.

<sup>122</sup> **Развозов Александр Владимирович**, р. в 1879 г. Морской корпус (1899). Контр-адмирал, командующий Балтийским флотом. Арестовывался 23 марта 1918 г., затем служил в РККА, участник антибольшевистской организации. Арестован 25 ноября 1919 г. и умер в тюрьме в Петрограде.

<sup>123</sup> **Князь Голицын Лев Львович**, р. 23 марта 1877 г. в Саратовской губ. Санкт-Петербургский университет. Действительный статский советник, сарматский губернатор. В белых войсках Восточного фронта в санитарной части, уполномоченный Красного Креста в Западной армии. Остался в СССР. Арестован 24 мая 1920 г. и содержался в тюрьме в Красноярске.

<sup>124</sup> **Вишневский Евгений Кондратьевич**, р. 1 ноября 1876 г. Из дворян Гродненской губ. Брест-Литовская прогимназия (1894), Одесское военное училище (1898) (офицером с 1899 г.). Полковник 25-го Сибирского стрелкового запасного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 1 января 1918 г. начальник Томского отряда офицеров (конспиративная организация), с 1 июня 1918 г. командир 2-го Томского (позже 6-го Марининского) полка, с 23 июня 1918 г. начальник 1-й Томской Средне-Сибирской (затем 2-й Сибирской) стрелковой дивизии, с 15 октября 1918 г. помощник командира 1-го стрелкового Сибирского корпуса, с 27 октября 1918 г. начальник корпусного округа, с 11 декабря 1918 г. главный начальник Самаро-Уфимского края, с 15 апреля 1919 г. и. д. начальника Военно-административного управления района Западной армии, с 5 августа 1919 г. в распоряжении главнокомандующего Восточным фронтом, с 17 августа 1919 г. начальник 7-й Сибирской стрелковой дивизии, с 10 октября 1921 г. командующий Сибирским стрелковым полком, затем командир 1-го отдельного Сибирского стрелкового полка, с 23 марта 1922 г. командир 3-й отдельной стрелковой бригады, с 15 мая 1922 г. командир 1-й стрелковой бригады. Участник Хабаровского похода и рейда в Якутию в 1922—1923 гг. Генерал-майор (с 13 августа 1918 г.). В эмиграции в Китае. Умер после 1945 г.

<sup>125</sup> **Башилов Петр Петрович (2-й)**. Тайный советник, уфимский губернатор. В белых войсках Восточного фронта. В 1919 г. помощник губернатора Урала. Убит в 1919—1920 гг.

<sup>126</sup> **Вырыпаев Василий Осипович**, р. 18 декабря 1891 г. Коммерческое училище в Самаре. Капитан 5-го конно-артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в подпольной организации в Самаре, с июня командир 1-й отдельной конной батареи Народной армии. Полковник. В эмиграции с 1922 г. в Китае и с 1923 г. в Австралии, с сентября 1929 г. в США (Сан-Франциско), сотрудник журнала «Военная Быль». Умер после 1967 г.

<sup>127</sup> Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. 1964. Август—ноябрь. № 35—38.

<sup>128</sup> **Сукин Николай Тимофеевич**, р. в 1878 г. Из дворян. Офицер с 1899 г., академия Генштаба. Полковник Оренбургского казачьего войска. В январе 1918 г. арестован за агитацию против войскового атамана. В белых

войсках Восточного фронта; с 24 декабря 1918 г. командир 6-го Уральского корпуса, с 18 августа 1919 г. в распоряжении ВГК, с 30 августа 1919 г. в резерве чинов при управлении 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, затем командир 2-го Уфимского армейского корпуса. Участник Сибирского Ледяного похода, до середины февраля 1920 г. начальник Северной колонны 2-й армии. С лета 1920 г. начальник штаба главкома всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. Орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами (20 апреля 1919 г.). Генерал-майор (30 августа 1918 г.). В эмиграции в Китае, вернулся в СССР. Умер после 1937 г.

<sup>129</sup> **Прибылович Виктор Николаевич**, р. в 1878 г. Офицер с 1898 г. Полковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; и. д. инспектора артиллерии 1-го Волжского армейского корпуса, с 29 марта 1919 г. полевой инспектор артиллерии фронта. Генерал-майор (с 8 марта 1919 г.).

<sup>130</sup> **Мейбом Федор Федорович**. Владимирское военное училище (1914). Штабс-капитан, командир батальона 497-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; к лету 1918 г. в офицерской организации в Казани и партизанском отряде, затем рядовой в 1-й офицерской роте в Казани, командир офицерского взвода, командир 1-го батальона и заместитель командира 1-го Казанского полка Волжской дивизии; в 1919 г. капитан, командир батальона, помощник командира и командир 49-го Сибирского стрелкового полка. Участник Сибирского Ледяного похода. В начале 1920 г. подполковник, командир Отдельной офицерской роты Волжской бригады, командир бронепоезда «Витязь». В эмиграции в США, председатель отдела РОВС в Мичигане. Умер 2 декабря 1978 г. в Лас-Вегасе (США).

<sup>131</sup> Впервые опубликовано: Первопоходник. 1976. Февраль. № 29.

<sup>132</sup> 13-я Сибирская стрелковая дивизия. Составлена из частей 13-й Сибирской кадровой стрелковой дивизии, находившейся в Новониколаевске и его районе; формирование не было полностью закончено, когда в середине июля 1919 г. дивизия была отправлена на фронт в Западную армию и включена в Уфимскую группу. Состав: 49-й, 50-й Арский, 51-й, 52-й (полковник Поляков) Сибирские стрелковые полки. В полках дивизии было по 3800 штыков, а всего в дивизии не менее 12 тысяч человек. В ходе Сибирского Ледяного похода почти полностью растаяла. Например, 49-й Сибирский полк, войдя в Щегловскую тайгу в составе 680 штыков, перешел Байкал в числе 265 штыков при 38 офицерах (по приходе в Забайкалье насчитывал 200 человек, из которых 45 офицеров). В Забайкалье из остатков офицеров дивизии была сформирована «офицерская рота имени генерала Каппеля» при Волжской бригаде, достигшая вскоре 100 штыков и преобразованная в отряд. Начальник — генерал-майор А.П. Зоценко.

<sup>133</sup> **Сахаров Николай Павлович**, р. в 1893 г. в Муроме. Муромское реальное училище (1911). Прапорщик запаса (1912), студент Московского сельскохозяйственного института. Подполковник 9-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. Член Союза защиты Родины и Свободы. Летом 1918 г. командующий Восточным отрядом Северной Добровольческой армии (Муром). Руководитель восстания в Муроме 8—9 июля 1918 г. В белых войсках Восточного фронта; начальник Арского боевого участка Казани, с лета

1918 г. полковник, затем командир 3-го Казанского (потом 50-го Арского) стрелкового полка, затем командир Волжской дивизии; в начале 1919 г. начальник Симбирской пехотной дивизии, с сентября 1919 г. помощник начальника 1-й Самарской стрелковой дивизии, с 6 ноября 1919 г. начальник той же дивизии, с декабря 1919 г. командир Волжской бригады 3-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода; с марта 1920 г. командир Отдельной Волжской бригады, с 1 по 13 июня 1921 г. начальник гарнизона Владивостока, с 25 августа 1921 г. командир Поволжской бригады. Участник Хабаровского похода, в декабре 1921 г. начальник колонны (5-го повстанческого отряда), с августа 1922 г. снова командир Поволжской бригады, в сентябре—ноябре 1922 г. командир Приволжского стрелкового полка. Генерал-майор (23 августа или 10 апреля 1919 г.). В эмиграции в Китае, к 1941 г. в Шанхае, после 1949 г. в США. Умер в 1951 г. в Сан-Франциско.

<sup>134</sup> **Зоценко Александр Петрович**, р. в 1868 г. Константиновское военное училище (1889). Полковник. В белых войсках Восточного фронта с 5 марта 1919 г. начальник 3-й кадровой дивизии Омского военного округа, затем начальник 2-й Степной Сибирской кадровой стрелковой дивизии, с 17 марта 1919 г. генерал-майор, с 19 марта, в августе 1919 г. начальник 13-й Сибирской кадровой стрелковой дивизии; с 14 марта, на 3 мая 1919 г. также начальник гарнизона Новониколаевска. Участник Сибирского Ледяного похода; в 1920 г. генерал для поручений при командире 3-го стрелкового корпуса, с 16 октября 1921 г. генерал для поручений при командующем войсками Временного Приамурского правительства. В октябре 1922 г. при эвакуации Приморья глава всех семейных групп во Владивостоке. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, в 1930 г. в Харбине.

<sup>135</sup> Впервые опубликовано: Первопоходник. 1974. Февраль—апрель. № 17—18.

<sup>136</sup> **Молчанов Викторин Михайлович**, р. 23 января 1886 г. в Чистополе. Сын чиновника. Елабужское реальное училище, Алексеевское военное училище (1906). Подполковник, командир 3-й отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В белых войсках Восточного фронта; в августе 1918 г. руководитель восстания в Елабужском уезде, затем начальник партизанского отряда в том же уезде (до 9000 вооруженных повстанцев), затем переформированного в 32-й Прикамский стрелковый полк. С февраля (января) 1919 г. полковник, командир Ижевской бригады, затем начальник Ижевской дивизии, с марта 1920 г. командир 3-го стрелкового корпуса, с августа 1922 г. командир Поволжской группы. Генерал-майор (с марта по апрель 1919 г.). В эмиграции в США. Умер 10 января 1975 г. в Сан-Франциско.

<sup>137</sup> Впервые опубликовано: Первопоходник. 1974. Июнь—август. № 19—20.

<sup>138</sup> 2-я Уфимская кавалерийская дивизия. Образована 2 ноября 1918 г. из Уфимской кавалерийской бригады (полки которой были созданы летом 1918 г. на Урале). С 9 января 1919 г. временно вошла в состав 2-го Уфимского армейского корпуса Западной отдельной армии. В конце мая при реорганизации армии дивизия вошла в состав Уральской группы. С 26 июля

1919 г. входила в состав Конной (Южной конной) группы 2-й армии, с 16 августа — конной группы Сводного казачьего корпуса. Состав: драгунский (бывший 1-й Русско-чешский отдельный кавалерийский партизанский отряд), гусарский, уланский и казачий (командир — Ридигер), Уфимские полки и 2-й конно-артиллерийский дивизион. Офицерский состав состоял в большинстве из пехотных офицеров, солдаты — в основном татары и башкиры, однако, уступая в выправке, дивизия почти не отличалась от 1-й кавалерийской по боевым качествам. Понесла большие потери и по прибытии в Читу была сведена в Уфимский гусарский (кавалерийский) полк (полковник Зеленцов), насчитывавший до 450 сабель и вошедший в состав 2-й Уфимской стрелковой дивизии, а в Приморье — в Сводно-кавалерийский полк. Начальники: полковник Павлов (врид; 22 ноября — 7 декабря 1918 г.), генерал-майор Джунковский (20—21 апреля, 3—8 мая, 14 мая — 20 июля 1919 г.), подполковник Петрушевский (врид; 22—29 апреля 1919 г.), подполковник Левшиновский (врид; 30 апреля — 2 мая, 9—13 мая 1919 г.), генерал-майор князь Кантакузен (с 18 октября 1919 г.).

<sup>139</sup> **Люпов Сергей Николаевич**, р. в 1870 г. В службе с 1889 г., офицером с 1892 г., академия Генштаба. Генерал-лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; в самом начале Белого движения возглавлял «Штаб вооружения Народной армии Уфимской губернии», с 7 августа 1918 г. начальник 3-й стрелковой дивизии Народной армии, начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, 30 сентября 1918 г. — 6 января 1919 г. командир Уфимского (потом 2-го Уфимского) армейского корпуса, затем в распоряжении Верховного главнокомандующего, с 19 июля 1919 г. командир Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. В эмиграции в 1928 г. в Харбине, председатель Дальневосточного общества ревнителей военных знаний.

<sup>140</sup> **Сахаров Гавриил Иванович**. Полковник 190-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; на 15 августа 1918 г. командир 13-го Уфимского стрелкового полка Народной армии. Ранен под Стерлитамаком в конце июля 1918 г.; летом 1919 г. командир бригады, помощник и врид начальника 4-й Уфимской стрелковой дивизии, затем генерал для поручений при штабе 3-го стрелкового корпуса. Генерал-майор (с 22 июня 1919 г.).

<sup>141</sup> **Джунковский Степан Степанович**, р. 18 августа 1868 г. Пажеский корпус (1888). Генерал-майор, командир л.-гв. Драгунского полка, командир бригады 16-й кавалерийской дивизии, командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 13 ноября 1918 г. на учете при управлении начальника гарнизона г. Омска, с 28 ноября 1918 г. начальник 2-й Уфимской кавалерийской дивизии (13 января — 23 марта 1919 г. одновременно врид командира 2-го Уфимского армейского корпуса), которую возглавлял и в Сибирском Ледяном походе; в апреле 1920 г. генерал для поручений при командующем войсками Российской восточной окраины, на 8 января 1922 г. в управлении КВЖД (работал в агентстве 8-го участка коммерческой части КВЖД), председатель Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. Генерал-лейтенант (12 мая 1919 г.). В эмиграции во Франции. Умер 20 августа 1926 г. в Париже.

<sup>142</sup> Воспоминания Д.М. Михайлова публикуются ниже.

<sup>143</sup> **Багиянц Яков Богданович**. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта; в январе—марте 1919 г. командир эскадрона Ижевского дивизиона, с весны 1919 г. командир Ижевского конного дивизиона, в декабре 1919 г. поручик. Участник Сибирского Ледяного похода. В январе 1922 г. командир батальона Ижевского полка. Подполковник. Полковник. В эмиграции в Китае. Убит хунхузами 9 марта 1936 г. в Сан-Сине (Шитоухеэцзы) на Сунгари.

<sup>144</sup> Воспоминания А.Г. Ефимова публикуются ниже.

<sup>145</sup> **Бырдin Евгений Яковлевич**, р. в 1876 г. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; на 15 августа 1918 г., февраль 1919 г. командир 14-го Уфимского стрелкового полка Народной армии, который сформировал и стал его первым командиром. 14 сентября — 4 октября 1919 г. начальник 7-й Уральской горных стрелков дивизии; с 29 сентября 1920 г. интендант Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 г. главный начальник снабжений войск Приамурского Временного правительства, затем до 14 июня 1922 г. начальник снабжений военно-морского ведомства. Генерал-майор (с лета 1920 г.). В эмиграции в Китае. Умер около 24 мая 1927 г. в Харбине.

<sup>146</sup> **Ефимов Авенир Геннадьевич**, р. 19 октября 1888 г. Симбирский кадетский корпус (1907), Николаевское инженерное училище (1910). В белых войсках Восточного фронта со взятия Казани. Участник Ижевско-Воткинского восстания. В сентябре—октябре 1918 г. командир Ижевского стрелкового полка. По окончании курсов военного времени академии Генштаба — в штабе 2-го Уфимского корпуса, с 24 февраля 1919 г. начальник штаба Ижевской бригады, капитан, затем Ижевской дивизии, с 11 декабря 1919 г. командир Ижевского конного полка, с 12 марта 1920 г. командир Ижевского полка, с 25 августа 1921 г. командир Ижевско-Воткинской бригады и колонны в Хабаровском походе, в сентябре 1922 г. командир Прикамского стрелкового полка. Полковник. В эмиграции в 1923 г. в Гирине и Шанхае, затем в 1932 г. в США. Член Общества Ветеранов, редактор «Вестника Общества Ветеранов Великой войны в Сан-Франциско», с 1967 г. сотрудник журнала «Военная Белья». Умер 25 апреля 1972 г. в Сан-Франциско (США).

<sup>147</sup> Впервые опубликовано: *Ефимов А.Г.* Ижевцы и Воткинцы (борьба с большевиками 1918—20 гг.). Сан-Франциско, 1974.

<sup>148</sup> **Юрьев Георгий Николаевич**. Из дворян Киевской губ. Михайловское артиллерийское училище. Штабс-капитан 5-й артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта; один из руководителей Воткинского восстания, в августе 1918 г. командир Ижевско-Воткинского отряда, затем командующий Сводной Воткинской дивизией, с 2 сентября 1918 г. начальник штаба частей Народной армии Воткинского района, с 20 октября 1918 г. командующий Прикамской армией, с 3 до 11 января 1919 г. и с марта до октября 1919 г. начальник 15-й Воткинской стрелковой дивизии, затем помощник начальника дивизии Морских стрелков. Орден Св. Георгия 4-й ст. Полковник (с января 1919 г.). Погиб осенью 1919 г. в районе ст. Кемчуг.



<sup>149</sup> **Тимонов Михаил Иванович (Тиманов)**, р. 5 февраля 1863 г. В службе с 1882 г., офицером с 1884 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; с 13 июля 1918 г. командующий войсками Народной армии Уфимской губ., на 15 августа, до 24 ноября 1918 г. начальник 4-й стрелковой дивизии, затем генерал для поручений при командующем Самарской группой, с 1 января, на апрель 1919 г. генерал для поручений при командующем Западной армией, летом—осенью 1919 г. помощник начальника снабжений той же армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Германии, в 1922—1924 гг. редактор журнала «Война и мир» в Берлине.

<sup>150</sup> **Вологдин Владимир Петрович**, р. 28 апреля 1886 г. Морское инженерное училище (1893). Капитан 2-го ранга, инженер-механик. В белых войсках Восточного фронта; до февраля 1919 г. начальник штаба Прикамской армии и Воткинской дивизии. Генерал-майор флота. В эмиграции во Франции, в 1924—1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. Умер 2—3 марта 1951 г. в Париже.

<sup>151</sup> **Болонкин Андрей Лаврентьевич**, р. 30 сентября 1893 г. в Вятской губ. Из рабочих Воткинского завода. Поручик. В белых войсках Восточного фронта. Участник Воткинского восстания, в августе 1918 г. командир батальона, начальник Мишкинского боевого участка, в конце сентября — октябре назначен командовать Шарканским фронтом Воткинской Народно-Революционной армии; с ноября 1918 г. штабс-капитан, с ноября 1918 г. до 1 января 1919 г. командир 4-го Воткинского полка, с июня 1919 г. командир батальона Воткинской дивизии. Тяжело ранен, остался за линией фронта и через год присоединился к своей части в Забайкалье, в январе 1922 г. помощник командира Воткинского полка. Подполковник. В эмиграции с 1922 г. в Китае (в 1923 г. в Гирине), с 1923 г. в Австралии (Брисбен, с 1929 г. Сидней). Участник монархического движения. Умер 9 октября 1970 г. в Сиднее (Австралия).

<sup>152</sup> **Мудрынин Григорий Ильич**. Из рабочих Воткинского завода. Поручик (штабс-капитан), курсовой офицер Одесской школы прапорщиков. В белых войсках Восточного фронта. Участник Воткинского восстания, руководитель организации Воткинской Народно-Революционной армии, 17 августа 1918 г. начал формировать 2-ю роту, начальник Бабкинского боевого участка, в начале сентября 1918 г. капитан, командир 1-го Воткинского Заводского 17-го августа стрелкового полка, в 1919 г. командир 1-й бригады Воткинской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 октября 1920 г. в Воткинском стрелковом полку. Полковник.

<sup>153</sup> **Гривин Петр Петрович**. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. формировал Иркутскую дружину, осенью 1918 г. начальник 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии, с 31 января 1919 г. генерал-майор, с февраля 1919 г. командир Восточно-Сибирского армейского корпуса, на 9 мая 1919 г. командир 4-го Сибирского армейского корпуса, с 20 июля до ноября 1919 г. командующий Северной группой 2-й армии. Генерал-лейтенант. Застрелен за отказ выполнить приказ командующего 2-й армией 26 ноября 1919 г.

<sup>154</sup> **Ванюков Виктор Васильевич**. Полковник 94-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в отряде Орлова

на Дальнем Востоке, осенью 1918 г. командир 47-го Тагильского стрелкового полка в Екатеринбурге (выступил на фронт 9 декабря 1918 г.), с 20 марта и на 4 июня 1919 г. начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии до осени 1919 г. Генерал-майор (с 14 февраля 1919 г.). В эмиграции к 1932 г. в Китае.

<sup>155</sup> **Казагранди Николай Николаевич**. Штабс-капитан инженерных войск. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. организатор и командир 1-го партизанского офицерского отряда в Омске, в июне 1918 г. командир боевой колонны 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии (подполковник); на 9 мая 1919 г. командир 16-го Ишимского Сибирского стрелкового полка, с 26 марта (22 апреля — 22 июля) 1919 г. начальник 18-й Сибирской стрелковой дивизии. Затем командир отряда во 2-й армии, в начале 1920 г. — отряда в Северной группе. Участник Сибирского Ледяного похода. Полковник (1919). С мая 1921 г. начальник офицерского отряда (бывший Корюхина) в Монголии. Арестован и расстрелян в июле 1921 г. на хребте Эгин-Дабан.

<sup>156</sup> **Ткачев Константин Макарович**. Сын подполковника. Офицер л.-гв. 2-го стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; формировал 3-й Уральский кадровый горных стрелков полк, затем командир бригады 11-й Уральской стрелковой дивизии, в июле 1919 г. начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, генерал для поручений при командующем 3-й армией. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-майор. В эмиграции в Китае, на 1920 г. в Харбине, на 8 января 1922 г. член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. Умер 22 марта — 4 апреля 1927 г. в Харбине.

<sup>157</sup> **Челябинская инструкторская школа**. Сформирована на Восточном фронте в марте 1919 г. Летом в боях у Челябинска школа в составе около 400 штыков приняла участие в боях и после боя у д. Муслюмово, понесла огромные потери, была расформирована.

<sup>158</sup> **Москаленко Митрофан Иванович**, р. 2 июня 1877 г. в Харьковской губ. Борисоглебская гимназия, Чугуевское военное училище (1902), академия Генштаба (1918). Полковник, слушатель академии Генштаба. В белых войсках Восточного фронта с августа 1918 г. в Казани (перешел от красных с академией), с 21 декабря 1918 г. врид начальника штаба Уфимского отдельного корпуса, с 1919 г., в июле 1919 г. начальник Челябинской инструкторской школы. Взят в плен в декабре 1919 г. под Красноярском. Остался в СССР, преподаватель военных школ в Москве. В 1931 г. осужден в Москве на 10 лет лагерей по делу «Весна».

<sup>159</sup> **Панов В.М.** Академия Генштаба. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; в октябре 1919 г., феврале—марте 1920 г. командир 2-й Оренбургской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода, в начале 1920 г. командир Оренбургской казачьей бригады 3-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии, с 18 ноября 1920 г., в начале 1921 г. начальник Сводной казачьей дивизии, весной и до лета 1921 г. командир Оренбургской казачьей бригады, к 15 июня 1922 г. генерал для поручений при командующем войсками и флотом Временного Приамурского правительства. Умер до 1952 г.



<sup>160</sup> **Редько Михаил Ефимович**, р. в 1872 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник, военный инженер, командир бригады 117-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; в январе 1919 г. инспектор инженерной части Приамурского военного округа, с 23 апреля 1919 г. генерал для поручений Главного инженерного управления, в июле 1919 г. командир отряда Северной группы 2-й армии, с 28 июля 1919 г. генерал для поручений при Верховном главнокомандующем, с 23 августа 1919 г. начальник резерва главнокомандующего Восточным фронтом, с 15 сентября 1919 г. командующий Тобольской группой войск. Участник Сибирского Ледяного похода; с 6 ноября 1920 г. в резерве чинов при штабе сухопутных и морских сил Временного правительства Дальнего Востока, с 27 июня, на 6 июля 1921 г. генерал для поручений при командующем войсками Временного Приамурского правительства. Генерал-майор (21 января 1919 г.).

<sup>161</sup> 7-я Тобольская Сибирская стрелковая дивизия. Сформирована 3 января 1919 г. из 18-го и 20-го полков 5-й Сибирской стрелковой дивизии и 6-го и 7-го Степных кадровых полков как 7-я Сибирская (с 4 октября 1919 г. — Тобольская). 8 февраля 1919 г. в состав дивизии вошли Верхотурский (бывший батальон капитана Куренкова) и 8-й Сибирский кадровый полки, 28 февраля полки дивизии получили новые номера и наименования. Входила в 3-й Степной Сибирский армейский корпус. Состав: 25-й Тобольский, 26-й Тюменский (ранее — 20-й, бывший 8-й Степной), 27-й Верхотурский, 28-й Ялуторовский (бывший 8-й Сибирский кадровый, сформированный 20 февраля 1919 г.; капитан Онушкевич) Сибирские стрелковые полки, 7-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион. Сибирский инженерный дивизион и 7-й тыловой кадровый полк (полковник Осипов). 6 октября 1919 г. вошла в состав Тобольской отдельной группы генерала Редько. В начале января 1920 г. часть дивизии попала в плен в районе Мариинск—Красноярск. Начальники: полковник Черкасов (6 января — 24 мая 1919 г.), подполковник (полковник) Булатов (врид; 25 мая — 3 июня 1919 г.), полковник (генерал-майор) Борзиловский (3 сентября — 17 октября 1919 г.), полковник Франк (с 18 октября 1919 г.). Начальники штаба: капитан Перестай (8—10 февраля 1919 г.), капитан Зуев, штабс-капитан Феофилов (3 сентября — 6 октября 1919 г.).

<sup>162</sup> **Михайлов Дмитрий Михайлович**, р. в 1888 г. в Мариамполе Сувалякской губ. Виленское военное училище (1914). Поручик, командир батальона 46-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; участник Ижевского восстания, в январе 1919 г. — июле 1920 г. командир 1-го Ижевского стрелкового полка в Сибирской армии, в августе—октябре 1919 г. капитан, затем полковник. В эмиграции в Китае (Харбин), в 1928 г. в китайской армии, после 1963 г. в Аргентине. Умер 8 мая 1979 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

<sup>163</sup> Впервые опубликовано: Первопоходник. 1972. Октябрь. № 9.

<sup>164</sup> **Акулинин Иван Григорьевич**, р. 12 января 1880 г. Из казаков ст. Урядинской Оренбургского казачьего войска. Оренбургское военное училище (1902), академия Генштаба (1913). Полковник главного управления Генерального штаба, в 1917 г. помощник войскового атамана Оренбургского

казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с декабря 1917 г. зам. председателя Войскового правительства, с июня 1918 г. командующий войсками Оренбургского военного округа и с 19 октября 1918 г. главный начальник того же округа, с 7 марта по 24 мая 1919 г. командир 2-го Оренбургского казачьего корпуса Оренбургской армии, в 1919 г. начальник штаба походного атамана Оренбургского казачьего войска, с 17 июля до 11 ноября 1919 г. командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса в Уральской обл., затем через Кавказ и Крым с июня 1920 г. во ВСЮР и Русской армии в отделе генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1 октября 1918 г.; Войсковым кругом Оренбургского казачьего войска утвержден 4 октября 1918 г.). Эвакуирован на корабле «Сцега». В эмиграции в Югославии, затем во Франции. Умер 26 ноября 1944 г. в Париже.

<sup>165</sup> Впервые опубликовано: Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками 1917—1920. Шанхай, 6. г.

<sup>166</sup> **Вагин Александр Николаевич**, р. 26 августа 1884 г. в Киевской губ. Академия Генштаба. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1919 гг. полковник, с июня 1918 г. начальник штаба Оренбургской армии, затем Оренбургского военного округа, с 21 июля 1919 г. и на 15 января 1920 г. начальник штаба Иркутского военного округа. Генерал-майор (1 марта 1919 г.). В эмиграции в Харбине, затем в США, в 1932 г. начальник унтер-офицерских курсов в Сан-Франциско, учредитель и почетный член Русского центра в Сан-Франциско. Умер 18 апреля 1953 г. в Сан-Франциско (США).

<sup>167</sup> **Половников Василий Николаевич**, р. в 1866 г. В службе с 1885 г., офицером с 1896 г. Полковник. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; заместитель председателя Войскового правительства и помощник войскового атамана, с декабря 1917 г. начальник штаба Оренбургского казачьего войска, в июле—октябре 1918 г. начальник военного отдела Оренбургского казачьего войска, с 25 октября 1918 г. начальник штаба Оренбургского казачьего войска и Оренбургского военного округа. Генерал-майор (с июня 1918 г.).

<sup>168</sup> **Ипатович-Горанский Александр Иванович**, р. в 1863 г. В службе с 1882 г., офицером с 1884 г. Генерал-лейтенант, военный инженер, заслуженный профессор Николаевской инженерной академии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. начальник военно-окружного управления, начальник инженеров Оренбургского военного округа, с 4 декабря 1918 г. помощник начальника Главного инженерного управления, с 25 января 1919 г. полевой инспектор по технической части при Верховном главнокомандующем, с 30 октября 1919 г. полевой инспектор инженеров Восточного фронта.

<sup>169</sup> **Исаенко Леонид Федорович**, р. в 1869 г. В службе с 1888 г., офицером с 1891 г. Полковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. начальник артиллерийского управления Оренбургского военного округа, в ноябре 1919 г. командир киргизской сотни бывшего 1-го Оренбургского казачьего корпуса.

<sup>170</sup> **Фомичев Гурьян Макарович.** Из казаков ст. Илецкой Уральско-го казачьего войска. Агроном. С 1917 г., в июле 1918 г. председатель правительства Уральского казачьего войска. Взят в плен и расстрелян весной 1920 г. в Уральске.

<sup>171</sup> **Березовский Ефим Прокофьевич,** р. 26 декабря 1869 г. в ст. Антоньевской Бийского уезда. Из казаков Сибирского казачьего войска, сын офицера. Сибирский кадетский корпус (1889), Константиновское военное училище (1891). Войсковой старшина, помощник командира 3-го Сибирского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; с 17 июля 1918 г. председатель Войскового правительства и управы, заместитель атамана Сибирского казачьего войска. Полковник (1918). В эмиграции в Китае с августа 1920 г. в Физияне и Харбине. В 1921—1923 гг. член правления Восточного казачьего союза в Харбине, в мае 1923 г. — феврале 1933 г. председатель, до 1935 г. член совета Восточного казачьего союза, глава представительства Сибирского казачьего войска в Зарубежье (1924—1945), редактор газеты и альманаха «Сибирский казак». В августе 1945 г. вывезен в СССР. Умер 6 февраля 1953 г. в лагере под Интой.

<sup>172</sup> **Шишкин Владимир Николаевич,** р. 11 июля 1862 г. Из казаков. 1-й Московский кадетский корпус (1881), Александровское военное училище (1883), Офицерская кавалерийская школа. Генерал-майор, командующий Оренбургской казачьей дивизией. В январе 1918 г. арестован за агитацию против войскового атамана. В белых войсках Восточного фронта; с 10 июля 1918 г. начальник 2-й Оренбургской казачьей дивизии; с 14 июля 1918 г. командующий частями и отрядами, действующими на Верхнеуральском направлении, затем командующий Бузулукской группой Оренбургской армии, с 18 августа 1918 г. заведующий коневодством Оренбургской губернии и войска и Тургайской области, затем начальник 1-й Оренбургской казачьей дивизии, с 14 декабря 1918 г. по 19 февраля 1919 г. командир 4-го Оренбургского армейского корпуса, с 16 февраля по 7 марта 1919 г. командир 2-го Оренбургского казачьего корпуса, затем управляющий Оренбургской губернией, с 1 июня 1919 г. — и. д. начальника отдела конского состава управления 3-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, с 4 июля 1919 г. инспектор ремонтов и конских запасов армий фронта. Генерал-лейтенант. Попал в плен в начале 1920 г.

<sup>173</sup> **Махин Федор Евдокимович.** Академия Генштаба. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с июля 1918 г. в Народной армии (перешел от красных, был командующим 2-й армией); с 15 июля, на 15 августа 1918 г. командующий частями Народной армии Хвалынского района, начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии, командующий Южной группой Народной армии (в направлении на Саратов), с 23 октября по 24 декабря 1918 г. начальник 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии, в ноябре 1918 г. командующий Актюбинской группой Оренбургской армии, с 2 декабря 1918 г. в командировке за границу. Полковник.

<sup>174</sup> **Жуков Гervасий Петрович,** р. в 1861 г. в ст. Магнитной Оренбургской обл. Из дворян Оренбургского казачьего войска. Оренбургская Неплюевская военная гимназия (1880), Александровское военное училище (1882).

Генерал-майор, командир 3-го Оренбургского казачьего полка, командир бригады, начальник 12-й кавалерийской дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с 2 декабря 1918 г. командующий Актюбинской группой Оренбургской армии, с 8 октября 1918 г. командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса, с 1 июня 1919 г. главный начальник Оренбургского военного округа. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Умер в 1940 г. в Шанхае.

<sup>175</sup> 2-й Оренбургский казачий корпус. Сформирован 16 февраля 1919 г. в составе Оренбургской армии. Включал 4-ю и 5-ю Оренбургские казачьи дивизии. 24 мая 1919 г. расформирован с передачей частей в 1-й Оренбургский отдельный казачий корпус. Командиры: генерал-майор В.Н. Шишкин (16 февраля — 7 марта 1919 г.), генерал-майор И.Г. Акулинин (7 марта — 24 мая 1919 г.). Начальник штаба — войсковой старшина А.И. Тушканов.

<sup>176</sup> **Тимашев Леонид Петрович,** р. в 1864 г. Оренбургская военная гимназия (1882), Александровское военное училище (1884), академия Генштаба. Офицер л.-тв. Сводно-Казачьего полка. Генерал-майор, начальник 2-й Оренбургской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; начальник управления учебных заведений военного ведомства Оренбургского военного округа, с марта 1919 г. главный начальник Оренбургского военного округа и помощник войскового атамана Оренбургского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 15 ноября 1918 г.). Взят в плен под Красноярском.

<sup>177</sup> 1-й Оренбургский отдельный казачий корпус. Сформирован 8 октября 1918 г. в составе Оренбургской армии. Включал 1-ю, 2-ю и 4-ю Оренбургские казачьи дивизии и 1-й Оренбургский казачий полк. 4-я дивизия с 16 февраля до 24 мая 1919 г. находилась в составе 2-го Оренбургского казачьего корпуса. Осенью 1919 г. остатки корпуса (около 2 тысяч человек) присоединились к Уральской армии, а часть отступила на восток. Командиры: генерал-майор Жуков (8 октября 1918 г. — 17 июля 1919 г.), генерал-майор И.Г. Акулинин (17 июля — сентябрь 1919 г.). Начальник штаба — есаул Пивоваров.

<sup>178</sup> 1-я Оренбургская казачья дивизия. Сформирована 8 октября 1918 г. в составе 1-го Оренбургского отдельного казачьего корпуса. Включала 7, 8, 13 и 14-й Оренбургские казачьи полки.

<sup>179</sup> 2-я Оренбургская казачья дивизия. Сформирована 8 октября 1918 г. в составе 1-го Оренбургского отдельного казачьего корпуса. Включала 9, 10, 15 и 16-й Оренбургские казачьи полки.

<sup>180</sup> 4-я Оренбургская казачья дивизия. Сформирована 8 октября 1918 г. в составе 1-го Оренбургского отдельного казачьего корпуса. Включала 19, 20, 24 и 25-й Оренбургские казачьи полки. 16 февраля вошла в состав 2-го Оренбургского казачьего корпуса. 18 марта 24-й и 25-й полки были расформированы. 28 марта с расформированием 5-й Оренбургской казачьей дивизии в дивизию переданы 26-й и 28-й полки. 24 мая 1919 г. с расформированием корпуса снова передана в 1-й Оренбургский отдельный казачий корпус (в составе 19, 20, 26 и 28-го полков).

<sup>181</sup> 5-я Оренбургская казачья дивизия. Сформирована 13 января 1919 г. в составе 21, 22, 26 и 28-го Оренбургских казачьих полков. 16 февраля вошла в

состав 2-го Оренбургского казачьего корпуса (28-й полк, к которому присоединились позже: с 24 февраля 26-й, с 5 марта — 23-й, с 9 марта — 21-й полки). 18 марта 23-й полк был расформирован. Расформирована 28 марта 1919 г. с передачей 21-го полка во 2-ю, а 26-го и 28-го полков — в 4-ю Оренбургскую казачью дивизию. Начальники: полковник Крылов (врид; 13 января — 5 марта 1919 г.), полковник Смирнов (6 марта — 3 апреля 1919 г.). Начальник штаба — полковник Пичугин (13 февраля — 3 апреля 1919 г.).

<sup>182</sup> 4-й Оренбургский армейский корпус. Сформирован 5 декабря 1918 г. на базе Бузулукской группы и Оренбургской казачьей пластуной дивизии как Оренбургский армейский в составе 2-й Сызранской, 5-й Оренбургской и 9-й Башкирской стрелковых дивизий; с 3 января 1919 г. — 4-й в составе Отдельной Оренбургской армии. 4 марта 1919 г. передан в состав Южной группы Западной отдельной армии, с 23 мая — Южной армии, с 18 сентября — Оренбургской армии. Состоял из 2-й Сызранской и 5-й Оренбургской стрелковых дивизий и 1-й Отдельной Сводно-казачьей бригады, в марте—апреле 1919 г. — из тех же дивизий 1-й и 3-й Оренбургских казачьих бригад, с мая — из тех же дивизий и 5-й Оренбургской казачьей дивизии, в октябре 1919 г. — из тех же дивизий и 1-й Отдельной Оренбургской казачьей бригады. В январе 1920 г. послужил основой отряда атамана Дутова в Отдельной Семиреченской армии. Командиры: генерал-майор В.Н. Шишкин (5 декабря 1918 г. — 19 февраля 1919 г.), генерал-майор А.С. Бакич (с 19 февраля 1919 г.). Начальники штаба: генерал-майор М.Г. Серов (5 декабря 1918 г. — 16 февраля 1919 г.), генерал-майор Ф.Ф. Одноглазков (16—21 февраля 1919 г.), подполковник И.И. Смольнин-Терванд (с 21 февраля 1919 г.).

<sup>183</sup> На самом деле — 2-я Сызранская стрелковая дивизия. Сформирована 24 июля 1918 г. в Народной армии как 2-я стрелковая из войск Сызранского района. При отходе за Волгу в нее были слиты Южная (в направлении на Саратов; полковник Махин) и Сызранская (прикрывавшая Самару со стороны Пензы; полковник Бакич) группы. Состав: 5-й Сызранский (бывший 1-й Сызранский добровольческий), 6-й Сызранский (бывший 1-й Сызранский регулярный), 7-й Хвалынский (бывший батальон), 8-й Волский стрелковые полки, 2-й Сызранский кавалерийский полк (бывший Сызранский конный отряд), 2-я Сызранская артиллерийская бригада (четыре батареи), 1-й Сызранский и 12-й полевые тяжелые артиллерийские дивизионы, 1-й Кузнецкий отдельный батальон, 1-й Сызранский партизанский отряд, отряд партии меньшевиков — защитников Учредительного собрания, инженерная и автомобильная роты, прожекторный взвод, радиостанция, взвод 3-го авиаотряда. С декабря 1918 г. входила в состав 4-го Оренбургского армейского корпуса. В конце 1919 г. отступила в район Сергиеополя и вошла в состав отряда Оренбургской армии, влитого в Отдельную Семиреченскую армию. Начальники: полковник Ф.Е. Махин (до конца ноября 1918 г.), полковник (генерал-майор) А.С. Бакич. Начальник штаба — подьесаул Финицкий.

<sup>184</sup> 5-я Оренбургская стрелковая дивизия. Сформирована в Оренбурге 3 августа 1918 г. как 5-я стрелковая (с 5 декабря 1918 г. — 5-я Оренбургская). Входила в состав 4-го Оренбургского армейского корпуса. Состав: 18, 19, 20, 21-й стрелковые полки. По плану, очевидно, в состав дивизии пер-

воначально подлежал включению 17-й Стерлитамакский полк, который вошел фактически, а затем и юридически в состав 8-й Камской стрелковой дивизии как 31-й. Начальники: полковник Нейзель (3 августа — 11 декабря 1918 г.), полковник Цюманенко (12—24 декабря 1918 г.), полковник Нейзель (4 января — 14 июня 1919 г.), подполковник Никитин (15 июня — 16 августа 1919 г.). Начальники штаба: подполковник (полковник) Шапошников (10 августа — 10 ноября 1918 г., 2 января — 24 февраля, 2 марта — 13 мая 1919 г.), капитан Чаушанский (9 ноября — 31 декабря 1918 г.), капитан Колесников (14 мая — 3 июля 1919 г.).

<sup>185</sup> Бакич Андрей Степанович. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командовал Сызранской группой Народной армии (прикрывавшей Самару со стороны Пензы), при отходе за Волгу — на 15 августа 1918 г. начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии; с 19 февраля 1919 г. командир 4-го Оренбургского армейского корпуса. Генерал-майор. В эмиграции с марта 1920 г. в Китае. Возглавил «Голодный поход» остатков Оренбургской армии в Монголию. Весной 1921 г. взят в плен и расстрелян в Иркутске.

<sup>186</sup> Южная группа. Окончательно сформирована 24 марта 1919 г. Входила в состав Западной отдельной армии. Состояла из 4-го Оренбургского армейского и Сводного (позже 5-го) Стерлитамакского корпусов и 9-й Башкирской дивизии (бывший Башкирский корпус), а также стрелковый полк им. гетмана Сагайдачного. Насчитывала около 7 тысяч штыков, 5,8 тысячи сабель, 143 пулемета и 15 орудий. 23 мая 1919 г. вошла в состав Южной армии. Командующий — генерал-майор П.А. Белов. Начальник штаба — полковник Тонких.

<sup>187</sup> 5-й Стерлитамакский армейский корпус. Формировался с 3 февраля 1919 г. из 3-го пластуного и 22-го Оренбургского казачьих полков, Стерлитамакского гарнизона и башкирской роты как Сводный Стерлитамакский корпус (с 26 апреля — 5-й Стерлитамакский армейский). В марте 1919 г. передан в состав Южной группы Западной отдельной армии, с 23 мая — Южной армии, с 18 сентября — Оренбургской армии. Состоял из Сводной Оренбургской и Сводной Уральской (с 26 апреля 1919 г. — 9-й и 10-й), 25 мая получивших наименования 9-й Стерлитамакской и 10-й Верхнеуральской горных стрелков дивизий. Прекратил существование в октябре 1919 г. после боев под Орском и Актюбинском. Остатки его — 34-й Ашкадарский и 37-й Миасский горных стрелков полки — отступили на соединение с Уральской армией. Командиры: генерал-майор В.И. Печенкин, генерал-майор Бобрик (врид; 2 апреля — 10 мая 1919 г.), генерал-майор Церетели (10 мая — 23 июля 1919 г.), генерал-майор А.В. Эллерц-Усов (с 23 июля 1919 г.). Начальники штаба: генерал-майор П.А. Белов (с 23 февраля 1919 г.), подполковник Молотов (с 10 мая 1919 г.).

<sup>188</sup> В состав 11-го Яицкого армейского корпуса входили 21-я Яицкая стрелковая дивизия и 29-й Оренбургский казачий полк (или два полка 20-й дивизии).

<sup>189</sup> В состав Сводно-Туркестанского корпуса входили Оренбургская пластуная дивизия, 42-й Троицкий и 24-й Уральский и 1-й Линейный казачий полки.

<sup>190</sup> **Эллерц-Усов Александр Васильевич**, р. в 1875 г. В службе с 1896 г., офицером с 1900 г. Полковник, командир 58-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; с января 1918 г. член Иркутской военной организации, с 30 января начальник отряда, с 11 мая командующий подпольным Восточно-Сибирским военным округом. 17 июля — 25 декабря 1918 г. главный начальник Иркутского военного округа, одновременно 10 сентября — 18 декабря 1918 г. командир 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 23 июля 1919 г. командир 5-го Стерлитамакского армейского корпуса Южной армии. Генерал-майор (с 18 сентября 1918 г.).

<sup>191</sup> **Галкин Николай Александрович**. Подполковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 г. глава подпольной организации в Самаре. С 8 июня 1918 г. начальник главного штаба и командующий Народной армией, с 28 июля — управляющий военным ведомством Комуца, с июня 1919 г. командир 11-го армейского корпуса в Южной армии, в августе 1919 г. начальник группы Южной армии. Генерал-майор.

<sup>192</sup> **Масянов Леонтий Лукьянович**. Оренбургское военное училище (1917). Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии. 17/4 мая 1919 г. назначен в Уральский конный полк, затем в Чижинском полку 6-й дивизии Уральского казачьего войска. Участник похода в Иран. Хорунжий. В эмиграции в 1930 г. в Париже, затем в США. Умер после 1963 г.

<sup>193</sup> Впервые опубликовано: *Масянов А.А.* Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963.

<sup>194</sup> **Рыбинсков Александр Прохорович**. Из казаков ст. Илецкой Уральского казачьего войска. Хорунжий. В белых войсках Восточного фронта; в марте 1918 г. участник восстания в ст. Илецкой. Осенью 1925 г. в составе Терско-астраханского казачьего полка в Болгарии.

<sup>195</sup> **Мартынов Матвей Филаретович**, р. 16 мая 1881 г. на хуторе Мартынова ст. Каменской Уральского казачьего войска. Уральское войсковое реальное училище (1901), Московское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командир 3-го Уральского казачьего полка. Участник похода генерала Крымова на Петроград. В начале 1918 г. сформировал из состава полка добровольческую Уральскую сотню и направился с ней на помощь астраханским казакам. 19 февраля 1918 г. до начала июня 1918 г. командующий войсками Уральской области и Уральского казачьего войска (избран Войсковым съездом), 13 июня 1918 г. направлен с особым отрядом в Самару для установления контакта с чехословаками и Комуцем, с июля 1918 г. генерал-майор. С 25 июля 1918 г. командующий Шиповским фронтом армии. Тяжело ранен в августе 1918 г. С конца сентября 1918 г. командующий северным Соболевским фронтом, 9—27 ноября 1918 г. временно командующий Уральской армией. Генерал-лейтенант. Ранен 18 ноября у форпоста Красный. С конца ноября 1918 г. командир 2-го Уральского корпуса, в январе 1919 г. начальник обороны Уралья. Тяжело ранен. Умер от ран 31 марта 1919 г. в Гурьеве.

<sup>196</sup> **Мизинов Николай Викторович**, р. в 1862 г. В службе с 1883 г., офицером с 1885 г. Полковник Уральского казачьего войска. В белых войсках

Восточного фронта; в апреле 1918 г. во время восстания уральских казаков возглавил отряд казаков-стариков. Убит в апреле 1918 г. у хутора Халилова.

<sup>197</sup> **Бородин Николай Николаевич**, р. в 1870 г. Офицер с 1891 г. Офицер гвардейской кавалерии. Полковник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; в 1918 г. на Сланихинском фронте, весной, 13 июня 1919 г. командующий Сланихинским фронтом Уральской армии, затем начальник 6-й дивизии Уральской армии. Убит 5 сентября 1919 г. в Абищенске.

<sup>198</sup> **Курин Сергей Гурьевич**. Войсковой старшина, командир 8-го полка Уральского казачьего войска, осенью 1917 г. был избран командиром Сводной казачьей бригады. Георгиевский кавалер. При возвращении с фронта командир отряда из 1-го и 8-го Уральских конных полков в бою с большевиками под Воронежем. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии; командир 1-го учебного полка Учебной конной бригады. Полковник. Убит в мае 1918 г.

<sup>199</sup> **Донсков Виктор Иванович**. Войсковой старшина Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; с весны 1918 г., на 6 апреля 1919 г. командир 1-го Уральского учебного конного полка, к ноябрю 1919 г. начальник школы прапорщиков Уральского казачьего войска. Полковник. Взят в плен и расстрелян в декабре 1919 г. (в феврале 1920 г.) в пос. Прорва.

<sup>200</sup> **Быков Вячеслав Иванович**. Войсковой старшина Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; на 6 апреля 1919 г. командир 3-го Уральского учебного конного полка. Полковник. Убит в 1918 г.

<sup>201</sup> **Арчабников Лавр Павлович**. Сотник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; на 6 апреля 1919 г. в 1-м Уральском учебном конном полку.

<sup>202</sup> **Толстов Владимир Сергеевич**, р. 7 июля 1884 г. Из дворян, сын генерала, казак ст. Гурьевской Уральского казачьего войска. Николаевское кавалерийское училище (1905). Полковник, командир 6-го Уральского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; 23 марта 1919 г. избран войсковым атаманом Уральского казачьего войска с неограниченной властью в соответствии с приговорами станиц и остатков строевых частей армии. Генерал-майор. 21 апреля 1919 г. — в январе 1920 г. командующий Уральской отдельной армией. 20 декабря 1919 г. сложил с себя обязанности войскового атамана и передал власть «Комитету Спасения Войска», оставаясь командующим Уральской отдельной армией. 5 апреля 1920 г. ушел из форта Александровского с отрядом офицеров и казаков из 214 человек (пересекал границу Ирана 4 июня 1920 г. 163 человека). К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). С 1921 г. член Русского Совета генерала Врангеля, с августа 1922 г. председатель правления казачьих войск и помощник Правителя по казачьим войскам. Генерал-лейтенант. В эмиграции с 1923 г. (с 1942 г.) в Австралии. Умер в 1956 г. в Сиднее.

<sup>203</sup> **Яганов Илларион Давыдович**. Из казаков ст. Бударинской Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской

отдельной армии, в 1919 г. подьесаул. Осенью 1925 г. в составе Терско-астраханского казачьего полка в Болгарии. Есаул. В эмиграции во Франции. Умер 31 марта 1960 г. в Париже.

<sup>204</sup> **Моторный Владимир Иванович**, р. в 1883 г. Из дворян, сын генерал-майора. Академия Генштаба (1912). Подполковник, начальник штаба Уральской льготной казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии; летом 1918 г. начальник штаба Шиповского фронта и группы войск, полковник, с 18 (31) марта 1919 г. по апрель 1920 г. начальник штаба Уральской отдельной армии. Генерал-майор (с марта 1920 г.). 23 марта (5 апреля) 1920 г. ушел из форта Александровского с атаманом Толстовым, 18 апреля (1 мая) во главе отряда из 34 офицеров отделился от основной группы и решил из Киндерли двигаться на юг лодками вдоль берега моря. Взят в плен. С 1920-го по 1926 г. в лагерях, затем проживал в Саратове до 1929 г., преподаватель академии ВВС. Расстрелян 10 мая 1931 г. в Москве по делу «Весна».

<sup>205</sup> **Кириллов Анатолий Петрович**. Полковник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; на 6 апреля 1919 г. начальник 1-й Учебной дивизии.

<sup>206</sup> **Сладков Тимофей Ипполитович**. Из дворян, сын полковника, казак ст. Уральской Уральского казачьего войска. Елисаветградское кавалерийское училище. Полковник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; на 6 апреля 1919 г. в Абищенском конном полку, летом 1919 г. командир 6-го Уральского казачьего полка, с 15 на 16 июня командир Северной конной группы 2-й дивизии, затем начальник 2-й конной дивизии, с конца 1919 г. начальник штаба Уральского казачьего войска. Участник похода в Иран.

<sup>207</sup> **Савельев Николай Антонович**, р. 1 ноября 1866 г. В службе с 1885 г. Виленское пехотное юнкерское училище (1888). Генерал-лейтенант, командующий 49-м армейским корпусом. В белых войсках Восточного фронта; прибыл в качестве эmissара Алексеевской организации; с 27 ноября 1918 г. по 21 апреля 1919 г. командующий Уральской отдельной армией, с 21 апреля по 9 августа 1919 г. командующий Уральской группой войск и Уральским казачьим корпусом, в ноябре—декабре 1919 г. член Уральского войскового правительства, помощник атамана по военному ведомству.

<sup>208</sup> **Изергин Михаил Ильич**, р. в 1875 г. в Харьковской губ. Харьковское городское училище, Киевское пехотное юнкерское училище (1899), академия Генштаба (1908). Подполковник, и. д. начальника штаба 23-го армейского корпуса. В 1918 г. в гетманской армии; войсковой старшина, помощник начальника оперативного отдела главного управления Генштаба, 17 августа 1918 г. назначен младшим адъютантом штаба 3-го корпуса. В Вооруженных силах Юга России; в июне 1919 г. послан для связи с Уральской армией, с 13 августа до декабря 1919 г. врид командира 1-го корпуса в Уральской армии. Участник отступления Уральского казачьего войска к форту Александровскому. В Русской армии с октября 1920 г. заведующий передвижением войск. Полковник. В эмиграции во Франции, в 1936 г. инспектор русской гимназии в Ницце. Умер 19 ноября 1953 г. в Курбева (Франция).

<sup>209</sup> **Тетруев Николай Гаврилович**, р. 16 августа 1864 г. Тифлисское реальное училище (1886), офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище (1889), академия Генштаба. Полковник артиллерии. В Добровольческой армии и ВСКОР; в 1919 г. прибыл в Уральскую отдельную армию, командир отряда, защищавшего Гурьев с Астраханского направления.

<sup>210</sup> **Акутин Владимир Иванович**, р. 13 июня 1861 г. Из казаков ст. Уральской Уральского казачьего войска. Оренбургская военная прогимназия (1877), Оренбургское казачье юнкерское училище (1880). Генерал-майор, начальник Уральской льготной дивизии и гарнизона крепости Бобруйск. 29 декабря 1917 г. вернулся в Уральск с бригадой своей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; член правительства Уральского казачьего войска, с начала июня 1918 г. до 9 ноября 1918 г. командующий Уральским военным округом с правами командующего отдельной армией (в сентябре—ноябре 1918 г. командующий Уральской отдельной армией). Смещен решением Войскового съезда в октябре 1918 г. После оставления Уральского перебрался в Калмыково. Выставлял свою кандидатуру на выборах войскового атамана. Затем без должности. С 14 июня 1919 г. командир 2-го Илецкого казачьего корпуса Уральской отдельной армии, в августе 1919 г. начальник частей у Гурьева. Взят в плен 27 декабря 1919 г. в Кызыл-Куче со штабом Илецкого корпуса. Расстрелян в 1920 г. в Москве.

<sup>211</sup> **Загребин Лев Васильевич**, р. в 1870 г. Офицером с 1893 г. Полковник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в марте 1918 г. руководитель Илецкого восстания, в начале апреля 1918 г. послан Уральским войсковым съездом для руководства силами в районе Оренбурга. Генерал-майор. Убит киргизами осенью 1919 г.

<sup>212</sup> **Н.А. Дорошин** — офицер артиллерии. В белых войсках Восточного фронта — в Уральской отдельной армии; в апреле 1918 г. он доставил пушки в г. Илек из пос. Чижиинского. В эмиграции. Умер после 1982 г.

<sup>213</sup> Впервые опубликовано: Голос Зарубежья. 1982. Август—сентябрь. № 25—26.

<sup>214</sup> **Климов Иван Иванович**. Из казаков ст. Глининской Уральского казачьего войска. Произведен в офицеры из вахмистров за боевое отличие (1915). Сотник (1916). В белых войсках Восточного фронта; есаул, помощник войскового атамана Уральского казачьего войска, в начале 1919 г. член Уральского правительства. В декабре 1919 г. командир Гурьевского конного дивизиона, в марте 1920 г. командир 1-го полка Уральского казачьего войска, затем командир взвода в походе в Иран. Войсковой старшина. С июня 1920 г. в Персидской казачьей дивизии, затем начальник персидской кавалерии. В эмиграции в Чехословакии и Франции. Умер 4 сентября 1930 г. в Ницце (Франция).

<sup>215</sup> **Абрамов Николай Митрофанович**, р. в Илецком городке. Из казаков Уральского казачьего войска. Оренбургское военное училище. Подьесаул (есаул) 1-го Уральского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта. С началом боевых действий в марте 1918 г. является их активным участником. До лета 1918 г. произведен в войсковые старшины. Летом 1918 г. в Самаре вел два уральских дивизиона в 4-сотенный Уральский свод-

ный конный полк и вступил в командование им. В феврале 1919 г. член делегации к В.С. Толстому. Из остатков своего полка, лучших офицеров войска, добровольцев других полков, бывших сослуживцев-партизан к 21 марта 1919 г. сформировал Партизанскую отдельную конную бригаду. Командовал ею и 1-м Партизанским полком. 10 мая ранен и эвакуирован в тыл. В начале июня 1919 г. вернулся в строй. В начале июля 1919 г. тяжело ранен. С 29 июля снова командир 1-го Партизанского полка, вскоре произведен в полковники. Осенью 1919 г. заболел тифом и уехал в тыл. С подходом красных к Гурьеву пытался эвакуироваться. Умер в начале января 1920 г. в Прорве.

<sup>216</sup> **Фадеев Павел Андреевич**, р. в 1893 г. Из казаков ст. Илецкой Уральского казачьего войска. Сотник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии; командир 2-й Илецкой сотни Уральского сводного полка. В бою 26 октября 1919 г. лично зарубил 30 человек, за что награжден орденом Св. Архистратига Михаила. С 24 ноября 1919 г. командовал двумя Партизанскими сотнями из остатков 1-го и 2-го Партизанских полков, в марте 1920 г. есаул, командир 2-го полка в форте Александровском, затем командир взвода во время похода в Иран, с июня 1920 г. в Персидской казачьей дивизии. Войсковой старшина. В эмиграции во Франции, к 1963 г. заместитель уральского атамана, член редколлегии журнала «Родимый край». Умер 8 января 1977 г. в Париже.

<sup>217</sup> **Варженский В.** Поручик. В белых войсках Восточного фронта; весной 1919 г. в Чердынском полку Пермской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции. Умер после 1972 г. Оставил воспоминания.

<sup>218</sup> Впервые опубликовано: Первопоходник. 1972. Февраль. № 5.

<sup>219</sup> **Котомкин Александр Ефимович (Котомкин-Савинский)**, р. в 1885 г. Из крестьян. Алексеевское военное училище. Штабс-капитан, в 1917 г. редактор издания Казанского союза увечных воинов «К Свету». В белых войсках Восточного фронта. Полковник. В эмиграции в Германии. Фольклорист, поэт. Умер 26 ноября 1964 г. в Гамбурге.

<sup>220</sup> Впервые опубликовано: Котомкин А. О чехословацких legionерах в Сибири. Париж, 1930.

<sup>221</sup> **Думбадзе Георгий Самсонович**, р. в 1896 г. в Тифлисе. Из дворян, сын офицера. Сибирский кадетский корпус (1914), Александровское военное училище (1914), курсы академии Генштаба (1917). Капитан 141-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. окончил академию Генштаба в Сибирской армии, в распоряжении командующего войсками Енисейской губ. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в США. Умер 24 января 1989 г. в Лос-Анджелесе (США).

<sup>222</sup> Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. 1963. Сентябрь. № 24.

<sup>223</sup> **Бологов Григорий Кириллович**. Сотник Енисейского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 г. командир отряда при подавлении Минусинского восстания, начальник отряда енисейских казаков, действующего против партизан в Енисейской губ., весной 1921 г. командир Енисейского казачьего полка в Гродекове, в декабре 1921 г. — Сводно-Конного полка, в декабре 1921 г. — январе 1922 г. — Енисейско-Сибирского казачьего

отряда, в мае 1922 г. командир Отдельного Енисейского казачьего полка, в сентябре 1922 г. — Сводного Сибирско-Енисейского казачьего полка и Енисейской казачьей дружины. Руководитель Белой борьбы в районе Никольска-Уссурийского после 1922 г. Войсковой старшина. В эмиграции в Шанхае, член Дальневосточного казачьего союза, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку, в 1929—1949 гг. председатель Казачьего союза в Шанхае. После 1949 г. — организатор эвакуации на о. Тубабао, затем в Сан-Франциско (США), руководитель Общеказачьего союза, в 1960 г. член правления ПРЭ. Войсковой старшина. Умер 3 марта 1976 г. в Сан-Франциско.

<sup>224</sup> **Шарпанть Федор Федорович**, р. 8 августа 1874 г. Симбирский кадетский корпус (1893), Константиновское артиллерийское училище (1896), Михайловская артиллерийская академия. Полковник л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, командир л.-гв. 2-го мортирного артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. начальник тяжелой артиллерии особого назначения Народной армии в Самаре, с 25 апреля 1919 г. тяжелой артиллерии особого назначения (в Красноярске), с 8 августа, на 25 октября 1919 г. инспектор по формированию новых частей из французской артиллерии, начальник артиллерийского отряда ТАОН, действующего против партизан в Енисейской губ. В эмиграции в Финляндии. Умер 30 марта 1954 г. в Гельсингфорсе.

<sup>225</sup> **Ромеров Иван Феофанович**, р. в 1887 г. в Вольнске. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. командир 3-го Ставропольского стрелкового полка, затем начальник 13-й Казанской стрелковой дивизии. Действовал против партизан в Енисейской губ., в декабре 1919 г. в 3-й армии. Генерал-майор. Взят в плен и сварен красными в асфальте.

<sup>226</sup> **Гаруца Степан Евдокимович**, р. в 1895 г. Николаевская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Офицер Сибирского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. командир конного дивизиона группы генерала Красильникова, затем командир полка. В эмиграции к 16 августа 1921 г. в Шанхае, с 1937 г. в США, инженер-оптик. Член Общества Ветеранов. Умер 16—17 января 1964 г. в Лос-Анджелесе.

<sup>227</sup> **Зиневич Бронислав Михайлович**, р. в 1874 г. В службе с 1891 г., офицером с 1895 г., академия Генштаба. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. командир 4-го Енисейского стрелкового полка, в 1919 г. в Иркутском военном училище, с 22 июня 1919 г. начальник 2-й Сводной стрелковой дивизии Средне-Сибирского корпуса (с 26 августа 1918 г. — 1-й Сибирской стрелковой дивизии), с 14 июля 1919 г. командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса. Генерал-майор (13 августа 1918 г.). В декабре 1919 г. возглавил мятеж в Красноярске и перешел к красным. Расстрелян красными.

<sup>228</sup> **Ленков Александр Никитич**, р. 22 февраля 1896 г. Штабс-ротмистр. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в марте 1918 г. в офицерской организации в Кургане, участник восстания, с июня 1918 г. в Курганском добровольческом отряде, начальник конного отряда, затем ротмистр. Летом 1919 г. командир конного дивизиона в Южной армии Восточного фронта; затем командир кавалерийского полка в Сибирской

армии. Подполковник. Участник Сибирского Ледяного похода. Участник Хабаровского похода. Полковник (с февраля 1920 г.). В эмиграции в Китае, в 1924—1928 гг. в отряде генерала Нечаева в армии Чжан Цзолина, затем в Тяньцзине и Шанхае, до 1936 г. в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса. К августу 1952 г. в лагере на о. Тубабао, в августе 1952 г. вывезен в Чили, затем в США, член КИАФ. Умер 23 февраля 1975 г. в Сан-Франциско.

<sup>229</sup> Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. 1966. Июнь—июль. № 57—58.

<sup>230</sup> **Марсов Петр.** Тверское кавалерийское училище (1917). Корнет 2-го драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 г. командир гусарского дивизиона в Южной армии. Ротмистр.

<sup>231</sup> Под этим именем здесь выступает автор воспоминаний.

<sup>232</sup> **Манжетный Михаил Михайлович**, р. в 1886 г. Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Ротмистр Отдельного корпуса жандармов, начальник жандармского отделения на ст. Курган. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. командир взвода Курганского добровольческого отряда, затем в партизанском отряде подполковника Смолина, с декабря 1918 г. командир Отдельного конно-егерского дивизиона. Полковник. Осенью 1920 г. остался в Харбине. В эмиграции в Китае, в 1926—1928 гг. в русском отряде генерала Нечаева армии Чжан Цзолина, командир 4-го кавалерийского полка, затем в Пекине и Тяньцзине, с 1949 г. на Филиппинах и в Австралии. Умер в 1959 г.

<sup>233</sup> Впервые опубликовано: Часовой. 1937. Октябрь. № 198.



## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....	3
П. Петров. От Волги до Тихого океана в рядах белых .....	7
К. Сахаров. Белая Сибирь .....	60
Д. Филатьев. Катастрофа Белого движения в Сибири .....	223
Г. Клерже. Гражданская война в Сибири .....	262
Записки белогвардейца .....	325
В. Вырыпаев. Каппелевцы .....	355
Ф. Мейбом. Тернистый путь .....	365
Ф. Мейбом. Гибель 13-й Сибирской стрелковой дивизии в боях под городом Челябинском в 1919 году .....	378
В. Молчанов. Борьба на Востоке России и в Сибири .....	399
А. Ефимов. Ижевцы и воткинцы .....	423
Д. Михайлов. Как воевали ижевцы, покинув заводы .....	500
И. Акулинин. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками ...	502
Л. Масянов. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками .....	534
Н. Дорошин. Уральское казачье войско .....	556
В. Варженский. Кудесник .....	568
А. Котомкин. О чехословацких легионерах в Сибири .....	575
Г. Думбадзе. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну .....	582
А. Ленков. Никита Львов .....	587
М. Манжетный. Иртыш — воля Божья .....	592
Комментарии .....	597